

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Балута Анастасия Анатольевна

Особенности исторического развития грамматических форм глагола
в индоевропейских и семитских языках
(на материале глагольных имен)

Специальность 10.02.20 –
«Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание»

Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук, профессор
МАРИНА НИКОЛАЕВНА ЛЕВЧЕНКО

Москва – 2015

Оглавление

Введение.....	8
Глава 1. История возникновения глагольных имен в индоевропейских и семитских языках.....	24
1.1. Общее определение понятия глагольного имени и его субстрата для индоевропейских и семитских языков.....	24
1.2. Синтетическая предикативность структуры высказывания в древних языках.....	32
1.3. Предпосылки формирования глагольных имен в древних языках.....	42
1.4. Направления исторического развития индоевропейских и семитских языков в области преобразования глагольных имен.....	49
1.5. Классификация глагольных имен в контексте «восточного» и «западного» направлений развития языков.....	54
Выводы по главе 1.....	63
Глава 2. Древнейшие глагольные имена-субстантивы и их преобразования в индоевропейских и семитских языках.....	66
2.1. Характеристика инфинитива как именной формы глагола.....	66
2.1.1. Предпосылки формирования инфинитива в древнейших дешифрованных языках.....	66
2.1.2. Инфинитив в древних и новых индоевропейских языках: типологический обзор.....	69
2.1.3. Инфинитив в древних и новых семитских языках: типологический обзор.....	100
2.1.4. Особенности употребления инфинитива в санскрите (в сопоставлении с латинским и древнегреческим языками).....	108
2.1.5. Особенности употребления инфинитива в санскрите (в сопоставлении со старославянским языком).....	115

2.1.6. Хеттский инфинитив на -цаг- в контексте индоевропейских и семитских аналогий.....	122
2.1.7. Хеттский инфинитив на -appa- в контексте индоевропейских и семитских аналогий.....	127
2.1.8. Грамматический статус инфинитива в идише в сопоставлении с индоевропейскими и семитскими языками.....	132
2.1.9. Понятие «абсолютный инфинитив» в древнегреческом и древнееврейском языках.....	137
2.1.10. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления инфинитива в индоевропейских и семитских языках (на материале библейского текста).....	143
2.2. Характеристика герундия как именной формы глагола.....	150
2.2.1. Предпосылки формирования герундия в древнейших дешифрованных языках.....	150
2.2.2. Герундий в древних и новых индоевропейских языках: типологический обзор.....	152
2.2.3. Передача значений латинского герундия в русском, церковнославянском и греческом языках.....	155
2.2.4. Примеры интерпретации латинского герундия в Евангелии от Матфея.....	159
2.2.5. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления герундия в индоевропейских и семитских языках (на материале библейского текста).....	167
2.3. Характеристика супина как именной формы глагола.....	171
2.3.1. Предпосылки формирования супина в древнейших дешифрованных языках.....	171
2.3.2. Супин в древних и новых индоевропейских языках: типологический обзор.....	172

2.3.3. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления супина в индоевропейских и семитских языках (на материале библейского текста).....	176
2.4. Характеристика имени действия / деятеля.....	180
2.4.1. Предпосылки формирования имени действия / деятеля в древнейших дешифрованных языках.....	180
2.4.2. Имя действия / деятеля в древних и новых индоевропейских и семитских языках: типологический обзор.....	181
2.4.3. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления имени действия / деятеля в индоевропейских языках (на материале библейского текста).....	186
Выводы по главе 2.....	189
Глава 3. Древнейшие глагольные имена-адъективы и их преобразования в индоевропейских и семитских языках.....	195
3.1. Характеристика причастия как именной формы глагола.....	195
3.1.1. Предпосылки формирования причастия в древнейших дешифрованных языках.....	195
3.1.2. Причастие в древних и новых индоевропейских языках: типологический обзор.....	198
3.1.3. Причастие в древних и новых семитских языках: типологический обзор.....	242
3.1.4. Предикативная функция русского причастия на -л- в контексте истории индоевропейских и семитских языков.....	247
3.1.5. Синтаксические функции причастия с суффиксом -kta- в санскрите.....	257
3.1.6. Особенности предикативного употребления причастий в литовском языке.....	260
3.1.7. Грамматический статус Partizip в идише в сопоставлении с индоевропейскими и семитскими языками.....	261

3.1.8. Особенности перевода древнееврейских причастий в греческом, латинском, церковнославянском и русском языках (Ветхий Завет).....	270
3.1.9. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления причастий в индоевропейских и семитских языках (на материале библейского текста).....	278
3.2. Характеристика герундива как именной формы глагола.....	284
3.2.1. Предпосылки формирования герундива в древнейших дешифрованных языках.....	284
3.2.2. Герундив в древних и новых индоевропейских языках: типологический обзор.....	285
3.2.3. Употребление герундива в санскрите (в сопоставлении с древнегреческим и латинским языками) и особенности его перевода на русский язык.....	287
3.2.4. Грамматический статус герундива в идише в сопоставлении с индоевропейскими и семитскими языками.....	295
3.2.5. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления герундива в индоевропейских и семитских языках (на материале библейского текста).....	302
3.3. Характеристика отглагольных прилагательных как именной формы глагола.....	306
3.3.1. Предпосылки формирования отглагольных прилагательных в древнейших дешифрованных языках.....	306
3.3.2. Отглагольные прилагательные в древних и новых индоевропейских и семитских языках.....	307
3.4. Характеристика деепричастия как особой формы глагола.....	310
3.4.1. Деепричастие в древних и новых индоевропейских языках: типологический обзор.....	311
3.4.2. Особенности употребления деепричастий в санскрите и их перевод на русский язык.....	323

3.4.3. Способы выражения деепричастных значений в индоевропейских и семитских языках.....	327
3.4.4. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления деепричастий в индоевропейских и семитских языках (на материале библейского текста).....	330
Выводы по главе 3.....	334
Глава 4. Особенности синтаксического употребления глагольных имен в индоевропейских и семитских языках.....	340
4.1. Полупредикативные обороты со значением сложного дополнения и сложного подлежащего в индоевропейских и семитских языках.....	340
4.1.1. Типологический обзор и сравнительно-сопоставительная характеристика.....	340
4.1.2. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления полупредикативных оборотов со значением сложного дополнения в индоевропейских и семитских языках (на материале библейского текста).....	350
4.2. Абсолютные обороты с обстоятельственным значением в индоевропейских и семитских языках.....	354
4.2.1. Типологический обзор и сравнительно-сопоставительная характеристика.....	354
4.2.2. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления абсолютных оборотов с обстоятельственным значением в индоевропейских и семитских языках (на материале библейского текста).....	369
4.3. Субстантивация и ее виды в индоевропейских и семитских языках.....	373
4.3.1. «Обширная» и «ненормированная» субстантивация в древних языках.....	373

4.3.2. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления «обширной» субстантивации в индоевропейских языках (на материале библейского текста).....	381
Выводы по главе 4.....	383
Заключение.....	389
Список сокращений и условных обозначений.....	401
Список литературы.....	403
Приложение А. Грамматика и философия слова sat в санскрите в сопоставлении с индоевропейскими языками.....	434
Приложение Б. Семантика и морфология слова asta (санскрит).....	443
Приложение В. Категория вида русского глагола в контексте истории индоевропейских и семитских языков.....	445
Приложение Г. Примеры, не вошедшие в текст диссертации.....	454
Г.1. Инфинитив.....	454
Г.2. Герундий.....	472
Г.3. Супин.....	478
Г.4. Причастие.....	482
Г.5. Деепричастие.....	486
Г.6. Обороты со значением сложного дополнения.....	488
Г.7. Абсолютные обороты с обстоятельственным значением.....	492
Г.8. Субстантивация.....	499
Приложение Д. Краткое описание языков, использованных в диссертации.....	503

Введение

Глагол как грамматическая категория и сопоставительное изучение его форм в различных языках уже довольно долгое время представляет собой объект пристального внимания отечественных и зарубежных лингвистов. Одной из самых сложных сторон исследования данной грамматической категории является проблема соотношения неличных глагольных форм в языках разных типов, а также проблема перевода полупредикативных конструкций с неличными глагольными формами на разные языки.

Несмотря на то, что вопрос о грамматическом статусе неличных форм глагола, или глагольных имен, получил освещение в целом ряде работ авторитетных ученых: Г.П. Богуславской [Богуславская, 1977], Н.Г. Бодренковой [Бодренкова, 1955], С.Н. Бронниковой [Бронникова, 1963], А.А. Волковой [Волкова, 1965], И.В. Добрыниной [Добрынина, 2010], Е.Н. Зарецкой [Зарецкая, 1981], Е.Ю. Калининой [Калинина, 2001], Е.И. Ковалёвой [Ковалёва, 1972], И.М. Луговской [Луговская, 1972], И.И. Мейксиной [Мейксина, 1972], Ж.В. Никоновой [Никонова, 1995], А.С. Четверухина [Четверухин, 2007] и других, – многие вопросы остаются нерешенными. Соотношение грамматических форм глагола, в том числе и глагольных имен, а также их синтаксические функции до сих пор преимущественно рассматривались лингвистами в синхронном плане на примере конкретного языка. Диахроническое изучение данного вопроса, как правило, охватывает небольшой отрезок времени и ограничивается рамками одной языковой семьи. Поэтому более широкое диахроническое и сопоставительное освещение этой проблемы раскрывает новые перспективы для исследователя. Кроме того, на сегодняшний день существуют языки, где многие вопросы грамматики недостаточно изучены даже в синхроническом аспекте. К таким языкам, в частности, относится санскрит.

Выбор темы диссертации связан с недостаточной изученностью в отечественной и зарубежной лингвистике происхождения и формирования синтаксических функций глагольных имен в индоевропейских и семитских

языках. Грамматический статус глагольных имен в наиболее древних индоевропейских и семитских языках (хеттский, санскрит, аккадский и др.) еще до конца не определен. Поэтому при переводе конструкций с различными глагольными именами (причастия, инфинитивы, герундивы) возникает много трудностей, связанных с их интерпретацией в русском языке. Эта проблема отчасти касается и новых индоевропейских и семитских языков, поскольку полупредикативные конструкции с глагольными именами в языке источника часто не имеют аналогов в языке перевода.

В данной диссертационной работе прослеживается исторический процесс формирования основных типов глагольных имен в наиболее древних индоевропейских и семитских языках, а также в древнейших дешифрованных языках, обладающих чертами обеих систем (таких, как шумерский). Определяются пути исторического развития глагольных имен и именных полупредикативных оборотов от наиболее древних индоевропейских и семитских языков до современного состояния. Это позволяет выделить основные закономерности развития у разных неличных форм глагольных и именных функций, помогает определить особенности эволюции грамматических систем индоевропейских и семитских языков, найти их общие черты и различия, а также дает возможность установить особенности перевода различных глагольных имен на русский язык. **Актуальность темы** диссертации заключается в необходимости комплексного сопоставительного исследования системы глагольных имен в индоевропейских и семитских языках в синхроническом и диахроническом аспекте, охватывая большой временной период (от древнейших языков до наших дней), для установления частных и общих закономерностей исторического развития этих грамматических форм и их синтаксических функций. Актуальным также является расширение общего представления о человеческом языке как явлении и необходимость более глубокого его познания.

В отечественном языкознании еще не существует классификации глагольных имен, объединяющей особенности индоевропейских и семитских языков и подходящей для характеристики любого временного периода этих

языковых систем. Такая классификация необходима для обобщающих диахронических исследований процессов исторического развития индоевропейской и семитской грамматических систем. Исторические контакты народов – носителей индоевропейских и семитских языков также нашли свое отражение в процессах преобразований временных форм глагола, что необходимо учитывать при исследовании особенностей глагольных имен в индоевропейских и семитских языках. С этой целью в настоящей работе проводится обширный сопоставительный анализ единого текстового источника, книг Ветхого и Нового Завета, на древнееврейском языке и греческом койне, а также их переводов на несколько индоевропейских языков. До настоящего времени такой глубокий сопоставительный грамматический анализ библейского текста в плане изучения глагольных имен с сопоставлением структур грамматических конструкций еще не был осуществлен. Особенно это касается переводов книг Библии на такие малоисследованные языки, как идиш и санскрит.

Происхождение глагольных имен, представляющих собой «промежуточные типы» между глаголом и существительным, фрагментарно рассматривалось в работе Б.М. Гранде «Введение в сравнительное изучение семитских языков» [Гранде, 1988, с. 247]. Однако до настоящего времени в отечественном языкознании не предпринималось попыток изучения причин появления различных типов глагольных имен в грамматических системах индоевропейской и семитской языковых семей. Выявление подобных причин с привлечением методов психолингвистики, а также с приведением данных о глагольных именах в самых древних языках, предшествовавших появлению индоевропейских и семитских языков (например, в шумерском), способствует определению закономерностей развития глагольных имен в языковых семьях различных типов и установлению общих черт и различий глагольных имен в индоевропейских и семитских языках.

В работах Г.П. Богуславской «К вопросу о функциях неличных форм глагола в структуре предложения в современном английском языке» [Богуславская, 1977], Н.Г. Бодренковой «Значение перфектного инфинитива в

английском языке» [Бодренкова, 1955], Е. Денисовой «Абсолютный и склоняемый инфинитивы в языке иврит» [Денисова, 2009], И.И. Мейксиной «Синтаксические функции инфинитива в современном немецком языке» [Мейксина, 1972], Ж.В. Никоновой «Семантический и структурный потенциал инфинитива в современном немецком языке» [Никонова, 1995] и других рассматривались морфологические характеристики и синтаксические функции отдельных глагольных имен. При этом глагольные имена не определялись как первичные образования по отношению к спрягаемым глагольным формам. [Ломтев, 1956, с. 174; Булаховский, 1953, с. 216] Однако сопоставительное исследование таких древнейших грамматических систем индоевропейских и семитских языков, как санскрит, хеттский, аккадский и древнееврейский, а также сопоставительный анализ данных шумерского и эламского языков в настоящей работе позволяют сделать вывод о существовании первичного глагольно-именного субстрата в древнейших языках, а также дают возможность говорить о первичности происхождения глагольных имен по отношению к спрягаемым глагольным формам. Эта гипотеза находит свое подтверждение и при изучении данного вопроса с позиций психолингвистики, что до настоящего времени еще не становилось темой отдельного исследования.

В работах Л.Ю. Амаевой-Кефер «Конструкция аккузатива с инфинитивом как пример устойчивой грамматической формы» [Амаева-Кефер, 1953], Н.А. Мовшович «Формирование и развитие инфинитивного абсолютного оборота в связи с развитием других абсолютных конструкций в испанском языке» [Мовшович, 1952], А.И. Проничева «Присубстантивные инфинитивные конструкции в сопоставлении с придаточными предложениями в современном английском языке» [Проничев, 1970], В.А. Смирновой «К сопоставлению причастных конструкций в английском языке с причастными и деепричастными конструкциями в русском языке» [Смирнова, 1953], Н.А. Стародубцевой «Развитие функционально-семантических свойств инфинитива в старорусских житийных текстах» [Стародубцева, 2008], И.А. Шумской «Синтаксическая функция инфинитива в современном белорусском и литовском языках»

[Шумская, 1973] и других анализировались отдельные типы полупредикативных оборотов с глагольными именами. Однако подобные исследования проводились, как правило, в рамках одного-двух языков и глубоко не затрагивали сравнительно-исторический аспект. Особенно мало в отечественной лингвистике изучена вероятность возникновения подобных оборотов в семитских языках. Также не учитывается возможность проведения аналогий между индоевропейскими и семитскими языками, хотя имеются данные о существовании полупредикативных оборотов с глагольными именами в самых древних языках. Анализ синтаксической организации древнейших языков показывает, что паратаксис предшествовал гипотаксису, а полупредикативные обороты с различными глагольными именами на ранней стадии развития языка представляли собой альтернативу сложноподчиненным предложениям. Поэтому возникла необходимость в комплексном сопоставительном исследовании таких полупредикативных оборотов в древних и новых индоевропейских и семитских языках, которое также позволит проследить динамику исторических изменений этих оборотов в указанных языковых системах.

Следует также отметить, что в отечественной лингвистике еще недостаточно изучены возможные виды и функции индоевропейских и семитских причастий-предикатов, которые употребляются в предложении в качестве сказуемых без глагола-связки. Сопоставительный анализ таких языков, как санскрит, иврит, русский, а также еще нескольких индоевропейских и семитских языков, в сравнительно-историческом плане позволяет обнаружить важные аналогии в данной области и способствует установлению более близких соответствий между индоевропейской и семитской языковыми системами.

Изложенные выше факты, указывающие на отсутствие в отечественном языкознании масштабного сравнительно-исторического изучения эволюции временных форм глагола в индоевропейских и семитских языках на материале глагольных имен, обосновывают актуальность данного исследования.

Предметом исследования являются предпосылки формирования различных типов глагольных имен, особенности исторических изменений состава

и грамматического статуса глагольных имен в индоевропейских и семитских языках в сопоставительном аспекте.

Объект данного исследования – глагольные имена в индоевропейских и семитских языках, их морфемный состав, соотношение форм глагольных имен субстантивного и адъективного характера в отдельных языках в сопоставлении с языками той же ветви, а также синтаксические конструкции с глагольными именами разных типов.

Материалом исследования послужили тексты произведений на древних и новых индоевропейских и семитских языках, а также тексты на современных языках. Для комплексного сравнительно-сопоставительного лингвистического анализа использован текст Библии: Ветхий Завет – источник на древнееврейском языке – и его переводы на древнегреческий, латинский, церковнославянский, болгарский, сербский, чешский, польский, английский, немецкий, идиш, французский и современный русский язык; Новый Завет – источник на греческом койне – и его переводы на латинский, санскрит, старославянский, церковнославянский и современный русский язык (старославянские, церковнославянские и русские тексты отражают все этапы истории перевода Библии на русский язык от XI до XIX вв.). Переводы Нового Завета на старославянский, церковнославянский и современный русский языки были избраны по факторам принадлежности к определенным временным периодам, связанным с важными этапами перевода Библии [Балута, 2005, с. 390]. Сопоставительный анализ примеров из текстов Ветхого и Нового Завета проводился на 16 языках (Ветхий Завет – 13 источников на 13 языках: русский, древнееврейский, древнегреческий, латинский, церковнославянский, болгарский, сербский, польский, чешский, английский, немецкий, французский, идиш; Новый Завет – 14 источников на шести языках: греческий койне, латинский, санскрит, старославянский, церковнославянский, русский). Всего в работе представлено 873 примера из текста Библии, из них 518 примеров из Ветхого Завета и 355 – из Нового Завета. В целом при работе над практической частью диссертации проанализировано более 10 тыс. примеров из библейских текстов. Для

сопоставительного типологического обзора истории формирования и развития глагольных имен в индоевропейских и семитских языках представлен материал на 63 древних и новых языках. Из них четыре древнейших дешифрованных языка (шумерский, эламский, хурритский, урартский), 49 индоевропейских (санскрит, хиндустани, урду, панджаби, сингальский (фрагментарно), авестийский, талышский, древнеперсидский, среднеперсидский, современный персидский, тохарские, хеттский, древнегреческий, греческий койне, новогреческий, прусский, литовский, латышский, латгальский, старославянский, церковнославянский, болгарский, хорватский, сербский, чешский, словацкий, польский, древненовгородский диалект русского, современный русский, украинский, белорусский, идиш, готский, древнеисландский, датский, норвежский, шведский, немецкий, английский, кельтские: древнеирландский, ирландский, корнский, бретонский (фрагментарно), латинский (классический и народный), румынский, итальянский, испанский, португальский, французский) и 10 семитских (аккадский, угаритский, древнееврейский, современный иврит, арамейский, классический сирийский, классический мандейский, туройо, арабский, эфиопский).

Цель диссертации – рассмотреть особенности формирования глагольных имен в наиболее древних индоевропейских и семитских языках для выявления закономерностей исторического развития этих форм от древних языков к новым.

Реализация цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Определить предпосылки возникновения основных форм глагольных имен в древних индоевропейских и семитских языках посредством исследования материала древнейших дешифрованных языков.

2. Выявить и обосновать предпосылки возникновения в древних индоевропейских и семитских языках определенных морфологических моделей глагольных имен. Доказать первичность этих моделей по отношению к спрягаемым глагольным формам.

3. Проанализировать состав формообразующих аффиксов и формантов, участвующих в образовании глагольных имен в древних и новых индоевропейских и семитских языках.

4. Исследовать исторические изменения глагольных имен в индоевропейских и семитских языках. Охарактеризовать черты основных направлений исторического развития языков: «западного» и «восточного».

5. Проследить развитие основных древних типов глагольных имен в истории индоевропейских и семитских языков; провести их сопоставительный анализ. Определить причины усиления черт «западного» и «восточного» направлений в историческом развитии языков.

6. Рассмотреть синтаксические особенности употребления глагольных имен от древнейших дешифрованных языков к древним и новым индоевропейским и семитским языкам. Выявить причины преобладания черт «западного» и «восточного» направлений.

7. Дать общую характеристику исторических изменений глагольных имен в индоевропейских и семитских языках.

Основные методы исследования. 1. Типологический (анкетный) метод. В настоящей работе применяется при составлении типологического обзора различных видов глагольных имен в индоевропейских и семитских языках. 2. Сравнительно-исторический анализ языкового материала с добавлением синхронных срезов на различных этапах развития языков. Данный метод применяется в тех разделах исследования, которые посвящены более глубокому изучению вопросов поиска аналогов отдельных типов глагольных имен в индоевропейских и семитских языках, например, таких, как «Предикативная функция русского причастия на -л в контексте истории индоевропейских и семитских языков». 3. Метод контекстуального анализа. Применяется при исследовании материала древних языков (например, древнееврейского, санскрита, старославянского) вследствие невозможности опоры на разговорную практику. 4. Метод семантико-грамматического анализа языкового материала, который широко применяется в практической части исследования, особенно в

разделах, посвященных сопоставительному анализу примеров библейского текста на разных языках.

Методология проведенного исследования базируется в основном на трудах ведущих теоретиков отечественной школы сравнительно-исторического языкознания. В области общих теоретических положений данная работа опирается на исследования В.И. Георгиева [Георгиев, 1958], И.М. Дьяконова [Дьяконов, 2006], К.Г. Красухина [Красухин, 2004], А. Мейе [Мейе, 2002], В. Порцига [Порциг, 2003], А.Н. Савченко [Савченко, 2003], И.М. Тронского [Тронский, 2001] и других. В области изучения исторических изменений временных форм глагола в индоевропейских и семитских языках данная работа опирается на труды Б.М. Гранде [Гранде, 1988], Е.Н. Зарецкой [Зарецкая, 1981], В.В. Иванова [Иванов, 1981], И.А. Перельмутера [Перельмутер, 1977], А.Н. Савченко [Савченко, 1960] и других. В области сравнительно-сопоставительного изучения различных типов глагольных имен в индоевропейских и семитских языках данное исследование отталкивается от работ Э. Бенвениста [Бенвенист, 1955], Т.А. Вавичкиной [Вавичкина, 2003], Ж.В. Никоновой [Никонова, 1995], Г.А. Резниковской [Резниковская, 1959], А.С. Четверухина [Четверухин, 2007] и других.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что она обращена к фундаментальной тематике науки о языке – вопросам о закономерностях развития человеческого языка в глобальном понимании и о преломлении этих закономерностей в истории развития отдельных языков, их семей и ветвей. В диссертации устанавливаются общие закономерности системы глагольных имен и их исторических изменений в древних и новых индоевропейских и семитских языках. В настоящей работе доказано существование первичного глагольно-именного субстрата, следы которого можно найти в древнейших дешифрованных языках. Определяется первый этап дифференциации древнейшего глагольно-именного субстрата на статичную и динамичную формы – на глагольные имена-субстантивы и глагольные имена-адъективы. Доказывается первичность древних видов глагольных имен по

отношению к спрягаемым глагольным формам, в результате чего обороты с глагольными именами признаются фактором древнейшего способа предикации. На базе сравнительно-сопоставительного анализа глагольных имен в индоевропейских и семитских языках определяется существенная разница в формировании системы времен глагола в индоевропейских и семитских языках. Детально исследованы основные типы полупредикативных оборотов с глагольными именами, наблюдавшиеся в процессе развития индоевропейских и семитских языков, найдены возможные аналоги этих оборотов в семитских языках. Дана общая классификация глагольных имен в индоевропейских и семитских языках, раскрывающая исторические закономерности и дальнейшие перспективы развития глагольных имен в индоевропейской и семитской языковых системах. Данное исследование может стать существенным вкладом в понимание механизмов и векторов развития человеческих языков, достижение которого (этого понимания) является одной из фундаментальных задач современной науки о языке.

Практическая значимость. Материалы и выводы исследования могут быть использованы в процессе преподавания курсов различных индоевропейских и семитских языков (в том числе и древнейших). Разделы исследования, посвященные более глубокому изучению морфологических форм и синтаксических функций глагольных имен в древнейших и малоисследованных языках, послужат материалом для дополнения грамматик и учебников по используемым языкам. Разделы, посвященные типологическим обзорам глагольных имен в индоевропейских и семитских языках, включающие большой спектр языкового материала (63 языка), способствуют дополнению курсов исторических дисциплин по индоевропейским и семитским языкам, а также курсов «Общее языкознание» и «Сравнительно-историческое языкознание». Систематизация данных о предпосылках появления различных типов глагольных имен в древнейших языках и о возникновении первичного глагольно-именного субстрата может катализировать развитие теоретической базы для дешифровки малоисследованных языков. Разделы исследования и Приложения, посвященные

сопоставительному анализу примеров, представляют собой рабочий материал для параллельного сопоставительного исследования грамматических особенностей библейских текстов на различных индоевропейских и семитских языках, что открывает большие перспективы для будущего сравнительно-исторического языкознания.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной лингвистике предпринимается попытка сопоставительного анализа грамматических систем индоевропейских и семитских языков во временном промежутке от первого тысячелетия до н. э. до современного языкового состояния с акцентом на изучение происхождения и особенностей эволюции глагольных имен. При этом впервые в рамках масштабного сопоставительного анализа осуществляется исследование текстов Ветхого Завета на языке идиш и текстов Нового Завета на языке санскрит. Исследование переводов Нового Завета на старославянском, церковнославянском и русском языках отражает каждый исторический этап перевода Библии на русский язык (11 источников с IX по XIX в.: Остромирово Евангелие 1056–1057 гг., Архангельское Евангелие 1092 г., Мстиславово Евангелие, или Апракос Мстислава Великого 1115–1117 гг., Кохно Евангелие, Болгарский памятник XIII в., Чудовская рукопись Нового Завета 1354 г., Библия 1499 г. и Библия в синодальном переводе (Геннадиевская Библия), Острожская Библия 1581 г., Евангелие 1698 г. (аналог Евангелия из Московской Библии 1663 г.), Библия. Кирилловская печать 1757 г. (аналог Елизаветинской Библии 1751 г.), Новый Завет на славянском и русском языках 1823 г. (первый перевод Библии на русский язык), Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета Канонические, в русском переводе (второй русский Синодальный перевод второй половины XIX в.) и освещает малоисследованные особенности эволюционных изменений глагольных имен и всей временной системы глагола в процессе исторического развития русского языка.

Составлена общая классификация глагольных имен, объединяющая особенности индоевропейских и семитских языков, включающая глагольные

имена-субстантивы (инфинитив, герундий, супин, имя действия и имя деятеля) и глагольные имена-адъективы (причастие, герундив, отглагольные прилагательные и деепричастия). Эта классификация подходит для характеристики любого временного периода названных языковых систем. С позиций психолингвистики и общей истории развития языков определяются причины появления различных типов глагольных имен в индоевропейской и семитской грамматических системах, при этом доказываемое существование древнейшего глагольно-именного субстрата и первичность происхождения глагольных имен по отношению к спрягаемым глагольным формам. Проведено комплексное сопоставительное исследование основных типов полупредикативных оборотов с глагольными именами (обороты со значением сложного дополнения / подлежащего, абсолютные обороты с обстоятельственным значением). Рассмотрены способы субстантивации в древнейших языках, среди которых такие виды, как «обширная» и «ненормированная» субстантивации исследуются со сравнительно-исторических и психолингвистических позиций.

Основная гипотеза исследования. Появлению основных типов глагольных имен в индоевропейских и семитских языках предшествовало возникновение первичного глагольно-именного субстрата, объединяющего в себе функции имени и глагола. Глагольно-именной субстрат, следы которого зафиксированы в древнейших дешифрованных языках в виде глагольно-именных полнозначных корней с минимальным количеством формантов, прошел этап первичной дифференциации на глагольные имена-субстантивы (главным из которых является инфинитив) и глагольные имена-адъективы (главным из которых является причастие), а на их основе позже в индоевропейских и семитских языках были образованы спрягаемые глагольные формы. Это объясняет древнейший синтетический способ предикации, выражающийся, в том числе, и в раннем употреблении полупредикативных оборотов с глагольными именами. Преобладание отдельных синтаксических функций у разных типов глагольных имен в индоевропейских и семитских языках способствовало появлению

существенных различий в формировании временной системы глагола в индоевропейской и семитской языковых системах.

Положения, выносимые на защиту:

1. Предпосылки возникновения основных видов глагольных имен индоевропейских и семитских языков и определение их синтаксических функций прослеживаются уже в древнейших дешифрованных языках, не относящихся к индоевропейской и семитской системам (шумерский).

2. Все глагольные имена в древних и новых индоевропейских и семитских языках представляют собой разновидности двух основных групп: глагольные имена-субстантивы и глагольные имена-адъективы.

3. Самым распространенным глагольным именем субстантивного характера является инфинитив, синтаксические функции которого в языках разных типов могут распространяться герундием, супином и именами действия.

4. Самым распространенным глагольным именем адъективного характера в индоевропейских и семитских языках является причастие, синтаксические функции которого в языках разных типов могут распространяться герундивом, отглагольными прилагательными и деепричастиями.

5. Соотношение количества форм глагольных имен-субстантивов с количеством форм глагольных имен-адъективов, а также соотношение их синтаксических функций определяются индивидуальными особенностями каждого языка. При этом существуют общие закономерности соотношения форм и функций глагольных имен в индоевропейских языках, обусловленные особенностями их исторического развития.

6. Глагольные имена могут употребляться в качестве «логического сказуемого» в оборотах со значением сложного дополнения и подлежащего, а также в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением. Закономерности употребления глагольных имен в подобных конструкциях и особенности исторического преобразования этих конструкций определяются общей тенденцией синтаксических изменений в индоевропейских и семитских

языках от паратаксиса к гипотаксису, а также частным соотношением черт «восточного» и «западного» направлений развития.

7. Способы субстантивации конструкций с глагольными именами в индоевропейских и семитских языках определяются соотношением черт «восточного» и «западного» направлений в каждом индоевропейском и семитском языке, а также частными особенностями исторического развития каждого языка.

Апробация материалов исследования. Основные теоретические положения диссертации изложены в статьях различных сборников научных трудов (всего 50 публикаций общим объемом 66,3 п. л.), в том числе и рекомендованных ВАК РФ (16 публикаций общим объемом 15 п. л.) и одна статья в зарубежном научном журнале, в двух авторских и одной коллективной монографии. Результаты проведенного исследования прошли апробацию на 12 научных практических и международных конференциях: Научная теоретическая конференция «Лингвистические аспекты межкультурной коммуникации» (Москва, МГОУ 2007, 2009 гг.); III, IV, VI международная научная теоретическая конференция «Перевод и когнитология в XXI веке» (Москва, МГОУ, 2010, 2011, 2013 гг.); Международная научная конференция «Русский язык и стилистика в наши дни», посвященная 85-летию со дня рождения Н.А. Кондрашова Москва, МГОУ, 2004 г.); II международная научная конференция «Русский язык и литература: история и современность», посвященная 75-летию юбилею профессора Л.Ф. Копосова (Москва, МГОУ, 2015 г.); Международная междисциплинарная конференция по иудаике (Москва, Межрегиональный центр преподавания иврита, 2010 г.), Международная научная конференция «Общественные науки, социальное развитие и современность» (Москва, Международный исследовательский институт, 2013 г.). Результаты исследования внедрены в курс «Древние языки и культуры» Московского государственного областного университета и в курсы «Латинский язык», «Древнегреческий язык», «Санскрит», «Старославянский язык», «Историческая грамматика русского

языка», «Введение в языкознание» Государственной классической академии имени Маймонида.

Структура диссертации построена в соответствии с логикой решаемых исследовательских задач. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка использованной научной литературы, списка словарей и справочников, списка лингвистического материала исследования и пяти приложений, включающих сопоставительные примеры из текстов Ветхого и Нового Завета, и дополнительные разделы, не вошедшие в основной текст исследования.

Во введении раскрывается актуальность выбранной темы, формулируются цель, объект, предмет, гипотеза исследования и конкретные задачи, мотивируется научная новизна диссертации, ее теоретическая и практическая значимость, приводятся сведения об апробации работы, дается характеристика основных методов анализа.

В первой главе исследуются и теоретически обосновываются причины возникновения глагольных имен в индоевропейских и семитских языках; определяются особенности формирования данного грамматического явления, а также сопоставляются общие морфологические и структурно-синтаксические изменения глагольных имен и конструкций с ними в ходе исторического развития индоевропейских и семитских языков.

Во второй главе диссертации представлена история развития четырех основных типов глагольных имен субстантивного характера. Глагольные имена рассматриваются в теоретическом, теоретико-практическом и сравнительно-сопоставительном аспектах. В теоретических разделах освещаются предпосылки формирования исследуемого глагольного имени и даются типологические обзоры морфологического состава и синтаксических функций указанной грамматической формы в индоевропейских и семитских языках. Сравнительно-сопоставительная часть данного и аналогичных разделов представляет сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления инфинитива в индоевропейских

и семитских языках на материале единого библейского текста: Ветхого (источник на древнееврейском языке) и Нового (источник на греческом койне) Заветов.

Содержание третьей главы освещает историю развития четырех основных типов глагольных имен адъективного характера. Глагольные имена, как и в предыдущей главе, рассматриваются в теоретическом, теоретико-практическом и сравнительно-сопоставительном аспектах.

Четвертая глава диссертации посвящена изучению особенностей синтаксического употребления глагольных имен в индоевропейских и семитских языках. Здесь подробно исследуются полупредикативные обороты со значением сложного дополнения и сложного подлежащего, абсолютные обороты с обстоятельственным значением, субстантивация и ее виды в индоевропейских и семитских языках.

В заключении подводятся итоги и обобщаются основные результаты диссертационного исследования, а также намечаются дальнейшие пути возможной разработки проблемы.

Глава 1. История возникновения глагольных имен в индоевропейских и семитских языках

1.1. Общее определение понятия глагольного имени и его субстрата для индоевропейских и семитских языков

К категории имени в русском языке (как и во многих других индоевропейских языках) относятся: имя существительное, имя прилагательное и имя числительное [РГ, Т. 1, 2005, с. 457]. В данном исследовании рассматриваются первые два разряда имен.

При сопоставлении морфологических характеристик имени существительного и имени прилагательного можно отметить, что постоянной является, как правило, только категория рода существительного. Это явление характерно для многих языков в современном состоянии, когда род имени существительного указывается в словарях, при этом родовая принадлежность существительных в разных языках может быть различной, что создает определенные трудности при переводе [Балута, 2012, с. 51]. Однако если рассмотреть данное явление на материале наиболее древних языков индоевропейской семьи, например в санскрите, то можно наблюдать изменение рода существительных в рамках коммуникативных единиц (предложение, текст) в зависимости от рода существительного-доминанты. Такое изменение рода в современных индоевропейских языках обычно наблюдается у прилагательных, которые вступают в согласование с существительными. Следовательно, можно предположить, что в древнейших индоевропейских языках граница между существительными и прилагательными была менее выраженной и что эти разряды имен имеют единую исходную основу [Там же. С. 52].

Глагол, по определению «Русской грамматики», – это «часть речи, обозначающая процесс и выражающая это значение в категории вида, залога, наклонения, времени и лица; глагол обладает также категориями числа и – в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения – категорией рода»

[РГ, Т. 1, 2005, с. 456]. Имя существительное – это «часть речи, обозначающая предмет (субстантивацию) и выражающая это значение в словоизменительных категориях числа и падежа и в несловоизменительной категории рода» [Там же. С. 460]. Имя прилагательное – «часть речи, обозначающая непроцессуальный признак предмета и выражающая это значение в словоизменительных морфологических категориях рода, числа и падежа» [Там же. С. 540]. В данном исследовании устанавливается, что имя и глагол, при всей противоположности этих категорий в современных языках, в древнейшем языковом состоянии имели единую исходную основу. Эта основа, как будет показано в дальнейшем, имеет прямое отношение к понятию «глагольное имя» [Балута, 2012, с. 52].

Глагольное имя в индоевропейских языках по своим морфологическим характеристикам противопоставлено спрягаемой глагольной форме, то есть оно является неличной формой. Правда, в семитских языках, например в аккадском [Там же. С. 53], существует спрягаемое имя, статив, которое может изменять формы лица и числа по суффиксальному типу спряжения [Каплан, 2006, с. 74]. Но такие грамматические категории встречаются редко и представляют исключение из общего правила. В других семитских языках, например в иврите, наблюдается присоединение местоименных суффиксов к инфинитиву [Ламбдин, 2000, с. 213]. Однако присоединение местоименных суффиксов не делает данную форму спрягаемой, а лишь указывает на косвенный субъект действия. В истории семитских языков также были случаи присоединения местоименных суффиксов к причастиям настоящего времени [Гранде, 1988, с. 247], но данный процесс привел к преобразованию глагольного имени в спрягаемую глагольную форму.

Наличие остальных глагольных категорий (время, залог и др.) у глагольного имени является допустимым и может варьироваться в зависимости от этапа исторического развития конкретного языка. Таким образом, класс глагольного имени в определении данного исследования включает в себя все неспрягаемые глагольные формы, которые характеризуются как субстантивные или адъективные и обладают категориями рода, числа и падежа, в зависимости от наличия данных категорий в конкретном языке на конкретном этапе

исторического развития¹. В данном исследовании под общим термином «глагольное имя» объединяются инфинитивы, герундии, герундивы, супины, причастия, имена действия и вторичные отглагольные существительные и прилагательные, которые появились в новых языках вследствие преобразования древних глагольных имен [Балута, 2012, с. 53]. В языках разных типов эти грамматические формы неоднородны по своему морфемному составу, обладают различным набором грамматических категорий и имеют разные названия: «неличная форма глагола», «неопределенная форма», «имя действия», «атрибутивная форма глагола» и др., поэтому в рамках данной работы устанавливается единый термин для обобщенного восприятия этого явления в разных языках.

История формирования системы глагольных имен рассматривается на материале индоевропейских и семитских языков с привлечением данных нейропсихолингвистики и теорий глоттогенеза [Там же. С. 53]. В настоящее время в лингвистике признается связь мышления, сознания и языка [Жирова, 2007, с. 4; Сорокина, 2014, с. 22], поэтому использование в данной работе материала дисциплин, смежных с лингвистикой, считается допустимым, но носит прикладной характер и входит в ареал первой главы исследования. Привлечение небольшого количества данных по философии, психологии и физиологии человека необходимо при изучении древнейших языковых систем, когда отсутствует возможность обработки материала устной речи и создается необходимость моделирования речевых ситуаций.

Процесс эволюции всех языковых систем непосредственно связан с развитием нейронных структур головного мозга человека. Современное состояние науки позволяет установить, какие именно отделы головного мозга отвечают за восприятие и формирование определенных языковых моделей на разных уровнях языка. Участками головного мозга человека, отвечающими за логическую обработку информации, признаются префронтальные отделы коры больших

¹ Имена числительные имеют более узкую семантическую специализацию, поэтому выходят за границы данного исследования.

полушарий, управляющие выбором слов и движением логики в тексте [Бурлак, 2007, с. 53]. При этом доказано, что формирование коммуникативного поведения напрямую зависит от особенностей функциональной асимметрии мозга: левое и правое полушария соотносятся с разными уровнями языковой системы [НПЛ, с. 116]. Кроме того, для понимания происхождения языка также не следует оставлять без внимания участие подкорковых структур головного мозга, в частности, обнаруженных Дж. Риццолатти и М. Арбибом «зеркальных нейронов», имеющих отношение к чувственному восприятию действительности и более или менее активированных у разных народов на разных этапах исторического развития [Бурлак, 2007, с. 13]. Все указанные физиологические особенности мозга человека оказывают влияние на формирование морфологии и синтаксиса языка [Балута, 2012, с. 54].

Морфологическая форма и синтаксическая конструкция по праву могут быть оценены как носители информации о языке, а также об особенностях мышления индивида [Халина, 1996, с. 12]. Мировосприятие отдельного человека и целого народа, соответственно, находит отражение в морфологических формах и синтаксических структурах, которые формируются для выражения мысли в процессе коммуникации. По мнению А.Е. Гусевой, «лингвокультурологическая ценность категории “знание” определяется тем, что оно конституируется в формах человеческой субъективности, организованной обычаями, традицией и культурой» [Гусева, 2011, с. 38]. Существуют языки, которые М. Бейкер называет «полисинтетическими» [Бейкер, 2008, с. 117], где имя и глагол могут соединяться в одно целое (санскрит, могаук). Особенности морфологических форм и синтаксических конструкций конкретного языка и целых языковых семей связаны с особенностями мировосприятия народа – носителя языка². Изучая особенности мировосприятия человека, многие лингвисты и философы обращались к интерпретации понятия «картина мира» [Баклашкина, 2013, с. 6; Карт, 2005, с. 10; Лебедева, 2011, с. 93; Марчук, 2012; Ощепкова, 2010, с. 32].

² Об этом также см.: Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (На материале английского, немецкого и русского языков): дис... док. филол. наук. М., 2004. 288 с.

По мнению В.И. Постоваловой, «картина мира» представляет собой целостный образ действительности, возникающей в сознании человека в ходе его контактов с миром. Этот образ формируется на базе активного познания, в форме, доступной для человеческого восприятия, и воспринимается как сама реальность. Он опосредует все акты человеческого мировосприятия и мироопределения [Постовалова, 1988, с. 25]. «Концептуальная картина мира отражает действительность на ментальном уровне в форме концептов, которые представляют собой базу мышления личности» [Кузьменко, 2011, с. 57]. «Картина мира» у каждого человека индивидуальна, однако она имеет общие черты у представителей одного народа, что отражается на всех уровнях языковой системы. В языках, не являющихся полисинтетическими, но тяготеющих к синтетическому типу, тем чаще встречаются синтетические морфологические формы и синтаксические конструкции, чем сильнее «космическое» представление у их народов-носителей о категориях пространства и времени. Ярким примером тяготения к синтетическому типу мышления здесь может служить древнегреческий язык Гомеровского периода. В нем присутствуют и многообразные определения, и составление многоуровневых синтаксических конструкций по принципу «матрешек», возможность обширной субстантивации по причине представления всего последующего действия как единой картины (субстантивируются не только отдельные слова, но словосочетания и даже предложения), употребление многочисленных полупредикативных конструкций (причастных и инфинитивных оборотов) вместо развернутых сложноподчиненных предложений. С.С. Аверинцев объяснял особенность философии древних греков «космичностью» их представления о бытии, противопоставляя этому мировосприятие семитов, отраженное в тексте Библии. «Если мир греческой философии и греческой поэзии – это «космос», то есть законосообразная и симметричная пространственная структура, то мир Библии – это «олам», то есть поток временного свершения, несущий в себе все вещи, или мир как история. Внутри «космоса» даже время дано в модусе пространственности: в самом деле, учение о вечном возврате, явно или неявно

присутствующее во всех греческих концепциях бытия, как мифологических, так и философских, отнимает у времени столь характерное для него свойство необратимости и придает ему мыслимое лишь в пространстве свойство симметрии. Внутри «олама» даже пространство дано в модусе временной динамики – как «вместилище» необратимых событий» [Аверинцев, 1975, с. 269].

Древнегреческую «космичность» пространственно-временных категорий можно противопоставить общесемитскому мировосприятию не только в рамках библейского текста, но и на материале более древних памятников семитских языков. По мнению И.С. Ключкова, уже вавилонскому восприятию времени была присуща конкретность, то есть «время воспринималось не как абстрактная чистая длительность, а в неразрывной связи с потоком событий, их участников, всей цепью поколений, и, возможно, даже местом действия» [Ключков, 1983, с. 13]. Другой отличительной чертой вавилонского представления о времени является линейность, под которой понимается отсутствие ярко выраженного циклизма [Там же. С. 21]. Линейность и конкретность семитского представления о времени являются характерными признаками аналитического типа мышления, которое находится в ведении префронтальных отделов коры головного мозга. Однако грамматический аналитизм в семитских языках несколько отличается от индоевропейского грамматического аналитизма. Причины этих различий объясняются особенностями работы левого и правого полушарий [НПЛ, 2009, с. 117].

Кроме того, нельзя сказать, что именно древнегреческий прототип синтетического восприятия пространственно-временных категорий является характерным для всех индоевропейских языков. В индоевропейской семье также существует иной тип грамматического выражения пространства и времени.

В противоположность древнегреческому варианту мировоззрения можно представить мировоззрение древних римлян – носителей латинского языка. «Если у греков пространственно-временное восприятие находилось под сильным воздействием мифологического осмысления действительности, то римские историки были более восприимчивы к линейному течению времени, и ход

истории они осмысливают, опираясь на определенные исходные моменты действительности истории (основание Рима и т.д.)» [Гуревич, 1972, с. 31]. Это положение в полной мере подтверждает грамматика латинского языка, где уже в классический период «линейность» синтаксических отношений преобладает над синтетическими структурами: гораздо меньше вариантов, чем в древнегреческом, абсолютных причастных оборотов, отсутствует обширная субстантивация, но в то же время сильнее логическая структурная организованность сложноподчиненных конструкций. Логическая упорядоченность латинской грамматики классического периода столь высока, что не возникает сомнений в преобладании у представителей народа – носителя латинского языка аналитического типа мышления. В дальнейшем это явление находит свое отражение в явной тенденции к аналитизму большинства романских языков, которые в свою очередь восходят к народной латыни.

Противопоставление древнегреческого и латинского мировоззрений, а также грамматической организации языковых систем по принципу синтетизма и аналитизма приводит к мысли о первичности одного из способов познания мира. В области нейронных структур головного мозга синтетический путь познания (который предшествует анализу, а не следует за ним) имеет отношение к подкорковым структурам и выражается в сенсорном восприятии информации. Следовательно, этот путь познания по праву признается первичным [Халина, 1996, с. 16]. Исторически сложилось так, что древнегреческий язык признается более древним, чем латинский, следовательно, он в большей степени представляет синтетический способ познания. Одним из самых древних индоевропейских языков, представляющих синтетизм грамматических структур, является санскрит. Однако истоки образования глагольных имен, представляющих собой синтез глагола и существительного, следует искать в более древних языках. В древние времена синтетичность мировосприятия в грамматике отражалась в том, что высказывания могли строиться без привычной для современности предикативной основы. Вместо нее существовал некий

субстрат, одновременно обладающий свойствами субъекта и предиката. Этот субстрат и представлял собой основу древнего глагольного имени.

Шумерский язык, древнейший из известных науке письменных языков, не относится ни к семитской, ни к индоевропейской языковой семье. Однако он обладает чертами праосновы обеих систем. В нем глагольное имя представлено чистой корневой морфемой (иногда с одним-двумя формантами). При этом грамматические характеристики данной формы подвижны: одно и то же глагольное имя в различных синтаксических ситуациях могло употребляться в качестве инфинитива, причастия, прилагательного и имени действия [Канева, 2006, с. 180]. Таким образом, шумерское глагольное имя с неопределенными синтаксическими характеристиками наиболее близко соотносимо с понятием глагольно-именного субстрата, который лежит в основе происхождения глагольного имени.

Существование субстрата языковой материи признается такими психолингвистами, как В.Л. Деглин, Л.Я. Балонов, И.Б. Долинина [НПЛ, 2009, с. 118]. Не только в психолингвистике, но и во многих других научных дисциплинах (например, физика, химия и др.) признается наличие субстрата существующих в природе вещей и субстанциональной действительности в целом. «Необходимо признать в природе два рода субстанций: один – форма, другой – материя; обязательно должна быть субстанциональнейшая действительность, в которой заключается активная потенция всего, а также наивысшая потенция и субстрат, в которой содержится пассивная потенция всего: в первой имеется возможность делать, во второй – возможность быть сделанным» [Халина, 1996, с. 9]. Субстанциональная действительность и субстрат по отношению к языковой материи можно рассматривать в синхроническом и диахроническом аспекте. В синхроническом аспекте субстратом какой-либо формы можно назвать основной минимальный структурный элемент языковой единицы на всех уровнях языковой системы (фонема, корень, грамматическая основа и др.). Основное свойство субстрата – его неделимость при сохранении параметров данной языковой единицы. В диахроническом аспекте субстрат можно рассматривать как исходный

элемент определенной языковой формы, существующий на разных этапах эволюции конкретного языка или группы родственных языков. По отношению к наиболее раннему языковому состоянию субстратом грамматических категорий имени и глагола будет считаться «чистый» глагольно-именной корень, в дальнейшем преобразованный в древнее глагольное имя, следы которого сохранились в шумерском языке [Балута, 2012, с. 54].

1.2. Синтетическая предикативность структуры высказывания в древних языках

Коммуникативная функция языка является одним из самых изучаемых аспектов в современной лингвистике. Минимальной единицей языковой коммуникации считается речевой акт или высказывание [Максименко, 2009, с. 52]. В данном разделе рассматриваются предпосылки формирования древних высказываний, центром которых являлся глагольно-именной субстрат. Анализ опирается на два основных фактора: деятельность каналов обработки информации и особенности грамматического структурирования предложений в древних языках.

Поднимая вопрос о структуре высказывания, следует уточнить определение понятия «предикативность» в психолингвистическом и грамматическом аспектах.

Л.С. Выготский различал психологический и языковой предикат, и, говоря о предикативности внутренней речи, он имел в виду психологическую предикативность. «Предикативность является основной и единственной формой внутренней речи, которая вся состоит, с психологической точки зрения, из одних сказуемых» [Выготский, 1956, с. 364]. В грамматике краткое определение предикативности выглядит так: «Способ создания некоторого содержания есть предикат, по отношению к которому предложение есть выражение» [Ломтев, 1967, с. 82]. «Русская грамматика» 2005 г. дает более развернутое определение: «Прежде всего сам отвлеченный образец предложения (любой, каждый) как синтаксическая единица имеет грамматическое значение, общее для всех таких

образцов и объединяющее их в синтаксическую категорию простого предложения. Этим значением является предикативность – категория, которая целым комплексом формальных синтаксических средств соотносит сообщение с тем или иным временным планом действительности» [РГ, Т. 2, 2005, с. 85]. Очевидно, что данные определения предикативности не противоречат друг другу: в основе предикативной конструкции (предложения) должен находиться предикат, содержание которого может быть распространено другими элементами высказывания. В современных языковых системах предикат, как правило, представлен глаголом. Он обычно составляет пару с субъектом, что является предикативной основой предложения, или употребляется самостоятельно. Таким образом, предикативное ядро предложения, как правило, двукомпонентно. Такой способ выражения предиката можно назвать «аналитической предикативностью». Но если предикативным центром конструкции является глагольное имя, возникшее на базе древнего глагольно-именного субстрата и соединяющее в себе функции глагола и имени, то такой способ построения высказывания можно назвать «синтетической предикативностью». Употребление подобных высказываний в большей степени наблюдается в древних языках, но в процессе исторического развития они, как правило, постепенно вытесняются предложениями с бинарной грамматической основой [Балута, 2012, с. 57]. В качестве примера можно привести отрывок новозаветного текста, где в греческом оригинале употребляется полупредикативный оборот «Винительный с инфинитивом», характерный для древних индоевропейских языков. В одном из памятников церковнославянского языка (Чудовская рукопись Нового Завета 1354 года) греческому полупредикативному обороту соответствует аналогичная конструкция, которая употреблялась еще в русском языке XIV в. В переводе этого примера на современный русский язык конструкция «Винительный с инфинитивом» заменяется объектным придаточным предложением [Лк. 19:14]. (КД) οὐ θέλομεν τοῦτον βασιλεῦσαι ἐφ’ ἡμᾶς [КД, 1993, s. 167]. (ЧНЗ) не хощѣмъ сѣѣ

царствовать над нами [ЧНЗ, 2001, с. 124].

(Русск.) не хотим, чтоб он

царствовал над нами [БК, 1997, с. 90].

Историческое преобразование синтетически предикативных высказываний в аналитически предикативные в индоевропейских языках происходило в русле общего стремления к аналитизму грамматических систем и в русле перехода от паратаксиста к гипотаксису. Постепенный исторический переход от простых осложненных предложений к сложным может быть связан с особенностями развития человеческого мышления.

В мозге человека была обнаружена система, обеспечивающая столь важную для лингвистов особенность языка, как различие между референтностью³ и предикативностью [Бурлак, 2007, с. 14]. На основании этого были выделены два канала обработки информации – дорсальный и вентральный: первый отвечает за восприятие объектов и отнесение их к тому или иному классу, ведет к тем структурам мозга, которые обеспечивают «семантическую память»; второй ведет к тем отделам мозга, которые отвечают за внимание, определение пространственных отношений, регистрируют движение, он также отвечает за формирование событийной памяти, что является базой для построения высказывания. Таким образом, синтаксическое противопоставление именной группы и предложения оказывается просто языковым отражением разницы между воспринимаемым объектом и воспринимаемым событием» [Там же. С. 15]. Открытие дорсального и вентрального каналов обработки информации имеет большое значение для изучения истории языков. Если в грамматике какого-либо языка преимущественно употребляются высказывания с глагольными именами (инфинитив, причастие, герундий, герундив, супин, имя действия, например, в древнегреческом и латинском языках), то у народа – носителя этого языка на определенном этапе исторического развития, скорее всего, преобладает работа

³ «Понятие «референтность» в лингвистике появилось из логики и сегодня все чаще позиционируется как текстовая категория. Как и многие другие категории, она имеет на этом уровне максимальную реализацию целой группой языковых средств, так как оно наиболее полно раскрывается именно в рамках текста» [Левченко, 2013. № 2].

дорсального канала. Если же в языке начинают чаще использоваться сложные предложения, у народа-носителя усиливается деятельность вентрального канала. Такое явление имело место в истории русского языка, что можно подтвердить сравнительно-сопоставительным анализом примеров перевода идентичного библейского текста. Так, в греческом тексте Евангелия от Марка [Мк. 4:17] употребляется полупредикативный причастный оборот *Genetivus absolutus*:

(ΚΔ) καὶ οὐκ ἔχουσιν ρίζαν ἐν ἑαυτοῖς ἀλλὰ πρόσκαιροί εἰσιν· εἶτα γενομένης θλίψεως ἢ διωγμοῦ διὰ τὸν λόγον εὐθὺς σκανδαλίζονται [ΚΔ, 1993, s. 80].

В церковнославянских переводах (с рубежа XI–XII по XIX в.) греческий полупредикативный оборот передается аналогичным церковнославянским оборотом «Дательный самостоятельный», который встречался в истории русского языка до XIX в.

(МЕ) и не имѣють корене въ себѣ нѣ малого дѣни со҃уть по томѣ же бѣвши скѣрби или изгнѣнанію слова дѣла дѣиѣ съблажнаѣтсѧ [МЕ, 1983, с. 97].

(ЧНЗ) і не імоу^т водѣ в со^б, но прѣвременни со҃у^т. та҃че бѣвши скорби. ли гонѣ^ню сл^ова ра^да^біе съблажнаѣють^{сѣ} [ЧНЗ, 2001, с. 71].

(ГБ) не имѣтъ кореніа в себѣ но временни сѣтъ та же бѣвши пѣуали или гоненію словесе ради дѣіе съблажнаѣютсѧ [ГБ, 1992, с. 134].

(ОБ) не имѣтъ кореніа в себѣ, но временни сѣтъ та же бѣвши пѣуали или гоненію словесе ради, дѣіе съблажнаѣютсѧ [ОБ, 1988, л^ѣи нѣ об.].

(МБ) и не имѣтъ кореніа в себѣ но привременни сѣтъ таже бѣвши пѣуали, или гоненію словесе ради дѣіе съблажнаѣютсѧ [МБ, 1698, с. рнѣ].

(ЕБ) и не имѣть коренїа въ себѣ но привременни сѣть, таже бывшии печали или гоненїю словесе ради, двѣе съблажняются [ЕБ, 1757, с. 38].

В переводах Нового Завета на русский язык XIX в. полупредикативная конструкция заменяется придаточным временным предложением:

(НЗ, 1823) Но не имѣють корня въ себѣ, а непостоянны: потомъ, когда бываетъ скорбь или гоненіе за слово, тотчасъ соблазняются [НЗ, 1823, с. 252].

(Русск.) Но не имеют в себе корня и непостоянны; потом, когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются [БК, 1997, с. 42].

Таким образом, существование синтетических языков (санскрит) и языков с явным тяготением к синтетизму (русский) в грамматике может быть обусловлено усиленной работой дорсального канала. Существование аналитических языков (английский) [Бейкер, 2008, с. 117] или тех, в которых наблюдается стремление к аналитизму (романские языки)⁴, напротив, определяется интенсивной работой вентрального канала [Балута, 2012, с. 58].

Если рассмотреть функционирование дорсального и вентрального каналов обработки информации в проекции на историческую грамматику индоевропейских и семитских языков, то можно отметить, что работа данных каналов в различных языках на разных исторических этапах не была однородной. Так как синтетический способ познания действительности в науке признается первичным [Халина, 1996, с. 16], следует считать, что в более древних языках синтетизм в грамматике преобладал над аналитизмом. Объектное синтетическое восприятие целого ряда событий предположительно катализировало применение в языке «обширной субстантивации», когда несколько действий воспринимались целостно, как единая картина. Ярким примером вновь может служить древнегреческий язык с большим количеством полупредикативных конструкций (причастных и инфинитивных оборотов), которые употребляются вместо

⁴ См.: Реферовская Е.А. Истоки аналитизма романских языков (Очерки по синтаксису раннесредневековой латыни). М.; Л.: Наука, 1966. 152 с.

сложноподчиненных предложений. В древних языках вообще паратаксис, как явление более раннее, преобладал над гипотаксисом, а подчинительные союзы, вводящие сложные конструкции, формировались на более поздних этапах развития языковых систем. Объектное восприятие информации и, как следствие, употребление в языке именных групп находятся в зоне деятельности дорсального канала [Балута, 2012, с. 58]. Следовательно, при учете первичности синтетического способа познания в более древние времена работа дорсального канала была превалирующей. Со временем в результате эволюции головного мозга человека работа вентрального канала, ответственного за событийное восприятие информации, стала более интенсивной, в результате чего в языке прежние синтетические предикативные формы стали преобразовываться в аналитические [НПЛ, 2009, с. 120]. (Например, в латинском языке наблюдается постепенная утрата причастных и инфинитивных оборотов и их замена придаточными.) В некоторых языках (например в романских: французский, итальянский и др.), в грамматическом строе которых наблюдается стремление к аналитизму, работа вентрального канала стала преобладающей. Такое положение дел также объясняет первичное возникновение субстрата глагольного имени на раннем этапе развития языка и его дальнейшие преобразования скачала в глагольные имена, а позже в бинарную предикативную основу (имя + спрягаемый глагол).

Преобладание в древних языках синтетически предикативных конструкций над аналитически предикативными можно объяснить иначе. Предположительно, во времена существования наиболее древних индоевропейских и семитских дешифрованных языков у человека еще не было четкого разграничения функций дорсального и вентрального каналов. Восприятие информации происходило одновременно в объектном и предикативном плане. Это объясняет употребление в древних языках большого количества полупредикативных конструкций (причастных и инфинитивных оборотов, например, в древнегреческом и латинском языках), которые одновременно могут считаться и номинативной, и предикативной единицей, а также употребление причастий-предикатов (в

древнееврейском – причастие настоящего времени, в санскрите – причастие с суффиксом -kta-), которые полностью или частично заменяли в грамматической системе языка одну из спрягаемых глагольных форм. Позже в результате разграничения работы каналов обработки информации полупредикативные конструкции во многих языках преобразуются в сложные предложения. Большой спаянностью работы дорсального и вентрального каналов также можно объяснить первичное (по отношению к спрягаемым глагольным формам) возникновение глагольно-именного субстрата, по сути своей представляющего «чистый» глагольно-именной корень [Балута, 2012, с. 59]. (Например, в санскрите: saḡ – «ходить, бродить, странствовать»; saḡa – «движущийся, идущий, путник» [Кочергина, 2005, с. 207]; jan – «рождаться»; janā – «человек, народ» [Там же. С. 217]. В аккадском: akālum – «есть»; aklum – «хлеб»; malākum – «советовать»; malkum – «совет» [Каплан, 2006, с. 49]. При этом в индоевропейских языках используется внешняя, а в семитских – внутренняя аффиксация. В шумерском языке (древнейший из дешифрованных языков), как и в санскрите, глагольный корень часто сопровождается суффиксом -a-, а не меняется за счет внутренней аффиксации, как в семитских языках: sar – «писать», «писание»; sar-a – «писание»; dug4 – «сказать»; dug4-a – «сказанное» [Канева, 2006, с. 179]. С течением времени в процессе эволюции головного мозга человека деятельность дорсального и вентрального каналов, предположительно, стала более дифференцированной, и так в языке осуществилось разделение единого предикативного имени на субъект и предикат – основу современного предложения. В языках со стремлением к аналитизму (например, французский, итальянский и др.) в настоящее время преимущественно употребление предложений с двукомпонентной предикативной основой [Балута, 2012, с. 60].

Таким образом, первичный синтетизм грамматики наиболее древних языков и, как следствие, возникновение субстрата глагольных имен могут объясняться с позиций эволюции функционирования дорсального и вентрального каналов. Во времена существования наиболее древних индоевропейских и семитских языков

деятельность этих каналов могла быть менее разграниченной либо функции дорсального канала преобладали над функциями вентрального канала.

Преобладание паратаксиста над гипотаксисом и синтетическая предикативность структуры высказывания в древних языках также связаны с особенностями грамматического структурирования древних предложений [Там же. С. 60].

По мнению Л.С. Выготского, процесс движения от мысли к слову у человека осуществляется посредством перехода «от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, – в словах» [Выготский, 1956, с. 380]. Следовательно, внешней речи предшествует семантический план, который является первым, ближе всего лежащим к поверхности внутренней стороны речи⁵. Семантический план характеризуется тем, что здесь уже найдены соответствующие внутренним словам (смыслам) внешние слова, но грамматика еще отлична от грамматики внешней речи и поэтому необходим «переход от синтаксиса значений к словесному синтаксису превращения грамматики мысли в грамматику слов, видоизменение смысловой структуры при ее воплощении в словах» [Там же. С. 335]. Этот переход от «мозгового субстрата» к внешней стороне высказывания [НПЛ, 2009, с. 118] Т.В. Рябова и А.С. Штерн называют грамматическим структурированием. Процесс грамматического структурирования, по их мнению, происходит через «наложение “грамматических правил” на подготовленную на предыдущих этапах внутреннюю программу высказывания» [Рябова, Штерн, 1968, с. 90]. Компоненты внутренней программы высказывания предикативны [Там же. С. 91]. Предикативность программы построения внутреннего высказывания является синтетической предикативностью, так как сама программа внутреннего высказывания представляет собой максимально сжатую, удобную для быстрого мысленного оперирования информацию – «мозговой субстрат». С понятием мозгового

⁵ Об этом также см.: Сидоров Е.В. Область действия суверенных закономерностей: речевая коммуникация / «Вестник» МГОУ. Сер. «Лингвистика». М.: МГОУ, 2011. № 6, с. 34–37.

субстрата предложения можно соотнести понятие глагольно-именного субстрата древнего глагольного имени. Примером такого глагольно-именного субстрата могут быть «чистые» глагольно-именные корни, которые широко представлены в словарях древних индоевропейских и семитских языков [Балута, 2012, с. 60].

Под определение понятия «чистый глагольный корень» попадают корневые морфемы без аффиксов, которые в древних (например, шумерский, санскрит, аккадский) и некоторых новых (например, русский, современный иврит) языках могли употребляться в качестве самостоятельного слова и являться носителями лексического значения. Фонемный состав таких корней минимален и содержит от одной до трех-четырёх фонем. Объем фонемного состава «чистых» корней, вероятно, связан с установленным в психолингвистике объемом начала процесса распознавания слова [Венцов, Касевич, 2003, с. 40]. Поэтому такие «чистые» корни также можно рассматривать как минимальные речевые сегменты [Мирианашвили, 1985, с. 190].

В одном из наиболее древних индоевропейских языков – санскрите – в системе существительных согласного типа склонения часто встречаются слова, которые в форме Именительного падежа единственного числа мужского рода равны «чистому» глагольному корню и переводятся как причастиями настоящего времени действительного залога, так и существительными. Например, चर् (car) «странник», «странствующий» от глагольного корня चर् (car) «странствовать» [Кочергина, 2005, с. 207]. В значении спрягаемого глагола такие слова без аффиксов и флексий употребляются редко. Таким образом, можно сказать, что в санскрите программа внутреннего высказывания более ориентирована на номинативность.

В аккадском языке, который считается одним из наиболее древних дешифрованных семитских языков, также существовали «чистые» глагольные корни, по большей части трехсогласные. При этом некоторые исследователи аккадского языка [Каплан, 2006, с. 71] полагают, что установить первичность

глагольного или именного значения у таких корней достаточно сложно (например, *biātum* – «ночевать», *bītum* – «дом»). В то же время в древних семитских языках (аккадский, древнееврейский) «чистый» глагольно-именной корень употреблялся без аффиксов и флексий в значении глагола 3-го лица единственного числа мужского рода прошедшего времени [Там же. С. 72], [Ламбдин, 2000, с. 485]. Эта традиция может сохраняться и в современном состоянии языка (современный иврит), где «чистый» глагольный корень одновременно является формой 3-го лица единственного числа мужского рода прошедшего времени, а также начальной и словарной формой глагола [Дрор, 2000, с. 150]. Следовательно, можно сказать, что программа внутреннего высказывания в семитских языках больше ориентирована на глагольность. Хотя аналогичные примеры употребления «чистого» глагольно-именного корня в значении глагола 3-го лица единственного числа мужского рода прошедшего времени можно найти и в современных индоевропейских языках. Например, в современном русском языке глагол несовершенного вида «мокнуть» имеет форму 3-го лица единственного числа мужского рода прошедшего времени «мок» («Человек долго мок под дождем»), которая соответствует «чистому» глагольно-именному корню.

В шумерском языке (в котором присутствуют черты как индоевропейских, так и семитских языков) «чистый» (без формантов) глагольно-именной корень также употреблялся в качестве самостоятельного слова и являлся носителем лексического значения [Канева, 2006, с. 70]. Такие «чистые» корни могли представлять собой древнейший тип спряжения глагола в форме 3-го лица единственного числа [Там же. С. 104], как и в семитских языках. Но чаще эти образования употреблялись, как в индоевропейских языках, в значении глагольных имен (инфинитивов, герундиев, супинов, причастий): *lú-du-du-zu* (букв. «человек хождение-хождение-знать» = «человек, знающий бродяжничество») [Там же. С. 180].

Таким образом, можно заключить, что глагольно-именной субстрат в виде «чистого» глагольно-именного корня существовал в наиболее древних

индоевропейских и семитских языках, а также в еще более древнем шумерском языке. Глагольно-именной корень в том виде, в котором он фиксируется в словарях, вполне подходит на роль «мозгового субстрата», так как представляет собой сжатое семантическое ядро с еще не определенными грамматическими функциями. Вероятно, именно такие семантические ядра лежат в основе предикативности внутренней речи любого языка. Поэтому структура внутренней речи сжата и синтетически предикативна. В процессе перехода от внутренней речи во внешнюю⁶ семантическое ядро в разных языках с помощью имеющихся грамматических средств может превращаться в имя или глагол, образующие аналитически предикативные конструкции, а также в неспрягаемые глагольные формы, образующие синтетически предикативные конструкции. При этом древние индоевропейские и семитские языки обнаруживают разные векторы преобразования глагольно-именного субстрата. В индоевропейских языках глагольно-именной субстрат чаще преобразовывался в глагольные имена, а в семитских языках такой глагольно-именной субстрат больше употреблялся в качестве глагола 3-го лица единственного числа. Однако и в семитских языках употреблялись аналогичные индоевропейским обороты с глагольными именами, которые можно охарактеризовать как синтетически предикативные: “b(e)hibbar(e)’am” – «когда они были созданы» или «при их сотворении», где hibbar(e)’ – инфинитив, -am- – суффикс 3-го лица множественного числа [Ламбдин, 2004, с. 189].

1.3. Предпосылки формирования глагольных имен в древних языках

Особенности изучения вопроса о формировании различных глагольных имен в древних языках заключаются в том, что до нас дошли только письменные источники, а следовательно, нет возможности прямого контакта с носителями

⁶ Об этом также см.: Свиридова Л.К. Роль эмоциональных структур в реализации категории тождества при построении драматургического текста: автореф. дис... док. филол. наук. М., 2004; [Электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com/rol-emotsionalnyh-struktur-v-realizatsii-kategorii-tozhdestva-pri-postroenii-dramaturgicheskogo-teksta#ixzz3NqLSPqZh> (дата обращения: 02.01.2015).

этих языков. Для решения поставленной проблемы и установления взаимоотношений между языком и мышлением человека [Ившин, 1997, с. 178] необходимо обратиться к методам психолингвистических исследований.

В предыдущем разделе данной главы говорилось о том, что носители древних языков больше оперировали перцептивными образами, чем логическими категориями. Образное мышление, в свою очередь, связано с участием зрительного и слухового анализаторов [Балута, 2013, с. 30]. По результатам исследования высшей нервной деятельности человека установлено, что зрительные и слуховые проекционные области расположены в височной и затылочной областях головного мозга, в то время как логическое мышление находится в ведении лобных отделов коры больших полушарий [Бадалян, 2008, с. 64]. В то же время за образное мышление отвечает часть подкорковых областей, в частности зрительный бугор, или таламус [Там же. С. 74]. Зрительный бугор считается важнейшим этапом на пути проведения всех видов чувствительности. «К нему подходят и в нем сосредотачиваются чувствительные пути – осязание, болевое, температурное чувство, зрительные тракты, слуховые и обонятельные пути. От нейронов зрительного бугра начинается следующий этап передачи чувствительных импульсов в кору головного мозга. На определенном этапе эволюции нервной системы таламус был центром чувствительности. По мере появления и развития коры головного мозга основная роль и функции чувствительной сферы перешли к коре головного мозга, а зрительный бугор остался лишь передаточной станцией чувствительных импульсов от периферии к коре мозга» [Там же. С. 75]. Следовательно, развитие человеческого мышления от образного к логическому происходило посредством перемещения центров чувствительности из подкорковых областей в кору больших полушарий, а затем от задних отделов к передним [Балута, 2013, с. 31].

Однако большие полушария головного мозга, имеющие внешне симметричную структуру, отвечают за различные функции, в том числе и в области формирования речи. В контексте данной диссертационной работы локализация принципов работы мозга, влияющих на особенности формирования

высказываний, помогает глубже понять закономерности формирования и исторического развития глагольных имен, которые, предположительно, представляли собой предикативный центр древнего предложения [Там же. С. 31].

По результатам исследования деятельности головного мозга человека была установлена разница участия левого и правого полушарий в механизмах восприятия и порождения речи. В.Л. Деглин, Л.Я. Балонов, И.Б. Долинина для изучения особенностей функциональной асимметрии мозга использовали метод унилатеральных припадков путем нанесения электрического стимула на одну половину головы. По окончании этого воздействия на одно из полушарий наблюдалось угнетение деятельности данного полушария. Деятельность второго полушария, не заторможенная влиянием угнетенной половины, в этот момент не только сохранялась, но и усиливалась [НПЛ, 2009, с. 110].

В ходе этих исследований было отмечено, что при глубоком угнетении левого полушария утрачиваются понимание речи и возможность говорить. По мере восстановления деятельности угнетенного полушария речь тоже восстанавливается, но обладает рядом нарушений, носящих дифференцированный характер. Здесь необходимо привести ряд речевых нарушений, имеющих отношение к теме данного исследования. При построении высказываний у людей с угнетенным левым полушарием отмечается уменьшение количества используемых слов, при этом сокращаются как высказывания, так и сами слова [Балута, 2013, с. 32]. «Эти количественные изменения являются следствием упрощения синтаксиса высказываний и блокирования морфологических механизмов словоизменения и словообразования. Основная масса ответов в ассоциативном эксперименте состоит из однословных высказываний, в которых лексемы фигурируют в нулевой форме, либо из двусловных словосочетаний, преимущественно атрибутивных и адвербиальных, реже предикативных. Сложные синтаксические конструкции исчезают» [Там же. С. 113]. В лексике высказываний отмечается уменьшение количества формально-грамматических слов, вместе с этим возрастает число знаменательных. Среди знаменательных слов уменьшается количество глаголов и местоимений, но увеличивается

количество существительных и прилагательных. При угнетении левого полушария указанные нарушения речевой деятельности сопровождаются «улучшением неречевой рецепции, в частности улучшением слухового гнозиса – предметного и музыкального» [Там же. С. 114].

При угнетении правого полушария, даже в глубоких формах, может сохраняться восприятие и воспроизводство речи [Там же. С. 115]. Это является еще одним доказательством того, что процесс вербализации внутреннего высказывания находится в ведении левого полушария, а многие процессы формирования речи, связанные с правым полушарием, относятся к довербальному периоду. Кроме того, при угнетении правого полушария наблюдается даже улучшение некоторых форм речевой деятельности: улучшается восприятие речи и возрастает речевая активность, а также увеличивается объем высказываний [Там же. С. 114].

В области грамматической организации высказывания в условиях угнетения правого полушария наблюдаются следующие изменения. Прежде всего увеличивается количество и длина слов: корневые слова обрастают аффиксальными морфемами, простые именные конструкции распространяются в сложные словосочетания, простые предложения разрастаются в сложные синтаксические конструкции, что происходит посредством превращения номинативных и полупредикативных высказываний в придаточные конструкции. Происходит перестройка лексики высказываний: увеличивается количество формально-грамматических (служебных) слов и, соответственно, уменьшается количество знаменательных. Перестройка захватывает и сами знаменательные слова, в результате чего «уменьшается удельный вес лексико-грамматических классов – существительных и прилагательных, но увеличивается количество глаголов и местоимений» [Там же. С. 115]. Увеличение количества глаголов при угнетении правого полушария говорит о том, что глагол (в латыни – *verbum*) имеет непосредственное отношение к вербализации внутренней речи, то есть перехода от внутреннего состояния высказывания к звуковому, внешнему. Превращение глагольного имени в спрягаемую глагольную форму посредством

соединения основы с личными местоимениями взаимосвязано с развитием функций левого полушария, что и подтверждают методы психолингвистических исследований в проекции на историю языка.

При угнетении правого полушария также ухудшается рецепция внеязыкового объективного мира. Это проявляется в ухудшении слухового гнозиса – предметного и музыкального, а также в ухудшении образной памяти [Там же. С. 116].

Проанализировав данные, касающиеся особенностей человеческого мышления при формировании высказываний, а также сопоставив эти данные с общей историей развития языков, можно сделать следующие выводы.

1. Утрата речи при угнетении левого полушария и отсутствие этого явления при угнетении правого полушария подтверждает определяющее значение левого полушария для организации внешней речевой деятельности.

2. Увеличение речевой активности и объема высказывания при угнетении правого полушария, а также сокращение объема высказывания при угнетении левого полушария указывает на существенную разницу в способах восприятия и обработки информации. Очевидно, что правое полушарие участвует в формировании синтетического типа мышления, когда объем информации максимально сокращен и «синтезирован» в единое целое [Балута, 2013, с. 32]. На базе материала синтетических языков и языков, тяготеющих к синтетизму, это наблюдается при употреблении слов-предложений, например в могавке: *Wahana'tarakwetare* – «Он хлебонарезал» [Бейкер, 2008, с. 94], и простых предложений с полупредикативными причастными и инфинитивными оборотами вместо сложных, например в латинском: **Autumno adveniente**, aves avolant (букв. «**Приближающейся осенью** птицы улетают» вместо Cum autumnus advenit, aves avolant «Когда приближается осень, птицы улетают»). В противовес этому в ведении левого полушария находится аналитический тип мышления, когда глагольно-именной субстрат преобразуется в предикативную основу и вместо простых предложений с полупредикативными оборотами появляются сложные. Поскольку синтетический тип мышления признается первичным [Халина, 1996, с.

218], то в области организации внутренней речевой деятельности правому полушарию отводится первая, хотя и не ведущая роль. Деятельность правого полушария в рамках формирования высказываний также можно считать более древней по отношению к левому полушарию [Балута, 2013, с. 33].

3. Увеличение длины и усложнение структуры высказывания при угнетении правого полушария и обратные этому процессы при угнетении левого полушария дополнительно доказывают первичную синтетическую предикативность древнейших высказываний, в основе которых лежал глагольно-именной субстрат и его производные, глагольные имена, прежде всего причастия и инфинитивы [Там же. С. 33].

4. При угнетении правого полушария отмечается сокращение количества номинативных высказываний и увеличение числа предикативных. При этом доказано, что у здоровых людей при полноценной работе обоих полушарий внутренние высказывания уже обладают предикативностью. Это подтверждает, что внутренняя первичная предикативность высказывания имеет синтетический характер, а переход от внутреннего высказывания к внешнему сопровождается заменой синтетической предикативности ее аналитическим аналогом с двукомпонентной предикативной основой: подлежащее – сказуемое [Там же. С. 33].

5. При угнетении правого полушария наблюдается морфологическое усложнение слов: корневые морфемы обрастают аффиксальными, функции которых постепенно усложняются. Это объясняет историческое движение от языков агглютинирующего типа к флективным. (Данный процесс нельзя воспринимать однозначно, поскольку некоторые агглютинативные языки продолжают функционировать и в настоящее время.) В наиболее древних языках, например в шумерском, такие корневые морфемы без аффиксов или с одним аффиксом (bal-a, dug₄-a и др.) [Канева, 2006, с. 180] представляют собой глагольные имена-предикаты, которые впоследствии развиваются в предикативную основу предложения. Обрастание корневых морфем аффиксами и преобразование их в предикативную основу произошло на более поздних этапах

развития языков и базировалось на усилении функций левого полушария [Балута, 2013, с. 33].

6. При угнетении правого полушария уменьшается количество знаменательных слов за счет увеличения числа формально-грамматических. То есть при развитии левого полушария в истории языка осуществляется формирование предлогов и союзов из прежде знаменательных слов: например, шумерский союз *ud-da* – «если», «когда» восходит к имени существительному «день» в Местном падеже [Там же. С. 196], или санскритский предлог *nikashā* – «около» восходит к существительному «натираание» [Кочергина, 2005, с. 324]. Это же объясняет историческое преобразование синтаксической структуры многих языков: от паратаксиса к гипотаксису, а также постепенный распад полисемантичности древнейших подчинительных союзов [Балута, 2013, с. 34].

7. При угнетении правого полушария в высказываниях уменьшается количество существительных и прилагательных, одновременно с этим возрастает количество глаголов; при угнетении левого полушария наблюдается обратный процесс. Следовательно, грамматическое структурирование правого полушария можно назвать «именным», а грамматическое структурирование левого полушария – «глагольным». В синтетически предикативном высказывании правого полушария ядром является имя. В аналитически предикативном высказывании левого полушария главное место занимает глагол [Там же. С. 34].

Таким образом, наблюдения над исследованиями по функциональной асимметрии мозга в области грамматической организации высказывания позволяют составить предположение о предпосылках возникновения в древних языках глагольных имен, которые были ядром древних синтетически предикативных конструкций. Первичность деятельности правого полушария в области формирования внутренней речи, а также превалирование функций правого полушария в древние времена еще раз подтверждают первичное образование в древних языках глагольно-именного субстрата. Эволюция этого субстрата осуществлялась в трех основных направлениях: глагольные имена-субстантивы (инфинитив, герундий, супин, имя действия), глагольные имена-

адъективы (причастие, герундив, отглагольные прилагательные) и глагол в форме 3-го лица единственного числа (преимущественно мужского рода прошедшего времени)⁷. В наиболее древних языках глагольное имя не подверглось четкой дифференциации, и границы между указанными грамматическими формами были подвижны [Там же. С. 34]. Например, одна и та же форма в шумерском языке могла быть, в зависимости от синтаксической ситуации, и инфинитивом, и причастием [Канева, 2006, с. 180]. Также следует отметить, что в древнейших языках индоевропейской и семитской семей зафиксировано наличие корневых знаменательных морфем, которые представляют собой две ипостаси древнего глагольно-именного субстрата. Существуют и именные, и глагольные корни с одной семантикой, где вариант существительного распространяется внешней (индоевропейские языки) или внутренней (семитские языки) морфемой. Вероятно, эти корневые морфемы являются по происхождению наиболее древними. Разделение корней на именные и глагольные доказывает постепенное развитие аналитического мышления и распространение функций левого полушария. Со временем деятельность левого полушария возросла настолько, что в современных индоевропейских и семитских языках количество глагольных предложений превышает количество именных [Балута, 2013, с. 34].

1.4. Направления исторического развития индоевропейских и семитских языков в области преобразования глагольных имен

При суммарном анализе особенностей формирования и употребления глагольных имен в индоевропейских и семитских языках можно выделить два основных направления исторического развития этих языковых систем. В рамках настоящего исследования эти направления будут называться «восточное» и «западное» [Балута, 2013, с. 26]. (При этом следует помнить, что употребление

⁷ Подробное изучение последнего направления эволюции древнего глагольно-именного субстрата выходит за рамки ареала данного диссертационного исследования. – А.Б.

понятий «восток» и «запад» в области лингвистики достаточно условно [Хухуни, 2013].) В данной диссертации термины «восточный» и «западный» ориентированы, в основном, на географическое положение древних и новых государств, где проживали и в настоящее время проживают носители рассматриваемых в данной работе индоевропейских и семитских языков. Учитывая то обстоятельство, что государства, где жили носители наиболее древних индоевропейских и семитских языков (санскрит, аккадский), а также носители древнейших дешифрованных языков (шумерский), были расположены восточнее, чем большинство новых государств Западной Европы и Аравийского полуострова, «восточное» направление развития индоевропейских и семитских языков в области преобразования глагольных имен признается наиболее древним.

На примерах преобразований глагольных имен в индоевропейских и семитских языках противопоставление «западного» и «восточного» направлений кратко можно представить так.

«Восточное» направление:

1. Изначально древнейшие глагольно-именные образования не обладали видовременными категориями. Действие мыслилось как завершенное или незавершенное. Это привело к образованию бинарной системы времен: прошедшее / будущее (семитские языки) [Гранде, 1988, с. 242]. Сохранение следов этой системы времен в грамматике является чертой «восточного» направления [Балута, 2013, с. 27].

2. Первичный синтетизм мышления способствовал образованию аффиксов и склонения. Сохранение глагольными именами склоняемых аффиксов – черта «восточного» направления [Там же. С. 27].

3. Первичный синтетизм мышления приводит к образованию в языке полупредикативных оборотов с глагольными именами. На более поздних этапах развития языка эти обороты преимущественно сохраняются (например в иврите) [Ламбдин, 2000, с. 216].

4. Более древними типами конструкций являются предложения, где причастие используется в качестве предиката без глагольной связки. (Примером в

семитских языках может служить употребление в иврите, современном и библейском, активных причастий без местоименных суффиксов в качестве настоящего времени глагола. Для индоевропейских языков примером будет употребление в санскрите и в современном русском языке предикативного причастия вместо спрягаемой формы глагола прошедшего времени. Причем, если в санскрите эта неспрягаемая форма существовала наряду со спрягаемыми, аористом, перфектом и имперфектом, то в современном русском языке она осталась единственной синтетической формой прошедшего времени.) [Балута, 2013, с. 28].

5. К чертам «восточного» направления также относится семантическое различие совершенного / несовершенного вида глагола. Истоки этого различия можно найти еще в шумерском языке, где глаголы разного вида могли иметь супплетивные корни. В аккадском языке для обозначения таких глаголов использовались термины “hamtu” – «быстрый» и “magu” – «жирный», при этом для перевода первых употреблялись формы совершенного, а для перевода вторых – несовершенного вида [Канева, 2006, с. 84]. Следы этого явления встречаются во многих языках (например в русском: говорить / сказать), но лишь в некоторых грамматических системах вид глагола является категорией неизменяемой (в русском языке глаголы образуют видовые пары). Семантическое различие вида глагола распространяется и на глагольные имена: например, в русском языке от глагола несовершенного вида не образуется страдательное причастие прошедшего времени [Балута, 2013, с. 28].

6. Синтетическая предикативность конструкций, являющаяся показателем активной работы правого полушария и основанная на образном мышлении, приводит к возникновению в языке такого явления, как «обширная субстантивация» [Балута, 2013, с. 12]. Эта особенность проявляет себя в возможности объединения части предложения или даже целого предложения под один определенный артикль, например в древнегреческом языке: “to tois nomois peitestai” – «повиновение законам» [Козаржевский, 1998, с. 62]. Тогда вся объединенная артиклем часть представляется не как последовательность событий,

а как единая картина, и фактически приравнивается к слову. Другим примером может служить объединение слов в санскрите: *tadaagnaauvantinah* – «следующие его приказам» [ШС, Ч. 2, 2004, с. 2] и отчасти сопряженное состояние в иврите: *em haiieled* – «мать ребенка» [Гранде, 1988, с. 185]. Проявление в языке «обширной субстантивации» также можно считать чертой «восточного» направления [Балута, 2013, с. 28].

«Западное» направление:

1. Трехкомпонентная система времен – прошедшее / настоящее / будущее – у глагола была образована позже на базе бинарной системы. Это нашло свое выражение и в глагольных именах (например, в древнегреческом и латинском языках есть причастия всех трех времен). Это образование стало возможным при условии развития аналитического мышления, которое находится в ведении префронтальных отделов коры больших полушарий [Там же. С. 29].

2. В языках постепенно намечается тенденция к грамматическому аналитизму. В результате этого падежные отношения начинают выражаться аналитическим путем, с помощью предлогов. А склонение глагольных имен со временем может быть вообще упразднено. Примером этого может служить история английского языка [Там же. С. 29].

3. Результатом перехода от образного синтетического мышления к абстрактному логическому является развитие в языке сложноподчиненных предложений на базе полупредикативных оборотов с глагольными именами, как это было, например, в латинском языке [Дынников, Лопатина, 1975, с. 111].

4. В языке происходит постепенная замена древних полупредикативных и причастных оборотов сложноподчиненными предложениями. (Примером может служить латинский язык, где в более поздний период в народном варианте языка обороты, содержащие *Ablativus absolutus*, заменяются придаточными обстоятельственными.) [Балута, 2013, с. 30.]

5. Развитие аналитического мышления и приводит к распространению причастий с показателями спряжения. В арамейском языке, таким образом, древнееврейское активное причастие было дополнено местоименными

суффиксами и стало спрягаться. В индоевропейских языках, например в старославянском, древняя причастная основа была дополнена спрягаемым глаголом-связкой «быть» (по образцу византийского греческого) [Там же. С. 30].

6. К чертам «западного» направления относится постепенный переход с семантического видового различия глагольных форм на грамматическое. Это выражается в упразднении большей части супплетивных основ, а также в сближении категорий вида и времени. Вид глагола становится непостоянным признаком, в результате чего от разных основ одного и того же глагола могут образовываться времена совершенного и несовершенного вида (например в древнегреческом и латинском языках). Некоторый баланс между семантическим и грамматическим выражением вида наблюдается в нескольких индоевропейских (например в русском) и семитских (например в иврите) языках [Там же. С. 30].

7. Превалирование аналитической предикативности в языке также можно считать особенностью «западного» направления развития индоевропейских и семитских языков. Усиление аналитической предикативности приводит к упразднению или отсутствию в языке «обширной субстантивации», которая распространяется на словосочетание и предложение. Субстантивация сохраняется только в пределах такой номинативной единицы, как слово [Там же. С. 30].

Черты «восточного» и «западного» направлений исторических преобразований глагольных имен в разных, и индоевропейских и семитских, языках комбинируются по-разному. В результате формируются основные типы глагольных имен, состав и функции которых зависят от общих грамматических особенностей конкретного языка [Там же. С. 30].

1.5. Классификация глагольных имен в контексте «восточного» и «западного» направлений развития языков

В данном разделе представлена классификация древних глагольных имен в сопоставлении с чертами «восточного» и «западного» направлений развития языков.

Можно предположить, что древнейшее глагольное имя, следы которого сохранились в шумерском языке, еще до того как оно было дифференцировано морфологически и синтаксически, уже изменялось по числам и падежам, то есть склонялось. В доказательство этого необходимо привести данные из грамматики шумерского языка. Шумерский язык является языком агглютинирующего типа, следовательно, падежные отношения в нем выражаются с помощью специальных формантов, «выступающих в постпозиции к имени и представляющих собой нечто среднее между падежными формантами и послелогоми, поскольку они отделимы в пределах синтагмы и могут восходить к самостоятельным именам существительным: например, показатель совместного падежа -da- сопоставим с именем существительным da – «сторона» [Канева, 2006, с. 39]. В шумерском языке выделяется девять или десять падежей: Абсолютный, Местно-направительный, Эргативный, Дательный, Местный, Совместный, Исходный, Направительный, Родительный и Сравнительный. Абсолютный падеж рассматривается как главный, так как представляет собой чистую основу (корень), к которой присоединяются падежные форманты [Там же. С. 40]. Не все исследователи разделяют Местно-направительный и Эргативный падежи, так как в обоих случаях падежным показателем является формант -e-) [Там же. С. 41].

В общей истории языков к склоняемым частям речи издавна относятся имена, прежде всего существительные и прилагательные. По результатам исследования функциональной асимметрии мозга было установлено, что такие части речи, как существительные и прилагательные, порождаются при активной работе правого полушария [НПЛ, 2009, с. 113] и образуются на ранних этапах формирования речи. При этом следует помнить, что уже на довербальном этапе

внутренние высказывания предикативны, и прилагательные, первично образованные в нейронных структурах правого полушария, могут выполнять функцию предиката. В общей истории древних языков также можно зафиксировать раннее формирование предикативной функции у прилагательного [Балута, 2013, с. 24].

Среди исследователей шумерского языка вообще нет единого мнения в вопросе о грамматическом статусе прилагательного. По мнению И.Т. Каневой, большинство шумерологов считает, что «прилагательного как самостоятельной части речи в шумерском языке не существовало, а в его функции использовались глаголы со значением качества, признака и свойства» [Канева, 2006, с. 187]. Кроме того, от корней со значением качества и свойства, употребляемых в функции определения и получающих значение прилагательных, образовывались спрягаемые глагольные формы. Например, глаголы *gig* – «быть черным» и *babbar* – «быть белым» употреблялись в функции определения и получали значения прилагательного: *sag-gig* – «черноголовые», *barag-babbar-ra* – «на сверкающем помосте», эти же корни могли употребляться в значении спрягаемых глагольных форм: *tug na-an-gig-ge* *tug na-an-babbar-e*... *tug hu-mu-ra-ab-sum-mu* – «одежда пусть не будет черной, одежда пусть не будет белой... (такую) одежду он пусть даст тебе» [Там же. С. 187]. Выделение в шумерском языке корневых морфем, которые употреблялись как в качестве прилагательного, так и в качестве спрягаемой глагольной формы, позволяет предположить следующее. Первым этапом дифференциации глагольно-именного субстрата было деление на статичную и динамичную формы, то есть на определяемое и определяющее: субстантив и адъектив. Это был один из древнейших способов предикации, некоторые виды которой сохранились и в современных языках (например в русском языке: «мир прекрасен») [Балута, 2013, с. 25].

В результате языковой эволюции определяемое и определяющее становились все более различными по морфемному составу и занимали свое место в предложении. Вершиной антонимии двукомпонентной предикативной основы стало употребление склоняемого имени и спрягаемой глагольной формы,

что наблюдается во многих древних индоевропейских и семитских языках (санскрит, аккадский, древнегреческий, латинский и др.) [Там же. С. 25]. Однако между этими полярными частями речи всегда существовали так называемые «промежуточные типы», особенности которых, по мнению Б.М. Гранде, характеризуются так: «Есть имена, имеющие некоторые грамматические характеристики, присущие глаголам, и наоборот. Происходит это, вероятно, оттого, что в течение длительного развития языков многие слова постепенно переходили из одной категории в другую и изменяли свой характер. В большинстве случаев мы застаем этот процесс уже законченным, и о том, что произошел переход, мы можем судить лишь в результате далеко идущих сопоставлений между аналогичными формами в разных языках» [Гранде, 1988, с. 186]. К промежуточным типам, занимающим место между полюсами имени и спрягаемого глагола, и относятся глагольные имена, подразделяемые на субстантивные и адъективные формы. В общей истории развития языков глагольные имена-адъективы сохранили способность к склонению, так как их морфологические признаки определяющего были зависимы от определяемого, а потому подвижны. Глагольные имена-субстантивы, наоборот, застыли в форме одного-двух падежей. Различные падежные формы древних глагольных имен-субстантивов стали инфинитивами или именами действия, от которых позже отделились герундии и супины. Древние глагольные имена-адъективы преобразовались в причастия, разновидностью которых стали герундив и специальные отглагольные прилагательные (как, например, в древнегреческом языке) [Козаржевский, 1998, с. 94]. К адъективным формам глагольного имени примыкают статив, ранее зафиксированный в аккадском языке [Каплан, 2006, с. 74], и деепричастные формы.

Соотношение возможных видов глагольных имен в разных языках индоевропейской и семитской семей различно и зависит от множества факторов. Освещение точного соотношения глагольных имен в разных языках, равно как и их морфологические и синтаксические характеристики, осуществляется в следующих главах данного исследования. В этом разделе дается только краткая

общая характеристика основных видов глагольных имен, подходящая к большинству языков индоевропейской и семитской семей [Балута, 2013, с. 25].

I. Глагольные имена-субстантивы

1. *Инфинитив*. Это глагольное имя субстантивного характера, которое чаще всего встречается в большинстве индоевропейских и семитских языков. Сам термин «инфинитив» латинского происхождения. Он восходит к прилагательному *infinitus* – «бесконечный, неограниченный, неопределенный» [Дворецкий, 1988, с. 398], которое, в свою очередь, восходит к глаголу *finio* – «заканчивать» [Там же. С. 327]. Слово *infinitivus* в латинском языке является прилагательным со значением «неопределенный». В сочетании со словом *modus infinitivus* представляет собой термин «неопределенное наклонение» [Там же. С. 398]. Опираясь на латинскую характеристику инфинитива, следует несколько расширить определение понятия данного глагольного имени. «Бесконечный, неоконченный» также можно охарактеризовать как «не имеющий личного окончания», так как форма инфинитива в индоевропейских языках обычно состоит из основы и суффикса. Понятие «неопределенное наклонение» передает многоплановость значений инфинитива [Балута, 2013, с. 26]. Во многих языках (например, латынь, иврит, русский и др.) инфинитив может выполнять функции повелительного наклонения: «Встать!» Он также может участвовать в образовании форм будущего времени и сослагательного наклонения: «Буду делать, поспать бы». И в то же время эта форма может употребляться в составе изъявительного наклонения: «Жить – значит мыслить». Таким образом, инфинитив и в настоящее время вполне оправдывает свое название как «неопределенная форма» [РГ, Т. 1, 2005, с. 673].

В древних языках инфинитив мог склоняться. В современных языках он употребляется в застывшей форме одного или двух падежей, обычно Именительного и Винительного. Окончания этих падежных форм совпадают, так как инфинитив соотносится с формой единственного числа среднего рода. В языках, которые генетически восходят к праязыку эргативного строя, инфинитив представляет собой застывшую форму иных падежей, обычно Дательного или

Местного. Инфинитив представляет собой основную и главную форму глагольного имени-субстантива, так как именно он преимущественно употребляется в полупредикативных оборотах типа латинского *Accusativus cum infinitive* [Балута, 2013, с. 26].

2. *Герундий*. Это глагольное имя субстантивного характера, обозначающее действие как процесс. Латинский термин *gerundium* позднего происхождения. Он восходит к встречающемуся у позднеантичных грамматиков сочетанию *gerundi modus* – «наклонение действия», что еще раз доказывает вторичность герундия по отношению к инфинитиву [Там же. С. 26]. Слово *gerundi* восходит к глаголу *gero* – «действовать» с архаичной формой суффикса *-und-*, поэтому суффикс, с помощью которого образуются формы латинского герундия, происходит от самого термина [ЛЯ, 2000, с. 167]. В языках, где нет формы герундия, ему соответствует по значению отглагольное существительное, как в русском языке, на *-ние*, *-тие*, или инфинитив, который, называя действие, сближается с существительным: «Читать полезно» / «чтение полезно» [Там же. С. 168]. В языках неэргативного строя герундий обычно употребляется в значении косвенных падежей; при этом по частотности употребления, как правило, преобладает Родительный падеж герундия. Например, в латинском языке герундий представляет косвенные падежи инфинитива, чаще всего встречается в форме *Genetivus: modus vivendi* – «образ жизни» [Там же. С. 167].

3. *Супин*. Это глагольное имя субстантивного характера, имеющее значение отглагольного существительного [Балута, 2013, с. 27]. Термин *supinum* латинского происхождения. Он имеет значение «двухсторонняя, глагольно-существительная форма» [Дворецкий, 1988, с. 751]. В грамматике тех языков, где встречается данная форма, супин обычно выполняет функцию достигательного наклонения [ЛЯ, 2000, с. 166].

Супин также может выполнять функции некоторых косвенных падежей инфинитива. Как инфинитив и герундий, он встречается только в единственном числе среднего рода. Например, в латинском языке супин употреблялся в двух падежах: Винительном – супин I и Отложительном – супин II. Супин I ставился

при глаголах движения для указания цели: *venio ornatum* – «прихожу, **чтобы украшать**»; супин II употреблялся в качестве дополнения при некоторых прилагательных: *labor facilis factu* – «работа, легкая **для выполнения**» [Там же. С. 167]. Крайне редко встречается Дательный падеж этой формы.

В старославянском языке супин также первоначально дополнял функции инфинитива. По мнению А.М. Камчатнова, старославянский супин в какой-то мере употреблялся вместо инфинитива: «**идѣ рѣкъ ловитѣ**». При этом в старославянском языке супин считается застывшим Винительным падежом древнего глагольного имени, а инфинитив представлял Дательный падеж [Камчатнов, 2001, с. 94].

Супин в более древних языках являлся некоторой альтернативой герундию и употреблялся в значении косвенных падежей инфинитива. В пользу этого говорит, например, то обстоятельство, что в латинском языке супин уже в классический период имел ограниченное употребление [Балута, 2013, с. 27]. В народной латыни с течением времени его использование сузилось еще больше и, «в конце концов, супин уцелел только на Востоке в значении отглагольного имени существительного» [Дынников, Лопатина, 1975, с. 62]. В старославянском языке форма супина, изначально употреблявшаяся наравне с инфинитивом, а в некоторых случаях чаще инфинитива, со временем была утрачена и заменена инфинитивом [Камчатнов, 2001, с. 94].

4. *Имя действия.* Это глагольное имя субстантивного характера, употребляющееся обычно в тех языках, где отсутствуют другие глагольно-именные формы, например в арабском [Гранде, 1988, с. 187]. По значению эта форма является «абстрактным названием самого действия (как производимого, так и воспринимаемого) либо переживаемого состояния, но без характеристик, присущих спрягаемым глагольным формам (лицо, время и др.). Она регулярно производится от глагольных основ и содержит в себе семантику соответствующей глагольной основы (интенсивность, каузативность, возвратность и т.д.)» [Там же. С. 188]. По значению имя действия сближается с инфинитивом, но по форме и употреблению оно является именем. Оно может принимать артикль, изменяться

по падежам, вступать в сопряженное сочетание, присоединять посессивные и местоименные суффиксы [Там же. С. 187]. Таким образом, имя действия может заменять собой все глагольно-именные формы субстантивного характера, но может и употребляться рядом с инфинитивом [Иванов, 2001, с. 150].

Общие черты «восточного» и «западного» направлений эволюции древних глагольных имен-субстантивов (в основном для инфинитива) в истории индоевропейских и семитских языков классифицируются в табл. 1 [Балута, 2013, с. 27].

Таблица 1 – Особенности эволюции глагольных имен-субстантивов

«Восточное» направление	«Западное» направление
1. Вербализация инфинитива происходит медленно, он не становится начальной формой глагола в словаре (иврит)	1. Вербализация инфинитива осуществляется быстрее, он занимает место начальной формы глагола в словаре (новые западные языки, например, немецкий)
2. Сохранение полупредикативных оборотов с инфинитивом, особенно в тех языках, где мало причастий (иврит)	2. Снижение частотности употребления полупредикативных оборотов с инфинитивом (новые западные языки)
3. Развитие адвербиальных функций у инфинитива (иврит)	3. Адвербиальные функции развиваются у герундия или деепричастия (народная латынь, русский)
4. Неизменяемость форм инфинитива – не развивается категория времени (семитские языки)	4. Частичная утрата временных форм инфинитива (народная латынь)
5. Употребление инфинитива без вспомогательного глагола в качестве сказуемого (древнегреческий)	5. Употребление инфинитива в составе сказуемого + вспомогательный глагол (новые западные языки)
6. Сохранение полисемантической инфинитива (иврит)	6. Распад полисемантической инфинитива или утрата данной формы (греческий)
7. Семантическое различие видовых форм инфинитива (русский)	7. Грамматическое различие временных форм инфинитива (новые западные языки)
8. Сохранение форм супина (румынский)	8. Утрата форм супина (русский)

II. Глагольные имена-адъективы

1. *Причастие*. Термин *participium* латинского происхождения. Он восходит к прилагательному *particeps* – «участвующий, причастный», которое в свою очередь восходит к существительному *pars* – «часть» [Дворецкий, 1988, с. 555].

Одно из значений термина «причастный» раскрывается как «состоящий из разных частей» [Там же. С. 555], относящийся и к глаголу, и к прилагательному.

Причастие – это основное глагольное имя адъективного характера, чаще всего встречающееся в большинстве индоевропейских и семитских языков. Причастие, как правило, обладает видовыми и залоговыми категориями, а в языках, где есть аффиксальные показатели склонения, оно, как прилагательное, может изменяться по родам, числам и падежам (например латинский язык). В некоторых языках, где система причастий развита довольно хорошо, причастие также может иметь временные формы: настоящее, прошедшее, будущее (например в древнегреческом языке). Основное морфологическое отличие причастия от инфинитива заключается в том, что причастие не ограничивается одной-двумя падежными формами. Оно согласуется с падежной формой имени существительного и в то же время может легко субстантивироваться (например в латинском языке: *sapio* – глагол «разбираться», *sapiens* – причастие «разбирающийся», прилагательное «мудрый», существительное «мудрец»). Некоторые виды причастий гораздо чаще, чем инфинитивы, входят в состав сложных (аналитических) глагольных форм (причастие прошедшего времени). Для многих индоевропейских языков такая функция причастия вообще является нормой (например, в латинском, итальянском, немецком языке и др.) [Балута, 2013, с. 27].

2. *Герундив.* Термин *gerundivum*, как и *gerundium*, латинского происхождения. Герундив – глагольное имя адъективного характера, употребляется в качестве отглагольного прилагательного. Как и причастие, герундив изменяется по родам, числам и падежам. В тех языках, где количество причастий невелико, герундив дополняет функции существующих причастных форм. Например, в латинском языке герундив употребляется в качестве страдательного причастия несовершенного вида, так как данная форма причастия в латыни отсутствует [ЛЯ, 2000, с. 170]; герундив языка идиш можно сопоставить с немецким *Partizip I* [Сандлер, 1989, с. 212], а в санскрите герундив соотносится с пассивным причастием будущего времени [Кочергина, 2005, с. 868].

Основные отличия герундива от причастия заключаются в следующем: герундив имеет иные, отличные от причастия словообразовательные морфемы, в некоторых индоевропейских языках (например в идиш), восходящих к суффиксу *-und-*, эта форма встречается преимущественно в индоевропейских языках; одна из функций герундива – выражение долженствования без употребления модального глагола (например, в латыни, санскрите, в языке идиш) [Балута, 2013, с. 27].

3. *Отглагольные прилагательные*, такие как в древнегреческом языке, со значением возможности и долженствования [Козаржевский, 1998, с. 94], являются более древним аналогом герундива, которого в древнегреческом еще не существовало. Они, как и герундив, дополняли значение причастий [Балута, 2013, с. 27].

4. *Деепричастие*. Эта форма примыкает к глагольным именам-адъективам. Деепричастие является неизменяемой формой даже в тех языках, где есть аффиксальное выражение склонения (санскрит, русский) и соединяет значения глагола и наречия. Существует теория о происхождении деепричастий русского языка от причастий путем утраты склоняемых аффиксов [Черных, 1954, с. 264]. Однако следует помнить, что формы деепричастий использовались уже в таких древних языках, как санскрит [Балута, 2008–2009, с. 27], одновременно с полной парадигмой причастий. Вероятно, древнейшие деепричастия представляли собой самостоятельные формы. В индоевропейских языках функции деепричастия может выполнять причастие (латинский язык), в семитских языках деепричастные значения развиваются у инфинитива (библейский иврит).

Общие черты «восточного» и «западного» направлений эволюции древних глагольных имен-адъективов (преимущественно причастий) в истории индоевропейских и семитских языков классифицируются в табл. 2 [Балута, 2013, с. 27].

Таблица 2 – Особенности эволюции глагольных имен-адъективов

«Восточное» направление	«Западное» направление
1. Количество причастных форм не изменяется (иврит)	1. Количество причастных форм сокращается (русский)
2. Употребление причастий в качестве сказуемого без вспомогательного глагола (санскрит, история русского языка)	2. Употребление причастий в качестве сказуемого + вспомогательный глагол (новые западные языки)
3. Сохранение самостоятельных причастных оборотов (английский)	3. Снижение частотности употребления самостоятельных оборотов (русский)
4. Употребление деепричастий наряду с причастиями (санскрит, русский)	4. Выполнение причастием функций деепричастия (латынь)
5. Отсутствие форм герундива (русский, иврит)	5. Появление форм герундива или других глагольных имен, выполняющих функции причастия (идиш)

В заключение можно констатировать, что более точное определение особенностей развития «восточного» и «западного» направлений индоевропейских и семитских языков в области глагольных имен следует рассматривать отдельно на материале каждого языка в синхроническом и диахроническом освещении. Подробному изучению этого вопроса посвящены 2, 3 и 4 главы данного исследования.

Выводы по главе 1

В современных индоевропейских и семитских языках имя и глагол представляют собой противоположные грамматические категории. В процессе изучения грамматик и словарей древних индоевропейских и семитских языков удалось установить, что имя и глагол, при всей противоположности этих категорий в современных языках, в древнейшем языковом состоянии имели единую исходную основу. Из этой основы в ходе исторического развития индоевропейских и семитских языков формируются различные глагольные имена. Глагольные имена по своим морфологическим характеристикам противопоставлены спрягаемым глагольным формам: они являются неличными формами глагола. В древних индоевропейских и семитских языках в основе

синтетически предикативных высказываний находился глагольно-именной субстрат, одновременно обладающий свойствами субъекта и предиката. Этот субстрат и представлял собой основу древнего глагольного имени. В словарях древних языков он зафиксирован как «чистый» глагольно-именной корень. Первым этапом дифференциации глагольно-именного субстрата было деление на статичную и динамичную формы, то есть на определяемое и определяющее: субстантив и адъектив. Это представляет собой один из древнейших способов предикации, некоторые виды которого сохранились и в современных языках. В результате языковой эволюции определяемое и определяющее все больше расходились по морфемному составу и занимали свое место в предложении. Вершиной антонимии бинарной предикативной основы стало употребление склоняемого имени и спрягаемой глагольной формы; это преобразование закрепилось во многих индоевропейских и семитских языках. Однако между такими полярными частями речи, как имя и глагол, всегда существовали «промежуточные типы». К промежуточным типам, занимающим место между полюсами имени и спрягаемого глагола, относятся глагольные имена, подразделяемые на субстантивные и адъективные формы. В общей истории развития языков глагольные имена-адъективы сохранили способность к склонению, так как их морфологические признаки определяющего были зависимы от определяемого, а потому подвижны. Глагольные имена-субстантивы, наоборот, застыли в форме одного-двух падежей. Различные падежные формы древних глагольных имен-субстантивов стали инфинитивами или именами действия, от которых позже отделились герундии и супины. Древние глагольные имена-адъективы преобразовались в причастия, разновидностью которых стали герундив, специальные отглагольные прилагательные и деепричастные формы.

В общей истории развития индоевропейских и семитских языков в области эволюции глагольных имен возникли два основных направления, характеризующиеся как «восточное» и «западное». На основании географического положения древних индоевропейских и семитских языков по отношению к новым «восточное» направление развития глагольных имен определяется как наиболее

древнее. «Восточное» направление характеризуется образованием в языке полупредикативных оборотов с глагольными именами и сохранением этих конструкций на более поздних этапах развития языка. Более древними типами конструкций являются предложения, где причастие используется в качестве предиката без глагольной связки. К чертам «восточного» направления также относится семантическое различие совершенного / несовершенного вида глагола, распространяющееся и на глагольные имена. Синтетическая предикативность конструкций, являющаяся показателем активной работы правого полушария и основанная на образном мышлении, приводит к возникновению в языке такого явления, как «обширная субстантивация». К чертам «западного» направления относится замена в языке древних полупредикативных и причастных оборотов сложноподчиненными предложениями, постепенный переход с семантического видового различия глагольных форм на грамматическое. Это выражается в упразднении большей части супплетивных основ, а также в сближении категорий вида и времени. Вид глагола становится непостоянным признаком, в результате чего от разных основ одного и того же глагола могут образовываться временные формы совершенного и несовершенного вида. Усиление аналитической предикативности приводит к упразднению или отсутствию в языке «обширной субстантивации», которая распространяется на словосочетание и предложение. Субстантивация преимущественно сохраняется только в пределах такой номинативной единицы, как слово.

Детальному изучению особенностей глагольных имен-субстантивов, глагольных имен-адъективов, а также полупредикативных конструкций с этими грамматическими формами на основе конкретного материала древних и новых индоевропейских и семитских языков посвящены остальные главы данного исследования.

Глава 2. Древнейшие глагольные имена-субстантивы и их преобразования в индоевропейских и семитских языках

2.1. Характеристика инфинитива как именной формы глагола⁸

2.1.1. Предпосылки формирования инфинитива в древнейших дешифрованных языках

Инфинитив – одно из самых древних глагольных имен субстантивного характера, обладающее большим количеством синтаксических функций, как в индоевропейских, так и в семитских языках. Однако само понятие «инфинитив» в языках разных семей воспринимается по-разному, и это зависит от всей грамматической организации каждой языковой системы. Предпосылки формирования индоевропейского и семитского инфинитива можно рассматривать уже в древнейших дешифрованных языках, за основу которых в данном исследовании принимаются шумерский и эламский языки. (Остальные древнейшие языки рассматриваются фрагментарно по причине ограничения объема исследования.) В шумерском и эламском языках многие грамматические процессы образования форм, осуществившие стадию завершения в древних индоевропейских и семитских языках, зафиксированы еще в переходном состоянии. Это способствует более глубокому пониманию причин формирования синтаксических функций у различных глагольных имен, в том числе и у инфинитива [Балута, 2013, с. 5].

В шумерском языке, который является одним из самых древних дешифрованных языков, неличные формы глагола еще не дифференцированы на основные формы, которые существуют в более поздних по происхождению индоевропейских и семитских языках. В шумерском языке существовала единая форма глагольного имени, которая представляла собой «чистый» глагольный

⁸ В разделах диссертации, посвященных характеристике отдельных видов глагольных имен, представлены только те из исследуемых здесь языков, в которых упоминаемое глагольное имя (или его эквиваленты) в грамматиках и учебниках выделяется в самостоятельную категорию. – А.Б.

корень или глагольный корень с суффиксом *-a-* [Канева, 2006, с. 179]. Грамматические функции этого суффикса еще не определены до конца, так как он мог употребляться и в составе глагольных имен, и в составе спрягаемых глагольных форм. Иногда он используется, подобно древнегреческому определенному артиклю, в качестве элемента, субстантивации целого словосочетания или предложения [Там же. С. 199]. Этот же суффикс часто определял глагольный корень как существительное: *inim dug4-a* – «(то) слово, что сказано», «сказанное слово» [Там же. С. 180]. В настоящем исследовании поэтапно представлены те значения шумерского общего глагольного имени, которые можно соотнести со значениями более поздних дифференцированных глагольных имен в индоевропейских и семитских языках. Это будет способствовать определению предпосылок выделения различных глагольных имен в более поздних индоевропейских и семитских грамматических системах [Балута, 2013, с. 6].

Ближе всего к значению индоевропейского и семитского именного инфинитива подходит шумерское глагольное имя, оформленное суффиксом *-ed-* и показателем Местно-Направительного падежа *-e*. Глагольное имя с данными грамматическими показателями в сочетании с глаголом целенаправленного действия получает значение цели, поэтому его можно рассматривать как супин или целевой инфинитив: *é^dNin-gir-su-ka dù-dè (dù-ed-e) Gù-dé-a uru-ni Gír-su^{ki}-šè gú mu-na-si-si* – «**чтобы** храм Нингирсы **построить**, к Гудеа в его город Гирсу они собираются» [Там же. С. 181]. Следующий пример представляет глагольное имя с показателями *-ed-e*, распространенное зависимыми словами. Такие конструкции являются эквивалентами целевых придаточных предложений, а глагольные имена модели *R-ed-e* можно рассматривать как аналог индоевропейского и семитского именного инфинитива: *eden-né ^ua-nir mú-mú-dè (mú-mú-ed-e) ama (ama-e) dumu-ni-ir kin u-kin-kin-dè ad-da (ad-da-e) a dam-mu nu-di-dè ... An ^dEn-líl ^dEn-ki ^dNin-mah-bi (^dNin-mah-bi-da) nam-bi ha-ba-an-tar-re-eš* – «чтобы степь выращивала «траву плача», чтобы мать не находила своего сына, чтобы отец «О моя жена!» не мог говорить... Ан, Энлилль, Энки и Нинмах такую судьбу определили» [Там же.

С. 182]. С инфинитивом в именном значении также можно соотнести употребление «чистого» глагольного корня в качестве определения к существительному: lú **du-du-zu** – «человек, знающий бродяжничество» (букв.) «человек хождение-хождение-знать» [Там же. С. 180].

Эламский язык, как и шумерский, относится к эргативным языкам агглютинирующего типа, то есть грамматические характеристики обозначаются в слове через ряд специальных показателей – формантов. Форманты, определяющие слово как глагольное имя, обычно располагаются на втором или третьем месте. Границы глагольного имени, как и в шумерском, здесь довольно подвижны, особенно это касается глагольных имен субстантивного характера [Балута, 2013, с. 7].

Инфинитив и герундий не дифференцированы в отдельные разряды глагольных имен-субстантивов, они скорее воспринимаются как разные формы абстрактного имени действия. Герундий с показателем несовершенного вида *-ma-* или с относительным показателем *-a-* может иметь значение инфинитива: kuši-ma-n-a – «строить», tiri-ma-n-a – «говорить» [Дьяконов, 1967, с. 104].

В **хурритском** языке инфинитив и близкие ему по значению и форме имена действия и состояния образуются с помощью форманта *-umme*, *-um*: fahr-umme – «доброта», «дружба», itt-ummi – «выход», «отправка». В урартском языке данная форма зафиксирована только одним примером [Там же. С. 157].

В **урартском** языке больше распространена форма супина (инфинитив со значением цели), которая образуется посредством форманта *-edə*: ar-edə – «чтобы давать», ḥa-idə – «чтобы взять» [Там же. С. 158].

Таким образом, можно заключить, что в древнейших дешифрованных языках инфинитив прошел начальную стадию формирования, и за этим глагольным именем закрепились следующие функции: выражение целевого значения, дополнение, определение существительного. Основные форманты, определяющие глагольное имя как инфинитив, *-ed(e)*, *-um(me)* [Балута, 2013, с. 8].

2.1.2. Инфинитив в древних и новых индоевропейских языках: типологический обзор

Инфинитив (или его аналоги) встречается во всех исследуемых в данной работе индоевропейских языках. Изучению данной формы в некоторых наименее исследованных языках (санскрит, хеттский, идиш) в сравнительно-сопоставительном аспекте посвящены отдельные разделы данной главы.

В **арийских** языках (хиндустани, урду, панджаби) основным морфологическим показателем инфинитива является суффикс **-na-**. Инфинитив может сочетаться с модальными и фазисными глаголами, употребляется в значении имени действия, может выражать значение цели, возможности, а также разрешения совершить действие. Эта форма может употребляться в качестве повелительного наклонения и в некоторых языках имеет не одну, а несколько падежных форм [Балута, 2014, с. 6].

В **хиндустани** инфинитив – это исходная форма глагола для образования остальных форм. Эта же форма представляет глагол в словаре. Признаком инфинитива является суффикс **-na-**. По форме инфинитив представляет собой отглагольное существительное мужского рода единственного числа: *honā* – «быть», *jānā* – «уходть», *bolnā* – «говорить». В абстрактном значении инфинитив может употребляться в функции имени действия: *honā* – «бытие», *jānā* – «уход», *bolnā* – «говорение». Инфинитив, как и другие существительные, употребляется с послелогам. При этом к основе косвенных форм инфинитива присоединяется окончание **-e**: *pinā* – «пить», *pīne se* – «от питья»; *calnā* – «двигаться», *calnē meñ* – «в движении»; *likhnā* – «писать», *likhne ke liye* – «для писания», *kahnā* – «говорить», *kahnekā* – «такой, что можно сказать» [Баранников, 1934, с. 67].

В **урду** инфинитив образуется от глагольного корня с помощью суффикса **-nā-**. Данная глагольная форма в урду может иметь субъектное и объектное значение. Если действующее лицо спрягаемого глагола и инфинитива совпадают, то инфинитив называется субъектным: *maiñ khūd yahāñ rahnā nahīñ cāhtā* – «я сам здесь не хочу оставаться». Если действующее лицо спрягаемого глагола и

инфинитива не совпадает, то инфинитив называется объектным: *unhoñ ne gārson ko tīnoñ ke lie kāfī lāne ko kahā* – «он велел официанту принести кофе на троих». Инфинитив различает формы действительного и страдательного залога, при этом страдательный инфинитив образуется только от переходных глаголов: *uṭhāyā jānā* – «быть поднятым», *biṭhāyā jānā* – «быть усаженным». Инфинитив от глагола *karnā* – «делать» употребляется в описательном глагольном обороте, который, как правило, переводится на русский язык одним словом: *unheñ nārāz karnā munāsib nahīñ mālūm hotā* – «представляется неудобным огорчать его», (букв.) «делать огорчение». Как и во многих других индоевропейских языках, инфинитив в урду может сочетаться с модальными и фазисными глаголами: *likh saknā* – «уметь писать», *kar sukṇā* – «закончить делать». Инфинитив может употребляться в парных сочетаниях: *wālidain se bhī kuch kahnā sunnā bekār unheñ malūm hotā thā* «да и **просить** (букв. «говорить-слушать») что-либо у родителей ему представлялось бесполезным». Инфинитив в урду, как и спрягаемый глагол, может передавать значение переходности и непереходности действия: *karnā* – «делать», *denā* – «давать» – переходные; *rahnā* – «оставаться», *leṭnā* – «лежать» – непереходные [Дымшиц, 2001, с. 153]. Инфинитив в урду может иметь значение повелительного наклонения: *bhayā, hamārī cīzeñ na bhūl jānā* – «брат, не забудь о моих вещах!» [Там же. С. 154].

В языке **панджаби** инфинитив – это имя действия мужского рода. Как и в хиндустани, он является исходной формой для образования дрёёгих глагольных форм. Образуется инфинитив от глагольной основы посредством суффикса *-ṇā-*, а если основа оканчивается на *r*, *ṛ*, *ṇ*, *ṛh*, с помощью суффикса *-nā-*: *jāṇā* – «идти», «уходить»; *karnā* – «делать», *laṇā* – «сражаться», *sunṇā* – «слышать», *paṛhnā* – «читать». В панджаби инфинитив является «склоняемым» именем, форма его Общекошвенного падежа образуется посредством отбрасывания конечной гласной *-ā/-a*: *lithe māe paṛhan laī aī* – «я пришла сюда для того, чтобы **учиться**» [Толстая, 1960, с. 31]. Инфинитив в Общекошвенном падеже может сочетаться с глаголом *lagṇā* – «быть приложенным», это сочетание имеет значение начала действия: *uh kamm karan lagṇā* – «он начал работать». Инфинитив в

Общекосвенном падеже в сочетании с глаголом *raeṇā* употребляется в значении возможности совершения действия: *uh dekhaṇ riā* – «он мог посмотреть». Инфинитив в Общекосвенном падеже в сочетании с глаголом *deṇā* можно использовать в значении разрешения совершить действия: *māe nū baetḥaṇ deṇa* – «разрешите мне сесть» [Там же. С. 43].

В **сингальском** языке в качестве словарной формы глагола используется причастное имя общего действия I. Оно образуется от глагольного корня с помощью окончания *-navā*. Это глагольное имя является начальной формой глагола и переводится на русский язык инфинитивом: *karanavā* – «делать», *kiyanavā* – «говорить», *liyanavā* – «писать» [Белькович, 1977, с. 30].

В **иранских** языках (авестийском, талышском, древнеперсидском, среднеперсидском и новоперсидском) инфинитив представляет собой застывшую форму Дательного (реже Винительного) падежа древнего глагольного имени действия. Поэтому в некоторых языках, например в авестийском, формы инфинитива и имени действия трудно дифференцируются. Основными показателями инфинитива являются суффиксы *-ti-*, *-e-*, *-an-*, *-itan-*, *-ai-* для Дательного и *-m-* для Винительного падежей. Инфинитив сочетается с модальными и фазисными глаголами, передает императивное и оптативное значение, может выражать семантику намерения и цели действия. В именном значении используется в качестве подлежащего и дополнения. В оборотах со значением «сложного дополнения» употребляется в качестве логического сказуемого [Балута, 2014, с. 8].

В **авестийском** языке инфинитив не имеет отдельной морфологической формы. В значении и функциях инфинитива могут выступать различные падежи имен действия. Выделить из них формы, уже ставшие инфинитивом и вошедшие в систему глагола, довольно трудно. Определение глагольного имени как инфинитива на основании глагольного управления оказывается недостаточным, так как в авестийском языке глагольное управление присуще многим именным формам. Поэтому выделение инфинитивов считается условным [Соколов, 1961, с.

105]. Однако в числе наиболее устойчивых падежных форм глагольных имен в качестве инфинитива можно рассматривать следующие:

1) формы Дательного падежа имен действия, сохранивших иные падежные формы, особенно имен на -TI: SAPTAYAI, SUPTAYAI;

2) образования, восходящие к формам Дательного падежа, но уже утратившие формы других падежей. Это образования глагольных корней с формантом -DYĀI: ĪŃ-DYĀI – «бить», VAID-DYĀI – «знать».

Авестийский инфинитив мог употребляться в сочетании с модальным глаголом как именная часть составного именного сказуемого: *yezī vasəp mazdayasna zaṃ raoidyam hixtayaēča karštayaēča parakantayaēča* – «если хотят маздаясны землю пахотную **орошать, обрабатывать и перекапывать**». Инфинитив также мог передавать императивное значение: *hōi hudəməm dyāi vahədrahya* – «**дадим** ему приятность речи» [Там же. С. 106]. Авестийский инфинитив мог использоваться в качестве «логического сказуемого» в оборотах со значением сложного дополнения.

В талышском языке инфинитив имеет две формы. Первая образуется посредством прибавления к основе прошедшего времени окончания -e: *karde* – «делать», *bame* – «плакать», *njšte* – «сидеть». (Это окончание соответствует новоперсидскому -ān, среднеперсидскому -an и древнеперсидскому -anaīy.) Вторая форма образуется в результате присоединения к основе настоящего времени окончания -ie: *čīnie* – «собирать, рвать», *kṛnie* – «тащить». (Это окончание соответствует новоперсидскому -idān, среднеперсидскому -ītan.) [Миллер, 1953, с. 141]. Талышский инфинитив, как и новоперсидский, одновременно является глагольным именем действия. Но талышский инфинитив обладает большими морфологическими и синтаксическими возможностями [Там же. С. 142].

Инфинитив в талышском языке отчасти является эквивалентом латинского супина, поэтому может передавать значения намерения и цели действия. Поскольку в современном русском языке форма супина отсутствует, то на русский язык такие конструкции переводятся без изменений: *bīdam paté* – «я

отдам сварить», *bída gaté* – «прикажи поймать», *ša ba tük nišandé* – «он ушел чалтык сажать» [Там же. С. 186]. Как и в русском языке, талышский инфинитив может употребляться в качестве дополнения после модальных (например *zine* – «быть в состоянии, знать, уметь») и фазисных глаголов (например, *da-mānde* – «начинать», *áište* – «приниматься за что-нибудь»), а также после безличных отрицательных глагольных форм (например, *abíni*, *nímena* – «невозможно»). На русский язык такое дополнение, как правило, переводится инфинитивом: *aište síré* – «он начал смеяться», «он засмеялся», *aišre navé* – «он начал гулять», *da-mānde bamé* – «он начал плакать», *hardé azínimon* – «мы не можем сесть», *nízname omé* – «я не смог прийти», *hašte abíni* – «невозможно покинуть» [Там же. С. 187].

Талышский инфинитив используется в именном значении и употребляется в качестве глагольного существительного (масдара). Это явление особенно широко распространено в литературной форме языка. В разговорной (народной) форме языка масдары встречаются редко. Примеры употребления масдара из газеты «Красный Талыш»: *maǰburi **hande*** – «обязательное **обучение**», *socializm **düz kai*** – «**построение** социализма», *bo **kirnije*** – «**перевозка** грузов» [Там же. С. 188]. В литературном языке также часто употребляются составные конструкции, элементом которых служит инфинитив от глаголов *be* – «быть» и *karde* – «делать»: *i be* – «единство», *paído be* – «нахождение», *nez be* – «близость», *ǰām karde* – «собрание», *dägeš karde* – «изменение», *paído karde* – «нахождение» [Там же. С. 187]. Такие случаи употребления инфинитива тоже можно рассматривать как примеры «обширной субстантивации».

В древнеперсидском языке инфинитив зафиксирован в застывшей форме Дательного падежа от основы на *-tan*, (которая в новоперсидском преобразовалась в *-dan*); в соединении с показателем Дательного падежа инфинитивные формы оканчивались на *-tanai*: *kantanai* – «копать», *bartanai* – «нести», *niraištanai* – «писать». [Соколов, 1979, с. 266]. Древнеперсидский инфинитив употреблялся как дополнение при глаголе: *utadiš atāvayam **bartanai*** – «и я смог их **использовать**»; в результате чего в более распространенных конструкциях подобного типа он мог выступать в качестве логического сказуемого в оборотах со значением сложного

дополнения: *imām dipim nīraištānāi* – «я приказал выбить эту надпись» [Там же. С. 267].

В **среднеперсидском** языке было две формы инфинитива: полный и усеченный. Полный инфинитив образуется от основы прошедшего времени с помощью суффикса *-an-*: *kartan* – «делать», *raftan* – «идти». Инфинитив одновременно является и именем действия, поэтому может сочетаться с предлогами и послелогом *-rāδ* – «когда»: *arāyēt būtan rāδ* – «как и следовало быть». Усеченный инфинитив равен основе прошедшего времени без конечного *-an*: *kart* – «делать», *raft* – «идти». Эта форма употреблялась только в сочетании с другими глаголами, в основном с модальными: *nēvakīh kart arōyītan ī pat vēhān* – «необходимость совершать добрые дела по отношению к добрым людям» [Расторгуева, 1966, с. 117].

В **современном персидском** языке инфинитив образуется от основы прошедшего времени с помощью суффикса *-ān-* / *-āz-*, при этом он может входить в состав сложных глаголов в качестве именной части: *ciz-i didān kārdān āst* – «осматривать что-либо» [Рубничик, 1960, с. 116].

В **тохарских** языках инфинитив образуется от основы глагола с помощью окончания *-tsi*: *karasatsi* – «знать», *šāmtsi* – «знать». *Murtāṣe olañk nai ñke rañkasti* – «на высокую гору вдохновения следует **взойти** до конца». В восточнотохарском это окончание присоединяется к основе настоящего времени, а в западнотохарском – к основе конъюнктива [ТЯ, 1959, с. 68].

В языках **греческой** группы (от древнего их состояния к современному) наблюдается тенденция к утрате форм инфинитива. В древнегреческом языке существует множество синтетических форм инфинитива разных времен (наиболее употребительные формы имеют суффиксы *-ein-*, *-ai-*). Это глагольное имя может иметь разные падежные формы, которые не имеют изменяемых флексий, а определяются только склоняемым артиклем. Инфинитив широко используется как в субстантивном, так и в предикативном значении, в том числе и в оборотах со значением «сложного дополнения» и «сложного подлежащего». В современном греческом языке инфинитив не употребляется.

В **древнегреческом** языке инфинитив различает пять временных форм: настоящее, аорист, перфект, будущее I и будущее II. Разница в значениях инфинитивов настоящего времени и аориста иногда может быть только видовая: ποιεῖν (инф. настоящего времени) – «делать»; ποιῆσαι (инф. аориста) – «сделать». Инфинитив будущего времени употребляется редко, он встречается лишь в некоторых полупредикативных конструкциях, соответствующих придаточным предложениям: ὁ στρατηγὸς ἤλπιζε τὸ ἑαυτοῦ στρατεύμα νικῆσειν – «стратег надеялся, что его войско победит» [Козаржевский, 1998, с. 76]. Формы инфинитива образуются во всех залогах: активном, пассивном и среднем. Значения древнегреческого инфинитива во многом соответствуют значениям инфинитива в русском языке, но довольно часто эта форма переводится на русский язык спрягаемой формой глагола в изъявительном наклонении [Соболевский, 1999, с. 87]. Древнегреческий инфинитив может субстантивироваться и употребляться в качестве «логического сказуемого» в оборотах со значением сложного подлежащего и сложного дополнения. Инфинитив может также иметь падежные формы, которые можно определить по склоняемой форме определенного артикля, употребляемого при субстантивированном инфинитиве. С течением времени это глагольное имя в греческом языке постепенно выходило из употребления [Широков, 1983, с. 92]. В современной форме греческого языка инфинитива нет. Подробнее использование форм древнегреческого инфинитива рассматривается в тех разделах исследования, которые посвящены сопоставлению синтаксических функций глагольных имен в индоевропейских и семитских языках.

В **современном греческом** языке форма инфинитива отсутствует, словарной является форма 1-го лица единственного числа глагола в настоящем времени [Рытова, 2004, с. 29].

Из представленных здесь языков **балтийской** группы формы инфинитива зафиксированы в прусском, литовском, латышском и латгальском языках.

В **прусском** языке инфинитив имел окончания *-t*, *-twei*, *-twi*, *-twe*, *-ton*, *-tun* [Топоров, 2006, с. 71]. Эти окончания считаются эквивалентными, поэтому

инфинитив от одной глагольной основы мог иметь одно значение и несколько параллельных форм: *boūt, būton* – «быть», *dāt, dātwei, daton* – «давать» [Дини, 2002, с. 287]. По грамматическим характеристикам окончания прусского инфинитива можно рассматривать как именные окончания Дательного и Винительного падежей [Топоров, 2006, с. 70]. На данном основании можно предположить, что этот инфинитив представляет собой объединенную форму более древнего супина (окончания *-tun, -ton*) [Там же. С. 70] и собственно инфинитива.

В литовском языке инфинитив образовывался посредством аффикса *-ti* или *-t* (краткая форма аффикса имеет широкое употребление в разговорной речи), а у возвратных глаголов посредством суффикса *-tis-*, который присоединяется к основе на согласный, долгие гласные *o, é, u*, дифтонг или дифтонгическое сочетание. Инфинитив употребляется в составном глагольном сказуемом при фазисных и модальных глаголах: ***pradėti dirbti*** – «начать писать», ***bandyti rašyti*** – «пытаться писать»; при существительных: ***baūndymas pabėgti*** – «попытка убежать». Синтаксические функции инфинитива в литовском языке во многом соответствуют функциям данной формы в других индоевропейских языках. Некоторые случаи сочетания инфинитива с определенными падежными формами существительных не имеют широкого распространения во всех языках индоевропейской семьи, однако аналоги таких оборотов можно найти в древних языках, например в латинском.

1) В литовском языке используется сочетание инфинитива с Дательным падежом существительного: *Žėmė netiko žmonėms gyvėnti* – «Земля была непригодна для жизни людей / (букв.) людям жить» [Булыгина, Синева, 2006, с. 128]. В латинском языке Дательный падеж может употребляться в значении *commodi / incomodi* «выгоды и невыгоды», то есть слово в Дательном падеже называет лицо или предмет, на пользу или в ущерб которому совершается действие: *vitae discere* – «учиться для жизни» [ЛЯ, 2000, с. 151]. Однако в латыни глагол при Дательном *commodi / incomodi* не обязательно употребляется в форме

инфинитива, можно использовать и спрягаемые формы: *vitae discimus* – «мы учимся для жизни».

2) В литовском языке употребляется сочетание Родительного падежа с инфинитивом: *Jis atėjo knygos scaityti* – «Он пришел книгу **читать**» [Булыгина, Синева, 2006, с. 128]. В латинском языке у Родительного падежа есть объектное значение, когда он употребляется вместо Винительного при переходных глаголах и образованных от них существительных: *studium litterarum* – «занятие наукой». [ЛЯ, 2000, с. 148]. Литовский инфинитив также может употребляться в объектном значении, тогда он замещает имена существительные в соответствующих падежах, Винительном или Родительном: *Pasiėmė valgvti iš gėrti* – «Взял с собой **есть и пить** (еды и питья / еду и питье)». Употребление инфинитива в значении объекта, особенно в сочетании с Родительным падежом, может указывать на то, что литовский инфинитив объединил в себе функции инфинитива и герундия, который считается застывшей формой Родительного падежа древнего глагольного имени.

3) Литовский инфинитив, как и во многих других индоевропейских языках, например в русском, может иметь целевое значение: *vieta apsistoti* – «место остановиться» [Булыгина, Синева, 2006, с. 128]. В таких случаях перевод на другие языки может быть буквальным. Целевое значение инфинитива также указывает на объединение в этой форме функций инфинитива и супина, более древнего глагольного имени с целевым значением. Сам супин сохранился только в восточноаукштайтском диалекте литовского языка [Там же. С. 127].

4) Инфинитив в литовском языке также может употребляться в безличных конструкциях: *Nũo kálno (yra) matyti ėžerą* – «с горы **видно** озеро». Однако в современной форме языка наблюдается тенденция к переходу подобных безличных конструкций в определено-личные с глаголом в возвратной форме: *Nũo kálno mātėsi ėžeras* – «с горы виднелось озеро» [Там же. С. 128].

По формообразующему аффиксу [Там же. С. 136], а также по системе значений литовский инфинитив можно считать застывшей формой Дательного (отчасти Винительного) падежа древнего глагольного имени.

В **латышском** языке инфинитив имеет показатель *-t-* (для невозвратных глаголов) и *-t-ies* (для возвратных): **gatavot** – «готовит», **gatavoties** – «готовиться» [Сталтмане, 2006, с. 176]. Возможно, как и в литовском языке, инфинитив невозвратных глаголов представляет собой усеченную форму инфинитива на *-ti-* и является застывшей формой Дательного падежа [Там же. С. 179] древнего глагольного имени.

В **латгальском** языке, как и в латышском, инфинитив имеет показатель *-t* (у невозвратных глаголов): **īt** – «идти», **saukt** – «звать»; и показатель *-tīs* (у возвратных глаголов): **saukīs** – «называться», **smītīs** – «смеяться» [Брейдак, 2006, с. 205].

В **славянских** языках (южнославянские: старославянский, болгарский, хорватский, сербский; западнославянские: чешский, словацкий, польский; восточнославянские: древнерусский, современный русский, украинский, белорусский) инфинитив является застывшей формой Дательного падежа древнего глагольного имени. Основные суффиксы инфинитива **-t, -u, -a, -ти, -ть**. Инфинитив передает значение цели, в предложении выполняет функции подлежащего, сказуемого, определения, прямого и косвенного дополнения, обстоятельства. Он может сочетаться с глаголами движения и оценки, выражает императивное значение; иногда употребляется как сказуемое в протасисе сложных условных периодов. В некоторых языках (болгарский, сербский) инфинитив имеет ограниченное употребление.

Инфинитив в **старославянском** языке представляет собой протославянское глагольное имя, которое еще в дописьменную эпоху утратило изменение по родам, числам и падежам, застыв в форме единственного числа среднего рода Дательного падежа. Вначале эта форма употреблялась исключительно в функции косвенного дополнения при глаголе или существительном: **мѣнѣ подобаетъ дѣлати дѣла послѣдшааго ма**. У большинства старославянских глаголов инфинитив имеет окончание **-ти**. В истории русского языка [Стародубцева, 2008, с. 89; Юрьева, 2009, с. 46] инфинитив все больше переходил в систему глагола, в результате чего

утратил некоторые из своих функций, например, перестал употребляться в качестве «логического сказуемого» в некоторых видах оборотов со значением сложного дополнения. При этом старославянский инфинитив, после утраты форм супина, стал передавать значение цели [Камчатнов, 2001, с. 94].

В **болгарском** языке инфинитив представляет собой неопределенную форму глагола с окончанием *-и, -а*: *би* – «быть», *носи* – «носить», *позна* – «разобрать». Словарной формой глагола считается форма 1-го лица единственного числа настоящего времени. В современном языке инфинитив имеет ограниченное употребление, он встречается преимущественно в составе сложных форм императива и в некоторых архаичных формах будущего времени: **писа** ща – «буду писать» [Маслов, 1981, с. 236]. Инфинитив может сочетаться с модальными глаголами: *може би* – «может быть»; *Да го видиш, не можеш го позна човек ли е, мравка ли е* – «Посмотришь на него и не можешь **разобрать**, человек это или муравей». В большинстве случаев русские сочетания с инфинитивом переводятся на болгарский язык конструкциями с конъюнктивом [Там же. С. 284].

В **хорватском** языке форма инфинитива образуется от глагольной основы с помощью окончаний *-ti* или *-ci*: *imati, raditi, doći, tući*. У возвратных глаголов к инфинитиву присоединяется частица *se*: *bojati se, kolebati se* [Калинин, 2009, с. 52].

В **сербском** языке инфинитив признается застывшей формой глагольного имени. В то же время это словарная форма глагола, которая у большинства глаголов образуется от основы посредством окончания *-ти*: *носити* – «нести», *чути* – «слышать», *волети* – «любить». У некоторых глаголов инфинитив имеет окончание *-ћи*: *рећи* – «сказать», *пећи* – «печь». Сербский инфинитив, как и русский, имеет категорию вида, переходности и возвратности: *отићи* – «уйти», *ићи* – «идти»; *радовати се* – «радоваться». Переходные глаголы в инфинитиве могут иметь при себе прямое дополнение в Винительном падеже: *писати писмо* [Маркович [и др.], 2002, с. 38]. В современном сербском языке синтетическая форма инфинитива употребляется редко. Обычно вместо нее используется так

называемый аналитический инфинитив, состоящий из сочетания модальной частицы *da* со спрягаемой формой глагола в настоящем времени: *они хоће да купе кола* – «они хотят купить машину» [Там же. С. 67]. Такие конструкции по форме аналогичны старославянским конструкциям переходного типа, которые прежде являлись эквивалентами некоторых видов придаточных конструкций, но во многих славянских языках с течением времени вышли из употребления [Балута, 2005, с. 56].

В **чешском** языке инфинитив является неопределенной формой, он образуется от глагольной основы с помощью суффикса *-t*: *číst* – «читать», *spat* – «спать». Инфинитив различает формы несовершенного и совершенного видов: *nést* – «нести»; *přinést* – «принести» [Обухова, 2010, с. 132]. Употребление чешского инфинитива в ряде случаев аналогично русскому языку: *byli jsme se koutat* – «мы ходили купаться» [Там же. С. 212]. Инфинитив также используется в качестве «логического сказуемого» в оборотах со значением сложного дополнения и в некоторых типах абсолютных конструкций с обстоятельственным значением. Подобные обороты рассматриваются в главе 4 данного исследования.

В **словацком** языке инфинитив образуется с помощью суффикса *-ť*: *tancovať* – «танцевать», *študovať* – «учиться» [Мистрик, Тугушева, 1981, с. 70]. Употребление инфинитива в словацком языке во многом аналогично русскому языку. Он сочетается с модальными и фазисными глаголами, а также с глаголами движения и оценки: *Jemu môžem povedať všetko* – «ему я могу сказать все»; *Páči sa mi robiť to* – «мне нравится это делать» [Там же. С. 289]. Существуют конструкции, где словацкий инфинитив переводится на русский язык, как правило, иной глагольной формой. 1) Сочетание глагола *byť* с инфинитивом глагола восприятия и Винительным падежом объекта: *Z hory vidieť dedinu* – «С горы видна деревня». В истории русского языка существовали похожие типы конструкций с глаголами чувственного восприятия, в настоящее время это безличные предложения, где инфинитив заменен безличной формой личного глагола: *Отсюда не видать* – *Отсюда не видно*. 2) В протасисе бессоюзных условных придаточных предложений инфинитив может употребляться в качестве

сказуемого: *Mať diplom, všetko by bolo v poriadku* – «Если бы у меня был диплом, все было бы в порядке». В русском языке также можно найти подобные конструкции с инфинитивом: *Будь у меня диплом...* 3) Сочетания с глаголами *dať si* и *dať sa* с инфинитивом, передающие значения «позволить, разрешить кому-либо что-то сделать»: *dal si vytrhnúť zub* – «ему вырвали зуб» [Там же. С. 290]. Словацкий инфинитив может также употребляться как «логическое сказуемое» в оборотах со значением сложного дополнения.

В польском языке инфинитив (неопределенная форма) образуется от основы прошедшего времени посредством суффикса *ć*: *pasać* – «писать», *czytać* – «читать» [Дворецкий, 1947, с. 248].

В древненовгородском диалекте русского языка формы инфинитива имеют окончания *-ти* и *-ть*: *ковати, исправить* [Зализняк, 2004, с. 142].

В современном русском языке инфинитив – неопределенная и словарная форма глагола. Он признается застывшей формой Дательного падежа древнего глагольного имени. В современном состоянии языка это неизменяемая форма. Инфинитив обозначает обобщенное, абстрактное действие, не определенное с точки зрения времени, лица, числа и склонения. Эта форма образуется с помощью суффиксов *-ть* / *-ти*: «делать, идти», может быть как несовершенного – «делать» так и совершенного – «сделать» вида [Николаенко, 2001, с. 81] и сочетается с частицей «бы»: «Мне бы отдохнуть» [Романова, 2008, с. 33]. В современном русском языке синтаксические функции инфинитива очень широки: он может выступать в роли всех членов предложения [СРЛЯ, 2001, с. 234].

В украинском языке инфинитив является начальной формой глагола и оканчивается на *-ти*: *жити, вкривляти*. Формы на *-ть* также встречаются в разговорном языке, языке фольклора и художественной литературы: *Мені шляху не питать*. Инфинитивные формы отдельных глаголов могут принимать ласкательные суффиксы: *спатки, спатоньки, спатьчки* [Безпояско [и др.], 1993, с. 128].

В белорусском языке инфинитив имеет окончание *-ць* после основы на гласный – *хадзіць, гаварыць* и *-ці* после основы на согласный – *сесці, намерці, паўзці*. Имеется ряд глаголов на *-чы*: *магчы, пачы* [Кондрашов, 1986, с. 102].

В германских языках (готском, древнеисландском, датском, норвежском, шведском, немецком, английском) инфинитив преимущественно представляет собой застывшую форму Винительного падежа древнего глагольного имени. Основные показатели инфинитива – суффиксы *-an, -a, -u, -e, -en*. Инфинитив часто употребляется вместе с частицами *at, att, zu* и др., придающими данной форме дополнительное целевое значение. В некоторых языках (например, норвежский, датский, древнеисландский, немецкий) инфинитив формально дифференцируется на виды I и II, которые могут выполнять различные синтаксические функции. Инфинитив часто субстантивируется. В предложении он может употребляться в качестве подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства, а также выражает значение деепричастия.

В готском языке инфинитив представляет собой неопределенную и неизменяемую форму глагола [Дубинин и др., 2006, с. 43]. Здесь засвидетельствована только одна форма инфинитива на *-an*, который был нейтрален как в видовременном, так и в залоговом отношении. Поэтому одна и та же морфологическая форма передавала активное и пассивное значения: *jus ni maguþ qiman* – «вы не можете **прийти**»; *sunus mans atgibata du usharamjan* – «Сын человеческий предается, чтобы **быть распятым**»; *niu waist þatei waldufni aih usharamjan þuk* – «разве не знаешь, что имею власть **распять** тебя» [Гухман, 2008, с. 184]. По своим морфологическим характеристикам готский инфинитив можно считать застывшей формой Винительного падежа древнего глагольного имени [Там же. С. 86]. В готском языке супин не выделяется в особую морфологическую категорию, поэтому значения данного глагольного имени принимал инфинитив. Он мог передавать целевое значение, присущее супину: *insandida ins merjan þiudangardja gudis* – «послал их **проповедовать** царствие Божие». Значение долженствования, присущее герундиву, также передавалось посредством инфинитивных конструкций с модальным глаголом *skulan* – «**быть**

должным»: jah ni maht ist gatairan þata gamelido – «и не может быть нарушено это Писание» [Там же. С. 184].

В древнеисландском языке инфинитив имел две основные формы: инфинитив I, представляющий собой синтетическую форму «(его обычно и имеют в виду, когда говорят об инфинитиве)» [Стеблин-Каменский, 2006, с. 129], и инфинитив II, имеющий аналитическую структуру. Инфинитив I образовывался посредством окончания *-a*. Это окончание сливалось с предыдущим гласным, например: fá – «братъ» < faá; sjá – «видеть» < séa. Инфинитив II образовывался сочетанием инфинитива I вспомогательного глагола hafa – «иметь» и причастия II знаменательного глагола. Например: verity hafa от vera – «быть, долженствовать» [Там же. С. 130]. Некоторые глаголы имели особую форму инфинитива II на *-u*, которая всегда совпадала с 3-м лицом множественного числа прошедшего времени изъявительного наклонения. В прозе употреблялись только vildu от vilija – «хотеть», skyldu от skulu – «долженствовать» и myndu или mundu от munu – «намереваться». Инфинитиву часто предшествовала инфинитивная частица *at*, идентичная по форме союзу *at* – «что, чтобы» и пространственному предлогу *at* – «по, к, при». Аналогичными ей являются частицы в других индоевропейских языках: готская *at*, древнеанглийская *aet*, древневерхненемецкая *az*, шведская *åt*, *att*, датская *ad*, *at*, норвежская *åt*, латинская *ad* [Там же. С. 223]. Например: skegg þam **at hrísta** – «бородой стал трясти» [Там же. С. 130].

Инфинитив II на *-u*, по мнению М.И. Стеблина-Каменского, возник в результате осмысления 3-го лица множественного числа прошедшего времени изъявительного наклонения, как инфинитива, входящего в состав сложного дополнения в качестве «логического сказуемого», чему способствовало то, что 3-е лицо множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения всегда совпадает с инфинитивом I. Например: þær hykk **máeltu** – «они, я думаю, **говорили**» (инфинитивный оборот) по аналогии þær hykk **mála** – «я думаю, что они **говорят**» было осмыслено как þær hykk **máeltu** – «я думаю, что они **говорили**» (сложное предложение с придаточным дополнительным) [Там же. С. 131]. Инфинитивы II обычно употребляются в прозе и только при глаголе в

прошедшем времени, но сами по себе не обозначают действия, предшествующего действию главного глагола: Hann hug isk falla **mundu** – «Он думал, что **упадет**». Иногда в поэзии при глаголе прошедшего времени инфинитив I принимает значение инфинитива II при глаголе в настоящем времени: ár kvá u ganga (вместо ár kve a gengu) – «говорят, что некогда ходил» [Там же. С. 132].

В датском языке существует две формы инфинитива, обозначаемые как инфинитив I и инфинитив II. Инфинитив I от большинства глаголов имеет безударное окончание -e: tale – «говорить», skrive – «писать». Ряд глаголов, сюда же относятся древнейшие по значению (и, как правило, односложные) слова, имеет ударное окончание: bo – «жить», gå – «идти». Перед инфинитивом ставится частица at: Jeg begynder **at læse** – «Я начинаю **читать**». Эта частица опускается при употреблении перед инфинитивом модального глагола: Jeg skal **gå** – «Я должен **идти**». Инфинитив I может использоваться в функции подлежащего, сказуемого, дополнения, определения и обстоятельства. Часто инфинитив I употребляется в качестве смыслового компонента составного глагольного сказуемого: Den bog er værd **at læse** – «Эту книгу стоит **прочитать**». Форма инфинитива I может выступать в функции дополнения или определения: Kan du give mig noget **at spise**? – «Ты можешь дать мне что-нибудь **поесть**?». Инфинитив также может употребляться после предлога: Jeg er træt **af at gå** – «Я устал **идти**» [Новакович, 1996, с. 421].

Инфинитив II в датском языке является аналитической формой, состоящей из инфинитива I глагола at have или at være с причастием II смыслового глагола: at have læst – «прочитать», at være kommet – «приехать» [Там же. С. 423]. Первый вариант формы образуется от большинства глаголов, второй – от глаголов движения (komme – «приходить», reise – «ездить» и др.) и от ряда непереходных глаголов (blive – «становиться», begynde – «начинать» и др.). Инфинитив II может употребляться в значении завершения действия: at have læst – «прочитать». В сочетании с модальными глаголами kunne, måtte, skulle эта форма передает значение возможности или вероятности совершения действия: Kan han være gået? – «Он уже мог уйти?» [Там же. С. 424].

В датском языке употребляются «пердложно-инфинитивные обороты», которые представляют собой сочетания инфинитивов I и II с предлогами *for, til, i, stedet for, efter, uden, vet*. Эти обороты могут выражать различные обстоятельственные значения. Сочетание предлога *for* с инфинитивом I передает значение цели. На русский язык такие конструкции переводятся придаточными целевыми или отглагольными существительными с предлогом *для*: *jeg er kommet for at tale med dig* – «я пришел, чтобы поговорить с тобой», «я пришел для разговора с тобой» [Там же. С. 455].

В норвежском языке⁹ инфинитив имеет категории времени и залога. Существует две формы норвежского инфинитива: инфинитив I и инфинитив II. 1) Инфинитив I образуется от глагольной основы с помощью окончания *-e*, которое может не прибавляться, если основа оканчивается на ударный гласный. Эта форма употребляется с частицей *å*: *å sitte* – «сидеть», *å få* – «получать». 2) Инфинитив II образуется из сочетания инфинитива I вспомогательного глагола и причастия II смыслового глагола: *å ha kastet* – «бросить», *å ha fortalt* – «рассказывать». Эта форма может передавать значение деепричастия совершенного вида: *han gikk ut uten å ha sagt et ord* – «он вышел, не сказав ни слова».

Частица *å* не употребляется при инфинитиве после модальных глаголов: *du bruke sove litt* – «тебе бы надо немного поспать», после вопросительного наречия *hvorfor*: *hvorfor dølge sannheten?* – «но зачем скрывать правду?», после союза *enn*: *barna gjorde ikke annet enn leke* – «дети только и делали, что играли», в оборотах со значением сложного дополнения: *vi så toget komme* – «мы видели, как приближается поезд», в оборотах с глаголом *gjøre*: *lyve gjorde han ikke* – «врать он не стал» и в восклицательных оборотах: *jeg spoke!* – «чтобы я шутил!» [Лукашова, 2013, с. 149].

Норвежский инфинитив может, как существительное, управляться предлогами: *han gikk ut på balkongen for å se etter barna* – «он вышел на балкон,

⁹ Норвежский язык существует в двух вариантах: (риксмол) *riksmål* – литературный государственный язык и (лансмол) *landsmål* – «сельский» язык, национальная форма языка, основанная на местных диалектах. См.: Энциклопедия «Кругосвет» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krugosvet.ru/> (дата обращения: 02.01.2015). В данном диссертационном исследовании все примеры даны на *riksmål*. – А.Б.

чтобы присмотреть за детьми». В предложении инфинитив может выполнять различные функции. Наиболее важные из них: 1) подлежащее: *å **tenke** er å leve* – «мыслить значит жить»; 2) именная часть сказуемого: *Hans ønske var **å lære norsk** godt* – «Его мечта была хорошо выучить норвежский»; 3) дополнение: *de holdt opp **å prate*** – «они перестали болтать»; 4) определение: *han har evnen til å regne fort og godt* – «он обладает способностью быстро и хорошо считать» [Там же. С. 152].

В **шведском** языке инфинитив является словарной формой глагола и представлен шестью вариантами: три формы инфинитива активного залога и три формы пассивного залога. В большинстве случаев всем инфинитивам предшествует частица *att*. Эта частица не употребляется в трех случаях: после модальных глаголов, в оборотах со значением сложного дополнения или сложного подлежащего, после некоторых глаголов: *börja* – «начинать», *lära* – «учить» и др. 1) Инфинитив I активного залога – это инфинитив настоящего времени, который имеет наиболее высокую частотность употребления. Эта форма совпадает с основой настоящего времени глагола или образуется от нее посредством суффикса *-a*: *att tala* – «говорить», *att sy* – «шить». *Han kan **tala** svenska* – «он умеет говорить по-шведски». 2) Инфинитив II активного залога (перфектный инфинитив) представляет собой сочетание инфинитива I вспомогательного глагола *ha* с супином смыслового глагола: *att ha talat* – «говорить», *att ha sytt* – «шить». Эта форма обозначает действие, предшествующее действию спрягаемого глагола. На русский язык шведский активный инфинитив II может переводиться инфинитивом, деепричастием совершенного вида и даже вводной конструкцией со значением субъективной оценки сообщаемого: *Efter **att ha undersökt** patienten skrev läkaren ut ett recept* – «**Осмотрев пациента**, врач выписал рецепт». *Det borde du **ha tänkt** på* – «Тебе об этом следовало бы подумать (раньше)». *Du kan **ha misstagit** dig* – «Ты, может быть, ошибся». 3) Инфинитив III активного залога представляет собой сочетание инфинитива вспомогательного глагола *skola* или *komma* с инфинитивом смыслового глагола: *att skola tala* – «говорить». Этот инфинитив называется футуральным и передает предстоящее действие: *Mötet tros **komma att äga** rum nästa vecka* – «Как полагают, конференция

состоится на следующей неделе». Однако эта форма употребляется редко [Маслова-Лашанская, Толстая, 2005, с. 275].

Пассивные инфинитивы I, II и III также передают значения настоящего, прошедшего и будущего относительного времени. Они образуются по принципу образования трех типов страдательного залога. Пассивный инфинитив I: att byggas / att bil byggd – «строиться»; att vara byggd – «быть построенным». Пассивный инфинитив II: att ha byggts / att ha blivit byggd; att ha varit byggd. Пассивный инфинитив III: att skola (att komma) byggas / att bil byggd; att skola (komma) vara byggd. Korna väntade på att få salt och **mjölkas** – «Коровы ожидали, когда они получат соль и **будут подоены**» [Там же. С. 275].

При обобщении данных по представленным в данной работе скандинавским языкам можно отметить, что в древнеисландском, датском и норвежском языках инфинитив дифференцирован на два основных подвида: инфинитив I и инфинитив II. Инфинитив I является синтетической формой, образованной от глагольной основы с помощью суффиксов -a- / -e-, а инфинитив II – аналитическая форма, по структуре представляющая собой соединение инфинитива I вспомогательного глагола (чаще со значением «иметь») и причастия II смыслового глагола. Формы скандинавских инфинитивов I и II не являются аналогами семитских инфинитивов, где инфинитив I – «склоняемый», а инфинитив II – «абсолютный», так как структура и функции семитского инфинитива во многом отличаются от инфинитива индоевропейского¹⁰. В шведском языке шесть форм инфинитива (три активные и три пассивные: инфинитив I – презенсный, инфинитив II – перфектный, инфинитив III – футуральный) по структуре сопоставимы с латинским инфинитивом, который также имел три активные и три пассивные формы [ЛЯ, 2000, с. 159]. Также можно отметить, что во всех представленных здесь скандинавских языках инфинитив часто употребляется с модальной частицей at / att / å, добавляющей инфинитиву целевое значение. Аналоги этой частицы существуют и в других

¹⁰ Об этом подробнее см. раздел «Инфинитив в древних и новых семитских языках: типологический обзор» данной главы. – А.Б.

индоевропейских языках, например в немецком [Марфинская, Монахова, 2001, с. 61]. В латинском языке этой частице соответствует предлог *ad*, который употребляется с Винительным падежом инфинитива и также придает инфинитиву целевое значение [ЛЯ, 2000, с. 159]. Модальную латинскую частицу *ut*, которая часто употреблялась в значении целевого союза «чтобы», также отчасти можно считать аналогом скандинавских частиц *at / att / å*. Но в латинском языке эта частица чаще вводила придаточные конструкции, а в целевом значении при инфинитиве обычно употреблялся предлог *ad*. Использование при инфинитиве дополнительного целевого показателя существует и в семитских языках. Например, в иврите (библейском и современном)¹¹, где форма инфинитива в большинстве случаев употребляется с предлогом *l(e)* [Ламбдин, 2000, с. 216]. Из представленных в данном исследовании западных германских языков (немецкий, английский) к скандинавским языкам в области структуры и функций инфинитива находится ближе немецкий язык.

В **немецком** языке существует несколько форм инфинитива [Панина, 2007, с. 203]. Инфинитив I Aktiv образуется от основы глагола с помощью суффикса *-(e)n-*: *machen*. Инфинитив II Aktiv образуется путем сочетания Partizip II смыслового глагола и инфинитива I Aktiv вспомогательного глагола *haben* или *sein*: *gemacht haben, gekommen sein*. Переходные глаголы, которые могут употребляться в значении страдательного залога, дополнительно образуют формы пассивного инфинитива. Инфинитив I Passiv¹² образуется путем сочетания Partizip II смыслового глагола и инфинитива I Aktiv вспомогательного глагола *werden*: *gemacht werden*. Инфинитив II Passiv образуется из сочетания Partizip II смыслового глагола и инфинитива II Aktiv вспомогательного глагола *werden*: *gemacht worden sein* [Нарустрэнг, 2003, с. 145]. Инфинитив I может выражать действие, которое последует за действием спрягаемого глагола: *Ich hoffe, einen*

¹¹ Об этом подробнее см. раздел «Инфинитив в древних и новых семитских языках: типологический обзор» данной главы. – А.Б.

¹² Об исторических изменениях инфинитива в немецком языке см.: Мишина Ю.В. Аспектуальные композиты *wesan + Partizip I / Infinitiv I, werden + Partizip I / Infinitiv I* в памятниках письменности XIII–XVI веков: Автореф. дис... канд. филол. наук. Тверь: Изд-во ТГУ, 2006. 22 с.

langen Brief von dir **zu bekommen** – «Я надеюсь получить от тебя длинное письмо». Инфинитив II выражает действие, предшествующее действию основного глагола: Er behauptet, den Brief schon gestern **bekommen zu haben** – «Он утверждает, что получил письмо еще вчера» [Там же. С. 145].

В предложении немецкий инфинитив может выполнять следующие функции (в данном исследовании обозначаются лишь основные функции немецкого инфинитива): 1) Инфинитив употребляется в качестве подлежащего, причем в препозиции к сказуемому при инфинитиве необходима частица **zu**: **Wahrheit zu sagen** ist notwendig – «Необходимо говорить правду». 2) Инфинитив выступает как знаменательная часть составного сказуемого, причем после модальных глаголов и глаголов *bleiben, heißen, nennen* он употребляется без **zu**: Das Strafverfahren soll zur Achtung vor den Gesetzen erziehen – «Уголовный процесс должен воспитывать в духе соблюдения законов». 3) Инфинитив в функции определения: Jeder Bürger hat das Recht, **ausgewählt zu werden** – «Каждый гражданин имеет право быть избранным». 4) Инфинитив в функции дополнения (причем иногда он является «логическим сказуемым» в оборотах со значением сложного дополнения: Der Gelehrte war überzeugt, **die richtige Lösung des Problems gefunden zu haben** – «Ученый был убежден, что нашел правильное решение проблемы». 5) Инфинитив в различных сочетаниях передает разные обстоятельственные оттенки: Er fährt nach Moskau, **um seine Eltern zu besuchen** – «Он едет в Москву, чтобы навестить своих родителей» [Нарустранг, 2003, с. 157].

В немецком языке употребляются специальные обороты с инфинитивом **haben + Infinitiv с zu** и **sein + Infinitiv с zu**, которые имеют значение долженствования или возможности совершения действия. Конструкция **haben + zu + инфинитив** чаще выражает долженствование: Der Staatsanwalt **hat** das Ermittlungsverfahren in Strafsachen **zu leiten** – «Прокурор должен руководить предварительным расследованием по уголовным делам». Конструкция **sein + zu + инфинитив** может передавать и значение долженствования: Der Kassationsantrag **ist** tatsäch-lich und rechtlich **zu begründen** – «Кассационное требование должно быть обосновано фактически и юридически», и значение возможности: Auf dem

Gebiet der Bekämpfung der Kriminalität **sind** große Erfolge **zu verzeichnen** – «В области борьбы с преступностью могут быть отмечены большие успехи». В значении долженствования немецкий инфинитив отчасти используется как аналог индоевропейского герундива, например в латинском языке: Pacta **servanda sunt** – «Договоры должны соблюдаться» [ЛЯ, 2000, с. 172]. Немецкий инфинитив может, как деепричастие, передавать добавочное действие: Der Verbrecher beging ein Verbrechen, **ohne** an die Strafe **zu denken** – «Преступник совершил преступление, не думая о наказании» [Марфинская, Монахова, 2001, с. 63].

Инфинитив в немецком языке может субстантивироваться и переходить в разряд существительных. В этом случае, как и существительное, он пишется с прописной буквы и употребляется с артиклем или местоимением: das Lesen – «чтение», das Essen – «еда», das Denken – «мышление» [Там же. С. 64].

В **английском** языке инфинитив является словарной формой глагола, которая имеет категории вида и залога. Для действительного залога существует четыре формы: to write, to be writing, to have written, to have been written. В страдательном залоге различается только две формы: to be written, to have been written [Иванова [и др.], 1981, с. 80]. Инфинитив может сочетаться с модальными глаголами: I can't be bothered now to wrap anything up – «Мне сейчас нельзя мешать, чтобы я мог все завершить» [Широбокова, 2011, с. 17]. Английский инфинитив в предложении может выполнять различные синтаксические функции: подлежащего, именной части составного именного сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства [Ефремова, 2005, с. 65; Wherrity, 2001, p. 134]: а) To have asked questions here would have attracted attention – «Задавать вопросы здесь привлекло бы внимание»; б) **To see is to believe** – «Увидеть – значит поверить»; в) I wanted **to tell** them before they discovered – «Я хотел рассказать им прежде, чем они обнаружат»; г) There was no one **to read** the words that were being traced – «Там не было никого, кто мог прочесть слова, которые были начертаны»; д) He was a good workman; too good a workman to **be sacked** – «Он был хорошим работником, слишком хорошим работником, чтобы быть уволенным» [Иванова [и др.], 1981, с. 80].

Английский инфинитив, как и спрягаемый глагол, может управлять дополнением и определяться наречием [Куклина, 2008, с. 101]. If Godmanchester cared publicly to break the lease with the Society, let him do – «Если Godmanchester озабочен тем, чтобы разорвать договор аренды с обществом, пусть делает». Основная форма инфинитива может передавать действие, одновременное действию главного глагола, или действие, которое может совершиться в будущем. I am sure the Dean never intended **to suggest** anything else. When I told Rose that I wished **to transfer** Gilbert Cooke, I had an awkward time – «Я уверен, что Дин никогда не намеревался предложить что-либо еще. Когда я сказал Розе, что я хотел передать Гилберту Куку, мне это было нелегко». Перфективная форма инфинитива передает действие, которое произошло раньше действия спрягаемого глагола. It was like her also not **to have asked** a single question about what I had been doing – «Это было так похоже на нее не задать ни одного вопроса о том, что я делал». В функции подлежащего инфинитив передает значение абстрактного действия. **To reach** the escarpment top meant another spelt among the trees – «Достичь верхнего откоса означало еще проход среди деревьев» [Там же. С. 81].

В кельтских языках (ирландском, бретонском, валлийском и корнском в динамике развития от древнего состояния к новому) суффиксы инфинитива были довольно разнообразны: *-t-*, *-rim-*, *-st-*, *-g-l*, *-n-* и др. Подлежащее и дополнение при инфинитиве могут употребляться в Родительном падеже, что позволяет провести аналогию с древними генетивными конструкциями. В значении инфинитива также могут использоваться глагольные имена действия, изменяющиеся по падежам.

В древнеирландском языке в функции инфинитивов употребляются глагольные имена действия, которые могут изменяться по падежам и, подобно существительным, иметь дополнение в Родительном падеже [Льюис, Педерсен, 2002, с. 358].

В кельтских языках у некоторых идентичных по смыслу глаголов основа инфинитива может отличаться от основы спрягаемой формы: в древнеирландском *sere* – «любовь, любить», *carimra* – «люблю»; *precept* – «проповедовать»,

pridchimra – «проповедую»; в среднебретонском ober – «делать» (от лат. opera), groaff – «делаю»; валлийское myned, корнское mones, mos, среднебретонское monet, mont – «идти», валлийское, корнское и среднебретонское af – «иду». Такой супплетивизм имеет также этимологическое различие [Там же. С. 359].

У большинства глаголов формы инфинитива образуются от того же корня, что и спрягаемые формы, с помощью ряда суффиксов: 1) гласный суффикс: gim, aram – «считать»; fulang – «поддерживать»; slaide – «убить» (ирл.); comps – «говорить» (ср.-брет.); 2) суффикс -st- (встречается редко): togais – «обманывать» (ирл.); 3) суффикс -gl-: anacol – «защищать», gabal – «брат» (ирл.); gafael – «овладеть», saffael – «иметь», dyrchafael – «поднимать», gadael – «оставлять» (вал.); 4) суффикс -d-: saigid – «стремиться к чему-либо» (ирл.); 5) суффикс -nd- (заимствованный, вероятно, восходит к латинскому герундию [ЛЯ, 2000, с. 167]): scribend – «писать», legend – «читать» (др.-ирл.); 6) суффикс -c-: redesc – «бежать» (ср.-вал.), redesc (ср.-брет.); ehedeg – «убегать» (нов.-вал.); 7) суффикс -kt-: rossacht – «колебаться» (др.-ирл.), airchissecht – «иметь сочувствие», eitsecht – «слушать» (др.-ирл.); marchogaeth – «ехать верхом» (вал.); 8) суффикс -t-: buith – «быть» (ирл.), bod (вал.), bos (корн.), bout (ср.-брет.); суффикс -t- особенно часто используется в многосложной основе, оканчивающейся на гласный: comalnad – «исполнить», imradud – «обдумывать» (ирл.); gweled (вал.), gweles (корн.), guelet (нов.-брет.) – «видеть»; 9) суффикс -t-k-: eredic (ср.-вал.), aredig (нов.-вал.) – «пахать»; 10) суффикс -t-r-: ср.-вал. gvmeithur – «делать» (ср.-вал.); суффикс -tr-m-: altram – «воспитывать» (ирл.); 11) суффикс -tl-: for-cital – «учить» (ирл.); 12) суффикс -tijen-: aigthiu – «бояться» (ирл.); chwerthin – «смеяться» (вал.); 13) суффикс -l-: sefyll – «стоять» (вал.), seuell (корн.), seuell (ср.-брет.); суффикс -el-, имеющий широкое распространение в корнском и бретонском языках: gelwel – «звать» (корн.), gueruell (ср.-брет.); 14) суффикс -n-: ain – «играть» (ирл.); dwyn – «нести» (вал.); am-wyn – «защищать» (ср.-вал.); 15) суффикс -m-: gnim, denum – «делать» (ирл.); ingreimm – «преследовать» (ирл.); 16) суффикс -m-n-: len-main – «присоединяться к чему-либо» (ср.-ирл.); swynfan – «сетовать», ehedfan – «убегать» (вал.) [Льюис, Педерсен, 2002, с. 359].

В ирландском языке дополнение при инфинитиве имело форму Родительного падежа: **comaland** ind huili rechto – «**исполнить** весь закон». Субъект действия, обозначаемого инфинитивом, употребляется с предлогом *do*: *airitiu colno do Christ* – «**воплощение** Христа», (букв.) «**принятие воплощения** Христом». Если инфинитив образован от непереходного глагола, то подлежащее при нем может употребляться в Родительном падеже: *forcomnascair buith a maicc som hi Rom* – «случилось, что сын его **был** в Риме». В бриттских языках дополнение (выраженное личным местоимением) при инфинитиве употребляется в форме Родительного падежа: *u wap* – «пронзить его», (букв.) «его пронзение». Такая форма связи компонентов инфинитивного словосочетания напоминает древние генетивные конструкции. В бриттских языках в ходе исторического развития было упразднено флективное выражение изменения падежных форм. Но падеж дополнения при инфинитиве определяется по наличию в конструкции предлогов, управляющих Родительным падежом [Там же. С. 360].

В кельтском предложении инфинитив может использоваться в качестве подлежащего или прямого дополнения в Родительном падеже. Как имя, инфинитив может управляться предлогом. В ирландском и валлийском языках инфинитив употребляется в качестве «логического сказуемого» в оборотах со значением сложного дополнения: *forcomnascair buith a maicc som hi Rom* – «случилось, что сын его **был** в Риме». В корнском и бретонском языках вместо подобных конструкций обычно употребляются аналогичные придаточные дополнительные [Там же. С. 361].

Латинский инфинитив **италийской** ветви имел синтетические и аналитические формы активного и пассивного залога всех трех времен. Суффиксы синтетических форм **-re-**, **-ri-**, **-i-**, **-isse-**. Эти формы обладали обширными синтаксическими возможностями, что нашло свое отражение во многих романских языках, большинство из которых имеют грамматическую связь с народной латынью. В латинском языке инфинитив имеет шесть форм, которые характеризуются временным и залоговым различием: 1) Инфинитив настоящего времени действительного залога образуется от основы инфекта (несовершенного

вида) с помощью суффикса *-re-*: *ornare* – «украшать». 2) Инфинитив настоящего времени страдательного залога образуется от основы инфекта с помощью суффиксов *-ri-*, *-i-*: *ornari* – «быть украшаемым». 3) Инфинитив прошедшего времени действительного залога образуется от основы перфекта (совершенного вида) с помощью суффикса *-isse-*: *ornavisse* – «украшать (в прошлом)». 4) Инфинитив прошедшего времени страдательного залога образуется соединением причастия прошедшего времени страдательного залога с инфинитивом от глагола *sum* – «быть»: *ornatus, a, um esse* – «быть украшенным (в прошлом)». 5) Инфинитив будущего времени действительного залога образуется соединением причастия будущего времени действительного залога с инфинитивом от *sum*: *ornaturus, a, um esse* – «украшать в будущем». 6) Инфинитив будущего времени страдательного залога образуется путем соединения супина с инфинитивом от глагола *eo* – «идти»: *ornatum iri* – «быть украшенным в будущем». Формы инфинитива прошедшего и будущего времени употребляются только в полупредикативных конструкциях, равнозначных придаточным цели и объекта. Латинский инфинитив по своему употреблению во многом совпадает с русским. Он также может использоваться в значении *historicum*, то есть заменять в предложении спрягаемую форму глагола в прошедшем времени для усиления эмоционального фона повествования: *Catilina in prima acie versari...* – «Катилина находился в первом ряду...» [ЛЯ, 2000, с. 159]. Латинский инфинитив может употребляться в качестве оборотов со значением сложного подлежащего (*Nominativus cum infinitivo*) и со значением сложного дополнения (*Accusativus cum infinitivo*). Подробнее синтаксические функции латинского инфинитива рассматриваются в сопоставительных разделах данного исследования.

В романских языках (румынском, итальянском, испанском, португальском, французском) инфинитив мог употребляться в составе с частицей (например, *a* в итальянском). Основные суффиксы инфинитива *-re-*, *-ar-*, *-er-*, *-ir-*. Эта форма может передавать целевое и императивное значение, сочетается с модальными и фазисными глаголами, а также с глаголами восприятия и оценки. Инфинитив может употребляться вместе с предлогами, имеет простые и сложные формы,

используется в качестве всех членов предложения, в том числе и в оборотах со значением «сложного дополнения и подлежащего». В отдельных языках (в португальском) инфинитив может иметь спрягаемые формы, что сближает его с редкой формой статива в семитских языках.

В **румынском** языке инфинитив и другие неличные формы глагола обозначаются термином «вербиды» [Кабанова, 2011, с. 3]. Инфинитив большинства глаголов образуется от основы с помощью суффикса *-a-* и употребляется с частицей *a*: *a avea* – «иметь», *a învăța* – «учиться». Если инфинитив употребляется в сочетании с глаголом *a putea* – «мочь», он утрачивает частицу *a*: *pot pleasa* – «могу уехать» [Заюнчковский [и др.], 1982, с. 107].

В **итальянском** языке инфинитив имеет простую и сложную формы. Форма простого инфинитива, как и в латыни, образуется с помощью суффикса *-re-*: *agire* – «действовать», *finire* – «заканчивать». Сложная форма инфинитива образуется от инфинитива вспомогательного глагола *avere* или *essere* и причастия прошедшего времени знаменательного глагола: *essere andato*. Обычно инфинитив переводится на русский язык неопределенной формой глагола. Инфинитив может сочетаться с модальными глаголами и употребляться в качестве смысловой части составного глагольного сказуемого: *No voluto venire da te* – «Я хотел прийти к тебе» [Черданцева, Карулин, 2000, с. 244].

В итальянском языке простой инфинитив употребляется в оборотах со значением сложного дополнения: *Sento gli uccelli cantare* – «Я слышу, как поют птицы» [Там же. С. 244]. В отличие от латинского языка, где в подобных оборотах «логическое подлежащее» – «птицы» должно стоять в Винительном падеже, в итальянском, где падежные отношения выражаются с помощью предлогов, слово «птицы» является добавочным подлежащим при инфинитиве.

Итальянский сложный инфинитив может употребляться в оборотах, которые являются эквивалентами временных придаточных. Обычно такие конструкции вводятся словом *dopo* – «после того, как»: *dopo aver pronunciato queste parole, se ne andò* – «он ушел после того, как произнес эти слова» [Там же. С. 245].

Инфинитив может употребляться в сочетании с предлогами и самостоятельно. Инфинитив без предлога используется в следующих случаях: 1) После безличных глаголов и выражений: *basta, bisogna, convenire* и др. В латинском языке подобные примеры рассматриваются как случаи употребления оборота *Accusativus cum infinitivo* (Винительный падеж с инфинитивом). *E'interessante visitare chiese romaniche* – «Интересно посетить романские церкви». *Bisogna andarci* – «Надо сходить туда». 2) В качестве подлежащего восклицательных конструкций *che* + оценочное слово: *che bello rivederti!* – «как хорошо снова увидеть тебя!» 3) После оценочных глаголов: *amare, desiderare, intendere, osare, preferire*: *amo bere il te d'inverno* – «люблю зимой пить чай». 4) После модальных и фазисных глаголов: *dovere, potere, sapere, volere, fare, lasciare*: *Non posso uscire* – «Не могу выйти». 5) После глаголов со значением восприятия: *Vedere, sentire, guardare*: *Guardo mio figlio dormire* – «Я наблюдаю, как мой сын спит». 6) В предложениях со значением косвенного вопроса: *Non so come fare* – «Я не знаю, как это сделать». 7) В вопросительных предложениях (без вопросительного слова): *Lo chiedergli scusa?* – «Извиниться перед ним?» 8) Инфинитив без предлога может иметь императивное значение: *Non litigare con tuo fratello!* – «Не ссорься с братом!» [Арбия, 2008, с. 82]. Примеры 4, 5 и 6 употребления беспредложного инфинитива, как и пример 1, можно рассматривать в качестве эквивалента латинского оборота «Винительный с инфинитивом».

Итальянский инфинитив может сочетаться с различными предлогами. Инфинитив с предлогом *di* после переходных глаголов: *ammettere di* – «признавать», *credere di* – «верить», *evitare di* – «избегать» и т.п.: *Mi ha detto di aver comprato un a casa* – «Он сказал мне, что купил дом». Инфинитив с *di* также употребляется после выражений с глаголами *avere* (например, *avere bisogno* – «нуждаться»), *essere* (например, *essere capace* – «я способен»): *sono stanco di sopportare questi rumori* – «я устал от этого шума» [Там же. С. 83]. Такие конструкции также являются эквивалентами латинских оборотов «Винительный с инфинитивом», однако в латыни в подобных конструкциях инфинитив употреблялся без предлога. Появление предлога в итальянских конструкциях

показывает общую тенденцию романских языков, выражающуюся в постепенном стремлении к аналитизму грамматической системы.

Инфинитив может сочетаться с предлогом *a*. Такие сочетания употребляются после глаголов *cominciare* – «начинать», *continuare* – «продолжать», *riuscire* – «удаваться» и др.: *sei riuscito a vederlo* – «тебе удалось с ним встретиться?» С этим же предлогом инфинитив встречается после некоторых прилагательных, например, *adatto* – «подходящий», *deciso* – «решительный» и т.п.: *sei pronto ad affrontare tutte le difficoltà* – «ты готов преодолеть все трудности?». Инфинитив может сочетаться с предлогом *da*. Такие сочетания имеют значение цели, необходимости или результата действия: *Dammi qualcosa da bere* – «Дай мне что-нибудь выпить». С другими предлогами инфинитив может передавать различные обстоятельственные значения, например, времени, условия, причины и следствия. В итальянском языке предлог может сливаться с инфинитивом: *volevo dirglielo* – «я хотел сказать ему» [Там же. С. 85].

В **испанском** языке инфинитив представлен двумя формами: простой и сложной: 1) Простой инфинитив является неспрягаемой формой и образуется от основы глагола с помощью суффиксов *-ar-*, *-er-*, *-ir-*: *decir* – «говорить», *escribir* – «писать», *invitar* – «приглашать». Эта форма соответствует русскому инфинитиву от глаголов несовершенного вида. Простой инфинитив может в предложении выполнять функции подлежащего и именной части сказуемого: *vivir es luchar* – «жить – это бороться». Инфинитив может быть смысловым элементом составного глагольного сказуемого в сочетании с модальными глаголами *deber* – «долженствовать», *poder* – «мочь», *querer* – «хотеть»: *Quiero presentarle a mi familia* – «Я хочу познакомить вас со своей семьей». Инфинитив иногда принимает императивное значение в отрицательной форме, особенно для выражения запрета: *no pasar!* – «не проходить!». После ряда глаголов испанский инфинитив в сочетании с предлогами *a* и *de* употребляется как дополнение, выражая при этом различные оттенки значений: *ha dejado de estudiar* – «она прекратила учиться»; *el niño rompió a llorar* – «ребенок разрыдался» [Ленская, 1974, с. 60]. 2) Сложный инфинитив образуется из сочетания простого

инфинитива глагола *haber* с причастием прошедшего времени смыслового глагола: *haber dicho* – «сказать», *haber escrito* – «написать», *haber invitado* – «пригласить». Эта форма соответствует русскому инфинитиву от глаголов совершенного вида. Сложный инфинитив употребляется в оборотах, аналогичных деепричастным, если действие оборота предшествует действию основного глагола: *Después de **haber visto** el partido de fútbol nos fuimos* – «Посмотрев футбольный матч, мы ушли» [Там же. С. 159].

В португальском языке различают три залоговые формы: (активную) *vender* – «продавать», (пассивную) *ser vendido* – «быть проданным» и (возвратную) *vender se* – «продаваться». При этом формы инфинитива могут быть простыми – *vender* и сложными – *ter (haver) vendido*. В предложении португальский инфинитив может употребляться в качестве главного члена: *o que fazer?* – «что делать?»; подлежащего: *tornar-se jornalista, é o seu reve* – «его мечта – стать журналистом»; именной части сказуемого: *o teu reve é viajar* – «ты мечтаешь путешествовать»; прямого и косвенного дополнения: *ele quer partir* – «она хочет уехать»; определения: *ele comprou uma máquina de **escrever*** – «он купил печатную машинку», (букв.) «машинку печатать». Португальский инфинитив также может употребляться в конструкциях со значением сложного дополнения: *ninguém as vê fazer isso* – «никто не видит, как они это делают». Эта форма также может передавать значение добавочного действия: *depois **de fazer** a tarefa ele saiu* – «сделав задание, он ушел». Инфинитив в сочетании с предлогами может выражать различные обстоятельственные оттенки: времени, условия, следствия, образа действия и цели: *Para chegar a tempo ela apanha um táxi* – «Чтобы приехать вовремя, она садится в такси» [Нечаева, 2009, с. 185].

Отличительной чертой португальского инфинитива среди романских языков является то, что он может иметь спрягаемые формы. Такая разновидность инфинитива называется «личный инфинитив», который занимает промежуточное положение между спрягаемыми и неспрягаемыми глагольными формами. Личный инфинитив выполняет в предложении практически все те же функции, что и неличный; он чаще употребляется в тех предложениях, где субъект его действия и

субъект действия главного глагола различны. У личного инфинитива также образуется сложная форма, которая чаще всего переводится на русский язык деепричастием совершенного вида: *depuis de chegar ela telefonou-me* – «приехав, она позвонила мне» [Там же. С. 186].

Во **французском** языке инфинитив представляет собой глагольное имя субстантивного характера, не имеющее морфологического выражения лица, наклонения и абсолютного временного значения. По типу соотношений инфинитива с субъектом действия различают *субъектный* инфинитив, субъект которого совпадает с подлежащим: *Pierre veut partir* «Пьер хочет уехать»; и *объектный* инфинитив, субъект которого совпадает с дополнением: *Jean dit à Pierre de rester* – «Жан сказал Пьеру остаться». Инфинитиву присуща категория залога, в результате чего можно образовывать следующие формы: *fermer* (активный залог), *se fermer* (возвратный залог), *être fermé* (пассивный залог). Инфинитив различает формы относительного времени: *fermer* (одновременность действию спрягаемого глагола), *avoir fermé* (предшествование действию спрягаемого глагола) [Гак, 2000, с. 193].

В предложении французский инфинитив может выполнять различные синтаксические функции, основные из которых следующие: 1) Подлежащее и предикатив: *Vouloir c'est pouvoir* – «Хотеть – значит мочь». 2) Передает добавочное действие, которое характеризуется различными обстоятельственными оттенками: а) обозначение цели: *Il se leva, alla vers la porte, l'ouvrit pour me montrer que l'audience était terminée. Il vient déjeuner* – «Он встал, пошел к двери, чтобы показать, что аудиенция закончена. Он уходит на обед»; б) причины: *Emmeline Capel a reçu aussi un bon point pour avoir bien su sa leçon d'arithmétique* – «Эммелина Капель также получила хорошую отметку за то, что знала урок арифметики»; в) содержания процесса: *Je l'entends chanter une chanson* – «Я слышу, как он поет песню». 3) «Повествовательный инфинитив» употребляется в качестве сказуемого: *Et lui de rire* – «А он смеяться». 4) Инфинитив бывает главным членом односоставных предложений, передавая различные эмоциональные оттенки, например восклицание: *Moi, mentir!* – «Я, вру!» 5)

Обстоятельство: C'était un garçon blond... qui travaillait peu, lisait beaucoup, choisissait à **ravir** ses poètes et ses cravates – «Это был блондин, который мало работал, много читал, восхитительно умел выбирать поэтов и галстуки». 6) С предлогами *de*, *à*, *pour* инфинитив употребляется как определение к имени: *machine à coudre* – «швейная машина» [Там же. С. 197]. Французский инфинитив может употребляться в оборотах со значением сложного дополнения: *Je l'entends chanter* – «Я слышу, как он поет» [Там же. С. 197].

2.1.3. Инфинитив в древних и новых семитских языках: типологический обзор

В наиболее древнем из семитских языков, **аккадском**, зафиксирована одна форма инфинитива. Инфинитив в аккадском языке в основной породе образуется по именной модели *parās*; в производных породах он по форме совпадает с отглагольным прилагательным и имеет гласный *-u-* перед последним корневым согласным [Каплан, 2006, с. 84, 81].

Аккадский инфинитив представляет собой склоняемое имя. Показателем склонения является падежный гласный, присоединяемый к основе. В Именительном падеже это гласный *-u-*: *parāsu(m)* – «делать»; показатель Родительного падежа – гласный *-ī-*: *erēši(m)* – «делать»; показатель Винительного падежа – гласный *-a-*: *šebēra(m)* – «разбивать». В других падежных формах инфинитив встречается реже. В древний период истории языка инфинитив имел также мимацию [Липин, 1964, с. 102].

Аккадский инфинитив совмещает в себе значения глагола и существительного: *parāsu(m)* – «отрезание» и «отрезать», *kašādu(m)* – «покорять» и «покорение». Как существительное, он может изменяться по падежам, иметь определение и вступать в сопряженное состояние: *ana kašād nakrīi-ja* – «о победе над моими врагами». Он не имеет видовременных и залоговых категорий, не образует форм статива, вентива и субъюнктива, не изменяется по родам и числам, представляя собой застывшую форму мужского рода единственного числа. Как

глагол, инфинитив изменяется по породам и может управлять прямым дополнением в Винительном падеже: *mīšāram ina mātīm ana šūpim* – «чтобы в стране **заставить воссиять** справедливость». Иногда инфинитив употребляется в таких конструкциях, где он одновременно выполняет именные и глагольные функции: *ḥarranam ina alakišu* – «при его **продвижении** в пути», «когда он **продвигался** в пути» [Каплан, 2006, с. 143].

Инфинитив может выполнять функции сказуемого, при этом подлежащее имеет форму Именительного падежа, а сам инфинитив употребляется в Родительном падеже: *dannum (И. п.) enšam (В. п.) ana (чтобы не) ḥabālim (Р. п.)* – «чтобы сильный не угнетал слабого» [Липин, 1964, с. 102].

Часто форма инфинитива употребляется для усиления значения однокоренного глагола в личной форме. В таких конструкциях инфинитив находится в препозиции к спрягаемому глаголу и принимает следующие падежные формы: 1) В Локативе инфинитив обычно имеет окончание *-ma*: *šarāgum-ma ašpur* – «я действительно послал». 2) В Винительном падеже: *purīša napīša* – «тщательно переберите». 3) В Родительном падеже инфинитив обычно стоит после относительного местоимения *ša* (обычно переводится «который»): *šu'ī ša raqādim riqdanni* – «передай мне овец, каких можно передать» [Каплан, 2006, с. 143].

В предложении инфинитив может употребляться не только как подлежащее и сказуемое, но и в качестве второстепенных членов предложения. Как определение (несогласованное), инфинитив в Родительном падеже встречается в генетивных конструкциях: *eršet lā tāri* – «страна без возврата». Инфинитив часто употребляется в функции прямого дополнения: *palah aḥiš eru[šu]* – «почтение друг другу они должны оказывать». Инфинитив также может выполнять функцию обстоятельства: *ki-i da'a-a-né iṣbatma...* – «силой он схватил ее и...» [Там же. С. 144].

В сочетании с различными предлогами инфинитив составляет конструкции, которые являются эквивалентами придаточных предложений. С предлогами *ina*, *kīma*, *ištu*, *adi* инфинитив представляет собой аналог придаточного времени: *ṭurpī*

ina amarim – «после прочтения таблички». Такие конструкции также можно рассматривать как эквиваленты индоевропейских абсолютных оборотов с обстоятельственным значением. Сочетание инфинитива с предлогом *ana* (реже с *kīma*, *mala*, *adi*) по значению равно придаточному цели: *ana la mašae šaṭīr* – «чтобы не забыть». Целевому придаточному также соответствует беспредложный инфинитив в Локативе или Терминативе: *ûddu isqīšun* – «чтобы установить их долю». Инфинитив с предлогом *aššum* заменяет придаточное причины: *aššum eqlim epēšim udabbabū-šunūti* – «из-за **обработки** поля они подают иск против них». С предлогами *ina* и *kīma* инфинитив употребляется в качестве придаточного дополнительного: *kīma libbi PN lā marāšim eruš* – «сделай, чтобы сердце PN **не болело**». Такие конструкции можно рассматривать как эквивалент индоевропейского инфинитивного оборота со значением сложного дополнения. Инфинитив в Родительном падеже после местоимения *ša* может иметь значение относительного придаточного: *ša nadanim* – «то, что можно отдать». Подобные конструкции также представляют собой случаи обширной субстантивации [Там же. С. 145].

В более поздних по происхождению семитских языках (угаритский, древнееврейский, туройо, мандейский, арамейский, сирийский, эфиопский) инфинитив, как правило, имеет две различные по образованию и синтаксическим функциям формы.

Абсолютный, или глагольный, инфинитив выполняет в предложении преимущественно глагольные функции. Он может употребляться вместо спрягаемых глагольных форм в различных временных значениях. Эта форма часто передает значение деепричастия, форма которого отсутствует в большинстве семитских языков. В некоторых языках (например в эфиопском) от данной формы инфинитива произошли деепричастия. Абсолютный инфинитив мог передавать императивное значение. Он часто употреблялся вместе с однокоренным спрягаемым глаголом для усиления его значения и переводился на индоевропейские языки наречием. Склоняемый, или именной, инфинитив употреблялся с предлогами (чаще всего с предлогом *l(e)*, придающим ему

дополнительное значение цели), мог присоединять местоименные суффиксы и вступать в сопряженное сочетание. Он может употребляться в качестве подлежащего, дополнения и определения, выступать в роли «логического сказуемого» во временных конструкциях, эквивалентных индоевропейским абсолютным оборотам с обстоятельственным значением. Эта форма также может передавать долженствование или намерение совершить действие.

В **угаритском** языке существует глагольное имя действия, регулярно образуемое от глагольных основ. По огласовке и функции в предложении различают две формы этого имени. Форма, которая может присоединять предлоги и определяться именем, называют, как в иврите, *infinitivus constructus*, или склоняемый инфинитив. Эта форма употребляется слитно с предлогами, определяющими ее падежную форму: *bnši 'nh* [ba-n(u)šū'i] – «при поднятии своих глаз»; *bšal.krt* [ba-š(a)'ali] – «при упрощении Керета». Другая форма имени действия оканчивается на *-u* и соответствует ивритскому *infinitivus absolutus*, или абсолютному инфинитиву модели *qatālu*. Угаритский *infinitivus absolutus* преимущественно употребляется для усиления значения спрягаемой однокоренной глагольной формы или глагола, сходного по значению: *ḡmu. ḡmit* [gamā'u gami'ti] – «ты (ж. род) очень хочешь пить»; формы инфинитива могут иметь мимацию (энклитическое *-m*): *mtm. amt* [mōtum.'amūtu] – «я определенно умру» [Сегерт, 1965, с. 64]. Форма абсолютного инфинитива в угаритском может иметь императивное значение: *mḡmḡ...wjsq* – «перемешай... и налей». Абсолютный инфинитив также может использоваться вместо спрягаемого глагола для выражения действия в различных временах или состояниях: *tb 'ank* [tabā'u'anākī] – «я удаляюсь»; *ark.jd* – «конечность стала длинной»; *w'rb.hm* – «и они вошли» [Там же. С. 64].

В **древнееврейском** языке (библейский иврит) существует два вида инфинитива: склоняемый (или именной) и абсолютный (или глагольный).

I) *Склоняемый* инфинитив может присоединять предлоги и местоименные суффиксы. Как правило, эта форма внешне совпадает с формой повелительного наклонения единственного числа мужского рода: *ktiv* – «пусть он пишет» =

«писать»; *ktiv davar* – «писание слова». Склоняемый инфинитив, как и существительное, может вступать в сопряженное сочетание с другим существительным: **harod eish** – «убийство человека» или «убийство, совершаемое человеком». Без предлога склоняемый инфинитив в предложении может выполнять функцию подлежащего: *tov shmar-ah et-hatora* – «хорошо, что ты **соблюдаешь** Закон», (букв.) «твое **соблюдение** Закона хорошо». В предложении, кроме подлежащего, склоняемый инфинитив может выполнять и другие функции:

- 1) Прямое дополнение: *lo aholti shmoa* – «я не мог слушать».
- 2) Косвенное дополнение: *ad-natsaah oto* – «пока ты не найдешь его», (букв.) «до нахождения его тобой».
- 3) Несогласованное определение: *et knos avanim* – «время собирать камни» [Ламбдин, 2000, с. 215].

Чаще склоняемый инфинитив употребляется в сочетании с предлогами, которые придают данной форме дополнительные значения:

- 1) С предлогами *b(e)* и *k(e)* склоняемый инфинитив употребляется в конструкциях, эквивалентных абсолютным оборотам с обстоятельственным (чаще временным) значением или во временных придаточных предложениях: *beamdi lefanaiv* – «когда (пока) я стоял перед ним»; *vehaia kshamaah et-koli...* – «и когда ты услышишь мой голос...».
- 2) Склоняемый инфинитив с предлогом *l(e)* передает значение цели действия. На русский язык такие формы переводятся также инфинитивом или деепричастием: *bau lishmoa* – «они пришли послушать»; *tishmor et-dereh iehova laasot tsedek* – «соблюдай путь Яхве, творя справедливость». Эту форму древнееврейского склоняемого инфинитива также можно считать эквивалентом индоевропейского супина.
- 3) Инфинитив с предлогом *l(e)* может сочетаться с модальными глаголами: *lo iahly lilkod* – «они не могли захватить».
- 4) Инфинитив в сочетании с предлогом *l(e)* и глаголом *haia* – «быть» передает значение намерения совершить действие: *haia hashaar lisgot* – «ворота вот-вот должны были закрыться».
- 5) Конструкция *al* + имя или местоимение + *l(e)* + инфинитив передает значение долженствования: *alai limtsou oto* – «я должен найти его» [Там же. С. 216]. В примерах 4 и 5 древнееврейский склоняемый инфинитив является эквивалентом индоевропейского причастия намерения или герундива.
- 6) Инфинитив с

предлогом *l(e)* и отрицанием *ein* – «нет» является эквивалентом отрицательной формы императива: *ein lavo* – «вход запрещен». 7) Инфинитив с *l(e)* и отрицательной частицей *bilti: levilti ehol et- hafri* – «(чтобы) не есть плод» [Там же. С. 217]. Этот случай употребления склоняемого инфинитива также можно назвать эквивалентом индоевропейского супина. В **современном иврите** синтаксические функции склоняемого инфинитива, особенно в сочетании с различными предлогами, придающими дополнительное значение, значительно шире, чем в библейском иврите. Это объясняется тем, что в современном иврите практически не употребляется форма абсолютного инфинитива, и ее значения реализуются за счет склоняемой формы.

II) *Абсолютный* инфинитив в древнееврейском языке образуется по модели *kátôb*. Это неизменяемая форма глагольного имени, которая не может сочетаться с предлогами и присоединять местоименные суффиксы. Эта форма может заменять форму императива: *shim'u shamoa ... vur'u raio...* – «внимательно **слушайте** и внимательно **смотрите**» [Там же. С. 253]. Подробнее функции склоняемого и абсолютного инфинитивов раскрываются в сопоставительном аспекте в соответствующих разделах настоящего исследования.

В **имперском арамейском** языке употреблялась одна форма инфинитива с предлогом *l*, иногда с субстантивным префиксом *m-*: *m-šbq* – «оставить», *m-šlh* – «послать». Предлог *l* придавал инфинитиву целевое значение: *yšmwn t̄b b-ḥnk-h l-mʔmr* – «они вложат в его уста хорошее (слово) для говорения» [Лёзов, 2009, с. 519].

В **классическом сирийском** языке инфинитив может быть интерпретирован как существительное мужского рода. Эта форма вводится предлогом *l*: *da-sniqā ʕal maūyā l-meštā* – «которая нуждалась в воде для питья». Иногда встречается употребление инфинитива без предлога *l*, который можно сопоставить с абсолютным древнееврейским инфинитивом: *balḥod mḥaymānu haumen* – «только веровать веруй!» [Там же. С. 600].

В **классическом мандейском** языке инфинитив обычно употребляется с предлогом *l* и передает значение цели: *min ahun ʕtbiriat l-mikl-inhun* – «некоторые

из них были созданы, **чтобы съесть их**». Инфинитив также может употребляться без предлога: ṡthib l-aṡualia **auḵuria** rba – «ученикам надлежит **почитать** учителя». В соединении с посессивными местоименными суффиксами инфинитив может использоваться вместо формы прошедшего времени глагола: kam abatur **mizl-ai** – «я ходил перед Абатуром» [Немировская, 2009, с. 644].

В языке **туройо** инфинитив основной породы глагола образуется по общесемитской модели: dmoḥo – «спать», syomo – «делать». Эти формы нейтральны в залоговом отношении, поэтому могут иметь и активное, и пассивное значение [Коган, Лёзов, 2009, с. 778].

В **эфиопском** языке существует два инфинитива. Инфинитив I – глагольный – по своим синтаксическим функциям отчасти соответствует латинскому герундию или семитскому абсолютному инфинитиву. Эта форма может употребляться вместе со спрягаемым глаголом для обозначения добавочного действия, при этом он присоединяет именные посессивные суффиксы в значении Родительного падежа. Так формируется генетивная конструкция с временным значением, эквивалентная индоевропейскому абсолютному обстоятельству обороту: samī 'ō negūṡ dangaḍa – «когда царь услышал, он встревожился», (букв.) «во время слушания его царь встревожился» [Гранде, 1998, с. 249].

Инфинитив II – именной инфинитив, аналогичный склоняемому инфинитиву в иврите. Он образуется от глагольного инфинитива с помощью окончания -o, -ot. Этот инфинитив по существу является именем действия. Инфинитив II – это склоняемое имя, которое может быть любым членом предложения и входить в любую конструкцию, в которую входят имена существительные, за исключением конструкций, связанных с категорией множественного числа, которой эфиопский инфинитив не имеет. Инфинитив выделился благодаря регулярности своего образования из многочисленных имен действия, получивших названия инфинитивных имен, в результате чего был включен в систему глагола. Инфинитивы образуются регулярно и единообразно от каждой породы. Структура модели первой породы gabir или gabirot: bal'a –

«есть», *abzeḥa* – «умножить». От именного инфинитива образуются инфинитивные имена, которые могут иметь форму множественного числа, а также очень разнообразны по своим структурным моделям: *mot* – «смерть», *mota* – «умирать»; *hazan* – «горе», *hazana* – «горевать» и др. От инфинитивов в Винительном падеже в сочетании со слитными местоимениями произошли эфиопские деепричастия. Это произошло вследствие того, что на ранних этапах развития языка Винительный падеж мог обозначать обстоятельство времени. (При переводе на русский язык значение Винительного падежа передается предлогом.) Со временем деепричастие перестало быть сочетанием инфинитива со слитным местоимением и получило статус самостоятельной глагольной формы [Старинин, 1967, с. 82–84].

В отдельных современных языках (**современный иврит**) отмечена тенденция к слиянию двух форм инфинитива в одну за счет утраты абсолютного инфинитива и перехода его функций к склоняемому инфинитиву.

В языках семитской семьи сама форма инфинитива может отсутствовать, а ее функции выполняют различные глагольные имена действия.

Например, в **арабском** языке нет тех форм инфинитива, которые функционируют в большинстве семитских языков. Инфинитивом условно считается форма глагола 3-го лица единственного числа мужского рода прошедшего времени: *fahima* – «он понимал» = «понимать»; *sharaha* – «он объяснял» = «объяснять»; *darasa* – «он учил» = «учить» [Болотов, 2009, с. 100; Юшманов, 1985, с. 87]. Это обстоятельство свидетельствует в пользу генетической близости семитского инфинитива к начальной корневой форме глагола (3-го лица единственного числа мужского рода прошедшего времени) в семитских языках (например в иврите), а также указывает на происхождение семитского инфинитива из первичного глагольно-именного субстрата.

2.1.4. Особенности употребления инфинитива в санскрите (в сопоставлении с латинским и древнегреческим языками)

Инфинитив в санскрите представляет собой глагольное имя, образованное, как правило, от «среднего» глагольного корня посредством добавления суффикса *-tum-*: bhū – **bhavitum** – «быть» [Кочергина, 2001, с. 125].

Санскрит – один из древнейших индоевропейских языков. Лингвисты часто обращаются к нему для выявления причин различных аспектов грамматического развития тех или иных языковых систем. Но если провести сопоставление санскритского инфинитива с аналогичными формами в некоторых других древних языках индоевропейской семьи, например, в латыни или древнегреческом, можно отметить существенную разницу на морфологическом и синтаксическом уровнях. Выводы, сделанные из этого сопоставления, складываются в определенную систему, которая представлена в данном разделе.

В отличие от языков «западного» направления (латынь и отчасти древнегреческий), инфинитив в санскрите имел только одну морфологическую форму: «средний» корень с суффиксом *-tum-*. На русский язык это переводится неопределенной формой глагола: aham **gātum** śaknomi – «я могу **петь**». В латинском языке инфинитив имел шесть форм (настоящее, прошедшее и будущее время в двух залогах), а в древнегреческом образовывался практически от любой временной и залоговой формы глагола. Следует установить, чем вызвана такая неравномерность одного и того же морфологического явления в языках «западного» и «восточного» направлений [Балута, 2010, с. 125].

Можно предположить, что количество инфинитивов в индоевропейских языках в ходе исторического развития регулировалось количеством причастных форм, так как и те и другие являлись предикативным центром древних полупредикативных конструкций, аналогичных современным придаточным частям сложных предложений. Сложные предложения, как и подчинительные союзы, образовывались в языках не сразу, а путем постепенного вытеснения более простых конструкций [Дынников, Лопатина, 1975, с. 111]. И хотя ранее

паратаксис преобладал над гипотаксисом, в большинстве древних индоевропейских языков (во всяком случае в письменной форме) изначально существовала потребность в «сложноподчиненных отношениях». Эта потребность находила свое выражение в полупредикативных причастных и инфинитивных оборотах [Балута, 2010, с. 125].

В древнегреческом языке, где число причастий было приблизительно равно числу инфинитивов, существовали альтернативные способы выражения некоторых видов сложноподчиненных отношений. Например, конструкция, равная по смыслу изъяснительно-объектному придаточному, могла быть передана и причастным и инфинитивным оборотами: 1) **Lego tous palaious Aiguptious gupas ou foneuein** – «Я говорю, что древние египтяне не убивали коршунов»; **Hoi palaioi Aiguptioi gupas ou foneuein legontai** – «Говорят, что древние египтяне не убивали коршунов». 2) **Tissafernēs Kuron strateuonta aggeliei** – «Тиссаферн сообщает, что **Кир идет войной**», (букв.) «об идущем войной Кире»; **Kuros epistrateuōn aggelletai** – «Сообщается, что **Кир идет войной**» [Козаржевский, 1998, с. 29]. В первом случае использован оборот *Accusativus / Nominativus cum infinitivo*, во втором – *Accusativus / Nominativus cum participio*. Целевые отношения также мог передавать инфинитив: **Tauten ten hōran epetrepse diarpasai tois Hellesin** – «Эту страну он отдал **на разграбление**», (букв.) «чтобы разграбить» грекам» [Там же. С. 79]. Аналогичные отношения могли быть выражены причастием будущего времени.

Зависимая обстоятельственная конструкция обычно передавалась посредством абсолютных причастных оборотов. Со временем в греческом языке наблюдается общая для большинства индоевропейских языков тенденция к анализирующему в области замены простых предложений сложными, а также тенденция к полному упразднению инфинитивных форм [Шантрэн, 2001, с. 237]. Вероятно, это произошло по причине изначально присутствия в языке почти равного количества инфинитивов и причастий, в то время как причастия обладали большим набором синтаксических функций. Кроме того, причастия были более гибкими в морфологическом плане, так как изменялись по числам, родам и

падежам, в то время как древнегреческий инфинитив классического периода изменяемых при склонении флексий уже не имел [Балута, 2010, с. 125].

Не обладая формально выраженной парадигмой склонения, древнегреческий инфинитив, однако, мог субстантивироваться в любом падеже и быть употреблен в качестве существительного: *meta to lusai* – «после развязывания»; *dia to lutēvai* – «во время развязывания» и т.п. Это представлялось возможным из-за наличия в языке определенного артикля, который даже при отсутствии падежного окончания указывал на род, число и падеж инфинитивной формы. В латыни и в санскрите такой способ употребления инфинитива не мог быть реализован по причине отсутствия определенного артикля. Существуют предположения о возможном падеже формы древнегреческого инфинитива (Дательный или Местный) [Шантрэн, 2001, с. 233]. Можно также предположить форму Именительного / Винительного падежей, так как именно в этой форме инфинитив употреблялся в полупредикативных изъяснительно-объектных оборотах без определенного артикля, «согласуясь» с формой логического подлежащего.

В латинском языке количество инфинитивов и причастий было неравномерным: инфинитив имел шесть форм, причастий же было всего три: настоящего времени активного залога, прошедшего времени пассивного залога и будущего времени активного залога. Причем последняя причастная форма будущего времени была довольно ограничена в своих синтаксических функциях и в полупредикативных оборотах не употреблялась. Прерогативой причастных оборотов были определительные и обстоятельственные отношения, в то время как инфинитив встречался в изъяснительно-объектных и целевых конструкциях. Ярким примером таких полупредикативных конструкций могут служить обороты *Accusativus / Nominativus cum infinitivo*, где инфинитив выступал в качестве логического сказуемого [Балута, 2010, с. 125] и употреблялся в форме настоящего, прошедшего и будущего времени активного и пассивного залогов: *Senatus jussit, socios inter se foedera facere* – «Сенат приказал, чтобы союзники заключили между собой договоры» [ЛЯ, 2000, с. 168]. Аналогичные греческим

изъяснительно-объектные обороты с причастиями (*Accusativus / Nominativus cum participio*) в латинском языке не использовались. Этот факт позволяет предположить, что в латинском языке глагольные функции инфинитива были несколько выше, чем в греческом, а его именные функции, наоборот, уступали греческим. Преобладание у латинского инфинитива глагольных функций позволило этой форме занять определенные позиции в грамматической системе языка, разграничить сферы употребления с причастиями и пережить ряд исторических изменений.

Латинский инфинитив уже в классический период имел только форму единственного числа Именительного / Винительного падежей [Там же. С. 169], поэтому для него, как правило, характерна довольно узкая специализация: неопределенная форма при основном глаголе и «логическое сказуемое» в изъяснительно-объектных оборотах. Но эта грамматическая ниша латинского инфинитива принадлежала только ему, в то время как древнегреческий инфинитив, многообразный в своих формах и функциях, а также практически сохранивший склонение, постоянно соперничал с другой именной формой глагола – причастием, обладающим большей синтаксической гибкостью. Вероятно, именно поэтому уже в греческом койне намечается тенденция к исчезновению инфинитива, что получило свое развитие в дальнейшее время [Балута, 2010, с. 126].

Освещая систему инфинитивов и причастных форм в латинском языке, следует отметить, что здесь существовала еще одна именная форма глагола, обладающая меньшими функциями и меньшей частотностью употребления, чем две предыдущие, однако занимающая в грамматической системе языка свое определенное место. Это латинский *супин*, форма, образованная от глагольного корня с помощью суффикса *-tu-* и имеющая только единственное число (ср. род) и два падежа: *Accusativus* и *Ablativus* [ЛЯ, 2000, с. 101]. Можно сказать, что в некоторой степени функции супина в латинском языке граничили с инфинитивными, так как он или ставился при глаголах целенаправленного действия для указания цели (*Accusativus*): *venio rogatum* – «прихожу (чтобы)

просить», или при некоторых прилагательных для детализации их семантики (Ablativus): *facilis factu* – «легкий для выполнения» (= то, что легко выполнить) [Там же. С. 167]. Однако употребление данной формы, ограниченное уже в классическом языке, со временем сузилось еще больше: вместо него стал употребляться инфинитив, и, в конце концов, супин уцелел только на Востоке в значении отглагольного существительного [Дынников, Лопатина, 1975, с. 62]. Таким образом, латинский инфинитив не только сохранил большинство своих синтаксических функций, но еще и укрепил их за счет исчезновения супина.

В санскрите соотношение инфинитивных и причастных форм было более чем неравномерным: инфинитивная форма известна только одна, в то время как причастных форм более десяти (десять причастий и два деепричастия). Любопытно, что по форме образования санскритский инфинитив близок к латинскому супину: суффикс *-tum-* можно рассматривать как сочетание суффикса *-t-* с окончанием среднего рода *-um* Именительного и Винительного падежей единственного числа. Как и латинский супин, инфинитив в санскрите мог обозначать цель при глаголах движения: *gacchāmi kartum* (инф. санскр.) = *eo factum* (супин лат.) = «иду (чтобы) сделать». Однако функции санскритской формы на *-tum-* шире функций латинского супина, поэтому полностью аналогизировать эти формы нельзя [Балута, 2010, с. 127].

Следует отметить, что исторически суффиксом инфинитива в санскрите считается не *-tum-*, а *-tumun-*, который при сочетании с корнем глагола превращается в *-tum-*. Если рассматривать *-tum-* как сочетание суффикса *-t-* с окончанием среднего рода *-um* (гласное склонение), а *-tumun* как слияние формообразующего суффикса с окончанием мужского / среднего рода на *-n* (Именительный падеж, согласное склонение), то можно провести параллель между «флексиями» инфинитива и флексиями санскритских причастий. Причастия пассивного и медиального залогов, а также существительные и прилагательные среднего рода оканчивались на *-t* и склонялись по гласному склонению на *-ā*: *idam bhāṣitum* – «это сказано». Причастия активного залога мужского и среднего рода склонялись по согласному склонению на *-n*

(Именительный падеж): **dhāvan** paraḥ – «**бегущий** человек». Опираясь на это сопоставление, можно предположить, что некогда инфинитив в санскрите мог склоняться как имя или причастие среднего рода, а также имел пассивную (медальную) и активную формы [Там же. С. 127]. Тот факт, что гласное склонение санскрита (ср. род) на *-i*, к которому ближе всего по своим характеристикам мог бы относиться инфинитив, в Именительном падеже не оканчивается на *-m* (в отличие от гласного склонения на *-ā*) и отсутствует разновидность согласного склонения на *-in* (существуют только формы на *-an* и *-in*), может указывать на существование в более ранних или неизвестных текстах особого склонения инфинитивных форм. Однако это предположение пока нуждается в дополнительной проверке данных, основанной на тщательном исследовании наиболее ранних памятников санскрита, а также на изучении смежных групп языков, например дарвидийских [Там же. С. 136].

Теперь следует рассмотреть особенности употребления санскритского инфинитива и его функции, аналогичные функциям инфинитивов в латинском и древнегреческом языках.

Санскритский инфинитив мог употребляться в составе простого глагольного сказуемого как смысловой компонент. Прежде всего он сочетался с модальными глаголами со значением «хотеть», «мочь», «уметь». В качестве модального компонента такой формы иногда выступал не спрягаемый глагол, а образованное от глагольного корня аористное причастие, которое по некоторым синтаксическим функциям было аналогично спрягаемой глагольной форме и могло выступать в роли сказуемого. Примеры употребления: Aham **gantum** samarthaḥ – «Я способен / могу **петь**»; Rājā pṛthivīm **śāsitum** niruṇaḥ – «Царь землей *управлять* может»; Sa **yuddhum** jānāti – «Он умеет **воевать**» [Kale, 1961, p. 612].

Инфинитив в санскрите мог сочетаться с глаголами и именами не только с модальным, но и с фазисным значением. При этом он употреблялся как в составе глагольного сказуемого, так и самостоятельно. Mayūraḥ **nartitum** ārabhate – «Павлин **танцевать** начинает»; Kathakaḥ **vaktum** prakramate – «Говорящий

рассказывать собирается»; Vidyālayam **gantum** kālo yam – «Это время в школу идти»; Śayitum velā iyam – «Это время спать»; Avasase yam ātmānam **prakāśayitum** – «Это возможность себя открыть» [Ibid. P. 613].

Представляет интерес употребление санскритского инфинитива в целевом значении, но не в сочетании с глаголами целенаправленного действия, а с существительными. При этом инфинитив раскрывает семантику существительного, показывая, для чего оно предназначено: Asti annam **bhoktum** – «Есть еда (чтобы) **покушать**» [Ibid. P. 614]. Эта особенность совпадает с одним из значений Дательного беспредложного падежа в санскрите, причем в таких конструкциях в дательном падеже употребляются, как правило, глагольные существительные: Saḥ muktaye Sivam bhajati – «Он поклоняется Шиве ради освобождения»; Randhanāya sthālī – «Посуда для приготовления еды»; Nārāya suvṛṇam – «Золото для цепочки». В то же время беспредложный Дательный падеж существительного может встретиться при глаголе целенаправленного действия вместо инфинитива: Sa **pākāya** yāti – «Он для **приготовления** еды (= готовить еду) идет»; Aham **bhramaṇāya** emi – «Я **на прогулку** (= гулять) иду» [Ibid. P. 560].

Учитывая эти особенности, можно предположить, что санскритский инфинитив по своим функциям восходит к форме, прежде всего, Дательного падежа и обладает некоторыми признаками Именительного и Винительного падежей, в то время как латинский и древнегреческий инфинитивы ближе по своим функциям только к Винительному и Именительному падежам. Следовательно, в санскрите было меньше условий для образования оборотов, аналогичных латинским и древнегреческим *Accusativus / Nominativus cum infinitivo*. Место логического сказуемого в полупредикативных изъяснительно-объектных конструкциях в санскрите занимали причастия [Балута, 2010, с. 128].

2.1.5. Особенности употребления инфинитива в санскрите (в сопоставлении со старославянским языком)

Следует обратить внимание на еще одну особенность санскритского инфинитива, которая существенно отличает его от инфинитивов в латыни и древнегреческом.

Употребление инфинитива в санскритском предложении предполагает обязательное совпадение субъекта инфинитива и основного глагола: *Pitā pīṭitām kanyām draṣṭum gataṇ* – «Отец пришел **увидеть** больную дочь» [Kale, 1961, p. 615]. В данном предложении сочетается и целевая направленность инфинитива, и совпадает субъект двух действий: «отец **пришел**» и «отец **увидит**». Подобные конструкции употребляются в большинстве индоевропейских языков. Они не являются редкостью в латыни и древнегреческом, хотя в латыни вместо инфинитива мог быть употреблен супин [Балута, 2010, с. 134].

С другой стороны, обычная для латыни и древнегреческого полупредикативная конструкция, где действия основного глагола и инфинитива относятся к разным субъектам, не является правильной для санскрита. Например, в древнегреческом и латыни возможны такие предложения: *No stratēgos ekeleue tous stratiōtas mē feidestai tōn polemiōn* – «Стратег приказал, чтобы воины **не щадили** врагов – др.гр.» [Козаржевский, 1998, с. 35]; *Livius narrat Romulum urbem Romam condidisse* – «Ливий рассказывает, что Ромул **основал** город Рим – лат.» [ЛЯ, 2000, с. 168]. В санскрите нельзя употреблять конструкцию: *Pabhuḥ bhṛtyam gantum ādiśati* – «Хозяин слуге (букв. **слугу**) **идти** приказывает» [Kale, 1961, p. 617]. Невозможность употребления такой конструкции обусловлена несовпадением субъектов инфинитива и основного глагола: «хозяин **приказывает**», «слуга **пойдет**». Вместо данного предложения правильным будет следующее: *Pabhuḥ bhṛtyam gamanāya ādiśati*, (букв.) «Хозяин слуге, чтобы он был идущий, приказывает» [Ibid. P. 617]. Далее следует рассмотреть состав предложения, аналогичного по смыслу конструкции с инфинитивом.

Вместо инфинитива *gantum* – «идти» в конструкции употреблено причастие *gamaṇāya* – «идуший», которое стоит в форме Дательного падежа единственного числа мужского / среднего рода. Оно не согласуется со словом *bhṛtyam* – «слугу», стоящим в Винительном падеже и представляющим объект главного глагола. Поэтому нельзя говорить, что здесь используется полупредикативная конструкция: отсутствует согласование между компонентами грамматической основы. Это обстоятельство объясняется тем, что в санскрите объектное управление главного глагола является первостепенным, а остальные отношения в предложении, как правило, отходят на второй план. Дательный падеж причастия при этом обозначает цель действия и раскрывает содержание приказа [Балута, 2010, с. 135].

Необходимо рассмотреть еще один пример. В санскрите вместо предложения с инфинитивом: *Mahmam pātum kiñcit jalam dehi* – «Дай мне **попить** немного воды», где субъекты действий не совпадают, должна быть употреблена конструкция: *Mahmam pānāya kiñcit jalam dehi* – «Дай немного воды, чтобы **я попил**», (букв.) «Дай мне **пьющему** немного воды» [Kale, 1961, p. 625]. Вместо инфинитива следует употребить причастие, которое на этот раз согласуется с косвенным субъектом в Дательном падеже. Следовательно, при отсутствии объектного управления главного глагола возможна полупредикативная конструкция «Дательный с причастием» (*Dativus cum participio*), как правило, сохраняющая целевое значение.

Таким образом, можно заключить, что из-за особенностей грамматической системы в санскрите не могли образоваться обороты, аналогичные языкам «западного» типа: *Accusativus / Nominativus cum infinitivo*. Это объясняется тем, что форма инфинитива в санскрите больше тяготела к Дательному падежу, а в латыни и древнегреческом – к Винительному / Именительному. Следовательно, обороты с инфинитивом, где он согласовывался со статичными падежами логического подлежащего, не были возможны. Однако возникает вопрос: почему в санскрите не существовало полупредикативных конструкций «Дательный с инфинитивом», характерных, например, для русского языка: «**Я приказываю**

тебе это сделать». Одним из условий формирования в русском языке подобных оборотов также является глагольное управление. В русском языке глаголы со значением «приказывать», от которых зависят подобные конструкции, обычно требуют Дательного падежа, а в санскрите подобные глаголы управляли Винительным падежом. Кроме того, глаголы со значением «приказывать», как правило, предполагают несовпадение субъектов действий: один отдает приказ, другой его исполняет. Это и объясняет невозможность возникновения конструкций, аналогичных русским «Дательный с инфинитивом» в рамках санскритской грамматики. Необходимо помнить, что инфинитив в санскрите имел только одну форму, а следовательно, не мог полноценно представлять в полупредикативных оборотах всю временную парадигму. Однако были возможны обороты «Дательный с причастием», где причастие санскрита обнаруживало большую, чем инфинитив, синтаксическую гибкость [Балута, 2010, с. 135].

Следует также отметить, что полупредикативный оборот, где предикативная основа стояла в Винительном падеже, в санскрите существовал. Если нельзя было употребить фразу с инфинитивом: *Pitā kanyam **gātum** śrutavān* – «Отец слышит, как дочь **поет**», то вместо этого составлялась конструкция: *Pitā kanyam **gāyantīm** śrutavān* – «Отец слышит, как дочь **поет**», (букв.) «Отец слышит **поющую дочь**» [Kale, 1961, p. 617]. В данном предложении объект в Винительном падеже (дочь) согласуется по форме с определяющим его причастием. Такая конструкция может рассматриваться как полупредикативная и соответствует греческой *Accusativus cum participio* («Винительный с причастием»).

Подобные обороты были довольно хорошо распространены в санскрите. Они входят и в грамматическую систему русского языка, если принимать во внимание некоторые ограничения семантики управляющего глагола. В русском языке глаголы со значением «речи и мысли» (например, **говорить**, **думать** и др.) по причине особенностей управления не выступают в качестве главного слова при конструкции «Винительный с причастием» [Балута, 2010, с. 136], в то время как в санскрите вполне обычно предложение: *Aham na vadiṣyāmi nṛpāya **mām tvam***

vadiṣyantam – «Я не скажу царю, что я тебя увижу», (букв.) «Я не скажу царю **обо мне тебя видящем**» [Kale, 1961, p. 618].

Наличие в санскрите полупредикативных причастных оборотов и отсутствие аналогичных конструкций с инфинитивом еще раз доказывает, что причастие в этом языке обладало большей синтаксической гибкостью. Инфинитив же на известном нам этапе развития языка «застыл» в одной падежной форме (предположительно, в Дательном падеже) и из-за особенностей своей валентности не мог входить в состав полупредикативных конструкций.

Вызывает интерес и то обстоятельство, что в современном русском языке также отсутствуют обороты «Винительный с инфинитивом», аналогичные языкам «западного» типа *Accusativus cum infinitivo*, которые существовали в старославянском языке и, вероятно, являлись кальками с греческого. Обращаясь к истории русского языка, следует установить невозможность закрепления в языках «восточного» типа подобных конструкций, а также выяснить причины упразднения данного оборота в русском языке [Балута, 2010, с. 136].

В старославянском языке инфинитив, по мнению А.М. Камчатнова, является протославянским новообразованием. «Некогда он представлял собой имя, образованное от глагольной основы, которую теперь называют инфинитивной, при помощи суффикса *-tei-*; это имя склонялось по типу основ на *-i-*. Впоследствии, еще в дописьменную эпоху, оно утратило изменение, так как из всех падежных форм осталась в употреблении одна форма Дательного падежа. Поэтому можно сказать, что по происхождению инфинитив – это застывшая форма Дательного падежа» [Камчатнов, 2001, с. 94]. Закрепление за инфинитивом формы Дательного падежа А.М. Камчатнов объясняет исключительным употреблением инфинитива в позиции косвенного дополнения при глаголе или существительном в форме Дательного падежа: **мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла посылавъшааго ма**. [Там же. С. 94].

Наряду с инфинитивом в старославянском языке употреблялся *супин* – глагольное имя, которое принято считать наследием индоевропейского праязыка, образованное от глагольной основы посредством суффикса *-t-*. Его признают

застывшей формой Винительного падежа, сопоставляя с латинским супином на *-tum*, и ограничивают сферу его употребления позицией прямого дополнения при глаголах движения с целевой направленностью **чесо видѣтъ изидете** [Там же. С. 94]. Однако, как и в латинском языке, супин регулярно употреблялся только в древнейших памятниках. Большинство славянских диалектов утратило его в различные эпохи: «сербский язык – еще до появления древних памятников, чешский – только к XVI веку. В настоящее время, кроме фрагментарного употребления данной формы в чешском языке, супин сохранился лишь в словенском и нижнелужицком языках» [Там же. С. 95].

Старославянский супин после выхода из сферы употребления был, как и в латинском языке, успешно заменен инфинитивом, получившим дополнительные функции. Однако у старославянского инфинитива, в отличие от латинского, не сформировалась полная временная и залоговая парадигма. Со временем он приобрел лишь значение возвратности и, в определенных синтаксических условиях, страдательного залога путем присоединения частицы *ся* [Балута, 2010, с. 136].

Если провести сопоставление данных об инфинитиве и супине в санскрите, древнегреческом, латинском и старославянском языках, то можно предположить, что инфинитив и супин являлись падежными формами одного древнего глагольного имени. Парадигма склонения этого имени пока не определена, однако устанавливается, что оно было образовано от «чистого» глагольного корня с помощью форманта *-t*, в Именительном / Винительном падежах оканчивалось на *-it* и, вероятно, принадлежало к типу склонения на *-и*. По косвенным показателям это имя было среднего или общего рода, хотя не исключается также дифференциация по родам. Имеются данные об Именительном, Винительном (латынь, древнегреческий), Дательном (старославянский, санскрит) и Отложительном (латынь) падежах этого имени, которое было, в основном, приглагольным. В зависимости от особенностей глагольного управления в каждой языковой системе это имя сохранилось в определенных падежных формах, которые теперь принято называть «инфинитив» и «супин» [Там же. С. 136].

Со временем древнее глагольное имя адаптировалось к грамматической системе каждого языка, претерпело ряд фонетических изменений и утратило все падежные формы, кроме одной. Обычно оставшуюся форму представляет инфинитив. Это древнее глагольное имя по своим характеристикам было субстантивным. Если в языке развивалась обширная система причастий и других адъективных глагольных имен, инфинитив постепенно утрачивал свои именные признаки и развивал глагольные. Если развитие системы причастий консервировалось лишь на нескольких формах, инфинитив сохранял именные признаки и участвовал в формировании полупредикативных оборотов. С интенсификацией развития гипотаксиса инфинитив все больше уступал свои позиции многообразию спрягаемых глагольных форм и уходил в разряд дополнительных средств. В некоторых языках (например греческий) он, подобно супину, обнаруживает тенденцию к исчезновению [Там же. С. 137].

Что касается роли инфинитива в формировании полупредикативных оборотов старославянского языка, то здесь следует учитывать два основных фактора: валентность инфинитива и наличие в языке обширной системы причастий. Инфинитив в старославянском языке, как было сказано выше, представлял собой «застывшую» форму Дательного падежа, соответственно, он мог согласовываться только с именами в Дательном падеже и употребляться в роли косвенного, а не прямого объекта. Большинство глаголов, управляющих полупредикативными изъяснительно-объектными конструкциями (= *Accusativus / Nominativus cum infinitivo/participio*) требуют в индоевропейских языках Винительного падежа прямого объекта, за исключением глаголов со значением «велеть», «приказывать». Следовательно, в старославянском языке могли образоваться только инфинитивные обороты от этих глаголов – «Дательный с инфинитивом» – и только в плане настоящего времени. А обороты Винительный / Именительный с инфинитивом, заимствованные при переводе греческих источников, со временем вышли из употребления [Там же. С. 137].

В старославянском языке, как в санскрите и древнегреческом, существовала довольно развитая система причастных форм: причастие на *-л-*, обладающее в

большей степени глагольными, чем именными функциями; причастия всех трех родов действительного и страдательного залогов настоящего и будущего времени [Горшков, 2002, с. 102]. Поэтому для перевода греческих полупредикативных оборотов после глаголов «речи и мысли» в качестве «логического сказуемого» вместо инфинитива могло быть употреблено причастие: **кого глаголътъ ма чловѣци сѣшта**. Однако широко употребительные в старославянском языке действительные причастия и причастные обороты были рано утрачены в разговорных формах славянских языков [Вайан, 2004, с. 397].

Следует принять во внимание, что в древнегреческом языке инфинитив настолько адаптировался к грамматике языка, что система инфинитивов была почти так же развита в морфологическом и синтаксическом плане, как и система причастий. (Вероятно, это отчасти объясняется первичным закреплением в языке Именительного / Винительного падежей инфинитива, более гибких в объектных отношениях, чем Дательный.) Поэтому в древнегреческом полупредикативные изъяснительно-объектные инфинитивные обороты соперничали с причастными и были вытеснены гораздо позже. В санскрите и старославянском инфинитив, закрепивший форму Дательного падежа, обладал меньшей синтаксической гибкостью. То, что невозможно было передать с помощью инфинитивных конструкций, выражали разнообразные причастные обороты [Балута, 2010, с. 137].

Однако старославянский инфинитив при сопоставлении с инфинитивом санскрита обнаруживает больше способности к сочетаемости с другими членами предложения. Он мог иметь и субъектное и объектное употребление; и в старославянских предложениях с инфинитивом не было обязательным совпадение субъектов инфинитива и основного глагола. Со временем в истории русского языка инфинитив после приобретения новых глагольных признаков укрепил свои синтаксические позиции и занял определенное место в грамматической системе языка [Там же. С. 137].

2.1.6. Хеттский инфинитив на -цар- в контексте индоевропейских и семитских аналогий

Хеттский язык по своим грамматическим характеристикам относится к индоевропейской языковой семье [Фридрих, 2001, с. 23]. Однако известно, что в области графики и лексики в процессе исторического развития он подвергался влиянию древних семитских языков [Там же. С. 6]. При изучении некоторых аспектов грамматики хеттского языка, в частности области глагольных имен, можно провести интересные аналогии не только с индоевропейской, но и с семитской языковой системой. В данном разделе представлено сопоставление форм хеттского инфинитива с инфинитивом в некоторых индоевропейских и семитских языках.

На сегодняшний день в отечественной лингвистике еще не существует однозначной классификации хеттских глагольных имен с опорой на общеиндоевропейскую синхронно-диахроническую базу в этой области. В разных грамматиках по-разному дается определение хеттского инфинитива. Опираясь на классификацию в грамматике И. Фридриха, можно составить общую картину характеристики хеттского инфинитива в свете индоевропейских и семитских аналогий [Балута, 2011, с. 12].

В хеттском языке существует пять основных форм глагольного имени: два инфинитива, два супина и одно причастие [Там же. С. 146]. «Первый инфинитив (-цар) является отглагольным существительным; *уцацг* означает не «приходить», но «приход», поэтому он выступает в предложении не как глагол, а как имя: *LÚmeš KUR URUMizrama mahḥan SAKUR URUAmka GUL-ahḫuḫar ištamaššanzi* – «Когда люди страны Мизрама (Египта) слышат о нападении на страну Амка» [Там же. С. 145]. К именным признакам первого хеттского инфинитива следует также отнести его склоняемость. В частности, его можно классифицировать как существительное с основой на -г [Там же. С. 68]. (В предыдущем примере инфинитив *GUL-ahḫuḫar* «о нападении» стоит в Винительном падеже со значением объекта.)

В.В. Иванов в своей классификации глагольных имен хеттского языка вообще не называет образование на -цаг- термином «инфинитив», а характеризует его как «глагольное имя в Именительном-Винительном падеже». Однако он признаёт, что глагольное имя на -цаг- и инфинитив составляют одну парадигму склонения. «Инфинитив не изменяется, но в тех случаях, когда необходимо употребить инфинитив в Именительном-Винительном падеже, вместо него выступает глагольное имя (например, в словарях, где аккадские инфинитивы регулярно переводятся хеттскими глагольными именами» [Иванов, 2001, с. 151]. Объяснение этому явлению можно найти в грамматической системе аккадского языка, где существовал один инфинитив, выполняющий и глагольные и именные функции, присущие хеттскому инфинитиву. Г.Х. Каплан утверждает, что аккадский инфинитив «сочетает свойства существительного и глагола, иногда одновременно. Как существительное, инфинитив склоняется, в статусе конструктуса управляет именем в Родительном падеже, может иметь определение, бывает подлежащим и дополнением. Распространены различные инфинитивные конструкции с предлогами. Инфинитив не изменяется по родам и числам, согласуется как существительное в мужском роде единственного числа. При инфинитиве (как при личных формах глагола) могут быть подлежащее, прямое и / или косвенное дополнение, обстоятельства» [Каплан, 2006, с. 81]. Собственно инфинитивом В.В. Иванов называет глагольное образование на -appa- [Иванов, 2001, с. 150], которому посвящен отдельный раздел данного исследования.

Характерной особенностью хеттского инфинитива на -цаг- является его падежная форма, так как форма Именительного-Винительного падежа открывает широкие возможности для субстантивации и использования этого глагольного имени в составе предикативного центра полупредикативных инфинитивных оборотов, которые встречаются во многих древних и новых индоевропейских языках [Балута, 2011, с. 13]. Таким образом, пример LÚmeš KUR uruMizrama maḥḥan SAKUR uruAmka **GUL-ahḫuḫar** ištamaššanzi можно рассматривать как конструкцию, содержащую оборот, подобный греческому или латинскому

Accusativus / Nominativus cum infinitivo, где инфинитив на -цаг- представляет собой предикативный центр инфинитивного оборота «слышали, **что напали...**». В языках, где данный оборот в силу исторических изменений грамматической системы отсутствует (например в русском), этот оборот также представляет собой сложное дополнение и переводится изъяснительно-объектным придаточным [Там же. С. 14].

Если сопоставить хеттский инфинитив на -цаг- с инфинитивами в древних индоевропейских языковых системах, можно отметить, что и в древнегреческом и в латинском языках эти формы глагольных имен имеют определенное сходство.

В древнегреческом языке существовал один вид инфинитива, который, с одной стороны, благодаря склонению определенного артикля и субстантивации мог принимать форму любого падежа (то есть восприниматься как отглагольное существительное), а с другой – выполнял все функции, присущие обычному инфинитиву (как в русском языке) [Козаржевский, 1998, с. 30]. Можно сказать, что древнегреческий инфинитив сочетал в себе функции обеих форм хеттского инфинитива. При склонении артикля, который определял падеж данной формы, конечный аффикс инфинитива не изменялся. Однако инфинитив в древнегреческом языке мог изменяться во временном и залоговом отношении. При этом в некоторых временах его конечный аффикс похож на флексии Именительного-Винительного падежей [Там же. С. 16], а в других временах – на флексии Дательного падежа [Там же. С. 78]. Кроме того, древнегреческий инфинитив в любой временной форме мог употребляться как логическое сказуемое в полупредикативных инфинитивных оборотах Accusativus / Nominativus cum infinitivo. Таким образом, древнегреческий инфинитив во многом аналогичен хеттскому, хотя менее дифференцирован функционально [Балута, 2011, с. 14].

В латинском языке, так же как и в древнегреческом, был один вид инфинитива, изменяющийся по временам и залогам. Этот инфинитив склонялся, но в классической латыни сохранил лишь формы Именительного-Винительного падежа [ЛЯ, 2000, с. 168]. Он, так же как и древнегреческий, и хеттский

инфинитивы, мог употребляться в оборотах *Accusativus / Nominativus cum infinitivo* и переводился как глаголом, так и отглагольным существительным.

Инфинитив в санскрите имел лишь одну форму на *-tum* и по падежам (а также залогам и временам) не изменялся. В полупредикативных оборотах со значением сложного дополнения в санскрите вместо инфинитива употреблялось причастие. Функции санскритского инфинитива больше совпадают со вторым хеттским инфинитивом [Балута, 2011, с. 15].

В старославянском языке инфинитив, как в древнегреческом и латыни, был одного вида, но, как и в санскрите, имел только одну форму, которая считается застывшей формой Дательного падежа [Камчатнов, 2001, с. 94], и по временам не изменялся. При глаголе он употреблялся в функции косвенного дополнения «**мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла**», но обладал и другими функциями, не свойственными хеттскому инфинитиву на *-цаг-*. В результате ограниченности синтаксических функций старославянского инфинитива полупредикативные обороты со значением сложного дополнения были чужды старославянскому языку и в переводных текстах скорее являлись кальками с греческого языка.

В русском языке синтаксические функции инфинитива были несколько расширены (по сравнению со старославянским), однако полупредикативные инфинитивные обороты здесь не закрепились. В конструкциях, аналогичных латинскому, греческому и хеттскому *Accusativus cum infinitivo*, в русском языке употребляются различные отглагольные существительные, которые и следует сопоставлять с хеттским инфинитивом на *-цаг-* [Балута, 2011, с. 17].

Что касается семитских языков, то следует вспомнить, что в некоторых из них инфинитив, как и в хеттском языке, имеет бинарную грамматическую структуру. Например, в иврите, как в библейском, так и в современном, выделяют два инфинитива. Хеттскому инфинитиву на *-цаг-* больше соответствует *infinitivus constructus*, или так называемый склоняемый инфинитив (хотя формально он по падежам не изменялся, так как в иврите отсутствует категория склонения) [Гранде, 1998, с. 188].

В эфиопском языке также существует два инфинитива. Хеттскому инфинитиву на -цаг- соответствует именной инфинитив, который мог быть в предложении подлежащим и дополнением, а также управлять именем в значении Родительного падежа [Там же. С. 189].

В арабском языке регулярно образуемые от глагольных корней имена действия отчасти соотносимы с хеттским инфинитивом на -цаг-. Они склоняются, могут быть подлежащим и сказуемым именного предложения [Там же. С. 252]. Однако синтаксические функции арабских имен действия гораздо шире.

Результаты сравнительно-сопоставительного анализа грамматических форм и синтаксических функций хеттского инфинитива на -цаг- с индоевропейскими и семитскими языками можно кратко представить в табл. 3.

Таблица 3 – Хеттский инфинитив на -цаг-

Хетт. (по Фридриху)	Хетт. (по Иванову)	Санскрит	Древне- греч.	Латинский	Старослав.	Русск.	Аккад.	Иврит (библ. и совр.)	Эфиопский	Арабский
Инф. 1 на -цаг- И.-В. п.	Глаг. имя в И.-В. п.	Отгл. сущ., прич. в И.- В. п.	Инф. в И.-В. п.	Инф. в И.-В. п.	Отгл. сущ., позд. инф.	Отгл. сущ., инф.	Инф.	Склон. инф.	Именной инф.	Глаг. имя действия

Из таблицы видно, что хеттское глагольное имя на -цаг- по морфологической форме и синтаксическим функциям было аналогично многим индоевропейским и семитским инфинитивам. Таким образом, исследуемую глагольную форму хеттского языка можно также называть термином «инфинитив».

2.1.7. Хеттский инфинитив на -appa- в контексте индоевропейских и семитских аналогий

Хеттский инфинитив на -appa- (по классификации И. Фридриха) В.В. Иванов также определяет как собственно инфинитив [Иванов, 2001, с. 151]. В данном разделе определяется грамматическая характеристика этой глагольной формы в сопоставлении с индоевропейскими и семитскими языками, а также исследуется его отличие от хеттского инфинитива на -цаг-.

И. Фридрих полагал, что хеттский инфинитив на -appa- соответствует русскому инфинитиву: luSANGA **akuṣanna** ʕekzi – «жрец требует **пить**» [Фридрих, 2001, с. 145]. Особенности данной формы являются ее несклоняемость и глагольность. В.В. Иванов считает инфинитив на -appa- застывшей формой Дательного-Местного падежа склонения на -r. «Обособлению этой формы способствовало то, что в новохеттском языке Дательный-Местный падеж от гетероклитических существительных на -atar образовывался всегда с помощью флексии -i, тогда как инфинитив на -anna-a строится с помощью древнехеттского окончания -a [Балута, 2011, с. 18]. Относительная хронология возникновения инфинитива на -appa- может быть дана на основании того, что он возник в ту эпоху, когда (в древнехеттском языке) существовало различие падежа на -a (Дательного или Направительного) и падежа на -i (Местного), и вместе с тем были еще живыми чередования гласных в основах глаголов I спряжения (так как инфинитивная форма на -appa- первоначально характеризовала только глаголы данного типа)» [Иванов, 2001, с. 153].

Одним из основных значений Дательного падежа в индоевропейских языках является значение *цели*. Этим значением обладает и хеттский инфинитив на -appa-, часто встречающийся в финальном употреблении: arāšmamu ḫarkanna šan(a)ḫta – «он меня **для уничтожения** искал» [Фридрих, 2001, с. 146]. Однако И. Фридрих, кроме двух инфинитивов (именного на -цаг- и глагольного на -appa-) в ряду глагольных имен выделяет также два супина. При этом употребление супина I (на -ṣanzi-), по его мнению, частично совпадает с употреблением инфинитива на

-appa [Там же. С. 145]. Супин I, по И. Фридриху, также имел целевое значение. В.В. Иванов форму на -*canzi-* также считает инфинитивом, аналогичным инфинитиву на -appa-, но образующимся от глаголов с иными суффиксами [Иванов, 2001, с. 150].

При проведении сопоставления хеттского инфинитива на -appa- с инфинитивами в индоевропейских языках можно отметить, что древнегреческий инфинитив, особенно не субстантивированный, часто употреблялся в том же значении. Однако в форме Именительного-Винительного падежей он больше соответствовал хеттскому именному инфинитиву на -*ca-* [Козаржевский, 1998. С. 16] и употреблялся в целевом значении [Балута, 2011, с. 19].

В латинском языке инфинитив обладал лишь формами Именительного-Винительного падежей. Однако он составлял единую парадигму склонения с другим глагольным именем – герундием, который в свою очередь употреблялся в Родительном, Дательном и Отложительном падежах [ЛЯ, 2000, с. 168]. Дательный падеж латинского герундия, как и хеттский инфинитив на -appa-, употреблялся в целевом значении: *locum pugnando* – «место для **сражения**» [Там же. С. 169], но имел более именной характер, чем хеттский инфинитив на -appa-.

В санскрите, как неоднократно упоминалось выше, был только один инфинитив на -*tum*, который также представлял собой застывшую форму Дательного падежа, имел глагольный характер и мог употребляться в целевом значении: *Asti annam bhoktum* – «Есть еда (чтобы) **покушать**» [Kale, 1961, p. 612].

В старославянском языке инфинитив, представляющий собой застывшую форму Дательного падежа, в более ранний период обычно выражал значение косвенного дополнения, а не цели, так как целевой семантикой обладал супин. Таким образом, можно сказать, что в старославянском языке именно супин, а не инфинитив, соответствовал по функциям хеттскому инфинитиву на -appa- [Балута, 2011, с. 20]. При этом следует вспомнить, что некоторые исследователи хеттского языка также затруднялись в вопросах разграничения функций инфинитива и супина [Фридрих, 2001, с. 145; Иванов, 2001, с. 150]. В латинском

языке также существовал супин, Винительный падеж которого передавал целевое значение [ЛЯ, 2000, с. 147]. Однако эта форма употреблялась довольно редко и в более поздний период была вытеснена в латыни инфинитивом. Похожая ситуация произошла и в старославянском языке.

В современном русском языке хеттский инфинитив на -appa- по своему значению и функциям вполне соответствует единственной форме инфинитива, который вообрал в себя функции древнего супина и часто употребляется в целевом значении: «Я иду **спать**» [Балута, 2011, с. 21].

В семитских языках также можно найти аналоги хеттского глагольного инфинитива на -appa-. В аккадском языке существовал только один инфинитив, выполняющий и глагольные и именные функции, присущие хеттскому инфинитиву [Каплан, 2006, с. 81]. В иврите (как в библейском, так и в современном) существует абсолютный инфинитив, который, в отличие от склоняемого инфинитива, не может соединяться с предлогами и приобретать различные падежные значения. «Он употребляется в тех случаях, когда не обозначена связь с непосредственно следующим за инфинитивом именем. Чаще всего он употребляется при спрягаемой форме глагола для усиления его значения либо в зависимости от переходного глагола и в некоторых других сочетаниях: *lō 'abū hālōk* – “они не желали идти”. Именного характера этот инфинитив не имеет» [Гранде, 1998, с. 188]. Однако ивритский *infinitivus absolutus*, который не имеет форм склонения, не вполне соответствовал хеттскому инфинитиву на -appa-. Целевое значение в иврите передает склоняемый инфинитив с предлогом: *bau lishmoa* – «Они пришли **послушать**» [Ламбдин, 2000, с. 216]. В эфиопском языке глагольный инфинитив формально во многом соответствовал хеттскому инфинитиву на -appa-, но целевое значение, как и в иврите, чаще передавал именным инфинитив [Гранде, 1998, с. 247]. В арабском языке хеттскому глагольному инфинитиву на -appa-, как и именному инфинитиву на -ḡar-, соответствовали имена действия, которые передавали множество значений, в том числе и целевое [Лебедев, Павлов, 2007, с. 51].

Результаты сравнительно-сопоставительного анализа грамматических форм и синтаксических функций хеттского инфинитива на -appa- с индоевропейскими и семитскими языками можно кратко представить в табл. 4.

Таблица 4 – Хеттский инфинитив на -appa-

Хетт. (по Фрид- риху)	Хетт. (по Ива- нову)	Сан- скрит	Древ- негреч.	Лати- нский	Старо- слав.	Русск.	Аккад.	Иврит (библ. и совр.)	Эфиоп- ский	Араб- ский
Инф. II на -appa- Д-М п., нескл. цель	Инф. на appa- Д-М. п., нескл., цель	Инф. нескл., цель	Инф. в Д. п.	Инф. в Д. п., ге- рун- дий, су- пин	Супин, позд. инф.	Инф.	Инф.	Абсо- лют. инф., скл. инф. с ʾ	Глаг. инф.	Глаг. имя дейст- вия

Таким образом, можно сказать, что хеттский инфинитив, с одной стороны, функционально и морфологически имел две формы: именную (на -цаг-) и глагольную (на -appa-), как в некоторых семитских языках. Однако при этом по многим характеристикам (например падежным формам) он вполне может быть сопоставлен с индоевропейским инфинитивом [Балута, 2011, с. 22].

Разделение хеттского инфинитива на два вида, именной и глагольный, могло быть осуществлено И. Фридрихом по аналогии с некоторыми семитскими языками. При этом примечателен тот факт, что древнейший из семитских языков – аккадский, влияние грамматического строя которого в индоевропейском хеттском должно прослеживаться в первую очередь (как это произошло с графической системой при наследовании хеттами семитской клинописи), имел только одну форму инфинитива, сочетавшую в себе и именные и глагольные функции. В данном случае разделение инфинитива на именной и глагольный более сопоставимо с древнееврейским языком, однако при этом наблюдается различие в синтаксических функциях, свойственное глагольным именам

семитской и индоевропейской систем. Невозможность провести прямую аналогию хеттского инфинитива с аккадским объясняется тем, что аккадский инфинитив был более древним в структурном отношении, чем хеттский. В данном случае грамматика аккадского инфинитива хорошо анализируется сквозь призму системы глагольного имени шумерского языка [Там же. С. 23].

В шумерском языке (который не принадлежал ни к семитской, ни к индоевропейской языковой системе, но преемниками наследия которого во многом были аккадцы) существовал древнейший субстрат, сочетающий в себе свойства и глагола, и имени – «чистый» глагольный корень. Именно из «чистого» глагольного корня посредством присоединения различных формантов и грамматических изменений впоследствии произойдут возможные разновидности глагольных имен (инфинитив, причастие, герундий, супин и др.). Корень являлся носителем лексического значения и мог употребляться как самостоятельное слово [Там же. С. 24]. Именно в такой форме встречается глагол в шумеро-аккадских словарях, где переводится на аккадский язык инфинитивом [Канева, 2006, с. 70]. «Чистый» глагольный корень в шумерском языке сочетает в себе свойства имени существительного и глагола. Как имя, он обладает способностью присоединять показатели падежа, энклитические притяжательные и указательные местоимения, выступать в роли определяемого в генетивных конструкциях. Однако эта форма сохраняет глагольное управление и может присоединять форманты, являющиеся показателями глагольных категорий: префикс отрицательного наклонения *ni-*, суффикс *-ed-* и суффикс *-e-* – показатель несовершенного вида [Там же. С. 179]. Грамматические признаки инфинитива как разновидности глагольного имени в шумерском языке определяются еще очень слабо, так как одни и те же формы могут функционировать в качестве различных отглагольных имен: инфинитивов, причастий, отглагольных существительных и прилагательных, а также еще целого ряда форм, не имеющих аналогов в большинстве современных индоевропейских и семитских языков. В исследованиях по шумерскому языку все эти виды обычно называются одним термином «неличная форма глагола». Общим для всех этих форм является краткость выражения: глагольный корень в чистом виде или с

одним-двумя аффиксами. Синтаксические функции каждой формы еще четко не определены, шумерские неличные глагольные формы часто полифункциональны [Балута, 2011, с. 25].

Аккадский инфинитив, вероятно, еще сохранял ту структурную и функциональную неделимость, а также синтаксическую гибкость, свойственную шумерскому субстрату глагольного имени. Более молодой в грамматическом отношении, хеттский язык уже претерпел некоторую структурную дифференциацию в области форм и функций инфинитива, свойственную, с одной стороны, древним семитским (например библейский иврит), а с другой – древним индоевропейским (древнегреческий, латынь) языкам [Там же. С. 25].

И. Фридрих в характеристике хеттского инфинитива мог опираться именно на семитскую языковую систему, где также часто выделяются два инфинитива или инфинитив и регулярно образуемое глагольное имя действия. В.В. Иванов, в свою очередь, при характеристике хеттского инфинитива мог отталкиваться от общеиндоевропейской классификации. В результате этого и наблюдаются некоторые расхождения при определении инфинитива в различных грамматиках хеттского языка [Там же. С. 26].

2.1.8. Грамматический статус инфинитива в идише в сопоставлении с индоевропейскими и семитскими языками

В данном разделе рассматриваются все глагольные имена, существующие в одном языке в сопоставлении с аналогами этих грамматических форм и их синтаксических функций в индоевропейских и семитских языках. Для реализации поставленной задачи в настоящем исследовании выбран один из уникальных и малоисследованных языков индоевропейской семьи – идиш. Язык идиш относится к германской (западной) группе индоевропейских языков. Этот язык отличается от остальных германских языков своей графикой, основанной на графике иврита, и направлением письма справа-налево, что также является наследием семитских языков. Кроме того, грамматика идиша, имеющая

германскую основу, сочетает в себе элементы иврита, славянских и романских языков. Для определения соотношения этих элементов отдельные грамматические явления языка идиш следует рассматривать в сравнительно-историческом аспекте [Балута, 2013, с. 20].

В идише инфинитив считается неопределенной формой глагола, которая у большинства глаголов имеет внешнее сходство с формой 3-го и 1-го лица множественного числа: זייען *seien* «сеять» – זיין (זיי) מיר *mir (sei) seien* – «мы (они) сеем (сеют)»; קאָנען *konen* «мочь» – קאָנען (זיי) מיר *mir (sei) konen* – «мы (они) можем (могут)». Инфинитив в идише образуется аналогично немецкому инфинитиву I Aktiv от глагольной основы с помощью окончания (ן)ע *e(n)* [Сандлер, 1989, с. 234].

По причине внешнего совпадения инфинитива и спрягаемых глагольных форм различие между ними определяется контекстуально:

- 1) מיר זייען קאָרן *mir seien korn* «мы сеем рожь» (спрягаемая форма);
- 2) מיר פֿאָרן זייען קאָרן *mir forn seien korn* «мы едем **сеять** рожь» (инфинитив).

С инфинитивом, как и в немецком языке, часто употребляется частица *zu*: צו קיעלעך *kieleh zu shmaishn* – «коров погонять»; эта частица в приставочных глаголах употребляется после приставки и пишется слитно: מילך אָפּצומעלן *milh opzumelkn* – «молока надоить» [Там же. С. 236]. Аналогичная ситуация наблюдается и в немецком языке: *Sie half mir in der Küche die Gläser auszuwaschen* – «Она помогла мне на кухне вымыть стаканы» [Нарустранг, 2003, с. 147]. В древнееврейском языке идишскому и немецкому инфинитиву больше соответствует склоняемый инфинитив. Склоняемый инфинитив также по большей части употребляется с предлогом ל *l(e)*, который во многом соответствует идишской и немецкой частице *zu*. (В современном иврите форма абсолютного инфинитива практически не употребляется, что дополнительно сближает по значению склоняемый инфинитив иврита и единственный инфинитив идиша.) В славянских языках инфинитиву не свойственно сочетание с частицами, только форма аналитического инфинитива включает в состав модальную частицу «да»,

которую в данной функции можно назвать аналогом идишской инфинитивной частицы. В латинском языке инфинитив также употребляется без частиц, но в языках романской ветви инфинитив может сочетаться с частицами (румынский) и с предлогами (итальянский) [Балута, 2013, с. 21].

Частица *זו* *zu* в идише употребляется с инфинитивом при определенных условиях: 1) Она может придавать инфинитиву целевое значение: *איך בין געקומען דיר צו זאגן* – *ich bin gekommen dir zu sogn* – «я пришел сказать тебе». 2) Эта частица может указывать, что инфинитив употребляется в качестве дополнения: *איך פארגעס אים צו זאגן* – *ich farges im zu sogn* – «я забываю сказать ему». И в первом и во втором случае частица при инфинитиве остается без перевода [Сандлер, 1989, с. 237]. Употребление частицы *zu* с инфинитивом в немецком языке значительно шире, чем в идише. При этом данная частица также может сочетаться с инфинитивом в значении дополнения: *Die Schüler bitten den Schriftsteller (darum), ihnen eine seiner Geschichten zu erzählen* – «Ученики просят писателя рассказать им одну из его историй»; и обстоятельства: *Beeile dich, um nicht zu spät zu kommen* – «Поторопись, чтобы не опоздать» (целевое значение здесь выражено конструкцией *um... + zu + инфинитив*) [Нарустранг, 2003, с. 158].

В иврите, как в библейском, так и в современном, предлог *ל* придает склоняемому инфинитиву значение цели: *באו לשמוע* *vau lishmoa* – «они пришли послушать». В значении дополнения склоняемый инфинитив употребляется без частицы: *לא אהלתי שמוע* – *lo aholdti shmoa* – «я не мог слушать». В славянских языках (русский) инфинитив и в качестве дополнения «я решил сказать», и в качестве обстоятельства цели «иду спать» употребляется без предлогов и частиц. Однако в истории русского языка целевое значение инфинитиву придавала модальная частица «да», которая позже вместе с частицей «бы» образовала целевой союз «дабы», позднее преобразованный в «чтобы» [Балута, 2012, с. 176]: «дабы прельстить» – «чтобы прельстить».

Инфинитив в идише употребляется в составе грамматических форм глагола: многократно-прошедшего, будущего времени, условного, повелительного и сослагательного наклонений. Аналогичная функция инфинитива наблюдается и в

других индоевропейских языках. Примеры форм будущего времени: איך וועל לייענען – ich well leienen – «я буду читать» (идиш) [Сандлер, 1989, с. 143]; ich werde lesen – «я буду читать» (немецкий) [Нарустратг, 2003, с. 109]; hei-de arranjar o emprego – «мне надо будет найти работу» (португальский) [Нечаева, 2009, с. 167]. В иврите употребляется синтетическая форма будущего времени без инфинитива: אני אקנה – ani ekneh – «я куплю» [Соломоник, 1983, с. 141]. Идишский инфинитив может сочетаться с модальными и фазисными глаголами: ער קען שוין לייענען – er ken shoin leienen – «он уже умеет читать» [Сандлер, 1989, с. 81]. Эта особенность инфинитива отмечена как в индоевропейских, так и в семитских языках: mein ältester Sohn kann gut Schlittschuh laufen – «мой старший сын может хорошо кататься на коньках» (немецкий) [Нарустратг, 2003, с. 146]; לא יכלו ללכד – lo jahlu lilkod – «они не могли захватить» (иврит) [Ламбдин, 2000, с. 216].

Сравнительно-сопоставительный анализ форм инфинитива идиша, древнееврейского, немецкого, латинского и русского языков

Бытие 2:15

(Идиш)

און גאָט דער האָר האָט גענומען דעם מענטשן, און האָט אים
אַרײַנגעזעצט אין גאָרטן פֿון עֵדן, אים צו באַאַרבעטען און אים צו
היטן.

[ПЯИ, с. 8. Электронный ресурс].

(Древнеевр.)

טו ויקח יהוה אלהים, את-הָאָדָם; וינַחֲהוּ בְּגֶן-עֵדֶן, לְעִבְדָּהּ וּלְשָׁמְרָהּ.
[BH, 1997, s. 3].

(Русск.) И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, **чтобы возделывать** его и **хранить** его [БК, 1997, с. 2].

(BSV) tulit ergo Dominus Deus hominem et posuit eum in paradiso voluptatis **ut operaretur et custodiret** illum [BSV, 1994, s. 3].

(Нем.) Und Gott, der HERR, nahm den Menschen und setzte ihn in den Garten Eden, ihn **zu bebauen** und ihn **zu bewahren** [GNB, 2000, s. 5].

В данном примере в тексте на идише употребляется целевой инфинитив с частицей *zu*, что полностью соответствует немецкому переводу. В древнееврейском тексте для передачи целевого значения употреблен склоняемый инфинитив с частицей *ל* (*le*). В русском языке употребляется целевая придаточная конструкция со сказуемым в форме инфинитива и союзом «чтобы», который можно считать преобразованным в ходе исторического развития языка аналогом модальной целевой частицы [Балута, 2013, с. 22]. В латинском переводе инфинитиву соответствует спрягаемая глагольная форма с модальным союзом *ut*, который аналогичен по форме модальной целевой частице [Дворецкий, 1998, с. 801]. Употребление спрягаемой формы сослагательного наклонения глагола соответствует законам грамматики латинского языка.

Бытие 3:2

(Идиш)

הָאָט די פֿרוי געזאָגט צו דער שלאַנג: פֿון דער פֿרוכט
פֿון די ביימער פֿון גאַרטן מעגן מיר עסן,
[ПЯИ, с. 8. Электронный ресурс].

(Древнеевр.)

ב ותאמר האשה, אל-הנחש: מפרי עץ-הגן, נאכל.
[ВН, 1997, s. 4].

(Русск.) И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем **есть** [БК, 1997, с. 3].

(BSV) cui respondit mulier de fructu lignorum quae sunt in paradiso **vescemur** [BSV, 1994, s. 64].

(Нем.) Da sagte die Frau zur Schlange: Von den Früchten der Bäume des Gartens **essen** wir [GNB, 2000, s. 6].

В данном примере на идише употребляется инфинитив без частицы *zu* при модальном глаголе, что является нормой. В немецком тексте употребляется форма глагола *essen*, которая при личном местоимении *wir* передает значение 1-го

лица множественного числа. (Внешне эта форма совпадает с формой простого инфинитива.) Такая же личная форма употребляется и в латинском переводе, но в будущем времени, что соответствует форме глагола древнееврейского текста. В русском и идишском переводе модальный глагол передает дополнительное значение возможности [Балута, 2013, с. 23].

По результатам приведенного сравнительно-сопоставительного анализа можно заключить, что инфинитив в идише во многом аналогичен простым формам инфинитива других индоевропейских языков. Ближе всего по своей грамматической характеристике идишский инфинитив относится к инфинитиву I Aktiv в немецком языке. В иврите идишскому инфинитиву во многом соответствует форма склоняемого инфинитива. В идише, как и во многих других индоевропейских языках, инфинитив мог употребляться в качестве «логического сказуемого» в полупредикативных оборотах со значением сложного дополнения. В идише такие обороты аналогичны латинскому обороту *Accusativus cum infinitivo* и структурно представляют собой конструкции «западного» типа индоевропейских языков. Основное ограничение для формирования подобных оборотов в идише распространяется лишь на значение управляющего глагола. Особенности славянских и семитских языков в отношении структуры данного оборота в идише отсутствуют [Там же. С. 23].

2.1.9. Понятие «абсолютный инфинитив» в древнегреческом и древнееврейском языках

В грамматических системах древнегреческого и древнееврейского языков существует понятие «абсолютный инфинитив». Однако эти языки входят в разные языковые семьи (древнегреческий – в индоевропейскую, древнееврейский – в семитскую), следовательно, данные грамматические явления идентифицировать нельзя. По этой причине необходимо дать общую характеристику абсолютного инфинитива в указанных языках и определить причину синонимичности терминов.

В древнегреческом языке, как и в некоторых других индоевропейских языках (например, санскрит, латинский и старославянский), понятие «абсолютный» чаще всего связано с понятием «самостоятельный» или «независимый». Таким образом, имеется в виду объект, который не зависит от других членов предложения. Обычно абсолютными бывают причастные обороты с обстоятельственным (чаще временным) значением, где «логическое подлежащее» – имя и «логическое сказуемое» – причастие стоят в одном падеже, представляя собой аналог придаточного предложения [Балута, 2013, с. 18]: *Kuru basileuontos hoi Persai erhon pasis tes Asias* – «Когда царствовал Кир (= в царствование Кира), персы властвовали над всей Азией» [Козаржевский, 1998, с. 35]. В древних языках наиболее распространены *Genetivus absolutus* – в древнегреческом, *Ablativus absolutus* – в латинском, *Locativus absolutus* – в санскрите, Дательный самостоятельный – в старославянском и др. [Балута, 2013, с. 19]. В древнегреческом языке также существуют *Dativus absolutus* и *Accusativus absolutus* [Козаржевский, 1998, с. 124], но они употребляются реже. При этом абсолютный аккузатив является показателем предикатной или субъективной модальности предложения и на русский язык переводится словами «нужно, решено, возможно, справедливо» и др. [Там же. С. 125].

Абсолютный инфинитив в древнегреческом языке является некоторым аналогом абсолютного аккузатива и представляет в предложении оттенки субъективной модальности. Он может употребляется с артиклем, что осуществляет переход данной формы из разряда глагольных в разряд именных. «Инфинитив с артиклем и без него, а также в сочетании с разными словами может выражать целое суждение, грамматически не связанное с другими членами предложения. Часто в этом случае инфинитиву предшествует частица *hos* – «как, будто, возможно». Такой инфинитив называется независимым»: *hos (epos) eipein* – «так сказать», *hos sunelonti, en brahei eipein* – «чтобы сказать (говоря) вкратце», *hos to holon, haplos eipein* – «чтобы сказать (говоря) вкратце», *hos to holon, haplos eipein* – «говоря вообще, одним словом», *oligu (mikru) dein* – «чуть было», *hos emoi dokein* – «как мне кажется» [Там же. С. 126].

При абсолютном инфинитиве может стоять дополнительный именной лексический компонент, часто одного корня с инфинитивом, например *eros* – «слово» (существительное), *sunelonti* – «говоря» (причастие) и др. Вообще употребление артикля при инфинитиве осуществляет его субстантивацию, но абсолютный инфинитив древнегреческого языка скорее является аналогом вводных слов и конструкций в русском языке: *alethes, hos epos eipein, uden eirekasin* – «правды они, **собственно говоря**, так и не сказали» [Там же. С. 125]. В латыни в таких случаях используется конъюнктив, который также выполняет функции субъюнктива [Балута, 2013, с. 20].

В древнееврейском языке, напротив, понятие «абсолютный инфинитив» аналогично понятию «несклоняемый инфинитив». Учитывая то обстоятельство, что в иврите, как библейском, так и современном, отсутствуют формальные грамматические падежные показатели, а следовательно, и само понятие склонения, термин «несклоняемый» имеет значение «неизменяемый». То есть такой инфинитив не может присоединять к себе местоименные суффиксы и сочетаться в сопряженном состоянии с именем [Там же. С. 21].

Необходимо отметить, что в индоевропейских и семитских языках кардинально различается само понятие инфинитива. Если в индоевропейских языках (особенно в древних) инфинитив различается по временным и залоговым характеристикам, может изменяться по падежам, но, в сущности, представляет собой единое грамматическое понятие, то в семитских языках абсолютный и склоняемый инфинитивы – это два различных грамматических образования. Они не имеют временных и залоговых оттенков, но сильно различаются по морфологическому составу, грамматическим значениям и синтаксическому употреблению. Абсолютный инфинитив представляет собой абстрактное обозначение действия без обозначения лица и времени и вне зависимости от имени и предлогов. Обычно он употребляется при спрягаемой форме глагола для акцентуации его значения. К нему не присоединяются ни префиксы, ни постфиксы, его форма неизменна, отсюда и название – абсолютный [Гранде, 1998, с. 178]. Склоняемый инфинитив в древнееврейском языке – это инфинитив,

носящий именной характер, который может употребляться в сочетании с местоименными суффиксами притяжательности, в сочетании с предлогами, в сопряженном сочетании с именем. В то же время, подобно глаголу, этот инфинитив может управлять Винительным падежом объекта, когда имеется морфологическое указание на этот падеж (частица **et**) [Там же. С. 179].

Абсолютный инфинитив, как и склоняемый, имеет регулярное образование во всех биньянах, но по значению отличается от склоняемого. В отличие от древнегреческого аналога, древнееврейский абсолютный инфинитив употребляется не с именами и именными формами глагола, при этом может стоять как в препозиции, так и в постпозиции: (Левит: 24,16) *venukav shem hi **mot** jumat **ragos** jargemu bo kol hajeda* [ВН, 1997, s. 200]. «И хулитель имени Господа **должен умереть**, камнями да забросает его вся община» [БК, 1997, с. 134], (букв.) «И хулитель имени Бога **умирать** умрет...» (пер. наш. – А.Б.); (Числа: 24, 10) – *va jahar aph balak aph bala-am va isphak at kaphai va jomer balak al bala-am lakuv oivai kreatid vehine **berakta barak** ze shalosh phejamim* [ВН, 1997, s. 258]; «И сказал Валак Валааму: проклясть врагов моих призвал я тебя, а ты, **благословляя, благословил** вот уже три раза» [БК, 1997, с. 172], (букв.) «И сказал Валак Валааму проклясть моих врагов я позвал тебя и вот ты **благословил благословлять** уже три раза» (пер. наш. – А.Б.).

Древнееврейский абсолютный инфинитив может употребляться:

1) для акцентуации значения спрягаемого глагола (в русском и английском языках эту функцию обычно выполняют наречия): (Быт. 43:3) – *haed heid banu haish leemor: lo tir'u panai bilti akhkem itkem* [ВН, 1997, s. 71] – «Тот человек **решительно объявил** нам, сказав: «не являйтесь ко мне на лице, если брата вашего не будет с вами» [БК, 1997, с. 48], (букв.) «Свидетельствуя свидетельствовал нам человек...» (пер. наш. – А.Б.);

2) для указания на продолжительность действия: (Иеремия: 23,17) – *omrim amur limnaetsai daber h'shalom ihje lahem* [ВН, 1997, s. 828] – «Они **постоянно говорят** пренебрегающим Меня: «Господь сказал: мир будет у вас» [БК, 1997, с. 760], (букв.) «**Говорят говорить** ругающим меня: сказал Бог, мир будет вам»

(пер. наш. – А.Б.); для указания на продолжительность действия также может быть использован глагол с корнем *hlk* в сочетании с абсолютным инфинитивом или абсолютный инфинитив этого корня в сочетании с глаголом: (Иеремия: 41,6) – *vejetse Ishmael ben netanja likratam min hamitspa **holekh halokh** vebokhe* [ВН, 1997, с. 866] «И вышел Исмаил, сын Нафании из Массифы навстречу им, **идя и плача**» [БК, 1997, с. 782], (букв.) «И вышел Исмаил, сын Нафании из Массифы навстречу им, **идя и плача**» (пер. наш. – А.Б.); (Быт.: 8:3) – *vajashuvu hamaim meal haarets **halokh vashov*** [ВН, 1997, с. 11] – «Вода же **постепенно возвращалась** с земли» [БК, 1997, с. 7], (букв.) «И **возвращались воды с земли** идти и возвращаться» (пер. наш. – А.Б.);

3) для выражения сильного волнения или негодования (как правило, в вопросительных предложениях): (Быт.: 37,8) – *vajomru lo ekhav: **hamlokh timlokh** alejnu im **mashol timshol**, banu vajosifu od sno oto ol khalomotav veal dvarav* [ВН, 1997, с. 60] – «И сказали ему братья его: неужели ты будешь царствовать над нами? неужели будешь владеть нами? И возненавидели его еще более за сны его и за слова его» [БК, 1997, с. 40], (букв.) «И сказали ему братья его: **царствуя, ты будешь царствовать** над нами или, **властвуя, будешь властвовать** над нами и добавили еще ненавидеть его за его сны и его слова» (пер. наш. – А.Б.);

4) для указания на противоречие: (Быт. 2:16–17) – *mikol ets hagan **akhol tokhal**, ume'ets hada'at tov vara to tokhal mimenu ki bajom okhalkha mimenu **mot tamut*** [ВН, 1997, с. 4] – «От всякого дерева в саду ты **будешь есть**; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, **смертию умрешь**» [БК, 1997, с. 2], (букв.) «От каждого дерева сада **съесть ты съешь**, а от дерева знания добра и зла не ешь от него, потому что в тот день, когда ты съешь от него, **умирать умрешь**» (пер. наш. – А.Б.);

5) для подчеркивания значимости условий, от которых зависят последствия совершаемого действия (в условных предложениях после союза *im* – «если»): *vajomer: (Исход: 15,26) – im **shamo tishma** lekol h'elohe'kha vehayashar be'einav taase...* [ВН, 1997, с. 122] – «И сказал: если ты **будешь слушаться** гласа Господа, Бога твоего, и делать угодное пред очами его...» [БК, 1997, с. 74], (букв.) «И сказал:

если слуша́я, ты бу́дешь слуша́ть голос Бога, и прямо перед его глазами бу́дешь де́лать» (пер. наш. – А.Б.).

Следует отметить, что хотя наиболее широко абсолютный инфинитив использовался в языке Танаха, его также можно встретить как в литературе периода диаспоры, так и последующего за ним периода возрождения иврита, поскольку многие авторы, желая украсить язык своего произведения, использовали абсолютный инфинитив, прибегая, в большинстве случаев, к заимствованиям из Танаха [Денисова, 2009, с. 55]. В современном иврите форма абсолютного инфинитива почти вышла из употребления, сохранившись только в «высоком» стиле. В разговорной форме языка абсолютный инфинитив заменяется соответствующими грамматическими аналогами.

В заключение можно сделать следующие выводы. И в древнегреческом, и в древнееврейском языке существует грамматическое понятие абсолютного инфинитива. Однако при синонимичности понятий эти явления различны, и суть различия основана на разнице грамматических структур индоевропейских и семитских языков. В индоевропейском древнегреческом инфинитив представляет собой единую грамматическую форму, имеющую временные, падежные и залоговые показатели. Поэтому термин «абсолютный» аналогичен термину «самостоятельный». Конструкции с абсолютным инфинитивом не зависят от других членов предложения и употребляются как вводные слова и предложения со значением субъективной модальности. В семитском древнееврейском абсолютный и склоняемый инфинитивы – это две разные грамматические формы, не имеющие времени, падежа и залога, но образуемые от всех биньянов. Термин «абсолютный» обозначает невозможность присоединения местоименных суффиксов, независимость от имени и предлогов. Этот инфинитив часто выражал деепричастные значения. Однако при значительной разнице функций древнегреческого и древнееврейского абсолютного инфинитивов эти явления имеют общее звено в определении понятия: «абсолютный» – значит «независимый». Таким образом, термином «абсолютный» обозначается

абстрагирование данной формы от определенных грамматических признаков [Балута, 2013, с. 24].

2.1.10. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления инфинитива в индоевропейских и семитских языках (на материале библейского текста)

Ветхий Завет (источник на древнееврейском языке)

Абсолютный инфинитив в сопряженном сочетании

Бытие 29:7

(Русск.) И сказал [Иаков]: вот, дня еще много; не время **собирать** скот; напоите овец и пойдите, пасите [БК, 1997, с. 30].

(Древнеевр.)

וַיֹּאמֶר, הֲנָ עוֹד הַיּוֹם גְּדוֹל--לֹא-עַתָּה, הַאֲסֹף הַמִּקְנֶה; הַשְׁקוּ הַצֹּאן, וְלָכוּ רְעוּ.
[BH, 1997, s. 45].

(SG) καὶ εἶπεν Ἰακωβ ἔτι ἐστὶν ἡμέρα πολλή οὕπω ὥρα **συναχθῆναι** τὰ κτήνη ποτίσαντες τὰ πρόβατα ἀπελθόντες βόσκετε [SG, 1979, s. 44].

(BSV) dixitque Iacob adhuc multum diei superest nec est tempus **ut reducantur** ad caulas greges date ante potum ovibus et sic ad pastum eas reducite [BSV, 1994, s. 41].

(БЦС) И рече і́аковъ: ещѣ естъ днѣ многѡ, не о҃ ѹ ч́асѣ **сокирати** **скотѣ**: напоише ѡвцы, шѣдше пасите [БЦС, 2012, с. 14].

(Болг.) И рече (Иаков): ето, остава още много от деня; не е време **да се прибира** добитъкът; напоите овците, па идете да ги пасете [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) И он рече: Ето још је рано, нити је време **враћати** стоку; напојте стоку па идите и пасите је [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Wtedy [Jakub] rzeki: Poniewaï jeszcze jest jasny dziec i nie czas **zapkdzać** trzody, napyjcie trzodk i idjcie j raj [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) Tedy řekl: Však ještě daleko do večera, aniž ještě čas, **aby dobytek byl** sehnán; napojte stáda, a jděte, paste [BČ, 2006, s. 37].

(Англ.) And he said, Lo, it is yet high day, neither is it time that the cattle should **be gathered** together: water ye the sheep, and go and feed them [TB, 1997, p. 34].

(Нем.) Da sagte er: Siehe, es ist noch hoch am Tag, es ist nicht Zeit, das Vieh **zu sammeln**. Tränkt die Schafe, und geht hin, weidet [sie] [GNB, 2000, s. 30].

(Франц.) Il dit: Voici, il est encore grand jour, et il n'est pas temps **de rassembler** les troupeaux; abreuvez les brebis, puis allez, et faites-les paître [LB, 2004, p. 50].

В древнееврейском тексте примера употреблен абсолютный инфинитив (сопряженное сочетание) в пассивном значении «быть собранным (скоту)». В предложении он выполняет функцию несогласованного определения (с оттенком цели) к слову «время»: «не время (для) собирания скота). В переводе на индоевропейские языки эта форма передается с помощью инфинитива (синтетического или аналитического) – в древнегреческом, русском, церковнославянском, болгарском, сербском, польском, английском, немецком и французском языках; реже древнееврейский инфинитив переводится полупредикативной конструкцией со спрягаемой формой глагола, по значению аналогичной инфинитиву – латинский, чешский.

Абсолютный инфинитив без сопряженного сочетания

Бытие 43:3

(Русск.) И сказал ему Иуда, говоря: тот человек **решительно объявил** нам, сказав: «не являйтесь ко мне на лице, если брата вашего не будет с вами» [БК, 1997, с. 48].

(Древнеевр.)

ג. וַיֹּאמֶר אֵלָיו יְהוֹנָתָן, לֹא־אֶמְרָ לְאִישׁ בְּנֵי הָעֵד הָעֵד בְּנֵי הָאִישׁ לֹא־תִרְאוּ פָנַי, בְּלִתִּי אֶחְיֶכֶם אֶתְכֶם.

[BH, 1997, s. 71].

(SG) εἶπεν δὲ Αὐτῷ Ιουδας λέγων διαμαρτυρία διαμεμαρτύρηται ἡμῖν ὁ ἄνθρωπος λέγων οὐκ ὄψεσθε τὸ πρόσωπόν μου ἐὰν μὴ ὁ ἀδελφὸς ὑμῶν ὁ νεώτερος μεθ' ὑμῶν ᾗ [SG, 1979, s. 71].

(BSV) respondit Iudas **denuntiavit** nobis vir ille **sub testificatione iurandi** dicens non videbitis faciem meam nisi fratrem vestrum minimum adduxeritis vobiscum [BSV, 1994, s. 64].

(БЦС) Рече же емѣ іѹда, глагола: **клятвомъ за свидѣтельствова** намъ мѣжъ господинъ земли (тоѡ) глагола: не оѣзрите лица моего, аще братъ вашъ менъшій не прїидетъ съ вами [БЦС, 2012, с. ѣд].

(Болг.) А Иуда му каза: оня човек **строго ни поръча**, като рече: да се не явявате пред лицето ми, ако брат ви не бъде с вас [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) А Јуда му проговори и рече: **Тврдо** нам се **зарекао** онај човек говорећи: Нећете видети лице моје, ако не буде с вама брат ваш [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Wtedy Juda powiedział mu: Uw wiadca **surowo** nam **przykazai**: Nie pokazujcie mi sik na oczy, jeli brata waszego nie bkdzie z wami [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) I mluvil k němu Juda těmito slovy: **Velice** se zařekl **muž ten**, řka: Neuzříte tváři mé, nebude-li bratr váš s vámi [BČ, 2006, s. 56].

(Англ.) And Judah spake unto him, saying, The man **did solemnly protest** unto us, saying, Ye shall not see my face, except your brother be with you [TB, 1997, p. 54].

(Нем.) Da sagte Juda zu ihm: Der Mann **hat uns nachdrücklich gewarnt** und gesagt: Ihr sollt mein Gesicht nicht sehen, es sei denn euer Bruder bei euch [GNB, 2000, s. 46].

(Франц.) Juda lui répondit: Cet homme nous **a fait cette déclaration formelle**: Vous ne verrez pas ma face, à moins que votre frère ne soit avec vous [LB, 2004, p. 66].

В древнееврейском тексте примера употреблен абсолютный инфинитив однокоренного глагола «объявлять». В данном случае абсолютный инфинитив передает значение интенсивности проявления глагольного действия. На русский язык буквально форма абсолютного инфинитива переводится деепричастием в наречном значении «объявляя объявил» = «решительно объявил». В индоевропейских переводах данная форма древнееврейского абсолютного инфинитива передается наречием или именем (существительным или прилагательным) в определенном падеже, когда оно передает обстоятельственное значение. В латинском языке для усиления значения существительного дополнительно используется субстантивированный герундий в родительном падеже **iurandi**.

Новый Завет (источник на греческом койне)

Мф. 24:1

(ΚΔ) καὶ προσῆλθον οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ **ἐπιδειξαι** αὐτῷ τὰς οἰκοδομὰς τοῦ ἱεροῦ [ΚΔ, 1993, s. 56].

(BSV) et accederunt discipuli ejus **ut ostenderent** ei aedificationis templi [BSV, 1994, s. 1563].

(Санскр.) अनन्तरं यीशु र्यदा निष्कम्य धर्मधामतो ऽ पागच्छत् । तस्य शिष्यास्तदा तं धर्मधाम्नो निर्माणप्रकारान् दर्शयितुं समीपम् आगमन् [TNTIS, 1962, p. 63. Электронный ресурс].

दर्शयितुं – инфинитив «(чтобы) показать».

(ОЕ) пристѣпиша оученици къ нѣмѹ показати ѣмоу зѣданіа цѣркѣвнага [ОЕ, 1998, л. 81об.].

(АЕ) пристѹпиша оученици къ Г҃сви, показати ѣмоу зѣданіа цѣркѣвнага [АЕ, 1997, л. 45].

(МЕ)

и пристѹпиша къ нѣмоу оученицы ѣго показати ѣмоу зѣданіа цркѣвнага [МЕ, 1983, с. 185].

(КЕ) пристѣпиша оученици къ Г҃сѹ показати ѣмоу зѣданіа цркѣвнага [КЕ, 1986, л. 35 об.].

(ЧНЗ) і пристѹпѣи ѻуници ѣ показаюѹѣ еѣ зѣдѣа цѣркѣвнага [ЧНЗ, 2001, с. 58].

(ГБ)

и пристѹпиша къ нѣмоу оученици еѣго показати емоу зѣданіа цѣрковнаа [ГБ, 1992, с. 91].

(ОБ) и пристѣпиша к нѣмѹ оученицы еѣго показати емѹ зѣданіа цѣрковнаа [ОБ, 1988, лѣи гооб.].

(МБ)

и пристѣпиша к нѣмѹ, оучѣнцы еѣго показати емѹ зѣданіа цѣрковнаа [МБ, 1698, с. рз].

(ЕБ)

и пристѣпиша къ нѣмѹ оучѣнцы еѣго показати емѹ зѣданіа цѣрковнаа [ЕБ, 1757, с. рз].

(НЗ, 1823) и приступили к Нему ученики Его, чтобы показать Ему здания храма [НЗ, 1823, с. 172].

(Русск.) И приступили ученики Его, чтобы **показать** Ему здания храма [БК, 1997, с. 29].

В греческом тексте Евангелия употребляется инфинитив. В санскрите греческому целевому инфинитиву также соответствует целевой инфинитив. В большинстве старо-и церковнославянских переводов с XI по XVIII в. данная форма также передается инфинитивом. (Только в тексте Чудовского Нового Завета инфинитив переведен причастием.) В русских переводах целевой греческий инфинитив передается целевой придаточной конструкцией со сказуемым в форме инфинитива. В латинском тексте греческий инфинитив переводится типичной для того времени придаточной целевой конструкцией со спрягаемой формой глагола.

Аналогичные примеры см. в Приложении Г.1.

Выводы по разделу «Инфинитив»

По результатам типологического обзора и сравнительно-сопоставительного анализа морфологических форм и синтаксических функций инфинитива в индоевропейских и семитских языках можно сделать следующие выводы.

В большинстве исследованных здесь индоевропейских и семитских языков (кроме арабского) зафиксирована форма инфинитива, поэтому инфинитив следует признать самым распространенным глагольным именем субстантивного характера в указанных языковых системах. Предпосылки для формирования инфинитива и его важнейших синтаксических функций можно наблюдать уже в древнейших дешифрованных языках. В наиболее древних языках индоевропейской (санскрит) и семитской (аккадский) систем инфинитив существует в виде одной синтетической формы, не различающей видовременных категорий. При этом в санскрите инфинитив по синтаксическим функциям имеет наибольшее сходство с формой Дательного падежа, а в аккадском языке он продолжает изменяться по именному склонению (наибольшая частотность употребления зафиксирована у Локатива, Родительного и Винительного падежей

инфинитива). В дальнейшем развитии форм индоевропейского и семитского инфинитивов наблюдаются существенные различия.

В древних индоевропейских языках инфинитив получает возможность образовывать не только синтетические, но и аналитические формы, а также изменяться по временам. В употребление входят не только формы Дательного, но и Именительного-Винительного падежей, за счет чего инфинитив получает большие синтаксические возможности и может использоваться в качестве «логического сказуемого» в оборотах со значением сложного дополнения и подлежащего. Со временем синтаксические функции инфинитива расширяются настолько, что он вытесняет из языка другие глагольные имена-субстантивы, например супин. При этом инфинитив не включается в именную систему склонения, а остается в застывшей форме одного-двух падежей. В самой индоевропейской семье можно наблюдать два основных направления развития форм инфинитива. По территориальному признаку эти направления можно охарактеризовать как «восточное» и «западное». В древних языках «восточного» направления инфинитив изначально фиксируется в застывшей форме Дательного падежа (санскрит, старославянский). В древних языках «западного» направления основными падежами инфинитива являются Именительный и Винительный (латынь). В древнегреческом языке прослеживается путь изменения основной формы инфинитива от Дательного падежа к Именительному и Винительному. В древних и новых языках (английский, немецкий, французский и др.) «западного» направления инфинитив образует все больше аналитических форм, которые отличаются по своим синтаксическим функциям от синтетических форм инфинитива. В языках «восточного» направления инфинитив преимущественно сохраняется в синтетической форме. С течением времени в большинстве индоевропейских языков наблюдается тенденция к упразднению временных (прошедшее и будущее) форм инфинитива. В некоторых языках форма инфинитива почти (болгарский) или полностью (новогреческий) исчезает. Таким образом, для языков «восточного» типа в области развития форм инфинитива

больше характерен синтетизм, а для языков «западного» типа – аналитизм грамматической системы.

В семитских языках инфинитив уже на уровне древнееврейского языка дифференцируется на две различные по образованию и синтаксическим функциям формы. Это склоняемый (или именной) и абсолютный (глагольный) инфинитивы. Обе формы не имеют временных и залоговых оттенков, но по большей части представляют собой синтетические образования. Абсолютная форма семитского инфинитива часто имеет наречное значение и выполняет в предложении те функции, которые в индоевропейских языках присущи герундию или деепричастию. Абсолютный инфинитив также может употребляться в сопряженном сочетании в значении существительного. В некоторых языках (арабский) форма инфинитива отсутствует, а в других (современный иврит) наблюдается тенденция к слиянию функций инфинитивов за счет упразднения формы абсолютного инфинитива.

Особое место занимает хеттский инфинитив (индоевропейский язык с признаками влияния семитских языков), имеющий две формы. Одна из них аналогична индоевропейскому «западного» типа и семитскому склоняемому инфинитиву, другая по функциям больше похожа на индоевропейский инфинитив «восточного» типа и семитский абсолютный инфинитив.

2.2. Характеристика герундия как именной формы глагола

2.2.1. Предпосылки формирования герундия в древнейших дешифрованных языках

Герундий – древнее глагольное имя субстантивного характера. Эта форма в индоевропейских языках встречается гораздо реже, чем инфинитив. В грамматических системах исследуемых здесь семитских языков данная форма не

зафиксирована. Индоевропейский герундий, как правило, представляет собой застывшую форму Родительного падежа древнего глагольного имени. Предпосылки к образованию герундия наблюдаются уже в самых древних дешифрованных языках.

В шумерском языке значение индоевропейского герундия (особенно латинского в форме Родительного или Винительного падежей) передает глагольное имя модели *R-ed-e: ud sikil-e-dè (sikil-ed-e)* – «день очищения», «день для очищения» [Канева, 2006, с. 181].

В эламском языке герундий практически не дифференцируется от инфинитива, а воспринимается как одна из форм абстрактного имени действия. Показателем герундия считается формант *-n*, который идет после основы: *kuši-n* – «долженствующий или могущий быть построенным» [Дьяконов, 1967, с. 103]. Следует отметить, что аналогичный формант *-n* также используется в составе другого глагольного имени – герундива, который по общей характеристике относится к разряду адъективных глагольных имен-адъективов [Там же. С. 104]. (В индоевропейских языках «западного» типа, например в латинском [ЛЯ, 2000, с. 168], согласный *-n* также встречается в составе суффикса герундия и герундива.) Герундий мог употребляется с дополнительными показателями несовершенного вида *-ma-* и с относительным показателем *-a-*: *kuši-ma-n-a* – «постройка», *tiri-ma-n-a* – «говорение». Те же самые формы в иных условиях могут иметь значение инфинитива: «строить», «говорить». Эламский герундий также называется «имя цели» [Дьяконов, 1967, с. 103], что аналогизирует данную форму с общеиндоевропейским супином. Таким образом, герундий в эламском языке определяется как форма, не имеющая четкой грамматической характеристики и смежная по своим значениям с инфинитивом, герундивом и супином. Эламский герундий различает формы единственного и множественного числа, и он часто заменяет спрягаемую форму глагола [Там же. С. 104].

2.2.2. Герундий в древних и новых индоевропейских языках: типологический обзор

В индоевропейских языках герундий характеризуется как отдельная форма глагольного имени, преимущественно в языках романской ветви. (Из общего числа исследуемых здесь романских языков форма герундия зафиксирована в румынском, испанском, португальском, итальянском и французском.) Это можно считать наследием латинского языка, где герундий воспринимался как глагольное имя действия в форме среднего рода единственного числа, при этом имел несколько падежных форм и широко употреблялся в различных синтаксических функциях. В **народной латыни**, к которой имеют отношение все романские языки, герундий постепенно выходил из употребления, и у него осталась только форма Отложительного падежа обстоятельственного значения, которая в романских языках позволила герундию стать эквивалентом деепричастия. В следствие этого герундий, который зафиксирован в румынском, испанском, итальянском, португальском и французском языках, имеет суффиксы, восходящие к суффиксу латинского герундия *-nd-*: *-ind-*, *-and-*, *-ando-*, *en-*.

В **румынском** языке деепричастие имеет другое название – герундий. Эта форма образуется от основы настоящего времени с помощью суффиксов *-înd-* / *-înd-*: *a veni* – «приходить», *venînd* – «приходя», «придя». На русский язык данная форма переводится деепричастиями совершенного и несовершенного вида [Заюнчковский [и др.], 1982, с. 217].

В **испанском** языке существует форма герундия, которая образуется у правильных глаголов от основы инфинитива с помощью окончаний *-ando*, *-iendo*: *andar* – «идти», *andando* – «идя». На русский язык испанский герундий переводится деепричастием как совершенного, так и несовершенного вида: *nuestro cliente nos pagó sonriendo* – «наш клиент заплатил нам, улыбаясь»; *bijando los precios ganaremos la competencia* – «понижив цены, мы выиграем соревнование» [Ленская, 1974, с. 71]. Герундий в сочетании с глаголом *estar* обозначает действие, совершаемое в момент речи. При переводе на русский язык это значение

передается дополнительным лексическим компонентом «сейчас»: **estoy escribiendo** la carta – «я сейчас пишу письмо». Этот оборот может употребляться в любой временной форме. Возвратные и личные местоимения употребляются в препозиции к герундию и слитно с ним: **está llamándole** – «она ему звонит» [Там же. С. 74].

В **португальском** языке существует форма герундия, которая в русском языке соответствует, как правило, деепричастию несовершенного и совершенного вида. По форме португальский герундий представляет собой неизменяемое причастие: **andando** pela rua ela pensava da partida – «идя по улице, она думала об отъезде». **Chegando** ela telefonou-me «приехав, она позвонила мне». Герундий в адвербиальном значении чаще употребляется в Бразилии, но в Португалии он обычно заменяется конструкцией а + инфинитив: ele traversava a rua **correndo** (герундий), ele traversava a rua **a correr** (инфинитив) – «он бегом переходил улицу» [Нечаева, 2009, с. 189].

В **итальянском** языке герундий, как и инфинитив, имеет простую и сложную формы. Простой герундий образуется от основы инфинитива с помощью окончаний *-ando*, *-endo*. На русский язык эти формы обычно переводятся деепричастием несовершенного вида: *lavorando* – «работая». Сложная форма герундия образуется путем сочетания герундия вспомогательного глагола *avere* или *essere* и причастия прошедшего времени знаменательного глагола, на русский язык эту форму можно переводить деепричастием совершенного вида: *essendo partito* – «выехав». Обе формы герундия образуют обороты, являющиеся эквивалентами временных и причинных придаточных: **Essendo partito troppo tardi**, non sperava di arrivare a tempo – «Выехав поздно, он не надеялся приехать вовремя» [Черданцева, Карулин, 2000, с. 244].

Во **французском** языке формальным признаком герундия является морфема *en*: *en fermant* – «закрывая»; эта частица отсутствует только в некоторых устойчивых сочетаниях. Сама форма герундия внешне совпадает с формой причастия настоящего времени на *-ant*. Основная функция герундия – обозначение добавочного действия, которое протекает одновременно с действием

спрягаемого глагола: l'appétit vient **en mangeant** – «аппетит приходит во время еды». Кроме основной функции у французского герундия есть несколько дополнительных функций: 1) Выражает причины действия: Il est mort **en mangeant** des champignons vénéneux – «он умер **от употребления** в пищу ядовитых грибов» (действие герундия предшествует действию личной формы и обозначает причину). 2) Выражает уступительное значение (при участии дополнительного лексического компонента, наречия tout): **Tout en se disputant** souvent, ils n'auraient pu se passer l'un de l'autre – «Хотя они часто спорили...» [Гак, 2000, с. 197].

Из исследуемых здесь языков германской ветви герундий зафиксирован только в **английском**, где он представляет собой глагольную форму на *-ing*, не имеющую форм множественного числа и внешне совпадающую, как и в романских языках, с причастием настоящего времени. Как и причастие I, герундий имеет те же формы времени и вида: asking (основной разряд действительного залога), being asked (основной разряд страдательного залога), having asked (перфект действительного залога), having been asked (перфект страдательного залога) [Иванова [и др.], 1981, с. 83]. Английский герундий может употребляться в качестве несогласованного определения при существительном: I had the pleasure of **reading** of your success in the newspaper – «Я имел удовольствие **прочсть** в газете о вашем успехе». Герундий, как и инфинитив, может передавать длительность и незаконченность действий [Тетерина, 2007, см.: <http://www.dissercat.com/content/kognitivno-pragmaticheskie-osobennosti-nelichnykh-form-glagola-v-sovremennom-angliiskom-yazy>]. Герундий может употребляться как обстоятельство образа действия: he improved his article **by changing** the end – «он улучшил статью, **изменив** конец». Герундий можно использовать в качестве прямого дополнения: I remember **reading this book** – «Я помню, что читал эту книгу». Английский герундий может передавать различные модальные оттенки [Добрынина, 2010, с. 33], а также употребляться в значении обстоятельства времени, при этом он обозначает действие в процессе его

выполнения: **in retreating** German fascists burned down towns and villages – «при отступлении немецкие фашисты сжигали города и деревни» [Иванова [и др.], 1981, с. 86].

В хеттском языке (анатолийская ветвь) герундий имеет иные, отличные от большинства индоевропейских, суффиксы и по большей части является аналогом латинского герундива. И. Фридрих и В.В. Иванов определяют хеттский герундий с окончаниями *-appaš*, *-uṣaš* как Родительный падеж общего глагольного имени, имеющего формы Именительного и Винительного падежей. Его значение аналогично значению латинского герундива и передает долженствование: *kuiš arḥa tarnummaš* – «кто должен быть отпущен», (букв.) «кто отпущения (есть)» [Фридрих, 2001, с. 123; Иванов, 2001, с. 150].

2.2.3. Передача значений латинского герундия в русском, церковнославянском и греческом языках

Герундием в латинском языке называется отглагольное существительное, обозначающее действие как процесс. «В русском языке ему больше всего соответствуют по значению отглагольные существительные на *-ние*, *-тие* или инфинитив, который, называя действие, сближается с существительным (ср.: *читать* полезно, *чтение* полезно, *люблю чтение*, *люблю читать*)» [ЛЯ, 2000, с. 167]. Герундий в латинском языке употреблялся уже в архаический период, однако наиболее широкое распространение он получил во времена расцвета латинской классики (с середины I в. до н. э. по II в. н. э.), особенно в юридической литературе [Там же. С. 168].

Подобные герундию отглагольные существительные встречаются в индоевропейских языках, особенно «западного» типа (например в английском). Сам термин «герундий» более позднего происхождения, чем форма этого глагольного имени. Gerundium восходит «к встречающемуся у позднеантичных грамматиков сочетанию *gerundi modus*, то есть “наклонение действия”» (*gerundi* –

от глагола *gēgo* – «действовать» с архаической формой суффикса *-und-*) [Там же. С. 167]. Отглагольные существительные со значением действия существуют во многих языках мира, однако лишь некоторые из них подходят под определение «герундий» [Балута, 2011, с. 17]. Для выяснения причин данного явления следует дать основные параметры определения понятия «герундий», что в свою очередь будет способствовать выявлению причин возникновения глагольных имен подобного типа в различных индоевропейских языках.

От обычных отглагольных существительных герундий отличается, прежде всего, фиксацией в языке словообразовательного форманта и регулярной воспроизводимостью в языке от всех глагольных основ. Например, в латинском языке герундий образовывался путем присоединения к основе инфекта (несовершенного вида) суффикса *-nd-* для глаголов I и II спряжений и суффикса *-end-* для глаголов III и IV спряжений и окончаний существительных II склонения среднего рода [Там же. С. 95]. Можно предположить, что одной из причин невозможности формирования герундия в некоторых языках являются особенности категории глагольного вида. В той системе, где вид глагола определяется не только как грамматическая категория (то есть тесно связан со временем, например в латинском языке), но и как семантико-грамматическая категория (русский, старославянский), существует ряд трудностей, связанных с регулярной воспроизводимостью однотипных глагольных имен только от основ несовершенного вида [Балута, 2011, с. 18].

По своему происхождению герундий очень близок с инфинитивом. Как правило, герундием считается один (или несколько) из падежей инфинитива. Например, в хеттском языке герундием принято называть Родительный падеж инфинитива [Фридрих, 2001, с. 123] или Родительный падеж глагольного имени, которое также может выполнять инфинитивные функции [Иванов, 2001, с. 150]. В латинском языке герундий практически составляет с инфинитивом единую падежную парадигму, где инфинитив представляет собой формы Именительного и Винительного падежей, а герундий – всех падежей, кроме Именительного. При

этом получается, что в данной парадигме существуют параллельные формы Винительного падежа [ЛЯ, 2000, с. 168] (табл. 5).

Таблица 5 – Место герундия в латинском языке

Падеж	Инфинитив	Герундий
Nominativus	legēre – «читать»	–
Genetivus	–	legendi – «чтения»
Dativus	–	legendo – «чтению»
Accusativus	legēre – «читать»	(ad) legendum – «для чтения»
Ablativus	–	legendo – «чтением»

Учитывая то обстоятельство, что формы Именительного и Винительного падежей инфинитива в латинском языке совпадают, можно предположить, что эта совместная парадигма склонения инфинитива и герундия в совокупности представляет собой все возможные формы архаического латинского глагольного имени с субстантивными функциями, которое, скорее всего, имело абстрактное значение и употреблялось лишь в формах единственного числа среднего рода. В индоевропейских языках более «восточного» типа, например в древнегреческом, несмотря на существование развернутой видовременной парадигмы и непосредственную зависимость категории вида глагола от категории времени, как в латинском языке, герундий вообще не употреблялся. Это объясняется тем, что в древнегреческом языке по причине существования определенного склоняемого артикля и огромных возможностей субстантивации посредством этого артикля инфинитив, оставаясь неизменным флективно, мог употребляться в форме любого падежа [Балута, 2011, с. 19]. Кроме того, в древнегреческом языке, в отличие от латинского, инфинитив мог образовываться практически от любого глагольного времени и, таким образом, обладал большей грамматической гибкостью, чем латинский инфинитив, имеющий только шесть форм (настоящее, прошедшее и будущее время в активном и пассивном залоге). Таким образом, в

древнегреческом языке при возможности употребления инфинитива в любом падеже наличие герундия было бы избыточным, поэтому и не возникло предпосылок к его образованию [Там же. С. 19].

Принцип, применяемый здесь для выяснения причин отсутствия герундия в древнегреческом языке, можно применить к любому языку в отношении любой грамматической формы, так как существующая в грамматической системе какого-либо языка лакуна обычно восполняется за счет имеющихся в этом языке других грамматических средств.

Что касается значений латинского герундия, то каждая его падежная форма обладала определенной семантикой. При этом Родительный падеж герундия, как правило, употреблялся при именах (существительных и прилагательных), требующих определения: *modus vivendi* – «образ жизни / способ жить»; *cupīdus scribendi* – «желающий писать». Дательный падеж этого имени употреблялся редко, в основном в целевом значении, чем также оказывался близок инфинитиву, поскольку финальная функция считается у инфинитива одной из основных: *locum pugnando* – «место для сражения». Винительный падеж герундия, употребляющийся преимущественно с предлогом *ad*, также имел целевое значение: *homo ad intellegendum et agendum natus est* – «человек рожден для мышления и действия». Аблатив встречался в значении образа действия или инструментальном [Соколова, 2008, с. 68], при этом функции его оказываются близки причастию или деепричастию (в тех языках, где есть данная форма): *docendo discimus* – «обучая, учимся» [ЛЯ, 2000, с. 168]. Поэтому не удивительно, что данная падежная форма имела тенденцию к дальнейшей утрате и замене ее причастием.

Таким образом, из всех возможных форм герундия в латинском языке наиболее уникальной была форма Родительного падежа, необходимая для определения существительных и прилагательных. (Именно в этой форме герундий чаще всего встречается и в хеттском языке.) Остальные падежи латинского герундия, имеющие общие функции с инфинитивом и причастием, по причине своей избыточности со временем должны были исчезнуть. Однако в

истории латинского языка произошло следующее. В более позднее время, особенно в народной латыни, герундий начал постепенно выходить из употребления. Примерно с III–IV вв. использовался только один Творительный падеж этого имени (Аблатив) в значении обстоятельства образа действия. В то же время произошло сближение значений герундия с причастными формами, и герундий в значительной степени принимает на себя функции причастия настоящего времени активного залога [Дынников, Лопатина, 1975, с. 62].

Сохранение в народной латыни формы именно Творительного падежа можно объяснить отсутствием в классической латыни деепричастной формы. Функции деепричастия в латыни (обозначение добавочного действия) изначально выполнялись причастиями, но в процессе исторического развития языка возникла необходимость в разграничении функций причастия и деепричастия, отчасти обусловленная увеличением скорости развития процесса восприятия и обработки информации. Аналогичный процесс произошел в истории русского языка, где из причастий были образованы деепричастные формы. Однако в русском языке изначально отсутствовало такое глагольное имя, как герундий, поэтому появилась новая форма – деепричастие. То же самое произошло и в истории греческого языка: в новогреческом деепричастие употребляется как самостоятельная форма [Рытова, 2004, с. 114]. В латинском языке, где изначально существовал герундий, не было необходимости образования новой грамматической формы, при определенных условиях он принял на себя функции деепричастия [Балута, 2011, с. 20].

2.2.4. Примеры интерпретации латинского герундия в Евангелии от Матфея

В этом разделе рассматривается, какие падежные формы латинского герундия преимущественно употреблялись в поздней латыни при переводе Нового Завета и какими грамматическими средствами можно передать его значение в языках, где данная форма отсутствует. В данном случае параллельный

текст Евангелия на разных языках представляет собой богатый материал для исследования.

В латинском тексте Евангелия от Матфея герундий встречается всего 4 раза. Первый пример [20;19] представляет собой наиболее стандартное употребление герундия в Винительном падеже с предлогом *ad* в значении отглагольного существительного, передающего действие как процесс.

Мф. 20:19

(BSV) et tradent eum gentibus **ad deludendum et flagellandum et crucifigendum** et tertia die resurget [BSV, 1994, s. 1557].

(ΚΔ) καὶ παραδώσουσιν αὐτὸν τοῖς ἔθνεσιν εἰς τὸ ἐμπαῖξαι καὶ μαστιγῶσαι καὶ σταυρῶσαι, καὶ τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ ἐγερθήσεται [ΚΔ, 1993, s. 48].

(БЦС) и преда́дутъ его ѿзы́комъ на по́рѣгáнїе и кѣ́нїе и пропáтїе: и въ трéтїй дéнь воскрѣ́нетъ [БЦС, 2012, с. ≠ атáи].

(Русск.) и предадут Его язычникам **на поругание и биение и распятие**; и в третий день воскреснет [БК, 1997, с. 24].

В греческом тексте данного примера латинскому герундию соответствует субстантивированный инфинитив с артиклем в Винительном падеже среднего рода с предлогом *εἰς*. Можно сказать, что в этом случае греческая форма передана с максимальной точностью, так как при наличии артикля и предлога здесь инфинитив тоже имеет значение отглагольного процессуального существительного. В церковнославянском и русском языках латинскому герундию тоже соответствуют отглагольные существительные с предлогом *на*, хорошо передающим значение греческого и латинского предлогов [Балута, 2011, с. 21].

Остальные три примера из исследуемого Евангелия обладают рядом особенностей передачи грамматических форм.

Мф. 16:12

(BSV) tunc intellexerunt quia non dixerit **cavendum** a fermento panum sed a doctrina Pharisaeorum et Sadducaeorum [BSV, 1994, s. 1550].

(ΚΔ) τότε συνῆκαν ὅτι οὐκ εἶπεν **προσέχειν** ἀπὸ τῆς ζύμης τῶν ἄρτων [ΚΔ, 1993, s. 40].

(БЦС) Тогда раздѣмѣша, ѿкъ не рече **храни́тисѧ** ѿ квása хлѣвнагѡ, но ѿ оученіѧ фарі́сѣйска и садду́кѣйска [БЦС, 2012, с. ≠ аѣѧ].

(Русск.) Тогда они поняли, что Он говорил им **беречься** не закваски хлебной, но учения фарисейского и саддукейского [БК, 1997, с. 19].

Во втором примере [16;12] употреблен Винительный падеж латинского герундия без предлога *ad*, что уже представляет собой довольно редкое явление. Как было сказано выше в теоретической части, Винительный падеж латинского герундия употреблялся преимущественно с предлогом *ad* и передавал целевое значение. Целевое значение задается именно семантикой предлога, без которого Винительный падеж герундия просто дублирует Винительный падеж инфинитива в функции прямого дополнения при глаголах со значением речи и мысли. Поскольку в период поздней латыни, когда создавалась Вульгата, герундий выходил из употребления и заменялся инфинитивом; довольно странно в латинском тексте использовать герундий вместо ожидаемого инфинитива, да еще и в той падежной форме, где она дублирует инфинитив. Церковнославянский и русский переводы здесь сохраняют структуру и семантику греческого текста, используя формы инфинитива [Балута, 2011, с. 22].

В третьем примере [13;9] латинский герундий стоит в форме Родительного падежа и употреблен в качестве несогласованного определения с целевым оттенком.

Мф. 13:9

(BSV) qui habet aures **audiendi** audiat (Gen.) [BSV, 1994, s. 1545].

(ΚΔ) ὁ ἔχων ὦτα(**ακούειν**) ἀκούέτω [ΚΔ, 1993, s. 32].

(БЦС) имѣѧй оушы **слышати** да слышитѧ [БЦС, 2012, с. ≠ аѣѧ].

(Русск.) Кто имеет уши слышать, да слышит! [БК, 1997, с. 15].

Aures **audiendi** можно переводить, сохраняя именную форму определения, «уши для слушания»; это структурно соответствует русскому словосочетанию «очки (какие?) для плавания». Однако инфинитив в русском переводе будет выглядеть более уместно, так как он, при сохранении именных характеристик, может выполнять функции определения и одновременно передавать целевой оттенок без использования предлога. В русском и церковнославянском переводах данной конструкции латинскому герундию соответствуют закономерно ожидаемые инфинитивы, так как, согласно истории перевода Библии, перевод Нового Завета осуществлялся именно с греческого языка. Однако интересен тот факт, что в некоторых из дошедших до нас греческих источников в данном стихе вообще отсутствует инфинитив между словами ὠτα – «уши» и императивом ἀκούε' τω – «да услышит». Вероятно, это можно объяснить избыточностью семантики конструкции, чтобы перегружать ее еще одной однокоренной формой. Кроме того, следует напомнить, что Родительный падеж латинского герундия в качестве определения не предполагал целевого оттенка, и здесь греческий инфинитив также мог быть более точно передан инфинитивом, при этом структура конструкции не была бы нарушена, к чему переводчики сакральных текстов относятся с максимальной педантичностью. Причину употребления в латинском тексте Евангелия от Матфея именно герундия можно выявить при анализе последнего, наиболее интересного из примеров [Балута, 2011, с. 23].

Мф. 2:13

(BSV) qui cum recessissent ecce angelus Domini apparuit in somnis Ioseph dicens surge et accipe puerum et matrem eius et fuge in Aegyptum et esto ibi usque dum dicam tibi futurum est enim ut Herodes quaerat puerum **ad perdendum** eum [BSV, 1994, s. 1528].

(ΚΔ) ἀναχωρησάντων δὲ αὐτῶν ἰδοὺ ἄγγελος κυρίου φαίνεται κατ' ὄναρ τῷ Ἰωσήφ λέγων, ἐγερθεὶς παράλαβε τὸ παιδίον καὶ τὴν μητέρα αὐτοῦ καὶ φεῦγε εἰς αἴγυπτον, καὶ ἴσθι ἐκεῖ ἕως ἄν εἶπω σοι· μέλλει γὰρ ἡρῴδης ζητεῖν τὸ παιδίον τοῦ ἀπολέσαι αὐτό [ΚΔ, 1993, s. 9].

(БЦС) ѿшѣдшымъ же имъ, се, ангѣлъ гдѣнь во снѣ яви сѧ іѡсифѣ,
 глагола: воставъ поими ѡтрочѧ и мѣрь егѡ, и бѣжи во егѣпетъ, и
 бѣди тамѡ, дондеже рекѣ ти: хощетъ во иродъ искати ѡтрочѧте, да
 погубитъ є [БЦС, 2012, с. 48^{3/4}].

(Русск.) Когда же они отошли, – се, Ангел Господень является во сне
 Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет. И будь
 там, доколе не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его
 [БК, 1997, с. 2].

В латинском тексте примера [2;13] употреблен классический образец
 Винительного падежа герундия с предлогом *ad* в целевом значении. Однако в
 греческом источнике данной конструкции неожиданно оказывается
 субстантивированный инфинитив с артиклем в Родительном падеже. Известно,
 что Родительный падеж греческого языка сам не передавал целевого значения,
 которое в данном предложении является необходимым элементом семантики
 конструкции. Только после некоторых предлогов, требующих Родительного
 падежа (например, ἕνεκα, πρός – «ради»), субстантивированный инфинитив мог
 обозначать цель действия. Таким образом, можно предположить, что в греческом
 источнике просто пропущен соответствующий предлог [Балута, 2011, с. 24].
 Однако церковнославянский и русский переводы, которые, несомненно, делались
 с греческого текста, не используют предложно-падежную конструкцию для
 передачи целевого значения греческого инфинитива. В церковнославянском и
 русском переводах данного стиха вообще использована придаточная целевая
 конструкция: в русском – стандартная с союзом «чтобы», в церковнославянском –
 наиболее приемлемая для данного языка конструкция «переходного типа» с
 союзом-частицей «да». Это выглядит довольно странно, если вспомнить, что
 сакральный текст было принято переводить с максимальной, подчас избыточной
 точностью [Там же. С. 25].

Существует еще одно предположение, которое отчасти может объяснить грамматические несоответствия, обнаруженные в трех из четырех примеров перевода Евангелия от Матфея. В лингвистике общепринятой точкой опоры является то положение, что текст Нового Завета дошел до нас на греческом языке [Козаржевский, 1985, с. 15]. Именно этот язык и принято считать языком – источником данного текста. Однако у текстологов Нового Завета есть косвенные предположения о существовании первоисточника Евангелия от Матфея на древнееврейском языке [Там же. С. 47]. Если взять за основу лингвистического анализа греческого текста Евангелия от Матфея предположение о его переводном характере, то использование инфинитивов в примерах 2, 3 и 4 в соответствующих грамматических формах вполне объяснимо. Кроме того, переводной характер греческого текста первого Евангелия также объясняет употребление в латинском тексте форм герундия вместо инфинитива. Учитывая изложенные обстоятельства, необходимо вернуться к анализу примеров 2, 3 и 4.

Если предположить, что греческий текст Евангелия от Матфея является переводом с древнееврейского, то в примере [Мф. 2;13] греческий субстантивированный инфинитив в Родительном падеже вполне мог передавать значение древнееврейского абсолютного инфинитива. Абсолютный инфинитив в древнееврейском обладал императивными функциями и мог дублировать повелительное наклонение [Ламбдин, 2000, с. 254]. В то же время он мог выполнять функции деепричастия и передавать различные обстоятельственные оттенки [Там же. С. 254]. Греческий абсолютный инфинитив [Козаржевский, 1998, с. 125] употреблялся без артикля, передавал варианты субъективной оценки ситуации и не соответствовал древнееврейскому абсолютному инфинитиву. Сделав предположение, что в древнееврейском источнике на месте греческого **τοῦ ἀπολέσαι** мог стоять абсолютный инфинитив, употребляющийся без предлога¹³ в императивном значении, можно объяснить, почему в греческом для перевода была выбрана форма субстантивированного инфинитива в Родительном

¹³ Здесь предположительно употребляется форма именно абсолютного инфинитива, так как древнееврейский склоняемый инфинитив в целевом значении употреблялся с предлогом [Ламбдин, 2000, с. 214], и наличие данного предлога было бы отражено в греческом переводе. – А.Б.

падеже [Балута, 2011, с. 25]. Инфинитив в греческом, зависимый от глагола μέλλει со значением «желает», представляет собой функцию Родительного объективного [Козаржевский, 1998, с. 43], которая одновременно может сочетать в себе семантику цели и принадлежности. В то же время именно инфинитив, в отличие от императива, отчасти сохраняет именное происхождение и более точно передает грамматическую форму древнееврейского источника. В церковнославянском и русском языках не существует полного соответствия греческому Родительному объективному, поэтому греческий субстантивированный инфинитив был закономерно переведен целевой конструкцией [Балута, 2011, с. 26].

В латинском переводе примера [2;13] вообще отсутствует глагол, равнозначный греческому μέλλει. Дословный перевод данной латинской конструкции будет выглядеть так: «...ибо Ирод ищет Младенца, чтобы убить (для убийства) его» (пер. наш. – А.Б.). Можно предположить, что Блаженный Иероним, занимавшийся переводом Библии на латинский язык [Hieronymi Stridonensis, 1684, s. 22], пользовался также древнееврейским текстом Евангелия, который был необходим ему для передачи особенно трудных мест. В таком случае вполне объясним перевод древнееврейского абсолютного инфинитива Винительным падежом герундия, поскольку именно герундий в латинском языке, сохраняя именные характеристики, мог передавать и целевые и деепричастные значения. Эта форма оказалась наиболее соответствующей древнееврейскому абсолютному инфинитиву [Балута, 2011, с. 26].

В примере [13;9], где в греческом тексте пропущен инфинитив по причине избыточности семантики, в древнееврейском первоисточнике также можно предположить употребление абсолютного инфинитива, который мог дублировать основной глагол [Ламбдин, 2000, с. 253], либо склоняемого инфинитива с местоименным суффиксом 3-го лица в объективном значении [Там же. С. 215]. Обе эти древнееврейские формы в данном случае употребляются без предлога, поэтому при переводе Иероним мог употребить беспредложную форму Родительного падежа герундия audiendi [Балута, 2011, с. 27].

В примере [16;12] ненормативная для латинского языка форма Винительного падежа герундия без предлога¹⁴ могла передавать значение древнееврейского склоняемого инфинитива в качестве прямого дополнения [Там же. С. 214]. Греческий текст в данном случае оставляет форму инфинитива, так как отглагольного существительного, типа герундия, в греческом языке не было. Однако древнееврейский склоняемый инфинитив по своим характеристикам был более «именным», чем общий греческий, вероятно, поэтому Иероним при переводе, стремясь максимально сохранить субстантивное значение древнееврейского склоняемого инфинитива, передал его герундием [Балута, 2011, с. 27].

После подробного анализа трех ненормативных примеров употребления в Евангелии от Матфея форм латинского герундия закономерно возникает вопрос о четвертом примере [20;19], где, вопреки ожиданиям, греческий текст переведен на латинский язык максимально точно, с сохранением структуры и семантики конструкции греческого источника. По этому вопросу можно представить еще одну гипотезу о существовании лишь первой части Евангелия от Матфея на древнееврейском языке (примерно 19 глав). Эта гипотеза также подтверждается особенностями употребления подчинительных союзов и структурного состава некоторых типов сложноподчиненных предложений [Балута, 2005, с. 382]. Однако для полного подтверждения данная гипотеза требует более глубокого параллельного исследования греческого текста Евангелия от Матфея и его латинского перевода, а также сопоставления данного источника с текстами остальных канонических Евангелий.

¹⁴ Латинский герундий в Винительном падеже употреблялся только с предлогом *ad*, передающим целевое значение, что не вполне соответствовало семантике данной конструкции. – А.Б.

2.2.5. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления герундия в индоевропейских и семитских языках (на материале библейского текста)

Ветхий Завет (источник на древнееврейском языке)

Данный пример выбран по наличию герундия в латинском переводе Ветхого Завета, так как в древнееврейском и древнегреческом языках данное глагольное имя не употребляется.

Бытие 24:17

(Русск.) И побежал раб навстречу ей и сказал: дай мне испить **немного воды** из кувшина твоего [БК, 1997, с. 22].

(Древнеевр.)

וַיָּרָץ הָעֶבֶד, לִקְרָאתָהּ; וַיֹּאמֶר, הֲגַמְיָאֲנִי נָא מֵעַט מִיַּם מִבְּיָרָהּ. [ВН, 1997. S. 34].

(SG) ἐπέδραμεν δὲ ὁ παῖς εἰς συνάντησιν αὐτῆς καὶ Εἶπεν **πότισόν** με μικρὸν ὕδωρ ἐκ τῆς ὑδρίας σου [SG, 1979, s. 33].

(BSV) occurritque ei servus et ait pauxillum mihi **ad sorbendum** praebe aquae de hydria tua [BSV, 1994, s. 32].

(БЦС) Тече́ же ра́къ во срѣ́теніѣ єѣ и рече́: **напо́й мѧ ма́ло водо́ю ѿ водоно́са твоегѡ** [БЦС, 2012, с. ۶۴].

(Болг.) А слугата се затече насреща ѣ и рече: дай ми **да пия** малко вода от стомната ти [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) А слуга искочи пред њу, и рече; дај ми **да се напијем** мало воде из крчага твог [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Wtedy siuga yw szybko zabiegi jej drogk i rzeki: Daj mi **sik napić** trochk wody z twego dzbana [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) Tedy běžel služebník ten proti ní, a řekl: Dej mi **píti**, prosím, maličko vody z věderce svého [ВČ, 2006, s. 29].

(Англ.) And the servant ran to meet her, and said, Let me, I pray thee, **drink a little** water of thy pitcher [TB, 1997, p. 26].

(Нем.) Da lief ihr der Knecht entgegen und sagte: Laß mich doch ein wenig Wasser aus deinem Krug **schlürfen!** [GNB, 2000, s. 23].

(Франц.) Le serviteur courut au-devant d'elle, et dit: Laisse-moi **boire**, je te prie, un peu d'eau de ta cruche [LB, 2004, p. 43].

В древнееврейском тексте примера употреблено повелительное наклонение «напои (меня)», которое переводится на древнегреческий язык также формой императива, а в латинском переводе употребляется герундий в Винительном падеже со значением цели «для питья». В церковнославянском переводе отражен буквальный перевод с иврита или греческого (императив). В болгарском, сербском и польском переводах употребляется аналитическая конструкция с императивной семантикой. В чешском, немецком, английском и французском переводах императивное значение передается с помощью инфинитива, который, как было отмечено выше, в индоевропейских и семитских языках мог передавать как целевую, так и императивную семантику.

Новый Завет (источник на греческом койне)

Мф. 2:13

(ΚΔ) (...) μέλλει γὰρ Ἡρώδης ζητεῖν τὸ παιδίον τοῦ ἀπολέσαι αὐτό [ΚΔ, 1993, s. 9].

(BSV) (...) enim ut Herodes quaerat puerum **ad perdendum eum** [BSV, 1994, s. 1528].

(Санскр.) प्रस्थितेषु तेषु । पश्य । प्रभो दूर्तः स्वप्ने योपेफाय दर्शनं दत्त्वा जगाद । उत्तिष्ठ शिशुं तन्मातरञ्च गृहोत्वा मिसरं पलायस्व च । यावच्चाहं तुम्यं नान्यत् कथयामि तावत् तत्रावतिष्ठस्व । यतो हेरोदः शिशो हृत्यायै तं मुगयितुमुद्यतः [TNTIS, 1962, p. 3. Электронный ресурс].

Форма **हृत्यायै** – Дательный падеж существительного «убийство» со значением цели: «для убийства». Эквивалент герундия.

(ОЕ) (...) **хощеть бо иродъ искати отрочатѣ да погубитъ ѿ** [ОЕ, 1988, л. 252 об.].

(АЕ) (...) **хощеть бо иродъ искати отрочатѣ да и погубитъ** [АЕ, 1997, л. 146].

(МЕ) (...) **хощеть бо иродъ искати отрочатѣ да погубитъ ѿ** [МЕ, 1983, с. 243].

(КЕ) (...) **хощеть бо иродъ искати отрочатѣ да погубитъ** [КЕ, 1986, л. 116 об.].

(ЧНЗ) (...) **хощѣ бо ирѡ искати отрочатѣ да погубити ѿ** [ЧНЗ, 2001, с. 31].

(ГБ) (...) **хощѣ бо ирѡ искати отрочатѣ да погубитъ ѿ** [ГБ, 1992, с. 16].

(ОБ) (...) **хощетъ бо ирѡ искати отрочатѣ да погубитъ ѿ** [ОБ, 1988, л. 116 об.].

(МБ) (...) **хощетъ бо ирѡдъ искати отрочатѣ да погубитъ ѿ** [МБ, 1698, с. ка.].

(ЕБ) (...) **хощетъ бо Иродъ искати отрочатѣ да погубитъ ѿ** [ЕБ, 1757, с. в.].

(НЗ, 1823) (...) ибо Ирод станет искать младенца, **чтобы погубить Его** [НЗ, 1823, с. 8].

(Русск.) (...) Ибо Ирод хочет искать Младенца, **чтобы погубить Его**. [БК, 1997, с. 2].

В греческом тексте примера употреблен субстантивированный инфинитив в Родительном падеже, который переводится на латинский язык герундием с предлогом *ad* в Винительном падеже и передает значение цели. В санскритском переводе эта форма соответствует беспредложному Дательному падежу существительного с целевым значением, что одинаково хорошо для интерпретации использованных форм греческого и латинского языков. В большинстве старо- и церковнославянских памятников с XI по XVIII в. греческая форма переводится придаточной целевой конструкцией со спрягаемой формой глагола, которая была аналогом аналитической формы императива. Только в тексте ЧНЗ вместо придаточного употребляется инфинитив. В русских переводах данного примера используется типичная для современного русского языка придаточная целевая конструкция со сказуемым в форме инфинитива.

Аналогичные примеры см. в Приложении Г. 2.

Выводы по разделу «Герундий»

По результатам типологического обзора и сравнительно-сопоставительного анализа морфологических форм и синтаксических функций герундия в индоевропейских языках и его аналогов в семитских языках (иврит) можно сделать следующие выводы.

Предпосылки для формирования герундия наблюдаются уже в древнейших дешифрованных языках, однако там он либо существует как одна из форм общего глагольного имени (шумерский язык), либо не дифференцируется от форм инфинитива (эламский язык). Из всего многообразия индоевропейских языков

герундий преимущественно встречается в языках романской ветви (румынский, испанский, португальский, итальянский, французский), где он может иметь простую и сложную формы, и, по большей части, передает деепричастные значения, употребляясь в деепричастных оборотах как обстоятельство времени, причины, уступки и др. Из исследуемых здесь языков германской ветви герундий зафиксирован только в английском языке, где он представляет собой глагольное имя субстантивного характера на *-ing*, не имеющее форм множественного числа, внешне совпадающее с причастием I.

В исследованных здесь семитских языках форма герундия не фиксируется. В иврите формам латинского герундия (по результатам сопоставительного анализа примеров) соответствует повелительное наклонение или склоняемый инфинитив.

2.3. Характеристика супина как именной формы глагола

2.3.1. Предпосылки формирования супина в древнейших дешифрованных языках

Супин – глагольное имя субстантивного характера, объем синтаксических функций которого ограничен. Обычно он используется только для передачи значения цели или намерения совершить действие. В некоторых индоевропейских языках эта форма не употребляется, а в других супин фиксируется в более древнем состоянии языка. Предпосылки для формирования супина можно отметить в шумерском языке.

В **шумерском** языке с целевым значением индоевропейского супина и семитского именного инфинитива сопоставимо глагольное имя, оформленное суффиксом *-ed* и показателем местно-направительного падежа *-e*: *en-e nam-urú-na* (*nam-urú-ani-ak*) **tar-re-dè (tar-ed-e)** ^d *En-líl mu-un-kús -ù* – «Владыка побеспокоил Энлиля, **чтобы решить** судьбу своего города [Канева, 2006, с. 181].

2.3.2. Супин в древних и новых индоевропейских языках: типологический обзор

Супин встречается лишь в некоторых индоевропейских языках, преимущественно в древнем их состоянии хеттский (анатолийская ветвь), прусский, старославянский (балто-славянская ветвь), латинский (италийская ветвь). Как правило, супин представляет собой застывшую форму Винительного падежа древнего глагольного имени и употребляется в основном при глаголах движения указания на цель или намерение совершить действие. Основные показатели супина – окончания *-t*, *-tt*, *-it*, *-tum*, *-tu*. (В хеттском языке показатели супина отличаются от других языков).

В определении статуса глагольных имен **хеттского** языка нет единого мнения по вопросу, сколько и какие глагольные имена существуют в этой грамматической системе. Относительно супина существуют две основные точки зрения. И. Фридрих определяет здесь две формы супина. Супин I – глагольное имя на *-uānzi*, обычно употребляется для выражения значения цели: *šumās uālḫuānzi uizzi* – «Солнце (царь) придет, чтобы напасть». Но у этой формы встречается не только целевое употребление: *AMARḫIA iḫānzi zinnaḫḫi* – «телят **приносить в жертву** я заканчиваю». Эта же форма в сочетании с глаголом «быть» приобретает герундивное значение долженствования: *NINDA.KUR⁴.RA paršiḫānzi NU.GÁL* – «хлеб не должно разламывать». Супин II на *-uān* в некотором роде аналогичен латинскому причастию будущего времени и выражает значение намерения: *peškiuān dahḫi* – «давать собираюсь» [Фридрих, 2001, с. 145]. В.В. Иванов выделяет в хеттском языке только одну форму супина на *-uān*, который употребляется только в аналитических конструкциях со значением начала действия [Иванов, 2001, с. 150].

В **старославянском** языке супин, вероятно, представляет собой наследие общеиндоевропейского праязыка. Это именная форма, образованная от глагольной основы посредством суффикса *-т*. Супин склонялся по типу имен на *-ий*, но, как и инфинитив, еще в дописьменную эпоху застыл в форме единственного

числа среднего рода Винительного падежа. По мнению А.М. Камчатнова, это произошло потому, что супин употреблялся только в качестве прямого дополнения при глаголах движения и передавал значение цели действия: *posъlavlъ* и *оумытъ* с.л. В поздних старославянских текстах супин стал выходить из употребления, заменяясь формами инфинитива. Постепенно супин был утрачен во всех славянских языках (в сербском в дописьменную эпоху, в чешском – к XVI в., в русском – к XIV в.) и сохранился только в словенском и нижнелужицком языках [Камчатнов, 2001, с. 95].

Латинский супин представляет собой третью словарную форму глагола, которая образуется от первичного глагольного корня с помощью суффикса *-tu-*. Это глагольное имя имеет только две падежные формы Винительного и Отложительного падежей, которые называются в грамматиках супин I и супин II. 1) Супин I – это застывшая форма Винительного падежа на *-tum*, которая употребляется при глаголах движения для указания на цель действия: *venio ornatum* – «иду (чтобы) украшать». Именно эта форма аналогизируется с формами супина в других индоевропейских языках. В семитских языках супину I по большей части соответствует начальная форма именного инфинитива (например, в иврите она пишется с предлогом *-le*, определяющим ее целевое значение). 2) Супин II – это застывшая форма Отложительного падежа на *-tu*. Эта форма имеет более ограниченное употребление; она используется в качестве дополнения при некоторых прилагательных, например, *jucundus* – «приятный», *facilis* – «легкий» и т.п., и уточняет, в каком отношении реализуется значение прилагательного *labor facilis factu* – «легкая для выполнения работа» [ЛЯ, 2000, с. 167].

В **прусском** языке супин не всегда выделяется в особую категорию глагольных имен [Дини, 2002, с. 287], но некоторыми исследователями рассматривается отдельно от инфинитива [Топоров, 2006, с. 70]. Причина этого кроется в том, что прусский супин имеет те же окончания, что и инфинитив: *-tun*, *-ton*, и, как в старославянском языке, обладает схожими с инфинитивом синтаксическими функциями. Поскольку балтийские и славянские языки

довольно близки друг другу по ряду грамматических характеристик, то можно предположить следующее. Прусский супин представляет собой более раннюю форму Винительного падежа древнего глагольного имени субстантивного характера, указывающего на цель действия: *daton* – «чтобы дать». Эта форма со временем утратила уникальность своего значения и слилась с более гибким в синтаксическом отношении инфинитивом, представлявшим собой застывшую форму Дательного падежа древнего глагольного имени.

Из современных языков, которые освещаются в данном исследовании, супин зафиксирован в литовском, латгальском (балто-славянская ветвь), шведском (германская ветвь), румынском (романская ветвь) языках.

В **литовском** языке супин сохранился только в восточноаукштайтском диалекте, где он совпадает с формой 3-го лица сослагательного наклонения: *nešti* (инф.) – «нести», *neštų* (супин) – «чтобы нести» [Булыгина, Синева, 2006, с. 127]. Следami супина (который, вероятно, как и в старославянском языке, первоначально употреблялся рядом с инфинитивом, а позже объединился с ним в одну форму) можно считать наличие целевого значения у литовского инфинитива [Булыгина, Синева, 2006, с. 128]. По формообразующему аффиксу литовский супин можно считать застывшей формой Винительного падежа [Булыгина, Синева, 2006, с. 134] древнего глагольного имени.

В **латгальском** языке супин от невозвратных глаголов имел показатель *tu: kostu* – «сгребать (сено)», *pļautu* – «косить»; и показатель *-tūs* от возвратных глаголов: *skrītūs* – «соревноваться в беге». Супин здесь, как и во многих других индоевропейских языках, употреблялся вместо инфинитива при обозначении цели действия: *Īmu sīna pļautu* – «Иду сено **косить**» [Брейдак, 2006, с. 205].

В **шведском** языке супин представляет собой неизменяемое глагольное имя, которое по большей части употребляется для образования других глагольных форм: перфекта, плюсквамперфекта и инфинитива II. Супин образуется от глагольной основы посредством суффиксов *-t*, *-tt*, *-it*: *älskat* – «любить», *last* – «читать». Изредка супин употребляется вне аналитической глагольной формы, как самостоятельное сказуемое. Чаще это явление встречается в придаточных

конструкциях: *Jag hoppas ni ursäktar att jag **låt**it er vänta* – «Надеюсь, вы простите, что я заставил вас **ждать**» [Маслова-Лашанская, Толстая, 2005, с. 280].

В **румынском** языке существует глагольное имя, называемое супин, которое по форме совпадает с причастием прошедшего времени, но не участвует в образовании сложных времен глагола, не изменяется по числам и родам и употребляется по большей части с предлогами (особенно с предлогом *de*). Супин может употребляться как определение к существительному: *o maşină de scris* – «пишущая машинка», (букв.) «машинка для письма». Супин также может использоваться в качестве именной части сказуемого, при этом он передает оттенок цели или долженствования: *cartea este **de cumpărat*** – «книгу следует купить»; *nu e vreme de pierdut* – «времени терять нельзя» [Заюнчковский [и др.], 1982, с. 249].

В некоторых языках в качестве эквивалента супина употребляется инфинитив. Например, в **талышском** языке (иранская ветвь) грамматическая форма супина отсутствует, но в функции супина может употребляться инфинитив. При этом он передает значение намерения или цели действия: *badóm **dayandé*** – «я прикажу набить (соломой)», *šá be bĭ moj **gaté*** – «он ушел ловить рыбу», *šémon ai **kšté*** – «мы пошли его убивать» [Миллер, 1953, с. 186]. В **древненовгородском** диалекте русского языка (балто-славянская ветвь), в берестяных грамотах супин не встречается, но «не представлены и сами контексты, где заведомо требовался бы супин. Что касается примера «а ты ко мни нь авишиса коуни шити ношю» [XIV], то не известно, требовал ли глагол «авишиса» супина [Зализняк, 2004, с. 142]. В современном русском языке супин полностью заменен инфинитивом. В **итальянском** языке (романская ветвь) инфинитив с предлогом *a* употребляется после глаголов со значением движения или состояния: *andiamo a mangiare* – «пошли поедим» [Арбия, 2008, с. 84]. В этом случае инфинитив выступает как эквивалент супина, который еще встречался в классической латыни, но постепенно выходил из употребления.

В исследуемых здесь семитских языках форма супина не зафиксирована. Эквиваленты данного индоевропейского глагольного имени в семитских языках

библейских текстов можно выявить в результате сопоставительного анализа примеров.

2.3.3. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления супина в индоевропейских и семитских языках (на материале библейского текста)

Ветхий завет (источник на древнееврейском языке)

Пример выбран по наиболее древнему из библейских языков, где существует форма супина, – по латинскому переводу. (Порядок приведения примеров остается единообразным.) Однако уже в период перевода Библии на латинский язык в данной языковой системе супин выходил из употребления и в тексте Вульгаты встречается редко.

Бытие 24:46

(Русск.) Она тотчас спустила с себя кувшин свой [на руку свою] и сказала: пей, и верблюдов твоих я **напою**. И я пил, и верблюдов [моих] она напоила [БК, 1997, с. 23].

(Древнеевр.)

וַתִּמְהַר, וַתֹּרֶד כֶּתֶף מַעְלֶיהָ, וַתֹּאמֶר שָׁתֶּה, וְגַם-הַגְּמָלִים יִשְׁתּוּ; וַאֲנִי, וְגַם הַגְּמָלִים יִשְׁתּוּ. [BH, 1997, s. 36].

(SG) καὶ σπεύσασα καθεῖλεν τὴν ὑδρίαν αὐτῆς ἀφ’ ἑαυτῆς καὶ εἶπεν πίε σύ καὶ τὰς καμήλους σου **ποτιῶ** καὶ ἔπιον καὶ τὰς καμήλους μου ἐπότισεν [SG, 1979, s. 34].

(BSV) quae festina deposuit hydriam de umero et dixit mihi et tu bibe et camelis tuis **potum** tribuam bibi et adaquavit camelos [BSV, 1994, s. 34].

(БЦС) Ἡ ποτῖσάμηνα ἐνὰ водонόζῳ ἐκ σεβῆ на мýшцѣ своѣй ἢ речѣ: пій ты, ἢ вельблúды твоѣ **напой**. Ἡ напíхца, ἢ вельблúды моѣ **напой** [БЦС, 2012, с. ƙз].

(Болг.) Тя веднага свали стомната от рамо (в ръка си) и рече: пий, и камилите ти ще **напоя**. И аз пих, и камилите (ми) тя напои [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) А она брже спутивши са себе крчаг рече: На пиј, и камиле ћу ти **напојити**. И кад се напих, напоји и камиле моје [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Ona za szybko nachyliła swy dzban i powiedziała: Pij, a potem **napoјk** także twe wielbidy. I napiłem się, i wielbidy moje napoiła [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) Ona pak rychle složila věderce své s sebe, a řekla: Pí, také i velbloudy tvé **napoјím**. Tedy pil jsem, a napojila také velbloudy [BČ, 2006, s. 30].

(Англ.) And she made haste, and let down her pitcher from her shoulder, and said, Drink, and I will give thy camels **drink** also: so I drank, and she made the camels drink also [TB, 1997, p. 27].

(Нем.) Und eilends ließ sie ihren Krug von ihrer Schulter herunter und sagte: Trinke, und auch deine Kamele **will ich tränken**. Da trank ich, und sie tränkte auch die Kamele [GNB, 2000, s. 24].

(Франц.) Elle s'est empressée d'abaisser sa cruche de dessus son épaule, et elle a dit: Bois, et je donnerai aussi à boire à tes chameaux. J'ai bu, et elle a aussi donné à **boire** à mes chameaux [LB, 2004, p. 44].

В латинском переводе данного примера употребляется субстантивированный супин **potum** от глагола «пить». Вместе со спрягаемым глаголом он имеет значение «дам пить» или «дам, чтобы пили». В древнееврейском тексте и остальных индоевропейских переводах данной латинской форме соответствует форма будущего времени спрягаемого глагола или модальный глагол с инфинитивом в значении «хочу напоить».

Новый завет (источник на греческом койне)

Пример выбран по форме супина в самом древнем из исследуемых старославянском переводе (ОЕ – XI в.).

Мф. 27:49

(ΚΔ) οἱ δὲ λοιποὶ ἔλεγον ἄφεξ' ἰδόμεν εἰ ἔρχεται Ἡλίας **σώσων** αὐτόν [ΚΔ, 1993, s. 68].

(BSV) ceteri vero dicebant sine videamus an veniat Helias **liberans** eum [BSV, 1994, s. 1573].

(Санскр.) अपरे त्ववन् । निवर्त्तस्व । अमु – तारयितुम् एलिय आगच्छति न वेत्यस्माभि दृश्यताम् [TNTIS, 1962, p. 79. Электронный ресурс].

В предложении **तारयितुम्** = **तार** «спаситель» + **यितुम्** «идти» – инфинитив от ई. Вместе «идти как спаситель», «спасать». Санскритскую форму **तारयितुम्** в данном контексте можно рассматривать как эквивалент супина.

(ОЕ) а друзѣи гла҃хѣж остана҃да видимъ аще придетъ илиа **сп҃сѣтъ** ѿго [ОЕ, 1988, л. 190 об.].

(АЕ)

и прочии гла҃хѣху. не дѣи да видимъ аще придетъ илиа. и **сп҃сѣтъ** ѿго [АЕ, 1997, л. 109 об.].

(МЕ)

а прочии гла҃хѣху не дѣи да видимъ аще придетъ илиа и **сп҃сѣтъ** ѿго [МЕ, 1983, с. 208].

(КЕ) а прочии гла҃хѣ ѡстави да видимъ аще придетъ илїа и сп҃сѣтъ его
[КЕ, 1986, л. 77 об.].

(ЧНЗ) прочїи҃ гла҃хѣ ѡстаѣ видѣи а҃ придетъ илїа сп҃сѣти е [ЧНЗ, 2001, с. 65].

(ГБ) прочїи же гла҃хѣ. остави да видимъ. аще прїидетъ илїа сп҃сѣти его
[ГБ, 1992, с. 113].

(О.Б.) прочи же гла҃хѣ, остави, да видимъ аще прїидетъ илїа сп҃сѣти его
[ОБ, 1988, лѣи 51.].

(МБ) прочїи же глаголахѣ. ѡстави, да видимъ аще прїидетъ Илїа спасти его.
[МБ, 1698, с. рл.].

(ЕБ) Прочїи же глаголахѣ, ѡстави, да видимъ аще прїидетъ Илїа спасти его
[ЕБ, 1757, с. нв].

(НЗ 1823) А другие говорили: постой; посмотрим, придет ли Илия спасти
Его [НЗ, 1823, с. 216].

(Русск.) А другие говорили: постой, посмотрим: придет ли Илия спасти Его
[БК, 1997, с. 36].

В старославянском переводе примера форма сп҃сѣтъ может представлять собой супин, обозначающий цель при глаголе «прийти». Эта форма внешне совпадает со спрягаемой формой изъявительного наклонения 3-го лица единственного числа настоящего-будущего времени глагола. Использование спрягаемой формы наблюдается в более поздних памятниках (АЕ), (МЕ), (КЕ), где союз «и» указывает на то, что в переводе употреблены однородные сказуемые. В тексте (ОЕ) соединительный союз отсутствует, что позволяет предположить именно форму супина. В более поздних церковнославянских памятниках (ЧНЗ), (ГБ), (МБ), (ОБ), (ЕБ), предположительный старославянский супин интерпретируется инфинитивом. То же самое наблюдается в русских и

санскритском переводах Евангелия. В греческом тексте и латинском переводе вместо супина используется причастие настоящего времени.

Аналогичные примеры см. в Приложении Г.3.

Выводы по разделу «Супин»

По результатам типологического обзора и сравнительно-сопоставительного анализа морфологических форм и синтаксических функций супина в индоевропейских языках и его аналогов в семитских языках (иврит) можно сделать следующие выводы.

Предпосылки для формирования супина наблюдаются уже в шумерском языке. В индоевропейских языках супин представляет собой застывшую форму Винительного падежа древнего глагольного имени, которая имеет узко специализированное употребление для обозначения цели или намерения совершить действие. Супин встречается преимущественно в древних формах индоевропейских языков. В новых языках наблюдается тенденция к исчезновению супина как отдельного глагольного имени за счет слияния его форм и функций с инфинитивом. В семитских языках форма супина отсутствует, ее значение может быть передано спрягаемыми формами глагола.

2.4. Характеристика имени действия / деятеля

2.4.1. Предпосылки формирования имени действия / деятеля в древнейших дешифрованных языках

Имя действия и имя деятеля во многих индоевропейских и семитских языках не выделяется в особую грамматическую категорию. Как правило, функции этих глагольных имен выполняют многочисленные отглагольные существительные. В данном разделе рассматриваются только те языки, где имя

действия (деятеля) входит в разряд неличных форм глагола и в определенной степени дифференцировано от других глагольных имен.

В шумерском языке общее глагольное имя с суффиксом *-a-* или в виде «чистого корня» может иметь значение имени действия или имени деятеля: 1) Без суффикса *-a-*: *pirig kaš4-e pàd-da* – «лев, предназначенный для бега»; *é-a-ni dū-da (dū-ed-a) ma-an-dug4* – «о предстоящем строительстве его храма он мне сказал». 2) С суффиксом *-a-*: *du* – «путник», «идущий»; *bulùg-a* – «воспитатель», (букв.) «вращивать-тот» = «тот, кто возрастил» и «воспитанник»; *a-gu-a* – «посвятительный дар»; *dug4-a* – «высказывание» [Канева, 2006, с. 184]. Так как в шумерском языке нет категории залога, то для перевода категория залога глагольного имени определяется из контекста.

В эламском языке выделяется общее абстрактное имя действия с показателями *-me-*, *-umme-*: *šararak-umme* – «сражение». В новоэламском начинает употребляться имя действия с формантом *-kk*: *titu-kkə* – «ложь», «лгущее слово». Этот формант в более древний период развития языка воспринимался как показатель причастия со значением действующего лица: *kuši-kk-a* – «строящий» [Дьяконов, 1967, с. 103].

2.4.2. Имя действия / деятеля

в древних и новых индоевропейских и семитских языках:

типологический обзор¹⁵

Имя действия и имя деятеля редко выделяется в индоевропейских языках в отдельную категорию и обычно функционирует как отглагольное существительное. Чаще такие формы выделяются в языках арийской (санскрит, хиндустани, панджаби, урду) и иранской ветви (талышский), хотя здесь они могут

¹⁵ По причине небольшого количества, по сравнению с инфинитивом, фактического материала типологический обзор имени действия / деятеля в исследуемых индоевропейских и семитских языках приводится в одном разделе. – А.Б.

внешне совпадать с инфинитивом (урду) или восходить к арабским масдарам (талышский).

В **санскрите** для образования имен существительных, обозначающих действие как процесс, часть тела, выполняющую это действие, а также различные абстрактные понятия, часто употреблялись суффиксы: *-ktin-*, *-ghañ-*, *-al-* (его варианты: *-av-*, *-aṣ-*) и *-anaḍh-*. Данные существительные являлись довольно древними формами, так как, вступая в соединение со «слабым» глагольным корнем, словообразовательный формант, измененный по правилам сандхи, практически исчезал. У некоторых существительных, образованных от наиболее древних глагольных основ, в настоящее время суффикс имени действия почти не виден и восстанавливается лишь с помощью этимологического анализа:

1. От глагольных основ с помощью суффикса *-ktin-* (в соединении – *tī*) образовывались существительные *женского* рода, склоняющиеся по гласному склонению на *-ī*, типа *matī* – «мнение»: *gam* – «идти», *gati* – «скорость, цель»; *gai* – «петь», *gīti* – «песня»; *srj* – «создавать», *srṣṭi* – «создание»; *bhaj* – «воспевать», *bhakti* – «преданность»; *gam* – «радовать», *gati* – «любовь, привязанность».

2. От глагольных основ с помощью суффикса *-ghañ-* образовывались существительные *мужского* рода, склоняющиеся по гласному склонению на *-ā*, типа *paṇa* – «человек»: *paḍh* – «читать», *pāḍha* – «урок»; *han* – «убивать», *ghāta* – «удар»; *kudh* – «сердиться», *krīdha* – «гнев»; *āh* – «собирать», *āhāra* – «еда».

3. От глагольных основ с помощью суффикса *-al-* образовывались существительные *мужского* рода, склоняющиеся по гласному склонению на *-ā*, типа *paṇa* «человек»: *jī* – «побеждать», *jāya* – «победа»; *vi* – «собирать», *vaṇa* – «собрание»; *nī* – «нести», *paṇa* – «ноша»; *lī* – «таять», *laṇa* – «исчезновение»; *kr* – «делать», *kaṇa* – «рука».

4. От глагольных основ с помощью суффикса *-anaḍh-* (в соединении – *an*) образовывались существительные *среднего* рода, склоняющиеся по гласному склонению на *-ā*, типа *phala* – «фрукт»: *śī* – «спать», *śāya* – «кровать»; *bhram* – «гулять», *bhramana* – «прогулка»; *pā* – «пить», *pāna* – «питьё»; *car* – «ходить», *carana* – «нога»; *loc* – «смотреть», *locana* – «глаз» [Kale, 1961, p. 690].

Когда к глагольному слабому корню (обычно с приставкой или в составе сложного слова) добавлялся суффикс *-ṇini-* (в соединении – *in*), получались существительные мужского или женского рода, обозначающие человека (деятеля), обладающего каким-либо качеством или занимающего какую-либо должность. Склонялись эти имена по согласному склонению, типа *guṇin* – «человек» мужского рода или *paḍī* – «река» женского рода: *mantra* – «советовать», *mantrin* – «советник, министр»; *madyapā* – «пить вино», *madyapāyīn* – «пьяница»; *aparadh* – «быть виноватым», *aparadhn* – «грешник, злодей»; *grah* – «хватать, брать», *grahin* – «получающий качество» [Ibid. P. 691].

В **хиндустан** имя деятеля (*nomen agentis*) образуется от основы косвенных форм инфинитива с помощью суффикса *-wālā-*: *sunnā* – «слушать» (инф.), *sunnawālā* – «слушатель» (имя д.); *paṛhnā* – «читать» (инф.), *paṛhnawālā* – «читатель» (имя д.) [Баранников, 1934, с. 69].

В **панджаби** глагольное имя действия с абстрактным значением (обычно женского рода) может выглядеть как чистая глагольная основа, без инфинитивной морфемы *-nā / -ṇā*: *kheḍnā* – «играть» (инф.), *kheḍ* – «игра» (имя д.) [Толстая, 1960, с. 31]. Имя деятеля образуется от Общекошвенного падежа инфинитива с помощью суффиксов *-vālā-* и *-hār-*. Имя деятеля может иметь как субстантивное, так и адвербиальное значение: *vekhaṇvālā* – «зритель» и «смотрящий»; *karanhār* – «деятель» и «делающий». В то же время имя деятеля в панджаби является аналогом латинского причастия будущего времени и выражает намерение совершить действие: *uh āuṇvālā hāe* – «он собирается прийти» или «он вот-вот придет» [Там же. С. 31].

В языке **урду** (арийская ветвь) инфинитив одновременно представляет собой имя действия с абстрактным значением: *ānā* – «приходить» и «приход»; *jānā* – «уходить» и «уход»; *likhnā* – «писать» и «писание». В качестве имени действия инфинитив представляет собой форму мужского рода единственного числа и даже различает формы падежей: Прямое и Косвенное. Окончание Прямое падежа инфинитива *-nā* указано в словаре, в Косвенном падеже конечная гласная меняется на *-e*: *ānā* – *ānē*, *jānā* – *jānē*. В форме Косвенного падежа инфинитив

употребляется со всеми послелогоми существительного: *rīne kā* – «питьевой», *khāne ko* – «для еды». В значении имени действия инфинитив употребляется в предложении в тех же функциях, что и существительное: *bāhar se naukar ke haīsne kī āwāz āyī hai* – «с улицы донесся смех (букв. звук смеха) слуги»). Форма косвенного падежа инфинитива также может употребляться самостоятельно, без послелога [Дымшиц, 2001, с. 154].

В талышском языке (иранская ветвь) значительная часть имен действия (abstracta) образована от арабских имен действия (masdar). Эти глагольные имена склоняются, причем падежное значение у них выражается как с помощью флексий, так и аналитическим путем, посредством предлогов и послелогов. Например, так выглядит флективное выражение Отложительно-Направительного падежа с помощью суффикса *-o-*: *i gala rūkū be-šejo* – «для перехода через речку», «через речку чтобы перейти» (от *be-še* – «переходить», «выходить»). Выражение Косвенного падежа с помощью послелога *-ro* в значении причины и цели: *šim ba biḡor bo devan kardé-ro* – «я пошел на чалтычное поле, чтобы жать», «...для жатвы», «...для делания жатвы». Выражение Местного или Локативного падежа с помощью послелога *-ada*: *īštī votéada hozómon* – «по твоему слову мы готовы» [Миллер, 1953, с. 188].

Талышское глагольное имя действия с послелогом *-da*, присоединив показатели лица, вошло в состав слитно-сложной формы настоящего времени: *vaté-da-m* – «я говорю» и «я в говорении нахожусь». Такая форма похожа на активное причастие в иврите, которое одновременно является формой настоящего времени глагола, но не имеет показателей спряжения. Кроме того, талышское имя действия в Местном падеже с послелогом *-ada* употребляется для выражения деепричастных значений [Там же. С. 188].

В языках славянской группы имена действия и деятеля обычно не выделяются в самостоятельную грамматическую категорию, но почти везде существуют отглагольные существительные, которые можно назвать именами действия. Например, в словацком языке такие существительные образуются от глагольных основ с помощью суффиксов *-nie-*, *-enie-*, *-tie-*: *čakať*, *čakanie* –

«ожидание», *praf, pratie* – «стирка» [Мистрик, Тугушева, 1981, с. 274]. Аналогичная ситуация существует и в современном русском языке. В **болгарском** языке глагольное имя действия образуется преимущественно от основ имперфекта с помощью окончания *-не* и представляет собой форму среднего рода единственного числа: *приби́ране рекóлтата* – «соби́рание урожая», *заси́лване те́мпото* – «уси́ление темпа». Это глагольное имя может управлять, как и глагол, прямым дополнением без предлога, в то время как у отглагольных существительных на *-ниј, -ениј* эта функция отсутствует [Маслов, 1981, с. 285]. В этом языке имя действия (почти как в арабском) является эквивалентом выходящего из употребления инфинитива.

В **кельтских языках** это глагольное имя действия может входить в состав описательного спряжения или употребляться вместо спрягаемой формы глагола. Например, в **валлийском** языке глагольное имя действия с предлогом *уп* образует в сочетании с глаголом «быть» описательное спряжение: *уг wуf уп meddwl* – «я думаю». Если глагольное имя стоит в начале предложения, то *уп* может опускаться. В **бриттских** языках глагольное имя действия часто употребляется в сочетании с глаголом «делать». В валлийском языке это явление наблюдается преимущественно в предложениях с инверсией: *a-th gytchu a wha* – «и он нападает на тебя» (ср.-вал.); *wreugh why tryge* – «вы не останетесь» (корн.); *hoz trugarecat a raf* – «благодарю вас» (ср.-брет.) [Льюис, Педерсен, 2002, с. 363]. В валлийском языке имя действия может быть использовано вместо спрягаемой глагольной формы или как *infinitivus historicum*: *a llawen uu y uorwyn wrthaw a chyfarch dwell idaw* – «и девушки радушно встречали и приветствовали его» (ср.-вал.) [Там же. С. 363].

В остальных исследуемых здесь индоевропейских языках имя действия не выделяется в самостоятельную категорию, но его аналогом можно считать другие глагольные имена субстантивного характера, например латинский герундий.

В **арабском** языке имя действия (*масдар*) может выражать различные значения: 1) Имя действия без дополнительных значений обозначает глагольное действие: *qatl-un* – «удар», *fahm-un* – «понимание». Это имя изменяется по

падежам и является доминантным представителем данной категории. Кроме доминантного имени действия в арабском языке существует ряд глагольных имен с дополнительными смысловыми оттенками. 2) Имя неоднократности действия: ġalsatun – «одно сидение», «заседание». 3) Имя способа действия: mišġatun – «манера ходить». 4) Имя места и времени действия: maktabun – «место, где пишут», «школа». 5) Имя орудия действия: mibradun – «напильник». 6) Имя сосуда или вместилища: miḥlabun – «подойник» [Гранде, 1998, с. 386].

В других семитских языках, которые освещаются в данном исследовании, имя действия также не всегда выделяется в самостоятельную грамматическую категорию.

2.4.3. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления имени действия / деятеля в индоевропейских языках (на материале библейского текста)

Новый Завет (источник на греческом койне)

В данном исследовании для характеристики имени действия приводятся примеры только из текста Нового Завета, так как в древнееврейском языке эта неличная форма не выделяется в самостоятельную категорию. Пример из Нового Завета выбран по наличию имени действия в санскритском переводе, который соответствует герундию в переводе Вульгаты.

Мф. 13:30

(ΚΔ) συλλέξατε πρῶτον τὰ ζιζάνια καὶ δήσατε αὐτὰ εἰς δέσμας **πρὸς τὸ κατακαῦσαι** αὐτά [ΚΔ, 1993, s. 33].

(BSV) colligite primum zizania et alligate ea fasciculos **ad conburendum** [BSV, 1994, s. 1546].

(Санскр.) शस्यच्छेदनकालेऽहं तच्छेत्तुनिदमाज्ञापयिष्यामि । श्यामकान् प्रथमं सङ्गृह्य दाहनार्थं

कूच्यैर्वधीत दाहन + अर्थ [TNTIS, 1962, p. 30. Электронный ресурс].

दाहनार्थ = दाहन + अर्थ : दाहन – «повеление сжечь», «приказ о сожжении»

глагольное имя действия в виде чистой основы. **अर्थ** – существительное – предлог – «цель», «для», «ради» в Винительном падеже единственного числа. Слитная форма слова «для сожжения», «с целью сожжения» эквивалентна индоевропейскому герундию или супину. В славянских текстах соответствует по большей части целевому инфинитиву, латинскому герундию в Винительном падеже и греческому субстантивированному аористному инфинитиву в Винительном падеже.

(OE) **вѣверѣте древлѣ плѣвелы' и сѣвадате ꙗ въ снопы' ꙗко сѣжеши ꙗ** [OE, 1988, л. 241].

(AE) **сѣверѣте пѣрвѣ плев(е)лѣ. и сѣважѣте въ снопы ꙗко сѣжеши ꙗ** [AE, 1997, л. 178].

(ME) **исплевѣте прѣже плевелы и сѣважѣте ꙗ въ снопы ꙗко сѣжеши ꙗ** [ME, 1983, с. 75].

(KE) **сѣверѣте плѣвелы' и сѣважате ꙗ въ снопы. ꙗко сѣжеши ꙗ** [KE, 1986, л. 108].

(ЧНЗ) **сверѣте первѣе плевелы. ꙗ сѣважите ꙗ в сно^{пѣхъ} на сожжѣи их** [ЧНЗ, 2001, с. 44].

(ГБ) **сѣверѣте прѣвѣе плевелы и сѣважите ꙗ въ снопы ꙗко сѣжеши ꙗ** [ГБ, 1992, с. 55].

(ОБ) съберѣте первѣе плѣвелы, и сважите ихъ в снопы **ѡ**ко съжежти **ѡ**
[ОБ, 1988, л^и и].

(МБ) соберите первѣе плевелы, и сважите ихъ въ снопы, **ѡ**ко сожеши **ѡ**
[МБ, 1698, с. ξД.].

(ЕБ) соберите первѣе плевелы, и сважите ихъ въ снопы, **ѡ**ко сожеши **ѡ**
[ЕБ, 1757, с. κД.].

(НЗ, 1823) соберите прежде плевелы, и свяжите их в снопы, **для сожжения**
их [НЗ, 1823, с. 90].

(Русск.) соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, **чтобы сжечь их**
[БК, 1997, с. 15].

В славянских текстах примера в большинстве случаев употребляется придаточная целевая конструкция со сказуемым в форме инфинитива, в (ЧНЗ) и (НЗ, 1823) – отглагольное существительное, эквивалент латинского герундия.

Выводы по разделу «Имя действия / деятеля»

По результатам типологического обзора и сопоставительного анализа морфологических форм и синтаксических функций имени действия / деятеля в индоевропейских языках и семитских языках (арабский) можно заключить, что такая неличная форма глагола редко выделяется в самостоятельную категорию, хотя часто употребляется в качестве различных видов отглагольных существительных. Как правило, имя действия представляет собой самостоятельное образование в тех языках, где отсутствует (арабский) или практически не употребляется (болгарский) форма инфинитива. Имя действия в индоевропейских языках встречается несколько чаще, чем имя деятеля; при этом оно является эквивалентом герундия или инфинитива.

Выводы по главе 2

Во второй главе данного исследования были представлены различные виды глагольных имен-субстантивов в индоевропейских и семитских языках. По результатам представленного обзора и сравнительно-сопоставительного анализа примеров идентичного текста на разных языках можно сделать следующие выводы.

Самым распространенным глагольным именем субстантивного характера в индоевропейских и семитских языках является инфинитив. В древнейших языках изолированного типа инфинитив или совсем еще не выделяется из общего глагольного имени (шумерский язык), или имеет единую форму с герундием (эламский язык). Однако уже в шумерском языке некоторые формы общего глагольного имени выполняют те синтаксические функции, которые позже в индоевропейских и семитских языках будут присущи инфинитиву. Главная из этих функций – выражение целевого значения не только при глаголах целенаправленного действия и предикатах, управляющих Дательным падежом, но и при переходных глаголах, требующих дополнения в Винительном падеже. Минимальное количество формантов при глагольной основе древнейшего инфинитива характеризует данную форму как первичную по отношению к спрягаемым формам глагола.

В ходе дальнейшего исторического развития в области эволюции форм инфинитива в индоевропейских языках наблюдается два основных направления. В языках «восточного» типа (санскрит) появляется одна синтетическая форма инфинитива, представляющая собой застывшую форму Дательного падежа древнего глагольного имени. В языках «западного» типа образуется несколько синтетических форм инфинитива, восходящих к застывшим формам Именительного-Винительного падежей древнего глагольного имени. Инфинитив языков «западного» направления обладает большими, чем «восточный» инфинитив, синтаксическими возможностями, что реализуется за счет развития у «западного» инфинитива нескольких временных и залоговых форм. В некоторых

языках (греческий) инфинитив преобразуется путем повышения частотности употребления форм Именительного-Винительного падежей за счет постепенного упразднения формы Дательного (более древнего по происхождению) падежа. Со временем в греческом языке (как и некоторых других языках, например в болгарском) инфинитив выходит из употребления, а его функции перераспределяются на причастия и глагольные имена действия. В новых языках «западного» типа (например в немецком) отмечается тенденция к развитию аналитических форм и деепричастных значений инфинитива.

В семитских языках отмечается движение от одной синтетической формы инфинитива к двум, которые дифференцируют именные и глагольные функции данного глагольного имени. На индоевропейские языки семитский именной инфинитив, как правило, переводится инфинитивом или близким ему по значению глагольным именем субстантивного характера (чаще всего герундием или отглагольным существительным). Семитский глагольный инфинитив обычно переводится на индоевропейские языки деепричастием или наречием. В отдельных семитских языках наблюдается позднейшее слияние двух форм инфинитива в одну (иврит). В некоторых семитских языках (арабский) форма инфинитива отсутствует, а ее функции выполняет глагольное имя действия.

Супин представляет собой застывшую форму Винительного падежа древнего глагольного имени. В семитских языках данная форма отсутствует, а в индоевропейских языках встречается редко, обычно на ранних этапах развития языковой системы. Супин имеет узкую синтаксическую специализацию – передает значение цели при глаголах целенаправленного действия, поэтому во многих языках значение супина передает инфинитив.

Герундий представляет собой, как правило, застывшую форму Родительного падежа (или нескольких косвенных падежей – латынь) древнего глагольного имени. Данная форма преимущественно встречается в романских языках индоевропейской семьи, где она также является эквивалентом деепричастия. В семитских языках, освещаемых в данном исследовании, герундий не употребляется, а его эквивалентами являются инфинитивы и спрягаемые

формы глагола. В германских и славянских языках значение герундия, как правило, передают формы инфинитива, деепричастия и отглагольные существительные. В языках, где имя действия (деятеля) выделяется в самостоятельную категорию, оно также может передавать значение герундия (арабский). Отделение имени действия в самостоятельное глагольное образование наблюдается по большей части в языках «восточного» направления (например, санскрит, хиндустани), где оно может служить аналогом герундия, больше характерного для языков «западного» направления, или выполнять функции отсутствующей формы инфинитива (болгарский).

Выводы по данной главе представлены в табл. 6.

Таблица 6 – Глагольные имена-субстантивы

	Инфинитив	Герундий	Супин	Имя действия / деятеля
Древние дешифрованные языки	Глагольное имя в Местно-Направительном падеже	Родительный / Винительный падежи глагольного имени	Местно-Направительный падеж глагольного имени	Абстрактное имя действия
<i>Индоевропейские языки</i>				
Арийские	Дательный падеж древнего глагольного имени (в значении цели)	Предлог «для» + существительное	Форма инфинитива (в значении цели / намерения)	Абстрактное имя действия
Иранские	Дательный / Винительный падеж древнего глагольного имени (в значении цели); аналог семитского масдара	Форма имени действия	Форма инфинитива (в значении цели / намерения)	Абстрактное имя действия; форма инфинитива; аналог семитского масдара

Продолжение таблицы 6

Хеттский	Инфинитив I (именной); инфинитив II (глагольный)	Родительный падеж глагольного имени; аналог латинского герундива (в значении долженствования)	Супин I (целевой); супин II (намерение, начало действия)	Отглагольное существительное
Тохарские	Дательный падеж глагольного имени (в значении цели)	Форма инфинитива или имени действия	Форма инфинитива	Форма медиального причастия
Греческий	Древнегреч. – пять временных форм инфинитива; новогреч. – инфинитива нет	Предлог «для» + отглагольное существительное	Форма причастия наст. времени; форма инфинитива	Отглагольное существит.; субстантивированный инфинитив с предлогом
Балтийские	Дательный / Винительный падеж древнего глагольного имени (в значении цели)	В современном состоянии утрачен	Винительный падеж древнего глагольного имени (в значении цели); форма 3-го лица сослагат. наклонения	Отглагольное существит.
Славянские	Дательный падеж древнего глагольного имени (в значении цели)	Предлог «для» + существит.; форма целевого инфинитива	Старослав.: Винительный падеж древнего глагольного имени (в значении цели); современ. языки: форма инфинитива	Отглагольное существит.

Продолжение таблицы 6

Германские	Винительный падеж древнего глагольного имени в формах: инфинитив I (простая форма), инфинитив II (сложная форма)	Совпадает с формой причастия настоящего времени (англ.), остальные – нет	Форма инфинитива; неизменяемое глагольное имя	Отглагольное существит.
Кельтские	Винительный падеж древнего глагольного имени (в значении цели)	Форма имени действия	Форма инфинитива (в значении цели)	Отглагольное существит.; описательное спряжение глагола
Италийские (классич. и народн. латынь)	Именительн. / Винительный падеж древнего глагольного имени (шесть форм)	Родительный / Дательный / Отложительный (рано исчезает) падеж древнего глагольного имени	Супин I – Винительный падеж древнего глагольного имени; супин II – Отложит. падеж древнего глагольного имени	Отглагольное существит.; форма герундия
Романские	Винительный падеж древнего глагольного имени (в значении цели): простая и сложная формы	Совпадает с формой причастия настоящего времени или деепричастия несов. вида	Форма причастия прош. времени (редко)	Отглагольное существит.

Продолжение таблицы 6

<i>Семитские языки</i>				
Древние и новые семитские	Аккад. — одна форма; поздние языки — инфинитив I (склон.); инфинитив II (абсолютн. — тенденция к исчезн.); арабский — нет	Форма склоняемого инфинитива с целевым предлогом; форма императива	Спрягаемые глагольные формы	Отглагольное существит.; масдар (араб.)

Глава 3. Древнейшие глагольные имена-адъективы и их преобразования в индоевропейских и семитских языках

3.1. Характеристика причастия как именной формы глагола

3.1.1. Предпосылки формирования причастия в древнейших дешифрованных языках

Причастие – это самое распространенное в индоевропейских и семитских языках глагольное имя адъективного характера. Причастия имеют много морфологических форм и обладают большим количеством синтаксических функций, многие из которых начали формироваться уже в самых древних дешифрованных языках, хотя в ту временную эпоху причастие еще не всегда дифференцировалось от других неличных форм глагола [Балута, 2013, с. 8].

В шумерском языке с различными причастными формами индоевропейских и семитских языков можно соотнести следующие значения общего глагольного имени (глагольное имя в этих примерах в большинстве случаев оформлено показателем номинализации или детерминации – суффиксом *-a-*): 1) Глагольное имя в виде «чистого корня» или корня, оформленного суффиксом *-ed-* может быть эквивалентом причастия настоящего времени. Чаще это причастие относится к категории действительного залога, но это относительное определение, так как сама категория залога в шумерском языке отсутствует. *A miš du* – «вода, текущая (как) змея». *Ensí-e-ninnu-dù-ra* – «правителю, строящему храм Энинну». В словосочетаниях, где глагольное имя употребляется с суффиксом *-ed-*, переводчики обнаруживают дополнительное значение возможности совершения действия: *kur geštin biz-biz-zé (biz-biz-ed)* – «гора (из которой) может капать вино» [Канева, 2006, с. 182]. Такое значение отчасти сопоставимо со значением индоевропейского герундива или причастия возможности, а также со значением древнегреческого отглагольного прилагательного на *-τος* [Балута, 2013, с. 9]. 2) Некоторые значения шумерского

глагольного имени в виде корня, оформленного суффиксом *-a-*, можно сравнить со значениями индоевропейских страдательных причастий настоящего и прошедшего времени и с действительным причастием прошедшего времени: *ama guruš-8-e tu-ud-da (tud-a)* – «мать, родившая восьмерых молодцев»; *mušen-dab-ba* – «пойманная птица»; *Šulgi a-éd-a ki-bal-šè gù-nun-bi di-da (di-ed-a)* – «Шульги, умеющий (подобно) прорвавшимся водам громко кричать на враждебные страны» [Там же. С. 186].

В эламском языке различают следующие причастные формы:

1) Причастие состояния. Образуется от основы посредством классного показателя *-k-* (в единственном числе этот формант всегда является показателем класса лиц): *hani-k* – «любимый», *kuši-k* – «построенный». Множественное число *hani-r*, *kuši-r* по форме совпадает с непереходным предикатом. Классный показатель причастия обычно не переносится на согласуемые с причастием слова: *rutu hani-k u-r-e* – «жена любимая моя» [Дьяконов, 1967, с. 104].

2) Причастие действия (или имя действующего лица). Оно образуется от основы посредством удвоенного классного показателя *-kk-* и относительного показателя *-a-*: *hani-kk-a* – «любящий»; *kuši-kk-a* – «строящий», «построивший», множественное число *kuši-pp-a*. В новоэламском языке данная форма начинает употребляться для обозначения имени действия [Там же. С. 104]. Причастие состояния, как и герундив, в предикативном употреблении может иметь показатели лица и спрягаться как непереходное сказуемое [Там же. С. 103]. Это позволяет сравнить данную форму с аккадским стативом.

В хурритском языке зафиксировано три причастия: 1) причастие состояния с суффиксом *-a-*, образуется преимущественно от непереходных глаголов: *un-a* – «приходящий»; 2) причастие действия (активное) с суффиксом *-i-*: *tad-ug-ar-i* – «любящий»; 3) причастие состояния как объекта действия (пассивное) с суффиксом *-u-* (суффикс *-u-* графический, при чтении произносится – *o*): *tad-u* / *o* – «любимый». Это причастие образуется в большинстве случаев от переходных глаголов. Такие же форманты употребляются для словообразования от именных основ: *ew(i)r-i* – «господин» [Там же. С. 153].

В урартском языке зафиксированы только две причастные формы, которые аналогичны хурритским: 1) причастие действия с суффиксом *-i-*: *aš-i*; 2) причастие состояния с суффиксом *-u / o-*: *aṭ-u / o* – «наступивший» [Там же. С. 154].

Форманты, определяющие в хурритском и урартском языках глагольную форму как причастие, фактически являются показателями переходности / непереходности. Поэтому причастия, по сути, представляют собой глагольную основу с формантом переходности / непереходности [Там же. С. 153]. Минимальное количество формантов при глагольной основе дополнительно характеризует эти формы как первичные по отношению к спрягаемым.

Кроме формантов переходности / непереходности причастия в хурритском и урартском языках могут присоединять и другие глагольные форманты, которые являются показателями времени и наклонения. В хурритском языке у причастий зафиксированы показатели всех времен: *un-o-kk-a-lla* – «они происходят» (наст. время), *un-ed-t-a* – «он придет» (буд. время), *pass-u/oz-I* – «посылавший». Поэтому хурритские причастия часто употреблялись в качестве предиката, особенно это касается непереходных причастий с суффиксом *-a-*. В урартском языке причастие в предикативном употреблении обычно сопровождается глагольной связкой *tan-u / o* – «есть», «был» [Там же. С. 155]. Таким образом, урартские причастия в предикативной функции в какой-то мере являются аналогом аналитических глагольных индоевропейских глагольных форм, которые состоят из причастия и связочного глагола.

И в хурритском и в урартском языках причастия могут присоединять показатель цели *-ae-*, *-a(i-)*. Причастия с данными формантами приобретали дополнительные оттенки значений: *turp-ubad-a(e)-lla* – «действительно принявшим их (был)», «действительно их принял» (хурр.); наречное значение: *te-u / ol-ae* – «очень», *nir-ae* – «легко» (хурр.) В урартском языке встречаются результативные причастия с формантом *-urə* (от непереходных глаголов) и с формантом *-a(j)urə-* (от переходных глаголов): *u-št-urə* – «приходивший», *tan-urə* – «бывший» [Там же. С. 156].

Таким образом, можно заключить, что уже в самых древних дешифрованных языках существовали основные формы и функции причастий, которые получили дальнейшее развитие в индоевропейских и семитских языках: 1) Зафиксированы формы причастий активного и пассивного залогов. 2) Причастия дополнительно могли присоединять форманты, характеризующие их в отношении времени и наклонения. 3) Причастия употреблялись в предикативной функции в качестве именного компонента сложных глагольных форм. 4) Минимальное количество формантов в составе древнейших причастных форм и большой объем их синтаксических функций определяют первичность происхождения причастий по отношению к спрягаемым глагольным формам [Балута, 2013, с. 12].

3.1.2. Причастие в древних и новых индоевропейских языках: типологический обзор

Причастия (или их аналоги) встречаются во всех исследуемых в данной работе индоевропейских языках. Изучению некоторых наименее исследованных аспектов употребления данной формы в отдельных языках (санскрит, литовский, идиш, русский) в сравнительно-сопоставительном аспекте посвящены самостоятельные части данного раздела.

В языках **арийской** ветви (санскрит, хиндустани, урду, панджаби) формы причастий отличаются многочисленностью и разнообразием суффиксов. От глаголов различных типов образуется несколько видов причастий прошедшего, настоящего и будущего времени синтетических и аналитических форм. Эти причастия могут изменяться по типу прилагательных и согласуются с определяемым словом в роде, числе и падеже. Они употребляются как в атрибутивной, так и в предикативной функции, нередко выступая в качестве сказуемого вместо спрягаемых глагольных форм. Причастия также используются в качестве «логического сказуемого» в самостоятельных оборотах с обстоятельственным значением. Компенсируя небольшое число форм

инфинитива, причастия также могут выступать как «логическое сказуемое» в оборотах со значением сложного дополнения. Эти особенности арийских причастий прослеживаются и в других индоевропейских языках «восточного» направления.

Вопрос о системе причастных форм в **санскрите**, а также об интерпретации этих форм в русском языке еще не решен до конца. Проблема состоит в том, что некоторые формы встречаются довольно редко, а иные формы при наличии различных аффиксов могут иметь одинаковое значение. В данном разделе поставленная проблема решается через сопоставления системы причастных форм санскрита с подобными системами в других индоевропейских языках.

Причастия в санскрите обладают категориями времени и залога. В языке различается три залога: активный, пассивный и средний (медиа́льный). Что касается временной дифференциации, то здесь можно выделить четыре основные разновидности причастных форм: аористная, перфективная, презенсная и футуральная. Причастие **прошедшего времени** различает следующие грамматические формы.

I. Аористные причастия

Структурная особенность этих форм заключается в том, что они образуются от основы аориста. В отечественной лингвистике [Кочергина, 2001. С. 162; Санскрит, 2000, с. 117] эти причастия называются перфективными (*participium perfecti passivi*), вероятно, по аналогии с похожими видами причастий прошедшего времени в некоторых других древних индоевропейских языках, например в латинском. Определение не является точным по следующим причинам:

1. Нельзя полностью отождествлять системы причастий в латыни и в санскрите, так как эти языки хоть и принадлежат к одной семье, но в данном случае представляют собой различные направления грамматического развития (санскрит – «восточное», латынь – «западное»). Это очевидно уже потому, что в латинском языке отсутствует сама форма аориста, а перфект совмещает функции этих двух времен.

2. Нельзя также проводить параллель между системой причастий санскрита и древнегреческого языков («восточное» направление). В греческом языке, где есть аорист в трех залоговых формах, причастия представлены более полной, чем в санскрите, парадигмой и нет деепричастий, а также других глагольных имен (герундий, герундив). Аористные причастия в этих языках имеют структурное сходство, но различаются в своих синтаксических функциях.

Аористное причастие в санскрите не следует называть перфективным, так как перфект имел в этом языке удвоенную основу [Санскрит, 2000, с. 100], и от этой основы образовывались свои причастия, о которых речь пойдет ниже. Аорист же мог быть простым (основа равна «чистому» корню), удвоительным и сигматическим. Наличие в санскрите похожих по структуре глагольных форм (перфект и удвоительный аорист) свидетельствует о частичном совпадении значений этих времен на раннем этапе развития языка, в то время как классический древнегреческий уже четко различает структуру и значения аориста и перфекта. В санскрите можно выделить два вида аористных причастий – действительного и страдательного залогов:

1) Аористное причастие **страдательного** залога, как и сам простой аорист, образуется от чистого «слабого» глагольного корня посредством суффикса *-kta-* (иногда проявляющееся в качестве фонетического варианта *-na-*). При соединении с корнем глагола от суффикса остается элемент *-ta-*: *kṛ* – «делать», *kṛta* – «сделанный». Причастие склоняется по гласному типу склонения прилагательных (м., ж., с. род на *-a-*): Именительный падеж мужского рода *kṛitaḥ* – «сделанный», женского рода *kṛitā* – «сделанная», среднего рода *kṛitam* – «сделанное». Это причастие обладает уникальной особенностью: оно употребляется не только как определение при существительном, но и в качестве сказуемого (согласованного с подлежащим) без вспомогательных глаголов-связок, подобно бывшему причастию на *-л-* в современном русском языке. Причем в глагольной функции это причастие выступает гораздо чаще, чем в определительной, и этой форме в некоторых стилях отдается предпочтение перед спрягаемыми глаголами: *atīva*

dhana śālī sa apī kālktameṇa daridro **jātaḥ** – «Чрезвычайно богатый, он с течением времени бедный **стал**» [Kale, 1961, p. 632].

Следующая особенность аористного пассивного причастия состоит в том, что, будучи образованным от переходного глагола, оно переводится пассивной причастной формой: *kṛta* – «сделанный», а если образуется от непереходных глаголов или глаголов состояния – активной или, когда позволяют возможности языка перевода, медиальной формой: *mṛta* – «умерший, мертвый». Однако пассивная форма причастия от непереходных глаголов употребляется реже. В функции спрягаемой глагольной формы эти причастия переводятся по большей части прошедшим временем глагола совершенного вида: *kṛta* – «сделал», *mṛta* – «умер».

В дополнение к характеристике этого причастия следует сказать, что в латинском языке при образовании перфективного причастия страдательного залога в большинстве случаев используется суффикс *-t-*, аналогичный формообразующему аффиксу пассивного аористного причастия в санскрите. Вероятно, это совпадение, а также частичное совпадение синтаксических функций данных причастий послужило поводом к определению санскритского аористного причастия как перфективного.

2) Аористное причастие **действительного** залога также образуется от слабого корня посредством суффикса *-ktavatu-*, от которого при соединении с корнем остается формант *-tavatu-*: *kṛ* – «делать» – *kṛtavat*; начальная форма: *kṛtavān* – «сделавший». Эта форма образуется чаще от непереходных глаголов и глаголов состояния и склоняется по смешанному типу склонения прилагательных: мужского и среднего рода – по согласному типу, образца *śṛīmat*. Именительный падеж мужского рода *śṛīman*; среднего рода *śṛīmat*; женского рода – по гласному типу на *-ī-*: *naḍī*: *śṛīmatī* – Именительный падеж *śṛīmatī*. Пример от глагола *kṛ*: Именительный падеж мужского рода *kṛtavān* – «сделавший», среднего рода *kṛtavat* – «сделавшее», женского рода *kṛtavatī* – «сделавшая». Аористное активное причастие, как и пассивное, обычно синтаксически употребляется в функции

спрягаемой глагольной формы: Rameśa Gītam śrutavān – «Рамеша Гиту слышал» [Ibid. P. 632].

II. *Перфективное* причастие в санскрите различает два залога: действительный и средний:

1) Перфективное причастие **действительного** залога образуется от удвоенной основы активного перфекта (форма 1-го лица мн. ч.) посредством суффикса *-vatu-*: *dā* – «давать» – *dadī* (основа перфекта 1-го лица мн. ч.), *dadivat* – «давший». Этот суффикс, по нашему мнению, представляет собой фонетический вариант формообразующего суффикса действительного аористного причастия *-ktavatu-* и появляется после удвоения основы. Склонение данной причастной формы аналогично склонению аористного действительного причастия (смешанный тип склонения прилагательных): мужской и средний род по согласному типу, образца *śṛīmat*. Именительный падеж мужского рода *śṛīman*; среднего рода *śṛīmat*; женского рода – по гласному типу на *-ī-*: *padī*: *śṛīmatī* – Именительный падеж *śṛīmatī*. Например, от глагола *dā* – «давать»: Именительный падеж мужского рода *dadivān* – «давший»; среднего рода *dadivat* – «давшее»; женского рода *dadivatī* – «давшая»: *naraḥ dadivān daridrāya artha bhadraḥ bhavati* – «Человек, **давший** деньги нищему, хороший» [Ibid. P. 633]. Однако данное причастие в послеведийский период употребляется редко [Кочергина, 2005, с. 861]. Это, вероятно, можно также объяснить некоторым сходством значений перфекта и аориста в санскрите. Перфектное действительное причастие, как более сложная по образованию форма, скорее всего с течением времени была вытеснена сходной с ней по значению формой действительного аористного причастия, которое обладало большим числом синтаксических функций.

2) Перфективное причастие **медиального** залога образуется от основы перфекта посредством присоединения медиального причастного суффикса *-śānac-*, от которого при соединении с основой остается формант *-āna-*: *dā* – «давать» – *dada* (основа перфекта), *dadāna* – «отдавшийся». Это причастие склоняется по гласному склонению на *-a*, по типу пассивного аористного причастия: Именительный падеж мужского рода *dadānaḥ* – «отдавшийся»;

женского рода *dadānā* – «отдавшаяся»; среднего рода *dadānam* – «отдавшееся»: *naraḥ pārāṃ ādadāḥ pārākarmāḥ bhavati* – «Человек, **отдавшийся** злу – злодей» [Kale, 1961, p. 633].

Краткое резюме:

1) В санскрите причастия прошедшего времени имеют четыре формы: аористные (активное и пассивное) и перфективные (активное и медиальное).

2) Суффиксы пассивного аористного и медиального перфективного различны, активные причастия прошедшего времени имеют похожие суффиксы.

3) Активные причастия прошедшего времени склоняются по смешанному типу склонения, медиальное и пассивное причастия – по гласному типу.

4) Аористные причастия обладают возможностью употребления в качестве сказуемого без глагола-связки, заменяя спрягаемую глагольную форму [Балута, 2009, с. 25].

Причастия настоящего времени в санскрите различают три залоговые формы: активную, пассивную и медиальную.

1) *Активное* причастие настоящего времени образуется от основы настоящего времени (как правило, называемой в грамматиках «средним корнем») [Санскрит, 2000, с. 78] действительного залога (*parasmāipad*) посредством суффикса *-śatri-*, от которого при соединении с глагольной основой остается элемент *-at-*. Например, глагол *gam* – «идти», основа настоящего времени действительного залога – *gacch*; причастие настоящего времени действительного залога – *gacchat* (идуший). Это причастие склоняется по смешанному типу, но с некоторым отличием от активных причастий прошедших времен: мужской и средний род изменяются по образцу прилагательного согласного склонения *dhāvat*: мужской род Именительного падежа *gacchan* – «идуший»; средний род Именительного падежа *gacchat* – «идущее». Женский род склоняется по гласному склонению типа на *-ī-*: *padī*: Именительный падеж *gacchatī* – «идущая»: *śiśuḥ mātaram rudan* *gacchati* – «**плачущий** ребенок к матери идет». Это причастие

также можно переводить *деепричастием* несовершенного вида: *evam cintayan sa grāmaṁ gataḥ* – «так **думая**, он в деревню пошел» [Kale, 1961, p. 633].

2) *Медиальное* причастие настоящего времени образуется от медиальной основы настоящего времени (*ātmanepad*) посредством медиального причастного суффикса *-śāpas-*, от которого при соединении с основой остается формант *-āpa-*: *śī* – «спать» – основа настоящего времени *-śaya*, медиальное причастие настоящего времени *-śayāna* («спящий»; глагол состояния «спать» в русском языке не имеет возвратно-средней формы, поэтому переводится действительным залогом). Это причастие склоняется по гласному типу склонения на *-a*: мужской род Именительного падежа *śayānaḥ* – «спящий»; женский род Именительного падежа *śayānā* – «спящая», *śayānam* – «спящее»: *mātā śayānam bālam paśyati* – «мать видит **спящего** мальчика» [Ibid. P. 634]. Это причастие при обозначении добавочного действия также можно переводить *деепричастием* несовершенного вида: *mayena kamyamānaḥ bālakaḥ rīditi* – «от страха **дрожа** (дрожащий), мальчик плачет» [Ibid. P. 635].

3) *Пассивное* причастие настоящего времени образуется от пассивной формы основы настоящего времени посредством присоединения суффикса *-śāpas-*, от которого при соединении с основой остается формант *-māna-*. Этот формант представляет собой не что иное, как фонетический вариант форманта *-āpa-*, где согласная *-m-* появляется после некоторых полугласных – *ya / ra / va*, так как основа пассивной формы обычно включает в себя конечный элемент *-ya-*. Например, глагол *han* – «убивать»; основа настоящего времени пассивного залога – *hanu*; причастие настоящего времени пассивного залога *hanyamāna* – «убиваемый». Склоняется это причастие так же, как и медиальное причастие настоящего времени, так как имеет аналогичный суффикс: мужской род Именительного падежа *hanyamānaḥ* – «убиваемый»; женский род Именительного падежа *hanyamānā* – «убиваемая»; средний род Именительного падежа *hanyamānam* – «убиваемое». Например, *aham mṛigaṁ mayā hanyamānam paśyāmi* –

«я вижу **убиваемого** мной оленя» [Ibid. Р. 636]. В качестве деепричастия эта форма встречается реже.

Краткое резюме:

- 1) Причастия настоящего времени в санскрите различают три залоговые формы: активную, медиальную и пассивную.
- 2) Медиальная и пассивная формы имеют аналогичные суффиксы.
- 3) Активная форма изменяется по смешанному типу склонения, пассивная и медиальная – по гласному типу.
- 4) Причастия настоящего времени при обозначении добавочного действия на русский язык можно переводить деепричастиями [Балута, 2009, с. 27].

Причастия будущего времени в санскрите различают три залоговые формы: активную, медиальную и пассивную.

1) *Активная* форма причастий будущего времени образуется от основы будущего времени действительного залога посредством суффикса *-śatri-*, от которого при соединении с глагольной основой остается элемент *-at-*: *kr̥* – «делать»; основа будущего времени – *kariṣya*; активное причастие будущего времени *kariṣyat* – «делающий в будущем». Склоняется это причастие так же, как и активное причастие настоящего времени, по смешанному типу склонения образца *dhāvat*: мужской род Именительного падежа *kariṣyaṇ* – «делающий в будущем»; женский род Именительного падежа *kariṣyatī* – «делающая в будущем»; средний род Именительного падежа *kariṣyat* – «делающее в будущем». Значение данного причастия обычно реализуется в специальных причастных оборотах: *aham na tvām **drikśyantam** nṛpāya vadiṣyāmi* – «я не скажу царю, что я тебя **увиджу**».

2) *Медиальное* причастие будущего времени образуется от основы будущего времени посредством медиального суффикса *-śānac-*, а так как обычно основа будущего времени оканчивается на полугласную *-ya-*, то при соединении суффикса с основой от него остается формант *-māna-*, который мы встречали у пассивной формы причастия настоящего времени: *kariṣya* + *-śānac-* (*-māna-*) = *kariṣyamāna* – «делающийся в будущем». Склоняется это причастие также по

гласному типу склонения: мужской род Именительного падежа *karīṣyamāṇaḥ* – «делающийся в будущем»; женский род Именительного падежа *karīṣyamāṇā* – «делающаяся в будущем»; средний род Именительного падежа *karīṣyamāṇam* – «делающееся в будущем». Значение данного причастия, как и активного причастия будущего времени, реализуется обычно в специальных причастных оборотах. Если в предложении указан субъект действия, то конструкция может приобретать пассивное значение: *aham na kim (mayā) karīṣyamāṇam nīrāya vadiṣyāmi* – «я не скажу царю, что **будет (мною) сделано**» [Kale, 1961, p. 637].

3) *Пассивное* причастие будущего времени обычно приравнивают по значению к отглагольному существительному и называют в грамматиках герундивом [Кочергина, 2005, с. 868]. Это причастие выражает долженствование и образуется не от основы будущего, а, как правило, от основы настоящего времени глагола (у некоторых глаголов от сильного корня) посредством аналогичных по значению суффиксов *-ya-*, *-tava-* и *-aṇya-*: *dā* – «давать», *deya* и *dātava* – «то, что должно быть дано»; *han* – «убивать», *hantava* – «тот, которого следует убить»; *kr* – «делать», *karaṇīya* – «то, что следует сделать». Склоняются все эти формы по гласному типу склонения на *-a*: мужской род Именительного падежа *karaṇīyaḥ* – «который должен быть сделан»; женский род Именительного падежа *karaṇīyā* – «которая должна быть сделана»; средний род Именительного падежа *karaṇīyam* – «которое должно быть сделано». Например, *idaṁ mayā karaṇīyam* – «это должно быть мною сделано».

Краткое резюме:

1) Причастие будущего времени в санскрите имеет три залоговые формы: активную, медиальную и пассивную.

2) Активная и медиальная формы образуются от основы будущего времени, пассивная, как правило, – от основы настоящего времени.

3) Активная форма склоняется по смешанному типу склонения, медиальная и пассивная – по гласному типу.

4) Пассивное причастие будущего времени имеет значение герундива (долженствования) и образуется посредством трех специальных аналогичных по значению суффиксов [Балута, 2009, с. 29].

Общие выводы по причастной системе санскрита:

1. В санскрите существуют причастия настоящего, прошедшего и будущего времени.

2. Причастия прошедшего времени различают четыре формы: аористное (активное и пассивное) и перфективное (активное и медиальное). При переводе на русский язык аористных и перфективных причастий может наблюдаться смешение значений в силу специфики глагольной системы современного русского языка.

3. Причастия настоящего и будущего времени различают три залога: активный, медиальный и пассивный (всего шесть форм).

4. Причастия активного залога всех времен склоняются по смешанному типу склонения прилагательных (м. и с. род – по согласному типу на -t, ж. род – по гласному типу на -ī); причастия пассивного и медиального залогов склоняются по гласному типу склонения прилагательных на -ā.

5. Аористные причастия могут употребляться в предложении вместо спрягаемой глагольной формы в качестве сказуемого.

6. Пассивное причастие будущего времени имеет значение долженствования [Там же. С. 30].

В **хиндустани** употребляются формы простых и сложных причастий.

Простое причастие различает формы настоящего и прошедшего времени: 1) Причастие настоящего времени образуется от основы инфинитива с помощью окончания -tā: bolnā – «говорить», boltā – «говорящий». Эти причастия имеют активное значение и на русский язык переводятся действительными причастиями настоящего времени: mārtā – «бьющий», girtā – «падающий». 2) Причастие прошедшего времени образуется от основы инфинитива с помощью окончания -a: bolnā – «говорить», bolā – «сказанный». Эти причастия, образованные от непереходных глаголов, имеют активное значение (girā – «упавший»), а от

переходных – пассивное (māgā – «убит») [Баранников, 1934, с. 73]. Обе простые причастные формы изменяются по родам и числам как прилагательные на -а. У простых причастий женского рода множественного числа, наряду с обычным окончанием, характерным для прилагательных, встречается окончание -īñ. При этом такие формы на -īñ могут употребляться в значении личных форм глагола без связочного компонента [Там же. С. 71].

Сложные причастия различают формы несовершенного и совершенного вида: 1) Сложное причастие несовершенного вида образуется путем соединения форм простого причастия настоящего времени с причастием прошедшего времени от глагола honā – «быть»: likhnā – «писать», likhtā hū'ā – «пишущий», «писавший», «пиша», «при писании». 2) Сложное причастие совершенного вида образуется путем сочетания простого причастия прошедшего времени с причастием прошедшего времени от глагола honā. Будучи образованным от глаголов совершенного вида, эта причастная форма имеет пассивное значение: likhā hū'ā – «написанный», «написав». Связочный компонент в данном причастии может опускаться. В таком случае сложные формы причастий прошедшего времени внешне становятся похожими на простые, но отличаются по значению.

В хиндустани также употребляются пассивные формы от некоторых причастий: dekhā jātā – «видимый» (прич. наст. вр.); dekhā gayā – «увиденный» (прич. прош. вр.) [Там же. С. 98].

В хиндустани существует еще одна причастная форма, которая по способу образования аналогична глагольному имени деятеля. Это причастие будущего времени, выражающее намерение или готовность совершить действие: jānā – «идти», «отправляться», jāne wālā – «тот, кто намерен или должен отправиться». У этого причастия существует и пассивная форма: dekhā jānewālā – «тот, кому предстоит быть увиденным». Причастие будущего времени и имя деятеля различаются контекстуально: sunne wāle baiṭhte haiñ – «слушатели сидят»; kal maiñ jāne wālā huñ – «завтра я намерен отправиться» [Там же. С. 69].

В языке **урду** существует два вида причастий: действительные и страдательные. Действительные причастия могут образовываться как от

непереходных, так и от переходных глаголов, страдательные образуются только от переходных. По структуре причастия могут быть синтетическими и аналитическими [Клюев, 1962, с. 128]. Синтетические формы образуются от простых основ и инфинитивов. Аналитические формы образуются от аналитических основ и аналитических форм инфинитивов. Причастия, как и в других индоевропейских языках, сочетают в себе свойства глагола и прилагательного. Как глаголы, причастия обозначают действия или состояния, могут распространяться прямым, косвенным дополнением и обстоятельством, сохраняют глагольное управление, им свойственны видовременные и залоговые различия. Как прилагательные, причастия обозначают признаки предметов, изменяются по принципу прилагательных на *-ā* (согласуются с определяемым словом в роде, числе и падеже) и выполняют в предложении те же функции, что и прилагательные [Дымшиц, 2001, с. 176].

Действительные причастия различают шесть основных форм: 1) простое причастие I; 2) простое причастие II; 3) составное причастие I (эта форма употребляется редко); 4) составное причастие II; 5) причастие с суффиксом *-wālā-*; 6) продолженное причастие.

Простое причастие I образуется от глагольной основы с помощью суффикса *-tā-*: *karnā* – «делать», *kartā* – «делающий». Это причастие передает значение незавершенного действия. Оно может употребляться самостоятельно или входить в состав личных глагольных форм несовершенного вида. При самостоятельном употреблении данное причастие может использоваться как подлежащее: ***martā*** *kyā nahīn kartā* – «умирающий готов на все»; дополнение: ***dūbte ko*** *ninke kā sahārā* – «утопающему и соломинка опора»; простое глагольное сказуемое (передает действие, соотносимое с моментом речи или предшествующее ему): *jab sab so jāte khālā dabē pāoñ apnī koṭhrī meñ ātīn ehtiyāt se kurtā nikāltīn* – «когда все засыпали, тетя на цыпочках входила в свою комнату и осторожно доставала рубашку». Это причастие может выполнять функции определения (атрибутивного или предикативного): *meṛī bhī uṭhtī javānī thī* – «и я была в расцвете лет», (букв.) «и моя была цветущая юность» (атрибутивное употребление). При субстантивации

данное причастие изменяется как существительное мужского рода на *-ā* или как существительное женского рода на *-ī*: *bhāgte ko* – «бегущему». Если простое причастие I является компонентом личных глагольных форм, то оно изменяется только по родам и числам. Вспомогательный глагол *honā* – «быть» при этом причастии может опускаться [Там же. С. 177].

Простое причастие II образуется от основы глагола с помощью окончания *-ā*. На русский язык оно переводится причастием прошедшего времени действительного и страдательного залогов: *likhnā* – «писать», *likhā* – «написавший» или «написанный». Это причастие также изменяется по принципу прилагательных на *-ā* и согласуется с определяемым словом в роде, числе и падеже. Как и простое причастие I, данная форма может субстантивироваться, тогда оно выглядит как существительное мужского рода на *-ā* или женского рода на *-ī*: *āyī ko* – «пришедшей» (Дательный падеж) [Там же. С. 190].

Составное причастие II состоит из сочетания простого причастия II с простым причастием II глагола *honā* – «быть»: *ānā* – «приходить», *āyā huā* – «пришедший» [Там же. С. 199]. Этот вид причастия переводится на русский язык причастиями прошедшего времени действительного и страдательного залогов. В предложении составные причастия II часто входят в состав обособленных причастных (но не самостоятельных) оборотов: *īd ke dīn subh subh maḳbūl mile, bacheñ khulī huī , kalle par kallā kaṛhā huā* – «В праздник Ид рано утром встретился Макбул, улыбавшийся со щеками, надутыми от удовольствия» [Там же. С. 205].

Причастие с суффиксом *-wālā-* образуется путем присоединения этого суффикса к форме косвенного падежа инфинитива. Это причастие может передавать намерение совершить действие, причем не только в настоящем, но и в прошедшем времени: *paṛhnā* – «читать», *paṛhnewālā* – «читающий», «намеревающийся (намеревавшийся) читать» [Там же. С. 206].

Продолженное причастие образуется путем сочетания основы глагола с простым причастием II от глагола *rahnā* – «оставаться»: *likhnā* – «писать», *likh*

raḥā – «пишущий». При склонении у этого причастия изменяется только конечный гласный *-ā* [Там же. С. 205].

Страдательные причастия в урду различают пять типов: 1) простое страдательное причастие I; 2) составное страдательное причастие; 3) простое страдательное причастие II; 4) страдательное причастие с суффиксом *-wālā-*; 5) страдательное продолженное причастие. (В современном урду форма 2 практически не употребляется.) Формы страдательных причастий образуются путем сочетания соответствующих форм простых действительных причастий II с причастием глагола *jānā* – «идти», «уходить». Они могут распространяться косвенным дополнением, выраженным существительным или местоимением [Там же. С. 209].

В языке **панджаби** различают простые и сложные формы причастий.

Простое причастие имеет формы совершенного и несовершенного вида: 1) Простое причастие несовершенного вида образуется от основы инфинитива посредством суффикса *-d-* и окончания *-ā-*: *paṛhdā muṇḍā* – «читающий мальчик». 2) Простое причастие совершенного вида образуется от основы инфинитива с помощью суффикса *-iā-*: *rangiā dupaṭṭā* – «окрашенное покрывало». Причастия совершенного вида от переходных глаголов, как правило, имеют пассивное значение [Толстая, 1960, с. 31].

Сложные причастия различают формы несовершенного и совершенного вида: 1) Сложные причастия несовершенного вида представляют собой сочетание простого причастия несовершенного вида и причастия совершенного вида от глагола *hoṇā* – «быть»: *paṛhdā hoīā* – «читающий», «читавший», «читая». 2) Сложные причастия совершенного вида образуются от той же глагольной связки в соединении с простым причастием совершенного вида: *kītā hoīā* – «сделанный». При этом сложные формы причастий согласуются с определяемым словом в роде и числе [Там же. С. 32].

В языках **иранской** ветви (авестийском, талышском, древнеперсидском, среднеперсидском и современном персидском) также существует большое количество причастий трех залогов (активного, пассивного и медиального) и трех

времен (настоящего, прошедшего и будущего). Причастие будущего времени часто используется в значении герундива и передает значение долженствования.

В **авестийском** языке выделяется довольно большое количество причастных форм:

1) Причастия настоящего времени и аориста (могли иметь активные и медиальные формы). Активные причастия образовывались от презенсных и аористных основ посредством суффиксов -NT-ANT-: -HAT-HANT- – «сущий», VANAT-VANANT – «побеждающий» (наст. вр.); VAN-Š-ANT – «победивший». Медиальные причастия от тематических основ образовывались с помощью суффикса -MNA-, от нетематических с помощью суффикса -ANA-: MANYAMNA – «думающий», MANHĀNŌ – «подумавший» [Соколов, 1961, с. 104]. Причастия сохраняли специфику значений исходной глагольной основы. Так, причастия настоящего времени от основ на -SYA- имели значение будущего времени: *visrəṃ ašavanəṃ həntəm* ča *bavantəm* ča *bušyantəm* ča – «всякого праведника **сущего, становящегося и станущего**». Значения будущего времени также часто принимали аористные причастия, которые по своему видовому характеру не могли обозначать настоящее время. На русский язык такие причастные формы обычно переводятся будущим временем глаголов совершенного вида: *yō artaṭ mərəxšānō gaēvā* – «который пришел, чтобы **разрушить** естество» [Там же. С. 104].

2) Причастия перфекта (употреблялись активные, медиальные и пассивные формы). Активное причастие образовывалось от слабого вида перфективных основ посредством суффикса -UŠ-VĀŠ-: DADUŠ-DADVĀŠ – «творец», «тот, кто создал». Медиальное причастие образовывалось от перфективных основ с помощью суффикса -ĀNA-: MAMNĀNA – «помнящий». Пассивные причастия перфекта также называют именными формами на -TA-. Их приравнивают к глагольным прилагательным, образуемым от слабых глагольных корней: BASTA – «завязанный», BṚTA – «принесенный». Если такое причастие было образовано от переходного корня, оно имело пассивное значение. Причастия, образованные от непереходных корней, имели активное или нейтральное значение: GM-TA-Š –

«выступивший». Это причастие широко употреблялось в описательных конструкциях, которые впоследствии легли в основу аналитической формы прошедшего времени глагола в новоиранских языках [Там же. С. 105].

В талышском языке существуют формы причастий прошедшего, настоящего и будущего времени.

Причастие прошедшего времени различает две основные формы:

1) Причастие прошедшего времени на *-a-* исторически восходит к древнему причастию с суффиксом *-aka-*. Образуется путем изменения конечного гласного инфинитива *-e-* на *-a-*. Причастия, образованные от переходных глаголов, как правило, имеют пассивное значение. Такие причастия могут употребляться в функции определения, на русский язык большинство форм переводится причастием прошедшего времени страдательного залога: *gate* – «братъ», *gatá moi* – «пойманная рыба»; *dœ* – «давать», *čimj doá davo* – «мною данное лекарство». Причастия на *-a-* могут субстантивироваться, тогда они часто употребляются в качестве прямого дополнения: *gatá hardášone* – «взятое они съели». Эта причастная форма может приобретать активное значение, если оно управляет падежом прямого объекта (Аккузативом): *šama nemekí* (Асс.) ***hardá*** *müzi* – «нашу соль **съевшая** муха». Таким образом, категория залога у данного причастия является подвижной и определяется синтаксическим положением данной формы [Миллер, 1953, с. 190]. Подобная ситуация наблюдается и в других индоевропейских языках, например в латинском. Причастие прошедшего времени на *-a-* также может употребляться в значении причастия настоящего времени, если действие, им выражаемое, представляет более или менее постоянную характеристику субъекта: *šma piá kas* – «вас любящий человек» или «ваш друг», *še njišta kašiku* – «он пошел к пишущему человеку» («к писцу»). Если причастие прошедшего времени на *-a-* образовано от безобъектного глагола состояния, то оно передает значение непереходности медиального залога: *a mandá kas* – «тот оставшийся человек». Причастие от глагола *njšte* – «сидеть» на русский язык переводится причастием настоящего времени: *doi bínada njšta kas* – «под деревом сидящий человек» [Там же. С. 190].

Причастие от глагола *be* – «быть» – *ba* – занимает особое положение в грамматической системе талышского языка. По форме оно является причастием прошедшего времени, однако может передавать значения как прошедшего, так и настоящего времени. В значении настоящего времени это причастие преимущественно употребляется в оборотах, выражающих принадлежность какого-либо признака субъекту или предмету: *čaṣon-ǰṣ kavu ba kasí* – «человек, у которого глаза голубые», (букв.) «глаза его голубые бывающий человек». Временное значение причастия *ba* определяется контекстуально; а если *ba* является вспомогательным компонентом сложного глагола, то зависит от значения смыслового глагола: *haṣi ba vra* (место) – «место, на котором есть солнце» (значение наст. вр.); *čǰ nio ba vrao áište* – «он встал с места, в котором был спрятан» (семантика прош. вр. зависит от глагола *nio be* – «быть спрятанным»). Причастие на *-a* также может иметь значение деепричастия: *hardá* – «съем» [Там же. С. 191].

2) Вторая форма причастия прошедшего времени образуется от основы инфинитива или от основы прошедшего времени посредством префикса *bǰ-*: *gate* – «брать», «взять», *bǰgat* – «бравший», «взявший», *vote* – «говорить», *bǰvot* – «сказавший», «говоривший». Это причастие обычно переводится на русский язык причастием прошедшего времени действительного залога. В предложении оно может передавать значение однократного, многократного и длительного действия [Там же. С. 192].

Талышское причастие настоящего времени образуется от основы настоящего времени с помощью префикса *-a*. Эта форма образуется преимущественно от глаголов с односложной основой, оканчивающейся на *-a*: *karde* (основа *ka*) – «делать», *aka* – «делающий», *varde* (основа *va*) – «приносить», *ava* – «приносящий» и т.п. Причастие настоящего времени от глагола *be* – «быть» – *abi*. Оно употребляется крайне редко, в основном в составе слова *abǰ-ni* – «невозможно». Редкое употребление данной формы объясняется тем, что причастие прошедшего времени от этого глагола, как было сказано выше, может иметь значение настоящего времени. Если причастие настоящего времени

образуется от глаголов с приставками, оканчивающимися на гласный, то начальное *-a-* причастия вытесняется конечным гласным приставки: *e-gate* – «приподнимать», *e-gi* – «приподнимающий» [Там же. С. 193].

Причастие будущего времени, или причастие долженствования, образуется от основы инфинитива или от основы прошедшего времени посредством окончания *-anin*: *še* – «идти», *š-anin* – «намеревающийся, долженствующий идти»; *harde* – «есть», *hard-anin* – «собирающийся есть» [Там же. С. 158].

В древнеперсидском языке встречаются два причастия настоящего времени и одно причастие прошедшего времени: 1) Активное причастие настоящего времени образуется посредством суффиксов *-nt-*, *-nt-*: основа *tunuv* – «мочь», *tunuvant* – «могущий». 2) Медиальное причастие настоящего времени засвидетельствовано только в одной форме *xšum* – «царствующий». 3) Причастие прошедшего времени, имеющее пассивное значение от переходных корней и активное значение от непереходных корней, образуется посредством суффикса *-ta-*, что позволяет сопоставить его с аналогичным причастием в санскрите: *basta* – «связанный», *dīta* – «отобранный» [Соколов, 1979, с. 265]. Аналогично санскритскому причастию на *-kta-*, древнеперсидское причастие на *-ta-* могло употребляться в предложении в качестве самостоятельного предиката: *ima taya manā kartam pasāva yaθā xšayaθiya abavam* – «вот, что мною сделано после того, как я стал царем» [Там же. С. 266]. По мнению С.Н. Соколова, в среднеперсидском языке такие обороты служили единственным способом выражения прошедшего времени [Там же. С. 266].

В среднеперсидском языке зафиксировано два типа причастий прошедшего времени и одна форма причастия настоящего времени:

1) Причастие первого типа совпадает с основой глагола прошедшего времени: *kart* – «сделанный», *guft* – «сказанный». Оно использовалось при образовании сложных глагольных форм: *guft estet* – «было сказано». В атрибутивной функции эта форма употреблялась только после местоимения *i* – «который»: *pat... čiš i vitart ut uzīt bēš mā barēt* – «не жалеете о прошедшем и утерянном», (букв.) «об ушедшей и утерянной вещи» [Расторгуева, 1966, с. 114].

2) Причастие второго типа образуется от основы прошедшего времени посредством суффикса *-ak-*, *-ndak-*, *-andak-*: *kartak* – «сделанный». Это причастие, так же, как и причастие первого типа, обычно переводится на русский язык причастием совершенного вида страдательного залога, но основная функция данной формы – атрибутивная: *sāsān pat pīl-ē i ārāstak i spēl nišast ēstat* – «Сасан сидел на белом, разукрашенном слоне». Реже причастие второго типа встречается в предикативной функции: *āfrītak ham nē kartak* – «я созданный (небесными силами), а не сделанный (земными средствами)». Этот тип причастия часто субстантивировался: *kartak i Ahriman* – «Деяние Ахримана» [Там же. С. 115].

3) Причастие настоящего времени образуется от основы настоящего времени с помощью суффикса *-end-*: *girend* – «берущий». От этого причастия образуется настоящее время опатива. Другой тип причастия настоящего времени образуется с помощью суффиксов *-andak-*, *-an-*. Но эта форма редко используется в значении причастия и часто субстантивируется: *parrandak* – «летающий», «птица» [Там же. С. 116].

В современном персидском языке существует несколько причастных форм:

1) Причастия прошедшего времени образуются от основы прошедшего времени и суффикса *-e-*. Причастия, образованные от переходных глаголов, могут иметь не только пассивное, но и активное значение: *gerefte* – «взявший» и «взятый». Если это причастие субстантивируется, то за основу обычно берется пассивное значение: *gofte* – «сказанное», «слово». Активное значение причастий употребляется при образовании сложных форм прошедшего времени: *gofte ast* – «он сказал». Пассивное значение проявляется при образовании пассивного залога. Это причастие, как в санскрите, может употребляться в качестве сказуемого вместо спрягаемого глагола прошедшего времени: *varede otağ shode goft* – «войдя в комнату, он сказал» [Рубничик, 1960, с. 84].

2) Причастия настоящего времени образуются от основы настоящего времени с помощью суффиксов *-ānde-*, *-a-*, *-an-*. Эти формы в большинстве случаев утратили глагольные признаки и употребляются в качестве

существительных и прилагательных: *nemaïande* – «представитель». Эти причастия могут обозначать добавочное действие и переводиться деепричастиями: *Fateme grije konan daxel-e otag shod* – «Фатьма плача вошла в комнату» [Там же. С. 84].

3) Причастие долженствования образуется путем прибавления к инфинитиву ударного суффикса *-u-*: *kārdāni* – «то, что должно быть сделано». Эти причастия могут употребляться в качестве именной части сказуемого *mān rāfmāni hāstām* – «я должен пойти». Причастие можно субстантивировать: *hordāni* – «еда» [Там же. С. 85].

В **тохарских** языках отмечаются основные суффиксы причастий, которые позже можно наблюдать в большинстве индоевропейских языков как «восточного», так и «западного» типа: *-nt-* – суффикс причастий настоящего времени; *-t-* – суффикс причастий прошедшего времени. Здесь зафиксированы следующие причастные формы: 1) Действительное причастие настоящего времени с суффиксами *-nt-*, *-ñsa-*. 2) Медиопассивное причастие настоящего времени (несклоняемое) с суффиксами *-māṁ-*, *-mane-*. 3) Причастие претерита (в залоговом отношении нейтрально) с суффиксами *-u-*, *-o-*, *-au-* [ТЯ, 1969, с. 68]. 4) Причастие прошедшего времени пассивного залога с суффиксом *-te-* [Там же. С. 97].

В **хеттском** языке анатолийской ветви, как и в некоторых «западных» языках романской ветви, зафиксировано только одно причастие страдательного залога с суффиксом *-nt-*, что компенсируется наличием большого количества инфинитивов и других глагольных имен в данной языковой системе, а также отчасти объясняется влиянием семитских языков. [Иванов, 2001, с. 150]. Причастие, образующееся от переходных глаголов, всегда имеет пассивное значение, от непереходных глаголов значение причастия рассматривается как активно-непереходное: *kuanza* – «убитый», *dānza* – «взятый», *rānza* – «пошедший» [Фридрих, 2001, с. 146].

В **древнегреческом** языке зафиксировано большое количество причастных форм разных времен, которые выполняли самые разнообразные синтаксические функции и находились в относительном балансе с формами инфинитива. В этом

языке причастие имеет пять временных форм: настоящее, аорист, перфект, будущее I и будущее II. Как и у инфинитива, разница между причастиями настоящего времени и причастиями аориста иногда касается только категории вида: ποιῶν (причастие наст. вр.) – «делающий», «делавший», «делая», ποιήσας (прич. аориста) – «сделавший», «сделав». Причастия будущего времени, как и в латинском языке, передают значение цели или значение намерения совершить действие: ποιήσων (прич. буд. I) – «который будет делать», «намеревающийся сделать» [Соболевский, 1999, с. 87]. Древнегреческие причастия употребляются как «логическое сказуемое» в оборотах со значением сложного подлежащего и сложного дополнения, а также в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением. Причастные формы образуются во всех залогах: активном, возвратном и среднем. Все древнегреческие причастия изменяются по числам, родам и падежам и всегда согласуются с определяемым словом. Подробнее употребление причастных форм древнегреческого языка рассматривается в разделах исследования, посвященных сравнительно-сопоставительному анализу отдельных индоевропейских и семитских языков.

В современном греческом языке количество причастий сократилось только до формы причастия прошедшего времени. Поэтому греческая группа языков занимает особое положение, а процесс ее исторического развития в области глагольных имен можно охарактеризовать как движение от «восточного» направления к «западному». В современном греческом языке существует причастие прошедшего времени. Эта форма образуется от глагольной основы посредством родовых ударных окончаний *-μένος*, *-μένη*, *-μένο* мужского, женского и среднего родов. На русский язык эта форма обычно переводится причастием прошедшего времени страдательного залога: *πιασμένος* – «пойманный», *γραμμένος* – «написанный». От некоторых глаголов причастия прошедшего времени имеют медиопассивное значение: *αναπτυσσόμενος* – «развивающийся» [Рытова, 2004, с. 274]. Суффиксы, с помощью которых образуется причастие прошедшего времени, в современном греческом языке восходят к древнегреческим суффиксам причастий медиопассивного залога.

Кроме причастий прошедшего времени в этом языке существуют отглагольные прилагательные, которые отчасти могут передавать значение причастий настоящего времени: το περιβαλλον – «окружающая (среда)» [Там же. С. 149]. Морфологически эти прилагательные восходят к приставочным глаголам: περι + βαλλω. В основном значения причастий настоящего времени передаются аналитически, с помощью определительных придаточных предложений: Βλέπω τους φοιτητές, που σπουδάζουν μαζί μου – «Я вижу студентов, которые учатся со мной» [Там же. С. 72].

В старославянском языке причастия могли иметь полную и краткую формы. Краткая форма считается исходной, полные формы образуются по принципу полных прилагательных посредством присоединения указательных местоимений. В старославянском языке, как и в современном русском, различают четыре причастные формы: 1) Действительное причастие настоящего времени образуется от основы настоящего времени с помощью суффикса *-nt-*, к которому присоединялись окончания кратких прилагательных: *несъ* – «несущий», *видѧ* – «видящий». В косвенных падежах суффикс причастия распространялся звуком *j*: Родительный падеж *нес-ѡѧ*, *видѧѡѧ*. Таким образом сформировались суффиксы данного вида причастия *-ѡѧ-*, *-ѡѧѡѧ-*. 2) Действительные причастия прошедшего времени образуются от основы инфинитива с помощью суффиксов *-ѡs-*, *-ѡus-*, который в косвенных падежах распространялся звуком *j*: Именительный падеж *ведѣѣ* – «ведший», *знавѣѣ* – «знавший»; Родительный падеж *ведѣѡѧѧ*, *знавѣѡѧѧ*. 3) Страдательное причастие настоящего времени образуется от основы настоящего времени с помощью суффикса *-m-*: Именительный падеж *ведѡмѣѣ* – «ведомый», *хвалимѣѣ* – «хвалимый». 4) Страдательное причастие прошедшего времени образуется от основы инфинитива с помощью суффиксов *-en-*, *-n-*, *-t-*: Именительный падеж *хваленѣѣ* – «похваленный», *веденѣѣ* – «приведенный» [Камчатнов, 2001, с. 95].

В старославянском языке категория вида глагола еще не являлась семантической, как в современном русском языке, а отчасти была связана с категорией времени, как в индоевропейских языках «западного» типа. Поэтому страдательные причастия прошедшего времени могли образовываться практически от всех глаголов. В современном русском языке этот вид причастий может быть образован только от глаголов совершенного вида (кроме ряда исключений).

В более поздних **славянских** языках (южнославянских: болгарском, хорватском, сербском; западнославянских: польском, чешском, словацком; восточнославянских: украинском, белорусском, древнерусском и современном русском) в качестве наследия старославянского языка можно отметить четыре основные причастные формы: настоящего и прошедшего времени действительного и страдательного залогов. При этом форма причастия настоящего времени страдательного залога встречается редко, а большинство причастных оборотов в современных языках постепенно заменяются аналогичными по значению придаточными конструкциями.

В болгарском языке существует несколько видов причастий:

1) Причастие настоящего времени действительного залога образуются от глагольных основ несовершенного вида с помощью суффиксов *-ащ-*, *-ящ-* и др. Они изменяются по принципу прилагательных по родам и числам, согласуются с определяемым словом и обычно выполняют в предложении атрибутивную функцию или передают добавочное действие: спящото момче – «спящий мальчик», машината теглеше лёко и плавно, **не усещаща** товара – «машина шла легко и плавно, не ощущая груза». Употребление данной причастной формы в современном болгарском языке, так же, как и употребление инфинитива, довольно ограничено и накладывает на текст отпечаток книжности. В разговорной речи причастия настоящего времени действительного залога постепенно вытесняются относительными придаточными конструкциями со словами *ко́йто*, *щó*, *дéто*: спящото момче = момчето, което спи – «мальчик, который спит» [Маслов, 1981, с. 283]. Постепенное упразднение из болгарского

языка причастных форм и замена их придаточными указывает на стремление данного языка к аналитизму грамматической системы.

2) Действительные причастия прошедшего времени на *-л-* изменяются по родам и числам, как прилагательные, и различают формы имперфекта и аориста. Причастие имперфекта употребляется только в составе сложных глагольных форм. Аористное причастие также участвует в образовании сложных глагольных форм, но встречается и в самостоятельном употреблении в качестве определения: *ка́цналата вѣрху носá ми муха* – «севшая мне на нос муха», *женáта ка́за тѣя дѹми сѣвсѣм тѣхо, забрáвила, че тóй не чу́ва* – «жена сказала эти слова совсем тихо, забыв, что он не слышит». Если причастие передает значение добавочного действия, оно переводится на русский язык деепричастием совершенного вида [Там же. С. 284].

3) Страдательное причастие настоящего времени на *-ан-, -ен-, -н-* называется «причастием одновременности», так как обозначает действие, одновременное действию главного глагола. Эта форма может употребляться в качестве определения: *уважа́ван, обѣчан, мрáзен от всѣчки* – «уважаемый, любимый, ненавидимый всеми».

4) Причастие прошедшего времени страдательного залога на *-ен-, -ан-* может употребляться как определение: *смутѣн и обѣркан, тóй не възразя́ваше* – «смущенный и сбитый с толку, он не возражал». В предикативном употреблении эта причастная форма, особенно в сочетании с глаголами *сѣм* и *бѣвам*, – это причастие, как и страдательное причастие настоящего времени, представляет собой смысловой компонент аналитических глагольных форм причастно-страдательного спряжения [Там же. С. 265].

В хорватском языке существуют причастия действительного и страдательного залогов, которые различают категории рода и числа: 1) Причастия действительного залога образуются от основы инфинитива глаголов несовершенного вида с помощью окончаний *-о* и *-ао* (м. род), *-ла* (ж. род), *-ло* (с. род): *posi-o* (м. род), *posi-la* (ж. род), *posi-la* (с. род). 2) Причастия страдательного залога образуются от основы инфинитива глаголов совершенного вида

посредством суффиксов *-n-* (*-na-*, *-no-*), *-en-* (*-ena-*, *-eno-*), *-jen-* (*-jena-*, *-jeno-*), *-t-* (*-ta-*, *-to-*): *zva-n* (м. род), *zva-na* (ж. род), *zva-no* (с. род) [Калинин, 2009, с. 67].

В **сербском** языке существует три формы причастий:

1) Причастие настоящего времени имеет только одну форму, которая образуется от неполной основы настоящего времени с помощью суффикса *ћи*: *шетати* – *шетајући* [Маркович [и др.], 2002, с. 46].

2) Действительное причастие прошедшего времени образуется от основы инфинитива с помощью суффикса *-л-* / *-о-*. Это причастие в основном используется для образования аналитических временных форм глагола – перфекта, плюсквамперфекта и будущего II, это причастие имеет формы всех трех родов: *будем читао* / *читала* / *читало*. Это же причастие, образованное от непереходного глагола, может выполнять функцию определения: *Чуо се промукао* глас наредника – «Послышался охрипший голос сержанта». Это же причастие употребляется в форме приветствий, заклинаний и проклятий: *добро дошли* – «добро пожаловать» [Там же. С. 46].

3) Страдательные причастия прошедшего времени образуются от основы инфинитива непереходных глаголов с помощью суффиксов *-н-*, *-ен-*, *-т-* и переводятся на русский язык аналогичными формами: *играти* – *игран*; *написати* – *написан*. Эти причастия различают категории рода, числа, падежа, определенности / неопределенности. В предложении они могут быть определением: «*похвальени ученици*» и именной частью сказуемого: «*учениуи бивају похвальени*» [Там же. С. 47].

В **польском** языке существует три причастные формы:

1) Причастие настоящего времени действительного залога образуется от основы настоящего времени посредством окончаний *-ący* (м. род), *-ąca* (ж. род), *-ące* (с. род): *piszący* – «пишущий», *siedzący* – «сидящий». О drugiej lub trzeciej po polnocy widziałem Michasia, **pracującego** jeszcze – «В два или в три часа ночи я видел Мишу, еще работающего». Это причастие в зависимости от контекста также можно переводить формами прошедшего и будущего времени: **pracującego** jeszcze – «еще работавшего» [Дворецкий, 1947, с. 247].

2) Причастие прошедшего времени действительного залога образуется от глагольной основы с помощью окончаний *-l* (м. род), *-la* (ж. род), *-le* (с. род): *niosl*, *niosla*, *niosle*. Это причастие редко встречается в самостоятельном атрибутивном употреблении. Его основная функция – основа для образования других причастий или смысловой компонент сложных временных форм глагола. Некоторые причастия данной группы в польском языке адъективировались и употребляются в значении прилагательных: *wzniosły* – «возвышенный», *zrozumiały* – «понятный».

3) Причастие прошедшего времени страдательного залога образуется от причастной основы с помощью окончаний *-ny* (м. род.), *-na* (ж. род), *-ne* (с. род): *przeczytany* – «прочитанный». Если эта форма образуется от глаголов совершенного вида, она имеет значение только прошедшего времени. Если причастие образовано от глагола несовершенного вида, оно может переводиться формами прошедшего, настоящего и будущего времени: *czytany* – «читанный», «читаемый», «тот, который будет читаться». Таким образом в польском языке компенсируется значение страдательного причастия настоящего времени, морфологическая форма которого не имеет, в отличие от русского языка, специального выражения [Там же. С. 248].

В **чешском** языке существуют причастия действительного и страдательного залогов. Они различают категории вида, времени, рода и числа. В сочетании этих категорий образуются три вида причастий: действительные причастия настоящего времени, действительные причастия прошедшего времени, страдательные причастия прошедшего времени. (В отличие от русского языка, в чешском не существует страдательного причастия настоящего времени типа читаемый, приносимый и т.п.) [Обухова, 2010, с. 177].

Действительное причастие настоящего времени образуется от основы глаголов настоящего времени несовершенного вида с помощью суффиксов *-oucí*, *-ící*: *nest* – «нести», *nesoucí* – «несущий»; *kupovat* – «покупать», *kurující* – «покупающий». Эти формы легко субстантивируются, поэтому их часто рассматривают как отглагольные прилагательные и существительные: *spolucestující* – «попутчик», *pracující* – «рабочий» [Там же. С. 178].

Действительное причастие прошедшего времени образуется от основы прошедшего времени посредством суффикса *-l-* и окончаний, определяющих число и род формы: *nesl* (м. род), *nesla* (ж. род), *neslo* (с. род) «нес», «несла», «несло». Это причастие в сочетании с глаголом *být* – «быть» образует формы прошедшего времени: *nesl jsem* – «я нес» [Там же. С. 179].

Страдательное причастие прошедшего времени образуется от основы прошедшего времени глаголов совершенного и несовершенного вида посредством суффиксов *-en-*, *-n-*, *-t-*: *nest* – «нести», *nesen* – «несенный»; *sazet* – «сажать», *sazen* – «посаженный»; *nabídnout* – «предложить», *nabídnut* – «предложенный» [Там же. С. 181].

В словацком языке существуют причастия действительного и страдательного залогов.

Действительные причастия различают формы настоящего и прошедшего времени: 1) Действительные причастия настоящего времени образуются от основы настоящего времени глаголов несовершенного вида посредством суффиксов *-úci-* (*-úca-*, *-úce-*), *-iaci-* (*-iaca-*, *-iace-*): *niesť*, *nesúci*; *rozumieť*, *rozumejúci*. Суффикс данной глагольной формы никогда не сокращается. 2) Действительные причастия прошедшего времени образуются от основ инфинитива глаголов совершенного вида посредством суффиксов *-vši-*, (*-všia-*, *-všie-*): *zobrať*, *zobravši*, *uvidieť*, *uvidevši*. Эти причастия переводятся на русский язык соответствующими формами. Они различают формы мужского, женского и среднего рода и склоняются по принципу прилагательных *cudzi* (*-ia*, *-ie*) [Мистрик, Тугушева, 1981, с. 261].

Страдательное причастие в словацком языке имеет только полную форму прошедшего времени (краткая форма, в отличие от русского языка, не образуется). Это причастие образуется от основы прошедшего времени глаголов совершенного вида с помощью суффиксов *-eny-* (*-ena-*, *-ene-*), *-ny-* (*-na-*, *-ne-*), *-ty-* (*-ta-*, *-te-*): *vidieť*, *videny*; *urobiť*, *urobený* – «сделанный». Данная форма также обладает категорией рода, числа и склоняется по принципу прилагательных *rekny* (*-á*, *-é*). *Študenti budú vyskúšaní o týždeň* – «Студенты будут проэкзаменованы за

неделю». Так как в современном словацком языке форма страдательного причастия настоящего времени отсутствует, в ее значении употребляются страдательные причастия прошедшего времени, образованные от глаголов несовершенного вида: *robíť, robenu* – «делаемый» [Там же. С. 263].

В **украинском** языке употребляются причастия действительного и страдательного залогов. Причастия действительного залога имеют формы настоящего и прошедшего времени. Действительные причастия настоящего времени образуются от основ настоящего времени глагола посредством суффиксов *-уч-, -юч-, -ач-, -яч-*: *лежать* – *лежачий*, *киплять* – *кипячий*. Действительные причастия прошедшего времени образуются от основ инфинитива глагола совершенного вида посредством суффикса *-л-*: *перемерзнути* – *перемерзлий*. Причастия страдательного залога имеют форму прошедшего времени и образуются от глагольных основ с помощью суффикса *-н-, -ен-, -эн-, -т-*, при этом наблюдается ряд общих фонетических чередований: *постригти* – *пострижений*, *втопити* – *втоплений*. Причастия склоняются по принципу имен прилагательных [Безпояско [и др.], 1993, с. 151].

В **белорусском** языке существуют причастия действительного и страдательного залогов: 1) Действительные причастия образуются посредством суффиксов *-уч-, -юч-, -ач-, -яч-*: *пішучы, гаворачы* (наст. вр.) и *-уйш-, -ш-*: *пісаўшы, несшы* (прош. вр.). 2) Страдательные причастия образуются посредством суффиксов *-м-*: *чытаемы, правадзімы* (наст. вр.) и *-н-, -т-*: *выкананы, заліты* (прош. вр.) [Кондрашов, 1986, с. 102].

В **древненовгородском** диалекте русского языка зафиксированы следующие причастные формы: 1) Несклоняемое действительное причастие настоящего времени (это причастие не имеет других падежей, кроме Именительного): *дале, было, приходиле, рекле*. 2) Несклоняемое действительное причастие прошедшего времени: *купивъ, пославъ, добывъ*. (В берестяных грамотах эта форма оканчивается только на *-ъ*.) 3) Страдательное причастие прошедшего времени, которое в Именительном падеже могло употребляться в качестве сказуемого: *присълана, положена* [Зализняк, 2004, с. 145].

Формы несклоняемых действительных причастий настоящего и прошедшего времени (они имеют и другое название «согласованные деепричастия») употребляются в древнерусском языке в некоторых видах придаточных конструкций, где сам факт употребления причастия в роли сказуемого характеризует такое предложение, как придаточное: **«но не мытись ему (новокрещенному) томь дни, развь попъ отерь гоубою лице»**. Такие формы причастий также зафиксированы в безличных конструкциях: «а щн него ти крадено» [Там же. С. 183].

В **современном русском** языке употребляются полные и краткие формы причастий действительного и страдательного залогов [Безроднова, 2009, с. 41; Вальсова, 2008, с. 37]: 1) Причастие настоящего времени действительного залога (основные суффиксы *-ущ-*, *-ющ-*, *-ащ-*, *-ящ-*) – читающий. 2) Причастие настоящего времени страдательного залога (основные суффиксы *-ем-*, *-ом-*, *-им-*) – читаемый. 3) Причастие прошедшего времени действительного залога (основные суффиксы *-вш-*, *-ш-*) – читавший. 4) Причастие прошедшего времени страдательного залога образуется преимущественно от глаголов совершенного вида (основные суффиксы *-анн-*, *-енн-* и др) – (про)читанный [СРЛЯ, 2001, с. 258].

По мнению Л.А. Булаховского, многие причастные формы современного русского языка представляют собой заимствования из церковнославянского и чужды разговорной речи. Например, еще в 30-е гг. XIX в. причастие прошедшего времени действительного залога воспринималось как церковнославянизм [Булаховский, 1953. С. 219]. В разговорной форме современного русского языка, как и в других славянских языках, многие причастные обороты заменяются атрибутивными или обстоятельственными придаточными конструкциями [Карпенко, 2004, с. 40].

Деепричастия современного русского языка строго дифференцированы от причастий и рассматриваются отдельно в соответствующем разделе данной главы.

В **балтийских** языках (прусском, литовском, латышском, латгальском) также отмечается большое количество причастных форм, в некоторых

исследованных здесь языках – до семи (литовский), где формы причастия будущего времени используются для образования «предсказывательного» наклонения. По особенностям образования и употребления причастных форм указанные языковые системы относятся к «восточному» направлению развития индоевропейских языков.

В прусском языке причастия считаются особым грамматическим классом слов, но рассматриваются в пределах глагола [Топоров, 2006, с. 70]. Эта форма различает категории времени, залога, рода, числа и падежа. Выделяют четыре причастные формы: 1) Причастие настоящего времени действительного залога с суффиксом *-nt-*: *skellānts* – «долженствующий». 2) Причастие настоящего времени страдательного залога с суффиксом *-man-*: *roklausīmanas* – «слышимый». 3) Причастие прошедшего времени действительного залога с суффиксом *-uns-*: *aulauuns* – «умерший». 4) Причастие прошедшего времени страдательного залога с суффиксом *-t-*: *dāts* – «данный». «Причастия участвуют в образовании перифрастических времен и других аналитических конструкций, обычно ориентированных на соответствующий тип в немецком языке: **dāts wīrst** – “дается” (нем. *gegeben wird*), **posinnāts wīrst** – (букв.) “(он) признается” (в значении сослагательного наклонения среднего рода “призналось бы”) (нем. *bekant werde*) – акциональный презенс пассива; **ast... etbaudints** – “пробужден (воскрешен)” (нем. *ist... aufferwecket*); **ast... perpists** – “принесен” (нем. *ist... fuergetragen*) – статальный презенс пассива; **etbaudinons wīrst** – “пробудит (воскресит)” (нем. *aufferwecken wirdt*) – для передачи в прусском языке будущего времени; **asmai klantīuns** – “ругался (злословил)” (нем. *habe geflucht*) – для передачи “перфекта”; *wissan kan tans bei teikūuns* – “все, что Он сделал (создал)” (нем. *alles was Er gemacht hatte*) – сочетание причастия с глаголом **boūt** – “быть” в претерите» [Там же. С. 71].

В литовском языке различаются семь форм причастий (четыре действительных и три страдательных). При этом причастия являются единственной формой глагола, где категория залога имеет морфологическое выражение. Действительные причастия: 1) настоящего времени **nešās, nešāntis** –

«несущий», ж. род *-i-*; 2) прошедшего однократного **nėšęs** – «несший», ж. род *nėšusi*; 3) прошедшего многократного **nešdavęs** – «носивший», ж. род *nešianti*. Страдательные причастия: 1) настоящего времени **nėšamas** – «несомый», ж. род *nešama*; прошедшего времени **nėštas** – «(при)несенный, ж. род *nešta*; 3) будущего времени **nešimas** – «тот, что будет несомым / принесенным, ж. род *nešima* [Булыгина, Синёва, 2006, с. 117].

В литовском языке употребляется несколько причастных конструкций, имеющих специфическое значение: 1) Прошедшее однократное причастие в Именительном падеже, передающее добавочное действие, то есть выступающее в функции деепричастия: *Jõnas, pėrskaitęs láišką, pasákė* – «Йонас, прочитавший письмо, сказал». 2) Общеотрицательная конструкция действительного причастия настоящего времени с местоимением **kas** в форме Именительного падежа: *nėra kas rāskaitas skaítas* – «некому лекции читать», (букв.) «нет, кто лекции читающий». 3) Действительные причастия прошедшего времени в сочетании с глаголами, обозначающими окончание действия, принимающие значение инфинитива: *liáuakis veĩkusi* – «перестань плакать», (букв.) «перестань плакавшая» [Там же. С. 129].

В латышском языке существует четыре типа причастий, которые могут иметь местоименные формы и склоняются по типу прилагательных: 1) Действительное причастие настоящего времени на *-ošs* (ж. род *-ošā*), местоименные формы *-ošais* (ж. род *-ošā*), образованное от основы настоящего времени: *ziedošs* «цветущий». Этот тип причастий образуется, в основном, от невозвратных глаголов. 2) Действительные причастия прошедшего времени на *-is* (ж. род *-usi*), местоименные формы *-ušais* (ж. род *-usī*), возвратные формы *-ies* (ж. род *-usies*), образующиеся от основы прошедшего времени: *lasījušais* – «читавший», *apstājusies* – «остановившийся». 3) Страдательное причастие настоящего времени на *-ams* (ж. род *-ama*), образующееся от основы настоящего времени: *pesams, pesamais* – «несомый», *pesama* «несомая». 4) Страдательное причастие прошедшего времени, образуемое от основы инфинитива с помощью флексии *-ts* (ж. род *-ta*), местоименные формы *-tais* (ж. род *-tā*): *pabeigts, pabeigtais* – «законченный», *pabeigta, pabeigtā* – «законченная» [Сталтмане, 2006, с. 177].

В латгальском языке существовали четыре склоняемые причастные формы, которые изменялись по принципу прилагательных (эти глагольные времена также различали категорию определенности / неопределенности: 1) Причастия настоящего времени действительного залога неопределенной формы имели окончания *-īšs* (ж. род *-īša*) и определенной формы *-īšais* (ж. род *-īšuo*): *zīdūšs*, *zīdūšais* – «цветущий», *zīdūša*, *zīdūšuo* – «цветущая». 2) Причастия прошедшего времени действительного залога в неопределенных формах оканчиваются на *-s* (ж. род *-use*) и в определенных формах на *-ušais* (ж. род *-ušuo*): *bejs*, *bejušais* – «бывший», *bejuse*, *bejušuo* – «бывшая». От возвратных глаголов данные формы оканчиваются на *-īs* (ж. род *-usēs*), причем употребляются только неопределенные формы: *smiejīs* – «смеявшийся», *smiejusēs* – «смеявшаяся». 3) Причастия настоящего времени страдательного залога в неопределенных формах оканчиваются на *-ams / oms* (ж. род *-ama / -oma*) и в определенных формах *-amais / -oamis* (ж. род *-amuo / -omuo*): *saucams*, *saucamais* – «называемый», *saucama*, *saucamuo* – «называемая». 4) Причастия прошедшего времени страдательного залога в неопределенных формах оканчиваются на *-ts* (ж. род *-ta*) и в определенных формах – на *-tais* (ж. род *-tuo*): *skaiteits*, *skaiteitais* – «читанный», *skaiteita*, *skaiteituo* – «читанная» [Брейдак, 2006, с. 206].

В латгальском языке также существуют причастия будущего времени на *-škys-* (ж. род *-škūte*). Как и причастия настоящего времени на *-s-* (ж. род *-ūte*), они имеют специфическое употребление в функции пересказывательного наклонения: *soks* – «он (якобы) говорит», *praseiškūte* – «она (якобы) будет просить». «Эти формы развились из бывших склоняемых причастий, поэтому у них сохраняются формы согласования по роду, числу и падежу, и формальные показатели, соответствующие Именительному падежу» [Там же. С. 206].

В языках **германской** ветви, которую вместе с италийской, кельтской и романской, а также отчасти хеттской и тохарской ветвями можно отнести к «западному» направлению развития индоевропейских языков (готском, древнеисландском, датском, шведском, норвежском, немецком, английском), отмечаются две основные причастные формы: причастие I, во многом

аналогичное русскому причастию настоящего времени действительного залога и деепричастию несовершенного вида, и причастие II, которое часто переводится на русский язык причастием прошедшего времени совершенного вида или деепричастием совершенного вида. Причастие I часто может передавать значение долженствования или намерения совершить действие, что компенсирует в некоторых языках отсутствующие формы герундива.

В готском языке зафиксировано два вида причастий: причастие I образуется от переходных и непереходных глаголов посредством суффикса *-and* / *-nd*: *nimands* – «берущий» (И. п., ед. ч., м. род); причастие II – от основ сильных глаголов с помощью суффикса *-n-*, от основ слабых глаголов с помощью суффикса *-þ-*: *nūmans* – «взятый»; *balwiþs* – «мучимый» [Дубинин [и др.], 2006, с. 43]. Причастие II не образуется от большинства непереходных глаголов и имеет пассивное значение от переходных, поэтому большинство глаголов имеет только одну причастную форму (причастие I), фактически нейтральную во временном отношении, и лишь небольшое число непереходных предельных глаголов обладает возможностью противопоставления причастных форм во времени: *qimands* – «приходящий», *gumans* – «пришедший» [Гухман, 2008, с. 185]. Оба готских причастия представляли собой склоняемые формы и передавали относительное временное значение. Причастие I чаще обозначало действие, одновременное действию сказуемого: *þanuh atberun du imma usliþan ana ligra ligandan* – «И тогда принесли к нему расслабленного, **лежащего** на ложе». Но эта же форма могла передавать действие, предшествующее действию сказуемого: *jahURREISANDS galaiþ in gard seinana* – «и всав, пошел в дом свой». Причастие II обычно передавало действие, предшествующее действию сказуемого: *þanuh usfullnoda þata qifano þairh Jairaimian praufetu* – «и тогда исполнилось **сказанное** пророком Иеремией». Данная форма также могла передавать одновременность: *jah is laisida in gauqumþim ize, mikilids fram allaim* – «и Он учил в их собраниях (синагогах), прославляемый всеми» [Там же. С. 185].

В древнеисландском языке существовало две причастные формы: причастие I и причастие II. Причастие I образуется с помощью суффикса *-and-*:

kallandi – «называющий», teljandi – «называющий», vakandi – «бодрствующий». Это склоняемое по принципу прилагательных глагольное имя выполняло следующие функции: 1) Причастие I, образованное от непереходного глагола, могло обозначать добавочное действие. На русский язык такие формы переводятся деепричастием или наречием: **Gratandi** Bøðvildr gekk ór eyju – «**Плача** пошла Бадвильд с острова»; þá kom þar **riðandi** Hjalti – «Тогда приехал **верхом** Хьяльти». 2) Причастие I может выступать в атрибутивной функции как определение к существительным в устойчивых словосочетаниях: **dugandi** maðr – «храбрец»; at **upprennandi** sólu – «на **восходе** солнца». 3) Эта форма могла субстантивироваться: **dømandi** – «судья», **verjandi** – «ответчик». 4) Причастие I от переходных глаголов может в предикативной функции передавать страдательное значение: at leita, ef þaðan væri **byggjanda** landit – «исследовать, может ли страна быть оттуда **заселена**» [Стеблин-Каменский, 2006, с. 132]. Последняя функция причастия I в древнеисландском языке, равно как и его формообразующий суффикс, сближает данную форму с латинским герундивом.

Причастие II от слабых глаголов образуется посредством суффикса *-ð-*, а от сильных – с помощью суффикса *-in-*, и в атрибутивной функции, как правило, имеет значение причастия прошедшего времени страдательного залога: kallaðr – «названный», talðr – «сказанный». Однако просто как определение при существительном причастие II употребляется редко. Это причастие склоняется и входит в состав перфекта, плюсквамперфекта и страдательной конструкции, например: Bløð **varð** eigi **stöðvat** – «Кровь не **могла быть остановлена**» [Там же. С. 129].

Существуют и особые случаи употребления данной формы: 1) С глаголами eiga – «владеть», fá – «получать», geta – «мочь», vinna – «совершать», gøra – «делать» и т.п. Причастие II образует видовой оборот со значением результативного действия, аналогичный перфекту и плюсквамперфекту: þat **átta** ek **srilit** við þik, at... – «я поставил тебе условием, чтобы...» [Там же. С. 133]. 2) Причастие II, как и причастие I, может входить в состав абсолютных оборотов с обстоятельственным значением. Формы причастий в древнеисландском языке,

особенно в составе абсолютных оборотов, чаще встречаются в литературе «ученого стиля», тогда как в иных текстах полупредикативные причастные конструкции употребляются реже аналогичных по смыслу сложноподчиненных предложений [Там же. С. 134].

В датском языке две формы причастия: причастие I и причастие II.

Причастие I в латинском языке эквивалентно *Participium praesentis activi*, а в русском языке эта форма соответствует причастию настоящего времени действительного залога. Образуется причастие I от основы глагола с помощью суффикса *-ende-*: *at tale* – «говорить», *talende* – «говорящий». Это причастие, как правило, не образуется от модальных, отложительных и безличных глаголов и является неизменяемой формой [Новакович, 1996, с. 423].

Причастие I употребляется для выражения длительного или незавершенного действия, одновременного действию основного глагола. В предложении оно может выполнять различные функции: 1) Определения: *en dansende pige* – «танцующая девушка». 2) После глаголов *blive*, *komme*, *have* причастие I употребляется как предикативное определение: *bogen blev liggende på bordet* – «книга осталась лежать на столе». 3) Причастие I может использоваться как именная часть сказуемого: *hun er rasende på ham* – «она очень зла на него». 4) Это причастие может выполнять функцию обстоятельства, в данном случае оно обычно имеет значение добавочного действия и переводится на русский язык деепричастием *hæren drog ind i landet, spredende død og ødelæggelse* – «армия вторглась в страну, сея смерть и разрушения» [Там же. С. 424].

В латинском языке датскому причастию II во многом аналогично *participium perfecti passivi*. В переводе на русский язык оно обычно соответствует страдательному причастию прошедшего времени. Датское причастие II от глаголов первой группы образуется посредством присоединения к основе суффикса *-et-*: *at bo* – «жить», *boet* – «прожитый»; от глаголов второй группы данная форма образуется от основы с помощью суффикса *-t-*: *at tale* – «говорить», *talt* – «сказанный»; у глаголов третьей группы меняется корневая гласная и присоединяется суффикс *-t-*: *at sige* – «сказать», *sagt* – «сказанный»; у глаголов

четвертой группы меняется корневая гласная и прибавляются суффиксы *-t-* или *-et-*: *at skrive* – «писать», *skrivet* – «написанный». Причастие II имеет формы единственного и множественного числа. В зависимости от грамматических характеристик глагола (переходности / непереходности, предельности / неопределенности) это причастие может иметь различные залоговые и видовременные значения [Там же. С. 397].

Причастие II, как и его эквивалент во многих индоевропейских языках, используется в качестве именного компонента для образования временных форм действительного и страдательного залога. Это же причастие может употребляться в качестве определения и именной части составного именного сказуемого: *et bygget hus* «построенный дом» или «дом построен» [Там же. С. 425].

В **шведском** языке зафиксировано две формы причастий: 1) Причастие I называется презентным и образуется от основы глагола с помощью суффиксов *-ande-*, *-ende-*: *en lekande flicka* – «играющая девочка», *en syende kvinna* – «шьющая женщина». Это причастие существует в неизменяемой форме и, как правило, имеет значение активного залога. Оно обозначает действие, одновременное действию главного глагола: *Han hörde dånet av bristande is* – «Он слышал грохот ломавшегося льда». На русский язык это причастие переводится действительным причастием настоящего и прошедшего времени. 2) Причастие II называется перфективным причастием, оно образуется от той же основы, что и супин посредством суффиксов *-d-*, *-t-*, *-dd-*, *-en-*: *älskad* – «любимый», *läst* – «прочитанный». Это причастие склоняется по принципу прилагательных, то есть изменяется по числам, родам (общий и средний) и падежам (Общий и Родительный). В форме среднего рода причастие II, как и его латинский аналог *Participium perfecti passivi*, часто совпадает с супином. Причастия II, образованные от переходных глаголов, всегда имеют пассивное значение. Если данная форма образована от непереходного глагола – активное значение: *Ett utflugnet ord kommer aldrig igen* – «**Вылетевшее** слово не возвращается» [Маслова-Лашанская, Толстая, 2005, с. 279].

В **норвежском** языке существует две причастные формы: причастие I и причастие II.

Причастие I – это причастие настоящего времени действительного залога. Оно образуется от основы инфинитива с помощью суффикса *-ende-*: *å lese* – «читать», *lesende* – «читающий», *å ga* – «идти», *gående* – «идуший». Эта форма может передавать значения деепричастия несовершенного вида: *han sier det smilende* – «он говорит это, улыбаясь». В предложении причастие I может быть определением: *en lessened elev* – «читающий ученик», именной частью сказуемого: *hunden er rasende* – «собака взбесилась», обстоятельством: *han kom inn gråtende* – «он вошел плача» [Лукашова, 2013, с. 154].

Причастие II – это причастие прошедшего времени страдательного залога. Оно образуется от основы инфинитива с помощью окончаний *-et, -t, -d, -dd*: *å kaste* – «бросать», *kasted* – «брошенный», *å lese* – «читать», *lest* – «прочитанный». У отложительных глаголов данная форма может совпадать с инфинитивом. Данная форма не изменяется по родам, а в форме множественного числа имеет окончание *-e*. В предложении причастие II выполняет функции определения: *den oppspiste suppen* – «съеденный суп» и именной части составного сказуемого: *suppen er oppspist* – «суп съеден». Эта форма также употребляется для образования сложных временных форм глагола: перфекта, плюсквамперфекта, будущего II, страдательного залога и инфинитива II [Там же. С. 154].

В **немецком** языке существует две формы причастия: Partizip I (причастие I) и Partizip II (причастие II) [Щур, 1996, с. 32]:

1) Причастие I, как правило, выражает длительное незавершенное действие, одновременное действию спрягаемого глагола. Оно образуется от основы инфинитива с помощью суффиксов *-end-, -nd-*. В предложении причастие I может употребляться в полной форме в качестве определения [Заиченко, 2005, с. 26], согласуясь с определяемым словом в роде, числе и падеже: *Das lesende Mädchen sitzt am Tisch* – «Читающая девочка сидит за столом». В краткой форме это причастие может выполнять функцию обстоятельства: *Das Mädchen sitzt lesend am Tisch* – «Девочка сидит за столом, читая» [Нарустранг, 2003, с. 164].

Конструкция причастие I от переходных глаголов + zu передает значение долженствования. Ее можно сравнить с конструкцией sein + zu + инфинитив. Das **zu untersuchende** Verbrechen war gegen die Gesellschaftsordnung gerichtet (причастие). Das Verbrechen, das **zu untersuchen** ist, war gegen die Gesellschaftsordnung gerichtet (инфинитив). «Преступление, которое должно быть расследовано, было направлено против общественного строя»; «Расследуемое преступление было направлено против общественного строя»; «Подлежащее расследованию преступление было направлено против общественного строя» [Марфинская, Монахова, 2001, с. 66].

2) Причастие II участвует в образовании сложных временах форм глагола, образуется от основы глагола с помощью префикса *ge-* и суффиксов *-(e)t-* (для слабых глаголов) и *-en-* для сильных глаголов. В предложении это причастие в полной форме может выполнять атрибутивную функцию, согласуясь с существительным в роде, числе и падеже: Die eingeladenen Gäste wurden von der Bahnstation abgeholt – «Приглашенных гостей встретили на станции». В атрибутивной функции это причастие, как правило, соответствует русскому страдательному причастию прошедшего времени. Если причастие образовано от непереходного глагола, оно может иметь активное значение: Die **eingetroffene** Delegation wurde im Hotel “Astoria” untergebracht – «Прибывшую делегацию разместили в отеле «Астория» [Нарустранг, 2003, с. 166].

Немецкое причастие, как и причастия в других языках, могут субстантивироваться: der (die) Gelehrnte – «ученый», «ученая»; der (die) Verwandte – «родственник», «родственница» [Там же. С. 167].

Причастия I и II с зависимыми словами могут составлять распространенное определение: **Der** dem Schriftsteller gewidmete **Abend** war interessant – «Вечер, посвященный писателю, был интересен». Некоторые причастные обороты немецкого языка могут быть переведены на русский язык деепричастными оборотами: **In den Studienraum kommend**, begrüßt der Dozent die Studenten – «Приходя в аудиторию, преподаватель здоровается со студентами» [Марфинская, Монахова, 2001, с. 68].

В **английском** языке существуют две причастные формы: 1) Причастие I на *-ing* по форме совпадает с другим глагольным именем – герундием. Причастие I и герундий как бы представляют две стороны одного глагольного имени: герундий – субстантивную, причастие – адъективную; различие этих форм определяется на функциональном уровне. Причастие I имеет те же, что и герундий, временные и залоговые формы: *asking* (основной разряд действительного залога), *being asked* (основной разряд страдательного залога), *having asked* (перфект действительного залога), *having been asked* (перфект страдательного залога) [Иванова [и др.], 1981, с. 83].

Основные синтаксические функции причастия I – атрибутивная и адвербиальная [Лобовская, 2005, с. 69]. В атрибутивной функции причастие I может употребляться в препозиции и в постпозиции к определяемому слову. Во втором случае причастие всегда распространено зависимыми словами: *There were stone steps leading to a terrace* – «На террасу вели каменные ступени». Аналитические формы этого причастия обычно употребляются в функции именной части составного именного сказуемого: *The realisation was rather disconcerting. He can be **amusing** and he's a scholar* – «Осознание было довольно удручающим. Он может быть забавным и он ученый» [Иванова [и др.], 1981, с. 83].

Причастие I может употребляться в функции обстоятельства [Храмова, 2003, с. 160], причем причастия основного разряда обычно обозначают действие, предшествующее действию основного глагола: *Roy was standing at his upright desk, reading a manuscript* – «Рой стоял за своим бюро, читая рукопись». Перфективные формы причастий обозначают действие, предшествующее действию спрягаемого глагола: *Having ushered Battle into a small room... Miss Amphrey withdrew* – «Проводив Баттла в маленькую комнату... мисс Амфрей удалилась». Причастие I, как и аналогичные ему причастные формы в иных индоевропейских языках, может употребляться в качестве «логического сказуемого» в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением: *Then, his*

temper boiling over, he made a tactical mistake – «Затем, когда он вышел из себя, он допустил тактическую ошибку». Эта форма английского причастия также может использоваться в качестве «логического сказуемого» в оборотах со значением сложного дополнения: It harassed me to see this proud man humiliating himself – «Это было для меня оскорбительным увидеть этого гордого человека унижающимся» [Иванова [и др.], 1981, с. 84].

2) Причастие II имеет только одну форму (перфекта или пассива). Оно употребляется как определение к существительному или входит в состав сложных временных форм глагола: As he passed a darkened shop doorway, a hand reached out. An artistically arranged bowl of flowers stood on... an oak chest. I am not **qualified** to express an. opinion. 'It's all so safe, and **civilised** and cosy,' she went on. But there are nights when Jago sat silently in hall, his face white, **ravaged** – «Когда он шел темной дверью магазина, ему протянули руку. Художественно оформленная ваза с цветами стояла на дубовой подставке. Я наделен правом выражать мнение». «Это все так безопасно, цивилизованно и уютно», – продолжала она. Но иногда ночами Яго молча сидел в холле, бледный, сломленный» [Там же. С. 83].

Причастие II, как и причастие I, может употребляться в качестве «логического сказуемого» в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением: **Supper finished**, they hung mosquito nets from overhanging branches – «Они повесили противомоскитные сетки с ветвей над собой, закончив ужин» [Там же. С. 84].

В кельтских языках употребляется сравнительно небольшое количество причастий. В значении причастий также могут использоваться глагольные имена действия в сочетании с предлогами.

Наиболее распространенная причастная форма – это страдательное причастие претерита. В ирландском, корнском и бретонском языках эта форма образуется посредством прибавления к корню суффикса *-tio-*: bi-the – «ударил», ad-nach-te – «погребен», claisse – «вырыт» (ирл.); keris – «любил», beneges – «благословен» (корн.); hanuet – «назван» (ср.-брет.); в валлийском языке

некоторые причастия претерита были субстантивированы: *dymaid* – «горсть» [Льюис, Педерсен, 2002, с. 357]. Описательные формы глагола в новоирландском, корнском и бретонском языках образуются с помощью причастия на *-tjo-*: *ta se deanta agam* – «я сделал это» (нов.-ирл.); *Cryst a fue lythys garow* – «Христос, который был жестоко убит» (корн.); *kared oup* – «я любим» (нов.-брет.); *en detieuh groaet* – «он сделал» (ср.-брет.) [Там же. С. 357].

Некоторые сочетания глагольного имени действия с предлогом также могут употребляться в качестве причастий или деепричастий: *os nertad* – «утверждающий», «утверждая» (др.-ирл.); *up myned* – «идуший», «идя» (вал.). В валлийском языке глагольное имя действия с предлогом *ar* может принимать значение причастия будущего времени и передавать оттенок намерения: *yr wyf ar fyned* – «я собираюсь уходить». В средневаллийском предлог *gwedy* и в нововаллийском предлог *wedy* – «после» с сочетанием с именем действия приобретают значение причастий прошедшего времени: *y mae gwedy mynet* – «он ушел». Иногда сочетания глагольного имени действия с предлогом рассматриваются как эквиваленты абсолютных оборотов с обстоятельственным значением и могут употребляться вместо обстоятельственных придаточных конструкций: *val y bygynt* – «когда они шли» (ср.-вал.). В древней средневаллийской поэзии глагольное имя действия в независимом предложении может иметь значение причастия настоящего времени или прилагательного: *gwingar gwar guironet kedwi* – «благородный, благословенный, правдолюбивый родич» [Там же. С. 362].

В латинском языке итальянской ветви существуют три причастные формы: 1) Причастие настоящего времени действительного залога образуется от основы настоящего времени с помощью суффиксов *-nt-*, *-ent-*, который проявляется в косвенных падежах: *ornans* – «украшающий, ая, ое», «украшая» (И. п.) – *ornantis* (Р. п.). Это причастие передает значение одновременности действию спрягаемого глагола. 2) Причастие прошедшего времени страдательного залога образуется от основы супина с помощью родовых окончаний *-us* (м. род), *-a* (ж. род), *-um* (с. род): *ornatus, a, um* – «украшенный, украшенная, украшенное», «украсив». Эта

форма передает значение предшествования действию спрягаемого глагола. Иногда данное причастие может иметь активное значение: Hannibal Alpes superatus – «Ганнибал, перешедший Альпы». Первый и второй типы латинского причастия могут употребляться как «логическое сказуемое» в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением. 3) Причастие будущего времени действительного залога образуется от основы супина с помощью суффикса *-ur-* и родовых окончаний *-us* (м. род), *-a* (ж. род), *-um* (с. род): *ornaturus, a, um* – «собирающийся, -яся, -ся украшать», «собираясь украшать». Это причастие передает намерение совершить действие. Оно в сочетании с временными формами глагола «быть» участвует в образовании форм описательного спряжения действительного залога: *Epistulam scriburus sum* – «Я намерен написать письмо» [ЛЯ, 2000, с. 113]. Подробнее употребление латинского причастия освещается в разделах, посвященных сопоставлению индоевропейских и семитских языков. Таким образом, в латинском языке основными являются формы причастий I и II, как и в германских языках, но также употребляется причастие будущего времени, которое передает значение намерения совершить действие. Так, причастие будущего времени дифференцируется от форм герундива, который может иметь значение долженствования.

В **романских** языках, как правило, существует одна (румынский, испанский, португальский) или две (итальянский, французский) причастные формы. Значения отсутствующих причастных форм (чаще это причастие I настоящего времени) реализуются за счет значений других глагольных имен, в частности герундива.

В **румынском** языке существует только одна форма причастия – причастие прошедшего времени. Это причастие образуется от инфинитивной основы с помощью суффикса *-at-* / *-ut-* / *-s-*: *a face* – «делать», *făcut* – «сделанный», *a veni* – «приходить», *venit* – «пришедший». Причастия, образованные от переходных глаголов, имеют пассивное, а от непереходных – активное значение. Причастие всегда согласуется с существительным в роде и числе; в предложении оно может употребляться в качестве определения и именной части сказуемого. В сочетании с

глаголом *a fi* – «быть» причастие составляет пассивную конструкцию [Заюнчковский [и др.], 1982, с. 122].

В итальянском языке существуют две причастные формы: *Participio presente* – причастие настоящего времени и *Participio passato* – причастие прошедшего времени. 1) Причастие настоящего времени образуется от основы инфинитива с помощью окончаний *-ante*, *-ente*. В русском языке эта форма соответствует причастию настоящего времени действительного залога: *lavorante* – «работающий». Эта форма может употребляться в качестве именной части составного именного сказуемого: *Due studentesse sono assenti* – «Две студентки отсутствуют». 2) Причастие прошедшего времени образуется от основы инфинитива с помощью окончаний *-ato*, *-uto*, *-ito*. На русский язык эта форма обычно переводится причастием прошедшего времени страдательного залога: *lavorato* – «сработанный». *Participio passato* используется для образования сложных временных форм глагола [Черданцева, Карулин, 2000, с. 164].

В испанском языке существует только одно причастие прошедшего времени. Оно образуется от основы инфинитива посредством окончаний *-ado*, *-ido*: *cerrar* – «закрывать», *cerrado* – «закрыт», *construir* – «строить», *construido* – «построен» [Качмазова, 2006, с. 26]. По сути, это причастие эквивалентно причастию прошедшего времени страдательного залога. У некоторых глаголов в испанском языке образуется и другая форма причастия прошедшего времени с суффиксом *-to*-. Эта форма считается нерегулярной и имеет значение существительного или прилагательного: *nacer* – «рождаться», *nacido* – «рожденный», *nato* – «уроженец». Регулярная форма причастия в сочетании с вспомогательным глаголом *haber* образует сложные временные формы: *Todavía no hemos visitado El Prado* – «Мы еще не побывали в Прадо». В сочетании с глаголом *ser* причастие образует формы страдательного залога, при этом причастие изменяется по числам и родам: *la línea está ocupada* – «линия занята» [Ленская, 1974, с. 67].

В современном **португальском** языке сохранилась только одна форма причастия – страдательное причастие прошедшего времени [Антонов, 2004, с. 123]. В предложении оно может выполнять функцию определения или именной части сказуемого, согласуясь с определяемым словом в числе и роде: *a carta escrita* – «написанное письмо»; *a janela está aberta* – «окно открыто». Причастие, так же, как и во многих других индоевропейских языках, используется для образования сложных временных и залоговых форм глагола: *esta casa foi construída* – «этот дом был построен в прошлом году» (пассивный залог). Если причастие образовано от непереходного глагола, оно имеет активное значение: *Chegados a casa, todos estavam a sua espera* – «Когда они приехали домой, все их ждали» [Нечаева, 2009, с. 187]. Подобные конструкции можно рассматривать как абсолютные обороты с обстоятельственным значением.

Во **французском** языке существуют две формы причастий: *Participe présent* и *Participe passé*. Их также называют причастие I и причастие II [Каменева, 2004, с. 108]. Причастие II различает категории числа. Причастие I имеет формы действительного (*fermant*), возвратного (*se ferment*) и страдательного (*étant fermé*) залогов. Первичная функция причастий – атрибутивная, при этом могут передаваться дополнительные обстоятельственные оттенки (условия, уступки, причины, образа действия): *Maurice, exaspéré de fièvre, sortit d'un saut brusque* – «Морис, страдающий лихорадкой, резко вскочил». [Гак, 2000, с. 199]. Вторичная функция причастия – предикативная, которая реализуется в следующих синтаксических ситуациях: 1) Причастие может употребляться в абсолютных причастных оборотах: *La cour d'assises évitée, il respire* – «Избежав суда присяжных, он вздохнул свободно». 2) В назывных предложениях: *Routine bousculée* (заголовок в газете). 3) В предложениях, примыкающих к глагольным: *Et dans l'auto, entrant dans l'auto, sortant de l'auto* – «В машине, садясь в машину и выходя из машины» [Там же. С. 199].

Во всех языках «западного» направления развития причастие II или единственное причастие прошедшего времени, а также причастия прошедшего времени в части языков «восточного» направления используются для образования

сложных временных форм глагола, что берет свое начало еще в древнейших дешифрованных языках.

3.1.3. Причастие в древних и новых семитских языках: типологический обзор

В наиболее древнем из семитских языков, **аккадском**, зафиксирована одна причастная форма. Это активное причастие, не имеющее категорий вида и времени. Однако это причастие может склоняться, различает формы рода и числа и от нее могут быть образованы формы статива.

В **аккадском** языке причастия образуются от всех глагольных пород, для этого глагольного имени характерен гласный *-i-* перед последним корневым согласным, который может выпадать перед окончанием, начинающимся на гласный. Кроме причастия от породы I (модель *pārisum*) остальные причастия имеют префикс *-tu-*. (Этот префикс изредка встречается и у причастий от глаголов I породы) [Каплан, 2006, с. 81]. Аккадские причастия всегда имеют активное значение, но не различают категорий времени и вида: *lā wālittum* – «бесплодная (букв. «не рожаящая») женщина». Часто причастие с окончанием *-ānu(m)* субстантивируется и употребляется для обозначения действующего лица: *(w)ālidu(m)* – «создатель» [Там же. С. 82]. Причастия обладают способностью к склонению, различают формы рода и числа. Они могут употребляться в сопряженном сочетании с последующим Родительным падежом: *mušalbiš warqim gīgunē^d aja* – «одевший зеленью святилище богини Айи». Причастия управляют дополнением в Родительном падеже, который часто переводится на русский язык Винительным: *rāliḥ ilī* – «почитающий богов» [Липин, 1964, с. 103]. От причастий может образовываться форма статива: *Be-el-ti-ma-gi-ra-at* – «Моя госпожа благоволит» [Каплан, 2006, с. 82]. Глаголы состояния, образованные от прилагательных в породе I, причастий не имеют [Липин, 1964, с. 104].

В ходе дальнейшего исторического развития семитских языков можно отметить появление двух основных причастных форм, наличие которых

фиксируется уже в **древнееврейском** языке. Первая форма – активное причастие, во многом аналогичное индоевропейскому причастию действительного залога настоящего времени в языках «восточного» типа или причастию I в «западных» языках. Основным его отличием от аналогичной индоевропейской формы является то свойство, что древнееврейское (и, в целом, общесемитское) активное причастие употребляется в качестве и вместо спрягаемой формы глагола настоящего времени, так как в древнееврейском языке (и в некоторых других языках, например в древней форме арамейского) отсутствует спрягаемая форма глагола настоящего времени. Пассивное древнееврейское причастие во многом соответствует индоевропейскому причастию прошедшего времени страдательного залога языков «восточного» типа и причастию II языков «западного» типа. Основным отличием древнееврейского (и, в целом, общесемитского) пассивного причастия от индоевропейских аналогов является то, что оно широко не используется для образования сложных временных глагольных форм (для семитских языков больше характерны синтетические формы прошедшего времени глагола). Причастные формы, аналогичные причастиям древнееврейского языка, употребляются также в современном иврите, угаритском, классическом сирийском, классическом мандейском языках и в языке туройо. В арамейском языке активное причастие в ходе исторического развития было преобразовано в спрягаемую форму глагола настоящего времени, что осуществилось путем присоединения к нему местоименных суффиксов и превращения их в личные глагольные окончания.

В **древнееврейском** языке, равно как и в **современном иврите**, существуют две формы причастия: активная и пассивная, которые изменяются по родам и числам. 1) Активное причастие образуется по модели *kōtēb* и передает значение причастия настоящего времени действительного залога: *kōtēb* – «пишущий», *hōlēk* – «идущий». Данное причастие и в библейском и в современном иврите употребляется вместо спрягаемой формы глагола настоящего времени: *kōtēb* – «пишет», *hōlēk* – «идет», так как спрягаемой формы настоящего времени в этих языках нет. Активное причастие может быть субстантивировано:

yóshēb – «живущий», «житель». 2) Пассивное причастие образуется по модели kátûb и чаще передает значение причастия прошедшего времени страдательного залога: kátûb – «написанный», bānûy – «построенный». От непереходных глаголов эта причастная форма образуется редко. Пассивное причастие употребляется как в функции определения: haish heharug – «убитый человек», так и в качестве сказуемого, заменяя собой спрягаемую форму глагола прошедшего (настоящего, будущего, в зависимости от контекста) времени: haish harug – «человек убит (был убит, будет убит)». Но в качестве сказуемого пассивное причастие употребляется реже, чем активная причастная форма [Ламбдин, 2000, с. 252]. Подробнее функции ивритских причастий освещаются в сопоставительном аспекте в соответствующих разделах настоящего исследования.

В угаритском языке существует два вида причастий, которые склоняются по принципу прилагательных. Причастия от основной глагольной породы не имеют специальных префиксов. Активное причастие образуется по модели qātīl: aḥd – «держать», 'aḥidu – «держающий», spru – «кушать», sāpī'u – «кушающий». Пассивное причастие основной породы образуется по модели qatûl: ḥrb – «точить», ḥarbu – «отточенный». Вместе с этими формами употребляется форма, аналогичная арабской модели пассивного причастия maqtûl: mdd – «любить», mōdūdū – «возлюбленный» [Сегерт, 1965, с. 63].

Угаритские причастия от производных глагольных пород имеют характерный префикс *m-*: mklj – «разрушать», makallija – «разрушающий» [Там же. С. 64].

В более древних памятниках **арамейского** языка активное причастие, как и в библейском иврите, употребляется в качестве настоящего времени глагола. В более поздних памятниках активное причастие сливается с местоименными суффиксами в единую форму. Чаще всего это происходит в форме 1-го лица, когда прибавляются суффиксы *-na-*, *-nān-*: rāhēmna – «я люблю». В форме 3-го лица местоименный суффикс у причастия отсутствует: lbenjānā **damjā** – «она подобна зданию». Пассивное причастие стало основой для образования описательной формы прошедшего времени, в этом случае в постпозиции к

причастию употребляется предлог *l* с местоименными суффиксами: š(e)mī lī – «я слышал». Для выражения преждепрошедшего времени к этой причастной форме присоединяется глагол h(a)ṣā – «был»: š(e)mī ‘(h)ṣā lān – «мы слышали (раньше)» [Гранде, 1998, с. 247].

В классическом **сирийском** языке употребляются две формы причастий: активное причастие – в качестве глагольной формы настоящего времени: mṣīm(ā) – «он / она поднимает»; пассивные причастия выражают значение результата действия: ktīb – «написано». В русском языке эта форма во многом соответствует причастию прошедшего времени страдательного залога [Лёзов, 2009, с. 593].

В классическом **мандейском** языке причастие имело две формы: активное причастие, согласуясь с существительным, передает значение настоящего времени: kul man **d-iahib nasib** – «всякий, кто дает, забирает»; пассивное причастие употребляется в составе формы перфекта: **hzi-lia** – «я увидел их», (букв.) «увидены они у меня» [Немировская, 2009, с. 642].

В языке **туройо** активное причастие может употребляться как определение или субстантивироваться и передавать значение имени деятеля: mhalxopo – «ходящий пешком», marḥmopo – «милостивый». Пассивное причастие передает значение законченности и обычно переводится на русский язык причастием прошедшего времени страдательного или действительного залога: yalifo – «изученный», manšfo – «высохший» [Коган, Лёзов, 2009, с. 778].

Причастия в **арабском** и **эфиопском** языках не всегда могут образовываться от всех типов глагольных основ и выделяться в самостоятельную грамматическую категорию. Причастные формы в этих языках плохо дифференцированы от прилагательных и глагольных имен деятеля.

В **арабском** языке причастие характеризуется как неличная форма глагола, семантически и морфологически близкая к имени прилагательному. Арабское причастие не всегда выделяется в особую грамматическую категорию. В качестве причастий можно рассматривать некоторые значения арабского глагольного имени: 1) Имя действующего или имя деятеля, которое образуется от глаголов в форме действительного залога, аналог индоевропейского причастия настоящего

времени действительного залога: *kyataba* – «писать», *kátibun* – «пишущий»; *'arafa* – «знать», *'arifun* – «знающий»; *fataha* – «открывать», *fátihun* – «открывающий». 2) Имя поддейственного или имя объекта действия, которое образуется от глаголов в форме страдательного залога, представляет собой аналог индоевропейского страдательного причастия прошедшего времени: *kyataba* – «писать», *maktúbun* – «написанный»; *'arafa* – «знать», *ma 'rufun* – «известный»; *fataha* – «открывать», *maftúhun* – «открытый» [Болотов, 2009, с. 50].

Арабское причастие, как и активное причастие в иврите, имеет двойственную природу. Оно может употребляться в качестве определения к существительному: *radzhulun ma 'rufun* – «известный человек», и может использоваться как сказуемое, передавая значение настоящего времени глагола: *kátibun* – «пишущий», *ana kátibun* – «я пишу»; *fáhimun* – «понимающий», *huwa fáhimun* – «он понимает». Причастия действительного залога легко субстантивируются: *kátibun* – «пишущий», «писатель»; *'amilun* – «работающий», «рабочий» [Там же. С. 50].

В предложении арабское причастие может выполнять следующие синтаксические функции: 1) Атрибутивную: *kyátibun mashhúrun* – «известный писатель»; *tálibun mudzhtahidun* – «интересная статья». 2) Причастие как сказуемое именного предложения: *hiya 'amilatun* – «она работает»; *huwa kádirun 'aiya thalika* – «он способен на это». 3) Знаменательная часть составного сказуемого: *kyana kádiran 'aiya thalika* – «он был способен на это»; *kánat mudzhtahidatan fid-dirásati* – «она была прилежной в учебе». 4) Подлежащее: *daḥalyal' ummalyul' masna 'a* – «Рабочие вошли на завод» [Там же. С. 51].

В отрицательных формах модальных конструкций с прилагательными или причастиями употребляется частица *'airun*: *min 'airil' ma 'rufi anna...* – «неизвестно, что...» Причастие может быть распространено зависимыми словами, в результате чего получают причастные обороты. *Daḥalyal' 'urfata radzhulun lyabisun badlytan sawdáa* – «в комнату вошел мужчина, одетый в черный костюм». *Shikkatuna mutakawwinatun min arba i 'urafin* – «Наша квартира состоит

(состоящая) из четырех комнат». Usratuhú *mutaallifatun min hamsati afrádin* – «Его семья состоит (состоящая) из пяти человек» [Там же. С. 52].

В эфиопском языке причастия, в отличие от остальных семитских языков, не имеют регулярного образования от всех типов глагольных основ. Только часть глаголов (и лишь в некоторых глагольных породах) имеет закрепленные в языке причастные формы. Такие причастия, как и в арабском языке, чаще воспринимаются как обычные прилагательные или глагольные имена деятеля. Причастные формы, соответствующие активным причастиям семитских языков, образуются по модели qāṭel и часто имеют значение прилагательных или существительных: ṣādeq – «справедливый», kāhen – «священник». Причастные формы, соответствующие семитским пассивным причастиям, образуются по модели qeṭūl: ṣeḥūf – «написанный», lemūd – «обученный». Они также часто принимают значения существительных или прилагательных: gerūm – «страшный», berūr – «серебро». С помощью суффикса *-ta-* образуются причастия от производных основ: taṣajamī – «установленный». С помощью суффикса *-ī-* от глагольных основ также образуются имена со значением причастия или имени деятеля: nāzazaī – «утешитель». Причастные обороты часто заменяются аналогичными по смыслу атрибутивными придаточными конструкциями со спрягаемой формой глагола [Гранде, 1998, с. 421].

3.1.4. Предикативная функция русского причастия на -л- в контексте истории индоевропейских и семитских языков

История форм прошедшего времени глагола в русском языке показывает, что они ведут свое происхождение от аналитической формы перфекта. Старославянский перфект представлял собой сочетание настоящего времени глагола «бытии» с причастием на -л-. Это причастие, в отличие от иных причастных форм, обладало категориями лица и числа, но не склонялось [Войлова, 2003, с. 184]. В древнерусском языке вспомогательный глагол при использовании форм перфекта постепенно начал опускаться и, наконец, совсем

вышел из употребления, сконцентрировав персональность предложения только в подлежащем. «Уже в надписи 1068 г. на Тматороканском камне наблюдается отсутствие связки в 3-м лице единственного числа» [Черных, 1954, с. 243]. По мнению Т.П. Ломтева, утрата глагола-связки началась с 3-го лица, и потом это явление распространилось на 1-е и 2-е лицо. Перфект без «бытии» при 3-м лице субъекта уже широко употреблялся в XIII в., 1-е и 2-е лицо вспомогательного глагола встречалось в данной форме вплоть до XVI–XVII вв., «по крайней мере, в литературной речи» [Ломтев, 1956, с. 45].

Утрату форм вспомогательного глагола в прошедшем времени можно объяснить отчасти избыточностью указаний на лицо: в сложных глагольных формах эту функцию выполняют и подлежащее, и вспомогательный глагол. Однако можно предположить, что причастие на -л- (или аналогичная ему форма) в дописьменную эпоху славянских языков уже функционировало в качестве простого глагольного сказуемого для выражения простых форм прошедшего времени без вспомогательного глагола. Иными словами, единая синтетическая форма прошедшего времени действительного залога, которая существует в современном русском языке, или нечто на нее похожее, могла предшествовать появлению аналитических форм, во всяком случае в устной речи. В подтверждение данной гипотезы можно предложить сопоставительный анализ различных форм прошедшего времени в древних индоевропейских и семитских языках, что также поможет отчасти определить причины исторических изменений прошедшего времени в русском языке [Балута, 2011, с. 148].

А. Мейе считает, что причастие на -л- образовывалось параллельно действительному причастию прошедшего времени. Однако оно не являлось «старым причастием в собственном смысле слова, подобным причастию перфекта, которое развивается в славянское причастие прошедшего времени» [Мейе, 2000, с. 211]. Славянское причастие на -л- было предикативным. Подобный тип глагольного имени в какой-то мере был распространен по всей индоевропейской области, но редко преобразовывался в настоящие причастия. Причастия на -л встречаются в армянском языке, в тохарском [ТЯ, 1959, с. 97],

«кучийском»¹⁶. Однако за пределами этих языков употребляются лишь отдельные существительные и прилагательные на -л-, не образующие особых категорий. В общеславянском языке эти причастия, по мнению А. Мейе, использовались для образования сложных глагольных форм и в изолированном положении почти не употреблялись, «хотя следы этого и сохранились в производных типа “пришьльць” – pároikos, parepídēmos, parisēlutos. В историческую эпоху оно встречается уже крайне редко» [Мейе, 2000, с. 211]. Таким образом, можно предположить, что данный тип причастия в славянских языках более глубокого исторического пласта встречался вне состава сложных глагольных форм, а закрепился в этих формах только с появлением старославянских (переводных с греческого) письменных памятников [Балута, 2011, с. 150].

Как было отмечено выше, причастие на -л- в старославянском языке представляло собой уникальную несклоняемую форму, употребляемую в большинстве случаев только для образования сложных глагольных времен. Есть предположение, что эта глагольная форма ранее выступала в качестве имени деятеля [Ломтев, 1956, с. 209]. П.Я. Черных полагает, что это причастие прежде являлось чем-то «вроде отглагольного прилагательного от спрягаемого глагола» [Черных, 1954, с. 241]. «Возможно, что в языке фольклора в таких случаях, как “*пролегла* лежит широкая дороженька” (как бы: “*пролегая*” лежит), еще сохраняется память об употреблении этих форм в функции определения» [Там же. С. 241]. Таким образом, некоторые исследователи истории русского языка относят причастие на -л- к глагольным именам и выделяют его прежнее употребление в именной функции, еще до того, как эта форма стала употребляться преимущественно в составе сказуемого. Далее следует установить, как похожие именные формы употреблялись в древнейшем из дешифрованных шумерском языке, а позже – в древних и новых индоевропейских и семитских языках.

¹⁶ При этом среди исследователей тохарского нет однозначного мнения о классификации глагольного имени на -л-. Так, например, В. Краузе [ТЯ, 1959, с. 68] и И.А. Мельчук [Там же. С. 193] называют данную форму *герундивом*, основываясь на присущей ей семантике долженствования, в то время как Э. Бенвенист [Там же. С. 97] называет ее *причастием*.

В шумерском языке (который представляет агглютинативный тип и, вместе с тем, наиболее древнее языковое состояние) существовала уникальная форма глагольного имени, которая являла собой еще не определенное глагольное имя (причастие, инфинитив, герундий, отглагольное прилагательное), находящееся на границе между именем и глаголом; оно могло выполнять функцию сказуемого в именном предложении [Балута, 2011, с. 150]. Например, фразу *lú du-du-zu* можно переводить и именным, и глагольным вариантом: «человек, знающий бродяжничество» / «человек хождение-хождение знать» [Канева, 2006, с. 180]. И.Т. Канева называет подобные имена неличными формами глагола, в состав которых входил чистый глагольный корень или корень с суффиксом *-a-* [Там же. С. 179]. Уникальность этих форм заключалась в том, что древний глагольный корень одновременно сочетал в себе свойства имени существительного и глагола [Там же. С. 179]. Вероятно, такое именное образование можно считать за некий предикативный субстрат, который мог существовать в древнейшем состоянии различных индоевропейских и семитских языков и со временем развивал у себя и глагольные, и именные функции. Однако превалирование тех или иных функций в данном образовании приводило к тому, что в языках разных направлений это глагольное имя употреблялось либо в составе сложных временных форм с глаголом-связкой, либо самостоятельно выступало в качестве сказуемого в именных конструкциях [Балута, 2011, с. 151].

В санскрите широко были распространены именные предложения, где сказуемое представляет собой аористное причастие с суффиксом *-kta-* / *-ktavatu-*, одна из самых древних временных форм данного языка: *sa brāhmaṇaḥ chāgaṁ skandhe grhaṁ prasthitaḥ* – «Тот брахман, козла на плечо сделав, домой **отправился**»; *dhūrttāṣca chāgaṁ grhītvā tasya māṁsaṁ khāditavantah* – «Плуты же, козла схватив, его мяса **съели**» [ШС, Ч. II, с. 2–04]. Такие конструкции вместо привычных глагольных предложений доминировали в наиболее древних текстах гимнов и пословиц. При этом причастие на *-kta-* / *-ktavatu-* было склоняемой формой и согласовывалось с подлежащим в роде, числе и падеже [Балута, 2011, с. 9].

Возможность употребления особой причастной (или иной именной) формы вместо спрягаемой глагольной в качестве сказуемого предлагается считать признаком «восточного» направления развития языка. Отсутствие в языке такой возможности в силу каких-либо причин, соответственно, следует называть особенностью «западного» направления [Балута, 2011, с. 151].

В **хиндустани** форма сослагательного наклонения настоящего времени состоит из одного причастия настоящего времени спрягаемого глагола, связанного с личным местоимением. С внешней стороны Praesens Conjunctiv отличается от причастия только своим положением во фразе. Обычно выступает с условными союзами *agar* – «если», *jo* – «если», *jab* – «если»; в хинди यदि *yadi* – «если» и т.д., которым во второй части предложения соответствует соотнесительное местоимение *to* – «то» [Баранников, 1934, с. 88]. (Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в хинди условный союз практически аналогичен старославянскому [ССС, 1999, с. 207] и древнерусскому [Срезневский, Т. I, 2003, с. 807] условному союзу *ѣда*. То же самое можно сказать и о соотнесительном местоимении «то».) Примеры употребления сослагательного наклонения настоящего времени в хиндустани: *agar maiñ boltā* – «если бы я говорил», *agar ham bolte* – «если бы мы говорили» [Баранников, 1934, с. 88].

Особенностью употребления Praesens'a Conjunctiva в условных периодах хиндустани является его использование в протасисе конструкций, характеризующихся как *casus irrealis*. Сказуемое аподосиса при этом может иметь форму любого времени – настоящего, прошедшего или будущего: *agar maiñ jāntī*, *to maiñ bhī waisā hī kartī* – «Если бы я знала, то и я сделала бы так же» [Там же. С. 88]. Для многих индоевропейских языков в подобных конструкциях характерно употребление системы прошедших времен, например, в древнегреческом, латинском, старославянском, русском.

В языке **панджаби** причастие несовершенного вида могло употребляться в качестве общей формы условного наклонения: *je m̐ae jāgadā iā bahut cangiā hundā* – «если бы я бодрствовал, то было бы очень хорошо» [Толстая, 1960, с. 37].

В разговорной форме **сингальского** языка причастное имя общего действия I употребляется в качестве личных форм глагола настоящего и будущего времени. При этом глагольное имя представлено в неизменяемой форме, а лицо и число выражено с помощью личных местоимений: *tama liyanavā* – «я пишу», «буду писать»; *oba liyanavā* – «ты пишешь», «будешь писать»; *ovuhu liyanavā* – «они пишут», «будут писать» и т.д. [Белькович, 1977, с. 30]. Такое предикативное употребление причастного имени можно сравнить с использованием в качестве предиката причастия прошедшего времени на -л- в современном русском языке, а также функционирование активного причастия вместо формы настоящего времени глагола в иврите. Отличительной чертой сингальского причастного имени общего действия I можно назвать его полную неизменяемость, в то время как русское и ивритское причастия имеют морфологические показатели числа и рода.

В **древнегреческом** языке причастия, как правило, не выступали в функции сказуемого вместо спрягаемых глагольных форм и именные признаки в них доминировали. В качестве исключения из этого правила можно представить лишь употребление причастий в полупредикативных оборотах *Nominativus / Accusativus cum participio* (Именительный и Винительный падеж с причастием). Причастие занимало здесь место логического сказуемого и согласовывалось с логическим подлежащим в роде, числе и падеже: *Kuros epistrateúōn aggélletai* – «Сообщается, что Кир **идет войной** / **об идущем войной** Кире» [Козаржевский, 1998, с. 35]. Однако такие конструкции не имеют полного соответствия с тем вариантом употребления причастий, о котором говорилось выше, касательно русского языка и санскрита, так как полупредикативные причастные обороты *Nominativus / Accusativus cum participio* не являлись самостоятельными предложениями, а находились в зависимости от глаголов со значением «речи и мысли» и представляли собой, по сути, лишь развернутое дополнение или подлежащее [Балута, 2011, с. 152]. Кроме того, среди обилия всех причастных форм древнегреческого языка не существовало особой несклоняемой формы, в которой могли бы превалировать глагольные функции и которая могла бы со

временем заменить собой глагол. Это одна из причин, почему развитие временной системы греческого языка шло отлично от русской. Таким образом, по данному признаку греческий язык можно характеризовать как язык «западного» направления [Там же. С. 152].

В том же древнегреческом языке можно встретить и предикативное употребление некоторых форм причастий вместо спрягаемого глагола. К этому типу можно отнести несколько македонских надписей, где причастная форма встречается в независимом предложении, а спрягаемый глагол отсутствует. При наличии глагольного сказуемого такие причастия можно переводить деепричастиями, однако если глагола нет, считается возможным переводить причастие глаголом: **hupeisdexámenos** dé kai tò poleíteuma tón gunaikón en tois Heraíois... – «**принявший / приняв / принял** же и сообщество женщин на празднованиях Геры»; tò Héraion polutelṓs **kalésas** tò poleíteuma tōn gunaikōn, **dùs** dè hekaste metà tōn loipōn ex éthous anà dénariús a... – «от организаторов на праздник Геры **пригласивший / пригласив / пригласил** сообщество женщин, **давший / дав / дал** же каждой из остальных (которых одаривали) согласно обычаю по одному динарию...» [Epigraphes Ano Makedonias 1. Электронный ресурс].

Таким образом, можно предположить, что в древнегреческом языке также мог существовать тип именного предложения с аористным причастием в качестве сказуемого (хотя такие конструкции, скорее, были исключением из правила), но этот тип при наличии развернутой системы времен и наклонений со временем был вытеснен глагольным [Балута, 2011, с. 152].

Учитывая особенность греческого влияния при переводе первых письменных памятников на старославянский язык, можно высказать несколько предположений, почему в старославянском языке причастие на -л- зафиксировано только в несклоняемой форме. Во-первых, ранее это причастие могло склоняться, как в санскрите, но со временем утратило склонение, развивая глагольные функции. Во-вторых, несклоняемость причастия может указывать на следы агглютинативного строя в праславянском языке, когда к глагольному

корню присоединялся формант -л-, указывающий на прошедшее время. Со временем добавились флексии – показатели числа и рода. Сочетание двух функций в одном формообразовательном аффиксе, характерное для флективных языков, встречалось и в шумерском, например в спрягаемых глагольных формах [Канева, 2006, с. 27]. В-третьих, особенность наличия у причастия-глагола показателей рода и числа при отсутствии склонения можно соотнести с глагольными особенностями некоторых семитских языков, например иврита. Однако в данном случае стоит ограничиться лишь предположениями, так как о морфологическом состоянии дописьменной формы славянских языков известно немного.

В латинском языке, который представляет собой образец «западного» типа, не была реализована возможность употребления особой причастной формы вместо спрягаемой глагольной в качестве сказуемого. Это произошло потому, что древний предикативный субстрат оказался более сконцентрирован в форме инфинитива. Доказательством тому служит наличие в языке лишь полупредикативных инфинитивных оборотов *Accusativus / Nominativus cum infinitivo*. Причастные обороты, подобные греческим, скорее всего не могли образоваться здесь потому, что в латыни существовало лишь две причастные формы, тогда как система инфинитивов представлена шестью формами. Причастия, так же, как и в старославянском и в греческом, употреблялись для образования сложных глагольных форм системы перфекта страдательного залога, однако латинский перфект сочетал в себе также значение аориста. В процессе исторических изменений перфективное причастие не утратило глагольной связки, а лишь укрепило именные позиции, преобразовав аналитические формы сказуемых в составные именные [Тронский, 2001, с. 291]. Похожее явление можно наблюдать и в современных «западных» языках [Корлэтяну, 1974, с.184].

В семитских языках издавна система глагольных времен не представляла собой привычную для индоевропейских развитую структуру на базе трех основных форм: настоящее, прошедшее, будущее. «Глаголу во множестве семито-хамитских языков не присуща категория времени» [Вассоевич, 1998, с. 429].

Начиная с древнеегипетского, временная соотнесенность ограничивалась в основном понятием завершенности / незавершенности действия. Имя и глагол представляли собой две обширные категории слов, между которыми существовало глубокое морфологическое различие. Однако при этом категории имени и глагола обнаруживают глубокое взаимное проникновение, и часто можно установить во многих случаях происхождение глагольных форм из именных основ и, наоборот, многих имен из глагольных основ [Гранде, 1998, с. 180].

В семитских языках было две спрягаемые глагольные формы, которыми обозначается отношение к завершенности / незавершенности действия. В настоящее время эти формы также имеют отношение к обозначению времени. «Форма имперфекта, как обозначающая действие незавершенное, обычно употребляется для настоящего и будущего времени. На более поздних этапах, которые отражены в литературных памятниках, происходит грамматический сдвиг и вырабатываются формы для времен в собственном смысле [Балута, 2011, с. 153]. Так, в иврите более позднего (послебиблейского) периода форма имперфекта закрепилась за обозначением будущего времени, а для настоящего времени стала употребляться новая форма, образованная из местоимения и причастия, например: *'anī hōlēk* – «я иду», *'attā hōlēk* – «ты идешь», *hū hōlēk* – «он идет», *'anahnū hōl(e)kīm* – «мы идем» и т.д.» [Гранде, 1998, с. 190]. Следовательно, причастие настоящего времени в сочетании с именем или местоимением представляют собой форму именного предложения, где причастие, аналогично русскому причастию на -л-, выполняет функцию сказуемого. По мнению Б.М. Гранде, «в библейских текстах такие сочетания встречаются для обозначения действия в настоящем, иногда незаконченного действия в прошлом; в более позднее время, а также в современном литературном языке эти сочетания являются грамматической формой настоящего времени глагола, в то время как старый имперфект обозначает будущее время, а перфект – прошедшее время, независимо от завершенности или незавершенности действия» [Там же. С. 190].

Таким образом, можно заключить, что в некоторых семитских языках причастная форма, употребляемая для обозначения настоящего времени вместо

спрягаемой глагольной формы, в ходе исторического развития заняла промежуточное положение между действием завершённым или незавершённым. Эту форму отчасти можно сопоставить с употреблением причастия прошедшего времени в индоевропейских языках, однако настоящее время данной формы является особенностью именно семитских языков. Главным же различием между семитским причастием настоящего времени и индоевропейским причастием прошедшего времени на -л- можно считать то, что первое, слившись уже в арамейском языке с местоимением (которое потом превратилось в суффикс), преобразовалось в спрягаемую форму настоящего времени, а второе сохранилось в самостоятельном употреблении после распада сложных глагольных форм. Хотя, как было сказано выше, причастие на -л- в дописьменную эпоху уже могло быть в употреблении в качестве сказуемого и без глагола-связки [Балута, 2011, с. 153].

Включение причастия на -л- в состав сложных глагольных форм, что можно увидеть в первых письменных памятниках на старославянском языке, отчасти можно объяснить южнославянским влиянием, когда славянская грамматическая система несколько «подстраивалась» под греческую. Таким же образом объясняется возникновение в старославянском и церковнославянском языках несвойственных им полупредикативных инфинитивных оборотов, которые тоже впоследствии были утрачены. П.Я. Черных утверждает, что некоторые (южнославянские) языки «до сих пор сохраняют (с незначительными изменениями) ту систему прошедших времен, которая некогда была общей для всех славянских языков. Так, например, в сербском языке имеется аорист, и имперфект, и перфект, и плюсквамперфект обоих видов, и прошедшее время условного наклонения. Впрочем, и в сербском языке, даже в литературном, формы аориста и особенно имперфекта вытесняются формами прошедшего сложного. То же явление наблюдается и в болгарском языке» [Черных, 1954, с. 247].

В различии исторического развития временных форм глагола можно заметить характерные черты «западного» и «восточного» индоевропейских направлений: те славянские языки, где преобладают сложные формы прошедшего

времени, равно как и латынь, и греческий, в данной области тяготеют к «западному» направлению развития, а языки, где причастие может в простом предложении выполнять функции сказуемого без глагола-связки (санскрит, русский), принадлежат к «восточному» направлению. Само же «восточное» направление индоевропейской языковой семьи в области употребления причастия-сказуемого имеет некоторую аналогию с семитскими языками [Балута, 2011, с. 153].

3.1.5. Синтаксические функции причастия с суффиксом *-kta-* в санскрите

Причастия с суффиксом *-kta-* в санскрите являются пассивными причастиями прошедшего времени. Они образуются от простой основы глагола (слабый вид корня), которая совпадает с основой простого аориста, поэтому в данном исследовании они называются *аористными* причастиями. Частотность употребления этих причастий в санскрите высока, так как данная форма может образовываться практически от любого глагольного корня, у некоторых глаголов она употребляется в активном, медиальном и пассивном значении, например, *gam* – «идти», *gata* – «ушедший, прошедший, пройденный» [Балута, 2011, с. 9]. Кроме того, это причастие обладает рядом уникальных синтаксических особенностей, которые освещаются в данном разделе.

Первой синтаксической особенностью причастия на *-kta-* можно считать возможность его употребления вместо спрягаемой глагольной формы без глагола связки в качестве сказуемого: *bālakah bhītaḥ* (мальчик испугался); *sādhavāḥ strātāḥ* (мудрецы искупались). Эта особенность причастия прошедшего времени имела место и в некоторых других индоевропейских и семитских языках. Например, в истории русского языка причастие прошедшего времени на *-л-*, употреблявшееся для образования сложных форм прошедшего времени глагола, со временем утратило свою глагольную связку и стало употребляться самостоятельно, вообще вытеснив из языка все сложные временные глагольные формы действительного залога (пример: старославянский: «коупиль есмь» –

современный русский: «я купил») [Балута, 2011, с. 10]. В аккадском языке было спрягаемое глагольное имя статив, которое могло употребляться для обозначения форм прошедшего времени [Каплан, 2006, с. 74]. Статив образовывался от причастия состояния, но являлся залогово-нейтральной формой и обычно имел пассивное значение. В основной функции выражал наступивший результат действия: *ṣab(i)t-āku* – «я схвачен / я схватил» [Дьяконов, 2006, с. 77]. Примечателен тот факт, что стативная форма причастия состояния входила в парадигму любого глагола. По мнению И.М. Дьяконова, форма, игравшая в аккадском роль статива, в остальных семитских языках со временем вытеснила старый перфектив (формы совершенного вида) [Там же. С. 88].

Второй особенностью является то, что причастие на *-kta-* может употребляться во всех трех видах залоговых конструкций санскрита:

1) *kartrivāśya* – действительная / медиальная конструкция (подлежащее – субъект действия или состояния): *sa graham prasthitaḥ* – «он домой **отправился**»;

2) *karmavāśya* – страдательная конструкция (подлежащее – объект действия): *tena idam uktam* – «это им было **сказано**»; *mayā candrā dṛiṣṭaḥ* – «луна мной **увидена**», – актуальна для непереходных глаголов;

3) *bhāvanāśya* – безличная конструкция (односоставное предложение, главный член – сказуемое в форме спрягаемого глагола (обычно в пассивном залоге) или причастия; есть указание на субъект действия или состояния в Instrumentalis (= Дательному или Творительному падежу в русском языке). Причастие на *-kta-* в безличных конструкциях употребляется в форме единственного числа среднего рода, не согласуясь, как обычно, с косвенным субъектом действия или состояния. Средний род и единственное число причастия на *-kta-* сохраняются при любой форме косвенного субъекта: *mayā ruditam* – «ей всплакнулось» = *sā ruditavatī* – «она заплакала». Подобную картину можно наблюдать в некоторых других индоевропейских языках, например в русском. В безличных односоставных предложениях может употребляться так называемая «безличная форма личного глагола», которая представляет собой глагол в прошедшем времени (бывшее

причастие на -л-) в форме среднего рода единственного числа: «Волна разбила лодку» – «Волной разбило лодку». Однако санскритское безличное предложение типа *taṃ guditam* больше соответствует тем русским безличным конструкциям, где вместо причастия на -л- употребляются слова категории состояния: «грустно, весело» и др.: «Мне грустно». Русское безличное предложение типа: «Волной разбило лодку» в санскрите не может быть безличным, так как безличные конструкции санскрита не предполагают наличие объекта (лодка). В санскрите эта конструкция будет передана пассивной, где объект будет согласован с причастием на -kta- (второй тип) в роде, числе и падеже, а субъект будет стоять в *Instrumentalis* [Балута, 2011, с. 11].

Третьей синтаксической особенностью причастия на -kta- можно назвать его возможность употребления в притяжательных «генетивных» притяжательных конструкциях, свойственных некоторым древним семитским языкам, например египетскому. И.М. Дьяконов полагает, что «в египетском языке первоначальные глагольные формы совершенно вытеснены именными конструкциями (посессивной и близкой к ним): «услышание его = он слышит / он услышал» [Дьяконов, 2006, с. 83]. В санскрите предложение такого рода с причастием на -kta- выглядит так: *Idam asmākaṃ abhimatam* – «Это наше **мнение** / Мы так **подумали**»; *Vidvān sarveṣaṃ puṇitaḥ* – «Мудрец всеми **уважаем** / Мудреца все **уважали**». Причастие здесь согласуется с субъектом. Подобные виды конструкций являются очень древними, так как их существование наблюдается еще в шумерском языке. Главным членом в них выступали глагольные имена на базе местоименного спряжения: *Ba-ba á-mi-ni-še* – «Когда богиня Баба идет», (букв.) «хождение-то-её» [Канева, 2006, с. 105].

Из представленных здесь основных функций санскритского причастия прошедшего времени с суффиксом -kta- можно сделать вывод о древности этой формы. Она образовывалась от одной из самых древних глагольных основ языка и являлась почти универсальным средством выражения прошедшего времени, обычно совершенного вида. Углубленное изучение функций данного причастия позволяет предположить, что в индоевропейских языках, как и в семитских,

первоначально не существовало привычной для нас градации времен: настоящее / прошедшее / будущее, а были именные формы для выражения несовершенности / совершенности действия, и роль последней исполняло причастие на -kta- [Балута, 2011, с. 12].

3.1.6. Особенности предикативного употребления причастий в литовском языке

В литовском языке (балтийская группа) страдательные причастия (чаще настоящего времени) могли употребляться вместо спрягаемой глагольной формы как полноценное сказуемое. По мнению Т.В. Булыгиной и О.В. Синёвой, «предложения со страдательным причастием в роли сказуемого рассматриваются как результат пассивного преобразования предложений с личной формой глагола. Преобразование состоит в устранении из позиции подлежащего названия субъекта, который в пассивной конструкции выражается родительным падежом. При пассивном преобразовании предложений с переходным глаголом объект (выраженный Винительным, реже – Родительным или Дательным падежом) обычно становится подлежащим (выражается Именительным падежом)» [Булыгина, Синёва, 2006, с. 114]. Причастие может быть согласовано с подлежащим в форме мужского и женского рода: *Laikraštis yra skaitymas tėvo* – «Газета есть читаема отцом», или сохранить несогласованную форму среднего рода: *Laikraštis yra skaityma (tėvo)* – «Газета читаемо (отцом)». В безличных конструкциях страдательное причастие среднего рода может употребляться в качестве главного члена, при этом объект действия сохраняет форму Винительного падежа: *Peikama grūdai / grūdus* – «Покупаемо зерно». В предложениях с составным именным сказуемым именительный падеж не только подлежащего, но и именной части сказуемого заменяется родительным падежом: *Jis (yra) geras žmogus* – «Он (есть) хороший человек» – *Jis (P. п.) ėsama (страдат. прич. с. рода) gėro žmogaus (P. п.)* [Там же. С. 114]. Аналогичное предикативное употребление причастий настоящего времени мы наблюдаем в некоторых

семитских языках, например в библейском и современном иврите, где активное причастие употребляется в качестве глагольной формы настоящего времени. Основные отличия иврита от литовского языка в данной области заключаются в том, что в литовском самостоятельное предикативное употребление имеет пассивное, а не активное причастие; кроме того, в литовском языке подобные именные предложения со сказуемым-причастием употребляются наравне с простыми глагольными предложениями (в форме настоящего времени), в то время как в иврите вообще нет спрягаемой формы настоящего времени глагола. Грамматические позиции иврита и литовского языка сближает и то обстоятельство, что только у причастий в литовском языке есть морфологическое противопоставление активного и пассивного залогов. Спрягаемая глагольная парадигма включает лишь активные и возвратные формы [Там же. С. 114]. Таким образом, можно сказать, что литовское страдательное причастие в рассмотренном предикативном употреблении замещает отсутствующую в этом языке спрягаемую форму глагола пассивного залога. В литовском языке существует еще один случай специфического употребления причастия в предикативном значении. «Только предикативно употребляются причастные формы среднего рода, главным образом в безличных предложениях: *Šiã vãsarą, sãko, labaĩ esã grĩbų (buvę, būdavę)* – «Этим летом, говорят, **есть** очень много грибов (**было, бывало**)» [Там же. С. 129].

3.1.7. Грамматический статус Partizip в идише в сопоставлении с индоевропейскими и семитскими языками

В идише Partizip, как и во многих индоевропейских языках западного типа, ассоциируется с одной из форм причастия и употребляется, прежде всего, в качестве именной (неспрягаемой) части сложных глагольных форм:

1) прошедшего времени: איך בין געקומען

Ich bin **gekommen** – «Я пришел»;

2) условного наклонения: איך וואָלט געײענט

Ich wolt **geleient** – «Я читал бы»;

3) страдательного залога: דער בוך ווערט געלייענט

Der Buch wert **geleient** – «Книга читается» [Сандлер, 1989, с. 198].

Эта особенность причастий не является уникальной. Такой способ выражения временных и залоговых отношений глагола существует во многих индоевропейских языках, например в немецком: Ich habe eine Mittelmeerreise **unternommen** – «Я совершил путешествие по Средиземному морю» [Нарустранг, 2003, с. 107]. В некоторых языках, например в латинском, причастие в качестве смыслового компонента аналитических глагольных форм прошедшего времени остается склоняемым компонентом: .Alea **jacta** est – «Жребий брошен» [ЛЯ, 2003, с. 263]. В идише, как и в немецком языке, Partizip в составе форм прошедшего времени является неизменяемым компонентом. В иврите существуют только синтетические формы прошедшего времени [Соломоник, 1983, с. 82], поэтому употребление Partizip в идише в составе аналитических временных форм к семитским языкам отношения не имеет [Балута, 2013, с. 173].

К особенным чертам грамматической характеристики Partizip в идише принадлежит его употребление в качестве формы прошедшего времени без вспомогательного глагола. Такой вариант употребления возможен, «если из контекста ясно, что речь идет о действиях в прошедшем времени: געפֿטערט די קלייטן – **Aroisgeforn** fun mark, **gefater** di kleitn... – «**проехали базар, миновали лавки...**» [Сандлер, 1989, с. 199]. Аналог такого использования причастия существует в некоторых древних и новых индоевропейских и семитских языках. В санскрите аористное причастие на -क्त -kta употреблялось в качестве формы прошедшего времени без вспомогательного глагола. При этом данное причастие не относилось к спрягаемым формам и имело падежные окончания вместо личных [Балута, 2013, с. 175]: स ब्राह्मणः छागं स्कन्धे कृत्वा गृहं प्रस्थितः – sa brāhmaṇaḥ chāgaṁ skandhe gr̥haṁ **prasthitaḥ** – «Тот брахман, козла на плечо сделав, домой **отправился**» [ШС, Ч. 2, 2004, с. 2–04]. В современном русском

языке функции глагольной формы прошедшего времени выполняет причастие на -л-: «Я пришел». Подобно санскритскому причастию на -त् -kta, причастие на -л- является склоняемой формой, некогда входившей в состав сложных глагольных форм прошедшего времени, перфекта и плюсквамперфекта: «**не далъ юси козълати**» (перфект) – «ты не дал мне козленка» [Войлова, 2003, с. 178]. Но, в отличие от санскрита, это причастие характеризовалось только предикативным употреблением. В качестве определений использовались причастные формы с иными суффиксами, некоторые из них в истории русского языка были преобразованы в деепричастия. В отличие от санскрита и русского языка, Partizip в идише, как и в немецком, в составе сложных глагольных образований употребляется в несклоняемой форме. В латинском языке, который является древним индоевропейским языком западного типа, причастие в составе сложных форм прошедшего времени склонялось. В идише (как и в современном немецком языке) мы наблюдаем несклоняемые причастия в составе сложных форм прошедшего времени, даже если причастие употребляется без вспомогательного глагола. На основании этого можно предположить общую тенденцию к утрате склонения предикативного причастия в индоевропейских языках «западного» типа в ходе их исторического развития [Балута, 2013, с. 177].

В библейском и современном иврите причастие также может употребляться в качестве сказуемого без вспомогательного глагола. Причастие активное, которое образуется от глаголов активных пород, одновременно выполняет как функции причастия настоящего времени, так и функции настоящего времени глагола, так как в иврите спрягаемая глагольная форма настоящего времени отсутствует [33 'ע. 1995. בליבוים ר]. Но активное причастие иврита в атрибутивном значении больше соответствует в идише форме герундива. Partizip в идише соотносится с другой причастной формой иврита, с пассивным причастием. Пассивное причастие в иврите образуется от глаголов пассивных пород и в породе פעל ra'al наряду с активным причастием. Эта форма употребляется чаще в породе פעל ra'al и обычно выступает в функции прилагательного, в отличие от

активного причастия. На русский язык пассивное причастие переводится страдательным причастием пассивного залога: כָּתוּב katub – «написанный», סָבּוּב sabub – «окруженный» и т.п. В современном иврите пассивное причастие, как правило, сочетается с формами вспомогательного глагола «быть»: הָדַלְתָּ הַיָּתָה נְעוּלָה – hadelet **haita n'ewla** – «дверь **была закрыта**» [Соломоник, 1983, с. 170]. Однако в разговорной речи, особенно в перфективном значении, возможно также употребление пассивного причастия без вспомогательного глагола. זה כָּתוּב במְדְרִיךְ ze **katuv** bamadriħ – «это **написано** в инструкции» [המילון העברי-עברי]. Электронный ресурс]. Но, в отличие от иврита, Partizip в идише при употреблении в качестве сказуемого без вспомогательного глагола передает активное значение. Такое употребление причастия встречается в библейском иврите: וַיַּהֲגֹר אוֹתוֹ אֶפֶד – wajaħgor oto efod – «он опоясал его эфодом» [Ламбдин, 2000, с. 253]. Для передачи пассивного значения или «состояния» Partizip в идише сочетается с формами вспомогательного глагола זײַן – sain – «быть»: דער בריוו איז אָנגעשריבן – der briw sain ongeshribn – «письмо (уже) написано» [Сандлдер, 1989, с. 203].

Partizip в идише также может служить для выражения обстоятельственных значений. В таком случае он переводится наречием. В наречном значении Partizip употребляется в неизменяемой форме, что обусловлено самой семантикой таких конструкций: זײער אױפגעװעזט זייער רעדט – er redet seer **ufgeregt** – «он говорит очень **взволнованно**»; אײנגעבױגן שטײט אַ בוים – shteit a boim **aingeboign** – «стоит дерево **согнувшись**» [Там же. С. 199]. Подобное употребление Partizip встречается и в немецком языке, однако здесь в значении обстоятельства образа действия употребляется преимущественно Partizip I, что переводится на русский язык деепричастием несовершенного вида: Er rauchte **schweigend** – «Он курил **молча**»; Das Kind kehrte **weinend** heim – «Ребенок вернулся домой **плача**» [Нарустранг, 2003, с. 163]. Форма Partizip II также может употребляться в обстоятельном значении: Der alte Mann lag **halb aufgerichtet** in seinem Bett – «Старик лежал **полусидя** в своей кровати» [Там же. С. 262]. При сопоставлении подобных форм становится очевидным следующее обстоятельство. Немецкий Partizip I по своим грамматическим характеристикам соотносится в идише с формой герундива,

имеющего значение причастия настоящего времени и деепричастия несовершенного вида. С формой Partizip в идише соотносится немецкий Partizip II.

В современном русском языке некоторые деепричастия могут переходить в разряд наречий при определенных синтаксических условиях. Различие деепричастия и наречия проявляется на уровне ударения. Дополнительным критерием классификации формы как деепричастия является наличие зависимых слов: «Мальчик читал книгу, **лежа́** на диване» (деепричастие); «Мальчик читал книгу **лежа**» (наречие). В иврите, как библейском, так и современном, для передачи наречных значений, аналогичных тем, что передает Partizip в идиш, употребляются формы абсолютного инфинитива [Балута, 2013, с. 177]. Форма абсолютного инфинитива встречается в основном в библейских текстах, так как в современном языке она почти вышла из употребления (Быт.: 8:3): וַיֵּשְׁבוּ הַמַּיִם מֵעַל הָאָרֶץ – vajashuvu hamaim meal haarets **halokh vashov** [ВН, 1997, s. 11]; «Вода же **постепенно возвращалась** с земли» [БК, 1997, с. 7].

Partizip в идише, как и некоторые другие причастные формы в индоевропейских языках, может передавать значение «добавочного действия», то есть выступать эквивалентом деепричастия. При этом Partizip в идише употребляется только в значении деепричастия совершенного вида: געוואָרן אין קאס – **derhert aselhe diwurim**, is main bruder Elje geworn in kas – «**услыхав такие речи**, мой брат Эле рассердился» [Сандлер, 1989, с. 199]. В немецком языке употребляются аналогичные обороты с Partizip: **In Moskau angekommen**, besuchten wir vor allem unsere Freunde – «**Прибыв в Москву**, мы посетили прежде всего наших друзей». Похожие конструкции с причастиями встречаются и в других новых и древних индоевропейских языках. В английском: **When going home**, I met my brother – «**Идя домой**, я встретил своего брата». В древнегреческом: **Tes Troias haliskomenes**, hoi Ahaioi pollus oiketas autesekeinon – «**Захватывая Трою**, ахейцы убивали много ее жителей» [Козаржевский, 1998, с. 35].

В иврите, как и в некоторых других семитских языках, например в эфиопском, эквивалентом деепричастия выступает абсолютный (глагольный) инфинитив (Иеремия: 41, 6): וַיֵּצֵא יִשְׁמָעֵאל בֶּן נֶתַנְיָה לִקְרָאתָם מִן הַמִּצְפָּה הַלְזָה וּבִבְכָה – vejetse Ishmael ben netanja likratam min hamitspa **holekh halokh** vebokhe [ВН, 1997, s. 866] «И вышел Исмаил, сын Нафании из Массифы навстречу им, **идя и плача**» (букв.: И вышел Исмаил, сын Нафании из Массифы навстречу им, **идя и плача**) [БК, 1997, с. 782].

При переводе на русский язык конструкций подобного типа следует учитывать несколько факторов. Если по смыслу совпадает действующее лицо главного предложения и причастного оборота, то на русский язык причастие обычно переводится деепричастием, и вся конструкция представляет собой простое предложение, осложненное деепричастным оборотом. Примеры подобных конструкций мы представили выше. Если действующее лицо причастного оборота не совпадает с действующим лицом главного предложения, то причастие с зависимыми словами образует так называемый «абсолютный» или «самостоятельный» оборот, точный эквивалент которого в современном русском языке отсутствует [Балута, 2013, с. 178]. Поэтому такие конструкции обычно переводятся на русский язык сложноподчиненным предложением с придаточным обстоятельственным. Чаще всего встречаются придаточные со значением обстоятельства времени. В идише аналогичные конструкции принято называть «обособленными оборотами»: ...געמאכט דאָס ערשטע פעסל קוואס איז געבליבן – **Gemacht dos ershte fesi kvas, is geblibn...** – «**Когда приготовили первую бочку квасу, было решено...**» [Сандлер, 1998, с. 200]. Аналоги «обособленного оборота» в идише, «абсолютные причастные обороты» употребляются и в других новых индоевропейских языках. В языках, где в подобных оборотах причастие употребляется в склоняемой форме, «абсолютность» конструкции усиливается дополнительным грамматическим фактором. Причастие и имя, выполняющие в данной полупредикативной конструкции роль «логического сказуемого» и «логического подлежащего», согласуются в роде, числе и падеже. Такие обороты употреблялись в латинском, древнегреческом языках, а также в истории русского

языка. (В латыни Ablativus absolutus, в древнегреческом Genetivis absolutus, в старославянском Дательный самостоятельный: «**ютроу же вьвьшю. съвѣръ сътвориш** – вси архіереи...») «**Когда наступило утро**, все архiereи собрали совет») [Иванова, 1998, с. 187].

В иврите для передачи значений, похожих на значения «абсолютных» оборотов в индоевропейских языках, употребляется «склоняемый» инфинитив с предлогами b(e) и k(e): **כְּשָׁמַעוּ אֶת-הַדָּבָר** – **k(e)sham'o ethadavar** – «**когда он услышал** это слово», «при услышании им этого слова» [Ламбдин, 2000, с. 216].

Наиболее простым вариантом употребления Partizip в идише является его использование как определения к существительному. В данном случае Partizip приобретает падежные окончания и употребляется в склоняемой форме. **אַרבעט געמאַכטע** – **di gemachte arbet** – «**сделанная работа**», **דאָס געזעענע בילד** – **dos geseene bild** – «**увиденная картина**» [Сандлер, 1989, с. 205]. В современных индоевропейских языках, например в немецком, также часто встречается подобное употребление Partizip II: **Das vergangene Jahr war an verschiedenen Ereignissen reich** – «**Минувший** год был богат различными событиями» [Нарустранг, 2003, с. 165]. В древних индоевропейских языках, например в латинском, причастие прошедшего времени пассивного залога также часто служило определением к существительному: **fibula lecta** – «**прочитанная сказка**». В иврите пассивное причастие также может выступать как определение к существительному, а атрибутивная функция является основной для пассивного причастия, в отличие от активной формы. Это распространяется и на библейский, и на современный иврит: **הָאִישׁ הַהָרוּג** – **haish haharug** – «**убитый человек**» [Ламбдин, 2003, с. 252].

Сравнительно-сопоставительный анализ форм Partizip в идише и его аналогов в древнееврейском, немецком, латинском и русском языках

(Идиш)

און גאָט דער

האַר האָט געבויט פֿון דער ריפּ, וואָס ער האָט אַרומגענומען פֿון
דעם מענטשן, אַ פֿרוי, און האָט זי געבראַכט צו דעם מענטשן

[ПЯИ, с. 8. Электронный ресурс].

(Древнеевр.)

כבּ ויבֿן יְהוָה אֱלֹהִים אֶת-הַצֵּלַע אֲשֶׁר-לָקַח מִן-הָאָדָם, לְאִשָּׁה; וַיִּבְרָא, אֶל-הָאָדָם.

[BH, 1997, s. 4].

(Русск.) И **создал** Господь Бог из ребра, **взятого** у человека, жену, и привел
ее к человеку [БК, 1997, с. 2].

(BSV) et **aedificavit** Dominus Deus costam quam **tulerat** de Adam in mulierem
et adduxit eam ad Adam [BSV, 1994, s. 7].

(Нем.) und Gott, der HERR, **baute** die Rippe, die er von dem Menschen
genommen hatte, zu einer Frau, und er brachte sie zum Menschen [GNB, 2000, s. 5].

В переводе примера на идиш в обоих случаях употребляется общепрошедшее время (соответствующее по форме и значению немецкому и латинскому перфекту), это аналитическая форма, состоящая из вспомогательного глагола и Partizip (соответствует немецкому Partizip II). В древнееврейском тексте употреблено прошедшее время (во втором случае в составе придаточного определительного: «которое взял у человека»). В русском и немецком языках форма прошедшего времени (латинский активный перфект) синтетическая. В русском переводе во втором случае употребляется причастный оборот с причастием прошедшего времени страдательного залога, которое также соответствует значению идишского Partizip. Во всех остальных переводах вместо причастного оборота употребляется придаточная конструкция со спрягаемой формой глагола. В немецком переводе первой форме идишского общепрошедшего времени соответствует имперфект [Балута, 2013, с. 177].

Бытие 1:31

(Идиш)

און גאָט האָט געזען אַלץ וואָס ער האָט געמאַכט, ערשט עס איז
זייער גוט. און עס איז געווען אַוונט, און עס איז געווען פֿרימאָרגן,

(Древнеевр.)

לא ויִרָא אֱלֹהִים אֶת-כָּל-אֲשֶׁר עָשָׂה, וְהָיָה-טוֹב מְאֹד; וַיְהִי-עֶרֶב וַיְהִי-בֹקֶר, יוֹם הַשְּׁשִׁי.

[ВН, 1997, s. 2].

(Русск.) И **увидел** Бог все, что Он **создал**, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой [БК, 1997, с. 2].

(BSV) **viditque** Deus cuncta quae **fecit** et erant valde bona et factum est vespere et mane dies sextus [BSV, 1994, s. 6].

(Нем.) Und Gott **sah** alles, was er **gemacht hatte**, und siehe, es war sehr gut. Und es wurde Abend, und es wurde Morgen: der sechste Tag [GNB, 2000, s. 4].

В переводе примера на идиш и в главном и в придаточном предложении употребляется общепрошедшее время, включающее в состав Partizip. В древнееврейском тексте в обоих случаях употребляется форма прошедшего времени (первый глагол – перевернутое прошедшее время с «вав»). В немецком переводе главного предложения употребляется синтетический имперфект, а в придаточном предшествование показано с помощью плюсквамперфекта. В латинском переводе идишским формам соответствует синтетический активный перфект, аналогом которого является русское прошедшее время совершенного вида [Балута, 2013, с. 178].

Таким образом, можно заключить, что Partizip в идише в атрибутивном употреблении соответствует формам страдательного причастия прошедшего времени в индоевропейских языках. Например, в современном немецком языке эта форма обозначается как Partizip II. В иврите указанная форма идиша в атрибутивной функции соотносится с пассивным причастием. В предикативном употреблении Partizip идиша для обозначения форм прошедшего времени может использоваться как в сочетании со вспомогательным глаголом, так и без него. В этом проявляются черты новых западноевропейских и славянских языков, а также таких древних индоевропейских языков, как санскрит. Partizip в идише, подобно

многим причастным формам в других индоевропейских языках, также мог передавать значение деепричастия и входить в состав «самостоятельных» причастных оборотов. В иврите деепричастное значение передавал абсолютный инфинитив, а аналоги «самостоятельных» обстоятельственных конструкций передавались посредством склоняемого инфинитива с предлогами и зависимыми словами [Там же. С. 178].

3.1.8. Особенности перевода древнееврейских причастий в греческом, латинском, церковнославянском и русском языках (Ветхий Завет)

При сопоставительном лингвистическом анализе древнееврейского текста Библии и его русского перевода обращает на себя внимание следующее несоответствие: часто временная форма глагола на библейском иврите не совпадает с русской. Особенно это становится заметным в тех примерах, где употребляется настоящее время. Из исследованных здесь 18 примеров, где в русском языке употребляется настоящее время, ни одна древнееврейская цитата не содержит глагола в форме настоящего времени, аналогичной русскому переводу. Вот несколько примеров данного несоответствия:

Бытие 4:9

(Русск.) И сказал Господь [Бог] Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: **не знаю**; разве я сторож брату моему? [БК, 1997, с. 4].

(Древнеевр.)

וַיֹּאמֶר יְהוָה אֶל-קַיִן, אֵי הֶבֶל אָחִיךָ; וַיֹּאמֶר לֹא יָדַעְתִּי, הֲשֹׁמֵר אָחִי אֲנִי

(прошедшее время) [ВН, 1997, s. 6].

Бытие 29:8

(Русск.) Они сказали: **не можем**, пока не соберутся все стада, и не отвалят камня от устья колодезя; тогда будем мы поить овец [БК, 1997, с. 30].

(Древнеевр.)

וַיֹּאמְרוּ, **לֹא נוֹכַח**, עַד אֲשֶׁר יֵאָסְפוּ כָּל-הָעֲדָרִים, וְגָלְלוּ אֶת-הָאָבִן מֵעַל פִּי הַבָּאָר; וְהִשְׁקִינוּ, הַצֶּמַח.
(будущее время) [ВН, 1997, s. 45].

Бытие 30:1

(Русск.) И увидела Рахиль, что она **не рождает** детей Иакову, и позавидовала Рахиль сестре своей, и сказала Иакову: дай мне детей, а если не так, я умираю [БК, 1997, с. 31]

(Древнеевр.)

וַתֵּרָא רָחֵל, כִּי **לֹא יֵלְדָה** לְיַעֲקֹב, וַתִּקְנָא רָחֵל, בְּאֲחֹתָהּ; וַתֹּאמֶר אֶל-יַעֲקֹב הִבָּה-לִּי בָנִים, וְאִם-אֵין מִתָּה אָנֹכִי

(прошедшее время) [ВН, 1997, s. 46].

Бытие 44:22

(Русск.) Мы сказали господину нашему: отрок **не может** оставить отца своего, и если он оставит отца своего, то сей умрет [БК, 1997, с. 50].

(Древнеевр.)

וַנֹּאמֶר, אֶל-אֲדֹנָי, **לֹא-יוֹכֵל** הַנַּעַר, לַעֲזֹב אֶת-אָבִיו: וְעֲזַב אֶת-אָבִיו, וּמֵת
(будущее время) [ВН, 1997, s. 74].

Перевод сакрального текста должен с максимальной точностью передавать оригинал и поэтому не допускает свободной интерпретации. Причину указанного несоответствия следует искать в определенном различии грамматических систем разных языковых семей: семитской, к которой относится древнееврейский язык, и индоевропейской, включающей в себя русский. В древнееврейском языке существуют определенные глагольные формы, которые могут выражать значение настоящего времени, однако они существенно отличаются от языков индоевропейской семьи. Цель данного раздела – определить особенности употребления форм настоящего времени в древнееврейском языке и провести сопоставление с его аналогами в русском языке на материале Книги Бытия. Для сопоставительного анализа также приводятся еще два древнейших перевода библейского текста: Септуагинта и Вульгата на древнегреческом и латинском языках, а также церковнославянский перевод.

Система времен глагола в древнееврейском языке, как и в других древних семитских языках бинарна. Истоки этого явления можно найти еще в шумерском языке, который не имел «никаких связей с семито-хамитскими языками древней Передней Азии и Египта». В шумерском языке «глагол категории времени не знал. Шумерский глагол мог иметь показатели совершенного вида, *Praeteritum*, и несовершенного вида, *Praesens-Futurum*» [Falkenstein, 1959, s. 44]. «Наследники шумерской культуры – аккадцы – делили шумерские глаголы на две группы. Первую группу они называли *ḥamṭu* – «быстрый, стремительный, мгновенный» [Soden, 1965, s. 318], а вторую – *maḡû* – «жирный, медленный» [Soden, 1972, s. 616]. Таким образом, глаголы *ḥamṭu* соответствовали в индоевропейском представлении совершенному виду, а глаголы *maḡû* – индоевропейскому несовершенному виду [Дьяконов, 1980, с. 26].

Л.А. Липин также полагает, что «первоначально аккадскому глаголу была чужда категория времени, как и глаголам других семитских языков. Вместо деления на прошедшее, настоящее и будущее, время различалось так: завершено ли действие к моменту сообщения (повествования) или не завершено. Глаголы некоторых других семитских языков (арабский, древнееврейский) также различают две модификации глагольных понятий – совершенный вид и несовершенный» [Липин, 1964, с. 92].

Среднеегипетский язык, как и большинство семитских языков, также не различал трех основных времен глагола, как это принято в индоевропейских языках. Глагол здесь имел грамматическое выражение однократности или повторяемости, к мгновенности или непрерывности действия, что больше подходит к понятиям «совершенного» и «несовершенного» вида [Gardiner, 1957, p. 219].

В каждом спряжении древнееврейского языка также образуются два времени: перфект и имперфект. «Они выражают без какого-либо учета временной сферы, в которой происходит событие, исключительно то, завершено ли это событие (перфект) или не завершено (т.е. событие еще продолжается или лишь еще предстоит) – имперфект» [Steuernagel, 1967, s. 46]. Здесь, как и в других

семитских языках, следует соотносить два основных времени глагола с совершенным и несовершенным видом. И хотя состав категории времени семитского глагола в количественном соотношении уступает индоевропейской семье, диапазон значений, которые могут передавать семитские перфект и имперфект, довольно велик [Ламбдин, 2000, с. 99, 175]. Таковы общие законы психологии грамматики любого языка: не имея одной формы для выражения определенного значения, грамматическая система заменяет ее другой. Это зависит от многих факторов, в частности, истории развития конкретного языка и особенностей менталитета его носителей.

Настоящее время, как оно воспринимается в языках индоевропейской семьи, в древнейших семитских языках первоначально не было закреплено за определенной грамматической формой. Значение настоящего времени мог передавать и перфект [Там же. С. 99] и имперфект [Там же. С. 175]. Но чаще всего данное значение передавалось посредством активного причастия, которое в этом отношении занимало промежуточную позицию между перфектом и имперфектом: **לֵבֶלֶת שׁוֹכֵחַ** – **Пишущий** человек / Человек **пишет** [Там же. С. 71]. По мнению Б.М. Гранде, «сами по себе причастия в семитских языках элемента времени не включают, но в качестве сказуемых именного предложения они могут передавать отношение к длительности или законченности. Так, причастие действительного залога в качестве сказуемого обозначает не только качество, но и длящееся состояние или действие, и, как таковое, оно может быть отнесено к настоящему времени. Причастие же страдательного залога в качестве сказуемого часто обозначает состояние грамматического подлежащего как результат действия, проведенного кем-либо над ним; отсюда оно может сблизиться с обозначением завершеного действия, а затем прошедшего времени» [Гранде, 1998, с. 246].

В древнееврейском языке, как полагает Б.М. Гранде, причастие встречается чаще всего в значении настоящего времени, «но в зависимости от характера соседних предложений или глаголов оно может также иметь значение прошедшего или будущего времени» [Там же. С. 247].

Бытие 18:1

(Древнеевр.)

וַיֵּרָא אֵלָיו ה' בְּאַלְנֵי מִמְרָא וְהוּא יֹשֵׁב פֶּתַח הָאֵהָל כְּחֹם הַיּוֹם

[ВН, 1997, ы. 24].

(Русск.) И открылся ему Бог в Элоней-Мамре, а он **сидел** у двери шатра, когда зноен был день [БК, 1997, с. 15].

В данной конструкции часть «когда зноен был день» является в семитском понимании главной, так как обозначает явление природы, независимое от человека, а часть «он сидел у двери шатра» представляет действие добавочное, которое и передается причастием, в данном случае осознанным русским переводчиком как прошедшее время. Буквально эту фразу можно перевести: «Когда зноен был день, ему, сидящему, открылся Бог в Элоней-Мамре».

В «позднебиблейском» иврите причастие может соединяться с местоименными суффиксами и, таким образом, образуется уже регулярно употребляемое настоящее время. «В арамейском языке точно так же в более старых памятниках встречается причастие в глагольном значении, а в более поздних оно образует регулярную форму настоящего времени» [Гранде, 1998, с. 247]. С современным иврите активное причастие является формой, которое употребляется в качестве глагола в настоящем времени, но не имеет аффиксального выражения лица.

Вот несколько примеров употребления в Книге Бытия древнееврейских причастий. Следует определить, чему соответствуют данные формы в индоевропейских языках (древнегреческом, латинском, церковнославянском и русском).

Бытие 39:23

(Русск.) Начальник темницы и не смотрел ни за чем, что было у него в руках, потому что Господь был с *Иосифом*, и во всем, что **он делал**, Господь давал успех [БК, 1997, с. 43].

(Древнеевр.)

אֵין שׁוֹר בֵּית-הַסֵּהֶר, רֹאֶה אֶת-כָּל-מַאוֹמָהּ בְּיָדוֹ, בְּאֶשֶׁר יַהֲוֶה, אֹתוֹ; וְאֶשֶׁר-הוּא עֹשֶׂה, יְהִוֶה מְצַלִּיחַ

(SG) οὐκ ἦν ὁ ἀρχιδεσμοφύλαξ τοῦ δεσμοτηρί ου γινώσκων δ' αὐτὸν οὐθέν πάντα γὰρ ἦν διὰ χειρὸς Ἰωσηφ διὰ τὸ τὸν κύριον μετ' αὐτοῦ εἶναι καὶ ὅσα αὐτὸς ἐποίει εἰ (имперфект) κύριος εὐώ δου ἐν ταῖς χερσὶν αὐτου [SG, 1979, s. 64].

(БЦС) **СТЯРЕЙШИНА ЖЕ СТЯЖЕЙ ТЕМНИЧНЫХ НИЧТОЖЕ
БЕ ВЕДЫЙ ЁГВ РЯДИ: ВЕА БО БЫША ВЪ РУКАХЪ ІВОНФОВЫХЪ,
ЗАНЕЖЕ ГДЬ БАШЕ ОЪ НИМЪ: И ЕДИНА ТОЙ ТВОРАШЕ,
(имперфект) ГДЬ БЯГОПОСПѢШАШЕ ВЪ РУКѸ ЁГВ [БЦС, 2012, с. 40].**

Бытие 41:24

(Древнеевр.)

[BH, 1997, s. 67].

(SG) καὶ κατέπιον οἱ ἑπτὰ στάχυες οἱ λεπτοὶ καὶ ἀνεμόφθοροι τοὺς ἑπτὰ στάχους
τοὺς καλοὺς καὶ τοὺς πλήρεις εἶπα οὖν τοῖς ἐξηγηταῖς καὶ οὐκ ἦν ὁ ἀπαγγέλλων
(причастие настоящего времени) μοι [SG, 1979, s. 66].

(БЦС) И ПОЖРОША СЕДМЪ КЛІСН ТОНЦЫИ И ВЕТРОМЪ
ИСТОПЧЕНИ СЕДМЪ КЛІСОВЪ ДОБРЫХЪ И ПОЛНЫХЪ. РЕХЪ ОУБѢ
СВЯЗІТЕЛЕМЪ, И НЕ БЫСТЬ ПОВЕДАЙ (причастие настоящего
времени) ИНѢ ТОГѢ [БЦС, 2012, с. ња].

В этом примере древнееврейское причастие передано в греческом тексте также причастием, хотя это не является нормой для греческого языка Септуагинты. Можно охарактеризовать это как дословный перевод с библейского иврита: «Я рассказал это волхвам, **не объясняющим** мне». Здесь в древнееврейском языке опять наблюдается явление, отчасти характерное латинскому *attractio modi* (уподобление наклонения / времени). Главное по смыслу прошедшее время «рассказал» определяет трактовку причастия не как настоящего времени, а как одновременность действию основного глагола. Церковнославянский перевод повторяет греческую форму (причастие). В латыни употреблено сослагательное наклонение настоящего времени, так что фраза буквально переводится: «и нет никого, кто бы объяснил мне». Такой перевод греческого или древнееврейского активного причастия придаточным определительным является нормой для латыни [Таривердиева, 1997, с. 80]. При этом форма настоящего времени сохранена.

Бытие 20:7

(Русск.) теперь же возврати жену мужу, ибо он пророк и помолится о тебе, и ты будешь жив; а если **не возвратишь**, то знай, что непременно умрешь ты и все твои [БК, 1997, с. 18].

(Древнеевр.)

וַעֲתָהּ, הָשִׁב אִשְׁתְּ-הָאִישׁ כִּי-נָבִיא הוּא, וַיִּתְפַּלֵּל בְּעֵדָךְ, וְחָיָה; וְאַם-אֵינְךָ מְשִׁיב דָּע כִּי-מוֹת תָּמוּת, אָתָּה
כָּל-אֲשֶׁר-לָךְ

[ВН, 1997, s. 28].

(SG) νῦν δὲ ἀπόδος τὴν γυναῖκα τῷ ἀνθρώπῳ ὅτι προφήτης ἐστὶν καὶ προσεύξεται περὶ σοῦ καὶ ζήσῃ εἰ δὲ μὴ ἀποδίδως (настоящее время) γνῶθι ὅτι ἀποθανῇ σὺ καὶ πάντα τὰ σά [SG, 1979, s. 27].

(BSV) nunc igitur redde uxorem viro suo quia propheta est et orabit pro te et vives si autem **nolueris** (будущее второе / перфект конъюнктива) **reddere** scito quod morte morieris tu et omnia quae tua sunt [BSV, 1994, s. 27].

(БЦС) ННѢ ЖЕ ѿДѢЖДЬ ЖЕНѢ МУЖУ, ИРѠ ПРРОКЪ ЁСТЬ,
И ПОМОЛИТСѦ Ѡ ТЕБѢ, И ЖИВЪ БУДЕШИ: ИЩЕ ЖЕ НЕ
ѿДѢСИ (настоящее/будущее время), ВѢЖДЬ, ИРѠ ОЎМРЕШИ ТЫ И
РГО Ѧ ТРО Ѧ [БЦС, 2012, с. кѧ].

Третий пример представляет «реальный» условный период. В данном примере древнееврейское причастие / настоящее время передано в греческом тексте также настоящим временем (норма); в церковнославянском переводе ситуация аналогична греческой. В латинском переводе вместо слова «не отдаешь» употреблена аналитическая конструкция «не захочешь отдать», где смысловой компонент стоит в форме будущего второго времени (совпадает с перфектом сослагательного наклонения), условный период «смешанный».

Таким образом, можно сказать, что древнееврейское активное причастие, или настоящее время, не имеет точного аналога для перевода в греческом койне, латинском, церковнославянском и русском языках, а, возможно, и во многих других языках индоевропейской семьи. Индоевропейская система даже в таких древних языках, как санскрит, предполагает трехкомпонентную временную парадигму: настоящее, прошедшее, будущее, а причастия представляют собой отдельное образование, в то время как для многих семитских языков характерна в данном случае бинарная позиция: прошедшее / будущее. Исторически даже в индоевропейской системе можно найти следы существования бинарной временной парадигмы, однако она скорее выглядела как противопоставление формы прошедшего времени форме настоящего / будущего. Поэтому в индоевропейской семье раньше воплотилась тенденция к расширению бинарной временной парадигмы в трехкомпонентную. В иврите, как и во многих семитских языках, так и не появилась потребность в расширении бинарной категории

времени (как и бинарной категории рода), в результате чего активное причастие совмещает в себе функции собственно причастия и настоящего времени глагола.

3.1.9. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления причастий в индоевропейских и семитских языках (на материале библейского текста)

Ветхий завет (источник на древнееврейском языке)

Бытие 39:23

(Русск.) Начальник темницы и **не смотрел ни за чем**, что было у него в руках, потому что Господь был с Иосифом, и во всем, что он делал, Господь давал успех [БК, 1997, с. 43].

(Древнеевр.)

אֵין שָׂר בֵּית-הַסֵּהר, רָאָה (настоящее время) בְּאֶשֶׁר יְהוָה, אֲתוֹ; וְאֶשֶׁר-הוּא עוֹשֶׂה, יְהוָה מַצְלִיחַ [ВН, 1997, s. 65].

(SG) οὐκ ἦν ὁ ἀρχιδεσμοφύλαξ τοῦ δεσμοτηρίου γινώσκων δι' αὐτὸν οὐθέν πάντα γὰρ ἦν διὰ χειρὸς Ἰωσηφ διὰ τὸ τὸν κύριον μετ' αὐτοῦ εἶναι καὶ ὅσα αὐτὸς ἐποίει κύριος εὐώδου ἐν ταῖς χερσὶν αὐτοῦ [SG, 1979, s. 64].

(BSV) **nec noverat** aliquid cunctis ei creditis Dominus enim erat cum illo et omnia eius opera dirigebat [BSV, 1994, s. 58].

(БЦС) **СТЯРѢЙШИИЯ ЖЕ СТРАЖЕЙ ТЪМНИЧНЫХЪ НИЧТОЖЕ БѢ ВѢДЫИ** Е҃ГѦ РѢДН: **ВСѦ БО БЫША ВЪ РУКАХЪ** **І́ОСИФОВЫХЪ, ЗАНѢЖЕ ГДѢ БѢШЕ ОНЪ НИЖЪ: И ЕЛИКА ТОЙ ТВОРАШЕ, ГДѢ БѢГОПОСОПѢШАШЕ ВЪ РУКѢ Е҃ГѦ** [БЦС, 2012, с. 140].

(Болг.) Тъмничният началник и **не поглеждаше** нищо от онова, що беше в Иосифови ръце, защото Господ беше с Иосифа, и всичко, що той вършеше, Господ правеше да напредва [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) И тамничар **не надгледаше** ништа што беше у Јосифовој руци, јер Господ беше с њим; и шта год чињаше, Господ вођаше у напредак [Библија на разних језицима. Електронски ресурс].

(Пољск.) Naczelnik więzienia **nie wglądał** już zupełnie w to, co było pod władz Józefa, ponieważ Pan był z nim i sprawiał, że się mu udawało wszystko, co czynił [Библија на разних језицима. Електронски ресурс].

(Чешск.) Aniž vládař žaláře k čemu **dohlídal**, což jemu svěřil; proto že Hospodin byl s ním, a což on činil, Hospodin tomu prospěch dával [BČ, 2006, s. 51].

(Англ.) The keeper of the prison **looked not** to any thing that was under his hand; because the LORD was with him, and that which he did, the LORD made it to prosper [TB, 1997, p. 18].

(Нем.) Der Oberste des Gefängnisses **sah nicht** nach dem Geringsten, das unter seiner Hand war, weil der HERR mit ihm war; und was er tat, ließ der HERR gelingen [GNB, 2000, s. 18].

(Франц.) Le chef de la prison **ne prenait** aucune **connaissance** de ce que Joseph avait en main, parce que l'Éternel était avec lui. Et l'Éternel donnait de la réussite à ce qu'il faisait [LB, 2004, p. 37].

В древнееврейском тексте примера употребляется активное причастие, которое переводится на древнегреческий и церковнославянский языки аналогичной причастной формой (настоящего времени). В остальных переводах вместо причастия употребляется спрягаемая форма глагола.

Новый завет (источник на греческом койне)

Лк. 6:43

(КД) οὐ γὰρ ἐστὶ δένδρον καλὸν **ποιοῦν** καρπὸν σαπρὸν, οὐδὲ δένδρον σαπρὸν ποιοῦν καρπὸν καλόν [КД, 1993, s. 133].

(BSV) Non est enim arbor bona **quae facit** fructus malos neque arbor mala **faciens** fructum bonum [BSV, 1994, s. 1618].

(Санскр.) नास्ति हि सुवृक्षः कुफलोत्पादकः नास्ति वा कुवृक्षः सुफलोत्पादकः

Причастия: **कुफलोत्पादकः** «дающее плохой плод», **सुफलोत्पादकः** «дающее добрый плод» [TNTIS, 1962, p. 153. Электронный ресурс].

(OE), (AE), (KE) – пример отсутствует.

(ME)

нѣсть бо дрѣво добро **творѧ** плода зѣла. ни дрѣво зло **творѧ** плода добра [ME, 1983, с. 114].

(ЧНЗ) Не бо ѣ дрѣво добро **творси** плода гнила ниже дрѣво гнїло **творси** плода добѣ^ѧ [ЧНЗ, 2001, с. 102].

(ГБ)

нѣ бо древо добро **творѧ** плода зла ниже древо зло, **творѧ** плода добра [ГБ, 1992, с. 216].

(ОБ)

нѣсть бо древо добро, **творѧ** плода сла, ниже древо сло, **творѧ** плода добра [ОБ, 1988, л^ѣи ла].

(МБ)

нѣсть бо древо добро, **творѧ** плода сла; ниже древо сло, **творѧ** плода добра [МБ, 1698, с. сѣг].

(ЕБ)

нѣсть бо древо добро, **творѧ** плода сла; ниже древо сло, **творѧ** плода добра [ЕБ, 1757, с. рд].

(НЗ, 1823) Нет доброго дерева, **которое бы приносило** худой плод; и нет худого дерева, **которое бы приносило** плод добрый [НЗ, 1823, с. 432].

(Русск.) Нет доброго дерева, **которое приносило бы** худой плод; и нет худого дерева, **которое приносило бы** плод добрый [БК, 1997, с. 70].

В греческом тексте данного примера употребляется причастие настоящего времени действительного залога среднего рода единственного числа, которое согласуется со словом «дерево». В старославянских переводах и второй части латинского перевода также употребляется причастие настоящего времени действительного залога. Во всех старославянских переводах, кроме ЧНЗ, это краткая причастная форма. В ЧНЗ использована нестандартная возвратная форма причастия в Дательном падеже. В первой части латинского текста и в русских переводах греческое причастие переводится атрибутивной придаточной конструкцией. В санскритском переводе значение причастия переводится допустимой формой деепричастия, обозначающего одновременность действию главного глагола.

Аналогичные примеры см. в Приложении Г. 4.

Выводы по разделу «Причастие»

По результатам типологического обзора и сравнительно-сопоставительного анализа морфологических форм и синтаксических функций причастий в индоевропейских и семитских языках можно сделать следующие выводы.

В области образования и исторического изменения причастий в языках индоевропейской семьи хорошо определяются два основных направления: «восточное» и «западное». В языках «восточного» направления (к которым относятся языки арийской, иранской, балто-славянской и греческой ветвей) отмечается большое число причастий, которое компенсирует относительно небольшое количество форм инфинитива. Основными являются причастные формы действительного и страдательного залога настоящего и прошедшего

времени. В некоторых языках (например, в санскрите, латгальском, русском языках) также фиксируется причастие будущего времени, передающее значение долженствования или намерения совершить действие. В языках «западного» направления отмечается небольшое количество причастных форм, компенсируемое бóльшим, чем в «восточных» языках, числом форм инфинитива и других имен, которые могут выполнять причастные функции. Как правило, это формы причастий I (настоящего времени действительного залога) и II (прошедшего времени страдательного залога).

В языках «западного» направления (к ним относятся языки германской, италийской, кельтской и романской ветвей, а также отчасти хеттская и тохарская ветвь) зафиксированы две основные причастные формы: причастие I, во многом аналогичное русскому причастию настоящего времени действительного залога и деепричастию несовершенного вида, и причастие II, которое часто переводится на русский язык причастием прошедшего времени совершенного вида или деепричастием совершенного вида.

Во всех языках «западного» направления причастие II или единственное причастие прошедшего времени, а также причастия прошедшего времени в части языков «восточного» направления используются для образования сложных временных форм глагола, что берет свое начало еще в древнейших языках изолированного типа.

В семитских языках причастия, как и инфинитивы, не обладают большим разнообразием морфологических форм. В древнейшем семитском языке, аккадском, зафиксирована только одна причастная форма. В более поздних семитских языках причастия уже различают активную и пассивную формы, которые в ряде функций сильно отличаются друг от друга и от их наиболее близких индоевропейских аналогов (причастия настоящего времени действительного залога и причастия прошедшего времени страдательного залога). Семитские активные причастия, как правило, одновременно представляют собой

глагольные формы настоящего времени и употребляются вместо отсутствующих в некоторых языках (например в иврите) спрягаемых глагольных форм настоящего времени. Семитские пассивные причастия не участвуют в образовании аналитических временных форм глагола, так, в семитских языках преимущественно употребляются синтетические формы глагола. Деепричастные значения в семитских языках передаются, как правило, формами инфинитива, а не причастия, что также существенно отличает семитские причастия от индоевропейских.

И в семитских и в индоевропейских языках существуют особые причастия-предикаты, которые могут употребляться без вспомогательного глагола как полноценное сказуемое. Такие формы либо существуют в языке параллельно со спрягаемыми формами (санскрит), либо заменяют собой некоторые отсутствующие спрягаемые временные формы глагола (иврит, современный русский язык).

Общим для индоевропейских и семитских языков является наличие в большинстве языков двух основных причастных форм: причастия настоящего времени действительного залога (иногда его аналогом является герундив) и причастия прошедшего времени страдательного залога. Эти формы признаются наиболее универсальными по выражению разнообразных синтаксических значений, поэтому предпосылки для их образования наблюдаются уже в самых древних из известных и дешифрованных на сегодняшний день языках.

3.2. Характеристика герундива как именной формы глагола

3.2.1. Предпосылки формирования герундива в древнейших дешифрованных языках

Герундив – глагольное имя адъективного характера, которое образуется не во всех индоевропейских языках и имеет специфическое значение. Как правило, герундив передает семантику долженствования или намерения совершить действие. Он распространяет значение причастий или заменяет отсутствующие причастные формы. Предпосылки для образования герундива наблюдаются уже в самых древних дешифрованных языках.

В **шумерском** языке в некоторых типах словосочетаний, где употреблялось глагольное имя с суффиксом *-ed-*, в переводе проявляется дополнительное значение возможности совершения действия: *kur geštin biz-biz-zé (biz-biz-ed)* – «гора (из которой) может капать вино» [Канева, 2006, с. 182]. Значение возможности позволяет сопоставить отдельные случаи употребления шумерского глагольного имени с индоевропейским герундивом.

В **эламском** языке герундив имеет тот же показатель, что и герундий. Это формант *-n-*, который обычно находится в слове на третьей позиции. Герундив может обозначать цель, причинность, результативность или условность: “*tur-na-m-rə [tur-(u)-ma-n-rə]* – «чтобы не знали», *kut-ma-m / n-rə* – «если бы унесли», *EL-ma-n-gə* – «если подумает» [Дьяконов, 1967, с. 103]. Эламский герундив, как и причастие состояния, в предикативном употреблении может иметь показатели лица и спрягаться как непереходное сказуемое. Это позволяет сопоставить данную форму с аккадским стативом.

3.2.2. Герундив в древних и новых индоевропейских языках: типологический обзор

В индоевропейских языках герундив редко выделяется в самостоятельную грамматическую категорию (как в латинском и кельтских языках), чаще он имеет второе название «причастие долженствования» (в талышском, тохарских и латышском языках) или имеет внешнее сходство с инфинитивом (хиндустани). Сравнительно-сопоставительному анализу форм герундива в санскрите и в идише посвящены отдельные части данного раздела.

В **хиндустани** герундив имеет звуковое и графическое сходство с инфинитивом. Герундивом здесь считается глагольное прилагательное со значением долженствования или необходимости действия. Это имя обладает формами мужского и женского рода: *likhnā* – «писать», *likhnā* – «долженствующий быть написанным» (м. род), *likhnī* – «долженствующая быть написанной» (ж. род.). Различие между инфинитивом и герундивом определяется контекстуально: *main likhnā cāhtā huī* – «я хочу писать» (инфинитив), *mujhko ek khaṭ likhnā hai* – «мне нужно написать письмо», (букв.) «у меня есть письмо, которое должно быть написано» (герундив) [Баранников, 1934, с. 68]. Герундив может употребляться в значении императива: *bolnā* – «должно быть сказано». Если просьба относится к настоящему времени, то она характеризуется большой степенью вежливости: «благоволите сказать» [Там же. С. 78]. Однако, принимая во внимание то обстоятельство, что форма инфинитива во многих индоевропейских и семитских языках также может иметь императивное значение, в хиндустани нельзя определенно утверждать, что во фразе со значением приказа употребляется именно герундив, а не инфинитив.

В **талышском** языке в значении герундива употребляется причастие будущего времени (или причастие долженствования). Оно образуется от глагольной основы с помощью окончания *-anin*: *vinde* – «видеть», *vindanin* – «долженствующий увидеть» [Миллер, 1953, с. 158].

В **тохарских** языках образуются две формы герундива (или причастия долженствования) с помощью суффиксов *-l-*, *-lye-*, *-lle-* [ТЯ, 1959, с. 97]. Герундив I образуется от основы настоящего времени и обозначает действие, которое должно совершиться: *tāmuo puk kārsnāl wram knānmuneoyo lyalku ci* – «поэтому всякая вещь, которую надлежит знать, знанием освещается тобой» [Там же. С. 98]. Герундив II образуется от основы конъюнктива и передает значение возможности совершения действия: *klopasu wrasom mā ontam tmaṃ kälṗāl tāk* – «страдающее существо никак там нельзя было найти» [Там же. С. 68]. От каждого вида герундива можно образовать отглагольное существительное с суффиксом *-une*, *-ñe*, аналогичное немецкому субстантивированному инфинитиву на *-ung*: *tsrelñe* «разделение» [Там же. С. 69].

В **латышском** языке (балтийская группа) значение герундива передает страдательное причастие настоящего времени на *-ams* (ж. род *-ama*), образующееся от основы настоящего времени: **nesams, nesamais** – «несомый» или «тот, которого можно или нужно нести», **nesama** – «несомая» или «та, которую можно или нужно нести» [Сталтмане, 2006, с. 177].

В **кельтских** языках причастие на *-tjo-* может иметь значение герундива: *perhjudlide* – «неделимый» (др.-ирл.) [Льюис, Педерсен, 2002, с. 357]. В кельтских языках существует и собственно герундив, имеющий в различных языках разные окончания: в ирландском *-thi*, в валлийском *-dwy*, в корнском *-dow*, в древнебретонском *-toe*. В первичных глаголах окончание примыкает непосредственно к корню. В глаголах на *-a* и на *-i* окончание примыкает к основе: *leicthi* – «быть оставленным» (ирл.); *car-a-dwy* – «достойный любви» (вал.); *caradow* – «достойный любви» (корн.); *Karadou* – «достойный любви» (ср.-брет., имя собственное). В ирландском языке герундив является несклоняемой формой (кроме калек с латинского, возникших при переводе библейских текстов) и имеет только предикативное употребление. Он может управлять Винительным падежом имени или местоимения: *is oissi menmain* – «этого надо остерегаться» [Там же. С. 358].

Латинский герундив – это глагольное прилагательное, которое образуется по принципу герундия с помощью суффикса *-nd-*, *-end* с добавлением родовых окончаний *-us* (м. род), *-a* (ж. род), *-um* (с. род): *legendus*, *a*, *um* – «читаемый, ая, ое». В некотором роде латинский герундив является эквивалентом причастия настоящего времени страдательного залога, но может передавать и другие значения, например значения существительного как объекта действия: *laboris ferendi causa* – «ради выполнения (выполняемой) работы» [ЛЯ, 2000, с. 171]. В предикативном употреблении латинский герундив в сочетании с формами глагола «быть» передает значение долженствования: *Pacta servanda sunt* – «Договоры должны соблюдаться» [Там же. С. 171]. При этом герундив может употребляться как в личной, так и в безличной конструкции: *Liber mihi legendus est* – «Мне следует почитать книгу» [Там же. С. 172].

В исследуемых здесь семитских языках герундив в самостоятельную категорию не выделяется. Однако аналоги индоевропейского герундива в иврите можно установить при сравнительно-сопоставительном анализе идентичного текста на разных языках.

3.2.3. Употребление герундива в санскрите (в сопоставлении с древнегреческим и латинским языками) и особенности его перевода на русский язык

Предикатной модальностью долженствования в санскрите могли обладать не только спрягаемые глагольные формы, но и глагольные имена. Прежде всего следует вспомнить, что герундивом в санскрите иногда называют пассивное причастие будущего времени [Кочергина, 2005, с. 868]. Это причастие выражает долженствование и образуется не от основы будущего, а, как правило, от основы настоящего времени глагола (у некоторых глаголов от сильного корня) посредством аналогичных по значению суффиксов *-ya*, *-tava* и *-anya*: *dā* – «давать», *deya* и *dātava* – «то, что должно быть дано»; *han* – «убивать», *hantava* – «тот, которого следует убить»; *kr* – «делать», *karaṇya* – «то, что следует

сделать». Кроме причастия будущего времени значение долженствования в санскрите могли передавать отглагольные прилагательные. Образовывались такие прилагательные с помощью специальных, аналогичных по значению «суффиксов долженствования»: *-tavya*, *-anīya*, *-ṇyat*, *-yat*, *-kyaṇ*. Эти суффиксы присоединялись к слабому глагольному корню, причем *tavya* и *anīya*, как правило, сохраняли свой звуковой состав в слове, а от *-ṇyat*, *-yat*, *-kyaṇ* оставался обычно только элемент *-ya*. Например, в соединении с глаголом *kṛ* получались варианты: *kṛ + tavya = kartavya*; *kṛ + anīya = karaṇīya*; *kṛ + ṇyat = kārya*. По внешнему сходству суффиксов и функций в предложении отглагольные прилагательные со значением долженствования в санскрите можно считать адъективированной формой пассивного причастия будущего времени [Балута, 2010, с. 128].

При переводе эти отглагольные прилагательные получали все модальные возможности санскритского опатива, то есть могли передавать не только долженствование, но также возможность и будущность. Вариант модального оттенка определялся контекстом. От глагола *kṛ* – «делать» аналогичные формы *kartavya*, *karaṇīya*, *kārya* можно переводить так: «должен быть сделан / может быть сделан / будет сделан». *Bālikayā karma kartavyam* – «Девочкой работа должна быть сделана / может быть сделана / будет сделана» [Kale, 1961, p. 578].

К особенностям употребления таких глагольных имен можно отнести следующие: они не употребляются в активной конструкции. В пассивной конструкции они выполняют функцию сказуемого без вспомогательного глагола, при этом согласуются с объектом действия в роде, числе и падеже. *Mayā Rāmāyaṇam paṭhitavyam* – «Мной Рамаяна должна быть / может быть / будет прочитана». *Tvayā sevā sādhitavyā* – «Тобой служение должно быть / может быть / будет совершено» [Ibid. P. 578].

Кроме пассивной, глагольные формы с суффиксами долженствования встречаются также в безличных конструкциях. Безличная конструкция в санскрите предполагает отсутствие любого объекта действия, но в ней может быть указание на субъект в *Instrumentalis*. Отглагольные прилагательные с суффиксами долженствования опять выступают в роли предиката, употребляясь в

безличной форме: Именительный падеж единственное число среднего рода. Вспомогательный глагол, как и в пассивной конструкции, отсутствует. *Ṛṇyāya sarvauḥ ceṣṭitavyam* – «Для добродетели всем **нужно постараться**». *Mayā atra sthātavyam* – «Мне **нужно** здесь **остаться**». *Pratyaham snātavyam* – «Каждый день **нужно купаться**» [Ibid. P. 578].

В грамматиках такие глагольные имена с суффиксами долженствования обычно тоже называются герундивами [Кочергина, 2005, с. 868]. В европейской традиции герундив – это, как правило, отглагольное прилагательное. Например, в латинском языке герундив соответствовал по значению страдательному причастию несовершенного вида или выражал долженствование [ЛЯ, 2000, с. 170]. В санскрите герундив одновременно является причастием будущего времени пассивного залога. В данном разделе для санскритских глагольных форм, передающих значение долженствования, сохраняются все три названия с целью более удобного сопоставления с аналогичными формами в других индоевропейских языках: герундив, пассивное причастие будущего времени, глагольное имя с суффиксом долженствования. Латинский герундив в предикативном употреблении ограничивался только модальностью долженствования и обязательно сопровождался вспомогательным глаголом «быть»: *Pacta servanda sunt* – «Договоры **должны соблюдаться**» [Там же. С. 171]. Субъект действия ставился в Dativus: *Liber mihi legendus est* – «Книга должна быть **мною** прочитана» [Там же. С. 171]. В безличной конструкции герундив ставился в среднем роде единственного числа Nominativus в сочетании с третьим лицом единственного числа глагола «быть». Указание на субъект в Дательном падеже сохранялось: *Mihi legendum est* – «Мне нужно читать» [Там же. С. 172]. При наличии вспомогательного глагола «быть» рядом с именной отглагольной формой конструкция по структуре соответствовала страдательной.

Если провести сравнение санскритского герундива с греческим, то в древнегреческом языке ему соответствуют два вида отглагольного прилагательного. Первый вид на *-tos*, *-tē*, *-ton* обозначал возможность или способность к действию: *lutos*, *-ē*, *-on* – «тот, который может быть развязан /

освобожден». Такое прилагательное иногда соответствовало перфектному причастию: *agarētos* – «тот, кого можно полюбить, возлюбленный» [Балута, 2010, с. 129]. Второй вид прилагательных (с дополнительным суффиксом *-e-*) на *-teos*, *-tea*, *-teon* обозначал долженствование: *luteos*, *ea*, *eon* – «тот, который должен быть развязан / освобожден». Оба вида прилагательных употреблялись в страдательном значении [Козаржевский, 1998, с. 95]. Как и латинский герундив, греческие отглагольные прилагательные встречались и в личных и в безличных конструкциях. В личных они согласовывались с подлежащим в роде, числе и падеже: Но *patēr emoi timēteos estin* – «Отец должен быть мною **почитаем**» [Там же. С. 95]; в безличных без согласования употребляются в единственном числе среднего рода *Nominativus* в сочетании с третьим лицом единственного числа глагола «быть»: *Ton patera emoi pimeteōn estin* – «Мне **нужно почитать** отца». Субъект действия, как и в латыни, стоял в *Dativus* [Там же. С. 96]. Таким образом, греческие отглагольные прилагательные во многом аналогичны тохарским герундивам I и II.

Можно предположить, что санскритский герундив обладал большими семантическими возможностями, чем латинский или греческий: в санскрите эта форма могла передать значение долженствования, будущности и возможности, в греческом – долженствования и возможности, а в латыни – только долженствования. Недостающие латинскому и греческому герундиву значения (возможности и будущности) передавались посредством причастий и специальных лексических компонентов, модальных слов, в роли которых, как правило, выступали модальные и безличные глаголы [Балута, 2010, с. 130].

Следует обратить внимание и на сочетание падежных форм в герундивных оборотах санскрита с аналогичными конструкциями в латыни и в греческом. В санскрите в пассивной герундивной конструкции герундив обязательно согласовывался с объектом действия в *Accusativus*: *Gurorapi doṣāḥ vācyāḥ* – «Даже у гуру можно / нужно найти недостатки», (букв.) «Даже недостатки гуру должны быть найдены» [Kale, 1961, р. 588]. Только при отсутствии любого объекта конструкция могла классифицироваться как безличная. В латыни и греческом

даже в безличной конструкции возможен объект действия в Accusativus и субъект в Dativus: *Ton patera emoi pimetēon estin* – «Мне нужно почитать отца». Кроме того, в латыни и греческом герундив являлся лишь именной частью сказуемого и в большинстве случаев сопровождался вспомогательным глаголом, в санскрите герундив был более «глагольной» формой и обычно обходился без вспомогательного грамматического компонента [Балута, 2010, с. 131].

Своеобразная близость функций санскритского герундива к спрягаемым глагольным формам объясняется тем, что глагольные имена с суффиксами долженствования не просто совпадали по значению с оптативом, но и обладали похожими формообразующими аффиксами. Если рассмотреть состав оптативных форм, то можно отметить, что перед личным окончанием к глагольному корню добавляется суффикс, похожий по звуковому составу на формант суффикса глагольных имен: оптативными суффиксами были *-uā / -ī / -e* [Кочергина, 2005, с. 847]. Можно предположить, что изначально спрягаемая и неспрягаемая глагольные формы обладали аналогичными суффиксами. Но в оптативе суффикс добавляется к среднему корню, а в имени – к слабому. Исключением является лишь прекатив, иногда называемый оптативом аориста. Он представлял собой более древнее образование, где оптативный суффикс добавлялся к слабому корню [Там же. С. 858]. Кроме того, в именах суффикс нередко сохраняет свой первичный состав, в то время как в оптативе он представлен исключительно в виде форманта. Из этого можно сделать вывод о том, что глагольные имена образовались раньше спрягаемых глагольных форм. Со временем они могли вытесняться спрягаемыми глагольными формами. Особенно это касается имен, обладающих модальными функциями, которые постепенно становились прерогативой спрягаемого глагола.

В греческом языке тоже существовал оптатив, но он представлял собой желательное наклонение и не был столь близок к герундиву в грамматическом и модальном отношении, как оптатив санскрита [Балута, 2010, с. 131].

Кроме формы оптатива, в связи с глагольными именами с суффиксами долженствования, следует обратить внимание еще на одну глагольную

спрягаемую форму, обладающую аналогичным суффиксом. В санскрите это форма пассивного залога. Пассив в санскрите, в отличие от латыни и греческого, был представлен только одной формой (а не равной по объему активу системой форм времен и наклонений), что сближает санскрит с русским и старославянским языками [Вайан, 2004, с. 387]. Спрягаемая форма пассива образовывалась от слабого корня посредством добавления суффикса –уа- и медиальных окончаний [Кочергина, 2005, с. 863]. Совмещение в санскритском герундиве функций оптатива и пассива, а также наличие аналогичных словообразовательных формантов еще раз позволяет предположить более раннее происхождение глагольных имен по сравнению со спрягаемыми глагольными формами [Балута, 2010, с. 131].

Рассматривая особенности перевода санскритских герундивных оборотов на русский язык, следует отметить, что в русском языке для передачи герундивного значения требуется особый лексический компонент. Это обусловлено тем, что в русском языке глагольные имена с модальной точки зрения были нейтральны, в то время как в санскрите глагольные имена могли принимать практически все модальные функции спрягаемых глагольных форм [Там же. С. 131].

В истории русского и старославянского языков (по крайней мере в письменную эпоху) не было регулярно воспроизводимых именных или спрягаемых глагольных форм с суффиксами долженствования. Однако уже в раннюю письменную эпоху существовали так называемые «модальные слова», которые могли выражать долженствование, например «подоба» (= надо, следует, подобает): «Подоба ти бе дати сребро мое прикоупъ творяштиимъ» [ССС, 1999, с. 462]. Такие модальные слова существуют и в современном русском языке, но они, в отличие от санскритского, латинского и греческого герундива, не склоняются, а представляют собой особый разряд безлично-предикативных слов и называются словами категории состояния: «надо», «должно» и др [СРЛЯ, 2001, с. 265].

По происхождению русские слова категории состояния, а также безличные глаголы, употребляемые в качестве модального компонента в переводе

герундивных конструкций (Мне **следует** это сделать), обычно восходят к именам или глаголам. Например, слово «подоба» уже в «Старославянском словаре» в первом значении упоминается как способ действия [ССС, 1999, с. 462]. В раннюю письменную эпоху также употреблялся однокоренной этому слову глагол в сочетании с инфинитивом в модальном значении. В древнерусском языке модальные функции этого глагола сохранились: «Не подобаѣть сихъ соудовъ и тяжь князю соудити» [Срезневский, Т. 2, 2003, с. 1038]. Слово «нужно» является однокоренным старославянскому глаголу «ноудити» (совершать насилие, оказывать давление, угнетать) и существительному «ноужда» [Там же. С. 386]. А безличный глагол современного русского языка «надлежать», также употребляющийся в сочетании с инфинитивом для перевода безличных герундивных конструкций: «Надлежит действовать безотлагательно» [Ожегов, Шведова, 1996, с. 371], в древнерусском языке имел значение «лежать над чем», «угрожать» [Срезневский, Т. 2, 2003, с. 282]. В старославянском языке этот глагол имел только значения «лежать на чем-либо, наступать, нависать» [ССС, 1999, с. 347]. По семантике, то, что находится сверху, «нависает», может представлять угрозу для жизни. Таким образом, первоначальное значение глагола преобразовалось в «угрожать». Кроме того, человек, который стоит выше по положению в жизни «над кем-либо», может диктовать свои условия, оказывать давление. Отсюда у глагола «надлежать» постепенно сформировалось значение необходимости / долженствования. Данный раздел ограничивается рассмотрением истории лишь нескольких слов категории состояния русского языка, так как эта тема требует отдельного исследования [Балута, 2010, с. 132].

Таким образом, можно сказать, что в русском языке нет морфологической формы герундива, но герундивное значение может быть выражено синтаксически при употреблении особых лексических компонентов, модальных слов. Необходимо помнить, что и в санскрите, и в древнегреческом, и в латинском языке тоже существовали подобные модальные слова, которые могли употребляться в оборотах, аналогичных конструкциям с герундивом, например: *alam* – «нельзя» – в санскрите; *dei* – «нужно» – в греческом; *oportet* – «следует» –

в латинском. Они употреблялись в оборотах, омонимичных герундивным, но при соблюдении особых синтаксических условий. Русский язык из-за отсутствия морфологически выраженной формы герундива такими возможностями не обладал [Там же. С. 132].

Сравним структуру санскритских герундивных конструкций с аналогичными им по смыслу русскими предложениями. Пассивные варианты герундивных предложений в санскрите переводятся на русский язык также пассивными конструкциями. Однако в санскрите в данном случае предикат является однокомпонентным (герундив), в то время как в русском языке он состоит обычно из трех компонентов: модальное слово со значением возможности или долженствования + инфинитив глагола «быть» + причастие прошедшего времени страдательного залога. Знаменательным компонентом русского предиката является причастие, так как именно оно совпадает по значению с герундивом, а остальные компоненты вспомогательные: *Chatrena jñānam labhyam* – «Студентом знание **должно быть достигнуто**» [Kale, 1961, p. 588]. Альтернативой пассивной конструкции в переводе на русский язык может выступать активная или безличная конструкции: *Nareṇa duhitre vāri dātavyam* – «Человек **должен / может дать** дочери воды», (букв.) «Вода человеком **должна быть** дочери дана». *Mayā svasā praṣṭavyā* – «Мне **следует / нужно спросить** сестру», (букв.) «Сестра **должна / может быть** мной **спрошена**» [Ibid. P. 588]. Выбор модального слова для обозначения возможности, долженствования или будущности в переводе обуславливается контекстом.

Безличная герундивная конструкция в санскрите, как было сказано выше, не может содержать объекта. Предикат в таком предложении однокомпонентен. На русский язык такие конструкции переводятся безличными односоставными предложениями, где предикат состоит из двух компонентов: модальное слово + инфинитив: *Pratyaham snātavyam* – «Каждый день **нужно купаться**» [Ibid. P. 589].

В заключение данного раздела следует отметить, что, несмотря на наличие некоторых общих черт в грамматических структурах санскрита и русского языка,

санскритский герундив и герундивные обороты представляют собой некоторую сложность для переводчика. Однако в русской грамматике, при отсутствии герундива, существует определенный алгоритм передачи значения этой глагольной формы средствами русского языка, который необходимо учитывать при переводе.

3.2.4. Грамматический статус герундива в идише в сопоставлении с индоевропейскими и семитскими языками

Герундивом в идише называется особая форма глагола, соответствующая в русском языке двум глагольным формам: деепричастию несовершенного вида: קלאפנדיק – klapendik – «стуча», а также действительному причастию настоящего времени: קלאפענדיקער – klapendiker – «стучащий» [Сандлер, 1989, с. 212]. Герундив может употребляться в краткой и полной формах.

В краткой (неизменяемой) форме герундив обычно выполняет функцию обстоятельства, поэтому переводится на русский язык деепричастием несовершенного вида: שפאצירנדיק אין וואלד האבן מיר געקליבן יאגעדעס – **shpazirndik** in wald hobn mir geklibn jagedes – «гуляя по лесу, мы собирали ягоды» [Там же. С. 213].

В немецком языке идишскому герундиву во многом соответствует Partizip I. В краткой (неизменяемой) форме он также может выполнять функцию обстоятельства и переводиться на русский язык деепричастием: Er rauchte **schweigend** – «Он молча курил», Eine Biene flog **summend** umher – «Вокруг жужжа летала пчела» [Нарустранг, 2003, с. 163]. Если немецкий Partizip I сочетается с частицей zu, он приобретает пассивное залоговое значение и обозначает действие, «которое может или должно совершиться в будущем, то есть предстоящее действие с оттенком долженствования или возможности: Der **zu übersetzende** Text – «Текст, который нужно (можно, следует) перевести», «Текст, который должен (может) быть переведен», «Текст, подлежащий переводу» [Там же. С. 162].

В латинском языке герундив в сочетании с глаголом «быть» также мог передавать долженствование: *Liber mihi legendus est* – «Книга мной **должна быть прочитана**», *Pacta servanda sunt* – «Договоры **должны соблюдаться**» [ЛЯ, 2000, с. 171]. Сам герундив в латыни представлял собой отглагольное прилагательное и дополнял систему причастных форм, передавая значения причастия настоящего времени страдательного залога: *liber legendus* – «**читаемая** книга». В зависимости от контекста латинский герундив может быть переведен также отглагольным существительным: *ad urbem condendam* – «для **основания** города». Но во всех предложениях, кроме безличных, латинский герундив употребляется в полной форме и склоняется [Там же. С. 170]. В санскрите герундивом иногда называют форму пассивного причастия будущего времени, которая также могла передавать значение долженствования (а также значения будущности и возможности): *त्वया सेवा साधितव्या* – *tvayā sevā sādhitavyā* – «тобой служение должно быть (может быть, будет) совершено [Балута, 2013, с. 135].

Как правило, если в языке есть глагольное имя, называемое герундивом, именно оно, помимо модальных глаголов, передает значения «должен», «следует» и т.п. В идише подобные значения передаются несколько иными способами, без участия герундива. Значение долженствования может быть передано посредством вспомогательного глагола *זאלן* – *soln* (чаще в форме прошедшего времени) в сочетании с инфинитивом, когда образуется так называемое смешанное наклонение: *ער האט געזאלט קומען* – *er hot gesolt comen* – «он **должен был** прийти» [Сандлер, 1989, с. 174].

В иврите значение долженствования без участия модальных глаголов мог передавать имперфект: *יכתוב* **yiktob** – «он будет писать, должен писать, пусть напишет». Есть также особая форма для выражения желательности и долженствования – юссив. Но формы юссива отличаются от форм имперфекта только в 3-м лице единственного числа и лишь в некоторых классах глаголов [Ламбдин, 2000, с. 203]. При этом такие формы употребляются для значения

долженствования преимущественно в библейском иврите и литературной форме современного.

Возвращаясь к обстоятельственной функции герундива, следует сказать, что в иврите деепричастные значения передаются формами абсолютного инфинитива. При этом следует сказать, что форма абсолютного инфинитива широко употреблялась лишь в библейском иврите. В современном иврите абсолютный инфинитив практически не используется, а деепричастные значения можно передавать формами склоняемого инфинитива в сочетании с различными предлогами и частицами [Балута, 2013, с. 136]. В качестве примера можно привести сочетание частицы **בלי** – **bli** со склоняемым инфинитивом, передающим значение деепричастия:

איך להיפרד מבחור טוב מבלי לפגוע בו.

'eux lehipared mibaxur tov **mibli lifgo** 'a bo [בלי פאניקה]. Электронный ресурс].

«Как расстаться с хорошим парнем, **не обидев** его» [пер. наш. – А.Б.]

В некоторых индоевропейских языках причастные обороты могут преобразовываться в «абсолютные» или «самостоятельные» конструкции, когда субъект действия причастного оборота не совпадает с субъектом действия главного предложения. Например, в латинском языке причастия, если они не зависят ни от какого члена предложения, образуют с зависимыми словами «самостоятельные» обороты с обстоятельственными значениями и переводимые на русский язык деепричастными оборотами (если субъекты действия главного предложения и причастного оборота совпадают) или сложноподчиненными предложениями с придаточными обстоятельственными (если субъекты действия в главном предложении и причастном обороте различны) [Балута, 2013, с. 137]: **Autumno adveniente** aves avolant – «**Когда наступает осень**, птицы улетают» [ЛЯ, 2000, с. 178]. В латинском языке такие конструкции называются Ablativus absolutus, так как причастие и согласованное с ним имя стоят в Отложительном падеже. В других языках падеж абсолютной конструкции может быть иным, поэтому такие обороты называются, например, Genetivus absolutus (древнегреческий): **Kyru basileuontos** hoi Persai erhon pases tes Asias – «**Когда**

царствовал Кир, персы властвовали надо всей Азией» [Козаржевский, 1998, с. 35], Locativus absolutus (санскрит): सूर्ये अस्तं गते विहगाः प्रत्यागच्छन्ति *sūrye astam gate vihaḡāḥ pratyāgacchanti* – «**Когда солнце идет к горизонту**, птицы возвращаются» [ШС, Ч. 1, с. 37]. Дательный самостоятельный в истории русского языка: **ѿшедшимъ же имъ...** – «**когда же они отшли**» [НЗЦС, 2004, с. 18] и т.п.

В новых западных языках также употребляются полупредикативные конструкции с причастиями, которые можно назвать «самостоятельными» оборотами. В английском языке этот оборот называется the Nominative Absolute: **The enemy approaching**, the inhabitants closed the gates – «**Когда приближался враг**, жители закрыли ворота». Во французском такой причастный оборот имеет название la proposition participle absolute: **L'ennemi approchant**, les habitants fermerent la porte – «**Когда враг приближался**, жители закрыли ворота». В идише возможности герундива в данном случае ограничиваются конструкциями, которые обозначают добавочное действие и не преобразуются в самостоятельные. Перевод такой конструкции на русский язык сложноподчиненным предложением с придаточным временным зависит от возможности употребления деепричастной формы переводимого глагола: האב איך פֿאָרנדיק אין וואָגאָן אים אָפגעמאָלט אף פאפיר – *Nav ich forndik in wagon, im orgemolt af papir* – «**Едучи** (устар.) в вагоне, я нарисовал его на бумаге», «**Когда я ехал** в вагоне, я нарисовал его на бумаге» [Сандлер, 1989, с. 214].

В немецком языке Partizip с зависимыми словами иногда может образовывать конструкции, аналогичные «самостоятельным» причастным оборотам: **In Moskau angekommen**, besuchten wir vor allem unsere Freunde – «**Прибыв в Москву**, мы посетили прежде всего наших друзей». Похожие значения также могут передавать обособленные инфинитивные обороты модели (an)statt... + zu + Infinitiv или ohne... + zu + Infinitiv: **Ohne ein Wort zu verlieren**, verließ sie das Zimmer – «**Не проронив ни слова**, она вышла из комнаты» [Нарустранг, 2003, с. 263].

В иврите для передачи значений, похожих на значения «абсолютных» оборотов в индоевропейских языках, употребляется «склоняемый» инфинитив с предлогами b(e) и k(e): אֶת־הַדָּבָר בְּשָׁמְעוֹ – k(e)sham'o ethadavar – «когда он услышал это слово», «при услышании им этого слова» [Ламбдин, 2000, с. 216].

В полной (склоняемой) форме герундив идиша употребляется в качестве определения к существительному и переводится на русский язык действительным причастием настоящего времени: דאס שלאָפנדיקע קינד – dos shlofndike kind – «спящее дитя», די נענדיקע זון – di “shainendike zun” – «сияющее солнце» [Сандлер, 1989, с. 216].

В немецком языке Partizip I, соответствующий герундиву в идише, также может употребляться в атрибутивной функции: Das **lesenede** Mädchen – «**Читающая** девочка», Der **fliegende** Vogel – «**Летящая** птица» [Нарустратг, 2003, с. 162].

В иврите, и библейском и современном, идишскому герундиву в атрибутивном употреблении в некоторой степени соответствует активное причастие. Оно также может выступать в качестве определения к существительному, однако обладает и иными синтаксическими функциями, характерными для семитских языков. Активное причастие иврита в предложении выполняет две основные функции: оно является определением к имени существительному и представляет собой форму настоящего времени глагола, так как спрягаемая форма настоящего времени с личными окончаниями в иврите отсутствует [Балута, 2013, с. 137]. Поэтому активное причастие иврита бывает определением: הָאִישׁ הַכּוֹתֵב – hayish hakotev – «пишущий человек» и сказуемым: כּוֹתֵב הָאִישׁ – hayish kotev – «человек пишет». Определение может отличаться от сказуемого наличием артикля, но иногда активное причастие совмещает в себе сразу обе функции:

הַדְּלָתוֹת לֹא סְגוּרוֹת בְּפִנֵּי רוֹנָאֵלְדִּינוֹ.

hadlatot lo' sgurot bifney Ronaldino – «Двери **не закрыты** перед Рональдиной» [אתר שירם שירונט. Электронный ресурс].

Идиш по своим грамматическим характеристикам является не семитским, а индоевропейским языком, поэтому герундив в идише не обладает предикативными свойствами, присущими активному причастию в иврите. При этом ивритское активное причастие, в отличие от герундива в идише, не может передавать деепричастных значений. Возможность причастия выполнять деепричастные функции является больше индоевропейской чертой, в семитских языках обстоятельственные значения может передавать такое глагольное имя, как инфинитив. Следует отметить, что и в некоторых индоевропейских языках причастия могли употребляться в качестве временной формы глагола. Например, в современном русском языке спрягаемая форма прошедшего времени была утрачена и заменена причастием на -л-, которое не имеет личных окончаний. Для современного русского языка эта форма прошедшего времени является единственной. В санскрите также существовали причастия на -kta-, которые употреблялись в качестве прошедшего времени без глагола-связки. Но при этом в санскрите одновременно использовалось несколько спрягаемых форм прошедшего времени. В идише также есть причастная форма, которая может употребляться в качестве сказуемого без вспомогательного глагола, она имеет название Partizip. У герундива в идише подобная предикативная функция отсутствует [Балута, 2013, с. 137].

В переводе Библии (это касается и Ветхого и Нового Завета) форма герундива в исследованных в данной работе примерах не употребляется. Вероятно, данная форма была образована позже (после 1912 г., когда был переведен на идиш Новый Завет). Это связано с новым этапом развития языка в начале XIX в., связанного с развитием идей Просвещения, светского образования и понятной народу литературы [Сандлер, 1989, с. 438]. В библейских переводах, там, где по законам грамматической структуры современного идиша ожидается постановка герундива, данное глагольное имя заменяется другими, аналогичными по смыслу формами. Это явление также можно объяснить калькированием древнееврейского текста.

Бытие 2:16

(Идиш)

און גאט דער האַר האָט אָנגעזאָגט דעם מענטשן, אַזוי צו
זאָגן: דאָן אַלע ב״מער דאָן גאָרטן מעגסטו עסן;

[ПЯИ, с. 8. Электронный ресурс].

(Древнеевр.) – склоняемый инфинитив в значении деепричастия «говоря»

וַיֹּצֵא יְהוָה אֱלֹהִים, עַל-הָאָדָם לֵאמֹר: מִכָּל עֵץ-הָגֶן, אֲכַל תֹּאכִל

[ВН, 1997, s. 3].

(Русск.) И заповедал Господь Бог человеку, **говоря**: от всякого дерева в саду ты будешь есть [БК, 1997, с. 2].

(BSV) praecipitque ei **dicens** ex omni ligno paradisi comede [BSV, 1994, s. 6].

(Нем.) Und Gott, der HERR, gebot dem Menschen und **sprach**: Von jedem Baum des Gartens darfst du essen (имперфект) [GNB, 2000, s. 5].

В древнееврейском тексте примера употребляется склоняемый инфинитив в функции деепричастия, который передает значение добавочного действия. В идише эта форма переводится также инфинитивом с частицей zu. В латинском переводе примера значение древнееврейского склоняемого инфинитива передает причастие настоящего времени, которое здесь выполняет функции деепричастия и обозначает добавочное действие. Деепричастием переводится древнееврейская форма и на русский язык. В немецком переводе употребляется спрягаемая форма имперфекта.

Таким образом, можно заключить, что герундив в идише представляет собой причастную форму, которая в индоевропейских языках является эквивалентом действительного причастия активного залога. Он может использоваться как определение к существительному, а также употребляться в обстоятельственном значении, выполняя функцию деепричастия несовершенного вида. Значения долженствования, которым обладают некоторые одноименные формы в иных индоевропейских языках, у герундива в идише отсутствует. В

немецком языке данной форме во многом соответствует Partizip I. В иврите идишскому герундиву отчасти соответствует активное причастие, которое обладает большим объемом синтаксических функций. В языках романской ветви (румынском, испанском, португальском, итальянском, французском) и в английском языке германской ветви герундив идиша можно отчасти считать эквивалентом герундия. В переводах Библии герундив, как более поздняя по происхождению форма, еще не употребляется, вместо него используются другие глагольные формы, чаще всего инфинитив. Это отчасти объясняется калькированием при переводе древнееврейского текста [Балута, 2013, с. 138].

3.2.5. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления герундива в индоевропейских и семитских языках (на материале библейского текста)

Примеры выбраны по форме герундива в латинском тексте, наиболее древнем из представленных переводов, где употреблялся герундив.

Ветхий завет (источник на древнееврейском языке)

Бытие 18:18

(Русск.) От Авраама точно произойдет народ великий и сильный, и благословятся в нем все народы земли [БК, 1997, с. 16].

(Древнеевр.)

יְהוָה וְאַבְרָהָם--הָיוּ יְהוָה לְגוֹי גָּדוֹל, וְעַצוֹם ; וְנִבְרָכוּ--בּוֹ--כָּל, גּוֹיֵי הָאָרֶץ
[BH, 1997, s. 24].

(SG) Ἀβραὰμ δὲ γινόμενος ἔσται εἰς ἔθνος μέγα καὶ πολὺ καὶ ἐνευλογηθήσονται ἐν αὐτῷ πάντα τὰ ἔθνη τῆς γῆς [SG, 1979, s. 24].

(BSV) cum futurus sit in gentem magnam ac robustissimam et **benedicendae sint** in illo omnes nationes terrae [BSV, 1994, s. 24].

(БЦС) **Ѣвѣра́мъ же быва́а бѣдетъ въ ѡзы́къ великъ и мно́гъ, и бѣгѣ́тсѧ ѡ́ немъ вси ѡзы́цы земли́** [БЦС, 2012, с. ѱ].

(Болг.) От Авраама именно ще произлезе народ велик и силен, и чрез него ще **бѣдат благословени** всички народи на земята [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) Кад ће од Аврама постати велик и силан народ, и у њему **ће се благословити** сви народи на земљи [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Przecieі ma sió on stać ojcem wielkiego i potóinego narodu, i przez niego otrzymaj **biogosiawieństwo** wszystkie ludy ziemi [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) Poněvadř Abraham jistotně bude v národ veliký a silný, a **pořehnání budou** v něm všickni národové země [BČ, 2006, s. 23].

(Англ.) Seeing that Abraham shall surely become a great and mighty nation, and all the nations of the earth **shall be blessed** in him [TB, 1997, p. 18].

(Нем.) Abraham soll doch zu einer großen und mächtigen Nation werden, und in ihm **sollen gesegnet werden** alle Nationen der Erde! [GNB, 2000, s. 18].

(Франц.) Abraham deviendra certainement une nation grande et puissante, et en lui **seront bénies** toutes les nations de la terre [LB, 2004, p. 37].

Из всех представленных языков данного примера только в латинском употребляется герундив, который здесь передает оттенок долженствования «должны быть благословенны». В остальных языках герундив соответствует спрягаемой глагольной форме.

Новый завет (источник на греческом койне)

Мк. 13:22

(КД) ἐγερθήσονται γάρ ψευδόχριστοι καὶ ψευδοπροφῆται καὶ δώσουσι σημεῖα καὶ τέρατα **πρὸς τό ἀποπλανᾶν**, εἰ δυνατόν, καὶ τοῦς ἐκλεκτοῦς [КД, 1993, s. 104].

(BSV) exsurgent enim pseudochristi et pseudoprophetae et dabunt signa et portenta **ad seducendos** si potest fieri etiam elektos [BSV, 1994, s. 1598].

(Санскр.) यतो कटरव्रीष्टाः कूटभाववादिनश्चोत्थास्यन्ति प्रदर्शयिष्यन्ति च

तेऽभिज्ञानान्यद्भुतलक्षणानि च तादृशानि यैः सद्ये सति ते वरितानपि मनुष्यान् पथभ्रष्टान् करिष्यन्ति
[TNTIS, 1962, p. 120. Электронный ресурс].

मनुष्यान् पथभ्रष्टान् करिष्यन्ति – описательный глагольный оборот.

(OE), (AE), (KE) – пример отсутствует.

(ME) въстанѡуть бо лъжии х^{ри}сти и лъжии пр(о)рци. и дада^{тъ} знаменїа и чюдеса на прѣльщєнїє. аще мѡщно избѣраныа [ME, 1983, с. 156].

(ЧНЗ) встанѡ^{тъ} бо лжехристи. і лжепр^рци. і дада^{тъ} знаменїа і чюдеса к соблаз^{но}у. а бѣ мѡщно и избѣраныа [ЧНЗ, 2001, с. 85].

(ГБ)

въстанѡут бо лжехристи. и лжепр^рци. и дада^{тъ} знаменїа и чюдеса. еже прелс^тити аще възможно. и избѣранныа [ГБ, 1992, с. 170].

(ОБ)

встанѡ^{тъ} бо лже х^{ри}сти, и лже пр^рци, и дадѡ^{тъ} знаменїа и чюдеса, кѣеже прелс^тити аще възможно і избранныа [ОБ, 1988, л^и кд об.].

(МБ)

встанѡ^{тъ} бо лжехристи и лжепророцы; и дада^{тъ} знаменїа и ч^ддеса еже прелс^тити, аще възможно, и избранныа [МБ, 1698, с. 16].

(ЕБ)

Востанѡтъ бо лжехрѣсти и лжепророцы, и дадѡтъ знаменїа и чѡдеса, еже прелстити, аще возможно, и избранныа [ЕБ, 1757, с. па].

(НЗ, 1823) Ибо возстанут лжехристы и лжепророки; и покажут знамения и чудеса, **дабы прельстить**, естли возможно, и избранных [НЗ, 1823, с. 340].

(Русск.) Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут знамения и чудеса, **чтобы прельстить**, если возможно, и избранных [БК, 1997, с. 55].

В латинском переводе данного примера употребляется редкая форма герундива с предлогом *ad*, который отличается от герундия окончанием множественного числа. Таким образом, глагольное имя одновременно передает и цель и возможность совершения действия: «чтобы могли быть прельщены... и избранные». В греческом тексте употребляется субстантивированный инфинитив с целевым предлогом. В санскрите этой форме соответствует описательный глагольный оборот со спрягаемой формой будущего времени. В большинстве славянских переводов, а также в русских переводах, греческий инфинитив передается также инфинитивом, который представляет собой сказуемое целевой придаточной конструкции. В тексте (ОБ) субстантивация инфинитива передается дополнительным компонентом, посредством присоединения к подчинительному союзу предлога «к». В тексте (ЧНЗ) греческий субстантивированный инфинитив передается с помощью отглагольного существительного.

Выводы по разделу «Герундив»

По результатам типологического обзора и сравнительно-сопоставительного анализа морфологических форм и синтаксических функций герундива в индоевропейских языках и его аналогов в семитских языках (иврит) можно сделать следующие выводы.

Герундив в индоевропейских языках представляет собой глагольное имя адъективного характера, которое служит для распространения или дополнения

значений причастий. Основное значение герундива – долженствование или намерение совершить действие. Герундив редко выделяется в самостоятельную грамматическую категорию, чаще он имеет другое название «причастие намерения» или «причастие долженствования». В отдельных языках (например в древнегреческом) вместо формы герундива употребляются специальные отглагольные прилагательные, передающие герундивные значения. В других языках (санскрит) такие прилагательные могут употребляться наряду с формами герундива. В языках, где морфологическая форма герундива отсутствует (современный русский), герундивное значение может быть выражено синтаксически при употреблении особых лексических компонентов – модальных слов. В освещаемых в настоящем исследовании семитских языках герундив не употребляется.

3.3. Характеристика отглагольных прилагательных как именной формы глагола

3.3.1. Предпосылки формирования отглагольных прилагательных в древнейших дешифрованных языках

Отглагольные прилагательные в индоевропейских и семитских языках довольно редко выделяются в самостоятельную морфологическую категорию наряду с другими неличными формами глагола, так как данной форме редко присущи специфические синтаксические функции. В данном разделе освещаются отглагольные прилагательные только в тех языках, где они дифференцируются от других неличных форм глагола и представляют собой альтернативу герундиву или какой-либо из причастных форм. Предпосылки для появления отглагольных прилагательных наблюдаются уже в шумерском языке.

Существует мнение, что в **шумерском** языке прилагательное еще не функционировало как самостоятельная часть речи, а в значении прилагательных употреблялись глаголы с семантикой признака, свойства и качества. Это

объясняется тем, что шумерские прилагательные вообще не имели собственных морфологических признаков. В то же время от корней с семантикой качества и свойства, которые в атрибутивной функции имели значение прилагательных, образовывались спрягаемые глагольные формы [Канева, 2006, с. 187]. Наличие подобного явления в шумерском языке снова является подтверждением большой близости имени и глагола в древнейших языковых системах, грамматика которых базируется на первичности синтетизма человеческого мышления, а также служит подтверждением первичности глагольных имен по отношению к спрягаемым глагольным формам.

В качестве примера употребления шумерских универсальных корней, которые могли использоваться как в значении прилагательного, так и в значении спрягаемого глагола, можно привести следующие образования: *gig* – «быть черным», *babbar* – «быть белым, сверкающим». Прилагательные от данных корней: *sag-gig* – «черноголовые», *barag-babbar-ra* – «на сверкающем помосте». Спрягаемые глагольные формы: *túg na-an-gíg-ge túg na-an-babbar-e...* – «одежда его пусть не будет черной, одежда его пусть не будет белой...» [Там же. С. 187]. Такие универсальные глагольные корни со значением качества и свойства в дальнейшей общей истории развития языков могли послужить основой для образования аккадского статива (спрягаемого глагольного имени), а также для разнообразных отглагольных прилагательных, приобретших дополнительные модальные оттенки.

3.3.2. Отглагольные прилагательные в древних и новых индоевропейских и семитских языках¹⁷

Из всего количества исследуемых в данной работе индоевропейских и семитских языков отглагольные прилагательные только в древнегреческом и аккадском выделяются в самостоятельную грамматическую категорию.

¹⁷ По причине небольшого количества, по сравнению с причастием, фактического материала типологический обзор отглагольных прилагательных в исследуемых индоевропейских и семитских языках приводится в одном разделе. – А.Б.

В древнегреческом языке существует два вида отглагольных прилагательных: 1) Отглагольное прилагательное I образуется путем присоединения к основе настоящего времени родовых окончаний: *-τος* (м. род), *-τη* (ж. род), *-τον* (с. род). Это прилагательное передает значение возможности или способности к действию: *ἀγαπητός* – «тот, кого можно полюбить», «возлюбленный» [Козаржевский, 1998, с. 95]. Данный вид отглагольного прилагательного аналогичен индоевропейскому герундиву, причастию «возможности», а также одной из форм глагольного имени шумерского языка. 2) Отглагольное прилагательное II образуется от основы настоящего времени с помощью родовых окончаний *-τέος* (м. род), *-τέα* (ж. род), *-τέον* (с. род). Эта форма, как и индоевропейский герундив, передает значение долженствования: *λυτέος* – «тот, кто должен быть освобожден». Оба вида отглагольных прилагательных в большинстве случаев имеют пассивное значение [Там же. С. 95]. В целом древнегреческие отглагольные прилагательные можно назвать аналогами тохарских герундивов I и II, также передающих значения долженствования и возможности.

В аккадском языке существуют отглагольные прилагательные, которые, в отличие от причастий, имеют только пассивное значение. Такие прилагательные преимущественно употребляются для образования форм статива, иногда используются в качестве определения: *mi-im-ma-šu ḫal-qá-am* – «его пропавшее имущество» [Каплан, 2006, с. 82].

Статив – очень редкая спрягаемая форма глагольного имени, которая изменяется по суффиксальному спряжению. Наиболее распространенной считается форма статива от прилагательных: *we-da-ku* – «я одинок», но также встречаются стативы от притяжательного местоимения: *i-a-at* – «она (есть) моя», от количественных числительных: *iš-té-a-at* – «она (есть) одна», от глаголов: *Ištar-damqat* – «Иштар хороша», от причастий: *Adad-mušēzib* – «Адад-спаситель», (букв.) «спасающий». Иногда аккадский статив, как и древнегреческие отглагольные прилагательные, мог дополнительно выражать значение долженствования [Там же. С. 74].

В современных индоевропейских языках могут существовать относительные аналоги древнегреческим и аккадским отглагольным прилагательным. Эти формы регулярно образуются от глагольных основ и обладают специфическими синтаксическими функциями. Например, в **литовском** языке к страдательным причастиям семантически примыкают отглагольные образования, которые в грамматиках литовского языка иногда называются «страдательные причастия необходимости»: **girtinas** – «достойный похвалы» (*Būk girtinas bet nesigirk*, (букв.) «будь хвалимым, но не хвастайся»); **neabejótinas** – «не подлежащий сомнению», **žinótina** – «(то), что следует знать». «Такие образования не участвуют ни в одной из специфически глагольных оппозиций, не допускают (в отличие от собственно страдательных причастий) сочетания с «Родительным деятеля» и поэтому не могут рассматриваться как трансформация предикативного сочетания Именительного падежа с личным глаголом. Целесообразно считать их отглагольными прилагательными» [Булыгина, Синёва, 2006, с. 114]. В рамках данного исследования такие отглагольные прилагательные можно отчасти сравнить с латинским герундивом (который, в сущности, тоже является глагольным именем адъективного характера), а также с отглагольными прилагательными в древнегреческом языке.

Выводы по разделу «Отглагольные прилагательные»

По результатам краткого типологического обзора морфологических форм и синтаксических функций отглагольных прилагательных в индоевропейских и семитских языках можно заключить, что данная неличная форма глагола редко выделяется в самостоятельную грамматическую категорию. Особые случаи дифференциации отглагольных прилагательных из основного разряда адъективов в индоевропейских языках, как правило, связаны с их близостью к функции герундива. Выделенные в особую категорию отглагольные прилагательные в древнегреческом и литовском языках служат, как и герундив, для передачи значения долженствования или намерения совершить действие. В аккадском

языке семитской семьи сами отглагольные прилагательные, выражающие пассивные значения, являются дополнением к системе аккадских причастий, которые могли выражать только активное значение. Такие отглагольные прилагательные в дальнейшей истории развития семитских языков были преобразованы в пассивные причастия, которые сохранили преимущественную «адъективность» синтаксических функций по отношению к активным причастиям. Кроме этого отглагольные прилагательные аккадского языка стали базой для образования многих форм аккадского статива. Предпосылки для образования отглагольных прилагательных обеих языковых семей зафиксированы уже в шумерском языке.

По причине редкого употребления отглагольных прилагательных в тексте и переводах Библии на исследуемых здесь языках в данной работе не приводится сопоставительный анализ примеров данной формы.

3.4. Характеристика деепричастия как особой формы глагола

Деепричастие представляет собой особую, отличную от ранее представленных, форму глагольного имени, которая является неизменяемой и сочетает в себе функции глагола и наречия. Во многих древних языках (например в латинском) деепричастие не выделяется в самостоятельную категорию, так как функции этой формы выполняются причастием. В рассматриваемых здесь древнейших дешифрованных языках деепричастие также не дифференцируется от других глагольных имен. Это могло бы послужить основанием для предположения, что деепричастие является более поздним образованием по отношению к причастию и было сформировано из застывших и утративших склонение причастных форм. Однако формы деепричастий фиксируются уже в одном из самых древних языков индоевропейской семьи – в санскрите. Это обстоятельство служит поводом для более подробного изучения соотношения форм данного глагольного имени в различных языках.

3.4.1. Деепричастие в древних и новых индоевропейских языках: типологический обзор

В языках индоевропейской семьи форма деепричастия встречается довольно часто. Деепричастие (или его аналоги) зафиксированы в следующих из рассматриваемых в данной работе индоевропейских языках: санскрит, хиндустани, урду (арийская ветвь); талышский (иранская ветвь); тохарские языки; современный греческий; болгарский, хорватский, сербский, чешский, словацкий, польский, украинский, белорусский, русский (славянская группа); литовский, латышский, латгальский (балтийская группа); кельтские языки; румынский, итальянский, португальский (романская ветвь). Преимущественно это глагольное имя употребляется в языках «восточного» направления, где деепричастие может иметь от одной (хиндустани, панджаби, новогреческий, болгарский, словацкий) до пяти (урду) форм. Основными формами деепричастий, которые есть в большинстве из исследованных здесь языков, можно считать: 1) деепричастие несовершенного вида и 2) деепричастие совершенного вида. Иногда в языке существуют две деепричастные формы, которые, в зависимости от контекста, могут передавать как значения совершенного, так и значения несовершенного вида (санскрит). Изредка деепричастие может различаться по категории времени: настоящее, прошедшее, будущее (чешский язык). Деепричастные значения в талышском языке, как и в иврите, могут передавать формы инфинитива. В некоторых языках (хиндустани, тохарские) значение деепричастия передает глагольное имя, называемое «абсолютив».

В **санскрите** существуют две формы, которые можно назвать деепричастиями, так как они являются неизменяемыми, в результате чего не согласуются ни с одним членом предложения и употребляются для обозначения добавочного действия.

Первое деепричастие образуется от бесприставочных глаголов. К чистому глагольному корню присоединяется суффикс *-tvā-*: *kṛ* (делать), *kṛtvā* (делая, сделав) [Санскрит, 2000, с. 125].

Второе деепричастие образуется от чистого конца приставочных глаголов посредством присоединения суффикса *-lyap-*, от которого при контакте с корнем остается формант *-ya-* или *-tva-* (после кратких гласных): *pratīkṣ* – «смотреть на... присматривать», *pratīkṣya* – «присмотрев, присматривая» [Там же. С. 125].

Обе деепричастные формы на русский язык можно переводить и совершенным и несовершенным видом. Выбор видовой формы при переводе обычно зависит от временной формы основного глагола: если основной глагол стоит в прошедшем совершенном времени, то и деепричастие при нем обычно переводится совершенным видом: *ekadā kaścit brahmaṇo grāmāntare yagnakarma anuṣṭhāya dakṣiṇārūpeṇa ekam chāgata alabhata* – «Однажды некий брахман в деревне другой жертвы обряд **исполнив**, подарка в виде одного козла получил»; *sa brahmaṇaḥ chagam skandhe kritva prasthitaḥ* – «Тот брахман, козла на плечо **сделав**, домой отправился»; *pathi trayo dhuttrāḥ puṣṭāṅgam tam chāgam ālokya lobhākriṣṭacittāḥ parasparam ālicitavantaḥ* – «По пути три плута, толстого козла **присмотрев**, алчно необузданно желающие (они) между собой обсуждали» [Kale, 1961, p. 592].

Если время основного глагола непрошедшее, деепричастие, как правило, переводится несовершенным видом: *kimetat brahmaṇo bhatvā kukkyram svaskandhe nītvā gacchati* – «Что это: брахман **будучи**, собаку на своем плече *неся*, идет» [Ibid. P. 593].

Однако часто вопрос перевода деепричастия зависит от контекста, так как некоторые прошедшие времена в санскрите (имперфект) могли иметь «начинательное» значение, а следовательно, не обозначать «совершенности» действия: *te... kiñcit vyavadhānam āśritya triṣu sthāneṣu sthitaḥ* – «Они... некоторый промежуток **сохраняя**, в трех местах встали» [Ibid. P. 594].

Вопрос о специфике перевода деепричастий санскрита на русский язык еще не решен до конца потому, что в этом языке ведического периода нельзя установить четких видовых норм для прошедших времен, как это существует в латыни или древнегреческом. Для определения правил перевода деепричастий

санскрита на русский язык совершенным или несовершенным видом необходимо изучение значительного практического материала из литературы на этом языке.

В **хиндустани** существует глагольное имя абсолютив, который обычно переводится на русский язык деепричастием совершенного вида. Он образуется от глагольной основы с помощью окончаний *-kar*, *-ke*, *-karke*. Иногда в качестве абсолютива может функционировать чистая глагольная основа: *denā* – «давать», *de*, *dekar*, *deke* – «давши», «дав». Иногда абсолютив может переводиться деепричастием несовершенного вида: *choṛ kar* – «исключая, кроме» [Баранников, 1934, с. 75].

Абсолютив может быть распространен другими второстепенными членами, тогда конструкция с абсолютивом переводится на русский язык деепричастным оборотом или придаточным обстоятельственным предложением: *dukān par jā, kapṛā dekh aur dām pūcch kar binā kucch kiye cal niklā* – «пойдя в магазин, посмотрев материи и осведомившись о ценах, он ушел, ничего не купив» [Там же. С. 211].

В деепричастных оборотах хиндустани могут употребляться не только формы абсолютива, но и причастий. Простые причастия настоящего времени в форме Косвенного падежа единственного числа мужского рода в сочетании с союзом *hī* получают адвербиальное значение и могут переводиться придаточными временными: *likte hī unhoṅ ne samjhā* – «едва они написали, поняли»; *khāte hī us ne kahā* – «как только она скушала, сказала» [Там же. С. 210]. Конструкции подобного типа также можно рассматривать как абсолютные с обстоятельственным значением.

В языке **урду** существует пять видов деепричастий: 1) простое деепричастие I; 2) составное деепричастие I; 3) простое деепричастие II; 4) составное деепричастие II; 5) деепричастие III. Все деепричастия имеют активное значение [Дымшиц, 2001, с. 214].

Простое деепричастие I образуется от простого причастия I путем замены окончания *-ā* на *-e*: *kartā* – «делающий», *karte* – «делая». На русский язык эта форма переводится деепричастием несовершенного вида. Этот вид деепричастия

имеет специфическое предикативное употребление, обозначая длительное действие: *bicārī kām **karte karte** thak gayī thi* – «бедняжка устала работать», (букв.) «бедняжка работая работая устала» [Там же. С. 216]. Эта форма также может входить в состав конструкций, эквивалентных абсолютным оборотам с обстоятельственным значением: *bas log **sote ā jāo*** – «приходи, когда люди уснут», (букв.) «люди заснув, приходи» [Там же. С. 217].

Составное деепричастие I образуется из простого причастия I путем замены окончания *-ā* на *-e*. Эта форма также имеет значение деепричастия несовершенного вида: *ātā huā* – «приходящий», *āte hue* – «приходя». Употребление составного деепричастия I во многом аналогично употреблению простого деепричастия I: *Mangal ne pīche pīche calte hue us kī bāñh pakar lī* – «Мангал, идя следом, схватил ее за руку» [Там же. С. 226].

Простое деепричастие II образуется из формы простого причастия II путем замены окончания *-ā* на *-e* и имеет значение деепричастия совершенного вида: *kiyā* – «сделавший», «сделанный», *kiye* – «сделав». В предложении это деепричастие обозначает добавочное действие, предшествующее действию главного глагола: *wah ek kone meñ āñkheñ **band kiyē** paṛā thā* – «он лежал в углу, закрыв глаза» [Там же. С. 228].

Составное деепричастие II образуется из формы составного деепричастия II путем замены окончания *-ā* на *-e* и передает значение деепричастия совершенного вида: *baṭhā huā* – «усевшийся», *baṭhe hue* – «усевшись»; *abhī ek haftā to **khat pahuñce hue** huā* – «только неделя прошла, как пришло письмо», (букв.) «только одна неделя, письмо пришедши, стала» [Там же. С. 237].

Деепричастие III образуется от глагольной основы с помощью суффиксов *-kar*, *-ke*, *-karke* и также передает значение деепричастия совершенного вида: *maiñ un dinoñ bīmār aur berozgār **hokar** gaon calā gayā thā* – «я тогда, заболев и оставшись без работы, уехал в деревню» [Там же. С. 239].

В языке **панджаби** форма деепричастия, соответствующая русскому деепричастию совершенного вида, образуется от основы инфинитива с помощью суффикса *-ke-*: *kahiñā* – «говорить», *kahi-ke* – «сказав» [Толстая, 1960, с. 32].

В **талышском** языке для выражения деепричастных значений используются следующие глагольные формы: 1) Для выражения значения деепричастия несовершенного вида употребляется повторенная форма инфинитива: *bame-bame omédan* – «они подходят плача». 2) К форме инфинитива может добавляться окончание *-i*, передающее значение Местного падежа. Эта форма употребляется для обозначения действия, одновременного действию главного глагола, поэтому обычно переводится на русский язык деепричастием несовершенного вида [Миллер, 1953, с. 189]. 3) Причастие на *-a* также может быть использовано в значении деепричастия, переводимого на русский язык деепричастием совершенного вида: *haši **pe-ma*** – «солнце взошло» или «когда солнце взошло» [Там же. С. 191]. Все формы глагола, передающие деепричастные значения, могут употребляться в качестве «логического сказуемого» в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением.

В **тохарских** языках значение деепричастия совершенного вида может передавать абсолютив. Это форма Отложительного падежа глагольного имени на *-r-*: *kārso-r-äṣ* – «узнав», *wewñu-r-äṣ* – «сказав» [ТЯ, 1959, с. 171].

В **современном греческом** языке существует форма деепричастия несовершенного вида. Эта форма образуется от основы настоящего времени глагола с помощью окончания *-οντας, -όντας*: *διαβάζω* – «читать», *διαβάζοντας* – «читая», *συζητώ* – «обсуждать», *συζητώντας* – «обсуждая» [Рытова, 2004, с. 114]. Этот суффикс восходит к суффиксу косвенных падежей причастий настоящего времени действительного залога в древнегреческом языке.

В **болгарском** языке существует форма деепричастия настоящего времени на *-ки-*, которая используется для обозначения действия, одновременного действию спрягаемого глагола: «една́ кра́ва, **идейки́** от Слатина или Грубляне, мина́ваше край ца́рския дворéц», «одна корова, идя из С. или Г., проходила мимо царского дворца» [Маслов, 1981, с. 283]. В значении деепричастий также могут употребляться формы причастий настоящего и прошедшего времени: «женáта ка́за тия дýми съвсéм т́хо, **заб́равила**, че то́й не чу́ва», «жена сказала эти слова совсем тихо, **забыв**, что он не слышит» [Там же. С. 283]. В современном

болгарском языке деепричастие употребляется редко, заменяясь эквивалентным придаточным предложением.

В **хорватском** языке существуют две формы деепричастия несовершенного и совершенного вида: 1) Деепричастия несовершенного вида образуются от формы глагола 3-го лица множественного числа настоящего времени несовершенного вида посредством суффикса *-ći* и переводятся на русский язык также деепричастием несовершенного вида: *gledaju – gledajući; stoje – stojeći. Čitajući knjigu, Ivan je zasrao* – «**Читая** книгу, Иван заснул» [Калинин, 2009, с. 65]. 2) Деепричастия совершенного вида преимущественно образуются от основы инфинитива глаголов совершенного вида посредством суффикса *-vši-* (основа на гласный) или суффикса *-avš-i* (основа на согласный), на русский язык они переводятся аналогичными формами: *vidjeti – vidjevši, reći – rekavši. Pročitavši knjigu, Ivan je zasrao* – «Прочитав книгу, Иван заснул» [Там же. С. 65].

В **сербском** языке существуют деепричастия несовершенного и совершенного вида: 1) Деепричастия несовершенного вида образуются от формы множественного числа 3 лица настоящего времени глагола с помощью суффикса *-ћu-, -juћu-, -eћu-*: *играју – играјући – «играя», иду – идући – «идя»*. Эта форма обозначает действие, одновременное действию главного глагола: *причајући, она је гледала у земљу – «рассказывая, она смотрела в землю»* [Маркович [и др.], 2002, с. 47]. 2) Деепричастия совершенного вида образуются от основы глаголов совершенного вида с помощью суффиксов *-в-, -вши-*: *научити – научивши, купити – купивши*. Это деепричастие обозначает действие, предшествующее действию главного глагола: «Тада одлази, без поздрава, **не купивши и не продавши ништа**» – «Тогда она уходит, не прощаясь, не купив и не продав ничего» [Там же. С. 47].

Деепричастие в **чешском** языке обладает категориями вида, залога, относительного времени, отчасти числа и рода. В разговорной форме современного чешского языка деепричастия употребляются редко, они считаются формами, переходящими в разряд архаичных. Большая частотность употребления деепричастий наблюдается в художественной и исторической литературе. Многие

деепричастия переходят в разряд наречий, предлогов и частиц. Такие формы деепричастий называются застывшими: *leže* – «лёжа», *kleče* – «на коленях», *počítaje* – «включая», *tak říkajíc* – «так говоря» и др. Застывшие формы не имеют категорий рода, вида и относительного времени: *sešli se všichni zaměstnanci školy, vyjma školníka* – «собрались все сотрудники школы, за исключением школьного сторожа» [Обухова, 2010, с. 183].

В чешском языке существует три вида деепричастий:

1) Деепричастия прошедшего времени образуются от основы прошедшего времени. Если основа глагола оканчивается на согласный, то форма мужского рода не имеет суффикса, а формы женского и среднего родов присоединяют суффикс *-ši-*: *přived přivedši* – «приведя». Если глагольная основа оканчивается на гласный, форма мужского слова присоединяет суффикс *-v-*, а формы женского и среднего родов – суффикс *-vši-*: *minuv, minuvši* – «пройдя». **Svolavše** své plémě vzdali... – «создав свое племя, они дали...» [Там же. С. 183]. Это деепричастие перешло в чешский язык из русского в начале XIX в., не использовалось в разговорной форме языка и считалось архаичной формой. В литературный язык перешли только те деепричастия, что были образованы от глаголов совершенного вида. Формы, образованные от глаголов совершенного вида, передают предшествование действию главного глагола, формы от глаголов несовершенного вида обозначают одновременность в прошлом: *rokuřovavši cigaretu, psala dopis* – «куря сигарету, она писала письмо» [Там же. С. 184].

2) Деепричастия настоящего времени образуются от основы глаголов настоящего времени несовершенного вида путем отделения окончаний. К основе добавляются деепричастные суффиксы *-a-*, *-e-* (м. род), *-ouc-*, *-íc-* (ж. и с. род): *nesa, nesouc* – «неся»; *prose, prosíc* – «прося». **Přicházejíce** slyší... – «подходя, слышит...» [Там же. С. 184]. Если эта форма образована от глаголов несовершенного вида, она обозначает одновременность действию главного глагола: *rokuřujíc píše dopis* – «куря, она пишет письмо» [Там же. С. 184]. Если деепричастие образовано от глагола совершенного вида, оно обозначает предшествование.

3) Деепричастия будущего времени по форме совпадают с деепричастиями настоящего времени, образованными от глаголов совершенного вида: *pořdi si psa, aby byla, přijdouc domů, přivítána* – «заведи собаку, чтобы она тебя встречала, когда приходишь домой»; *ziskavše půjčku, budeme podnikat* – «взяв кредит, займемся бизнесом» [Там же. С. 185]. Данное деепричастие передает значение действия, которое предшествует другому действию. Эта форма также считается в языке архаизмом. Деепричастие будущего времени передает действие, которое произойдет раньше другого действия в будущем.

В **словацком** языке существует только одна форма деепричастия – это деепричастие несовершенного вида. Эта форма образуется от основы настоящего времени посредством суффиксов *-íc-* / *-uc-* и *-iac-* / *-a-c*: *čakať* – «ожидать», *čakajúc* – «ожидая», *prať* – «стирать», *perúc* – «стирая». Часто деепричастия в предложении выполняют функции наречий или предлогов: *prišla na vyučovanie, nehľadiac na chorobu* – «Она пришла на занятия, несмотря на болезнь» [Мистрик, Тугушева, 1981, с. 301]. В современном словацком языке деепричастия употребляются только в литературной форме, в разговорной речи они отсутствуют.

В **польском** языке образуются две формы деепричастий: 1) Деепричастие несовершенного вида образуется от основы настоящего времени с помощью неизменяемого окончания *-ąc*: *mówiąc* – «говоря», *siedząc* – «сидя». 2) Деепричастие совершенного вида образуется от причастной основы с помощью окончаний *-wszy*, *-wszy*: *przyniosłszy* – «принесши», *powiedziałwszy* – «сказав». По мнению И.Х. Дворецкого, деепричастия прошедшего времени в современном польском языке скорее воспринимаются как прилагательные, чем как собственно глагольные формы [Дворецкий, 1947, с. 248].

В **украинском** языке употребляются деепричастия совершенного и несовершенного вида. Деепричастия несовершенного вида образуются от основы настоящего времени посредством суффиксов *-учи-* / *-ючи-* / *-ачи-* / *-ячи-*: *пишуть* – *пишучи*, *летять* – *летячи*. Деепричастия совершенного вида образуются от

основы инфинитива посредством суффиксов -ши- /
 -вши-: прочитати – прочитавши [Безпояско [и др.], 1993, с. 157].

В белорусском языке, в отличие от русского языка, деепричастия образуются практически от всех глаголов, в том числе и от односложных: бегчы – бегуны; ехаць – едучы; рэзаць – рэжучы; хацець – хочучы; жаць – жнучы; ліць – лыючы; даваць – даючы; есці – еушы; мець – маючы, меушы и т.д.

Деепричастия настоящего времени, оканчивающиеся на -учы-, -ючы- и прошедшего времени, оканчивающиеся на -ушы-, -шы-, а также обороты с ними широко представлены в литературной речи: «Потым, як Мар'я, узяушы пісьмы і газеты у вёску, пайшла, ён, пакмуушы кантору, хадзіу па вуліцы і, гледзячы, як, весела гавора-чы, з'язджоліся аюдзі на кірмаш, старауся дадумацца, ці ёсць на свеце прычыны для пастаяннай чалавечай радасці» [Кривицкий, Подлужный, 1994, с. 271]. Деепричастные обороты могут употребляться в безличных и обобщенно-личных предложениях: «Добра у садзе хадзіць, сустракаючы сонечны ранак», «Ідучы паляваць на зайцау, рыхтуйся да сустрэчы з мядзведзем». Деепричастия также могут переходить в разряд предлогов, и при этом они сохраняют глагольное управление: «дзякуючы кому, чаму? нягледзячы на каго, што? зыходзячы з чаго? уключаючы, выключаючы каго, што?» [Там же. С. 271].

В современном русском языке деепричастие – это неизменяемая глагольная форма, совмещающая в себе признаки глагола и наречия и передающая значение добавочного действия. В русском языке существуют деепричастия несовершенного и совершенного вида. Первое образуется от основы настоящего времени с помощью суффикса -а- / -я-: думая, ворча; второе образуется от основы инфинитива с помощью суффиксов -в- / -вши- / -ши-: сделав, сказавши [СРЛЯ, 2001, с. 262].

В балтийских языках, кроме неизменяемых деепричастий, существуют полупричастия, несклоняемые причастия, согласуемые с определяемым словом в числе и роде. Деепричастия и полупричастия различаются по своим синтаксическим функциям.

В литовском языке к глагольным формам, выражающим деепричастные значения, относятся собственно деепричастие и форма, называемая в грамматиках полупричастием.

Полупричастие – это особая полупредикативная форма действительных причастий настоящего времени, образуемая от инфинитива посредством суффикса *-dam-*. Она имеет значение добавочного действия, но, в отличие от деепричастия, согласуется с существительным в роде, числе и падеже: *Mótina sėdėdama prie lango siuvinėjo* – «Мать, **сидя** у окна, вышивала» [Булыгина, Синёва, 2006, с. 129]. В предложении полупричастие обычно передает различные обстоятельственные значения: время, цель, причину, условие, уступку.

Деепричастие в литовском языке – это неизменяемая форма глагола, которая противопоставлена причастиям соответствующих времен. Как и глагол, эта форма имеет категории времени и возвратности. Оно обозначает добавочное действие, субъект которого не совпадает с субъектом главного действия. «Значение четырех времен у деепричастия устанавливается по отношению ко времени главного действия. Выделяются настоящее, прошедшее однократное и многократное, будущее времена, образованные суффиксами соответственно: *-ant-* / *-int-*, *-u-s*, *-dav-us-*, *-si-an-t*: **ateĩnant** – «приходя», **atėjus** – «придя», **ateĩdavus** – «часто приходивши», **ateĩant** – «приходя в будущем» [Там же. С. 129]. Литовские деепричастия употребляются в адвербиальном и изъяснительном значении. В первом случае они выступают в качестве «логического сказуемого» в полупредикативных оборотах со значением сложного дополнения, аналогичных древнегреческим *Accusativus cum participio*. Во втором случае они используются как «логическое сказуемое» абсолютных оборотов с обстоятельственным значением. Литовские деепричастия могут переходить в разряд наречий: *bemātant* – «сейчас же», (букв.) «мне (ему) видя»; *veĩkiant* – «обязательно», «слезно необходимо», (букв.) «плача» [Там же. С. 130].

В латышском языке, как и в литовском, существуют полупричастия (в латышской терминологии *nelokāmie divdabji* – «несклоняемые причастия»). Так называются адвербиальные употребления причастий, которые не склоняются, но

изменяются по родам и числам. В форму полупричастий могут преобразовываться действительные причастия прошедшего времени. Также существуют и специальные формы на *-dams-* (ж. род *-dama-*) и возвратные формы на *-damies-* (ж. род *-damās-*), образованные от основы инфинитива: **nesdams**, (ж. род) **nesdama** – «неся», **celdamies**, (ж. род) **celdamās** – «поднимаясь». Формы, образованные от невозвратных глаголов, изменяются по родам и числам, а те, что образованы от возвратных глаголов, изменяются только по родам [Сталтмане, 2006, с. 177]. Аналогичные несклоняемые формы полупричастий образуются и в латгальском языке от причастий настоящего времени. Эти формы употребляются в значении деепричастий несовершенного вида [Брейдак, 2006, с. 206].

Форма деепричастия в латышском языке образуется от основы настоящего времени с помощью суффикса *-ot-* (возвратная форма на *-oties-*) и является неизменяемой формой: **lasot** – «читая», **glābjoties** – «спасаясь». Также существовала деепричастная форма на *-am-* (возвратная форма на *-āmies-*) [Сталтмане, 2006, с. 177], которая употреблялась в полупредикативных оборотах со значением сложного дополнения.

В латгальском языке от причастий настоящего времени употребляются несклоняемые формы полупричастий. Кроме этих образований, также употребляются полупричастия на *-dam-*: **nasdams**, **nasdama** – «смеясь». Как архаизм, в литературном языке сохранились даже формы множественного числа Дательного падежа. Эти формы используются в значении деепричастий несовершенного вида и встречаются в полупредикативных оборотах: **jai skrīdamai pasleidēja kuoja** – «на бегу она поскользнулась» [Брейдак, 2006, с. 206]. В латгальском языке, особенно в литературной форме, употребляется два вида неизменяемых деепричастий: 1) Деепричастие на *-ūt-*, *-ūtīs-*, образующееся от возвратных глаголов: **plāunūt** – «кося», **smejūtīs** – «смеясь». 2) Деепричастие от возвратных глаголов на *-am-*, *-amīs-*, *-om-*, *-omīs-*, *-im-*, *-imīs-*: Radzu **jūs raudim** – «Вижу, что они плачут», (букв.) «Вижу их плача» [Там же. С. 206].

В кельтских языках в качестве деепричастий можно рассматривать некоторые сочетания отглагольных существительных с предлогом: *os nertad* – «утверждая» (др.-ирл.); *un myned* – «идя» (вал.); *ow kelwel* – «призывая» (корн.) [Льюис, Педерсен, 2002, с. 362].

В языках «западного» направления деепричастие фиксируется в романской ветви, где оно может иметь две основные формы совершенного и несовершенного вида, или аналогично герундию.

В румынском языке деепричастие имеет другое название – герундий. Эта форма образуется от основы настоящего времени с помощью суффиксов *-nd-* / *-înd-*: *a veni* – «приходить», *venînd* – «приходя», «прийдя». На русский язык данная форма переводится деепричастиями совершенного и несовершенного вида [Заюнчковский [и др.], 1982, с. 217].

В португальском языке существует форма герундия, который в русском языке соответствует, как правило, деепричастию несовершенного и совершенного вида. По форме португальский герундий представляет собой неизменяемое причастие: **andando** *pela rua ela pensava da partida* – «идя по улице, она думала об отъезде». **Chegando** *ela telefonou-me* – «Приехав, она позвонила мне» [Нечаева, 2009, с. 189]. Герундий в адвербиальном значении чаще употребляется в Бразилии, но в Португалии он обычно заменяется конструкцией *a* + инфинитив: *ele traversava a rua* **correndo** (герундий), *ele traversava a rua* **a correr** (инфинитив) – «он бегом переходил улицу» [Там же. С. 189].

В итальянском языке существуют две формы деепричастия. Деепричастие несовершенного вида образуется от глагольных основ с помощью суффиксов *-ando*, *-endo*. Деепричастие совершенного вида образуется от деепричастия вспомогательного глагола и причастия прошедшего времени основного глагола. С этим деепричастием местоимение может сливаться: **avendola** *sognata la notte arrossi* – «вспомнив о ней, он покраснел» [Арбия, 2008, с. 85]. В предложении деепричастие может выполнять следующие функции: 1) Указывает на добавочное действие, одновременное действию главного глагола: *uscendo di casa si e ricordato di aver dimenticato la borsa* – «выходя из дома, он вспомнил, что забыл сумку». 2)

Выражает значение причины или следствия: *Essendo stanca, resto a casa* – «Так как она очень устала, то осталась дома». 3) Выражает значение образа действия: *sabagliando s'impara* – «(человек) учится на своих ошибках». 4) Выражает значение условия: *prendendo un taxi ce la facciamo* – «если возьмем такси, успеем». 5) Выражает значение уступки: *pur avendo tempo, non avevo voglia di vederlo* – «хотя у меня не было достаточно времени, не было желания увидеться с ним» [Там же. С. 86].

В семитских языках деепричастие не выделяется в самостоятельную грамматическую категорию, но способы выражения деепричастных значений в этой языковой семье устанавливаются в ходе сравнительно-сопоставительного анализа с индоевропейскими языками.

3.4.2. Особенности употребления деепричастий в санскрите и их перевод на русский язык

Санскрит входит в число немногих индоевропейских языков, которые обладают морфологически выраженной формой деепричастия. Примечателен тот факт, что данная форма образовалась в столь древнем языке при наличии многих причастных форм. Если провести сравнение с русским языком (письменная эпоха), то здесь деепричастные формы образовались не сразу и появились на базе причастий. В санскрите же потребность в передаче значения «добавочного действия» возникла довольно рано, что обусловлено особенностями грамматической структуры данного языка [Балута, 2011, с. 5] и о чем далее пойдет речь в данном разделе.

Как было отмечено ранее, деепричастия в санскрите образовывались посредством двух суффиксов: для глаголов без приставки – суффикс *-ktvā-* (в соединении с основой формант *-tvā-*): *dr̥ṣ* – *dr̥ṣtvā*; для приставочных глаголов – суффикс *-lyap-* (в соединении с основой формант *-ya-*): *āloc* – *ālocya*. Некоторые глаголы допускали два варианта: *āgam* – *āgamya* / *āgatyā*. В отличие от русского языка, санскритские деепричастия не различали совершенный и несовершенный

вид: одна и та же форма могла передавать оба значения, что определялось контекстом: *dr̥ṣ* – «видеть», *dr̥ṣtvā* – «видя / увидев»; *āloc* – «обсуждать», *ālocya* – «обсуждая / обсудив». Если основной глагол в предложении стоит в настоящем времени, деепричастие, как правило, следует переводить несовершенным видом, показывая одновременность действию спрягаемого глагола: *Bālika netre nimīlya hasati* – «Девочка, **зажмурив** глаза, смеется» [Kale, 1961, p. 593]. При главном глаголе в прошедшем времени или для обозначения предшествования деепричастие можно переводить совершенным видом: *Madanaḥ mukham vyādāya svāpiti* – «Мадана спит, **открыв** рот» [Ibid. P. 593]. Кроме особенностей передачи вида деепричастной формы существует несколько синтаксических правил, которые необходимо учитывать при переводе на русский язык или при составлении предложений на санскрите.

Правило первое: в санскрите субъект главного глагола и субъект добавочного действия (деепричастия) обязательно совпадают [Балута, 2011, с. 6]: *Bālakaḥ mātara smṛtva roditi* – «**Вспоминая** мать, мальчик плачет»; *Evamuktva sa grāmam agacchat* – «Это **сказав**, он в деревню пошел»; *Aham mṛgam hatvā grham nayāmi* – «**Убив** оленя, я (его) домой нес»; *Bālikāḥ narttitvā udyāne puṣpaṇi cīnavanti* – «Девочки, **танцуя**, цветы в саду собирают» [Kale, 1961, p. 594]. Это правило аналогично русскому языку: «**Решив** задачу, он позвонил другу». Иногда по причине сложности структуры санскритского предложения форма деепричастия при переводе не всегда сохраняется: *Rathe sa vāmanam dr̥ṣtvā sthitasya janasya punajanma na vidyate* – «И человек, **увидевший** / **увидев** маленького бога на колеснице, не будет перерождаться», (букв.) «И на колеснице маленького бога **увидев**, перерождения человек не знает» [Ibid. P. 594].

Второе правило: если в предложении при главном глаголе употребляется отрицание, то в данной конструкции для обозначения добавочного действия могут употребляться деепричастия только с суффиксом *-ktvā-*. При этом отрицание главного (спрягаемого) глагола представлено в виде частицы *na* – «не», деепричастие может выражать дополнительное отрицание с помощью приставки *a-*. Эта приставка является преобразованием отрицательной, обычно глагольной,

частицы *na* в процессе присоединения к именному корню [Балута, 2011, с. 6]. Она употребляется только с именами: *na jñā* – «не знать», *ajñātvā* – «не зная». *Ṣavdamātrāṇ na bhetavyam ajñātvā ṣavdakāraṇam* – «Не надо бояться звука, **не зная** (его) причины» [Kale, 1961, p. 594]. Это правило распространяется и на те конструкции, где отрицание выражено только деепричастием: *Ihi vartmaṇi abhītvā* – «**Не опасаясь**, иди по дороге» [Ibid. P. 595].

Третье правило касается выражения запрещения. В конструкции, передающей запрещение, в санскрите употребляются модальные слова с отрицательным значением: *alam*, *khalu* – «нельзя, не следует» + деепричастие с суффиксом *-ktvā-*. Для перевода таких конструкций на русский язык деепричастие заменяется формой инфинитива: *Khalu bhuktvā* – «Нельзя кушать» или императива – «Не кушай». В русском языке одной из функций инфинитива является выражение приказа или запрета. В этом смысле он омонимичен императиву. В санскрите императивное значение может принимать деепричастие, но только в сочетании с определенными модальными словами. При этом степень спаянности компонентов в данной конструкции очень высокая (они не могут употребляться отдельно, сохраняя отрицательное значение). Отрицательное слово *khalu*, вероятно, имеет глагольное происхождение и берет свое начало от глагола *khal* – «двигать, трясти». Отглагольное существительное *khala* – «злодей». В словаре В.А. Кочергиной среди значений *khalu* нет отрицательного модального «нельзя» [Кочергина, 2005, с. 185], однако это значение выводится из однокоренного глагола. Среди значений наречия *alam*, происхождение которого неясно, также нет модальных отрицательных слов [Там же. С. 72]. Таким образом, можно сделать вывод, что данные значения слова *alam* и *khalu* получают только в сочетании с деепричастием и только в данной форме. Поэтому эту форму выражения запрещения в санскрите можно назвать отрицательной аналитической формой императива, которая не была в языке единственной отрицательной императивной формой, но употреблялась довольно часто [Балута, 2011, с. 8]. Примеры употребления: *Alam corayitvā!* – «Нельзя воровать!»; *Khalu hatvā naram!* – «Нельзя убивать человека!»; *Sādhuh abhutvā kamcit na śādhi!* – «Не учи никого,

не будучи мудрецом!»; Alam sthitvā sthāne smin! – «Не надо оставаться в этом месте!» [Kale, 1961, p. 596].

Аналоги отрицательных аналитических форм императива существовали и в других индоевропейских языках, например в латинском: *poli ornāre!* – «не украшай!». Здесь *poli* – императив отрицательного модального глагола «не хотеть» – сочетается с формой инфинитива. Буквальный перевод – «не желай украшать». В болгарском языке употребляются две формы отрицательного императива, образующиеся только от основ совершенного вида. Формы, обозначающие запрещение выполнения действия, представлены сочетанием вспомогательного глагола «недей», буквально – «не делай», множественного числа – «недейте» и инфинитива несовершенного знаменательного глагола, например: «недей писа» – «не пиши», «недей става» – «не вставай», «недейте писа» – «не пишите» [Балута, 2011, с. 8]. Формы, требующие прекратить действие (или не возобновлять его), представлены сочетанием частицы «стига» – «достаточно», «хватит» (ср. глагол «стигам» – «быть достаточным», «достигать») и формы 2-го лица перфекта несовершенного вида или аориста несовершенного вида знаменательного глагола, например: «стига си писал» или «стига писа» – «хватит (перестань) писать» [Маслов, 1981, с. 241]. В древнерусском языке запрет мог также быть выражен аналитически. Аналитическая форма древнерусского императива представляла собой сочетание частицы «не», повелительного наклонения вспомогательного глагола «мочь» и инфинитива спрягаемого глагола: «Молю же всѣхъ почитающихъ не мозету клятий» [Булаховский, 1953, с. 307]. Эта архаичная форма встречалась и в языке XIX в.: «И слабого обидеть не могли!» – у Крылова «Лев и Комар». Л.А. Булаховский предлагает считать такую форму «архаизмом, усвоенным из диалектного употребления» [Там же. С. 307].

Если сравнить употребляемые в разных языках аналитические формы императива, то можно отметить, что из представленных здесь примеров только в санскрите употребляется деепричастие. Однако в латинском и древнерусском использовался инфинитив, из чего можно заключить, что в конструкциях

запрещения функции инфинитива и деепричастия в некоторых индоевропейских языках отчасти можно считать аналогичными [Балута, 2011, с. 9].

Таким образом, можно сказать, что особенности употребления деепричастий в санскрите касаются, как правило, сферы отрицания. В остальных случаях данная форма во многом аналогична употреблению деепричастий в иных индоевропейских языках.

3.4.3. Способы выражения деепричастных значений в индоевропейских и семитских языках

Деепричастием в лингвистике называется особая форма глагола, обладающая признаками глагола и наречия. Обладая глагольной основой, деепричастие является неизменяемым образованием: оно не склоняется и не спрягается; как правило, деепричастие употребляется для обозначения добавочного действия. Деепричастие функционирует лишь в некоторых языках как самостоятельная грамматическая форма, однако потребность в выражении деепричастных значений существует практически в каждом языке. В данном разделе проводится краткий сопоставительный анализ языков, где есть деепричастия, с теми языками, где функции деепричастия выполняют иные глагольные формы [Балута, 2011, с. 25].

В русском языке, по мнению А.А. Булаховского, деепричастия восходят к старым формам причастий. В Именительном падеже настоящего времени они имели разные варианты окончаний: «зова», «мога» (м. род); «зовучи», «могучи» (ж. род); «зовуче», «могуче» (с. род). Перерождение деепричастий в «глагольные наречия» объясняется утратой былого согласования. Утратив именные окончания, деепричастия постепенно занимают грамматическую нишу для выражения добавочного действия. В русском литературном языке закрепляются формы на -а / -я для несовершенного вида и формы на -в для совершенного вида [Там же. С. 221].

В древнегреческом языке не существовало отдельной грамматической формы деепричастия, но его функции могло выполнять любое причастие, оказавшееся в определенных синтаксических условиях: 1) *Hoī Persai **diabantēs** ton potamon eporeuonto treis stathmōus* – «Персы, **переправившись** через реку, сделали три перехода». 2) *Hedomai **akouōn** sou frōnimous logos* – «Я радуюсь, **слыша** от тебя разумные речи» [Козаржевский, 1998, с. 121]. При этом наречные функции причастия в конструкциях второго типа распространяются и на спрягаемый глагол, допуская следующий вариант перевода: «Я **с радостью слышу** от тебя разумные речи». Со временем в греческом языке деепричастие начинает функционировать как самостоятельная форма, сохранившая в своем составе характерный суффикс прежнего причастия *-nt-* [Рытова, 2004, с. 114].

В латинском языке, как и в древнегреческом, причастие могло выполнять функции деепричастия: *Dionysius, cultros **metuens** tonsorios, candente carbōne sibi aurebat capillos* – «Дионисий, **боясь** бритв, жег себе волосы горящим углем» [Соболевский, 1998, с. 328]. Однако в латинском языке, в отличие от древнегреческого, существовало лишь три причастных формы. Поэтому в деепричастном значении также мог выступать герундив, выполняющий функции отглагольного прилагательного и страдательного причастия настоящего времени: *Tenendus est voluptatis **fruendae** modus* – «Должно соблюдать меру, **наслаждаясь** удовольствием» [Там же. С. 344].

Санскрит входит в число немногих индоевропейских языков, которые обладают морфологически выраженной формой деепричастия. Уникальным является тот факт, что деепричастная форма образовалась в санскрите при одновременном наличии многих причастных форм. Возвращаясь к истории русского языка, следует вспомнить, что деепричастные формы образовались в нем не сразу и появились на базе причастий. В санскрите же потребность в передаче значения «добавочного действия» возникла довольно рано, что обусловлено особенностями грамматической структуры данного языка. В санскрите, как и в современном русском языке, употребляются две основные формы деепричастий. Но, в отличие от русского языка, санскритские

деепричастия не различают совершенный и несовершенный вид: одна и та же форма может передавать оба значения, это определяется контекстом: *dr̥ṣ* – «видеть», *dr̥ṣtvā* – «видя / увидев»; *ālōc* – «обсуждать», *ālōcya* – «обсуждая / обсудив». Кроме особенностей передачи вида деепричастной формы существует несколько синтаксических правил, касающихся употребления деепричастий в отрицательных конструкциях. По остальным синтаксическим характеристикам данная форма во многом аналогична деепричастию русского языка [Балута, 2011, с. 27].

Особый интерес представляет вопрос о реализации деепричастных значений в семитских языках.

В современном **иврите**, как и в древнееврейском языке, отсутствует грамматически выраженная форма деепричастия. Однако функции деепричастия может выполнять другая глагольная форма – инфинитив. В иврите исторически сложилось два вида инфинитива: абсолютный и склоняемый. Склоняемый инфинитив по своим грамматическим характеристикам больше приближен к имени, но в значении деепричастия могут употребляться обе инфинитивные формы [Там же. С. 27]. Пример с абсолютным инфинитивом: *Wayēlek halok **uvākō*** – «Он пошел **плача**». Примеры со склоняемым инфинитивом: 1) *Hī lo maamina šehu ozev **bli lomar** mila* – «Она не верит, что он уезжает, **не сказав** ни слова». 2) *Eyx šarim **bli ladaat** ivrit?* – «Как петь, **не зная** иврита?».

Однако следует отметить, что деепричастное значение у склоняемого инфинитива обычно появляется при условии его соединения с некоторыми предлогами.

В **эфиопском** языке также употребляется два инфинитива: глагольный и именной. При этом глагольный инфинитив, подобно абсолютному инфинитиву иврита, в значении Родительного падежа мог выполнять функции деепричастия: *samī'ō negūš dangāda* – «Услышав, царь встревожился», *samī'ō* (букв.) «его акт слушания» [Гранде, 1998, с. 249]. Поэтому глагольный инфинитив эфиопского языка также называется герундием [Там же. С. 423]. Некоторые исследователи [Старинин, 1967, с. 99] эфиопского языка называют глагольный инфинитив

деепричастием и выделяют деепричастие в самостоятельную грамматическую категорию. К глагольному инфинитиву – деепричастию – могут присоединяться местоименные суффиксы *-eya-*, *-ana-* и др., в результате чего получается деепричастное (или обстоятельственное) спряжение, которое используется для передачи различных обстоятельственных оттенков: *pagir / eya* – «когда я сказал, или когда я говорил». Поэтому эфиопское деепричастие может изменяться по лицам и передает относительное временное значение (одновременность или предшествование действию главного глагола): *jetqē ' ū hauīrōmū* – «они трубили, идя» [Гранде, 1998, с. 423]. Эфиопское деепричастие является эквивалентом обстоятельного придаточного предложения с глаголом в личной форме. Но, в отличие от других типов придаточных, оно не может стать самостоятельным, так как всегда находится в зависимости от главного глагола [Старинин, 1967, с. 99].

Таким образом, можно сделать вывод, что и в индоевропейских и в семитских языках на протяжении всей истории развития существовала потребность в деепричастных формах. Лишь в некоторых языках деепричастие является самостоятельной формой, иногда восходящей к формам причастия. В тех языках, где грамматически оформленное деепричастие отсутствует, реализация деепричастных значений осуществляется за счет других глагольных форм. Причем в индоевропейских языках в качестве деепричастий могут употребляться причастия, а в семитских языках к этому больше тяготеют формы инфинитива. Причину подобного несоответствия следует искать в различии грамматических характеристик индоевропейских и семитских причастий и инфинитивов [Балута, 2011, с. 29].

3.4.4. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления деепричастий в индоевропейских и семитских языках (на материале библейского текста)

Ветхий завет (источник на древнееврейском языке)

Пример выбран по наличию в древнееврейском тексте абсолютного инфинитива, который передавал значение деепричастия.

Бытие 8:3

(Русск.) Вода же **постепенно возвращалась** с земли, и стала убывать вода по окончании ста пятидесяти дней [БК, 1997, с. 7].
(Древнеевр.)

ג וַיָּשָׁבוּ הַמַּיִם מֵעַל הָאָרֶץ, הַלֵּוָּ וְשׁוֹב; וַיִּחָסְרוּ הַמַּיִם--מִקְצֶהָ, וַיִּמָּדְדוּ וַיִּמָּדְדוּ יוֹם

[BH, 1997, s. 11].

(SG) καὶ ἐνεδίδου τὸ ὕδωρ πορευόμενον ἀπὸ τῆς γῆς ἐνεδίδου καὶ ἡλαττονοῦτο τὸ ὕδωρ μετὰ πεντήκοντα καὶ ἑκατὸν ἡμέρας [SG, 1979, s. 11].

(BSV) **reversaeque** aquae de terra **euntes et redeuntes** et coeperunt minui post centum quinquaginta dies [BSV, 1994, s. 12].

(БЦС) И **всплътъ пойдѣ водѣ на дѣшѣ** ѿ земли: и оумалѣшесѣ водѣ по стѣ пѣтидѣсѣтихъ днѣхъ [БЦС, 2012, с. и].

(Болг.) А водата **постепенно се оттегляше** от земята, и подир сто и петдесетте дена водата захвана да намалява [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) И **стаде** вода **опадати** на земљи, и једнако опадаше после сто педесет дана [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Wody **ustkpowały** z ziemi **powoli**, lecz nieustannie, i po upływie stu pięćdziesięciu dni się obniżyły [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) I **navrátily se** vody se svrchku země, odcházejíce zase, a opadly vody po stu a padesáti dnech [BČ, 2006. S. 11].

(Англ.) And the waters **returned** from off the earth **continually**: and after the end of the hundred and fifty days the waters were abated [TB, 1997, p. 8].

(Нем.) Und die Wasser **verliefen sich** von der Erde, **allmählich** zurückgehend; und die Wasser nahmen ab nach Verlauf von 150 Tagen [GNB, 2000, s. 10].

(Франц.) Les eaux se retirèrent de dessus la terre, **s'en allant et s'éloignant**, et les eaux diminuèrent au bout de cent cinquante jours [LB, 2004, p. 28].

В древнееврейском тексте примера употребляется абсолютный инфинитив, дублирующий глагольную основу. Буквально эта форма переводится деепричастием: «вода **возвращаясь возвращалась**». На древнегреческий язык абсолютный инфинитив переводится формой медиопассивного причастия, в латинском языке ему соответствуют даже две однокоренные причастные формы. В старославянском переводе также употребляется форма краткого причастия. В новых славянских переводах, а также в английском и немецком текстах значение абсолютного древнееврейского инфинитива преимущественно передается наречием. Во французском языке деепричастное значение абсолютного инфинитива передает герундий.

Новый Завет (источник на греческом койне)

Пример выбран по наличию в греческом тексте причастия в деепричастном значении.

Лк. 18:18

(КД) διδάσκαλε ἀγαθέ, τί **ποιήσας** ζωὴν αἰώνιον κληρονομήσω; [ΚΔ, 1993. s. 165].

(BSV) magister bone quid **faciens** vitam aeternam possidebo [BSV, 1994, s. 1643].

(Санскр.) किं कृत्वाहमनन्तजीवनस्यधिकारी भविष्यामि [TNTIS, 1962, p. 19.

Электронный ресурс]. कृत्व – деепричастие «сотворив».

(ОЕ) оучителю благъи чѣто **сѣтвори** животъ вѣчныи наследствовуѣ [ОЕ, 1998, л. 110 об.].

(АЕ) оучителю бл҃гѣи чѣто сътворю. животъ вѣчныи наслѣдствоую [АЕ, 1997, л. 65].

(МЕ) оучителю бл҃гѣи чѣто сътвори животъ вѣчныи причащю [МЕ, 1983, с. 146].

(КЕ) оучителю бл҃гѣи чѣто сътвори и животъ вѣчныи наслѣдоуа [КЕ, 1986, л. 49 об.].

(ЧНЗ) оучѣтлю бл҃гѣи. чѣто створи. жи(з) вѣчнѣю наслѣдоую [ЧНЗ, 2001, с. 123].

(ГБ) оучителю бл҃гѣи. чѣто сътворивъ животъ вѣчныи наслѣдствѣю [ГБ, 1992, с. 263].

(ОБ) оучителю бл҃гѣи, чѣто сътворивъ животъ вѣчныи наслѣдствѣю [ОБ, 1988, лѣи лиоб.].

(МБ) оучѣтлю бл҃гѣи, чѣтоо сотворивъ, животъ вѣчныи наслѣдствѣю [МБ, 1698, с. тѣд].

(ЕБ) оучѣтлю бл҃гѣи, чѣто сотворивъ животъ вѣчныи наслѣдствѣю [ЕБ, 1757, с. рѣѣ].

(НЗ, 1823) Учитель благий! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? [НЗ, 1823, с. 552].

(Русск.) Учитель благий! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? [БК, 1997, с. 88].

В греческом тексте примера употребляется аористное причастие в значении добавочного действия «сотворив». В латинском переводе эта форма передается причастием настоящего времени. В санскрите причастие греческого языка по смыслу переводится деепричастием. В славянских переводах (ОЕ) и (МЕ) греческое аористное причастие переводится краткой формой действительного причастия совершенного вида, а в (КЕ) она понимается как причастие

несовершенного вида. В (АЕ) употреблена спрягаемая глагольная форма будущего времени. В переводах от (ЧНЗ) до XIX в. уже употребляется форма деепричастия. В русских переводах древнееврейская форма интерпретируется как придаточная целевая конструкция со сказуемым в форме инфинитива.

Аналогичные примеры см. в Приложении Г. 5.

Выводы по главе 3

В главе 3 данного исследования были представлены различные виды глагольных имен-адъективов в типологическом и сопоставительном аспектах. По результатам данного обзора и сравнительно-сопоставительного анализа примеров идентичного текста на разных языках можно сделать следующие выводы.

Самым распространенным глагольным именем адъективного характера в индоевропейских и семитских языках является причастие. В шумерском языке причастие еще не выделяется из общей формы глагольного имени. В других древнейших языках изолированного типа (эламском, хурритском и урартском) уже были обозначены основные формы и функции причастий, получившие дальнейшее развитие в индоевропейских и семитских языках. 1) Зафиксированы формы причастий активного и пассивного залогов. 2) Причастия дополнительно могли присоединять форманты, характеризующие их в отношении времени и наклонения. 3) Аналоги причастий прошедшего времени страдательного залога употреблялись в предикативной функции в качестве именного компонента сложных глагольных форм. 4) Минимальное количество формантов в составе древнейших причастных форм и большой объем их синтаксических функций определяет первичность происхождения причастий по отношению к спрягаемым глагольным формам.

В дальнейшем развитии форм причастий в индоевропейских языках отмечается следующая закономерность. В языках «восточного» направления образуется большое количество причастных форм, различающих временное и

залоговое значение, и таким образом, отчасти компенсируется недостаточное число форм инфинитивов. Причастия выполняют разнообразные синтаксические функции, в том числе и функцию «логического сказуемого» в оборотах со значением сложного дополнения (и подлежащего) и в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением. Причастия могут передавать значения герундива или отглагольного прилагательного со значением долженствования. В тех языках, где отсутствуют формы деепричастий, их значение также передается посредством причастий. В языках «западного» направления образуются преимущественно две основные причастные формы: причастие настоящего времени действительного залога, которое может передавать значение деепричастия несовершенного вида, и причастие прошедшего времени страдательного залога, участвующее в образовании сложных временных форм глагола и передающее значение деепричастия совершенного вида.

В семитских языках, как и в индоевропейских языках «западного» направления, преимущественно образуются две причастные формы: причастие активное, преимущественно передающее значение причастия настоящего времени действительного залога и употребляющееся в качестве сказуемого вместо отсутствующей формы глагола настоящего времени, и причастие пассивное, во многом соответствующее индоевропейскому причастию прошедшего времени страдательного залога, но не употребляющееся для образования сложных временных форм глагола.

В некоторых индоевропейских (например, санскрит, русский) и семитских (например иврит) языках существуют особые причастия-предикаты, которые употребляются в качестве сказуемого без вспомогательного глагола. В индоевропейской семье такие причастия зафиксированы преимущественно в языках «восточного» направления, они могут функционировать одновременно со спрягаемой формой глагола того же времени (санскрит) или заменять собой отсутствующую временную форму (русский).

Герундив представляет собой глагольное имя адъективного характера, дополняющее и распространяющее значение причастий. Герундивы или их

аналоги – отглагольные прилагательные – по большей части передают значение долженствования или намерения совершить действие. В языках, где такие формы отсутствуют, значение долженствования передается с помощью дополнительных лексических компонентов (модальных глаголов и модальных слов).

Деепричастие представляет собой особую неизменяемую форму глагольного имени, которая довольно часто встречается в языках индоевропейской семьи (преимущественно в языках «восточного» направления). В большинстве языков, где зафиксировано данное глагольное имя, существует две основные формы деепричастия: совершенного и несовершенного вида. Иногда деепричастие имеет второе название – герундий. В балтийских языках существует промежуточная форма между причастием и деепричастием – полупричастие. Это глагольное имя не склоняется, но может изменяться по числам и падежам. В семитских языках деепричастные значения преимущественно передаются формами абсолютного (чаще) и склоняемого (реже) инфинитива.

Выводы по данной главе представлены в табл. 7.

Таблица 7 – Глагольные имена-адъективы

	Причастие	Герундив	Отглагольное прилагательное	Деепричастие
Древние дешифрованные языки	Глагольное имя с показателями номинализации, временные и залоговые формы	Глагольное имя с показателями Местно-Направительного падежа (значение возможности); форма герундия	Предикатив	Не дифференцированно от причастия

Продолжение таблицы 7

<i>Индоевропейские языки</i>				
Арийские	Формы наст., прош. и буд. времени; формы залога	Отдельная форма; форма причастия буд. времени; форма инфинитива	Не выделены в особую категорию	Отдельная форма; форма инфинитива
Иранские	Формы наст., прош. и буд. времени; формы залога	Форма причастия буд. времени; форма причастия долженство- вания	Не выделены в особую категорию	Отдельная форма
Хеттский	Одна форма (от переходн. гл. – пассивн. зн.; от непереходн. – активн. зн.)	Форма герундия	Не выделены в особую категорию	Форма причастия; форма инфинитива
Тохарские	Формы наст. и прош. времени; формы залога	Форма причастия долженство- вания	Приватив	Отдельная форма (абсолютив)
Греческий	Все временные и залоговые формы	Форма субстантиви- рованного инфинитива	Отдельная форма	Отдельная форма (в современном греческом)
Балтийские	Формы наст., рош. И буд. Времени; формы залога	Форма причастия долженство- вания	Форма причастия долженствования; страдат. Причастие необходимости	Отдельная форма

Продолжение таблицы 7

Славянские	Формы наст., рош. И буд. Времени; формы залога	Форма отглагольного существит.; форма инфинитива; спрягаемая глагол. Форма + модальное слово	Не выделены в особую категорию	Отдельная форма
Германские	Форма наст. Времени действ. Залога; форма рош. Времени страд. Залога	Отдельная форма; форма причастия; спрягаемая глагол. Форма + модальное слово	Не выделены в особую категорию	Форма герундива; форма причастия
Кельтские	Форма претерита (остальные – редко)	Отдельная форма	Не выделены в особую категорию	Форма отглагол. Существит. С предлогом
Итальянские (классич. и народн. латынь)	Форма наст. времени действ. залога; форма прош. времени страд. залога; форма буд. времени действ. залога	Отдельная форма	Не выделены в особую категорию	Форма причастия

Продолжение таблицы 7

Романские	Форма наст. времени действ. залога; форма прош. времени страд. залога	Спрягаемая глагол. форма + модальное слово	Не выделены в особую категорию	Отдельная форма
<i>Семитские языки</i>				
Древние и новые семитские	Аkkad. – причастие I (активное); поздние языки – причастие I (активное); причастие II (пассивное)	Спрягаемая глагол. форма + модальное слово	Аkkad. – статив	Форма абсолютного и склоняемого инфинитива

Глава 4. Особенности синтаксического употребления глагольных имен в индоевропейских и семитских языках

4.1. Полупредикативные обороты со значением сложного дополнения и сложного подлежащего в индоевропейских и семитских языках

4.1.1. Типологический обзор и сравнительно-сопоставительная характеристика

По предположению И.Г. Кошевой, «в основе создания текста лежит обязательный принцип внутренней спаянности глубинно-поверхностных блоков» [Кошевая, 2011, с. 32]. В текстах, написанных на древних языках, паратаксис преобладал над гипотаксисом, поэтому в древних языках чаще употреблялись различные полупредикативные конструкции, катализирующие большую внутреннюю спаянность высказывания. В настоящем исследовании рассматриваются два самых распространенных типа таких полупредикативных конструкций: обороты со значением сложного дополнения (подлежащего) и абсолютные обороты с обстоятельственным значением.

Обороты со значением сложного дополнения встречаются во многих древних и новых индоевропейских языках. Обычно они представляют собой полупредикативные конструкции, где в качестве «логического подлежащего»¹⁸ выступает имя (как правило, существительное), а в качестве «логического сказуемого» – неличная форма глагола (инфинитив или причастие). При этом компоненты «грамматической основы» полупредикативной конструкции согласованы между собой в падеже, числе и роде (если это позволяют особенности грамматической системы конкретного языка) и поэтому могут быть

¹⁸ Терминами «логическое подлежащее» и «логическое сказуемое» в данном исследовании называются компоненты основы полупредикативных инфинитивных и причастных оборотов. Поэтому «логическое подлежащее» – это имя (обычно существительное или прилагательное), а «логическое сказуемое» – это инфинитив или причастие, которые при преобразовании глубинных структур в поверхностные [Крюкова, 2006, с. 98–111; Электронный ресурс] (в данном случае преобразование полупредикативного оборота в придаточную конструкцию) становятся спрягаемыми формами глагола. – А.Б.

легко преобразованы в основу равнозначного по смыслу придаточного дополнительного предложения. В большинстве индоевропейских языков есть несколько условий, ограничивающих формирование подобных оборотов. Эти условия находятся в прямой зависимости от особенностей грамматики каждого языка. Одним из таких ограничений можно считать спектр значений управляющего глагола, от которого зависят подобные обороты. Как правило, это глаголы со значением «речи и мысли» – *verba dicendi et sentiendi* [ЛЯ, 2000, с. 161], входящие в диапазон основных пяти направлений: 1) говорить (вербальный процесс); 2) думать, чувствовать (невербальный процесс); 3) радоваться, печалиться (оттенки чувств); 4) желать (волеизъявление); 5) безличные выражения типа «известно», «следует» и др.

Вторым ограничивающим условием можно считать выбор падежа «логического подлежащего» полупредикативной конструкции. Именно это условие определяет малую вероятность появления оборотов со значением сложного дополнения в языках эргативного строя (например в шумерском), так как грамматическая система этих языков не предполагает наличия конструкций с Именительным и Винительным падежами. Поскольку вся изучаемая конструкция имеет значение сложного дополнения и зависит от переходных глаголов, то наиболее вероятным в большинстве языков является закрепление за компонентами таких оборотов падежа прямого дополнения, то есть Винительного. Однако следует отметить, что Винительный падеж оборота со значением сложного дополнения не является нормой для всех языков. Выбор падежа такой полупредикативной конструкции также определяется условием согласования «логического подлежащего» и «логического сказуемого». Внешне может показаться, что категорией падежа обладает лишь «логическое подлежащее», или имя, например в латинском языке: *scio amicum* (Accusativus) *meum bene cantare* – «я знаю, что мой друг хорошо поет». Глагол, употребленный здесь в форме инфинитива уже в классической латыни, представлял собой несклоняемое образование. Сам инфинитив исторически является древним глагольным именем субстантивного характера, которое изменялось по падежам и

застыло в разных языках в виде различных падежных форм, которые позже были преобразованы в несколько типов «неличных форм глагола».

Основными «застывшими» падежами древних инфинитивов, как отмечалось ранее, являются Именительный и Винительный, примером тому может служить латинский язык [Там же. С. 168]. Однако в некоторых языках, например в **старославянском**, инфинитив представляет собой застывшую форму Дательного падежа [Камчатнов, 2001, с. 94], в результате чего в старославянском и церковнославянском языках функционирует оборот, называемые Дательный с инфинитивом [Плетнева, Кравецкий, 1996, с. 74]. Оборот Винительный с инфинитивом в истории русского языка появляется в периоды южнославянских влияний и является, в основном, калькой с греческого языка в переводных библейских текстах [Пентковская, 2009, с. 232]. Позже в ходе исторического развития **русского** языка такие обороты выходят из употребления, а обороты Дательный и Винительный с инфинитивом используются ограниченно и не воспринимаются как полупредикативная конструкция: «Полководец приказывает **воинам собираться**», «Я прошу **вас прийти**». Кроме того, падеж полупредикативной конструкции оказывает влияние даже на выбор управляющего глагола. Например, Дательный падеж русского инфинитива определяет значения небольшого (по сравнению, например, с латинским или древнегреческим) количества управляющих глаголов для подобных оборотов в диапазоне «приказ – просьба»: «Я приказываю тебе это сделать».

Следует отметить, что в некоторых языках у оборота Винительный с инфинитивом есть синтаксически синонимичный оборот – Винительный с причастием, например в **древнегреческом** языке: Tissafernes **Kyron strateuonta aggellei** – «Тиссаферн сообщает, что **Кир идет войной**» или «Тиссаферн сообщает об **идущем войной Кире**» [Козаржеский, 1998, с. 34]. Причастие исторически представляет собой древнее глагольное имя адъективного характера, поэтому оно является более гибкой в синтаксическом отношении формой. Обороты, которые можно назвать Винительный падеж с причастием, существуют во многих индоевропейских языках, где они даже не выделяются в отдельную категорию

оборотов, но представляют собой хорошую альтернативу для перевода Винительного с инфинитивом. Таким образом, в качестве третьего ограничивающего условия для формирования оборотов со значением сложного дополнения можно считать форму «логического сказуемого» конструкции. В большинстве индоевропейских языков, где употребляются подобные обороты, «логическое сказуемое» представлено в форме инфинитива. Иногда инфинитивные обороты со значением сложного дополнения употребляются одновременно с причастными, как это было в древнегреческом языке. Здесь это можно объяснить тем, что со временем инфинитив в греческом языке вообще вышел из употребления, поэтому синхронное функционирование причастных оборотов с аналогичным значением может знаменовать начало этого процесса. В **санскрите** в оборотах со значением сложного дополнения только тогда мог быть употреблен инфинитив, когда совпадали субъекты действия в обороте и главном предложении. Если субъекты действия были разными, необходимо было употреблять причастие: Pabhuh **bhrityam gamanaaya** aadishati – «Хозяин **слуге**, чтобы он **был идущий**, приказывает» [Kale, 1961, p. 583]. Такие особенности употребления полупредикативных оборотов в санскрите объясняются тем, что инфинитив санскрита представлен только одной морфологической формой (застывшей формой Дательного падежа древнего глагольного имени), при этом в данном языке существовала хорошо развитая система причастий.

В других языках индоевропейской семьи полупредикативные обороты со значением сложного дополнения и сложного подлежащего также встречаются довольно часто. Такие конструкции употребляются как в языках «восточного», так и в языках «западного» направлений. Из индоевропейских языков, представленных в настоящем исследовании и не рассмотренных в начале данного раздела, подобные обороты (или их аналоги) зафиксированы в следующих системах: урду, панджаби (арийская ветвь); авестийский (иранская ветвь); хеттский (анатолийская ветвь); чешский, словацкий (славянская группа); литовский, латышский, латгальский (балтийская группа); готский, древнеисландский, датский, шведский, норвежский, идиш, английский, немецкий

(германская ветвь); кельтские языки; португальский, итальянский, французский (романская ветвь).

В **урду** инфинитив может употребляться в качестве «логического сказуемого» в оборотах со значением сложного дополнения: *amāñ ko hamešā se merā larḱon ke sāth **khelnā** nāpasand hai* – «Маме не нравится, что я постоянно играю», (букв.) «постоянно играть» [Дымшиц, 2001, с. 154]. Такие инфинитивные обороты обычно вводятся послелогоми *kā* и *par*: *rozānā is waḱt bāhar jānā us kā māmūl thā* – «его обыкновением было ежедневно в это время выходить на улицу» [Там же. С. 154].

В языке **панджаби** причастия (и сложные и простые) могут употребляться в абсолютной, неизменяемой форме, в которой они имеют окончание *-iā*. Такие причастия используются в качестве «логического сказуемого» оборотов со значением сложного дополнения: *māe rām nū āundiā vekhiā* – «я увидел, что Рама приближается»; *māe muṇḁe nū parḥdiā hoīā suṇiā* – «я услышал, как мальчик читает» [Толстая, 1960, с. 32].

В **авестийском** языке употреблялись инфинитивные обороты со значением сложного дополнения. Этот оборот по своим грамматическим характеристикам приравнивается к латинскому *Accusativus cum infinitivo*: *aṭ tōi ātrēm usəmahī **stōi*** (инф. от *STĀI*) *rapantē čivṛā.**avanḥəm*** – «и мы желаем, чтобы твой огонь был благочестивому приятным» [Соколов, 1961, с. 106].

Хеттское причастие может употребляться в качестве предиката в оборотах со значением сложного дополнения, зависящих от глаголов со значением «речи и мысли»: *ammukṣaran **akkantan*** (В. п.) – «мне сказал, что он умер». Если причастие передает действие, одновременное действию управляющего глагола, причастие можно переводить формой настоящего времени: *maḥḥanma KUR.KUR MES LUKÚR ıArnuandan ŠEŠ-IA irman ištamaššir* – «когда же враждебные страны услышали, что мой брат Арнуванду болен», (букв.) «услышали его больного» [Фридрих, 2001, с. 163]. Эти конструкции аналогичны древнегреческим *Accusativus cum participio*.

В **чешском** языке употребляются инфинитивные обороты со значением сложного дополнения, аналогичные латинским *Accusativus cum infinitivo*. Они зависят от глаголов со значением восприятия: *vidět* – «видеть», *slyšet* – «слышать», *cítit* – «чувствовать» и др. *Viděl jsem Petra odcházet* – «Я видел, как Петр уходил». Иногда инфинитив в таких конструкциях переводится на русский язык отглагольным существительным: *v dálce bylo slyšet zpěv* – «вдали было слышно пение» [Обухова, 2010, с. 212].

В **словацком** языке инфинитив может употребляться в оборотах со значением сложного дополнения, аналогичных латинским *Accusativus cum infinitivo*. Такие обороты зависят от глаголов восприятия: *vidieť* – «видеть», *zbadaf* – «заметить» и др.: *Videla deti čítať* – «Она видела, что дети читают»; *Zbadal som ju usmievať sa* – «Я заметил, как она улыбается» [Мистрик, Тугушева, 1981, с. 290].

В **литовском** языке в полупредикативных оборотах со значением сложного дополнения в качестве «логического сказуемого» конструкции употреблялась неизменяемая форма – деепричастие. Такие обороты можно аналогизировать греческим *Accusativus cum participio*: *Kuĩ girdėjai gaidžius lójant, šunis giedant* – «Где (ты) слышал петухов лающих», (букв.) «лая» собак поющих (деепричастие настоящего времени)); *Jis praneša žmōgų ateĩdavus su reĩkalu* – «Он сообщает, что человек захаживал», (букв.) «человека приходивши много раз по делу» [Булыгина, Синёва, 2006, с. 130].

В **латышском** языке в аналогичных оборотах, зависящих от глаголов со значением «видеть», «слышать», «чувствовать» и т.п., употреблялось деепричастие на *-am-* (возвратная форма на *-āties-*): *Putni jūt tuvojamies pavasari* – «Птицы чувствуют приближение весны (что весна приближается)» [Сталтмане, 2006, с. 177].

В литературной форме **латгальского** языка, особенно в оборотах со значением сложного дополнения, в качестве «логического сказуемого» употребляется два вида неизменяемых деепричастий: 1) деепричастие на *-ūt-*, *ūtīs-*, образующееся от возвратных глаголов: *plāunūt* – «кося», *smejūtīs* – «смеясь», и 2) деепричастие от возвратных глаголов на *-am-*, *-amīs-*, *-om-*, *-omīs-*, -

im-, -imīs-: Dzieržu jūs **runojamīs** – «Слышу, что они разговаривают» [Брейдак, 2006, с. 206].

В готском языке употреблялась конструкция, аналогичная латинской *Accusativus cum infinitivo*, которая стала возможна благодаря застывшей форме Винительного падежа инфинитива. Встречалось две разновидности данной конструкции: 1) «Логическое сказуемое» оборота воспринимается как объект действия, поэтому вся конструкция переводится на русский язык буквально, без синтаксических преобразований: *haihait ina **aftiuhan** fairra staþa leiti* – «просил его **удалиться** немного от берега» [Гухман, 2008, с. 231]. 2) «Логическое сказуемое» оборота выступает в качестве субъекта собственного действия. Такая конструкция обычно переводится на русский язык дополнительным придаточным предложением с союзом «что», «чтобы». Инфинитив при переводе преобразовывается в спрягаемую глагольную форму или составное именное сказуемое: *hausideduþ ina **siukan*** – «вы слышали, что он **болеет**, (букв.) его **болеть**» [Там же. С. 231].

В древнеисландском языке одной из особенностей инфинитива являлось его употребление в качестве предикативного элемента сложного дополнения при глаголах восприятия, высказывания, суждения и волеизъявления, который в индоевропейских языках называется Винительный с инфинитивом, например, *Hungðu þeir **þat vera** konungs menn* – «Они **думали**, что это (**есть**) люди короля» [Стеблин-Каменский, 2006, с. 130]. Если субъект действия инфинитивного оборота совпадает с субъектом действия главного глагола, то главный глагол может стоять в возвратной форме и переводиться как безличный. В латинском языке такие обороты называются сокращенными *Nominativus cum infinitivo*: *þykkjumk sjá* – «мне **кажется**, что я **вижу**» [Там же. С. 130]. Логическое подлежащее оборота со значением сложного дополнения в древнеисландском языке всегда стоит в Винительном падеже, как и именная часть «логического сказуемого» оборота при инфинитиве бытийного глагола: *Ek heyrða hann **sjúran** vera* – «Я слышал, что он **болен**» [Там же. С. 131]. Если в обороте и главной части действие выполняет один и тот же субъект, то именная часть «логического

сказуемого» инфинитивного оборота стоит в Именительном падеже: þeir létusk vera **serir menn** – «они сказали, что они **осужденные** люди». Инфинитив I в оборотах со значением сложного дополнения обычно обозначает действие, одновременное действию главного глагола, а инфинитив II – действие, предшествующее действию главного глагола [Там же. С. 131].

В датском языке также употребляется оборот, аналогичный латинскому Accusativus cum infinitivo. Он зависит от глаголов со значением чувственного восприятия – høre, se, føle, mærke. Инфинитив в подобных конструкциях употребляется без частицы at: jeg så ham komme – «я видел, как он пришел», vi hørte hende synge – «мы слышали, что она пела» [Новакович, 1996, с. 455].

В шведском языке употребляются инфинитивные обороты, аналогичные латинским Accusativus и Nominativus cum infinitivo. Они зависят от глаголов со значением речи, мысли и чувственного восприятия, например, säga – «сказать», anse – «считать» и т.п. Если управляющий глагол имеет форму активного залога, он вводит обороты со значением сложного дополнения: Jag minns **horom ha sagt detta** – «Я помню, что он сказал это» [Маслова-Лашанская, Толстая, 2005, с. 309]. Если управляющий глагол стоит в форме пассивного залога, он вводит обороты со значением сложного подлежащего: Han sage **sig ha varit sjuk** – «Он сказал, что был болен» [Там же. С. 309]. Эти обороты структурно отличаются от латинских аналогов тем, что в шведском языке нет формы Винительного падежа, а дополнение выражается общим падежом (в шведском языке всего два падежа: Общий и Родительный) [Там же. С. 200].

В норвежском языке употребляются инфинитивные обороты со значением сложного дополнения, аналогичные латинским Accusativus cum infinitivo. Они зависят от глаголов физического восприятия – å se – «видеть» и некоторых других – å la – «разрешать»: vi lot ham reise bort – «мы разрешили ему ехать» [Лукашова, 2013, с. 206]. Такие обороты чаще употребляются в письменной форме языка. От латинских оборотов норвежские отличаются падежной формой «логического подлежащего». Так как в норвежском языке только два падежа – Общий и

Родительный [Там же. С. 17], то «логическое подлежащее» инфинитивного оборота принимает здесь форму Общего падежа.

В языке **идиш** одной из особенностей функционирования инфинитива является его употребление в оборотах со значением сложного дополнения, имеющих в лингвистике общее название – Винительный падеж с инфинитивом: **איך הער די פייגעלעך זינגען** – *ich her di feigeleh singen* – (букв.) «я слышу **птичек петь**» [Сандлер, 1989, с. 240]. В данной конструкции, зависящей от глаголов со значением «видеть», «слышать», «чувствовать», «заметить» и т.п., употребляется имя в Винительном падеже в сочетании с инфинитивом. В современном русском языке полного аналога такого оборота не существует, поэтому нет возможности перевести данную конструкцию с сохранением всех грамматических форм. Эквивалентами перевода можно считать конструкции с причастием: «я слышу поющих птичек», отглагольным существительным: «я слышу пение птичек» и сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным: «я слышу, что (как) поют птички». Аналоги подобных оборотов существуют и в других древних и новых индоевропейских языках. Наряду с конструкцией Винительный с инфинитивом может употребляться конструкция Именительный с инфинитивом, тогда конструкция будет иметь значение сложного подлежащего. Например, в латинском: *scio te eum librum legere* – «я знаю, что ты читаешь эту книгу»; в древнегреческом: *Lego tus palaius Aigyptius gypas u foneuein* – «я говорю, что древние египтяне не убивали коршунов»; в немецком: *er scheint glücklich zu sein* – «кажется, что он счастлив». Однако, как было сказано выше, они не всегда могут переводиться буквально, с сохранением синтаксической структуры конструкции. Перевод подобных оборотов зависит от особенностей грамматической системы каждого языка.

В идише полупредикативные обороты со значением сложного дополнения структурно представляют собой конструкции западного типа индоевропейских языков (как, например, в латинском языке). Эти обороты объединяются общим названием – Винительный падеж с инфинитивом. Основное ограничение для формирования подобных оборотов в идише распространяется лишь на значение

управляющего глагола. Особенности славянских и семитских языков в отношении структуры данного оборота в идише отсутствуют.

Английский инфинитив тоже может употребляться в оборотах [Акбилек, 2007, с. 13; Тимофеева, 2005, с. 52], аналогичных латинским *Accusativus cum infinitivo*; как правило, такие конструкции зависят от глаголов со значением высказывания, мышления и чувственного восприятия: *She declared him to be the most disobedient child* – «Она заявила, что это самый непослушный ребенок на свете».

Немецкий инфинитив также используется в качестве «логического сказуемого» в оборотах со значением сложного дополнения: *Der Gelehrte war überzeugt, die richtige Lösung des Problems gefunden zu haben* – «Ученый был убежден, что нашел правильное решение проблемы» [Нарустранг, 2003, с. 157].

В **кельтских** языках также употребляются инфинитивные обороты со значением сложного дополнения: *leuereugh rau thy thanfon* – «скажи, что я послал его» (корнский) [Льюис, Педерсен, 2002, с. 362].

В **португальском** языке в оборотах со значением сложного дополнения в качестве «логического сказуемого» употребляется инфинитив: *eu pergunto-lhe o que fazer* – «я спрашиваю вас, что делать» [Нечаева, 2009, с. 186].

В **итальянском** языке в оборотах со значением сложного дополнения в качестве логического сказуемого употреблялся инфинитив. Эти обороты во многом аналогичны латинским *Accusativus cum infinitivo*, которые в ходе исторического развития языка претерпели ряд преобразований. Одним из главных отличий итальянских оборотов от латинских можно назвать появление в итальянских конструкциях предлога *di*. Инфинитивные обороты с этим предлогом употребляются после глаголов со значением «речи и мысли» (*dichiarare di* – «заявлять», *dimenticare di* – «забывать», *permettere di* – «позволять» и др.: *Mi ha detto di aver comprato un a casa* – «Он сказал мне, что купил дом» [Арбия, 2008, с. 83]. Однако в итальянском языке также употребляются инфинитивные обороты без предлога, и эти конструкции также можно рассматривать как эквиваленты

латинского Accusativus cum infinitivo: E'interessante visitare chiese romaniche – «Интересно посетить романские церкви» [Там же. С. 82].

Французский инфинитив может употребляться в оборотах со значением сложного дополнения: je l'entends **chanter** – «Я слышу пение» / «Я слышу, как он поет» [Гак, 2000, с. 197].

В **семитских** языках инфинитив и причастие имеют грамматические характеристики, несколько отличающиеся от тех, что существуют в индоевропейских языках. Например, в иврите, библейском и современном языках существует два инфинитива, абсолютный и склоняемый, но ни один из них не употребляется в оборотах со значением сложного дополнения. В конструкциях, которые можно назвать аналогом индоевропейских Винительный с инфинитивом, условное место «логического сказуемого» занимает активное причастие, и вся конструкция выглядит так: ani roa **oto menagen gitara** – «я вижу **его, играющего** на гитаре», «я вижу, что **он играет** на гитаре». Однако такие обороты нельзя назвать полупредикативными, так как активное причастие в иврите употребляется также в качестве глагола настоящего времени (спрягаемой формы глагола настоящего времени в этом языке нет). Поэтому представленная здесь конструкция может быть также переведена как «я вижу, он играет на гитаре» и рассматриваться как сложное бессоюзное предложение с равнозначными частями.

4.1.2. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления полупредикативных оборотов со значением сложного дополнения в индоевропейских и семитских языках (на материале библейского текста)

Ветхий Завет (источник на древнееврейском языке)

Пример выбран по наличию оборота Винительный с инфинитивом в латинском переводе, так как в древнееврейском языке полупредикативные обороты со значением сложного дополнения отсутствуют, а в греческом койне

периода написания Нового Завета подобные конструкции употреблялись реже, чем аналогичные по смыслу придаточные дополнительные предложения.

Бытие 3:7

(Русск.) И открылись глаза у них обоих, и узнали они, **что наги**, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания [БК, 1997, с. 3].

(Древнеевр.)

וַיִּפְתְּחוּ עֵינֵי שְׁנֵיהֶם, וַיֵּדְעוּ, כִּי עֲרֻמִּם הֵם; וַיַּתְּפֻּרוּ עָלֵה תְאֵנָה, וַיַּעֲשׂוּ לָהֶם חֲגֹרֶת
[BH, 1997, s. 4].

(SG) καὶ διηνοί χθησαν οἱ ὀφθαλμοὶ τῶν δύο καὶ ἔγνωσαν ὅτι γυμνοὶ Ἦσαν καὶ ἔρραψαν φύλλα συκῆς καὶ ἐποί ησαν ἑαυτοῖς περιζώματα [SG, 1979, s. 4].

(BSV) et aperti sunt oculi amborum cumque cognovissent **esse se nudos** consuerunt folia ficus et fecerunt sibi perizomata [BSV, 1994, s. 7].

(БЦС) Ἦ ὡβερζόшасѧ ὄчи Ѡвѣма, Ἦ разѡмѣша, Ἦкѡ нѧзи кѣша: Ἦ шѧста лѧствїе смоковное, Ἦ сотвориѧта себѣ преподѧснїѧ [БЦС, 2012, с. 6].

(Болг.) Тогава се отвориха очите на двамата, и разбраха, **че са голи**, па съшиха смоकिनени листа и си направиха препасници [Библия на разных языках, Электронный ресурс].

(Сербск.) Тада им се отворише очи, и видеше **да су голи**; па сплетоше лишћа смоковог и начинише себи прегаче [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) A wtedy otworzyiy się im obojgu oczy i poznali, **że s nady**; spletli wikę gaizki figowe i zrobili sobie przepaski [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) Tedy otevřiny jsou oči obou dvou, a poznali, **že jsou nazy**; i navázali listí fíkového a nadělali sobě věníků [BČ, 2006. S. 5].

(Англ.) And the eyes of them both were opened, and they knew **that they were naked**; and they sewed fig leaves together, and made themselves aprons [TB, 1997, p.

3].

(Нем.) Da wurden ihrer beider Augen aufgetan, und sie erkannten, **daß sie nackt waren**; und sie hefteten Feigenblätter zusammen und machten sich Schurze [GNB, 2000, s. 6].

(Франц.) Les yeux de l'un et de l'autre s'ouvrirent, ils connurent **qu'ils étaient nus**, et ayant cousu des feuilles de figuier, ils s'en firent des ceintures [LB, 2004, p. 24].

В древнееврейском тексте примера употребляется придаточное изъяснительное, которое переводится на древнегреческий и старославянский также придаточным изъяснительным, а в латинском переводе ему соответствует полупредикативный оборот Винительный с инфинитивом. В остальных переводах, как и в древнееврейском тексте, употребляется придаточное изъяснительное.

Новый Завет (источник на греческом койне)

Лк. 19:14

(ΚΔ) οὐ θέλομεν **τοῦτον βασιλεῦσαι ἐφ' ἡμᾶς** [ΚΔ, 1993, s. 167].

(BSV) nolumus **hunc regnare super nos** [BSV, 1994, s. 1645].

(Санскр.) तदीयपुरवासिनस्तु तमद्विषुस्तश्चाच्च दौत्य – प्रहित्य निवेदयामासु :। नरो ऽ सौ

यदस्माक – **राजा भवेत् नन्नभिमतमस्मभिः** : [TNTIS, 1962, p. 197. Электронный ресурс].

राजा – Именительный падеж от слова «царь». **भवेत्** – 3-е лицо единственного числа имперфекта медиопассивного залога (который от данной глагольной формы образуется редко) от глагола भू – «быть». **यदस्माक** – в составе слова форма Родительного падежа местоимения «мы» со значением принадлежности. **नन्नभिमतमस्मभिः** – пассивная форма глагола вместе с местоимением «мы» в

Инструментальном падеже со значением действующего лица «мы не хотим». Конструкция по структуре похожа на Именительный с инфинитивом, но вместо инфинитива भवेत् Спрягаемая глагольная форма: (букв.) «этот человек нас царь бывал мы не хотим».

(ОЕ), (АЕ), (КЕ) – пример отсутствует.

(МЕ) не хоѡемъ емоу да ц(с)рствоуетъ надъ нами [МЕ, 1983, с. 136].

(ЧНЗ) не хоѡѣ сеѣ цѣрѣтовати надъ нами [ЧНЗ, 2001, с. 124].

(ГБ) не хоѡемъ семоу, да црѣтвуетъ надъ нами [ГБ, 1992, с. 267].

(ОБ) не хоѡемъ семѣ, да црѣтвуетъ надъ нами [ОБ, 1988, лѣи лѣ].

(МБ) не хоѡемъ емѣ, да црѣтвуетъ надъ нами [МБ, 1698, с. тѣн].

(ЕБ) не хоѡемъ семѣ, да црѣтвуетъ надъ нами [ЕБ, 1757, с. рѣ].

(НЗ, 1823) не хотим, чтоб он царствовал над нами [НЗ, 1823, с. 560].

(Русск.) не хотим, чтоб он царствовал над нами [БК, 1997, с. 90].

В греческом тексте примера употребляется оборот Винительный с инфинитивом, который переводится на латинский и церковнославянский язык (ЧНЗ) аналогичным оборотом. В санскритском переводе по причине несовпадения действующего лица главного глагола и оборота перевести конструкцию оборотом Винительный с инфинитивом было нельзя, но переводчик употребляет аналогичный по значению гибрид полупредикативного оборота и придаточного предложения. В остальных переводах употребляется придаточное изъяснительное.

Аналогичные примеры см. в Приложении Г.6.

4.2. Абсолютные обороты с обстоятельственным значением в индоевропейских и семитских языках

4.2.1. Типологический обзор и сравнительно-сопоставительная характеристика

Во многих индоевропейских языках существуют полупредикативные конструкции, не зависящие ни от одного члена предложения [Галышев, 2004, с. 54; Епифанцева, 1999, Электронный ресурс]. Такие конструкции в грамматиках называются абсолютными, или самостоятельными, оборотами. Предикативным центром абсолютного оборота обычно является причастие, которое выступает в качестве «логического сказуемого» конструкции и согласуется в роде, числе и падеже с именем – «логическим подлежащим». Оба компонента «предикативной основы» оборота стоят в определенном падеже, закреплённом в данном языке для данного типа конструкций, а вся конструкция по смыслу равнозначна придаточному обстоятельству предложению, чаще временному с союзом «когда»: **Autumno adveniente**, aves avolant (лат. яз.). – «**Когда наступает осень**, птицы улетают», «**С наступлением осени** птицы улетают» [Балута, 2013, с. 5].

Подобные конструкции больше характерны для древнего состояния языка. Этому обстоятельству существует свое логическое объяснение. В грамматическом строе древнейших языков паратаксис преобладал над гипотаксисом. Категория подчинительных союзов на раннем этапе развития языка (нижней границей считается период, зафиксированный в ранних письменных памятниках каждого древнего языка, например, для латинского языка это архаический период: все, что было написано на латыни до I в. до н. э.) либо развита слабо, либо совсем еще не сформирована [Дынников, Лопатина, 1975, с. 111]. Первичным способом человеческого мышления признается синтетический [Халина, 1996, с. 16], это также может способствовать предположению о превалировании синтетической предикативности синтаксических конструкций в древнейших языках. Таким образом, в древнейших языках вместо сложных развернутых синтаксических

конструкций формировались полупредикативные обороты, в том числе и с обстоятельственным значением [Балута, 2013, с. 6].

Абсолютными эти обороты становились в силу того, что придаточные обстоятельственные по природе своей являются приосновными, а не присловными конструкциями, как, например, изъяснительно-объектные. Предикативным центром абсолютных оборотов с обстоятельственным значением являются глагольные имена, чаще адъективного характера – причастия, так как именно они показывают большую синтаксическую гибкость в плане изменения категорий рода, числа и падежа. Причастия употребляются в разных временных формах, допустимых для данного языка, обычно в форме настоящего и прошедшего времени, чтобы показать одновременность или предшествование действию главного предложения. Глагольные имена субстантивы, например инфинитивы, обладают меньшей, чем причастия, синтаксической гибкостью, так как даже в древних языках у этой формы практически отсутствовали падежные изменения. В большинстве индоевропейских языков инфинитивы зафиксированы лишь в форме Именительного-Винительного падежей и поэтому входят в состав иных, присловных полупредикативных оборотов (например, *Accusativus cum infinitivo* в латинском и древнегреческом языках), имеющих значение сложного дополнения или подлежащего. Обстоятельственные абсолютные обороты, напротив, обычно принимают форму иных (кроме Винительного) косвенных падежей: Родительного, Дательного, Местного, Отложительного и др. В семитских языках по причине того, что инфинитивы и причастия имеют иные, отличные от индоевропейских грамматические характеристики, абсолютные обороты вообще сложно охарактеризовать как особую категорию синтаксических конструкций. Однако это возможно при условии проведения аналогий с некоторыми индоевропейскими языками [Там же. С. 7].

Из представленных в данной работе индоевропейских языков конструкции подобного типа зафиксированы в следующих системах: санскрит, хиндустани, урду (арийская ветвь); талышский (иранская ветвь); древнегреческий (греческая ветвь); старославянский, древнерусский, чешский (славянская группа); литовский,

латышский, латгальский (балтийская группа), готский, древнеисландский, датский, идиш, английский, немецкий (германская ветвь); латинский (италийская ветвь); португальский, итальянский, французский (романская ветвь).

Исследование структуры абсолютных оборотов с обстоятельственным значением в индоевропейских языках следует начать с одного из древнейших языков данной семьи – санскрита. В **санскрите** в данном значении употребляется оборот *Locativus absolutus*. «Логическое сказуемое» данного оборота выражено причастием, а «логическое подлежащее» представлено именем или местоимением. Оба компонента предикативного центра употребляются в Местном падеже: **surye astam gate vihagaah pratyagacchanti** – «Когда солнце идет к горизонту, птицы возвращаются» [ШС, Ч. 1, 2002, с. 37].

В **хиндустани** в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением употребляется специальное глагольное имя – абсолютив. Эта нефинитная форма обычно используется как ядро деепричастного оборота. Но иногда встречается также в самостоятельных конструкциях, где субъекты действия различны. В хиндустани такие фразы соединяются на основании общности субъекта действия и состояния: **ghar jākar mujhe bukhār hogayā** – «когда я пришел домой, у меня появился жар» [Баранников, 1934, с. 210].

В языке **урду** в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением в качестве «логического сказуемого» может употребляться инфинитив. Субъект при инфинитиве стоит в форме прямого или косвенного падежа с послелогом (чаще *ke*), а также притяжательным местоимением. Такие инфинитивные обороты эквивалентны обстоятельственным придаточным конструкциям: **saṛak ban jāne ke bād carācī aur is šahr ke darmiyān kā fāsilā ādhā ho jāegā** – «когда построят дорогу, расстояние между Карачи и этим городом сократится вдвое» [Дымшиц, 2001, с. 158].

В предикативном употреблении простое причастие I может входить в состав сказуемого или передавать добавочное действие, тогда оно используется как деепричастие или становится «логическим сказуемым» полупредикативных оборотов с обстоятельственным значением. В таких конструкциях причастия

обычно употребляются в сочетании со словом **wakt** – «время»: **jāte wakt** wah ek gāri chor gāye – «уезжая, он одну машину оставил»; unhoñ ne muje ghar se **calte wakt** ek choṭā sā bagig diyā thā – «когда я уходил из дома, она дала мне маленький саквояж» [Там же. С. 177].

Простое причастие II также часто употребляется в функции обстоятельства времени, тогда его можно рассматривать как «логическое сказуемое» полупредикативных оборотов: maiñ **do din hue** apnī wālidā ke pās gayā thā – «два дня тому назад (букв. «два дня прошло») я ездил к своей матери» [Там же. С. 198].

В **талышском** языке в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением в качестве «логического сказуемого» употребляется глагольное имя действия, являющееся аналогом семитского масдара в Местном падеже, которое образуется от глагольной основы с послелогом *-da*, *-ada* (*-anda* в говорах): Mammad **o-gārdiada** ai kīmiyī gatā – «В то время как Мамед возвращался, его схватил Кымых» [Миллер, 1953, с. 189].

В **древнегреческом** языке абсолютные обороты с обстоятельственным значением встречаются в форме всех косвенных падежей этого языка: в Родительном, Дательном и Винительном [Козаржевский, 1998, с. 94], однако наиболее распространены конструкции Genetivus absolutus. Структура оборота аналогична той, которая существует в санскрите: **Kurou basileuontos** hoi Persai erhon pases tes Asias – «**Когда царствовал Кир (= в царствование Кира)**, персы властвовали надо всей Азией» [Там же. С. 35]. Если действие абсолютного оборота и главного предложения выполняется одним и тем же лицом, то Genetivus absolutus можно переводить деепричастным оборотом: **Tes Troias aliskomenes** hoi Ahaioi pollous oiketas autes ekteivon – «**Захватывая Трою**, Ахейцы убивали много ее жителей» [Там же. С. 35].

В **старославянском** языке аналогом абсолютных оборотов с обстоятельственным значением в санскрите, древнегреческом и латинском языках признается Дательный самостоятельный: **ютроу же вѣвѣшю. съвѣтъ сътвориш** – **вси архиѣри...** – «**Когда наступило утро**, все архиереи собрали совет» [Иванова,

1998, с. 187]. Однако в старославянском языке, как и в древнерусском, беспредложный Дательный падеж в значении времени встречался крайне редко [Ломтев, 1956, с. 242], хотя широко употреблялся Дательный временной с предлогом «по»: **«по рану же даютъ шьешни»** [Ломтев, 1956, с. 331]. В беспредложном значении в старославянском и древнерусском языках чаще употреблялся Творительный падеж [Там же. С. 245], значение которого в данном случае близко временным значениям беспредложных форм санскритского Местного и латинского Отложительного. Такое употребление Творительного падежа в значении времени без предлога мы видим и в современном русском языке: **«ночью мне приснился сон»**. В языкознании еще окончательно не решен вопрос причине закрепления за Дательным падежом места в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением. Мы предлагаем принять во внимание то обстоятельство, что Дательный падеж в старославянском и церковнославянском языках также является падежом полупредикативных конструкций со значением сложного дополнения и обстоятельства, которые в отечественном языкознании называются Дательным с инфинитивом: **И исцѣли єго, такъ слѣпомѹ и нѣмюмѹ глаголати и гл҃адати** – «И исцели его, так что слепой и немой стал говорить и видеть» [Плетнева, Кравецкий, 1996, с. 74]. В таких оборотах употребление Дательного падежа, где функции «логического сказуемого» выполняет инфинитив, объясняется тем обстоятельством, что сам инфинитив в старославянском языке считается застывшей формой Дательного падежа [Камчатнов, 2001, с. 94]. В таком случае закрепление Дательного падежа в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением можно отчасти объяснить аналогизирующим влиянием действующей синтаксической модели [Балута, 2013, с. 8].

Использование Дательного самостоятельного наблюдается и в древнерусском языке [Булаховский, 1953, с. 396], однако в процессе исторического развития языка этот оборот постепенно выходил из употребления, заменяясь аналогичными по смыслу придаточными обстоятельственными

предложениями. В **русском** языке XVIII в. употребление Дательного самостоятельного воспринималось как архаизм [Там же. С. 397; Эгипти, 2002, с. 85]. В современном русском языке этот оборот не употребляется.

В **чешском** языке употребляются инфинитивные обороты, которые можно считать аналогами абсолютных оборотов с обстоятельственным значением. Такие конструкции обычно имеют оттенок условия: **přijít** o chvíli dříve, byli bychom ho zastihli – «Приди мы на минутку раньше, мы бы его застали» [Обухова, 2010, с. 212].

В **литовском** языке в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением в качестве главного члена употреблялось неизменяемое деепричастие. Часто такие предложения являются безличными: *Témstant pašlo* – «Когда стало темнеть, похолодало», (букв.) «темнея, похолодало» [Булыгина, Синёва, 2006, с. 130]. В старолитовском языке были в употреблении два типа абсолютных конструкций. При обозначении действия, одновременного действию главного глагола, в абсолютном обороте использовался герундий: **Man atvažiuojant**, pradėjo lyti – «**Когда я приезжал** (во время моего приезда), начался дождь» [Дини, 2002, с. 124]. При обозначении действия, предшествующего действию главного глагола, употреблялось согласованное причастие: **Numirusiam Husam**, io wieton karaliumi tapa Hedad – «Когда умер Хуза, вместо него царем стал Хадад» [Там же. С. 124]. Тип предложений с герундием считается более поздним по происхождению, но «более частый уже в старых текстах» [Там же. С. 124]. В ходе исторического развития языка форма герундия была утрачена, а в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением вместо склоняемых причастий стали употребляться лишь неизменяемые деепричастные формы, что не противоречит общеиндоевропейской тенденции «западного» направления [Балута, 2013, с. 9].

В **латышском** языке в подобных оборотах в качестве «логического сказуемого» использовались причастия, но при этом они теряли способность к склонению, изменяясь только по родам и числам, поэтому назывались полупричастиями: **Pabeidzis skolu**, viņš sāka strādāt rūpnīcā – «Окончив школу, он начал работать на заводе» [Сталтмане, 2006, с. 177].

В латгальском языке в таких оборотах также употребляются полупричастия несовершенного вида, образованные от причастий настоящего времени: **jai skrīdamai** pasleidēja kuoja – «**на бегу** она поскользнулась», (букв.) «ей бегя, поскользнулась нога» [Брейдак, 2006, с. 206].

По совокупности данных материала нескольких балтийских языков можно заключить, что употребляющиеся в них абсолютные конструкции с обстоятельственным значением классифицируются как Дателный самостоятельный. Данная конструкция встречается как в литературной форме языков, так и в диалектах, при этом в качестве «логического сказуемого» используются как изменяемые, так и неизменяемые причастные формы [Балута, 2013, с. 9].

В готском языке в употреблении было три типа абсолютных оборотов: Абсолютный Дателный, Абсолютный Винительный и Абсолютный Именительный.

Абсолютный Дателный имел самое широкое распространение, что позволяет проводить синтаксические аналогии между готским и балто-славянскими языками, где данный тип абсолютных конструкций является наиболее распространенным: **innatgaggandin imma in Kafarnaum** duatiddja imma hundafaps – «**Когда он вошел в Капернаум**, подошел к нему сотник» [Гухман, 2008, с. 228]. К Абсолютному Дателному примыкает причастная конструкция с предлогом **at** – «к». Этот пространственный предлог мог употребляться с Дателным падежом, поэтому, будучи поставлен в начале причастной конструкции, определял падежную форму оборота: **nauhþanuh at imma rodjandin** qam Judas – «еще когда он говорил, (букв.) еще **к нему говорящему**» (причастие и местоимение стоят в Дателном падеже) [Там же. С. 229].

Значительно реже употребляются в готском языке конструкции абсолютного Винительного падежа: **usgaggandan þan ina in daur**, gesaþu ina aþra – «когда он выходил в ворота (букв. «его, **выходящего в ворота**»), увидела его другая» [Там же. С. 229]. Абсолютных Именительных конструкций в готском языке зафиксировано лишь несколько случаев: (Мк. 6:21) **jah waurþans dags**

gatils, þan Herodis mela gabaurþais seninaizos nahtamat waurhta – «и когда наступил подходящий день (букв. «и наступивший подходящий день»), тогда Ирод по случаю дня своего рождения устроил пир» [Там же. С. 230].

Готские причастные обороты Абсолютного Именительного в структурном отношении можно сравнить с особенностями употребления активных причастий в библейском и современном иврите. Структурное сходство особенно ярко проявляется в тех примерах, где ивритское предложение с причастием выполняет функцию придаточной конструкции, а причастие замещает спрягаемую форму глагола [Балута, 2013, с. 7]:

(Бытие 43:5)

וְאִם-אֵינָךְ מְשַׁלֵּחַ , לֹא נֵרֵד [ВН, 1997, s. 71];

vəim einha **məshaleh**, lo nerekh – «а если не **пошлешь**, то не пойдем...» [Гухман, 2008, с. 163]. В иврите активное причастие является единственной формой, регулярно передающей значение настоящего времени, так как спрягаемой формы настоящего времени глагола в этом языке нет. (В готском языке существовали спрягаемые формы глагола настоящего времени [Там же. С. 163].) В сущности, ивритское простое предложение с активным причастием в значении настоящего времени глагола структурно совпадает с готской причастной конструкцией Абсолютного Именительного.

Опираясь на это обстоятельство и на ряд других данных, появление в готском языке конструкций Абсолютного Именительного можно объяснить так. Возникновение указанных конструкций может представлять собой результат буквального перевода соответствующих отрывков древнееврейского текста. Однако в данном случае гипотеза не получает точного подтверждения, так как переводы Ветхого Завета на готский язык дошли до нас фрагментарно и в объеме, не достаточном для полноценного исследования [Там же. С. 163]. В греческом тексте приведенного примера из Нового Завета (Мк. 6:21) на месте готского Абсолютного Именительного употреблен обычный для греческого койне Абсолютный Родительный: καὶ γενομένης ἡ μέρας εὐκαίρου ὅτε ἡ ρώδης τοῖς γενεσίοις αὐτοῦ δεῖπνον ἐποίησεν τοῖς μεγίσταιςιν

αὐτοῦ καὶ τοῖς χιλιάρχοις καὶ τοῖς πρώτοις τῆς γαλιλαίας [ΚΔ, 1993, s. 85].

Поэтому в готском тексте в данном предложении более целесообразным для переводчика было бы использование конструкции Абсолютного Дательного для интерпретации греческого текста. Однако переводчик употребил редкую конструкцию Абсолютного Именительного. В связи с этим можно следующее. Готский перевод Нового Завета был осуществлен в IV в., предположительно с греческого источника [Мецгер, 2002, с. 404]. Однако предполагают существование первоначального текста синоптических Евангелий и на других языках. В частности, существует теория «двух источников», суть которой состоит в том, что Евангелие от Марка, самое краткое по объему, было самым ранним по времени написания, и этот текст послужил основой для Евангелий от Матфея и Луки. Предполагается, что язык самого древнего текста Евангелия был семитским (иврит или арамейский) [Гриликес, 1999, с. 4]. Готский переводчик Ульфилас в IV в. мог располагать не только греческим текстом, но и утраченным в настоящее время источником Евангелия от Марка на иврите, что повлекло за собой появление в готском языке редкой Абсолютной Именительной конструкции, как результата калькирования отдельных мест ивритского текста [Балута, 2013, с. 8].

М.М. Гухман полагает, что готские абсолютные обороты также можно сопоставлять с развернутыми причастными конструкциями, которые широко употреблялись в скандинавских языках. Конструкции Абсолютного Дательного и Абсолютного Винительного она считает более ранними по происхождению, так как в них падеж оборота зависел от управления глагола-сказуемого. Появление оборотов, где падеж «грамматической основы» не зависел от управления главного глагола, она считает дальнейшей ступенью обособления абсолютных конструкций [Гухман, 2008, с. 231]. В современном языке германской группы, английском, также существует абсолютный оборот, называемый the Nominative Absolute Participial Construction. Этот оборот можно рассматривать как наследие древних германских языков.

В древнеисландском языке употреблялись причастные обороты, которые могут считаться аналогом Дательного самостоятельного. В этих оборотах встречаются оба вида причастий. Причастие I передавало действие, одновременное действию главного глагола: **upprennandi** sólu – «на **восходе** солнца». Причастие II обозначало действие, предшествующее действию главного глагола: at **liðnum** þrim vetrum – «по прошествии трех зим» [Стеблин-Каменский, 2006, с. 134]. «Предикативная основа» древнеисландских самостоятельных оборотов употреблялась в форме Дательного падежа.

В датском языке инфинитивы I и II с различными предлогами употребляются в обстоятельственных оборотах; при этом некоторые подобные конструкции можно рассматривать как абсолютные: 1) Оборот I stedet for с инфинитивом I имеет значение обстоятельства образа действия: I stedet for at køre med sporvognen besluttede han at gå – «вместо того чтобы ехать на трамвае, он решил идти пешком». 2) Сочетание предлога efter с инфинитивом II передает значение обстоятельства времени: efter at have spist til middag besluttede vi at gå i biografen – «после того как мы пообедали, решили сходить в кино». 3) Сочетание предлога uden с инфинитивом I передает значение обстоятельства образа действия (инфинитив обозначает действие, одновременное действию основного глагола): han gik ud af værelset uden at sige noget – «он вышел из комнаты, ничего не говоря». 4) Сочетание предлога uden с инфинитивом II передает значение обстоятельства образа действия (инфинитив обозначает действие, предшествующее действию главного глагола): han gik ud af værelset uden at have sagt noget – «он вышел из комнаты, ничего не сказав». 5) Сочетание предлога ved с инфинитивом I также передает значение обстоятельства образа действия: ved at flyve kommer man hurtigst til det sted, man behøver – «летя на самолете, быстро прибудешь в нужное место» [Новакович, 1996, с. 456].

В языке идиш конструкции, представляющие собой абсолютные причастные обороты, обычно переводятся на русский язык сложноподчиненным предложением с придаточным обстоятельственным. В литературной форме языка чаще встречаются придаточные конструкции со значением обстоятельства

времени. В идише аналогичные конструкции принято называть «обособленными оборотами»: ...געמאכט דאס ערשטע פעסל קוואס איז געבליבן – **Gemacht dos ershte fessel kvas, is geblibn...** – «**Когда приготовили первую бочку квасу, было решено...**» [Сандлер, 1998, с. 200].

В **английском** языке употребляется абсолютный оборот the Nominative Absolute Participial Construction. Эта конструкция является эквивалентом исследованных абсолютных оборотов в других индоевропейских языках и аналогичны по смыслу придаточным обстоятельственным: **The enemy approaching, the inhabitants closed the gates** – «**Когда приближался (= так как приближался) враг, жители закрыли ворота**» [Балута, 2013, с. 10].

В **немецком** языке причастие с зависимыми словами иногда может образовывать конструкции, аналогичные «самостоятельным» причастным оборотам: **In Moskau angekommen, besuchten wir vor allem unsere Freunde** – «**Прибыв в Москву, мы посетили прежде всего наших друзей**». Похожие значения также могут передавать обособленные инфинитивные обороты модели (an)statt... + zu + Infinitiv или ohne... + zu + Infinitiv: **Ohne ein Wort zu verlieren, verließ sie das Zimmer** – «**Не проронив ни слова, она вышла из комнаты**» [Нарустранг, 2003, с. 263].

В **латинском** языке широко используется оборот Ablativus absolutus, аналогичный по структуре обороту Locativus absolutus в санскрите. Компоненты латинского абсолютного оборота стоят в форме Отложительного падежа, который, как и Местный падеж в санскрите, мог выражать в беспредложном употреблении значения времени: **Alexandro mortuo, legatos Tyrum misimus** – «**Когда Александр умер, мы отправили послов в Тир**» [Соболевский, 1998, с. 330]. В древнегреческом языке также встречается употребление беспредложного Родительного падежа в значении времени [Соболевский, 1999, с. 273], но частотность употребления в древнегреческом Родительного временного ниже, чем частотность употребления Отложительного временного в латинском и Местного временного в санскрите.

В **португальском** языке в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением в качестве «логического сказуемого» может употребляться неличный или личный инфинитив: Quando **patirem** os pais, ficaram sozinhos – «Когда родители уехали, мы остались одни». В качестве «логического сказуемого» также можно использовать герундий: **contando** ele as novidades, todos o escutavam – «когда они рассказывали новости, все его слушали» [Нечаева, 2009, с. 190]. Такие конструкции больше характерны для разговорной формы языка. В письменной речи в подобных оборотах в качестве «логического сказуемого» обычно употребляется причастие: Chegados a casa, todos estavam a sua espera – «Когда они приехали домой, все их ждали» [Там же. С. 190], Chegados a casa, todos estavam a sua espera – «Когда они приехали домой, все их ждали» [Там же. С. 187]. Такие конструкции можно рассматривать как абсолютные обороты с обстоятельственным значением.

Итальянские причастия, так же, как и причастия в латинском языке, могут употребляться в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением [Тетерукова, 2009, с. 177]: **Arrivato** il padre, tutti si misero a tavola – «Когда пришел отец, все сели за стол» [Черданцева, 2004, с. 101].

Во **французском** языке причастные абсолютные обороты с обстоятельственным значением называются la proposition participe absolute. Эти конструкции являются эквивалентами аналогичных оборотов в других индоевропейских языках и соответствуют по смыслу придаточным обстоятельственным: **L’ennemi approchant**, les habitants fermerent la porte – «С приближением врага (= так как враг приближался), жители закрыли ворота». [ЛЯ, 2000, с. 180].

Таким образом, было установлено, что аналогичные абсолютные обороты с обстоятельственным значением употребляются как в древних, так и в новых индоевропейских языках. Эти конструкции называются по-разному, но имеют структурное сходство. Выбор определенного падежа «логических подлежащего и сказуемого» данных оборотов может зависеть от особенностей и частотности употребления этого падежа в значении времени без предлога [Балута, 2013, с. 10].

В семитских языках грамматические характеристики причастия, которое в индоевропейских абсолютных оборотах с обстоятельственным значением выполняет функции «логического сказуемого», несколько отличаются от грамматических характеристик данной формы в индоевропейской семье. Причастия в семитских языках являются именными формами, регулярно образуемыми от всех глагольных основ [Гранде, 1998, с. 186]. Однако семитские причастия, в отличие от индоевропейских, не имеют морфемных показателей, определяющих отношение ко времени [Там же. С. 248], то есть не существует разных причастий для разных времен. Основная дифференциация причастий осуществляется по залоговому признаку: причастия действительного залога (активные) и причастия страдательного залога (пассивные). Они могут образовываться от простых и расширенных основ. При этом диапазон синтаксических функций активного причастия обычно значительно шире, чем у пассивного. Например, в иврите, как в библейском, так и в современном, активное причастие употребляется в качестве глагола настоящего времени и представляет собой в данном случае единственную возможную форму, так как спрягаемой формы глагола настоящего времени в иврите нет: *ani kotev* – «я пишу» = «я пишущий» [Соломоник, 1983, с. 77].

Отношение семитских причастий к законченности / незаконченности действия сближает эти формы с индоевропейскими аналогами. Но ряд существенных отличий семитских причастий от индоевропейских не способствовал их закреплению в полупредикативных абсолютных конструкциях. Кроме того, семитские причастия по возможностям своей сочетаемости с иными частями речи значительно уступают другим глагольным именам – инфинитивам. Именно с инфинитивами в семитских языках формируются конструкции, аналогичные индоевропейским абсолютным оборотам с обстоятельственными значениями [Балута, 2013, с. 10].

Инфинитивы в семитских языках – это «абстрактные названия самого глагольного признака без указаний на лицо, залог, время и другие конкретные характеристики глагола» [Гранде, 1998, с. 249]. Таким образом, семитские

инфинитивы (в отличие от индоевропейских) никогда не обладали временными категориями. Как и причастия, они «имеют двойственный грамматический характер: по своим синтаксическим связям они могут приравняться к именам, сохраняя некоторые свойства глагольного управления. В некоторых языках, например, в эфиопском и в иврите, этой двойственностью объясняется возникновение двух типов инфинитивов – одного с именным характером, другого с глагольным» [Там же. С. 249].

В **эфиопском** языке распространены так называемые «генетивные конструкции», предикативным центром которых является глагольный инфинитив. Как глагол, этот инфинитив может включать в себя обозначение субъекта действия, но не при помощи афформативов глагольного спряжения, а посредством именных посессивных суффиксов в значении родительного падежа: **sami'o** neguš dangaḍa – «**когда царь** слышал, он встревожился», где **sami'o** – букв. «его акт слушания» (**sami'** – инфинитив «слушать» + местоименный посессивный суффикс **o** в значении Genetivus subjectivus) [Там же. С. 249]. Таким образом, полупредикативную генетивную конструкцию эфиопского языка можно сравнивать с абсолютным оборотом в значении обстоятельства времени, когда в главной и придаточной частях субъекты действия совпадают.

Генетивные конструкции вообще были широко распространены в древних семитских языках, причем за счет употребления именных посессивных суффиксов они могли функционировать даже в тех грамматических системах, где аффиксальные падежные показатели с течением времени выходили из употребления. Следует отметить, что одним из самых близких по значению к семитским генетивным конструкциям является индоевропейский Genetivus absolutus, употребляющийся в древнегреческом языке [Балута, 2013, с. 10].

В **иврите** также существует два инфинитива: infinitivus absolutus и infinitivus constructus. Infinitivus absolutus является полностью неизменяемой формой, он употребляется преимущественно в библейском и литературном языках, не может присоединять предлоги и не имеет именного характера [Там же. С. 188], поэтому не может употребляться в абсолютных оборотах с

обстоятельственным значением. *Infinitivus constructus* – это именной инфинитив. Он может присоединять как местоименные суффиксы, так и предлоги. Именно способность соединения с предлогами, на наш взгляд, обеспечивает возможность данному типу инфинитива войти в предикативный центр абсолютных оборотов с обстоятельственным значением [Ламбдин, 2000, с. 213]. Иврит, и в современном, и в библейском состоянии, представляет собой язык, где склонение формально выражается не аффиксально, а с помощью предлогов. Поэтому именно предлог определяет падежное значение имени. Во временных абсолютных оборотах иврита *infinitivus constructus* употребляется с предлогами *b(e)* и *k(e)* [Балута, 2013. С. 10].

Предлог *b(e)* может передавать значение Творительного падежа [Ламбдин, 2000, с. 458], поэтому в соединении с именем он формирует значения, в том числе и временные, близкие к латинскому Отложительному падежу (*Ablativus*). При соединении предлога *b(e)* с *infinitivus constructus* получаются обороты, аналогичные латинским *Ablativus absolutus*: *b(e)hibbar(e)'am* – «когда они были созданы» или «при их сотворении», где *hibbar(e)'* – инфинитив, *-am-* – суффикс 3-го лица множественного числа [Там же. С. 189]. Есть также случаи употребления подобных оборотов, где предлог, определяющий падеж конструкции, присоединяется не непосредственно к инфинитиву, а к дополнительному лексическому показателю времени: *b(e)jom akol(e)ka* – «в тот день, когда ты будешь есть», где *akol* – инфинитив «есть», *ka* – суффикс 2-го лица единственного числа [Там же. С. 189]. Предлог *k(e)* имеет общее происхождение с союзами *k(e)* – «как, подобно» и *k(i)* – «когда, если, потому что», следовательно, также может передавать временное значение [Там же. С. 468]. Сливаясь с определительным местоимением *asher* – «который», он образует временной союз *kaasher* – «когда» [Там же. С. 469]. Таким образом, конструкция, в основе которой находится инфинитив с предлогом *k(e)*, по форме является полупредикативной, равной по значению придаточному временному: *k(e)sham'o ethadavar* – «когда он услышал это слово», «при услышании им этого слова» [Там же. С. 216]. Здесь **shmoa** –

инфинитив, соединенный с местоименным суффиксом 3-го лица единственного числа -о- и потому поменявший огласовку.

По результатам сравнительно-сопоставительного анализа абсолютных оборотов с обстоятельственным значением в индоевропейских и семитских языках можно заключить, что такие конструкции больше распространены в древних индоевропейских языках. В современных языках подобные обороты употребляются реже, а в некоторых языках совсем выходят из употребления (современный русский) за счет развития системы обстоятельственных придаточных предложений. В качестве «логического сказуемого» таких оборотов чаще всего используется причастие (древнегреческий), но встречаются также формы инфинитива (португальский), деепричастия (литовский), полупричастия (латышский), абсолютива (хиндустани) и даже глагольное имя действия (талышский). В качестве падежей абсолютных оборотов употребляются Местный (санскрит), Родительный (греческий), Отложительный (латинский), Именительный, Винительный (готский); самым распространенным падежом таких конструкций признается Дательный (старославянский, балтийские, скандинавские и др. языки). В семитских языках нет точного аналога индоевропейских абсолютных оборотов с обстоятельственным значением. В эквивалентах таких конструкций, как правило, употребляется инфинитив (иврит) [Балута, 2013, с. 11].

4.2.2. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления абсолютных оборотов с обстоятельственным значением в индоевропейских и семитских языках (на материале библейского текста)

Ветхий Завет (источник на древнееврейском языке)

Пример выбран по наличию абсолютного оборота в латинском переводе.

Бытие 43:2

(Русск.) И **когда они съели хлеб**, который привезли из Египта, тогда отец их сказал им: пойдите опять, купите нам немного пищи [БК, 1997, с. 48].

(Древнеевр.)

ב וַיְהִי, כִּאֲשֶׁר כָּלוּ לֶאֱכֹל אֶת-הַשֶּׁבֶר, אֲשֶׁר הָבִיאוּ, מִמִּצְרָיִם; וַיֹּאמֶר אֲלֵיהֶם אֲבִיהֶם, שְׁבוּ שְׁבָרוֹ-לָנוּ
מֶעֶט-אֶכֶל

[BH, 1997, ы. 71].

(SG) ἐγένετο δὲ ἡνίκα συνετέ λεσαν καταφαγεῖν τὸν σῖτον ὃν ἡ νεγκαν ἔξ Αἰγύπτου καὶ Εἶπεν αὐτοῖς ὁ πατήρ αὐτῶν πάλιν πορευθέντες πρίασθε ἡμῖν μικρὰ βρώματα [SG, 1979, s. 44].

(BSV) **consumptisque cibis** quos ex Aegypto detulerant dixit Iacob ad filios suos revertimini et emite pauxillum escarum [BSV, 1994, s. 64].

(БЦС) Ы́сть же **εγὰρ ἐκονάша** пшеницѣ **ἡδύσε**, ю же прине́сша из **εγύпта**: и рече́ имъ **ὅτέϋз** ихъ: **пáкн шéдше** кѣпите **нáмъ мáлω** пищи [БЦС, 2012, с. 44].

(Болг.) И **когато те изядоха житото**, що бяха донесли от Египет, баща им каза: идете пак, та ни купете малко храна [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) Па **кад поједоше жито** које беху донели из Мисира, рече им отац: Идите опет, и купите нам мало хране [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) A **kiedy do ostatka spożyli zboże**, ktyre sprowadzili z Egiptu, rzeki do nich ojciec: Idcie znyw kupiż dla nas trochк iуwnoci [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) I stalo se, **když vytrávili obilí**, kteréž přinesli z Egypta, že řekl k nim otec jejich: Jděte zase, a nakupte nám něco potravy [BČ, 2006. S. 56].

(Англ.) And it came to pass, **when they had eaten up the corn** which they had brought out of Egypt, their father said unto them, Go again, buy us a little food [TB, 1997, р. 54].

(Нем.) Und es geschah, **als sie das Getreide völlig aufgezehrt hatten**, das sie aus Ägypten gebracht hatten, da sagte ihr Vater zu ihnen: Geht zurück, kauft uns ein wenig Nahrung! [GNB, 2000, s. 46].

(Франц.) **Quand ils eurent fini de manger** le blé qu'ils avaient apporté d'Égypte, Jacob dit à ses fils: Retournez, achetez-nous un peu de vivres [LB, 2004, p. 66].

В древнееврейском тексте примера употребляется придаточное временное, которое буквально переводится на древнегреческий и старославянский языки аналогичным придаточным. На латинский язык эта конструкция переводится оборотом Ablativus absolutus. В остальных переводах для перевода древнееврейского текста используется придаточное времени.

Новый Завет (источник на греческом койне)

Мф. 6:3

(ΚΔ) σοῦ δὲ ποιούντος ἐλεημοσύνην μὴ γνῶτω ἡ ἀριστερά σου τί ποιεῖ ἡ δεξιὰ σου [ΚΔ, 1993, s. 16].

(BSV) **te autem faciente elemosynam** nesciat sinistra tua quid faciat dextera tua [BSV, 1994, s. 1533].

(Санскр.) त्वयि तु भिक्ष – ददति तव दक्षिणहस्तेन यत् क्रियते तव वामहस्तेन मा ज्ञायता – [TNTIS, 1962, p. 12. Электронный ресурс].

त्वयि – локатив местоимения «ты». भिक्ष – «милостыня» в Винительном падеже единственного числа. तु – «но, а, же». ददति – активное причастие настоящего времени от глагола «давать» в локативе единственного числа (по форме похожа на настоящее время 3-го лица единственного числа того же глагола – ददाति). Вся конструкция – классический абсолютный локатив (Местный падеж). «У тебя же, когда даешь милостыню».

(ОЕ) **тѣбѣ же творѣши милостыниѣ** ꙗко не ѹоуѣтъ шѹица твоя ꙗко творить десница твоя [ОЕ, 1998, л. 122 об.].

(АЕ) пример отсутствует.

(МЕ) **тѣбѣ же творѣши милостыню** ꙗко не ѹюеть лѣвица твоя что творить десница твоя [МЕ, 1983, с. 170].

(КЕ) **тѣбѣ творѣшю матына** ꙗко не ѹюеть шѹица твоя что творить десница твоя [КЕ, 1986, л. 51 об.].

(ЧНЗ) **тѣбѣ^ж творѣши мѣтню**, да не вѣ^ѣ шѹица твоя. ѹт^ѹ творѣ^т деснѣ^ѹ твоя [ЧНЗ, 2001, с. 35].

(ГБ) **тѣбѣ же творѣшю милостына** ꙗко не оуѣѣтъ шѹица твоя что творить десница твоя [ГБ, 1992, с. 28].

(ОБ) **тѣбѣ же творѣшѹ мѣлстына** ꙗко не оуѣѣтъ шѹица твоя что творить десница твоя [ОБ, 1988, л^ѣи д^ѣ].

(МБ) **тѣбѣ же творѣшѹ мѣлстыню**, да не оуѣѣтъ шѹица твоя что творить десница твоя [МБ, 1698, с. лѣ].

(ЕБ) **тѣбѣ же творѣшѹ милостыню**, да не оуѣѣтъ шѹица твоя что творить десница твоя [ЕБ, 1757, с. лѣ].

(НЗ, 1823) **ты же раздавай милостыню** так, чтобы лѣвая рука твоя не вѣдала, что дѣлает правая [НЗ, 1823, с. 32].

(Русск.) у тебя же, **когда вторишь милостыню**, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая [БК, 1997, с. 6].

В греческом тексте примера употребляется *Genetivus absolutus*, который переводится на латинский язык *Ablativus absolutus*, на санскрит *Locativus absolutus*, а на старо- и церковнославянский языки Дательным самостоятельным. В русском переводе 1983 г. употребляется спрягаемая форма повелительного наклонения, а в последнем русском переводе используется придаточное времени.

Аналогичные примеры см. в Приложении Г.7.

4.3. Субстантивация и ее виды в индоевропейских и семитских языках

4.3.1. «Обширная» и «ненормированная» субстантивация в древних языках

В науке о языке хорошо известно такое грамматическое понятие, как субстантивация [Редькина, 2003, с. 25; Фысина, 2007, с. 61]. Оно происходит от латинского понятия *substantivum* и в широком смысле обозначает переход какой-либо части речи в существительное. (Например, в русском языке прилагательное «рабочий» (человек) употребляется в качестве существительного «рабочий».)

Грамматическое явление субстантивации характерно для многих языков [Громова, 1997, с. 52; Кирсанова, 2006, с. 25; Красова, 2004, с. 45; Резунова, 2004, с. 34]. Однако, как правило, переход в разряд существительных происходит в пределах одного слова или устойчивого по смыслу словосочетания. Фразеологизмы¹⁹ тоже в определенной степени попадают в ареал субстантивированных единиц, поскольку являются одним членом предложения [Балута, 2013, с. 12]. (Нередко встречаются даже модели субстантивации междометий, предлогов и союзов [Телегин, 1992, с. 231].)

Ограничение для субстантивации в пределах слова или фразеологизма может нарушаться в тех языках, где существует определенный артикль, особенно

¹⁹ Об этом подробнее см.: Чалкова Е.Г. Фразеосемантические поля англоязычного личностно-ориентированного общения. М.: Импринт-Гольфстрим, 1998. 362 с.

если этот артикль склоняется. Это явление хорошо исследовано в древнегреческом языке, где артикль в определенном роде, числе и падеже, поставленный перед словом, словосочетанием, частью предложения или даже целым предложением, субстантивировал всю конструкцию [Там же. С. 13]. Например, глагольное словосочетание *tois nomois peitestai* – «повиноваться законам» при постановке перед ним артикля среднего рода единственного числа Именительного / Винительного падежа *to* превращается в *to tois nomois peitestai* – «повиновение законам» [Козаржевский, 1998, с. 62]. Структура древнегреческого языка позволяла субстантивировать столь большие конструкции, что при их переводе возникают определенные сложности, так как к данной фразе трудно подобрать соответствующий эквивалент. В одной из македонских надписей субстантивируется следующий отрезок: *Hyper soterias Autokratoros Traianu Nerua Sebastu hujos Sebastos Germaniku Dakikos Menneas Beekiabu tu Beeliabu patros Neteiru, tu apoteotos en to lebeti di u ai ortai agontai, episkopos panton ton entade gegonoton ergon kat eusebeias aneteken tea Leukotea Segeiron* [Epigraphes Ano Makedonias¹, Электронный ресурс]. «О спасении императора Траяна Нерона августейшего сына августейшего Германика Дакия Мения Беекиаба отца Беелиаба Нетерия, обожествленного в урне (для сожжения) **через (тех), кто сказал бы, увидев его: епископ всех случившихся здесь дел пожертвовал на богоугодные дела (на благо, на культ) богине Левкотее Сегерийской**» [пер. наш. – А.Б.]. Здесь предлог **di** определяет падеж (Родительный) местоимения **u**, которое стоит в единственном числе мужского / среднего рода и после которого идет артикль подлежащего, *ortai* (отглагольное существительное) во множественном числе Именительном падеже женского рода и согласуемое с этим подлежащим сказуемое в конъюнктиве. Часть, следующая за *ai ortai agontai*, представляет собой прямую речь, которая тоже субстантивирована, поэтому все, что следует за детерминирующим артиклем, воспринимается как единое целое.

Способность к столь обширной субстантивации древнегреческого языка можно объяснить особенностью мировосприятия греков. Организация мира греческой поэзии и философии – это «космос», законосообразная и симметричная

пространственная структура [Балута, 2013, с. 13]. «Внутри «космоса» даже время дано в модусе пространственности: в самом деле, учение о вечном возврате, явно или неявно присутствующее во всех греческих концепциях бытия, как мифологических, так и философских, отнимает у времени столь характерное для него свойство необратимости и придает ему мыслимое лишь в пространстве свойство симметрии» [Аверницев, 1975, с. 269]. Космическое восприятие пространства и времени предполагает возможность существования в едином пространственном отрезке одновременно прошлого, настоящего и будущего. А это, в свою очередь, предполагает возможность восприятия нескольких линейно следующих друг за другом событий «в одном кадре» как единую картину. Так человек, глядя на полотно с пейзажем, воспринимает все его элементы в совокупности, как «остановленное мгновение». Все это можно характеризовать как описательный образ мышления. Однако, «если у греков временное восприятие находилось под сильным воздействием морфологического осмысления действительности, то римские историки более восприимчивы к линейному течению времени, и ход истории они осмысляют, опираясь на определенные исходные моменты действительной истории (основание Рима и т.д.)» [Таривердиева, 1997, с. 80]. Следовательно, в латинском языке, у носителей которого превалировало линейное (повествовательное) мышление, способность к субстантивации значительно снижена. В латинских текстах единая мысль обычно разложена на ряд структурно организованных придаточных конструкций. Поэтому в результате перевода (который включает в себя процессы «понимания мыслей, выраженных средствами исходного языка; переключения мышления с одного языка на другой и выражения мысли средствами переводящего языка» [Борисова, 2012, с. 45]) греческого текста на латинский язык греческие субстантивированные сегменты передаются посредством сложного предложения.

Особенности космического и линейного мышления, а следовательно, возможность возникновения обширной субстантивации конструкций в том или ином языке объясняется особенностями человеческой психики, что опирается на функции левого и правого полушарий человеческого мозга [Балута, 2013, с. 14].

Восприятие единых зрительных образов в основном связано с работой височной доли правого полушария [Вассоевич, 1998, с. 82]. «Известно, что грамотные японцы и по сей день пользуются одновременно иероглификой – понятийным словесным письмом, в котором каждое значение передается отдельным иероглифом, и звуковой азбукой, записывающей звучание слов, но не их смысл» [Иванов, 1978, с. 24]. Результаты обследования японцев с поражениями левого или правого полушарий показывают, что «при поражении левого полушария у японцев страдает слоговое письмо (хирагана и катакана), но не иероглифика. Больные с нарушениями нормальной работы правого полушария не могут... сделать именно то, что необходимо для пользования иероглификой» [Там же. С. 24]. Таким образом, можно заключить, что возможность возникновения субстантивации в языке, а также возможность воспринимать временной отрезок как единый образ формируется у носителей языка с более развитым правым полушарием.

Особенности работы левого и правого полушарий головного мозга также влияют на возникновение зеркального письма. Обычно этот феномен возникает у правшей и чаще всего при поражении левого полушария мозга [Вассоевич, 1998, с. 84]. По мнению Т.А. Доброхотовой и Н.Н. Брагиной, это объясняется тем, что «из-за наступающего паралича правых конечностей больные вынуждены писать левой рукой. Однако у левшей зеркальное письмо наблюдается и вне болезни, появляется оно, как правило, при письме левой рукой» [Доброхотова, Брагина, 1980, с. 131]. Можно предположить, что зеркальное письмо является нормой для левшей. При этом следует вспомнить, что древнеегипетская цивилизация оставила немало надписей, в которых «левая половина повторяет правую как бы в зеркальном отображении, с общим каждый раз для правой и левой стороны знаком жизни – “(Да) живет” – посередине» [Перепелкин, 1967, с. 19].

Возвращаясь к древнегреческому языку, нужно отметить, что наиболее древние греческие памятники написаны бустрофедоном (поворот быка), а этот принцип письма представляет собой поворот строк сначала слева направо, потом справа налево, что также можно считать зеркальным письмом. Следовательно, к

особенностям правополушарного мышления можно отнести не только возникновение субстантивации в языке, но и феномен зеркального письма [Балута, 2013, с. 15]. По мнению А.Л. Вассоевича, правополушарное мышление характерно и для носителей языков с направлением письма справа налево [Вассоевич, 1998, с. 86]. Таким образом, в языках, где направление письма направлено справа налево, можно также предположить возникновение обширной субстантивации. «Вообще, само направление справа налево, характерное не только для зеркального письма левшей или лиц с поражением левого полушария мозга, является предпочтительным для древнеегипетской письменности в целом. Справа налево писало и пишет большинство носителей семито-хамитских языков» [Там же. С. 86]. Далее рассматриваются способы субстантивации в семитских языках.

В семитских языках образуются сопряженные сочетания, которые в некоторой степени можно аналогизировать с греческой субстантивацией. Сопряженные сочетания обычно двукомпонентны и представляют собой соединенные артиклем слова, связанные отношением принадлежности или определения, например, араб. *hābu-l-baṭi* – «дверь дома» или иврит *'ēm haḵḵeled* – «мать ребенка» [Гранде, 1998, с. 185]. Но, в отличие от греческого, артикль не стоит перед сочетанием, а находится внутри него. Отчасти это можно объяснить отсутствием столь развитой, как в греческом языке, падежной системы, так что артикль в семитских сопряженных сочетаниях выполняет еще и падежные функции [Балута, 2013, с. 15].

Б.М. Гранде считает, что первое слово в сопряженном сочетании может одновременно выполнять функции прилагательного и существительного. «В иврите синтаксическая равнозначность подобных слов именам существительным выступает еще более рельефно, чем в арабском, например: *hannešer haggādōl g ʿdōl hack nāfaḵim 'erek hā 'eḇer mālē hannōšā* – «большой орел с большими крыльями, длинными маховыми перьями, с полным оперением». Здесь слова с семантикой прилагательных (*g ʿdōl* – «большой», *erek* – «длинный», *mālē* – «полный») находятся в сопряженном сочетании с последующими именами. В арабском языке

артиклем определяется все сочетание как грамматическая единица, несмотря на то, что внутри сочетания оба слова сохраняют свой морфологический характер» [Там же. С. 185]. Таким образом, семитское сопряженное сочетание можно также считать определенным способом субстантивации, когда словосочетание представляет собой единый образ. Хотя такому способу субстантивации скорее соответствует русское несогласованное определение: «девочка с голубыми глазами» [Балута, 2013, с. 16].

Из приведенных выше примеров становится очевидным, что явление субстантивации неоднозначно по своей природе, следовательно, сам термин «субстантивация» нуждается в дополнительном уточнении. В рамках данного раздела предлагается считать нормой для большинства языков субстантивацию имени или именного устойчивого сочетания. Субстантивация спрягаемых глагольных форм, а также субстантивация лексически неустойчивых словосочетаний, частей предложений и предложений нормой для большинства языков не является. Субстантивацию спрягаемых глагольных форм и лексически неустойчивых словосочетаний следует называть «ненормированной», а для субстантивации частей предложений и предложений в рамках данного исследования вводится термин «обширная» [Балута, 2013, с. 17].

Для возникновения «ненормированной» и «обширной» субстантивации в языке необходимы особые условия, изучение которых затрагивает область нейропсихолингвистики.

Явления «ненормированной» и «обширной» субстантиваций наблюдаются чаще в древних, чем в современных языках. Из современных языков данными грамматическими явлениями изобилуют лишь те языки, которые попадают под характеристику полисинтетических. Этот термин приводится по книге М. Бейкера «Атомы языка». Автор относит к полисинтетическим те языковые системы, в которых предикативная единица внешне стремится к номинативной, поэтому в них широко употребляются так называемые слова-предложения [Бейкер, 2008, с. 115]. К полисинтетическим языкам по способу построения предложений

примыкают такие древние языки, как санскрит, а также языки агглютинативного типа, к которым относится шумерский язык.

По данным нейропсихолингвистики [НПЛ, 2009, с. 117] и невропатологии [Бадалян, 2009, с. 75], древнейшим способом мышления и мировосприятия признается синтетический. Причины первичного синтетизма мировосприятия заложены в особенностях развития нейронных образований головного мозга человека от глубинных структур к поверхностным и от правого полушария к левому [НПЛ, 2009, с. 119]. В ведении правого полушария находится осуществление рецепции внешнего мира, построение чувственных образов и иконической модели воспринимаемого [Там же. С. 120]. Таким образом, превалирование работы правого полушария приводит к сокращению объема высказывания, а также преимущественному употреблению имен и именных типов конструкций. В настоящее время эти выводы были сделаны методом унилатеральных припадков. В результате наложения нейропсихолингвистических исследований на общую историю грамматики индоевропейских и семитских языков в древнейших языковых системах обнаруживается наличие синтетической предикативности высказывания, одним из проявлений которой является употребление «обширной» субстантивации [Балута, 2013, с. 17].

В **шумерском** языке, который относится к языкам агглютинативного типа, артикль в отдельную категорию не выделяется. Для обозначения субстантивации часто употребляется формант -а-, который признают показателем детерминации и номинализации [Канева, 2006, с. 179]. Примером употребления «обширной» субстантивации в шумерском языке можно считать придаточные конструкции с формантом -а-, когда придаточное становится эквивалентом имени существительного: (d)nin-gir-su-ke₄ uru-inim-gi-na-da(2) e-da-du₁₁-ga-а – «**В том, о чем** Нингирсу договорился с Уруинимгиной, он (ничего) не изменит» [Там же. С. 180]. Здесь придаточная конструкция, «превращаясь в эквивалент имени существительного, занимает позицию члена главного предложения» [Там же. С. 200]. К случаям употребления «ненормированной» субстантивации в шумерском языке можно отнести употребление энклитической глагольной связки «me» в

качестве имени. В этом случае спрягаемая глагольная форма при оформлении формантом *-a-* получает статус имени существительного и употребляется в функции именной части составного именного сказуемого: *ab-zig-de munus ba-tud-da-me* – «(ты) есть тот, кого родила отличная корова, (букв.) (ты) отличная корова родила-тот-есть» [Там же. С. 111].

Таким образом, употребление в шумерском языке в конце придаточной конструкции форманта *-a-* можно считать аналогом использования в древнегреческом языке склоняемого определенного артикля, субстантивирующего всю конструкцию.

Следует отметить, что морфема *-a-* в качестве показателя номинализации также употребляется в **санскрите**. В этом языке корневая морфема, имеющая значение «чистого» глагольного корня, может представлять собой открытый или закрытый слог. В свою очередь закрытый слог, оканчивающийся на согласный, может дополняться морфемой *-a-*, и тогда глагольный корень становится именным и получает статус имени, обладающего возможностью преобразовываться в существительные всех трех родов и прилагательные. При этом краткий конечный *-a-* имеет значение мужского, а долгий – женского рода. Например, корень *gart* – глагольный – «реветь, шуметь, грохотать», корень *garta* – именной – «рев, шум, грохот» [Кочергина, 2005, с. 190].

В качестве примера обширной субстантивации в **талышском** языке можно рассматривать конструкции с инфинитивами от глаголов *be* – «быть» и *kārde* – «делать»: *tovin be* – «ускорение», *maf be* – «уничтожение», *zijod be* – «увеличение», *istimor kārde* – «эксплуатация», *subut kārde* – «утверждение» [Миллер, 1953, с. 187].

В **аккадском** языке, как и в иврите, употреблялись сопряженные сочетания. Кроме сопряженных сочетаний в аккадском языке как случаи обширной субстантивации можно рассматривать сочетания относительного местоимения *ša* с инфинитивом: *ša nadanim* – «то, что (можно) отдать», *ša paṭarim* – «выкуп», (букв.) «то, что (для) освобождения», *ša-a akale* – «съестное», (букв.) «то, что (для)

поедания». Эти конструкции одновременно являются эквивалентами относительных придаточных предложений [Каплан, 2006, с. 144].

В заключение данного раздела можно сделать следующие выводы. Грамматическое явление субстантивации встречается во многих древних и новых языках. Для появления и закрепления в языке «ненормированной» и «обширной» субстантивации необходимо превалирование у носителей языка синтетического типа мышления и мировосприятия, причиной которых может быть «правополушарность» порождения речи. «Ненормированная» и «обширная» субстантивация наблюдается по большей части в древних языках, особенно в тех, где есть номинализирующие морфемы, морфемы-детерминанты или склоняемый определенный артикль. В ходе исторического развития языка «ненормированная» и «обширная» субстантивации, как правило, упраздняются [Балута, 2013, с. 18].

4.3.2. Сравнительно-сопоставительный анализ примеров употребления «обширной» субстантивации в индоевропейских языках (на материале библейского текста)

Новый завет (источник на греческом койне)

Поскольку случаи «обширной» субстантивации наиболее хорошо представлены именно в древнегреческом языке, в настоящем исследовании приводятся только примеры из текста Нового Завета. Полного аналога данное явление в древнееврейском языке не имеет. В древнееврейском языке случаи «ненормированной» субстантивации, называемые «смихут» или «сопряженное сочетание», представляют собой рядовое явление и не требуют отдельного сопоставительного анализа.

Лк. 7:19

(ΚΔ) *σύ εἶ ὁ ἐρχόμενος ἢ ἕτερον προσδοκῶμεν;* [ΚΔ, 1993, s. 134].

(BSV) *tu es qui venturus es an alium expectamus* [BSV, 1994, s. 1619].

(Санскр.) येनागन्तुव्यं स किं भवान् वान्यः कश्चिदस्माश्चिभिः प्रतीक्षितव्यः [TNTIS, 1962, p. 155. Электронный ресурс].

Субстантивация причастной конструкции, эквивалента придаточного, **स किं भवान्** – «тот который будущий (придти)». Часть глагола «приходить» **आगन्तु** находится в предыдущем слове. Форма **भवान्** подставляет собой форму активного причастия, образованную от основы прошедшего-будущего времени глагола «быть».

(ОЕ), (АЕ), (КЕ) – пример отсутствует.

(МЕ) ты ли **еси градъи** или иного ча^емъ [МЕ, 1983, с. 115].

(ЧНЗ) ты ли **еси градъи** ли ин^о ч^аѣ [ЧНЗ, 2001, с. 104].

(ГБ) ты ли **еси градъи**, или иного ч^аѣ [ГБ, 1992, с. 219].

(ОБ) ты ли **еси градъи**, или иного ч^аѣмъ [ОБ, 1988, л^ѣи л^а].

(МБ) ты ли **еси градъи**, или иного ч^аѣмъ; [МБ, 1698, с. 155].

(ЕБ) ты ли **еси градъи**, или иного ч^аѣмъ; [ЕБ, 1757, с. рѣ].

(НЗ, 1823) Ты ли тот, **которому должно притти**, или другого ожидать нам? [НЗ, 1823, с. 438].

(Русск.) Ты ли Тот, **Который должен придти**, или ожидать нам другого? [БК, 1997, с. 71].

В греческом тексте примера субстантивировано причастие медиопассивного залога, эквивалентное придаточному определительному «который должен придти», (букв.) «который приходящий». В латинском и русских переводах употребляется придаточная конструкция. Латинские и русские переводчики явно чувствовали оттенок долженствования, который в греческом

тексте выражен формой причастия настоящего времени. В славянских переводах, как и в санскрите, наблюдается калька с греческой формы.

Аналогичные примеры см. в Приложении Г.8.

Выводы по главе 4

В главе 4 данного исследования были освещены особенности синтаксического употребления глагольных имен в индоевропейских и семитских языках в типологическом и сопоставительном аспектах. По результатам данного обзора и сравнительно-сопоставительного анализа примеров идентичного текста на разных языках можно сделать следующие выводы.

В большинстве представленных здесь древних и новых индоевропейских языков употребляются полупредикативные обороты со значением сложного дополнения и сложного подлежащего. Падеж данной конструкции, а также выбор морфологической формы «логического сказуемого» определяется грамматическими особенностями каждого языка. В большинстве случаев падеж исследуемых оборотов – Винительный. Это объясняется согласованием форм «логического подлежащего» и «логического сказуемого» конструкции, а инфинитив в индоевропейских языках представляет собой преимущественно застывшую форму Винительного падежа древнего глагольного имени. В скандинавских языках (шведский, норвежский), где нет формы Винительного падежа, «логическое подлежащее» оборота употребляется в Общем падеже. В некоторых языках, где инфинитив является застывшей формой Дательного падежа (русский), падеж полупредикативных оборотов со значением сложного дополнения также Дателный. В языках, где инфинитив представлен только одной формой, в качестве «логического сказуемого» используется причастие. В древнегреческом языке обороты с причастиями функционируют наравне с инфинитивными оборотами. В языках, где падежные отношения выражаются аналитически, для обозначения падежа конструкции может употребляться

предлог (итальянский). В балтийских языках в оборотах со значением сложного дополнения в качестве «логического сказуемого» используется неизменяемое деепричастие. В семитских языках (иврит) полупредикативные конструкции со значением сложного дополнения не распространены, что объясняется особенностями семитского инфинитива и причастия. Аналогами индоевропейских оборотов можно считать конструкции с активным причастием, представляющие собой по форме бессоюзные придаточные изъяснительные.

В исследованных древних и новых индоевропейских языках широко употреблялись аналогичные по структуре абсолютные обороты с обстоятельственными значениями. В качестве «логического сказуемого» в этих оборотах чаще всего используется причастие (например в латинском языке), которое согласуется с «логическим подлежащим» – именем или местоимением в роде, числе и падеже. Кроме причастий в качестве «логического сказуемого» подобных оборотов могут быть использованы также формы инфинитива (португальский), деепричастия (литовский), полупричастия (латышский), абсолютива (хиндустани) и даже глагольное имя действия (талышский). Падеж «предикативной основы» оборота в каждом языке может быть разным. Это может зависеть от состава падежных форм конкретного языка, а также от возможностей употребления определенного падежа без предлога в значении времени. В качестве падежей абсолютных оборотов употребляются Местный (санскрит), Родительный (греческий), Отложительный (латинский), Именительный, Винительный (готский); самым распространенным падежом таких конструкций признается Дателный (старославянский, балтийские, скандинавские и др. языки). В новых языках частотность употребления абсолютных оборотов с обстоятельственным значением бывает снижена (английский, французский) или они совсем выходят из употребления (русский язык). В семитских языках (эфиопский, иврит) место «логического сказуемого» в абсолютных оборотах занимает инфинитив, а «логическое подлежащее» выражается с помощью местоименных притяжательных суффиксов. Падежное значение в языках аналитического типа в исследуемых конструкциях задается предлогом. С течением времени в некоторых

семитских языках частотность употребления абсолютных оборотов с обстоятельственным значением не снижается (современный иврит).

Субстантивация – это процесс перехода какой-либо части речи в существительное. В древнегреческом языке это явление охватывало не только отдельные слова, но также словосочетания и даже предложения. Перед такими субстантивированными конструкциями обычно стоит определенный артикль-детерминант, не относящийся ни к одному члену последующей части предложения. Подобные явления встречаются и в других индоевропейских языках.

Аналогом древнегреческой субстантивации также можно считать употребление «сопряженных сочетаний» в библейском и современном иврите, а также в арабском языке. Здесь определенный артикль объединяет словосочетания, не относящиеся к устойчивым, в единое целое. Сопряженные сочетания обычно двукомпонентны и представляют собой соединенные артиклем слова, связанные отношением принадлежности или определения. Семитские языки не обладают столь обширными возможностями субстантивации, как древнегреческий язык, однако в них слова могут находиться в сопряженном состоянии и также представлять единую картину для восприятия. Меньшие возможности к субстантивации в семитских языках, вероятно, можно объяснить отсутствием в них хорошо развитой падежной системы. Кроме того, в семитских языках существует внутреннее противоречие на ментальном уровне. Здесь мифологические представления не равнозначны греческому «космосу», а представляют собой линейную цепь необратимых событий. Такое мировосприятие подтверждает изначальное возникновение в семитских языках не полной системы времен (прошлое, настоящее, будущее), а восприятие действия как совершенного или несовершенного. Следовательно, обширная субстантивация в греческом катализируется «космичностью» восприятия, что порождает объемные субстантивированные конструкции, а в семитских языках

частичная «линейность» мышления порождает в основном лишь небольшие сопряженные сочетания.

Выводы по данной главе представлены в табл. 8.

Таблица 8 – Особенности синтаксического употребления глагольных имен

	Обороты со значением сложного дополнения / сложного подлежащего	Абсолютные обороты с обстоятельством значением	«Обширная» / «ненормированная» субстантивация
Древние дешифрованные языки	Предпосылки формирования	Предпосылки формирования	Есть
<i>Индоевропейские языки</i>			
Арийские	Инфинитивные / причастные обороты (Винительный падеж)	Абсолютный локатив	Есть
Иранские	Инфинитивные обороты (Винительный падеж)	Абсолютный локатив; обороты с масдаром	Неявно
Хеттский	Причастные обороты (Винительный падеж)	Причастные обороты	Неявно
Тохарские	Инфинитивные обороты (Винительный падеж)	Причастные обороты	Неявно

Продолжение таблицы 8

Греческий	Инфинитивные / причастные обороты (Винительный / Именительный падеж)	Абсолютные Родительный, Дательный, Винительный падежи	Есть
Балтийские	Деепричастные обороты	Деепричастные / полупричастные обороты	Неявно
Славянские	Инфинитивные обороты (Дательный / Винительный (реже) падеж)	Дательный самостоятельный	Неявно
Германские	Инфинитивные обороты (Винительный падеж)	Дательный / Винительный самостоятельный падеж; инфинитивные обороты	Неявно
Кельтские	Инфинитивные обороты	Причастные обороты	Неявно
Италийские (классическая и народная латынь)	Инфинитивные обороты (Винительный / Именительный падеж)	Абсолютный аблатив	Неявно
Романские	Инфинитивные обороты (Винительный падеж)	Причастные / инфинитивные обороты	Неявно

Продолжение таблицы 8

<i>Семитские языки</i>			
Древние и новые семитские	Конструкции с активным причастием	Генетивные конструкции; обороты со склоняемым инфинитивом	Сопряженное сочетание

По причине ограничения объема данного диссертационного исследования синтаксические особенности употребления различных типов глагольных имен были рассмотрены лишь в некоторых индоевропейских и семитских языках. При более подробном изучении текстов разных исторических периодов также могут быть выявлены аналогичные особенности употребления глагольных имен в других языковых системах.

Заключение

В результате проведенного исследования была теоретически обоснована история становления глагольных имен в индоевропейских и семитских языках. При этом было внесено значительное дополнение в ранее существующую теорию происхождения глагольных имен, представляющих собой «промежуточные типы» между глаголом и существительным. Этому способствовало привлечение данных древнейших из дешифрованных языков, к исследованию грамматических систем которых впервые применялись комплексные методы сравнительно-исторического и сопоставительного анализа. В результате этого была дана общая характеристика процесса исторического развития глагольных имен в индоевропейских и семитских языках. В качестве частных закономерностей этого процесса удалось установить следующее.

Процесс эволюции грамматических форм глагола в индоевропейских и семитских языках обусловлен общими тенденциями изменения синтаксических структур данных языковых систем, характеризующихся как движение от паратаксиса к гипотаксису. Это соответствует положениям современного языкознания, согласно которым языки совершенствуются за счет появления новых, более точных, способов выражения отношений между субъектами, объектами, действиями, процессами и обстоятельствами – соответственно за счет появления в языке все более дифференцированных средств выражения этих отношений (главным образом – средств выражения подчинения). Первичный паратаксис грамматической организации древнейших языковых систем, в свою очередь, базируется на первичном синтетическом способе познания мира. Такой способ восприятия действительности стал определяющим фактором для появления в самых древних языках глагольно-именного субстрата, который впоследствии был дифференцирован на две основные грамматические категории, положившие начало грамматической основе предложения, – глагол и имя. В дальнейшем глагол и имя все больше различались по морфемному составу и

синтаксическим функциям, но между этими полярными грамматическими категориями в индоевропейских и семитских языках всегда оставались промежуточные грамматические типы, сохраняющие в себе черты и глагола и имени. К таким промежуточным типам и относятся глагольные имена, иногда называемые в лингвистике неличными формами глагола.

В индоевропейских и семитских языках сформировалось несколько основных видов глагольных имен, дополняющих и распространяющих значение друг друга в пределах одного языка. Все глагольные имена по их грамматической характеристике можно дифференцировать на две полярные группы: глагольные имена-субстантивы и глагольные имена-адъективы. В основе этой дифференциации лежит древнейший способ предикации, который отражен уже в самых ранних по происхождению дешифрованных языках, например в шумерском, который не относится ни к индоевропейским, ни к семитским языкам, но сочетает в себе некоторые черты обеих систем. Грамматическую основу древнейших предикативных конструкций составляли два основных компонента: определяемое и определяющее. В качестве определяемого использовалось имя субстантивного характера, которое позже было преобразовано в существительное, в качестве сказуемого употреблялось имя адъективного характера, позже преобразованное в глагол. В шумерском языке общее глагольное имя еще не имеет тех форм, которые зафиксированы в более поздних по происхождению языковых системах (инфинитив, причастие и др.), но уже здесь глагольные имена употребляются в определенных синтаксических функциях и выражают значения, присущие сформировавшимся позже глагольным именам. Это следует рассматривать как предпосылки для образования разных видов глагольных имен, которые встречаются в индоевропейских и семитских языках. Минимальное количество грамматических формантов глагольных имен, а также возможность употребления этих форм, как в качестве субъекта, так и в качестве предиката во всех типах синтаксических конструкций в шумерском и других древнейших языках, доказывает первичность появления глагольных имен

по отношению к спрягаемым глагольным формам, обладающим меньшими синтаксическими возможностями.

Таким образом, в настоящем исследовании были выявлены и обоснованы предпосылки возникновения в древнейших индоевропейских и семитских языках определенных морфологических моделей для прототипа глагольных имен. Также была установлена первичность этих моделей по отношению к спрягаемым глагольным формам. Впервые в отечественном языкознании удалось определить предпосылки возникновения основных форм глагольных имен в древних индоевропейских и семитских языках посредством исследования материала древнейших дешифрованных языков, а также провести сопоставительный анализ первичных форм глагольных имен и определить типологию их структурных моделей в древних и новых индоевропейских и семитских языках. Были определены основные модели глагольных имен в древнейших языках и представлены их общие грамматические характеристики.

Самый распространенный тип глагольных имен-субстантивов в индоевропейских и семитских языках представляют собой инфинитивы. Инфинитивы встречаются практически во всех освещаемых в данной работе индоевропейских и семитских языках. (Всего в данной диссертации было освещено 63 древних и новых языка. Из них четыре древнейших дешифрованных языка (шумерский, эламский, хурритский, урартский), 49 индоевропейских (санскрит, хиндустани, урду, панджаби, сингальский (фрагментарно), авестийский, талышский, древнеперсидский, среднеперсидский, современный персидский, тохарские, хеттский, древнегреческий, греческий койне, новогреческий, прусский, литовский, латышский, латгальский, старославянский, церковнославянский, болгарский, хорватский, сербский, чешский, словацкий, польский, древненовгородский диалект русского, современный русский, украинский, белорусский, идиш, готский, древнеисландский, датский, норвежский, шведский, немецкий, английский, кельтские: древнеирландский, ирландский, корнский, бретонский (фрагментарно), латинский (классический и народный), румынский, итальянский, испанский, португальский, французский) и

10 семитских (аккадский, угаритский, древнееврейский, современный иврит, арамейский, классический сирийский, классический мандейский, туройо, арабский, эфиопский.)

В древнейших дешифрованных языках инфинитив или совсем еще не выделяется из общего глагольного имени (шумерский язык), или имеет единую форму с герундием (эламский язык). Однако уже в шумерском языке некоторые формы общего глагольного имени выполняют те синтаксические функции, которые позже в индоевропейских и семитских языках стали характерны для инфинитива. Главная из этих функций – выражение значения цели не только при глаголах целенаправленного действия и предикатах, управляющих Дательным падежом косвенного дополнения, но и при переходных глаголах, требующих прямого дополнения в Винительном падеже.

В дальнейшем в области эволюции форм инфинитива в индоевропейских языках наблюдаются два основных направления, которые в данном исследовании характеризуются по территориальному признаку как «восточное» и «западное». В древних языках «восточного» направления (санскрит) появляется одна синтетическая форма инфинитива, представляющая собой застывшую форму Дательного падежа древнего глагольного имени. В древних языках «западного» направления (латинский) образуется несколько синтетических форм инфинитива, восходящих к застывшим формам Именительного-Винительного падежей древнего глагольного имени. Инфинитив языков «западного» направления обладает большими, чем «восточный» инфинитив, синтаксическими возможностями, что реализуется за счет развития у «западного» инфинитива нескольких временных и залоговых форм. В некоторых языках (греческий) инфинитив преобразуется путем повышения частотности употребления форм Именительного-Винительного падежей за счет постепенного упразднения формы Дательного падежа, как более древней по происхождению формы. Со временем в греческом языке (как и в некоторых других языках, например в болгарском) инфинитив выходит из употребления, а его функции перераспределяются на причастия и глагольные имена действия. В новых языках «западного» типа

(например в немецком) отмечается тенденция к развитию аналитических форм и деепричастных значений инфинитива.

В семитских языках отмечается движение от одной синтетической формы инфинитива к двум, которые дифференцируют именные и глагольные функции данного глагольного имени. На индоевропейские языки семитский именной инфинитив, как правило, переводится инфинитивом или близким ему по значению глагольным именем субстантивного характера (чаще всего герундием или отглагольным существительным). Семитский глагольный инфинитив обычно переводится на индоевропейские языки деепричастием или наречием. В отдельных семитских языках наблюдается позднейшее слияние двух форм инфинитива в одну (иврит). В некоторых семитских языках (арабский) форма инфинитива отсутствует, а ее функции выполняет глагольное имя действия.

Супин представляет собой застывшую форму Винительного падежа древнего глагольного имени. В семитских языках данная форма отсутствует, а в индоевропейских языках встречается редко, обычно на ранних этапах развития языковой системы. Супин имеет узкую синтаксическую специализацию – передает значение цели при глаголах целенаправленного действия, поэтому во многих языках значение супина передает инфинитив.

Герундий представляет собой, как правило, застывшую форму Родительного падежа (или нескольких косвенных падежей – латынь) древнего глагольного имени. Данная форма преимущественно встречается в романских языках индоевропейской семьи, где она также является эквивалентом деепричастия. В семитских языках, которые рассматривались в данном исследовании, герундий не употребляется, а его эквивалентами являются инфинитивы и спрягаемые формы глагола. В германских и славянских языках значение герундия, как правило, передают формы инфинитива, деепричастия и отглагольные существительные. В языках, где имя действия (деятеля) выделяется в самостоятельную категорию, оно также может передавать значение герундия (арабский). Отделение имени действия в самостоятельное глагольное образование наблюдается по большей части в языках «восточного» направления (например,

санскрит, хиндустани), где оно может служить аналогом герундия, больше характерного для языков «западного» направления, или выполнять функции отсутствующей формы инфинитива (болгарский).

Самым распространенным глагольным именем адъективного характера в индоевропейских и семитских языках признается причастие. В древнейших дешифрованных языках уже были обозначены основные формы и функции причастий, получившие дальнейшее развитие в индоевропейских и семитских языках: образуются формы причастий активного и пассивного залогов; причастия дополнительно могут присоединять форманты, характеризующие их в отношении времени и наклонения; древние аналоги причастий прошедшего времени страдательного залога употребляются в предикативной функции в качестве именного компонента сложных глагольных форм.

В дальнейшем развитии форм причастий в индоевропейских языках отмечается следующая закономерность. В языках «восточного» направления образуется большое количество причастных форм, различающих временное и залоговое значение, это отчасти компенсирует недостаточное число форм инфинитивов. Причастия могут выполнять самые разнообразные синтаксические функции, в том числе и функцию «логического сказуемого» в оборотах со значением сложного дополнения (и подлежащего) и в абсолютных оборотах с обстоятельственным значением. Причастия передают значение долженствования и таким образом выполняют функции герундива или отглагольного прилагательного. В тех языках, где отсутствуют формы деепричастий, их значение также передается посредством причастий. В языках «западного» направления, как правило, образуются две основные причастные формы: причастие настоящего времени действительного залога, которое может передавать значение деепричастия несовершенного вида, и причастие прошедшего времени страдательного залога, участвующее в образовании сложных временных форм глагола и передающее значение деепричастия совершенного вида.

В семитских языках, как и в индоевропейских языках «западного» направления, преимущественно образуются две причастные формы: причастие активное, как правило, передающее значение причастия настоящего времени действительного залога и употребляющееся в качестве сказуемого вместо отсутствующей формы глагола настоящего времени, и причастие пассивное, во многом соответствующее индоевропейскому причастию прошедшего времени страдательного залога, но не употребляющееся для образования сложных временных форм глагола.

В некоторых индоевропейских (например, санскрит, русский) и семитских (например, иврит) языках существуют особые причастия-предикаты, которые употребляются в качестве сказуемого без вспомогательного глагола. В индоевропейской семье такие причастия зафиксированы преимущественно в языках «восточного» направления, они могут функционировать одновременно со спрягаемой формой глагола того же времени (санскрит) или заменять собой отсутствующую временную форму (русский).

Герундив представляет собой глагольное имя адъективного характера, дополняющее и распространяющее значение причастий. Герундивы или их аналоги – отглагольные прилагательные – по большей части передают значение долженствования или намерения совершить действие. В языках, где такие формы отсутствуют, значение долженствования передается с помощью дополнительных лексических компонентов (модальных глаголов и модальных слов).

Деепричастие представляет собой особую неизменяемую форму глагольного имени, которая довольно часто встречается в языках индоевропейской семьи (преимущественно в языках «восточного» направления). В большинстве языков, где зафиксировано данное глагольное имя, существует две основные формы деепричастия: совершенного и несовершенного вида. Иногда деепричастие имеет второе название – герундий. В балтийских языках существует промежуточная форма между причастием и деепричастием – полупричастие. Это глагольное имя не склоняется, но может изменяться по числам и падежам. В

семитских языках деепричастные значения преимущественно передаются формами абсолютного (чаще) и склоняемого (реже) инфинитива.

Таким образом, в данной диссертационной работе были не только установлены общие и частные закономерности развития глагольных имен в индоевропейских и семитских языках, но впервые в данной области были определены два основных направления исторического развития этих языков: «западное» и «восточное», а также охарактеризованы причины усиления черт этих направлений в разных языках на разных этапах истории.

В качестве особенностей синтаксического употребления глагольных имен удалось установить, что в большинстве представленных здесь древних и новых индоевропейских языков употребляются полупредикативные обороты со значением сложного дополнения и сложного подлежащего. Падеж данной конструкции, а также выбор морфологической формы «логического сказуемого» определяется грамматическими особенностями каждого языка. В большинстве случаев падеж исследуемых оборотов – Винительный. Это объясняется согласованием форм «логического подлежащего» и «логического сказуемого» конструкции, а инфинитив в индоевропейских языках представляет собой преимущественно застывшую форму Винительного падежа древнего глагольного имени. В скандинавских языках (шведский, норвежский), где нет формы Винительного падежа, «логическое подлежащее» оборота употребляется в Общем падеже. В некоторых языках, где инфинитив является застывшей формой Дательного падежа (русский), падеж полупредикативных оборотов со значением сложного дополнения также Дательный. В языках, где инфинитив представлен только одной формой, в качестве «логического сказуемого» используется причастие. В древнегреческом языке обороты с причастиями функционируют наравне с инфинитивными оборотами. В языках, где падежные отношения выражаются аналитически, для обозначения падежа конструкции может употребляться предлог (итальянский). В балтийских языках в оборотах со значением сложного дополнения в качестве «логического сказуемого» используется неизменяемое деепричастие. В семитских языках (иврит)

полупредикативные конструкции со значением сложного дополнения не распространены, что объясняется особенностями семитского инфинитива и причастия. Аналогами индоевропейских оборотов можно считать конструкции с активным причастием, представляющие по форме бессоюзные придаточные изъяснительные.

В древних индоевропейских языках (санскрите, древнегреческом, латинском и старославянском) широко употреблялись аналогичные по структуре абсолютные обороты с обстоятельственными значениями. В качестве «логического сказуемого» в этих оборотах использовалось причастие, которое было согласовано с «логическим подлежащим» – именем или местоимением в роде, числе и падеже. Падеж «предикативной основы» оборота в каждом языке может быть разным. Это зависит от состава падежных форм конкретного языка, а также от возможностей употребления определенного падежа без предлога в значении времени. В новых языках частотность употребления абсолютных оборотов с обстоятельственным значением бывает снижена (английский, французский) или они совсем выходят из употребления (русский язык). В семитских языках (эфиопский, иврит) место «логического сказуемого» в абсолютных оборотах занимает инфинитив, а «логическое подлежащее» выражается с помощью местоименных притяжательных суффиксов. Падежное значение в языках аналитического типа в исследуемых конструкциях задается предлогом. С течением времени в некоторых семитских языках частотность употребления абсолютных оборотов с обстоятельственным значением не снижается (современный иврит).

Впервые в отечественном языкознании была дана сопоставительная характеристика случаев «ненормированной» и «обширной» субстантивации в некоторых языках индоевропейской и семитской семей, выходящей за рамки преобразования в существительное одного слова. В древнегреческом языке это явление охватывало не только отдельные слова, но также словосочетания и даже предложения. Перед такими субстантивированными конструкциями обычно стоит определенный артикль-детерминант, не относящийся ни к одному члену

последующей части предложения. И, таким образом, вся субстантивированная часть, как бы велика она ни была, воспринимается как единое целое, хотя, кроме детерминирующего артикля, согласование с главной частью больше никак не выражается. Подобные явления встречаются и в других индоевропейских языках. Аналогом древнегреческой субстантивации можно считать употребление «сопряженных сочетаний» в библейском и современном иврите, а также в арабском языке. Здесь определенный артикль объединяет словосочетания, не относящиеся к устойчивым, в единое целое. Сопряженные сочетания обычно двукомпонентны и представляют собой соединенные артиклем слова, связанные отношением принадлежности или определения.

Семитские языки не обладают такими возможностями субстантивации, как древнегреческий язык, однако в них слова могут находиться в сопряженном состоянии и также представлять единую картину для восприятия. Меньшие возможности к субстантивации в семитских языках также можно объяснить отсутствием в них флективного выражения падежной системы. «Обширная» субстантивация в греческом также катализируется «космичностью» восприятия, что порождает объемные субстантивированные конструкции, а в семитских языках частичная «линейность» мышления порождает в основном лишь небольшие сопряженные сочетания.

Для появления и закрепления в языке «ненормированной» и «обширной» субстантиваций необходимо превалирование у носителей языка синтетического типа мышления. Поэтому случаи «ненормированной» и «обширной» субстантивации наблюдаются по большей части в древних языках, особенно в тех, где есть номинализирующие морфемы, морфемы-детерминанты или склоняемый определенный артикль. В ходе исторического развития языка «ненормированная» и «обширная» субстантивации, как правило, упраздняются.

По результатам соотношения морфологических форм и синтаксических функций глагольных имен-субстантивов и глагольных имен-адъективов к языкам «восточного» направления исторического развития индоевропейской семьи относятся языки арийской, иранской, балто-славянской и отчасти греческой

ветвей. К языкам «западного» направления относятся языки германской, италийской, кельтской и романской ветвей, а также отчасти хеттская и тохарская ветвь. Греческий, хеттский и тохарские языки занимают особое положение в области соотношения черт «западного» и «восточного» направлений. Греческий язык по принципам исторического развития глагольных имен обнаруживает тенденцию движения от «восточного» направления к «западному», что соответствует общему историческому движению языков от паратаксиса к гипотаксису. Хеттский и тохарские языки на сегодняшний день являются мертвыми, поэтому не существует материала, позволяющего исследовать современное грамматическое состояние данных языковых систем. Кроме того, хеттский язык, признанный индоевропейским, обнаруживает большое влияние семитских языков, в том числе и в области образования и функционирования глагольных имен, поэтому при изучении грамматик мертвых языков существует еще много спорных вопросов, требующих специализированного дополнительного исследования.

Поднятые в данной диссертационной работе вопросы изучения особенностей исторического развития грамматических форм глагола в индоевропейских и семитских языках на материале глагольных имен обнаруживают дальнейшие перспективы исследования.

1) Требуется более глубокого освещения модальный потенциал глагольных имен и синтаксических конструкций с ними в древних и новых индоевропейских и семитских языках с целью дальнейшего сопоставления системы этих конструкций с системой сложноподчиненных предложений. При этом необходимо детально проследить динамику развития простых и сложных типов конструкций на каждом историческом этапе развития языков, выявить систему взаимозаменяемых синтаксических аналогов для установления более точных переводов, особенно для текстов самых древних языков. Это позволит теоретически восстановить недостающие звенья грамматик древних малоисследованных языков, существующие по причине недостаточного количества широко дешифрованных и переведенных текстов.

2) Необходимо более детально проработать отдельные вопросы в области глагольных систем древних и малоизученных языков (таких как санскрит, хеттский, фракийский, сингальский, идиш и др.). Для этого следует провести тщательный семантико-грамматический анализ текстов на этих языках разных исторических периодов. В частности, большие перспективы для исследования истоков многих грамматических явлений в индоевропейских языках дает подробное изучение грамматики таких санскритских текстов, как «Бхагавадгита», «Ведантасара», «Песнь Гите» и др. На базе результатов данного диссертационного исследования и дальнейшего грамматического изучения древнейших текстов индоевропейских и семитских языков, а также текстов шумерского и эламского языков, можно внести существенные дополнения в теорию и методику дешифровки неизвестных письменных древних языков.

3) Сравнительно-сопоставительный грамматический анализ библейских текстов и дальнейшее подробное описание морфологических форм и синтаксических структур текстов Библии на всех возможных индоевропейских и семитских языках будут представлять собой существенный вклад в текстологическое изучение Священного Писания, так как именно сопоставление грамматических форм древнего текста и переводов катализирует большие лингвистические открытия, остающиеся за гранью семантического изучения текста. Это позволяет делать выводы об авторстве и языке – источнике первичного текста, о времени его создания и о скрытых деталях этапов его перевода.

Список сокращений и условных обозначений

ав.	авестийский
англ.	английский
араб.	арабский
брет.	бретонский
брит.	бриттские
болг.	болгарский
Быт.	Книга Бытия
В. п.	Винительный падеж
вал.	валлийский
вед.	ведический
галл.	галльский
гойд.	гойдельские
гот.	готский
греч.	греческий
диал.	диалектный
Д. п.	Дательный падеж
др.-брет.	древнебретонский
др.-инд.	древнеиндийский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-п.	древнеперсидский
древнеевр.	древнееврейский
ед. ч.	единственное число
ж. род	женский род
зап.	западный
и.-е.	индоевропейский
индоар.	индоарийские
И. п.	Именительный падеж
ир.	общеиранский

ирл.	ирландский
корн.	корнский
лат.	латинский
Лк.	Евангелие от Луки
Мк.	Евангелие от Марка
мн. ч.	множественное число
Мф.	Евангелие от Матфея
м. род.	мужской род
нем.	немецкий
нов.-брет.	новобретонский
нов.-вал.	нововаллийский
нов.-ирл.	новоирландский
перс.	персидский
польск.	польский
Р. п.	Родительный падеж
русск.	русский
с. род	средний род
санскр.	санскрит
серб.	сербский
ср.-брет.	среднебретонский
ср.-вал.	средневаллийский
ср.-ирл.	среднеирландский
ср.-п.	среднеперсидский
Т. п.	Творительный падеж
тох.	тохарские
франц.	французский
хетт.	хеттский
хурр.	хурритский
ц.-слав.	церковнославянский
чешск.	чешский

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья (общие замечания) / Античность и Византия: монография. М.: Наука, 1975. С. 266–285.
2. Алексеев А.А. Текстология славянской Библии: монография. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 254 с.
3. Амаева-Кефер Л.Ю. Конструкция аккузатива с инфинитивом как пример устойчивой грамматической формы: автореф. дис... канд. филол. наук. Тарту: Тартуский гос. университет, 1953. 10 с.
4. Арбия М.Т. Итальянский язык. Краткий курс грамматики: учеб. М.: ООО ТД Изд-во «Мир книги», 2008. 136 с.
5. Астафьев Н.А. Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами: монография. СПб., 1892. 231 с.
6. Бадалян Л.О. Невропатология: учеб.; 6-е изд., стер. М.: Изд. центр «Академия», 2009. 400 с.
7. Баклашкина О.Н. Когнитивная семантика неличных форм английского глагола (причастие, инфинитив): автореф. дис... канд. филол. наук. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013. 23 с.
8. Балута А.А. Абсолютные обороты с обстоятельственным значением в индоевропейских и семитских языках // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: МГОУ, 2013. № 2. С. 5–11.
9. Балута А.А. Возникновение глагольных имен в индоевропейских и семитских языках (психолингвистический аспект) // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: МГОУ, 2012. № 5. С. 51–57.
10. Балута А.А. Грамматика и философия слова *sat* в санскрите в сопоставлении с индоевропейскими языками // European Social Science Journal. М.: Междунар. исслед. институт, 2013. № 4 (32). С. 220–229.

11. Балута А.А. Грамматический статус герундива в языке идиш (в свете индоевропейских и семитских аналогий) // European Social Science Journal. М.: Междунар. исслед. институт, 2013. № 5 (33). С. 132–138.

12. Балута А.А. Грамматический статус инфинитива в идише в сопоставлении с индоевропейскими и семитскими языками // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: «Грамота», 2013. № 11 (29). Ч. 1. С. 20–23.

13. Балута А.А. Грамматический статус Partizip в языке идиш (в свете индоевропейских и семитских аналогий) // European Social Science Journal. М.: Междунар. исслед. институт, 2013. № 6 (34). С. 172–179.

14. Балута А.А. Греческая субстантивация и ее аналог в семитских языках // Язык иврит: изучение и преподавание. Материалы XVI Ежегодной междунар. междисциплинар. конф. по иудаике. М.: Межрегиональный центр преподавания иврита, 2010. С. 136–142.

15. Балута А.А. Инфинитив в древних и новых семитских языках: типологический обзор // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. М.: Изд-во МГОУ. 2014. Вып. 16. С. 6–10.

16. Балута А.А. Классификация глагольных имен в свете «восточного» и «западного» направлений развития языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: «Грамота», 2013. № 11 (29). Ч. 1. С. 23–27.

17. Балута А.А. Категория вида русского глагола в контексте истории индоевропейских и семитских языков // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: МГОУ, 2012. № 4. С. 6–11.

18. Балута А.А. Оборот «Абсолютный Именительный» готского языка в контексте библейских переводов // Актуальные проблемы теории языка и межкультурной коммуникации: сб. ст. М.: МГОУ, 2013. № 3. С. 4–8.

19. Балута А.А. «Обширная» и «ненормированная» субстантивация в древних языках // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. МГОУ. М.: МГОУ, 2013. С. 12–18.

20. Балута А.А. Особенности построения конструкций с глагольными именами в древних и новых индоевропейских и семитских языках //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: «Грамота», 2013. № 10 (28). С. 26–30.

21. Балута А.А. Особенности употребления деепричастий в санскрите // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. МГОУ. М.: МГОУ, 2011. Вып. 11. С. 5–9.

22. Балута А.А. Особенности употребления инфинитива в санскрите (в сопоставлении с латинским и древнегреческим языками): Часть I // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: МГОУ, 2010. № 1. Ч.1. С. 125–128.

23. Балута А.А. Передача значений латинского герундия в русском, церковнославянском и греческом языках. Часть I. Теоретический обзор // Русский язык: история, диалекты, современность: сб. науч. тр. М.: МГОУ, 2011. Ч. 1. Вып. IX. С. 17–21.

24. Балута А.А. Передача значений латинского герундия в русском, церковнославянском и греческом языках. Часть II. Примеры перевода латинского герундия в Евангелии от Матфея // Русский язык: история, диалекты, современность: сб. науч. тр. М.: МГОУ, 2011. Вып. IX. С. 21–28.

25. Балута А.А. Понятие «абсолютный инфинитив» в древнегреческом и древнееврейском языках // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. МГОУ. М.: МГОУ, 2013. С. 18–25.

26. Балута А.А. Предикативная функция причастия на -л- в контексте истории индоевропейских и семитских языков // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: МГОУ, 2011. № 3. С. 147–153.

27. Балута А.А. Предпосылки формирования инфинитива в древнейших дешифрованных языках // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. МГОУ. М.: МГОУ, 2013. Вып. 15. С. 5–8.

28. Балута А.А. Предпосылки формирования причастий в древнейших дешифрованных языках // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. МГОУ. М.: МГОУ, 2013. Вып. 15. С. 8–12.

29. Балута А.А. Семантика и морфология слова *asta* (санскрит) // Перевод и когнитология в XXI веке. IV Международная научная теоретическая конференция (18–19 апреля 2010 г.). М.: МГОУ, 2011. С. 149–151.
30. Балута А.А. Синтаксические функции причастия с суффиксом *-kta-* в санскрите // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. МГОУ. М.: МГОУ, 2011. Вып. 11. С. 9–13.
31. Балута А.А. Синтетическая предикативность структуры высказывания в древних языках (психолингвистический аспект) // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: МГОУ, 2012. № 4. С. 57–62.
32. Балута А.А. Система причастных форм в санскрите. Часть I: причастия прошедшего времени // Русский язык: история, диалекты, современность. сб. науч. тр. М.: МГОУ, 2009. Вып. IX. С. 19–26.
33. Балута А.А. Система причастных форм в санскрите. Часть II: причастия настоящего и будущего времени; деепричастия // Русский язык: история, диалекты, современность: сб. науч. тр. М.: МГОУ, 2009. Вып. IX. С. 26–30.
34. Балута А.А. Способы выражения деепричастных значений в индоевропейских и семитских языках // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. МГОУ. М.: Изд-во МГОУ, 2011. Вып. 10. С. 25–29.
35. Балута А.А. Употребление герундива в санскрите (в сопоставлении с древнегреческим и латинским языками) и особенности его перевода на русский язык // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: МГОУ, 2010. № 1. С. 128–132.
36. Балута А.А. Формирование глагольных имен в древних языках в аспекте особенностей человеческого мышления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: «Грамота», 2013. № 10 (28). С. 30–34.
37. Балута А.А. Формирование и употребление глагольных имен: монография. Saarbrücken.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 118 с.
38. Балута А.А. Хеттский инфинитив на *-appa-* в свете индоевропейских и семитских аналогий // Проблемы теории языка и переводоведения: сб. ст. М.: МГОУ, 2011. № 38. С. 12–26.

39. Балута А.А. Эволюция средств выражения ирреальной модальности в сложноподчиненных предложениях русского языка (на материале переводов евангельских текстов): дис... канд. филол. наук. М.: МГОУ, 2005. 424 с.
40. Баранников А.П. Хиндустани (урду и хинди): учеб. Л.: Ленинградский восточный ин-т, 1934. 518 с.
41. Безпояско О.К., Городенская К.Г., Русановский В.М. Грамматика украинского языка. Морфология: учеб. Киев: Лебедь, 1993. 336 с.
42. Безроднова О.М. Причастия и деепричастия в функционально-семантическом поле таксиса: на материале немецкого и русского языков: дис... канд. филол. наук. Уфа.: БГУ, 2009. 190 с.
43. Бейкер М. Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания: монография / пер. с англ.; под ред. О.В. Митрениной, О.А. Митрофановой. М.: ЛКИ, 2008. 272 с.
44. Белькович А.А. Самоучитель сингальского языка: учеб. М.: «Международные отношения», 1977. 216 с.
45. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование: монография. М.: «Иностранная лит-ра», 1955. 260 с.
46. Богуславская Г.П. К вопросу о функциях неличных форм глагола в структуре предложения в современном английском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. М.: Московский гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза, 1977. 24 с.
47. Бодренкова Н.Г. Значение перфектного инфинитива в английском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. М.: Московский гос. пед ин-т им. В.П. Потешкина, 1955. 16 с.
48. Болотов В.Н. Арабский язык. Справочник по грамматике: учеб. пос. М.: Живой язык, 2009. 226 с.
49. Борисова Л.И. К 40-летию выхода в свет книги «Учебник военного перевода» // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: МГОУ, 2012. № 6. С. 44–53.
50. Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Проблема «мозг-сознание» в свете современных представлений о функциональной асимметрии мозга // Мозг и разум: монография. М.: Наука, 1994. С. 45–55.

51. Брейдак А.Б. Латгальский язык // Языки мира: балтийские языки: монография. М: Academia, 2006. 224 с.
52. Бронникова С.Н. Герундиальные сочетания в современном английском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. М.: Московский гос. пед. ун-т им. В.И. Ленина, 1963. 19 с.
53. Булаховский А.А. Курс русского литературного языка. Т. 2. Исторический комментарий. 4-е изд., испр. и доп.: учеб. Киев: Гос. уч. пед. изд-во «Радянська школа», 1953. 436 с.
54. Булыгина Т.В., Синёва О.В. Литовский язык // Языки мира: балтийские языки. М: Academia, 2006. 224 с.
55. Бурлак С.А. Происхождение языка: новые материалы и исследования: обзор. М.: РАН ИНИОН. Отд. языкознания, 2007. 80 с.
56. Вавичкина Т.А. Морфологическая структура глагольного слова в арабском и русском языках (типологический анализ): автореф. дис... канд. филол. наук. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2003. 16 с.
57. Вайан А. Руководство по старославянскому языку: монография / пер. с фр. В.В. Бородич; 3-е изд. М., 2004. 446 с.
58. Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока (историко-психологический метод в историко-философском исследовании): монография. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 544 с.
59. Вендина Т.И. Введение в языкознание. 2-е изд., испр. и доп.: учеб. пос. М.: Высшая школа, 2003. 391 с.
60. Венцов А.В., Касевич В.Б. Проблемы восприятия речи: монография. М.: Едиториал УРСС, 2003. 240 с.
61. Войлова К.А. Старославянский язык: учеб. пос. М.: Дрофа, 2003. 367 с.
62. Волкова А.А. Инфинитив и герундий в функции подлежащего (на материале современного английского языка): автореф. дис... канд. филол. наук. М.: Московский гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза, 1965. 28 с.
63. Выготский Л.С. Мышление и речь. Избранные психологические исследования: монография. М.: Педагогика, 1956. 504 с.

64. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка: учеб. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
65. Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. (Родственные отношения индоевропейских языков.): монография. М.: «Иностранная лит-ра», 1958. 317 с.
66. Горшков А.И. Старославянский язык: учеб. пос. для студентов. М.: Высшая школа, 2002. 324 с.
67. Гранде Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков: монография. 2-е изд. М.: Изд. фирма «Восточная лит-ра» РАН, 1998. – 439 с.
68. Грешем Мейчен Дж. Учебник греческого языка Нового Завета: учеб. 2-е изд., испр. и доп. М.: РБО, 1995. 236 с.
69. Грилихес Л. Археология текста: сравнительный анализ Евангелий от Матфея и Марка в свете семитской реконструкции: монография. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1999. 91 с.
70. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А. Язык как средство изучения познания и эволюции человека (К 10-летней годовщине появления антропологистики.) // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: МГОУ, 2014. № 5. С. 12–25.
71. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры: монография. М.: Искусство, 1972. 318 с.
72. Гусева А.Е. Структура базы знаний в когнитивной лингвистике // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: МГОУ, 2011. № 2. С. 36–42.
73. Гуткина М.А. Отглагольное существительное и развитие герундия в английском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Л.: Ленинградский гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1967. 15 с.
74. Гухман М.М. Готский язык: учеб. пос. 3-е изд. / предисл. Н.Н. Семенюк. М.: ЛКИ, 2008. 296 с.
75. Дворецкий И.Х. Польский язык: учеб. для высших учебных заведений. М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1947. 356 с.

76. Денисова Е. Абсолютный и склоняемый инфинитивы в языке иврит // Язык иврит: изучение и преподавание. Материалы XVI Междунар. междисциплинар. конф. по иудаике. Академическая серия. М.: Межрегиональный центр преподавания иврита, 2009. Ч. 1. Вып. 10. С. 52–61.
77. Дини П.У. Балтийские языки: монография / под ред. и с предисл. В.Н. Торопова / пер. с итал. А.В. Тороповой. М.: ОГИ, 2002. 544 с.
78. Доброхотова Т.А., Брагина Н.Н. Загадка неправорукого меньшинства человечества // Вопросы философии. 1980. № 1. С. 124–134.
79. Добрынина И.В. Использование герундия и инфинитива для выражения модальных значений: на материале английского языка: дис... канд. филол. наук. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. 141 с.
80. Дубинин С.И., Бондаренко М.В., Тетеревёнков А.Е. Готский язык: Морфология, синтаксис и лексика: монография. 2-е изд., доп. Самара: «Самарский университет», 2006. 150 с.
81. Дынников А.Н., Лопатина М.Г. Народная латынь: монография. М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. 313 с.
82. Дьяконов И.М. Семито-хамитские языки: Опыт классификации: монография. Изд. 2-е, испр. М.: URSS, 2006. 122 с.
83. Дьяконов И.М. Языки Древней Передней Азии: монография. М.: Наука, 1967. 390 с.
84. Дымшиц З.М. Грамматика языка урду: монография. М.: Изд. фирма «Восточная лит-ра» РАН, 2001. 596 с.
85. Журавлёв В.К. Диахроническая морфология: монография. 2-е изд. М., URSS, 2004. 208 с.
86. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект: монография. 2-е изд., перераб. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
87. Зарецкая Е.Н. Типология глагольного формообразования (на материале русского, английского и венгерского языков): монография. М.: Акад. проект, 2001. 159 с.

88. Заиченко Е.В. Теоретическая интерпретация причастия второго в современном немецком языке: дис... канд. филол. наук. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2005. 172 с.

89. Заюнчковский Ю.П., Николеску Т., Репина Т.А. Учебник румынского языка: для I курса филол. фак. ун-тов: учеб. М.: Высш. школа, 1982. 311 с.

90. Иванов В.В. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки: монография. М.: Наука, 1981. 271 с.

91. Иванов В.В. Хеттский язык: монография. 2-е изд. М.: УРСС, 2001. 296 с.

92. Иванов В.В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем: монография. М.: «Сов. радио», 1978. 184 с.

93. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. М.: Высшая школа, 1981. 286 с.

94. Иванова Т.А. Старославянский язык: учеб. 2-е изд., испр. и доп. Пб.: Изд-во СПб. ун-та, 1998. 224 с.

95. Ившин В.Д. Проблема взаимоотношения мышления, языка и речи // Язык и речь. Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР, 1997. С. 178–200.

96. Кабанова А.С. Неличные формы глагола в современном румынском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. М.: Изд-во Университета МИД России, 2011. 19 с.

97. Калинина Е.Ю. Нефинитные сказуемые в независимом предложении (причастия и деепричастия): монография. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 221 с.

98. Камчатнов А.М. Старославянский язык: курс лекций. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2001. 152 с.

99. Камчатнов А.М. Хрестоматия по истории русского литературного языка. Памятники X–XIV веков. По рукописям X–XVII веков: учеб. пос. М.: УРСС, 2009. 826 с.

100. Канева И.Т. Шумерский язык: монография. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 240 с.

101. Каплан Г.Х. Очерк грамматики аккадского языка: монография. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 224 с.

102. Карт М.В. Структурно-семантическая организация инфинитивных и герундиальных конструкций цели в современном английском языке: дис... канд. филол. наук. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2005. 156 с.
103. Ключков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время: монография. М.: Наука, 1983. 552 с.
104. Ключев Б. Практический учебник языка урду: учеб. / под ред. А.А. Давидовой. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1962. 430 с.
105. Ковалёв Н.С. Современный сербский язык: учеб.-метод. пос. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2000. 80 с.
106. Ковалёва Е.И. Употребление неличных форм глагола в английских научных текстах: автореф. дис... канд. филол. наук. Киев: Киевский гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 1972. 24 с.
107. Коган Л.Е., Лёзов С.В. Аккадский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки: монография / РАН. Институт языкознания / ред. кол.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М.: Academia, 2009. С. 113–177.
108. Коган Л.Е., Лёзов С.В. Древнееврейский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки: монография / РАН. Институт языкознания / ред. кол.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М.: Academia, 2009. – С. 296–374.
109. Коган Л.Е. Староассирийский диалект // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки: монография / РАН. Институт языкознания / ред. колл.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М.: Academia, 2009. С. 195–204.
110. Коган Л.Е., Лёзов С.В. Туройо // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки: монография / РАН. Институт языкознания / ред. кол.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М.: Academia, 2009. С. 751–805.
111. Коган Л.Е. Угаритский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки: монография / РАН. Институт

языкознания / ред кол.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М.: Academia, 2009. С. 205–238.

112. Козаржевский А.Ч. Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы: монография. М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. 146 с.

113. Козаржевский А.Ч. Учебник древнегреческого языка: монография. 3-е изд., испр. и доп. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1998. 336 с.

114. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык: монография. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1989. 295 с.

115. Кондрашов Н.А. Белорусский язык // Кондрашов Н.А. Славянские языки: учеб. М.: Наука, 1986. С. 96–106.

116. Корлэтяну Н.Г. Исследование народной латыни и ее отношений с романскими языками: монография. М.: Наука, 1974. 304 с.

117. Коростовцев М.А. Введение в египетскую филологию: курс лекций. М.: Изд-во «Восточная лит-ра», 1963. 279 с.

118. Кочергина В.А. Учебник санскрита. М.: Изд-во Ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 336 с.

119. Кошечая И.Г. Функциональная смысловая зависимость как универсальная основа построения художественного произведения // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: МГОУ, 2011. № 6. С. 30–33.

120. Красухин К.Г. Введение в индоевропейское языкознание: курс лекций: учеб. пос. М.: Academia, 2004. 311 с.

121. Кривицкий А.А., Подлужный А.И. Учебник белорусского языка для самообразования. Минск: Выэйшая школа, 1994. 349 с.

122. Кузьменко Е.Л. Вербальная презентация отрицательных чувств и эмоций этносемантической личности (на материале фразеологических единиц) // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: МГОУ, 2011. № 6. С. 57–62.

123. Куклина А.В. Синтагматика и синтаксис инфинитивных конструкций в динамике английской речи: дис... канд. филол. наук. Самара: Изд-во СГПУ, 2008. 188 с.
124. Ламбдин Т.О. Учебник древнееврейского языка: учеб. 2-е изд., перераб. М.: РБО, 2000. 508 с.
125. Лебедев В.В., Павлов Н.В. Арабский язык: продвинутый курс для изучающих арабо-христианскую культуру: учеб. М.: Православный Св. Тихон. Гуманитарный университет, 2007. 202 с.
126. Лебедева А.А. Проблемы юридического перевода. Методика обучения студентов переводу контрактов // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: МГОУ, 2011. № 6. С. 92–97.
127. Лёзов С.В. Имперский арамейский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки: монография / РАН. Институт языкознания / ред. колл.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М.: Academia, 2009. С. 497–532.
128. Лёзов С.В. Классический сирийский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки: монография / РАН. Институт языкознания / ред. колл.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М.: Academia, 2009. С. 1–65.
129. Линдсей В. Краткая историческая грамматика латинского языка: учеб. пос. М.: Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1948. 176 с.
130. Липин Л.А. Аккадский язык: учеб. М.: Наука, 1964. 156 с.
131. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка: монография. М.: Изд-во Московского ун-та, 1956. 596 с.
132. Ломтев Т.П. Структура предложения как выражение отношений между предикативными предметами: монография. М.: Изд-во Московского ун-та, 1967. 198 с.

133. Луговская И.М. Адвербиальная детерминация инфинитива и герундия в современном английском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Л.: Ленинградский гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1972. 18 с.
134. Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков: учеб. пос. / пер. с англ. А.А. Смирнова. 2-е изд., испр. М.: УРСС, 2002. 512 с.
135. ЛЯ: Латинский язык: учеб. для пед. ин-тов / под ред. В.Н. Ярхо и В.И. Лободы. 6-е изд., стер. М.: Высш. шк., 2000. 384 с.
136. Максименко О.И. Видеовербальный текст: проблемы восприятия // Филологические науки в МГИМО: сб. науч. тр. 2010. № 41 (56). С. 52–63.
137. Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка: учеб. пос. М.: Высшая школа, 1981. 407 с.
138. Маслова-Лашанская С.С., Толстая Н.Н. Учебник шведского языка. СПб.: Литера, 2005. 384 с.
139. Маркович М., Йоханович-Михайлова Е., Киршова М.Г., Зенчук В.Н. Сербский язык: учеб. М.: Изд-во МУБиУ, 2002. 490 с.
140. Марфинская М.И., Монахова Н.И. Грамматика немецкого языка: учеб. пос. / отв. ред. О.Ф. Миронова. М.: Юристъ, 2001. 70 с.
141. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков: монография. М.: Едиториал УРСС, 2002. 510 с.
142. Мейе А. Общеславянский язык: монография / пер. и прим. проф. П.С. Кузнецова; 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. 500 с.
143. Мейксина И.И. Синтаксические функции инфинитива в современном немецком языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Л.: АН СССР, Институт языкознания, 1972. 20 с.
144. Мецгер Б.М. Ранние переводы Нового Завета. Их источники, передача, ограничение: монография / пер. с англ. М.: Библейско-богословский институт Св. апостола Андрея, 2002. 552 с.

145. Миллер Б.В. Талышский язык: учеб. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 267 с.
146. Мирианашвили М.Г. К проблеме временного субстрата в стихотворном тексте // Структура и функционирование поэтического текста: очерки лингвистической поэтики. М.: Наука, 1985. С. 181–210.
147. Мистрик Й., Тугушева Р. Учеб. словацкого языка: для вузов. М.: Высш. школа, 1981. 423 с.
148. Мишина Ю.В. Аспектуальные композиты *wesan + Partizip I / Infinitiv I*, *werdan + Partizip I / Infinitiv I* в памятниках письменности XIII–XVI веков: автореф. дис... канд. филол. наук. Тверь: Изд-во ТГУ, 2006. 22 с.
149. Мовшович Н.А. Формирование и развитие инфинитивного абсолютного оборота в связи с развитием других абсолютных конструкций в испанском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. М.: Московский ордена Ленина гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 1952. 15 с.
150. Нарустринг Е.В. Практическая грамматика немецкого языка: учеб. пос. СПб.: Союз, 2003. 368 с.
151. Нейропсихоллингвистика: хрестоматия / сост. К.Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2009. 304 с.
152. Немировская А.В. Иудейско-палестинский арамейский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / РАН. Институт языкознания / ред. кол.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова: монография. М.: Academia, 2009. С. 626–659.
153. Немировская А.В. Классический мандейский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / РАН. Институт языкознания / ред. кол.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова: монография. М.: Academia, 2009. – С. 659–660.
154. Никонова Ж.В. Семантический и структурный потенциал инфинитива в современном немецком языке. Н. Новгород: Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 1995. 10 с.

155. Новакович А.С., Усков А.И., Чеканский А.Н. Учебник датского языка. М.: Наука, 1996. – 480 с.
156. Ощепкова В.В. Вариативная англоязычная картина мира в лексикографических источниках // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: МГОУ, 2010. № 6. С. 28–36.
157. Пентковская Т.В. Восточнославянские и южнославянские переводы богослужебных книг XIII–XIV веков. Чудовская и афонская редакции Нового Завета и Иерусалимский Типикон: дис... докт. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 2009. 498 с.
158. Перельмутер И.А. Общеиндоевропейский и греческий глагол. Видовременные и залоговые категории: монография. Л.: Наука, 1977. 207 с.
159. Перепелкин Ю.Я. Переворот Аменхотепа IV: монография. М.: Наука, 1967. Ч. 1. Кн. I и II. 268 с.
160. Петровский Н.С. Египетский язык. Введение в иероглифику, лексику и очерк грамматики среднеегипетского языка / под ред. ак. В.В. Струве: учеб. пос. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1958. 329 с.
161. Пинкер С. Язык как инстинкт: монография. М.: Лабиринт, 2004. 456 с.
162. Порциг В. Членение индоевропейской языковой области / пер. с нем. Л.Ю. Брауде и В.М. Павлова; ред. и предисл. А.В. Десницкой: монография. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2003. 332 с.
163. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира: монография. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
164. Проничев А.И. Присубстантивные инфинитивные конструкции в сопоставлении в придаточными предложениями в современном английском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. М.: Московский гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза, 1970. 22 с.
165. Расторгуева В.С. Среднеперсидский язык: монография. М.: Наука, 1966. – 160 с.

166. РГ: Русская грамматика: научные труды / сост. Н.С. Авилова, А.В. Бондаренко, Е.А. Брызгунова, С.Н. Дмитренко, И.Н. Кручинина, В.В. Лопатин, М.В. Ляпон, В.А. Плотникова, М.С. Суханова, И.С. Улуханов, Н.Ю. Шведова; репринт. изд. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2005. Т. I. 784 с.
167. РГ: Русская грамматика: научные труды / сост. Н.С. Авилова, А.В. Бондаренко, Е.А. Брызгунова, С.Н. Дмитренко, И.Н. Кручинина, В.В. Лопатин, М.В. Ляпон, В.А. Плотникова, М.С. Суханова, И.С. Улуханов, Н.Ю. Шведова; репринт. изд. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2005. Т. II. 712 с.
168. Резаненко В.Ф. Психолингвистические механизмы восприятия иероглифических знаков: автореф. дис... канд. филол. наук. Киев: Изд-во КГУ, 1978. 27 с.
169. Резниковская Г.А. Видовая дифференциация неличных форм глагола в современном английском языке (на материале именных оборотов с инфинитивом, герундием и причастиями): автореф. дис... канд. филол. наук. М.: Московский пед. ин-т им. Н.К. Крупской, 1959. 23 с.
170. Реферовская Е.А. Истоки аналитизма романских языков (очерки по синтаксису раннесредневековой латыни): монография. М.; Л.: Наука, 1966. 152 с.
171. Романова В.Н. Выражение модального значения целесообразности / нецелесообразности действия в односоставных глагольных предложениях: дис... канд. филол. наук. М.: МГОУ, 2008. 191 с.
172. Рубинчик Ю.А. Современный персидский язык: учеб. пос. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. 132 с.
173. Рытова М.Л. Учебник греческого языка. Практический курс: учеб. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 400 с.
174. Рябова Т.В., Штерн А.С. О характере грамматического структурирования (на материале анализа речи больных афазией). Психология грамматики: монография / под ред. А.А. Леонтьева и Т.В. Рябовой. М.: Изд-во МГУ, 1968. 266 с.

175. Савченко А.Н. Проблема происхождения личных окончаний глагола в индоевропейских языках: монография. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1960. 23 с.
176. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков: монография. М.: УРСС, 2003. 410 с.
177. Сандлер С. Самоучитель языка идиш: учеб. М.: Рус. яз., 1989. 440 с.
178. Санскрит / под ред. Е.П. Островской, Е.И. Рудого, Ю.А. Сандулова: учеб. СПб.: Лань, 2000. 480 с.
179. Сегерт С. Угаритский язык: учеб. пос. М.: Наука, 1965. 106 с.
180. Сидоров Е.В. Область действия суверенных закономерностей: речевая коммуникация // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: МГОУ, 2011. № 6. С. 34–37.
181. Смирнова В.А. К сопоставлению причастных конструкций в английском языке с причастными и деепричастными конструкциями в русском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. М.: Первый моск. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1953. 24 с.
182. Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. СПб.: Алетейя, 1998. 432 с.
183. Соболевский С.И. Древнегреческий язык: учеб. для высших учебных заведений. СПб.: Алетейя, 1999. 615 с.
184. Соколов С.Н. Авестийский язык: монография. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1961. 123 с.
185. Соколов С.Н. Древнеперсидский язык. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки: монография. М.: Наука, 1979. 388 с.
186. Соколова М.С. Герундиальные конструкции в староитальянском и современном итальянском языке: на примере «Декамерона» Боккаччо и прозы итальянских писателей второй половины XX века: дис... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2008. 204 с.
187. Соломоник А. Практическая грамматика иврита / под ред. Б. Подольского. Иерусалим: ירושלים תשמ"ג, 1983. 157 с.

188. СРЛЯ: Современный русский литературный язык: учеб. / П.А. Лекант, Н.Г. Гольцова, В.П. Жуков и др.; под. ред. П.А. Леканта. 5-е изд., стер. М.: Высшая школа, 2001. 416 с.
189. Сталтмане В.Э. Латышский язык // Языки мира: балтийские языки. М.: Academia, 2006. С. 155–193.
190. Старинин В.П. Эфиопский язык: монография. М.: Наука, 1967. 122 с.
191. Стародубцева Н.А. Развитие функционально-семантических свойств инфинитива в старорусских житийных текстах: дис... канд. филол. наук. Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2008. 219 с.
192. Стеблин-Каменский М.И. Древнеисландский язык: монография. 3-е изд., стер. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
193. Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка: учеб. пос. М.: Высшая школа, 1977. 360 с.
194. Таривердиева М.А. От латинской грамматики к латинским текстам (латинское предложение: форма и смысл): учеб. пос. М.: Владос, 1997. 176 с.
195. Толстая Н.И. Язык панджаби: учеб. пос. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. 60 с.
196. Топоров В.Н. Прусский язык // Языки мира: балтийские языки / РАН. Ин-т языкознания: монография. М.: Academia, 2006. 224 с.: ил.
197. Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции): монография. 2-е изд., доп. М.: «Индрик», 2001. 591 с.
198. ТЯ: Тохарские языки: сб. ст. / под ред. и с вступит. ст. В.В. Иванова. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1959. 213 с.
199. Фридрих И. Краткая грамматика хеттского языка. 2-е изд., стер.: монография. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 200 с.
200. Халина Н.В. Категория градуальности в морфологии (сравнительная степень прилагательных): монография. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1996. 229 с.

201. Черданцева Т.З. Итальянский для совершенствующихся: учеб. пос. М.: ЧеРо, 2004. 125 с.
202. Черданцева Т.З., Карулин Ю.А. Самоучитель итальянского языка: учеб. 5-е изд., стер. М.: Высш. шк., 2000. 382 с.
203. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк: учеб. пос. 2-е изд. М.: Гос. учебно-пед. изд-во Министерства просвещения РФ, 1954. 335 с.
204. Четверухин А.С. Древнейшее афразийское именное предложение: проблемы анализа и реконструкции: монография. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. Ч. I. 292 с.
205. Чалкова Е.Г. Фразеосемантические поля англоязычного личностно-ориентированного общения: монография. М.: Импринт-Гольфстрим, 1998. 362 с.
206. Широбокова Л.А. Синтаксические конструкции с инфинитивом в газетных заголовках: структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты (на материале российских и британских печатных СМИ): автореф. дис... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2011. 20 с.
207. Широков О.С. История греческого языка: монография. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. 148 с.
208. ШС: Шкатулка санскрита. Русское изд-е, испр. и доп.: учеб. М.: Самиздат, 2002. Ч. I. 64 с.
209. ШС: Шкатулка санскрита. Русское изд., испр. и доп.: учеб. М.: Самиздат, 2004. Ч. I. 200 с.
210. Шумская И.А. Синтаксическая функция инфинитива в современном белорусском и литовском языках: автореф. дис... канд. филол. наук. Минск: Ин-т языкознания, 1973. 21 с.
211. Щур Г.С. Взаимосвязь между личными и неличными формами германского глагола. Опыт сопоставительно-диахронического изучения морфологии родственных языков: автореф. дис... докт. филол. наук. – Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1966. 38 с.

212. Юрьева И.С. Семантика глаголов имѣти, хотѣти, начати (почати) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв.: дис... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 2009. 279 с.
213. Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка / под ред. и с предисл. И.Ю. Крачковского. 3-е. изд. М.: Наука, 1985. 168 с.
214. Bernhardt G. Wissenschaftliche Syntax der griechischen Sprache. Berlin, 1829. 544 s.
215. Falkenstein. Das Sumerische // Handbuch der Orientalistik. Leiden. Brill, 1959. Bd. 2. 683 s.
216. Hieronymi Stridonensis Opera Omnia. Francofurtum ad Moenum et Lipsia, 1684. T. 3.
217. Kale M.R. A Higer Sanskrit Grammar. Deli: M/S Gopal Narain & Co, 1961. 710 p.
218. Leumann – Hofmann – Szantyr. Lateinische Grammatik. München. Verlag Beck C.H. 1964. Bd. 2. Syntax und Stilistik. 842 s.
219. Soden W. Von Grundriss der Akkadischen Grammatik. Roma, 1952. 274 p.
220. Soden W. Von Akkadisches Handwörterbusch. Wiesbaden, 1965. Bd. I. 1592 s.
221. Soden W. Von Akkadisches Handwörterbusch. Wiesbaden, 1972. Bd. II. 1562 s.
222. Wherrity, Michael Patrick. The gerund/infinitive contrast in English verb complementation. Dissertation. New Brunswick: Rutgers The State University of New Jersey, 2001. 229 p.
223. בליבוים ר' תחביר +, אקדמון, ירושלים, 1995. – 313 עמ'.

Список словарей и справочников

224. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. 5-е изд. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. 1370 с.
225. Греческо-русский словарь Нового Завета / пер. Краткого греческо-английского словаря Нового Завета Баркли М. Ньюмана; рус. пер. и ред. В.Н. Кузнецовой при участии Е.Б. Смагиной и И.С. Козырева. М.: РБО, 1997. 232 с.
226. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 5-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1988. 846 с.
227. Дрор М. Еврейско (иврит)-русский словарь. Телль-Авив: Ам Овед, 2000. 460 с.
228. Калинин А.Ю. Хорватский язык: справочник по грамматике. М.: Живой язык, 2009. 224 с.
229. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь / под ред. В.И. Кальянова. С приложением «Грамматического очерка санскрита» А.А. Зализняка. 3-е изд. М.: Академический проект: Альма Матер, 2005. 944 с.
230. Ленская Л.А. Грамматика испанского языка: справочник по грамматике. М.: Просвещение, 1974. 100 с.
231. Лукашова Е.А. Норвежский язык: справочник по грамматике. М.: Живой язык, 2013. 224 с.
232. Нечаева К.К. Португальский язык: справочник по грамматике. М.: Живой язык, 2009. 224 с.
233. Обухова Е.С. Чешский язык: справочник по грамматике. М.: Живой язык, 2010. 224 с.
234. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стер. М.: АЗЪ, 1996. 928 с.
235. ПЦСС: Полный церковно-славянский словарь / сост. Г. Дьяченко, протоиерей. М.: Отчий дом, 2004. 1121 с.

236. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. Л.-П. М.: Знак, 2003. Т. I. 776 с.
237. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. Л.-П. М.: Знак, 2003. Т. II. 920 с.
238. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. М.: Знак, 2003. Т. III. 1000 с.
239. ССС: Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / сост. Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1999. 842 с.
240. Böhrling O. Sanskrit-Wörterbuch. In kürzerer fassung. Siebenter Theil. St. Petersburg, 1889. 392 s.

Список лингвистического материала исследования

241. АЕ: Архангельское Евангелие 1092 года. М.: Скрипторий, 1997. 667 с.
242. БГ 1: Бхагавадгита. Санскритский текст / пер. Б.Л. Смирнова. М.: Сиринь садхана, 2000. 352 с.
243. БГ 2: Бхагавадгита. Перевод с санскрита, санскритский текст, русская транслитерация / пер. с санскрита Д.В. Бурба. СПб.: Фэн-Шуй Центр, 2000. 264 с.
244. БК: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета Канонические, в русском переводе. СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 1997. 297 с.
245. БЦС: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М.: РБО, 2012. 4хйй с.
246. ГБ: Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе в 10 томах. Т. 7. Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки, Иоанна. М.: Московский патриархат, 1992. 400 с.
247. ЕБ: Библия. Кирилловская печать. М.: Печатный Двор, 1757. 758 л.

248. КЕ: Кохно Евангелие, Болгарский памятник XIII века. София: Изд-во Болгарской академии наук, 1986. 223 с.
249. МБ: Евангелие. М.: Печатный Двор, 1698. 524 л.
250. МЕ: Мстиславово Евангелие, или Апракос Мстислава Великого. 1115–1117 гг. М.: Наука, 1983. 529 с.
251. НЗ 1823: Новый Завет на славянском и русском языках. Второе издание. Иждивением РБО московского отделения. М.: РБО, 1823. 620 с.
252. НЗЦС: Новый Завет на церковнославянском языке. СПб.: РБО, 2004. 528 с.
253. ОБ: Острожская Библия. Фототипическое переиздание текста 1581 года. М.; Л.: Слово-Арт, 1988. 1260 с.
254. ОЕ: Остромирово Евангелие, 1056–1057. М.; Л.: Изд. отдел Московского патриархата, «Аврора», 1988. 294 л.
255. ПЯИ: Пятикнижие на языке идиш // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/1021950/> (дата обращения: 05.01.2015).
256. ЧНЗ: Чудовская рукопись Нового Завета 1354 года. Труд Святого Алексия, митрополита Киевского, Московского и всея Руси чудотворца. М.: Северный паломник, 2001. 380 с.
257. ВČ: Bible. Písmo Svaté Starého a Nového Zákona. Česká Biblická Společnost, 2006. 350 s.
258. BG: The Bhagavad Gita / transl. by Winthrop Sargeant / ed/ and with pref. by C. K. Chapple; foreword by H. Smith. New York. Excelsior Editions is an imprint of State University of New York Press, 2009. 799 s.
259. BH: Biblia Hebraica Stuttgartensia. Stuttgart: Deutsche Biebelgesellschaft, 1997. 1574 s.
260. BSV: Biblia Sacra juxta vulgatum versionem. Stuttgart: Deutsche Biebelgesellschaft, 1994. 1980 s.

261. GNB: Gute Nachricht Bibel Altes und Neues Testament. Stuttgart: Deutsche Biebelgesellschaft, 2000. 443 s.

262. ΚΔ: Καινὴ Διαθήκη. Κατὰ τὴν ἐκδόσιν τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριαρχείου. Αποστολικὴ διακονία τῆς ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος ἐν Αθῆναις. Ἐκδόσις 1993. 518 σ.

263. LB: La Bible. Paris: Société Biblique Française-Le Cerf, 2004. 1819 p.

264. SG: Septuaginta. Stuttgart: Deutsche Biebelgesellschaft, 1979. 942 s.

265. TB: The Bible. Oxford. Oxford University Press, 1997. 445 p.

266. TNTIS: The New Testament in Sanskrit (Reprint). नूतनधर्म्मनियमस्य भारतस्थः

सिंहलस्थश्च वाइवेल सोसाइटी ए/१ महात्मा गान्धी रोड वंगालोर-१, (1962). ६२२ (622 c.);

[Электронный ресурс]. URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2065227> (дата обращения: 05.01.2015).

Список использованных электронных материалов

267. Акбилек Е.А. Проблема перевода инфинитива и инфинитивных конструкций с английского на немецкий и русский языки: дис... канд. филол. наук. М., 2007. 165 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/problema-perevoda-infinitiva-i-infinitivnyh-konstrukcij-s-anglijskogo-na-nemeckij.html> (дата обращения: 02.01.2015).

268. Античный мир: словарь-справочник. [Электронный ресурс]. URL: <http://antiquites.academic.ru/> (дата обращения: 05.01.2015).

269. Антонов П.А. Категориальное значение рода в системе функционально-семантических полей португальского языка: Дис... канд. филол. наук. М., 2004. 151 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/roman-jazyki/kategorialnoe-znachenie-roda-v-sisteme-funkcionalno-semanticheskikh-polej.html> (дата обращения: 02.01.2015).

270. Библия на разных языках: болгарский. [Электронный ресурс]. URL: <http://mirknig.com/knigi/religiya/1181474535-bibliya-ili-sveschenoto-pisanie-na-stariya-i-noviya-zavet.html> (дата обращения: 05.01.2015).

271. Библия на разных языках: польский. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.i-lo.tarnow.pl/pliki/okwb.pdf> (дата обращения: 05.01.2015).

272. Библия на разных языках: сербский. [Электронный ресурс]. URL: http://bible.ucoz.com/load/biblija_v_raznykh_formatakh_skachat_besplatno/skachat_po_lnuju_bibiliju/serbian_bible_cerbskaja_biblija_html/3-1-0-1773 (дата обращения: 05.01.2015).

273. Вальсова А.П. Типы таксисных отношений в современном русском языке: на материале причастных конструкций: дис... канд. филол. наук. М., 2008. – 187 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/tipy-taksisnyh-otnoshenij-v-sovremennom-russkom-jazyke-na-materiale-prichastnyh.html> (дата обращения: 02.01.2015).

274. Галышев С.В. Категория относительного времени в разноструктурных языках: русско-французский экспонент: дис... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 199 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/kategorija-otnositelnogo-vremeni-v-raznostrukturnyh-jazykah-russko-francuzskij.html> (дата обращения: 02.01.2015).

275. Громова Д.А. Субстантивация разных видов языковых единиц. Ее возможности и пределы: дис... канд. филол. наук. СПб., 1997. 244 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/substantivacija-raznyh-vidov-jazykovyh-edinic-ejo-vozmozhnosti-i-predely.html> (дата обращения: 02.01.2015).

276. Гуманитарный словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 05.01.2015).

277. Елифанцева Н.Г. Межуровневые связи в системе моно- и полипредикативных единиц: автореф. дис... докт. филол. наук. М., 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/mezhurovnevye-svyazi-v->

sisteme-mono-i-polipredikativnyh-edinits#ixzz3NnPAHHaf (дата обращения: 02.01.2015).

278. Ефремова О.Ю. Модальная семантика инфинитива в английском языке: дис... канд. филол. наук. М., 2005. – 168 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/modalnaja-semantika-infinitiva-v-anglijskom-jazyke.html> (дата обращения: 02.01.2015).

279. Жирова И.Г. Лингвистическая категория «эфатичность» в антропоцентрическом аспекте: автореф. дис... докт. филол. наук. М., 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/lingvisticheskaya-kategoriya-emfaticnost-v-antropotsentricheskom-aspekte#ixzz3NnQQpyh5> (дата обращения: 02.01.2015).

280. Каменева Т.Е. Функциональный анализ французских причастий: статика и динамика в истории языка: дис... канд. филол. наук. СПб., 2004. – 190 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/roman-jazyki/funkcionalnyj-analiz-francuzskih-prichastij-statika-i-dinamika-v-istorii-jazyka.html> (дата обращения: 02.01.2015).

281. Карпенко Е.Ю. Функционально-семантический потенциал полного причастия в современном русском языке: дис... канд. филол. наук. М., 2004. – 213 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/funkcionalno-semanticheskij-potencial-polnogo-prichastija-v-sovremennom-russkom.html> (дата обращения: 02.01.2015).

282. Качмазова Е.С. Причастие как двуприродная самостоятельная часть речи: истоки и современность. На материале форм индоевропейского, индоиранского, древне-, средне- и новоиранских языков: дис... канд. филол. наук. Нальчик, 2006. 167 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/prichastie-kak-dvuprirodnaja-samostojatel'naja-chast-rechi-istoki-i-sovremennost-na.html> (дата обращения: 02.01.2015).

283. Кирсанова И.П. Категориальное значение субстантивированных прилагательных и причастий: на материале прозаических произведений русских писателей XIX–XX веков: дис... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 240 с.

[Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/kategorialnoe-znachenie-substantivirovannyh-prilagatelnyh-i-prichastij-na.html> (дата обращения: 02.01.2015).

284. Красова О.Е. Категориальные свойства и синтаксическое употребление причастий в современном датском языке: дис... канд. филол. наук. М., 2004. 232 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/kategorialnye-svojstva-i-sintaksicheskoe-upotreblenie-prichastij-v-sovremennom.html> (дата обращения: 02.01.2015).

285. Крюкова О.П. Понятие глубинной структуры на современном этапе // Нейрокомпьютеры: разработка и применение. 2005. № 8–9. Кн. 20. С. 98–111; [Электронный ресурс]. URL: <http://www.radiotec.ru/catalog.php?cat=jr7&art=3887> (дата обращения: 02.01.2015).

286. Левченко М.Н. Языковая архитектура текста молитвы «Отче наш» // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. 2013. № 2. С. 1-10; [Электронный ресурс]. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 26.05.2015).

287. Литературная энциклопедия // [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le3/le3-5791.htm> (дата обращения: 05.01.2015).

288. Лобовская Т.В. Функционирование причастия в английском языке. На материале английской и американской прозы XX века: дис... канд. филол. наук. Мурманск, 2005. 198 с.; [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/funkcionirovanie-prichastija-v-anglijskom-jazyke-na-materiale-anglijskoj-i.html> (дата обращения: 02.01.2015).

289. Македонские надписи. Epigraphes Ano Makedonias 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://epigraphy.packhum.org/inscriptions/main?url=allregions>.

290. Марчук Ю.Н. Перевод и многоязычная терминология // Социосфера. 2012; [Электронный ресурс]. URL: <http://sociosphere.com/sociosphere/> (дата обращения: 02.01.2015).

291. Морозов В.Э. Грамматическая категория вида русского глагола и ее функционирование в коммуникативном акте: дис... докт. филол. наук. М., 2003. 461 с.; [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/>

jazyk/grammaticheskaja-kategorija-vida-russkogo-glagola-i-ee-funkcionirovanie-v.html (дата обращения: 02.01.2015).

292. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Из истории переводов (Древность, Античность) // [Электронный ресурс]. URL: <http://historystudies.org/2012/07/nelyubin-l-l-xuxuni-g-t-iz-istorii-perevodov-drevnost-antichnost/> (дата обращения: 02.01.2015).

293. Николаенко Е.М. Аспектуальная семантика высказываний с инфинитивом при выражении категории «временного порядка». На материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его англоязычных переводов: дис... канд. филол. наук. Брянск, 2001. 204 с.; [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/aspektualnaja-semantika-vyskazyvanij-s-infinitivom-pri-vyrazhenii-kategorii.html> (дата обращения: 02.01.2015).

295. Панина И.А. Семантика и функционирование конструкций с объектным инфинитивом на материале немецкого и русского языков: дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 239 с.; [Электронный ресурс]. URL: http://disercat.com/product_info.php?products_id=603193 (дата обращения: 02.01.2015).

296. Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (На материале английского, немецкого и русского языков): дис... докт. филол. наук. М., 2004. 288 с.; [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/nacionalno-kulturnaja-semantika-jazyka-i-kognitivno-sociokommunikativnye-aspekty.html> (дата обращения: 05.01.2015).

297. Православная энциклопедия // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/166467.html> (дата обращения: 05.01.2015).

298. Пугина Е.Ю., Хухуни Г.Т. «Восток» в исходном и переводном тексте: проблема местного колорита» // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. 2013. № 1; [Электронный ресурс]. URL: www.evestnik-mgou.ru. (дата обращения: 02.01.2015).

299. Редькина О.В. Субстантивация как семантическое явление (языковой и функциональный аспекты): дис... канд. филол. наук. Киров, 2003. 207 с.;

[Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/substantivacija-kak-semanticкое-javlenie.html> (дата обращения: 02.01.2015).

300. Резунова М.В. Переходимость и синкретизм причастий в лексикографическом и художественном дискурсе в русском, английском и немецком языках: дис... канд. филол. наук. Брянск, 2004. 187 с.; [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/perehodimost-i-sinkretizm-prichastij-v-leksikograficheskom-i-hudozhestvennom.html> (дата обращения: 02.01.2015).

301. Свиридова Л.К. Роль эмоциональных структур в реализации категории тождества при построении драматургического текста: автореф. дис... докт. филол. наук. М., 2004; [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/rol-emotsionalnyh-struktur-v-realizatsii-kategorii-tozhdestva-pri-postroenii-dramaturgicheskogo-teksta#ixzz3NqLSPqZh> (дата обращения: 02.01.2015).

302. Современный толковый словарь // [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/modern/Ivrit-19641.html> (дата обращения: 05.01.2015).

303. Справочник Bromance.ru. // [Электронный ресурс]. URL: <http://bromance.ru/> (дата обращения: 05.01.2015).

304. Телегин Л.А. Безаффиксальная транспозиция и ее влияние на процессы деривации в современном английском языке: автореф. дис... докт. филол. наук. Самарканд, 1992; [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/bezaffiksalnaya-transpozitsiya-i-ee-vliyanie-na-protsessy-derivatsii-v-sovremennom-angliyskom-yazyke#ixzz3NmsDRkx3> (дата обращения: 02.01.2015).

305. Тетерина Ж.Ч. Когнитивно-прагматические особенности неличных форм глагола в современном английском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2007; [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/kognitivno-pragmaticcheskie-osobennosti-nelichnykh-form-glagola-v-sovremennom-angliiskom-yazy> (дата обращения: 02.01.2015).

306. Тетерукова И.М. Грамматические трансформации текста при переводе: на материале итальянского и русского языков: дис... канд. филол. наук. М., 2009. 188 с.; [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/sravnit>

jazykoved/grammaticheskie-transformacii-teksta-pri-perevode-na-materiale-italjanskogo-i.html (дата обращения: 02.01.2015).

307. Тимофеева О.В. Синтаксические заимствования в древнеанглийском языке: дис... канд. филол. наук. СПб., 2005. – 172 с.; [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/sintaksicheskie-zaimstvovaniya-v-drevneanglijskom-jazyke.html> (дата обращения: 02.01.2015).

308. Фысина У.Н. Субстантивы в русском языке: дис... канд. филол. наук. М., 2007. 196 с.; [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/substantivaty-v-russkom-jazyke.html> (дата обращения: 02.01.2015).

309. Храмова Н.А. Глаголы одобрения и согласия в английском языке (семантический, синтагматический, морфологический аспекты): дис... канд. филол. наук. СПб., 2003. 188 с.; [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/glagoly-odobreniya-i-soglasija-v-anglijskom-jazyke.html> (дата обращения: 02.01.2015).

310. Эгипти И.А. Свободные и несвободные причастные и деепричастные конструкции в русском литературном языке второй половины XVIII века: дис... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2002. 192 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/svobodnye-i-nesvobodnye-prichastnye-i-deeprichastnye-konstrukcii-v-russkom.html> (дата обращения: 02.01.2015).

311. Энциклопедия Брокгауз-Ефрон // [Электронный ресурс]. URL: http://gatchina3000.ru/big/037/37576_brockhaus-efron.htm (дата обращения: 05.01.2015).

312. Энциклопедия БСЭ // [Электронный ресурс]. URL: <http://alcala.ru/bse/izbrannoe/slovar-K/K14826.shtml> (дата обращения: 05.01.2015).

313. Энциклопедия «Кругосвет» // <http://www.krugosvet.ru/> (дата обращения: 05.01.2015).

314. Электронная еврейская энциклопедия // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eleven.co.il/article> (дата обращения: 05.01.2015).

315. Gardiner A. Egyptian Grammar. Beind an Introduction to Study of Hieroglyphs. 3-d. Ed, Revised; London, 1957; <http://www.twirpx.com/file/886691/> (дата обращения: 05.01.2015). 315

316. אתר שירם שירונט // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sport5.co.il> (дата обращения: 05.01.2015).

317. בלי פאניקה // [Электронный ресурс]. URL: <http://bekaloot.co.il> (дата обращения: 05.01.2015).

318. המילון העברי-עברי // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.haaretz.co.il> (дата обращения: 05.01.2015).

Приложения

Приложение А.

Грамматика и философия слова *sat* в санскрите в сопоставлении с индоевропейскими языками

В главе XVII текста Бхагавадгиты раскрывается сущность одного из понятий древнеиндийской философии и религии; одна из частей этого понятия выражается на санскрите посредством слова सत् *sat*. Само слово *sat* употребляется в составе трехкомпонентного значения Брахмо: ॐ तत्सदिति निदेशो ब्रह्मणस्त्रिविधः स्मृतः । ब्रह्मणास्तेन वेदाश्च यज्ञाश्च विहिताः पुरा [БГ, 17, 23] *om tat sad iti nirdeso brahmaṇas trividhaḥ smṛtaḥ, brahmaṇas tena vidāśca vihitāḥ purā* [BG, 2009, p. 656] – «АУМ-ТАТ-САТ – так по писанию трояко обозначается Брахмо. Древле от Него возникли Брахманы, Веды, жертвы».

Таким образом, АУМ-ТАТ-САТ представляет собой единое трехкомпонентное понятие, имеющее отношение к возникновению высшего положительного начала [Балута, 2013, с. 220]. Каждая из составляющих АУМ-ТАТ-САТ при этом имеет свое значение и может употребляться самостоятельно [БГ, 1, 17, 24, 25].

तस्मादोमित्युदाहृत्य यज्ञदानतपःक्रियाः । प्रवर्तन्ते विधानोक्ताः सततं ब्रह्मवादिनाम् *tasmād om ity udāhṛtya yajñadānatapaḥkriyāḥ, pravartante vidhānoktāḥ satataṁ brahmavādinām* [BG. S. 657] – «Поэтому постигшие Брахмо всегда АУМ произносят в начале жертвенных обрядов, даров, подвигов, согласно предписаниям Закона» [БГ, 1, 17, 24].

तदित्यनभिसंधाय फलं यज्ञतपःक्रियाः । दानक्रियाश्च विविधाः क्रियन्ते मोक्षकाङ्क्षभिः ॥ *tad ity anabhisandhāya yajñatapaḥkriyāḥ, dānakriyaśca vividhāḥ kriyante mokṣakāṅkṣabhiḥ*

[BG, 2009. Р. 658] – «Произнося: “Тат”, о плодах не мысля, совершают стремящиеся к свободе, обряды жертвоприношений, дары и умерщвление плоти» [БГ, 1, 17, 25].

Наиболее подробно из всех трех компонентов понятия раскрывается значение слова САТ [БГ, 1, 17, 26, 27].

सद्भावे साधुभावे च सदित्येतत्प्रयुज्यते । प्रशस्ते कर्मणि तथा सच्छब्दः पार्थ युज्यते ॥ sadbhāve sādhubhāve ca sad ity etat prayajyate, praśaste karmaṇi tatha sacchabdaḥ pārtha yujyate [BG, 2009. Р. 659]. – «Через САТ обозначают истинное, благое; Также достохвальные дела обозначаются словом САТ, сын Притхи» [БГ, 1, 17, 26].

यज्ञे तपसि दाने च स्थितिः सदिति चोच्यते । कर्म चैव तदर्थीय सदित्येवाभिधीयते ॥ yajñe tapasi dāne ca sthitiḥ sad ity cocyate, karma cāiva tadarthīya sad ity evābhīdhīyate [BG, 2009. Р. 660]. – «Через САТ обозначают также постоянство в жертве, дарах, в умерщвлении плоти; Через САТ обозначают также все дела, совершенные Его ради» [БГ, 1, 17, 27].

Существует также другой вариант литературного перевода шлок 26 и 27, так как там определение понятия САТ раскрывается несколько иначе.

26. [Слово] «Сат» используется в отношении природы Истинного садху²⁰. Также, о сын Притхи, слово «Сат» используется в смысле «благочестивая деятельность» [БГ, 2, 2000, с. 105].

27. Непокколебимость в жертвоприношениях, аскезах и преподнесении даров также называется «Сат», и деятельность ради Него²¹ тоже называют «Сат» [БГ, 2, 2009, с. 105].

Целью данного приложения не является выявление более точного перевода указанных шлок. Разные переводы приводятся для установления деталей грамматической характеристики слова САТ, которая находится в непосредственной зависимости от его значения. Поэтому следует ограничиться

²⁰ Садху – 1) святой человек, подвижник; 2) благо, доброта, правота.

²¹ Всевышнего.

заключением, что изложенные варианты переводов шлок 26 и 27 дополняют друг друга и лексическое значение слова САТ при сопоставлении двух переводов раскрывается более полно.

У самого понятия САТ в санскрите также существует антоним, значение которого раскрывается в шлоке 28 главы XVII.

अश्रद्धया हुतं दत्तं तपस्तप्तं कृतं च यत् । असदित्युच्यते पार्थ न च तत्प्रेष्य नो इह ॥ *aśraddhayā*

hutaṁ dattaṁ tapas taptaṁ kṛtaṁ ca yat, asad ity ucyate pārtha na ca tat prepay no iha [BG, 2009, p. 661]. «А возлияния, дары, подвиги, совершаемые без веры, называются «асат»; они ничто и в том, и в этом мире, Пратха» [БГ, 2, 2000, с. 107].

При сопоставлении значений слова САТ, представленных в Бхагавадгите, с теми значениями, которые предлагают словари санскрита, выявляется следующее [Балута, 2013, с. 222].

В «Санскритско-русском словаре» А.В. Кочергиной слово सत् *sat* упоминается на с. 679, но значение его не раскрывается, а дается отсылка к слову सन्त् *sant*. Само слово सन्त् *sant* рассматривается на с. 684. Оно представлено следующими значениями: I. 1) существующий, реальный; 2) находящийся; 3) действительный, настоящий; 4) хороший. II. (n) – средний род (т.е. при наличии у слова *sant* окончаний среднего рода). 1) существующее, реальный; 2) бытие; 3) реальный мир; 4) вещь; 5) праведность, святость. III. (m) – мужской род, хороший человек [Кочергина, 2005. С. 684]. Однако в данном словаре не поясняется, какая связь существует между словами *sat* и *sant*. Вероятно, предполагается, что *sat* представляет собой более редкий вариант употребления *sant* [Балута, 2013, с. 223].

В части 7 «Санскритско-немецкого словаря» (автор Otto Böhtlingk) также не дано значение слова *sat*. Само слово встречается на с. 26, где сразу же дается отсылка к слову *sant*. Слово सन्त् *sant* представлено довольно большой словарной статьей. Среди его значений основными являются: существующий, имеющийся, присутствующий, верный, правильный, действительный, истинный, хороший,

добрый; о человеке – благородный, достойный; существительное – существо, существование, сущность [Böhtlingk, 1889, s. 39]. Кроме того, в словарной статье указывается, что слово *sant* можно воспринимать как причастие, имеющее отношение к глаголу «быть»: «als Partic. vom copulativen अस्» [Ibid. S. 39].

Таким образом, в санскритско-русском и санскритско-немецком словарях значение слова *sat* не раскрывается, но указывается на его связь со словом *sant*, два основных значения которого «хороший» и «существующий». Эти два значения, как станет видно в дальнейшем, составляют семантическое и грамматическое ядро слова *sant*. Значение «хороший» соответствует определению понятия *sat*, кратко раскрывающегося в Бхагавадгите. Значение «существующий» больше соотносится с грамматической формой слова [Балута, 2013, с. 224].

Если с лексической стороны компоненты понятия АУМ-ТАТ-САТ составляют единое целое, то с точки зрения грамматики они неоднородны.

Слово АУМॐ om представляет собой с грамматической точки зрения уникальное явление. Можно сказать, что оно аграмматично, т.е. не склоняется и не имеет отношения ни к одной части речи. В деванагари оно даже имеет отдельный графический знак. С точки зрения семантики оно представляет собой одно из фундаментальных понятий индийской религии и философии, раскрытие которого не является целью данного лингвистического исследования [Там же. С. 225].

Слово ТАТ तत् *tat* внешне идентично форме среднего рода единственного числа Именительного и Винительного падежей от указательного местоимения त (तद्) *ta (tad)*, которое переводится «это, оно» [Кочергина, 2005, с. 230].

Слово САТ सत् *sat* в индийской грамматической традиции представляет собой причастие от глагола अस् *as*, образованное с помощью суффикса शत् *śatṛ*.

Это суффикс, посредством которого в санскрите образуются активные причастия настоящего времени. При соединении суффикса с основой от него остается элемент -at-. [Балута, 2011, с. 86]. Сам глагол अस् as переводится «быть», поэтому причастную форму सत् sat переводят как «сущий» или «существующий». Форма सत् sat является единственной причастной формой от этого бытийного глагола. Она не присоединяет окончаний, не образует формы числа и рода и не склоняется. Таким образом, सत् sat, как и ॐ om̐ представляет собой чистый, но знаменательный корень. При этом грамматическая форма सत् sat соотносится с активным причастием настоящего времени. Это позволяет считать данную форму субстратом древнего глагольного имени (появившуюся еще до образования спрягаемых глагольных форм), значение которого раскрывается в Бхагавадгите [Балута, 2013, с. 226].

Если рассмотреть, каким образом значение древнего глагольного имени sat было перенесено на форму sant, можно предположить следующее. В парадигме спряжения санскритского глагола अस् as форма настоящего времени 3-го лица множественного числа выглядит как सन्ति santi – «они суть». Эта форма при сокращении конечного гласного постепенно субстантивировалась и стала восприниматься как абстрактное существительное среднего рода, обозначая понятия «существующее», «реальное», «бытие» [Кочергина, 2005, с. 684]. Кроме того, в индоевропейских языках существует суффикс причастия настоящего времени -nt-, который зафиксирован уже в таких древнейших языках, как авестийский [Соколов, 1961, с. 103], хеттский [Иванов, 2001, с. 150], тохарские [ТЯ, 1959, с. 68] и более поздних – древнегреческом [Козаржевский, 1998, с. 34] и латинском [ЛЯ, 2000, с. 94]. В санскрите для образования причастий этот суффикс

не употреблялся [Балута, 2011, с. 86]. Возможно, следы его можно найти в слиянии форм активного причастия настоящего времени с суффиксом -शत् -śatṛ, от которого при соединении с корнем остается элемент -at-, и медиального причастия настоящего времени с суффиксом -शानच् -śānac, от которого при соединении с корнем остается элемент -āna-. [Там же. С. 87]. Следовательно, форму सन्त् sant можно рассматривать как образование причастия от глагола अस् as с помощью общеиндоевропейского суффикса -nt-. Соединившись семантически с более древним सत् sat, सन्त् sant получило значения «праведность», «святость» [Кочергина, 2005, с. 684], описательно представленные в Бхагавадгите.

Для более глубокого раскрытия значений санскритских слов सत् sat и सन्त् sant можно провести сопоставление подобных форм в некоторых древних языках.

В **авестийском** языке от глаголов образовывались активные причастия настоящего времени с суффиксами -nt- / -ant-, с которыми сливался исходный гласный основы. От глагола Aṣ – «быть» образовывалось практически идентичное санскритскому причастие hat / hant – «сущий» [Соколов, 1961. С. 103]. При этом в авестийском языке, как и в санскрите, наблюдается совпадение формы активного причастия настоящего времени с формой 3-го лица множественного числа настоящего времени глагола «быть»: Ṣ-ANTI hēnti – «они суть» [Там же. С. 83].

В **тохарских** языках прямых аналогий с образованием санскритского слова सत् sat провести нельзя, хотя в этих языках от глагола nes – «быть» могли образовываться причастные формы [ТЯ, 1959, с. 202], а также употреблялись причастия, образованные посредством суффикса -nt-. [Там же. С. 68]. В некоторой степени близким по форме к санскритскому образованию можно считать **хеттское** причастие на -an-, «которое изменялось так же, как имена с основой на -nt-»

[Иванов, 2001, с. 151]. В.В. Иванов считает причастия на -nt- вторичными по отношению к глагольным именам на -nt-, а также то, что «превращение глагольного имени на -nt- следует предположить уже для общеанатолийского языка» [Там же. С. 151]. Причастие в хеттском языке имело активное значение только от непереходных глаголов, таким образом, ašanza – «сущий» представляет собой редкий случай активного значения хеттского причастия [Фридрих, 2001, с. 26]. При этом причастие в хеттском языке, как и в санскрите, внешне практически совпадает с формой глагола в 3-м лице множественного числа: ašanzi – «они суть» [Там же. С. 88].

В **древнегреческом** языке от глагола со значением «быть» – εἶμι eimi существовала форма причастия настоящего времени действительного залога в трех родах: мужской – ὢν ὄν, женский – οὖσα usa, средний – ὄν ὄν. При склонении в ней четко прослеживается индоевропейский суффикс активных причастий настоящего времени -nt-(-οντος-), но сама форма причастия заметно отличается от формы 3-го лица глагола настоящего времени εἰσι(v) eisin – «они суть» [Козаржевский, 1998, с. 81]. (Иное положение дел наблюдается в санскрите.) В данном случае спрягаемые формы глагола «быть» в древнегреческом более соотносимы внешне со спрягаемыми формами шумерского бытийного глагола **me** [Канева, 2006, с. 109]. Само активное причастие настоящего времени от глагола «быть» в древнегреческом языке в форме среднего рода ὄν ὄн, как и в санскрите, могло употребляться самостоятельно. При этом оно имело значения «сущее», «действительность», «правда» и сопровождалось определенным артиклем как признаком субстантивации [Вейсман, 1991, с. 374].

В **латинском** языке, по мнению В.Н. Ярхо и В.И. Лободы, причастия от глагола sum – «быть» изначально не существовало. «Для передачи философского понятия “сущее” Юлием Цезарем была введена форма ens (Родительный падеж – entis), получившая распространение в поздней латыни» [ЛЯ, 2000, с. 122]. В латинско-русском словаре И.Х. Дворецкого форма ens зафиксирована. Она имеет значения «существующее», «сущее», «существо», «вещь», но положительные значения «добро», «святость», «правда» и т.п. отсутствуют [Дворецкий, 1988, с.

284]. При этом форма 3-го лица множественного числа от глагола «быть» в латыни *sunt* практически идентична санскритскому *सन्तु* *sant*, а также старославянскому *сѣтъ* *sojt* – «они суть» [Иванова, 1998, с. 158].

В старославянском языке форма *сѣтъ* *sojt* – «они суть» представляет собой 3-е лицо множественного числа от глагола *бѣти*. *Бжциѣ* в «Словаре старославянского языка» приравнивается по значению к греческому слову среднего рода *οὐσα*, которое представляет собой субстантивированную причастную форму от «быть». Это слово имеет значение «сущность», «существо» [ССС, 1999, с. 684]. В старославянском языке также употреблялось действительное причастие настоящего времени *сѣ* (м. род), *сѣщи* (ж. род), *сѣ* (с. род) – «сущий» [Там же. С. 103]. Учитывая действие в старославянском языке закона открытого слога, это причастие легко сопоставить с санскритским *सत्* *sat*.

В старославянской и церковнославянской традициях причастие *сѣ* и его более поздняя форма *сѣй* (в «Церковнославянском словаре» Г. Дьяченко отмечено, что в Остромировом Евангелии, древнейшем кириллическом памятнике старославянского языка, чаще встречается *сѣ* [ПЦСС, 2004, с. 696]) употреблялась не только в качестве причастия от глагола «быть», но и для обозначения Имени Бога. В качестве сравнительной иллюстрации следует привести цитаты из Нового и Ветхого Заветов на русском языке, где употребляется причастие «сущий» в значении Имени Бога: 1) Евангелие от Иоанна 1:18:

«Бога не видел никто никогда, едиnorodный Сын, **сущий** в недре Отчем, Он явил» [БК, 1997, с. 100].

2) Исход 3:14: «Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий (Иегова). И сказал: так скажи сынам израилевым: Сущий послал меня к вам» [БК, 1997, с. 60].

В «Церковнославянском словаре» Г. Дьяченко также употребляется прилагательное от этого причастия: *сѣщій* – «действительный, настоящий,

истинный, существенный» [ПЦСС, 2004, с. 693]. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского отмечается постепенное слияние форм бытийного глагола: *сѣтьство* – «естество, природа и др.» [Срезневский, Т. 3, 2003, с. 630] и *сѣщїе* = *сѣщїе* и др. [Там же. С. 634]. Форма *сѣй* определяется как причастие от *бѣти* [Там же. С. 870].

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой самостоятельное слово «суть 1», характеризующееся как существительное женского рода, и «суть 2» – форма 3-го лица множественного числа от «быть» расположены в смежных словарных статьях и представлены как омонимы. В качестве существительного слово «суть» обозначает «самое главное и существенное в чем-н. существо, сущность» [Ожегов, 1996, с. 769]. Таким образом, значение глагольной формы во многом совпадает со значением имени существительного, а идентичность внешней оболочки позволяет говорить о случае слияния форм глагола и существительного.

В главе I данного исследования говорилось о возникновении субстрата древнего глагольного имени, который представлял собой предикативный центр предложения в древнейших языках. Полноценное употребление субстрата глагольного имени в коммуникации, вероятно, следует отнести еще к дописьменной эпохе. Более поздние следы субстрата глагольного имени наблюдаются в таком древнейшем языке, как шумерский. Санскрит уже представляет более позднюю дифференциацию субстрата глагольного имени на глагольные корни и именные образования [Балута, 2013, с. 227]. В отношении данного слова можно обнаружить связь трех элементов: *सत् sat* (древнее причастие) – *सन्त sant* (причастие, образованное по общеиндоевропейской модели и существительные от него) – *सन्ति santi* (3-е лицо множественного числа от «быть»). В современном русском языке эта цепочка выглядит короче: «суть» (существительное) – «суть» (глагол). При этом и в санскрите, и в истории

русского языка значение причастия от глагола «быть» как «благое» и «Имя Бога» отмечено только в священных текстах, поэтому является сакральным. Следовательно, сакральность значений слов «sat / суть» существует в языке не столько на общедоступном, сколько на закодированном уровне. А совпадение сакральных смыслов аналогичных слов в разных религиозных традициях народов – носителей языков (при учете совпадений фонетической, лексической и грамматической оболочек слова) говорит о подсознательном уровне восприятия некоторых сакральных значений и сохранения мифологичности сознания даже на современном этапе развития языка.

Приложение Б.

Семантика и морфология слова *asta* (санскрит)

Слово **asta** в «Санскритско-русском словаре» В.А Кочергиной имеет следующие значения: I. *n* 1) дом, жилище; 2) местопребывание; 3) название мифической горы на западе, за которую заходит солнце. II. *m* – заход (солнца): а) возвращаться домой; б) умирать; в) заходить (о светилах) [Кочергина, 2005, с. 85–86]. В русском издании «Шкатулки санскрита» 2002 г. одно из значений *asta* (1.3) трактуется как «мифическая страна на Западе, где заходит солнце» [ШС, Ч. 1, 2002, с. 39]. Однако можно определить еще одно значение данного слова, которое вытекает из его морфологической формы, но не отмечено в словарях [Балута, 2011, с. 149].

По корневой семантике это слово восходит к санскритскому глаголу **as** – «быть» [Кочергина, 2005, с. 83], что подтверждают значения **asta** (1.1, 1.2). По морфологической структуре **asta** представляет собой аористное причастие от **as** (страдательного залога), образованное по общему принципу прибавления к чистому глагольному корню суффикса **-kta-**. Причастия подобного типа входят в парадигму санскритского глагола, например, **hata** – «убитый» от **han** – «убивать»; **bhīta** – «испуганный» от **bhī** – «бояться» и т.д. Следовательно, **asta** должно также

иметь значение «место, где были» – «оставленное», «бывшее» [Балута, 2011, с. 150].

Парадокс заключается в том, что глагол **as** даже для санскрита является древним и принадлежит к праиндоевропейской языковой системе. В санскрите он классифицируется как «неправильный» и представляет парадигму нестандартных спрягаемых и неличных форм, закрепленных, вероятно, еще в праиндоевропейскую эпоху. От корня **as** широко употреблялось только причастие **sat** (с суффиксом **-śatṛ-**), что является причастием настоящего времени действительного залога и переводится как «сущий». Причастие прошедшего времени зафиксировано только от корня **bhū** – «быть», **bhūta** – «бывший». Таким образом, можно предположить, что причастие **asta** было образовано в более позднюю эпоху по стандартной схеме для заполнения лакуны, существующей в парадигме данного глагола [Там же. С. 150].

Совместив полученное нами значение со значениями **asta** (1.1, 1.2, 1.3, 2.a), можно предположить, что народ – носитель языка санскрит – двигался в направлении с запада на восток и сохранил память о древней (мифической) оставленной стране на западе, которая являлась для него «домом». Это несколько противоречит теории А. Шлейхера, согласно которой прародина общеиндоевропейского праязыка находилась в Средней Азии; ближе всего к индоевропейскому праязыку стояли санскрит и авестийский, а распространялись индоевропейцы в южном, северном и западном направлениях [Вендина, 2008, с. 14]. В подтверждение предложенной гипотезы следует привести еще несколько пространственных значений из санскрита: **dakṣiṇa** – «южный», «правый» [Кочергина, 2005, с. 257], **prāccha** – «обращенный вперед», «восточный» [Там же. С. 449].

**Категория вида русского глагола в контексте истории
индоевропейских и семитских языков**

Глагол в русском языке среди прочих категорий имеет категорию вида (совершенный / несовершенный) [Морозов, 2003, с. 156]. Уникальность русского языка заключается в том, что глаголы разных видов не составляют единой временной парадигмы, как, например, в латинском (*ornabat* – «украшал» / *ornavit* – «украсил») или многих новых индоевропейских языках. Русские однокоренные глаголы разных видов образуют разные временные парадигмы, при этом состав их неоднороден: «сделать» – «сделал» / «сделаю»; «делать» – «делал» / «делаю» / «буду делать». Таким образом, у глаголов совершенного вида отсутствует форма настоящего времени, а у глаголов несовершенного вида нет синтетической формы будущего времени. Состав неличных глагольных форм также неоднороден. Инфинитивы есть у глаголов обоих видов, однако от глаголов совершенного вида не образуются причастия настоящего времени, а от глаголов несовершенного вида редки причастия прошедшего времени страдательного залога. При этом в латинском, греческом и многих других индоевропейских языках обычно наблюдается полная парадигма неличных форм. В данном приложении устанавливается, в чем заключается особенность образования категории вида русского глагола, обратившись к истории индоевропейских и семитских языков [Балута, 2012, с. 6].

П.Я. Черных полагает, что «первоначально, в глубокой древности, в славянских языках вовсе не существовало никаких форм вида, как не имеется форм вида, например, в современном немецком и др. Они образовались только с течением времени... В языке восточных славян эти видовые значения в большей или меньшей степени установились еще до появления первых памятников письменности» [Черных, 1954, с. 253].

По мнению А. Мейе, все славянские глаголы противопоставлены по виду на совершенные и несовершенные [Мейе, 2000, с. 225]. При этом «способность

образовывать совершенный или несовершенный вид принадлежит группе настоящего времени и группе инфинитива-аориста каждого глагола. Однако у одного и того же глагола не может быть форм и совершенного и несовершенного вида» [Там же. С. 226]. Это создавало определенные трудности при переводе первых славянских памятников с греческого языка, где категория вида, как мы говорили выше, выражалась несколько иначе. «Например, первые славянские переводчики систематически передавали греческое настоящее время несовершенным видом, а греческий аорист – совершенным» [Там же. С. 226]. Существенное различие между славянской и греческой категориями вида можно заметить и во временной парадигме: как правило, глаголы совершенного вида не имели имперфекта, и поэтому в тех случаях, когда нужно было выразить имперфект, приходилось прибегать к глаголам несовершенного вида [Там же. С. 227].

Наличие неполной временной парадигмы у глаголов разных видов наблюдалось не только в старославянском языке [Балута, 2012, с. 7]. А. Мейе полагал, что подобное явление можно встретить и в некоторых восточнославянских и западнославянских языках. «Обычно же настоящее время совершенного вида в старославянском, русском, польском и чешском языках служит для выражения только совершенного вида будущего времени. Это употребление не обнаруживается уже в языках южнославянских, которые, как сербский и болгарский, развили будущее время в собственном смысле слова, т.е. допускающее оба вида (совершенный и несовершенный), с помощью вспомогательного глагола “хотеть”» [Мейе, 2000, с. 228]. В данном случае также интересно провести параллель с хеттским языком, где не было грамматического различия форм настоящего и будущего времени [Иванов, 2001, с. 143].

Таким образом, можно заключить, что южнославянские языки более тяготели к слиянию форм времени и вида, в то время как некоторые восточнославянские языки сохранили наблюдаемое еще в старославянском языке семантическое видовое различие. Учитывая тот факт, что при переводе первых письменных памятников старославянский язык принял огромное грамматическое

наслоение из греческого языка, однако в категории вида глагола отчасти сохранил собственные позиции, можно предположить, что семантическое видовое различие старославянский унаследовал еще из праславянского языка [Балута, 2012, с. 8]. (Семантическое видовое различие образуется в языке в том случае, если оттенок реального значения соединяется с грамматической категорией [Мейе, 2000, с. 229]).

Если рассмотреть образование глагольных имен от глаголов разных видов старославянского языка, то А. Вайан полагает, что противопоставление по виду проявлялось не только во всех формах спряжения, но и в именных формах и глагольных существительных [Вайан, 2004, с. 352]. «Глагол несовершенного вида – это такой глагол, у которого настоящее время выражает действие на пути к осуществлению и который обладает причастием настоящего времени и обычно имперфектом; глагол совершенного вида – это глагол, у которого настоящее время имеет значение будущего и у которого нет причастий настоящего времени. Однако у некоторых глаголов совершенного вида встречаются и причастия настоящего времени, и имперфекты» [Там же. С. 352]. Подобные несоответствия в парадигмах некоторых старославянских глаголов можно также воспринимать как следствие наложения греческой грамматической системы на праславянскую основу [Балута, 2012, с. 9].

Ряд подобных несоответствий также можно найти в некоторых древнерусских памятниках²². «Так, многие глаголы, как приставочные, так и бесприставочные, являющиеся глаголами совершенного вида в современном русском языке и поэтому не имеющие значения настоящего времени, в древнерусском языке гораздо более свободно, чем в современном русском, могли употребляться в сочетании с глаголами несовершенного вида и со значением

²² Об этом также см.: Камчатнов А.М. Хрестоматия по истории русского литературного языка. Памятники X–IV веков. По рукописям X–XVII веков. М.: УРСС, 2009. 826 с.; Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленинградского гос. университета, 1989. 295 с.; Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка: учеб. пос. М.: Высшая школа, 1977. 360 с.

настоящего времени. Например, в “Повести временных лет”: “А Днепръ втечетъ в Понтьское море” (впадает)» [Черных, 1954, с. 254].

Если предположить наличие семантического видового различия еще в праславянскую эпоху, то следует провести параллель с наиболее древними индоевропейскими языками. Однако в таких языках, как латынь и древнегреческий, видовое различие обычно включается во временную парадигму, что больше соответствует новым западным языкам. Санскрит также не представляет четко определенной категории вида глагола, поэтому мы предлагаем рассмотреть становление данной категории через призму истории семитских языков. При этом вначале следует обратиться к грамматике шумерского языка, который не является семитским, но территориально граничил с первыми семитами и наследие которого принял аккадский язык [Балута, 2012, с. 9].

В **шумерском** языке глагол обладал категорией вида. При этом спрягаемые глагольные формы совершенного вида передавали однократное завершенное действие, имевшее место в прошлом, однократное завершенное действие в будущем; спрягаемые глагольные формы несовершенного вида выражали незавершенное действие, происходящее в момент речи, многократное незавершенное действие, имевшее место до момента речи, однократное или многократное незавершенное действие в будущем [Канева, 2006, с. 113]. Для классификации вида шумерских глаголов обычно пользуются терминами *hamtu* и *maru*. «Названия *hamtu* и *maru* представляют собой аккадские слова, означающие букв. “быстрый” и “жирный”, т.е. “медленный”. Они взяты из аккадских грамматических и лексических текстов» [Там же. С. 83]. Некоторые исследователи полагают, что в шумерском языке глагол вообще не знал категории времени. «Он различал совершенный вид, условно именовавшийся в шумерологии *Praeteritum*, и несовершенный вид, до недавнего времени условно называемый *Praesens-Futurum*» [Falkenstein, 1959, s. 44]. Наследники шумерской культуры – аккадцы – делили шумерские глаголы на две группы. Первую группу они называли *hamtu* – «быстрый, стремительный, мгновенный» [Soden, 1965, s. 318], а вторую – *maru* – «жирный, медленный» [Soden, 1972, s. 616]. Таким

образом, термин *ḥamtu* соответствовал индоевропейским представлениям о совершенном виде, а *marû* – индоевропейскому несовершенному виду [Дьяконов, 1980, с. 26].

Часто грамматическим показателем глагола категории *marû*, т.е. несовершенного вида, служил суффикс *-e-*, при этом корень совершенного вида *ḥamtu* употреблялся без форманта: *sum* – «дать» (*hamtu*) / *sum-e* – «давать» (*maru*) [Канева, 2006, с. 85]. Многие шумерские глаголы, составляющие видовую пару *hamtu* / *maru*, как и в русском языке, были однокоренными. Однако встречались и супплетивные видовые пары, это касается слов, обозначающих наиболее древние понятия, например *dug4* – «сказать» (*hamtu*) / *e* – «говорить» (*maru*) [Там же. С. 84]. (Следует отметить, что и в русском языке данная видовая пара имеет супплетивные основы.) Таким образом, можно сказать, что в шумерском языке категория вида глагола является предшественником категории времени. Действие прежде всего рассматривалось с точки зрения его завершенности или незавершенности, а глаголы, как и в русском языке, составляли видовые пары. Такое видовое различие можно также назвать семантическим [Балута, 2012, с. 10].

Упоминая *hamtu* и *maru* шумерских глаголов со значением «говорить / сказать», следует отметить, что эти глаголы в старославянском языке, составляя видовую пару, так же, как и в шумерском, супплетивны. При этом уместно рассмотреть в видовом отношении и несколько других, наиболее древних славянских глаголов. «Славянские языки сохранили старые основы настоящего времени: *есмь* и *емь* со значением несовершенного вида, которое они всегда имели; что касается “дать”, то инфинитив “дати” и все формы, с ним связанные, сохранили свое старое “аористное” значение и в славянских языках стали формами совершенного вида» [Мейе, 2000, с. 231]. Похожее различие можно наблюдать у однокоренных глаголов в санскрите. В этом языке дифференциация глагола по виду не выражена столь ярко, как в славянских языках. Вид, скорее, определяется по классу глагола. Однако у глаголов с наиболее древними корнями (*as* – «есть», *da* – «дать») существуют видовые пары, и при этом наблюдается супплетивизм основ. Например, древнейший глагол со значением «быть»

(вероятно, еще с праиндоевропейским корнем) имеет две формы: *as* и *bhu*. От первой формы, которую можно сопоставить со славянским «есть», образуются формы настоящего времени, императива, имперфекта и оптатива. От второй формы – будущее время. Что касается наиболее древних неличных форм глагола, то от *as* образуется причастие настоящего времени *sat* – «сущий», а от *bhu* – аористное причастие прошедшего времени *bhata* – «бывший» и инфинитив *bhavitum*. Таким образом, *as* и *bhu* составляют единую парадигму, при этом *as* чаще употребляется в бытийных предложениях с конкретным значением и переводится «есть» (*yusmakam gramah vane asti* – «ваша деревня в лесу есть»), а *bhu* используется для передачи абстрактных значений и в дословном переводе звучит «бывает» (*ayam raja sukhi sukhah bhusanah mriyate* – «этот царь счастливый наслаждающимся будучи умирает») [Балута, 2012, с. 10].

Что же касается глагола со значением «дать», то в санскрите чаще употребляются формы, образованные от основы *da*. Эта основа имеет полную парадигму, включая неличные формы. Однако семантика «давать» есть и у глагола *uam* (который обычно употребляется в иных значениях). При существовании форм настоящего времени от *da*, от *uam* настоящее время встречается чаще. В прошедшем времени преобладают формы от *da*. Другие временные формы от *uam* практически не употребляются. Таким образом, *da* и *uam* не составляют единой парадигмы, однако в сознании индусов воспринимаются не как синонимы, а как единое целое [Там же. С. 10].

Из приведенного сопоставления можно сделать вывод, что у наиболее древних индоевропейских глаголов наблюдается видовое различие, аналогичное шумерским «быстрым» и «жирным» глаголам. Это различие может быть выражено неявно. Следует вспомнить противопоставление в латинском языке глагольных основ инфекта, от которого образуются времена несовершенного вида, и перфекта, образующего времена совершенного вида [Там же. С. 10]. При этом у наиболее древних глаголов также наблюдается супплетивизм видовых основ. Например, неправильный и наиболее древний глагол со значением «нести»: *fero* – основа инфекта; *tuli* – основа перфекта [Дворецкий, 1998, с. 323].

Подобное явление можно наблюдать и во многих других индоевропейских языках. Таким образом, можно предположить, что во многих индоевропейских языках категория вида глагола могла предшествовать образованию категории времени. Теперь же, когда вид глагола включен во временную парадигму, мы можем отметить следы прежнего существования глаголов, аналогичных *hamtu* и *maḡu*, в виде противопоставления глагольных основ [Балута, 2012, с. 10].

Возвращаясь к шумерским терминам *hamtu* и *maḡu*, следует вспомнить, что эти понятия дошли до нас через семитские языки, в частности через аккадские грамматические тексты. Возникновение данных терминов объясняется различием грамматического строя шумерского агглютинирующего языка от аккадского. Категория вида семитского глагола уже в аккадском языке имела четкую связь с категорией времени, причем обе категории были бинарными [Там же. С. 10].

По мнению А.Л. Вассоевича, глаголу во множестве семито-хамитских языков не присуща категория времени [Вассоевич, 1998, с. 429].

Прежде всего следует обратиться к грамматике египетского языка, который многие исследователи относят к семитским языкам. Н.С. Петровский полагает, что «египетские глагольные формы в интересующую нас эпоху не имели грамматической категории времени, а если и имели, то она играла подчиненную роль по сравнению с категорией способа действия» [Петровский, 1958, с. 153]. М.А. Коростовцев также считает, что египетскому глаголу категория времени чужда [Коростовцев, 1963, с. 11].

В аккадском языке необходимость в терминах *hamtu* и *maḡu* для шумерских глаголов возникла потому, что «обозначаемые как “времена” категории глагольных форм первично служили не для выражения относительных временных периодов, как повсеместно наши временные формы, но выражали вид действия и другие, не связанные с временной периодичностью, модификации глагольных понятий» [Soden, 1952, s. 99]. По мнению Л. А. Липина, «первоначально аккадскому глаголу была чужда категория времени, как и глаголам других семитских языков. Вместо деления на прошедшее, настоящее и будущее, время

различалось лишь завершено ли действие к моменту сообщения (повествования) или не завершено» [Липин, 1964, с. 92].

Таким образом, история семитских языков указывает на первоначальное отсутствие в них привычной для индоевропейцев временной дифференциации: прошедшее, настоящее, будущее. Действие здесь рассматривалось с точки зрения его завершенности или незавершенности. Обращаясь к современному состоянию семитских языков, можно отметить, что некоторые из них сохранили аналог древней временной дифференциации. Например, в «Грамматике арабского литературного языка» отмечается, что «семитский глагол не имеет времени в европейском смысле. Вместо тройного деления действия или состояния по соотношению во времени на прошедшее, настоящее и будущее семит пользуется двойным делением по законченности на совершенное и несовершенное. Если рассматривать совершенное время как “прошедшее” по преимуществу, а несовершенное как “будущее”, на долю настоящего выпадает причастие действительного залога» [Юшманов, 1985, с. 49]. Следовательно, наряду с временным различием в семитских языках наблюдается четкое видовое различие глагольных форм, причем базовыми являются формы прошедшего (совершенного) и будущего (несовершенного) [Балута, 2012, с. 11].

В отличие от шумерского языка, где на долю «жирных» глаголов выпадало также обозначение незавершенного действия, происходящего в момент речи, семитский глагол изначально не имел спрягаемой формы для настоящего времени. Именно поэтому аккадцы обычно переводили шумерские «быстрые» глаголы формами перфекта, а «жирные» – имперфектом [Там же. С. 11].

Подобную особенность грамматической системы семитских языков можно объяснить спецификой их восприятия времени. По мнению И.С. Ключкова, вавилонскому восприятию времени была присуща конкретность и линейность [Ключков, 1983, с. 13]. «При таком восприятии времени прошлое и будущее уподобляются пространству, лежащему вне поля зрения; пусть его не видно, но оно, конечно же, существует» [Там же. С. 27]. А.Л. Вассоевич, проводя параллель между семитским и русским восприятием времени, предлагает такое объяснение

формирования глагольной морфологии: «С точки зрения как старорусской, так и вавилонской, предпочтительнее было бы говорить о том, что предсуществует прошлое, а будущее пребывает в послесуществовании, которое, однако, уже предопределено [Вассоевич, 1998, с. 434]. Следовательно, изначальное представление о времени в славянских языках, как и в семитских, могло быть бинарным: прошедшее и будущее. Это легко соотносится также с видовой дифференциацией: совершенность / несовершенность. Однако современное состояние русского языка показывает, что на долю глаголов несовершенного вида приходится также обозначение действия, происходящего в момент речи, т.е. настоящего времени. Поэтому категорию вида шумерского глагола также можно соотносить с аналогичной категорией в некоторых славянских (в том числе и русском) языках [Балута, 2012, с. 11].

Проведение аналогии между видовременными формами в истории семитских и славянских языков будет выглядеть более уместно, если принять во внимание данные исследований по диахронической морфологии. По мнению В.К. Журавлёва, в истории славянских языков «именное развитие тематического спряжения привело к развитию двух стержневых баз глагольных форм: презентную и аористную основы. Третья основа, бывшая перфектная, на славянской почве деморфологизировалась» [Журавлев, 2004, с. 172]. Внедрение видовых различий в формы настоящего времени является славянским новообразованием [Там же. С. 173].

Таким образом, основное различие между базовыми глагольными основами в семитских и славянских языках заключается в том, что в первом случае мы имеем противопоставление прошлого и будущего, а во втором – прошлого и настоящего. Следовательно, славянская глагольно-видовая система, на наш взгляд, ближе к шумерским *hamtu* и *maru*, нежели к семитским перфекту и имперфекту.

Если отвлечься от спрягаемых глагольных форм и обратиться к глагольным именам, то можно отметить, что наиболее употребительные причастия во многих индоевропейских языках отражают не временную дифференциацию (прошедшее,

настоящее, будущее), а классифицируют действие с точки зрения его завершенности / незавершенности. В полупредикативных обстоятельственных причастных оборотах время относительно, оно рассматривается как предшествование или одновременность действию главного глагола. Учитывая тот факт, что появление именных глагольных форм в праязыках могло предшествовать спрягаемым формам, следует возвратиться к предположению, что в индоевропейских и семитских языках категория вида глагола предшествовала категории времени. В дальнейшем вид глагола мог включаться во временную парадигму, что произошло во многих индоевропейских языках, или же обрести слияние с семантикой глагола, пример чего наблюдается в некоторых славянских языках, в том числе и в русском языке [Балута, 2012, с. 11].

Приложение Г.

Примеры, не вошедшие в текст диссертации

Г.1. Инфинитив

Ветхий Завет

Исход 5:23

(Русск.) Ты **не избавил** народа Твоего. (А избавить не избавил Ты народа Твоего) [БК, 1997, с. 62].

(Древнеевр.)

הֲיָצִיל לֹא הִצִּילְתָּ אֶת עַמְּךָ.

[ВН, 1997, ы. 93].

(SG) καὶ ἄφ' οὐπεπόρευμαι πρὸς Φαραῶ λαλῆσαι ἐπὶ τῷ σῷ ὀνόματι ἐκάκωσεν τὸν λαὸν τοῦτον καὶ οὐκ ἔρρύσω τὸν λαόν σου [SG, 1979, s. 93].

(BSV) ex eo enim quo ingressus sum ad Pharaonem ut loquerer nomine tuo adflixit populum tuum et **non liberasti** eos [BSV, 1994, s. 82].

(БЦС) И НЕ ИЗБАВИЛИ ЕДИ ЛЮДИ ТВОИХ [БЦС, 2012, с. ѿ].

(Болг.) Защото, откак дойдох при фараона и почнах да говоря от Твое име, той захвана по-лошо да постъпва с тоя народ; и Ти **не избави** Твоя народ [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) Јер откако изиђох пред Фараона и проговорих у твоје име, још горе поступа с народом овим, а Ти **не избави** народ свој [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Wszak od tej chwili, gdy poszedłem do faraona, by przemawiać w Twoim imieniu, gorzej się on obchodzi z tym ludem, a Ty nic **nie czynisz** dla wybawienia tego ludu [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) Nebo od té chvíle, jakž jsem všel k Faraonovi, abych mluvil jménem tvým, hůře nakládá s lidem tímto, a ty jsi vždy **nevysvobodil** lidu svého [BČ, 2006, s. 72].

(Англ.) For since I came to Pharaoh to speak in thy name, he hath done evil to this people; **neither hast thou delivered** thy people at all [TB, 1997, p. 71].

(Нем.) Seitdem ich nämlich zum Pharaon hineingegangen bin, um in deinem Namen zu reden, hat er an diesem Volk übel gehandelt, aber **errettet hast** du dein Volk **keineswegs** [GNB, 2000, s. 60].

(Франц.) Depuis que je suis allé vers Pharaon pour parler en ton nom, il fait du mal à ce peuple, et tu **n'as point délivré** ton peuple [LB, 2004, p. 83].

Бытие 4:15

(Русск.) И сказал ему Господь [Бог]: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь [Бог] Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, **не убил** его [БК, 1997, с. 4].

(Древнеевр.)

וַיֹּאמֶר לוֹ יְהוָה, לָכֵן כָּל-הֹרֵג קַיִן, שְׁבַע־נַפְשִׁים, יִשָּׁם יְהוָה לְקַיִן אוֹת, לְבִלְתִּי הַכּוֹת-אֹתוֹ כָּל-מֹצְאוֹ.
[BH, 1997, s. 6].

(SG) καὶ εἶπεν αὐτῷ κύριος ὁ θεὸς οὐχ οὕτως πᾶς ὁ ἀποκτείνας Καὶν ἐπτα ἐκδικούμενα παραλύσει καὶ ἔθετο κύριος ὁ θεὸς σημεῖον τῷ Καὶν τοῦ μὴ ἀνελεῖν αὐτὸν πάντα τὸν εὐρίσκοντα αὐτόν [SG, 1979, s. 6].

(BSV) dixitque ei Dominus nequaquam ita fiet sed omnis qui occiderit Cain septuplum punietur posuitque Dominus Cain signum ut **non eum interficeret** omnis qui invenisset eum [BSV, 1994, s. 9].

(БЦС) И рече́ емѹ г҃ъ б҃ъ: не та́ко: вса́къ оуби́вый
ка́ина се́дмѣжды ѿмститсѧ. И положи г҃ъ б҃ъ
зна́меніе на ка́инѣ, еже не оубити егѡ вса́кому
ѡбрѣта́юще́му егѡ [БЦС, 2012, с. 7].

(Болг.) И Господ (Бог) му каза: затова именно всекому, който убие Каина, седмократно ще се отмъсти. Тогава Господ (Бог) тури на Каина знак, за да го **не убие** никой, който го срещне [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) А Господ му рече: Зато ко убије Кајина, седам ће се пута то покајати. И начини Господ знак на Кајину да га **не убије** ко га удеси [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Ale Pan mu powiedziai: O, nie! Ktokolwiek by zabii Kaina, siedmiokrotn pomstk poniesie! Dai tei Pan znamik Kainowi, aby go **nie zabii**, ktokolwiek go spotka [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) I řekl mu Hospodin: Zajisté kdo by koli zabil Kaina, *nad tím* sedmnásobně mštno bude. Pročež vložil Hospodin znamení na Kaina, aby ho žádný **nezabil**, kdo by jej koli našel [BČ, 2006, s. 7].

(Англ.) And the LORD said unto him, Therefore whosoever slayeth Cain, vengeance shall be taken on him sevenfold. And the LORD set a mark upon Cain, **lest any finding** him should kill him [TB, 1997, p. 5].

(Нем.) Der HERR aber sprach zu ihm: Nicht so, jeder, der Kain erschlägt -

siebenfach soll er gerächt werden! Und der HERR machte an Kain ein Zeichen, damit ihn **nicht jeder erschläge**, der ihn fände [GNB, 2000, s. 7].

(Франц.) L'Éternel lui dit: Si quelqu'un tuait Caïn, Caïn serait vengé sept fois. Et l'Éternel mit un signe sur Caïn pour que quiconque le trouverait **ne le tuât point** [LB, 2004, р. 26].

Бытие 43:9

(Русск.) я отвечаю за него, из моих рук потребуешь его; если я **не приведу** его к тебе и **не поставлю** его пред лицом твоим, то останусь я виновным пред тобою во все дни жизни [БК, 1997, с. 48].

(Древнеевр.)

. אֲנִי אֶעֱרָבֶנּוּ--מִדִּי, תִּבְקָשׁוּ וְנָ: אִם-לֹא הִבִּיאֶתְךָ אֶלַי וְהִצַּגְתִּי לְפָנֶיךָ, וְהִטָּאתִי לְךָ כָּל-הַיָּמִים .

[BH, 1997, s. 71].

(SG) ἐγὼ δὲ ἐκδέχομαι αὐτόν ἐκ χειρός μου ζήτησον αὐτόν **ἐὰν μὴ ἀγάγω** αὐτόν πρὸς σὲ καὶ **στήσω** αὐτόν ἐναντίον σου ἡμαρτηκῶς ἔσομαι πρὸς σὲ πάσας τὰς ἡμέρας [SG, 1979, s. 71].

(BSV) ego suscipio puerum de manu mea require illum **nisi reduxero** et **tradidero** eum tibi ero peccati in te reus omni tempore [BSV, 1994, s. 64].

(БЦС) **ЇЗЪ ЖЕ РОЗМѸ ЕГО: ѿ РУКѸ МОЕЮ ВЪЫЩИ ЕГО: ЇЩЕ НЕ ПРИВЕДѸ ЕГѸ КЪ ТЕБЕ, И ПОСТАВЛЮ ЕГО ПРЕД ТОБѸЮ, ГРЕШЕНЪ БѸДѸ КЪ ТЕБЕ ВСѸ ДНИ** [БЦС, 2012, с. ѡд].

(Болг.) Аз отговарям за него, от моите ръце ще го искаш; ако ти го **не доведа** и не изправя пред лицето ти, ще **остана** виноват пред тебе през всички дни на живота си [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) Ја ти се јамчим за њ, из моје га руке ишти; ако ти га **не доведем** натраг и преда те **не ставим**, да сам ти крив до века [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Ja odpowiadam za niego; ode mnie bkdziesz ĩdai, aby ci go oddaĵ.

458

(Чешск.) Já slibuji za něj; z ruky mé vyhledávej ho. Jestliže **nepřivedu** ho k tobě, **a nepostavím** ho před tebou, vinen budu hříchem tobě po všechny dny [BČ, 2006, s. 56].

(АҢГЛ.) I will be surety for him; of my hand shalt thou require him: if I **bring** him **not** unto thee, and **set him** before thee, then let me bear the blame for ever [TB, 1997, p. 55].

(Hem.) Ich will Bürge für ihn sein, von meiner Hand sollst du ihn fordern; wenn ich ihn **nicht zu dir bringe** und ihn vor dein Gesicht **stelle**, will ich alle Tage vor dir schuldig sein [GNB, 2000, s. 46].

(Франц.) Je réponds de lui; tu le redemanderas de ma main. Si je **ne le ramène pas** auprès de toi et si je **ne le remets pas** devant ta face, je serai pour toujours coupable envers toi [LB, 2004, p. 66].

Бытие 3:11

(Русск.) И сказал [Бог]: кто сказал тебе, что ты наг? **не ел ли** ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть? [БК, 1997, с. 3].

(Древнеевр.)

וַיֹּאמֶר--מִי הֵגִיד לְךָ, כִּי עִירָם אֶתָּה; הֲמֵן-הָעֵץ, אֲשֶׁר צִוִּיתִיךָ לֵבִלְתִּי אֲכַל-מִמֶּנּוּ--אֲכַלְתָּ .

[BH, 1997, s. 4].

(SG) καὶ Εἶπεν αὐτῷ τίς ἀνή γγειλέν σοι ὅτι γυμνὸν σεῖ μὴ ἀπὸ Τοῦ ξύλου οὗ ἐνετειλά μῃν σοι τοῦ του μό νου μὴ Φαγεῖν ἀπ' αὐτοῦ ἔφαγες [SG, 1979, s. 4].

(BSV) cui dixit quis enim indicavit tibi quod nudus **esses nisi** quod ex ligno de quo tibi praeceperam ne comederes comedisti [BSV, 1994, s. 7].

(БЦС) И РЕЧЁ ЕМУ БѢ: КТО ВОЗВѢСТИ ТЕБѢ, ЇРѠ НАГѢ
ЕОИ, ЇЩЕ НЕ БЫ ѿ ДРѢВА, ЕГОЖЕ ЗАПОВѢДАХѢ ТЕБѢ ОЕГѠ
ЕДИНАГѠ НЕ ЇСТИ, ѿ НЕГѠ ЇЛѢ ЕОИ [БЦС, 2012, с. 7].

(Болг.) И рече (Бог): кой ти каза, че си гол? Да **не би** да **си ял** от дървото, от което ти забраних да ядеш? [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) А Бог рече: Ко ти каза да си го? Да **ниси јео** с оног дрвета што сам ти забранио да не једеш с њега? [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Rzeki Byg: Ktyi ci powiedziai, ie jeste nagi? Czy moje **zjadie** z drzewa, z ktyrego ci zakazałem jeż? [Библия на разных языках, Электронный ресурс].

(Чешск.) I řekl *Bůh*: Kdožt' oznámil, že jsi nahý? **Nejedl-lis** ale z toho stromu, z něhožt' jsem jísti zapověděl? [BČ, 2006, s. 6].

(Англ.) And he said, Who told thee that thou wast naked? **Hast thou eaten** of the tree, whereof I commanded thee that thou shouldest not eat? [TB, 1997, p. 3].

(Нем.) Und er sprach: Wer hat dir erzählt, daß du nackt bist? **Hast du etwa** von dem Baum **gegessen**, von dem ich dir geboten habe, du solltest **nicht** davon essen? [GNB, 2000, s. 6].

(Франц.) Et l'Éternel Dieu dit: Qui t'a appris que tu es nu? **Est-ce** que tu as mangé de l'arbre dont je t'avais défendu de manger? [LB, 2004, p. 24].

Бытие 3:4

(Русск.) И сказал змей жене: **нет, не умрете** [БК, 1997, с. 3].

(Древнеевр.)

וַיֹּאמֶר הַנָּחַשׁ, אֶל-הָאִשָּׁה: **לֹא-מוֹת**, תָּמָתוּן.

[BH, 1997, s. 4].

(SG) καὶ Εἶπεν ὁ ὄφις τῇ γυναικί οὐ **θανά** τῷ ἀποθανεῖσθε [SG, 1979, s. 4].

(BSV) dixit autem serpens ad mulierem **nequaquam** morte **moriemini** [BSV, 1994, s. 7].

(БЦС) И рече змій жєне: **не ѿмєртїю оўмрєтє** [БЦС, 2012, с. 7].

(Болг.) Тогава змията рече на жената: **не, няма да умрете** [Библия на
разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) А змија рече жени: **Нећете ви умрети** [Библия на разных языках.
Электронный ресурс].

(Польск.) Wtedy rzeki wĩ do niewiasty: Na pewno **nie umrzecie** [Библия на
разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) I řekl had ženě: Nikoli **nezemřete** smrtí! [BČ, 2006, s. 5].

(Англ.) And the serpent said unto the woman, Ye **shall not surely** die [TB, 1997,
p. 3].

(Нем.) Da sagte die Schlange zur Frau: **Keineswegs werdet ihr sterben!** [GNB,
2000, s. 6].

(Франц.) Alors le serpent dit à la femme: Vous **ne mourrez point** [LB, 2004, p.
24].

Иеремия 13:12

(Русск.) Посему скажи им слово сие: так говорит Господь, Бог Израилев:
всякий винный мех наполняется вином. Они скажут тебе: разве мы **не знаем**, что
всякий винный мех наполняется вином? [БК, 1997, с. 750].

(Древнеевр.)

וְאָמַרְתָּ אֲלֵיהֶם אֶת-הַדָּבָר הַזֶּה, כֹּה-אָמַר יְהוָה אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל, כָּל-גֵּבַל, יִמְלֵא יַיִן; וְאָמַרְוּ אֵלַי--
לֹא יָדָע, כִּי כָל-גֵּבַל יִמְלֵא יַיִן.
[BH, 1997, s. 808].

(SG) καὶ ἐρεῖς πρὸς τὸν λαὸν τοῦτον πᾶς ἄσκὸς πληρωθήσεται οἷ νοῦ καὶ ἔσται
ἐὰν εἴπωσιν πρὸς σέ **μὴ γνόντες οὐ γνωσόμεθα** ὅτι πᾶς ἄσκὸς πληρωθήσεται οἷ νοῦ
[SG, 1979, s. 677].

(BSV) dices ergo ad eos sermonem istum haec dicit Dominus Deus Israhel omnis
laguncula implebitur vino et dicent ad te numquid **ignoramus** quia omnis laguncula
implebitur vino [BSV, 1994, s. 1185].

(БЦС) **ЄДІ РҮДЛЇЄ НЕ ОУРҮМН, ІНО РГАРХ МҮХХ
ИСПОЛНИТГА Р²НІ** [БЦС, 2012, с. 487].

(Болг.) Затова кажи им тая дума: тѣй казва Господ, Бог Израилев: всеки винен мях се пълни с вино. Те ще ти кажат: **нима не знаем**, че всеки винен мях се пълни с вино? [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) Зато им реци ову реч: Овако вели Господ Бог Израилев: Сви се мехови пуне вина. А они ће рећи: Зар **не знамо** да се сви мехови пуне вина? [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Powiesz im: To mywi Pan, Byg Izraela: Kaidy dzban moina napeiniż winem. A jeli ci odpowiedz: Czyi **nie wiemy**, ie kaidy dzban moina napeiniż winem? [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) Protož rci jim slovo toto: Takto praví Hospodin Bůh Izraelský: Všeliká nádoba vinná naplňována bývá vínem. Kdyžť pak řeknou: Zdaliž **nevíme** dobře, že všeliká nádoba vinná naplňována bývá vínem? [BČ, 2006, s. 982].

(Англ.) Therefore thou shalt speak unto them this word; Thus saith the LORD God of Israel, Every bottle shall be filled with wine: and they shall say unto thee, **Do we not certainly know** that every bottle shall be filled with wine? [TB, 1997, p. 843].

(Нем.) Und [nun] sage dieses Wort zu ihnen: So spricht der HERR, der Gott Israels: Jeder Krug wird mit Wein gefüllt. Und wenn sie zu dir sagen: **Wissen** wir **nicht** sehr wohl, daß jeder Krug mit Wein gefüllt wird? [GNB, 2000, s. 711].

(Франц.) Tu leur diras cette parole: Ainsi parle l'Éternel, le Dieu d'Israël: Tous les vases seront remplis de vin. Et ils te diront: **Ne savons-nous pas** Que tous les vases seront remplis de vin? [LB, 2004, p. 561].

Амос 9:8

(Русск.) Вот, очи Господа Бога – на грешное царство, и Я истреблю его с лица земли; но дом Иакова не совсем истреблю, говорит Господь. (Не истреблю дом Иакова) [БК, 1997, с. 895].

(Древнеевр.)

הַנָּה עֵינֵי אֲדֹנָי ה', בַּמִּמְלָכָה הַחַטָּאָה, הַשְׁמִדְתִּי אֶתָּה, מֵעַל פְּנֵי הָאָדָמָה: כִּי לֹא הַשְׁמִיד אֶשְׁמִיד
אֶת-בֵּית יִעֲקֹב--וְהָיָה-ה'.

[BH, 1997, s. 1027].

(SG) ἰδοὺ οἱ ὀφθαλμοὶ κυρίου τοῦ θεοῦ ἐπὶ τὴν βασιλείαν τῶν ἁμαρτωλῶν καὶ ἔξαρῶ αὐτὴν ἀπὸ προσώπου τῆς γῆς πλὴν ὅτι οὐκ εἰς τέλος ἔξαρῶ τὸν οἶκον Ἰακωβ λέγει κύριος [SG, 1979, s. 511].

(BSV) ecce oculi Domini Dei super regnum peccans et conteram illud a facie terrae verumtamen conterens **non conteram** domum Iacob dicit Dominus [BSV, 1994, s. 1395].

(БЦС) ОБЯЧЕ НЕ БЪ КОНЕЦЪ ѿБЕРГОУ ДОМЪ ИАКОВЪ,
ГДЕТЪ ГДЬ [БЦС, 2012, с. ۵۴].

(Болг.) Ето, прочете на Господа Бога са върху грешното царство, и Аз ще го изтребя от земното лице, но дома Иаковов **няма съвсем да изтребя**, казва Господ [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) Гле, очи су Господње управљене на ово грешно царство да га затресем са земље; али **нећу сасвим затрти** дом Јаковљев, говори Господ [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Oto oczy moje, Pana Boga, zwrycone s na krylestwo grzeszne i zgiazk je z powierzchni ziemi. **Nie zgiazk** jednak zupeinie domu Jakuba – wyrocznia Pana [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) Aj, oči Panovníka Hospodina proti království tomuto hřešícímu, abych je vyhladil se svrchku země, a však **nevyhladím** docela domu Jákobova, dí Hospodin [BČ, 2006, s. 1180].

(Англ.) Behold, the eyes of the Lord GOD are upon the sinful kingdom, and I will destroy it from off the face of the earth; saving that I **will not utterly destroy** the house of Jacob, saith the LORD [TB, 1997, p. 1006].

(Нем.) Siehe, die Augen des Herrn, HERRN, [sehen] auf das sündige Königreich,

und ich will es von der Fläche des Erdbodens ausrotten, – nur daß ich das Haus Jakob **nicht völlig ausrotten will**, spricht der HERR [GNB, 2000, s. 849].

(Франц.) Voici, le Seigneur, l'Éternel, a les yeux sur le royaume coupable. Je le détruirai de dessus la face de la terre; Toutefois je **ne détruirai pas** entièrement la maison de Jacob, Dit l'Éternel [LB, 2004, p. 708].

Псалмы 48:8

(Русск.) Человек никак **не искупит** брата своего и не даст Богу выкупа за него [БК, 1997, с. 590].

(Древнеевр.)

אִם לֹא פָדָה יִפְדֶּה אִישׁ לֹא יָתֵן לַאלֹהִים.

[BH, 1997, s. 1130].

(SG) ἀδελφὸς οὐ λυτροῦται λυτρώσεται ἄνθρωπος οὐ δώσει τῷ θεῷ ἐξίλασμα αὐτοῦ [SG, 1979, s. 550].

(BSV) fratrem redimens **non redimet** vir nec dabit Deo propitiationem pro eo [BSV, 1994, s. 829].

(БЦС) БРАТЪ НЕ ИЗБАВИТЪ, ИЗБАВИТЪ ЛИ ЧЕЛОВѢКЪ; НЕ ДАСТЪ БГ҃У ИЗМѢНЫ ЗА ОН [БЦС, 2012, с. ψfi].

(Болг.) Човек **не може да изкупи** брата си, нито да даде откуп Богу за него [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) Човек **неће никако** брата **ослободити**, неће дати Богу откуп за њ [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Nikt bowiem siebie samego **nie może wykupić** ani nie uici Bogu ceny swego wykuwu [Библия на разных языках, Электронный ресурс].

(Чешск.) Žádný bratra svého nijakž **vykoupiti nemůže**, ani Bohu za něj dáti mzdy vyplacení [BČ, 2006, s. 702].

(Англ.) **None** of them **can by any means redeem** his brother, nor give to God a ransom for him [TB, 1997, p. 665].

(Нем.) **Niemals kann** ein Mann seinen Bruder **loskaufen**, nicht kann er Gott sein Lösegeld geben [GNB, 2000, s. 538].

(Франц.) Ils **ne** peuvent se racheter l'un l'autre, Ni donner à Dieu le prix du rachat [LB, 2004, p. 817].

Новый Завет

Мк. 10:45

(ΚΔ) καὶ γὰρ ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου οὐκ ἦλθε **διακονηθῆναι**, ἀλλὰ **διακονῆσαι**, καὶ **δοῦναι** τὴν ψυχὴν αὐτοῦ λύτρον ἀντὶ πολλῶν [ΚΔ, 1993, s. 98].

(BSV) nam et Filius hominis non venit **ut ministraretur** ei sed **ut ministraret** et **daret** animam suam redemptionem pro multis [BSV, 1994, s. 1593].

(Санскр.) यतो मनुष्यपुत्रोऽप्यागतो न परिचर्यां भोक्तुम् अपि तु परिचरितुं दातुञ्च स्वप्राणान्
 ीनष्कयमूल्यं बहूनां विनिमयेन [TNTIS, 1962, p. 112. Электронный ресурс]. परिचरितुं и दातुञ्च
 – инфинитивы «послужить» и «отдать».

(ОЕ) БО С҃НЪ ЧЛ҃ЧЬСКЫИ҃ НЕ ПРИДЕ ДА ПОСЛОУЖАТЬ І҃МОУ҃ НЪ ДА ПОСЛОУЖИТЬ
 Ъ И ДАТИ ДШ҃Ж СВОЮ҃ ИЗБАВЛЕНИЕ ЗА М҃НОГЫ [ОЕ, 1998, л. 136].

(АЕ)
 С҃НЪ БО ЧЛ(О)ВЧЬ. НЕ ПРИДЕ ДА ПОСЛОУЖАТЬ І҃МОУ҃. НЪ ДА ПОСЛОУЖИТЬ. И ВЪДАТИ
 Д҃ШЮ СВОЮ ИЗЪБАВЛЕНИЕ ЗА М҃НОГЫ [АЕ, 1997, л. 84].

(МЕ) С҃НЪ БО ЧЛ(О)ВЧЬ НЕ ПРИДЕ ДА ПОСЛОУЖАТЬ І҃МОУ҃ НЪ ДА ПОСЛОУЖИТЬ И ДА
 СТЬ Д҃ШЮ СВОЮ ИЗБАВЛЕНИЕ ЗА М҃НОГЫ [МЕ, 1983, с. 176].

(КЕ)

ИБО СЪНЪ ЧЛВЧЪИИ ПРИДЕ, НЕ ДА ПОСЛОУЖЖТЬ ЕМОУ, НЖ ПОСЛОУЖИТЬ, И ДАТИ ДЪШ
Ж СВОЖ. ИЗБАВЛЕНИЕ ЗА МНОГЪА [КЕ, 1986, л. 58].

(ЧНЗ) ИБО СЪНЪ ЧЛВЧЪИ НЕ ПРИДЕ ПОСЛОУЖИТЬ БЫТИ. НО ПОСЛОУЖИТИ. І ДАТИ ДЪШЮ
СВОЮ ИЗБАВЛЕНІЕ ЗА МНОГІ [ЧНЗ, 2001, с. 81].

(ГБ)

ИБО СЪНЪ ЧЛЧЪ. НЕ ПРИДЕ ДА ПОСЛОУЖАТЬ ЕМУ, НО ДА ПОСЛАЖИТЬ И ДАТИ ДЪШ
ОУ СВОЮ ИЗБАВЛЕНІЕ ЗА МНОГЪ [ГБ, 1992, с. 161].

(ОБ)

ИБО И СЪНЪ ЧЛЧЪ НЕ ПРИДЕ ДА ПОСЛАЖАТЬ ЕМУ, НО ДА ПОСЛАЖИТЬ, И ДАТИ ДЪШ С
ВОЮ ИЗБАВЛЕНІЕ ЗА МНОГЪ [ОБ, 1988, л. и кг].

(МБ)

ИБО СЪНЪ ЧЕЛОВѢЧЪ, НЕ ПРИДЕ ДА ПОСЛАЖАТЬ ЕМУ: НО ДА ПОСЛАЖИТЬ, И ДАТИ ДЪ
Ш СВОЮ ИЗБАВЛЕНІЕ ЗА МНОГИ [МБ, 1698, с. рч].

(ЕБ)

ИБО СЪНЪ ЧЛЧЪ НЕ ПРИДЕ, ДА ПОСЛАЖАТЬ ЕМУ, НО ДА ПОСЛАЖИТЬ И ДАСТЬ ДЪШ С
ВОЮ ИЗБАВЛЕНІЕ ЗА МНОГИ [ЕБ, 1757, с. 05].

(НЗ, 1823) Ибо и Сын человеческий не для того пришел, чтобы Ему
служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупления многих
[НЗ, 1823, с. 314].

(Русск.) Ибо сын Человеческий не для того пришёл, чтобы Ему служили,
но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих [БК, 1997, с.
51].

В представленных примерах Евангелий от Марка и Луки встречаются
случаи употребления греческого целевого инфинитива в винительном падеже с

предлогом *εἰς*. В славянских текстах для перевода таких конструкций использованы целевые придаточные переходного типа и с сослагательным наклонением.

Мк. 14:55

(ΚΔ) οἱ δὲ ἀρχιερεῖς καὶ ὅλον τὸ συνέδριον ἐζήτουν κατὰ τοῦ Ἰησοῦ μαρτυρίαν εἰς τό θανατῶσαι αὐτόν καὶ οὐχ εὗρισκον [ΚΔ, 1993, s. 108].

(BSV) summi vero sacerdotes et omne concilium quarebant adversum Iesum testimonium **ut eum morti traderent** nec inveniebant [BSV, 1994, s. 1601].

(Санскр.) मुरव्ययाजकाः कुत्स्ना महासभा च यीशुं हन्तुकामास्तस्य प्रतिकूलं साक्ष्यममृगयन्त । न तु लेभिरे [TNTIS, 1962, p. 125. Электронный ресурс]. В составе формы **हन्तुकामास्तस्य** отглагольные существительные **हन्तु** – «убийство» и **कामा** – «желание», (букв.) «его убийства осуществить желание».

(ОЕ)

архиереи же и вьсь съньмъ искахъ на и҃са съвѣдѣтельства да и оубиѣтъ и не обрѣтаахъ [ОЕ, 1998, л. 291об.].

(АЕ), (КЕ) – пример отсутствует.

(МЕ)

старѣшинѣ же жрьчьскы и вьсь съборъ искааху на и҃са послѣшества да и оумораѣ и не обрѣтааху [МЕ, 1983, с. 185].

(ЧНЗ) архіерѣи же. и все ссѣдаліше. искаху на и҃са свѣдѣтѣства. да оумораѣ и҃сѣ. и не обрѣтѣѣ [ЧНЗ, 2001, с. 88].

(ГБ)

архїерее же и весь сънемъ искаахоу на г҃са свѣѣтельства да оумрътѣть его и не
е обрѣтаахѹ [ГБ, 1992, с. 177].

(ОБ)

архїерее же и весь сонмъ, искахѹ на г҃са свѣдѣтельства, да оумрътѣть его, и
не обрѣтахѹ [ОБ, 1988, л^ни кеоб.].

(МБ)

архїерее же и весь сонмъ искахѹ на и҃са свидѣтельства, да оумертѣть его;
и не ѡбрѣтахѹ [МБ, 1698, с. с1].

(ЕБ)

архїерее же и весь сонмъ искахѹ на И҃са свидѣтельства, да оумертѣть его. ꝙ
не обрѣтѹ [ЕБ, 1757, с. па].

(НЗ, 1823) Первосвященники же и весь совет искали на Иисуса
свидетельства, чтобы предать Его смерти; и не находили [НЗ, 1823, с. 354].

(Русск.) Первосвященники же и весь синедрион искали свидетельства на
Иисуса, чтобы предать Его смерти, и не находили [БК, 1997, с. 57].

Лк. 4:29

(ΚΔ) καὶ ἀναστάντες ἐξέβαλον αὐτόν ἔξω τῆς πόλεως καὶ ἤγαγον αὐτόν ἕως
ὁφρύος τοῦ ὄρους, ἐφ' οὗ ἡ πόλις αὐτῶν ὠκοδόμητο, εἰς τὸ κατακρημνίσαι αὐτόν
[ΚΔ, 1993, s. 126].

(BSV) et surrexerunt et ejecerunt illum extra civitatem et duxerunt illum usque ad
supercilium montis supra quem civitas illorum erat aedificata **ut praecipitarent
eum** [BSV, 1994, s. 1613].

(Санскр.) यत्र पर्वते च तेषां नगरं निर्मितमासीत् तदग्रभागं नीत्वा तं निपातयितुमैच्छन्
[TNTIS, 1962, p. 146. Электронный ресурс]. В составе формы **निपातयितुमैच्छन्**
составной инфинитив **निपातयितुम्** – «предать (довести до) убийству».

(ОЕ) и вѣставѣше изгѣнаша и вѣнѣ из града и ведоша и до врѣхѣ горѣ на нѣи же градъ ихъ сътворенъ бѣаше да быша и низѣринѣли [ОЕ, 1998, л. 277].

(АЕ) и вѣставѣше изгѣнаша из града. и ведоша и до врѣхѣ горѣ. на нѣи же градъ ихъ създанъ бѣаше. да быша и низѣриноули [АЕ, 1997, л. 165].

(МЕ) и вѣставѣше изгѣнаша и вѣнѣ из града. и ведоша и до врѣха горѣ на нѣи же градъ ихъ създанъ бѣаше да быша и низѣриноули [МЕ, 1983, с. 110].

(КЕ) – пример отсутствует.

(ЧНЗ) и вставше изгнаша и вонѣ из града. і ведоша ѿ до верхѣ горѣ. не нѣи граѣ ихъ создѣ бѣ. да низѣвергоуѣ и [ЧНЗ, 2001, с. 98].

(ГБ) и вѣставше, изгнаша его вѣнѣ из града и ведоша его до верхѣ горѣ, на неѣ же граѣ ихъ създанъ бѣаше. да биша его низриноули [ГБ, 1992, с. 207].

(ОБ) и вставше изгнаша его вонѣ из града, и ведоша его до врѣхѣ горѣ, на неѣ же граѣ ихъ създанъ бѣаше, да быша его низринѣли [ОБ, 1988, л. ѿи кѣоб.].

(МБ)

и воставше, изгнаша его вонъ из града: и ведоша его до верхѹ горы, на неи же градъ ихъ созданъ баше, да быша его низринѹли [МБ, 1698, с. нв].

(ЕБ)

и воставше изгнаша его вонъ из града, и ведоша его до верхѹ горы, на неиже градъ ихъ созданъ баше, да быша его низринѹли [ЕБ, 1757, с. чѹ].

(НЗ, 1823) И встав, выгнали Его вон из города, и повели на верх горы, на которой город их был построен, **чтобы свергнуть Его** [НЗ, 1823, с. 1270].

(Русск.) И вставши выгнали Его вон из города и повели на вершину горы, на которой город их был построен, **чтобы свергнуть Его** [БК, 1997, с. 67].

Мф. 6:1

(КД) Προσέχετε τὴν ἐλεημοσύνη ὑμῶν μὴ ποιεῖν ἔμπροσθεν τῶν ἀνθρώπων **πρὸς τὸ θεαθῆναι αὐτοῖς**· [КД, 1993, s. 15].

(BSV) Adtendite ne iustitiam vestram faciatis coram hominibus **ut videamini ab eis** [BSV, 1994, s. 1533].

(Санскр.) युयं स्वधर्म्मनुष्ठाने सावधाना भवत । जनावलोकनार्थाय तन्मानवानां समक्षं माऽकार्षे । अन्यथा युष्माकं स्वर्गस्थपितृतो लभ्यं किमपि पारितोषिकं यष्माकं न भविष्यति [TNTIS, 1962, p. 12. Электронный ресурс]. Составная форма जनावलोकनार्थाय содержит элемент अर्थाय – слово «цель» в Дательном падеже со значением цели, (букв.) «чтобы люди видели».

(ОЕ) **вънемалѣте милостыниѣ вашѣѣ**· не творити прѣдъ члѣкы· да видѣ б **ждѣте** ими [ОЕ, 1998, л. 122].

(АЕ)

ВЪНИМАНИЕ МЛ(С)ТЫНА ВАША. НЕ ТВОРИТЕ ПРЕДЪ ЧЛЪВКЪ. ДА ВИДИМИ ИМИ БЪДЕТЕ
[АЕ, 1997, л. 75 об.].

(МЕ)

СЪМОТРИТЕ МЛЪСТИ ВАШЕА НЕ ТВОРИТИ ПРѢДЪ ЧЛ(О)ВКЪ. ДА ВИДИМИ БОУДЕТЕ ИМИ
[МЕ, 1983, с. 170].

(КЕ) – пример отсутствует.

(ЧНЗ) **ВНЕМАЊЕ МЛЪТНА ВАША НЕ ТВОРИТИ ПРѢ ЧЛЪВКИ. НА ВИДѢИ И** [ЧНЗ, 2001, с. 35].

(ГБ)

ВЪНЕМАЊЕ МИЛОСТЫНА ВАША НЕ ТВОРИТИ ПРѢ ЧЛЪКЪ. ДА ВИДИМИ БОУДЕТЕ ИМИ
[ГБ, 1992, с. 27].

(ОБ)

ВЪНЕМАЊЕ МЛЪТЫНА ВАША НЕ ТВОРИТЕ ПРѢ ЧЛЪКИ, ДА ВИДИМИ БЪДЕТЕ ИМИ [ОБ, 1988, л. и д].

(МБ)

ВНЕМАЛИТЕ МЛЪТЫНИ ВАШЕА НЕ ТВОРИТИ ПРѢ ЧЛЪВЪКИ, ДА ВИДИМИ БЪДЕТЕ ИМИ [МБ, 1698, с. лв].

(ЕБ)

ВНЕМАЛИТЕ МЛЪТЫНИ ВАШЕА НЕ ТВОРИТИ ПРЕД ЧЛЪКИ, ДА ВИДИМИ БЪДЕТЕ ИМИ [ЕБ, 1757, с. α1].

(НЗ, 1823) Берегитесь раздавать милостыню вашу пред людьми с тем,
чтобы они видели вас [НЗ, 1823, с. 30].

(Русск.) Смотрите, не творите милостыни вашей перед людьми с тем, **чтобы они видели вас** [БК, 1997, с. 5].

Мф. 23:5

(ΚΔ) πάντα δὲ τὰ ἔργα αὐτῶν ποιοῦσι πρὸς τό θεαθῆναι τοῖς ἀνθρώποις [ΚΔ, 1993, s. 54].

(BSV) omnia vero opera sua faciunt **ut videantur ab hominibus** [BSV, 1994, s. 1561].

(Санскр.) स्वकर्माणि सर्वाणि ते लोकदर्शनायैव कुर्वन्ति । कुर्वन्ति च पृथून् स्वपटवन्धान् सुदीर्घाणि च स्ववसनानां प्रलम्बकानि [TNTIS, 1962, p. 60. Электронный ресурс]. В составе формы **लोकदर्शनायैव** медиальное причастие настоящего времени от глагола दर्श – «видеть» в Дательном падеже со значением цели «чтобы быть увиденным».

(OE) **вѣса же дѣла своа творѣть да видими бѣдѣть члѣвкы** [OE, 1998, л. 54].

(AE) **вѣса же дѣла своа творѣть. да видими бѣдоуѣть члѣвкы** [AE, 1997, л. 43об.].

(ME) **вѣса же дѣла своа творѣть да видѣми бѣдоуѣть чл(о)вкы** [ME, 1983, с. 184].

(KE) **всѣ же дѣла своа творѣть да видими бѣдѣть прѣдѣ члѣвкы** [KE, 1986, л. 34 об.].

(ЧНЗ) **всѣ дѣла их творѣ на видѣіе члѣвкы** [ЧНЗ, 2001, с. 56].

(ГБ) **вѣса же дѣла своа творѣть. да видими бѣдоуѣ члѣкы** [ГБ, 1992, с. 88].

(ОБ) **всѧ же дѣла своѧ творѧтъ, да видими бѣдѣтъ члѣкы** [ОБ, 1988, л^ѣи г].

(МБ) **всѧ же дѣла своѧ творѧтъ, да видими бѣдѣтъ челоѡѣки** [МБ, 1698, с. рг].

(ЕБ) **всѧ же дѣла всоѧ творѧтъ, да видими бѣдѣтъ члѣки** [ЕБ, 1757, с. рг].

(НЗ 1823) Все же дела свои делают с тем, **чтобы видимым быть людьми** [НЗ, 1823, с. 164].

(Русск.) Все же дела свои делают с тем, **чтобы видели их люди** [БК, 1997, с. 27].

Г.2. Герундий

Ветхий Завет

Бытие 24:25

(Русск.) И еще сказала ему: у нас много соломы и корму, и есть **место для ночлега** [БК, 1997, с. 25].

(Древнеевр.)

כה וַתֹּאמֶר אֵלָיו, גַּם-תֵּבֶן גַּם-מִסְפּוֹא רַב עִמָּנוּ--גַּם-מָקוֹם, לָלוֹן.

[ВН, 1997, s. 35].

(SG) καὶ εἶπεν αὐτῷ καὶ ἄχυρα καὶ χορτάσματα πολλὰ παρ' ἡμῖν καὶ τόπος τοῦ καταλῦσαι [SG, 1979, s. 33].

(BSV) et addidit dicens palarum quoque et faeni plurimum est apud nos et locus spatiosus **ad manendum** [BSV, 1994, s. 33].

(БЦС) Ї рече ємѣ: ѥ плевѣ ѥ сѣна многѣ оу насѣ, ѥ мѣсто витѣти
[БЦС, 2012, с. 15].

(Болг.) И рече му още: има у нас много слама и храна; има и **място за ношуване** [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) Још рече: Има у нас много сламе и пиће и **места за ноћиште** [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Po czym dodaia: Dож u nas siomy i paszy oraz **miejsca do przenocowania** [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) Řekla ještě k němu: Slámy také a potravu hojně u nás jest, ano i **místo, kdež byste přes noc zůstali** [BČ, 2006, s. 29].

(Англ.) She said moreover unto him, We have both straw and provender enough, **and room to lodge in** [TB, 1997, p. 26].

(Нем.) Und sie sagte [weiter] zu ihm: Sowohl Stroh als auch Futter ist bei uns in Menge, **auch Platz zum Übernachten** [GNB, 2000, s. 24].

(Франц.) Elle lui dit encore: Il y a chez nous de la paille et du fourrage en abondance, **et aussi de la place pour passer la nuit** [LB, 2004, p. 43].

Бытие 24:43

(Русск.) То вот, я стою у источника воды, [и дочери жителей города выходят черпать воду,] и девица, которая выйдет почерпать и которой я скажу: дай мне **испить немного** из кувшина твоего [БК, 1997, с. 23].

(Древнеевр.)

מג הנה אנכי נצב, על-עין המים; והיה העלמה, היצאת לשאב, ואמרת אליה, הֲשָׁקִינִי-נָּא מִעַט־מִיָּם.
[BH, 1997, s. 36].

(SG) ἰδοὺ ἐγὼ ἐφέ στηκα ἐπὶ τῆς πηγῆς τοῦ ὕδατος καὶ αἱ θυγατέρες τῶν ἀνθρώπων τῆς πόλεως ἐξελεύσονται ὑδρεύσασθαι ὕδωρ καὶ ἔσται ἡ παρθένος ἥ ἂν ἐγὼ εἴπω **πότισόν με μικρὸν ὕδωρ** ἐκ τῆς ὑδρίας σου [SG, 1979, s. 34].

(BSV) ecce sto iuxta fontem aquae et virgo quae egredietur ad hauriendam aquam audierit a me da mihi pauxillum aquae **ad bibendum** ex hydria tua [BSV, 1994, s. 33].

(БЦС) є̀, ѿзъ ста́хъ о́у клáдѣзѣ водна́гѡ, и дщєри гра́жданъ исхо́дѣтъ почєрпáти водѣ: и вѣ́дєтъ дѣ́вица, є́йже ѿще ѿзъ рекѹ: **напо́й мѧ ѿ водонóса твоегѡ мálѡ водóю** [БЦС, 2012, с. 63].

(Болг.) То ето, аз съм при извора (и дъщерите на градските жители излизат да наливат вода), и момата, която излезе да налива, и на която река: **дай ми да пия малко** от твоята стомна [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) Ево, ја ћу стајати код студенца: која девојка дође да захвати воде, и ја јој кажем: Дај ми **да се напијем мало воде** из крчага твог [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Oto jestem u jrydia. Niech wikc stanie sik tak, ĩeby ta dziewczyna wyszia czerpaж wodk. A gdy jej powiem: **Daj mi sik napiж trochк wody** z twego dzbana [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) Aj, já stojím u studnice vody; protož, nechžť panna, kteráž vyjde vážiti vody, když bych jí řekl: **Dej mi píti nyní maličko vody** z věderce svého [BČ, 2006, s. 30].

(Англ.) Behold, I stand by the well of water; and it shall come to pass, that when the virgin cometh forth to draw water, and I say to her, **Give me, I pray thee, a little water** of thy pitcher to drink [TB, 1997, p. 27].

(Нем.) Siehe, ich stehe bei der Wasserquelle. Möge es nun geschehen, daß das Mädchen, das herauskommt, um zu schöpfen, und zu dem ich sage: **Gib mir doch ein wenig Wasser** aus deinem Krug zu trinken [GNB, 2000, s. 24].

(Франц.) voici, je me tiens près de la source d'eau, et que la jeune fille qui sortira pour puiser, à qui je dirai: **Laisse-moi boire, je te prie**, un peu d'eau de ta cruche, et qui me répondra [LB, 2004, p. 24].

Бытие 28:20

(Русск.) И положил Иаков обет, сказав: если [Господь] Бог будет со мною и сохранит меня в пути сем, в который я иду, и даст мне **хлеб есть и одежду одеться** [БК, 1997, с. 29].

(Древнеевр.)

כַּ וַיֵּדֶר יַעֲקֹב, נֶדֶר לֵאמֹר: אִם-יְהִיָּה אֱלֹהִים עִמָּדִי, וַיִּמְרְנִי בַדֶּרֶךְ הַזֶּה אֲשֶׁר אָנֹכִי הוֹלֵךְ, וַיִּנָּתֶן-לִי לֶחֶם לֵאכֹל, וּבִגְד ללְבָשׁ.

[BH, 1997, s. 44].

(SG) καὶ ἤρξατο Ἰακωβ εὐχὴν λέγων ἐὰν ᾦ, κύριος ὁ θεὸς μετ' ἐμοῦ καὶ διαφυλάξῃ με ἐν τῇ ὁδῷ ταύτῃ ᾗ ἐγὼ πορεύομαι καὶ δῶ μοι ἄρτον φαγεῖν καὶ ἱμάτιον περιβαλέσθαι [SG, 1979, s. 43].

(BSV) vovit etiam votum dicens si fuerit Deus mecum et custodierit me in via per quam ambulo et dederit mihi panem **ad vescendum et vestem ad induendum** [BSV, 1994, s. 41].

(БЦС) И положи і́аковъ ѡбѣтъ, глагола: ѿще вѣдетъ гдѣ бѣъ со мною и сохранитъ мѧ на пѣти сѣмъ, вѣньже ѡзъ идѣ, и даѣтъ ми хлѣбъ ѣсти, и ризы ѡблещиѧ [БЦС, 2012, с. 77].

(Болг.) И даде Иаков оброк, като рече: ако (Господ) Бог бѣде с мене и ме опази в тоя път, по който отивам, и ми даде **хляб да ям и дрехи да се облека** [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) И учини Јаков завет, говорећи: Ако Бог буде са мном и сачува ме на путу којим идем и да ми **хлеба да једем и одела да се облачим** [Библия на разных языках, Электронный ресурс].

(Польск.) Po czym ziołyi taki lub: Jeżeli Pan Byg bkdzie ze mn, strzegc mnie w drodze, w ktyr wyruszyiem, jeżeli da mi **chleb do jedzenia i ubranie do okrycia się** [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) Zavázal se také Jákob slibem, řka: Jestliže Bůh bude se mnou, a

ostříhati mne bude na cestě této, kterouž já jdu; a **dá-li mi chléb ku pokrmu a roucho k oděvu** [BČ, 2006, s. 36].

(Англ.) And Jacob vowed a vow, saying, If God will be with me, and will keep me in this way that I go, and will give **me bread to eat, and raiment to put on** [TB, 1997, p. 34].

(Нем.) Und Jakob legte ein Gelübde ab und sagte: Wenn Gott mit mir ist und mich behütet auf diesem Weg, den ich gehe, und mir **Brot zu essen und Kleidung anzuziehen gibt** [GNB, 2000, s. 30].

(Франц.) Jacob fit un voeu, en disant: Si Dieu est avec moi et me garde pendant ce voyage que je fais, s'il me donne du **pain à manger et des habits pour me vêtir** [LB, 2004, p. 49].

Новый Завет

Лк. 14:28

(ΚΔ) τίς γὰρ ἐξ ὑμῶν, θέλων πύργον οἰκοδομήσαι, οὐχὶ πρῶτον καθίσας ψηφίζει τὴν δαπάνην, εἰ ἔχει τὰ πρὸς ἀπαρτισμόν [ΚΔ, 1993, s. 158].

(BSV) quis enim ex vobis vollens turrem aedificare non prius sedens computat sumptus **qui necessarii sunt si habet ad perficiendum** [BSV, 1994, s. 1638].

(Санскр.) यत उच्चगृहं निर्मातुमिच्छु युष्माकं को न प्रथमुपविश्य व्यं गणयन् कार्यसिद्धेरपायस्तस्यस्ति न वेति विचारयति [TNTIS, 1962, p. 185. Электронный ресурс].

Составная форма **कार्यसिद्धेरपायस्तस्यस्ति** из-за целевого значения компонента **सिद्धे** «для осуществления» (локатив мог иметь значение цели) становится аналогом герундия: (букв.) «для осуществления конца дела есть (ли)».

(OE), (AE), (KE) – пример отсутствует.

(МЕ)

кто оубо отъ васъ хотѣ стѣлпъ съградити не прежде ли сѣдѣ ращѣтеть имѣнїе . аще имать еже естъ на съвършенїе [МЕ, 1983, с. 132].

(ЧНЗ) кто оуѣ изъ вѣ хотѣи столпъ сградѣи не первѣе ли сѣдѣ ращѣ истороу. аще имѣ на свѣршѣе [ЧНЗ, 2001, с. 118].

(ГБ)

кто бо ѿ вѣ хотѣи стѣлпъ съзѣати, не прежде ли сѣдѣ разчтеть имѣнїе, аще и мать еже еѣ на съвршенїе [ГБ, 1992, с. 252].

(ОБ)

кто бо ѿ вѣ хотѣи столпъ создати, не прежде ли сѣдѣ разчтеть имѣнїе, аще имать еже естъ на съвршенїе [ОБ, 1988, лѣи нз].

(МБ)

кто бо ѿ васъ, хотѣи столпъ создати, не прежде ли сѣдѣ разчтеть имѣнїе, аще имать еже естъ на совершенїе [МБ, 1698, с. таі].

(ЕБ)

кто бо ѿ васъ, хотѣи столпъ создати, не прежде ли сѣдѣ разчтеть имѣнїе, аще имать, еже естъ на совершенїе [ЕБ, 1757, с. ркг].

(НЗ, 1823) Ибо кто из вас, желая построить здание, не сядет прежде и не вычислит издержек, чтобы узнать **будет ли чем совершить оное?** [НЗ, 1823, с. 524].

(Русск.) Ибо кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, **имеет ли он, что нужно для совершения ее?** [БК, 1997, с. 84].

Г.З. Супин

Ветхий Завет

Бытие, 25, 21

(Русск.) И молился Исаак Господу о [Ревекке] жене своей, потому что она была неплодна; и Господь услышал его, и **зачала** Ревекка, жена его [БК, 1997, с. 25].

(Древнеевр.)

כַּאֲשֶׁר יִצְחָק לִיהוָה לְנֶכַח אִשְׁתּוֹ, כִּי עָקְרָה הוּא; וַיַּעֲתֶר לוֹ יְהוָה, וַתֵּהָר רֵבֶקָה אִשְׁתּוֹ.

[BH, 1997, s. 38].

(SG) ἐδείκτο δὲ Ἰσαὰκ κυρίου περὶ Ρεβέκκας τῆς γυναικὸς αὐτοῦ ὅτι στείρα ἦν ἐπὶ κουσεν δὲ αὐτοῦ ὁ θεός καὶ ἔλαβεν ἐν γαστρὶ Ρεβέκκα ἡ γυνὴ αὐτοῦ [SG, 1979, s. 37].

(BSV) deprecatusque est Dominum pro uxore sua eo quod esset sterilis qui exaudivit eum et **dedit conceptum** Rebeccae [BSV, 1994, s. 36].

(БЦС) Мола́шесѧ же ісаа́къ гдѣви ѿ ревѣ́кѣѣ женѣ́ своѣ́й, ѿкѡ непло́ды вѣ́ше: посла́ша же єго вѣ́ѣ, и **зача́тъ** во ѡѣ́тробѣ́ ревѣ́кка женѧ **єгѡ** [БЦС, 2012, с. ѣи].

(Болг.) И молеше се Исаак на Господа за жена си (Ревека), защото тя беше неплодна; и Господ го чу, и жена му Ревека **зачена** [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) И Исак се мољаше Господу за жену своју, јер беше нероткиња; и умоли Господа, те **затрудне** Ревека жена његова [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Izaak modlił się do Pana za swięonk, gdyż była ona niepłodna. Pan wysłuchał go, i Rebeka, żona Izaaka, **stała się brzemienna** [Библия на разных языках.

Электронный

ресурс].

(Чешск.) I modlil se Izák pokorně Hospodinu za manželku svou; nebo byla neplodná. A uslyšel jej Hospodin; a tak **počala** Rebeka manželka jeho [BČ, 2006, s. 31].

(Англ.) And Isaac intreated the LORD for his wife, because she was barren: and the LORD was intreated of him, and Rebekah his wife **conceived** [TB, 1997, p. 29].

(Нем.) Und Isaak bat den HERRN für seine Frau, denn sie war unfruchtbar; da ließ der HERR sich von ihm erbitten, und Rebekka, seine Frau, **wurde schwanger** [GNB, 2000, s. 26].

(Франц.) Isaac implora l'Éternel pour sa femme, car elle était stérile, et l'Éternel l'exauça: Rebecca, sa femme, **devint enceinte** [LB, 2004, p. 45].

Бытие 29:32

(Русск.) Лия **зачала** и родила [Иакову] сына, и нарекла ему имя: Рувим, потому что сказала она: Господь призрел на мое бедствие [и дал мне сына], ибо теперь будет любить меня муж мой [БК, 1997, с. 30].

(Древнеевр.)

לב ותהר לאה ותלד בן, ותקרא שמו ראובן: כי אמרה, כי-ראה יהוה בעניי--כי עתה, יאהבני אישי.
[BH, 1997, s. 46].

(SG) καὶ **συνέλαβεν** Λεια καὶ ἔτεκεν υἱὸν τῷ Ιακωβ ἐκάλεσεν δὲ τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ρουβην λέγουσα διότι εἶδέν μου κύριος τὴν ταπείνωσιν νῦν με ἀγαπήσει ὁ ἀνὴρ μου [SG, 1979, s. 46].

(BSV) quae **conceptum** genuit filium vocavitque nomen eius Ruben dicens vidit Dominus humilitatem meam nunc amabit me vir meus [BSV, 1994, s. 42].

(БЦС) И **зача́тъ** л́иа и роди́ сы́на і́аковъ: наре́че же́ имя ѿмѣ́ рѹвими́, глаго́ла: і́аковъ призрѣ́ гдѣ́ на моѣ́ смире́ніе и даде́ ми сы́на: ннѣ́ оубо́ возлюбитъ́ мѣ́ мѹ́жъ мо́й [БЦС, 2012, с. 44].

(Болг.) Лия **зачена** и роди (на Иакова) син, и го нарече с име Рувим, като каза: Господ милостно погледна на моето нещастие (и ми даде син); сега, прочее, ще ме обича мъж ми [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) И Лија **затрудне**, и роди сина, и надеде му име Рувим, говорећи: Господ погледа на јаде моје, сада ће ме љубити муж мој [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Lea **porzchia** wiks i urodziia syna, i daia mu imik Ruben mywic: Wejrza! Pan na moje upokorzenie; teraz mĩ myj bkdzie mnie miłowai [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) Tedy **počala** Lía a porodila syna, a nazvala jméno jeho Ruben; nebo řekla: Jistě viděl Hospodin trápení mé; jižť nyní milovati mne bude muž můj [BČ, 2006, s. 38].

(Англ.) And Leah **conceived**, and bare a son, and she called his name Reuben: for she said, Surely the LORD hath looked upon my affliction; now therefore my husband will love me [TB, 1997, p. 35].

(Нем.) Und Lea **wurde schwanger** und gebar einen Sohn, und sie gab ihm den Namen Ruben, denn sie sagte: Ja, der HERR hat mein Elend angesehen. Denn jetzt wird mein Mann mich lieben [GNB, 2000, s. 31].

(Франц.) Léa **devint enceinte**, et enfanta un fils, à qui elle donna le nom de Ruben; car elle dit: L'Éternel a vu mon humiliation, et maintenant mon mari m'aimera [LB, 2004, p. 50].

Новый Завет

Вместо супина – причастие с сослагательным наклонением.

Лк. 7:3

(КД) ἀκούσας δέ περὶ τοῦ Ἰησοῦ ἀπέστειλε πρὸς αὐτὸν πρεσβυτέρους τῶν Ἰουδαίων ἐρωτῶν αὐτὸν ὥπως ἐλθὼν διασώσῃ τὸν δοῦλον αὐτοῦ [ΚΔ, 1993, s. 133].

(BSV) et cum audisset de Iesu misit ad eum seniors Iudaeorum rogans eum ut veniret et **salvaret** servum ejus [BSV, 1994, s. 1619].

(Санскр.) अतः स यीशोः संवादं श्रुत्व यहूदीयानां प्राचीनान् तस्यान्तिकं ग्रहित्य तं याचयामास स यथागत्य तस्य दासं तारयेत् [TNTIS, 1962, p. 154, Электронный ресурс]. Составная форма **यथागत्य** = **यथा** (союз «чтобы») + **अगत्य** – деепричастие от глагола «приходить»; **तस्य** – «его», **दास** – «раба», **तारयेत्** = **तार** «спаситель» + **येत्** «шел», (букв.) «чтобы, придя, шел спасти его раба».

श्रुत्व – деепричастие «услышав».

(ОЕ) слышавъ же о и҃сѣхъ послаа къ нѣмоу старьца юудейскы мола ѥго да пришьдъ сп҃сѣть раба ѥго [ОЕ, 1998, л. 95об.].

(АЕ), (КЕ) – пример отсутствует.

(МЕ)

слышавъ же і҃са послаа къ нѣмоу старьца жидовьскы мола и да шьдъ сп҃сѣть рабѣ ѥго [МЕ, 1983, с. 121].

(ЧНЗ) слышѧ же о іс҃хъ послаа к нѣмъ прѣвитѣры юудѣискиѧ. мола ѥ. іѧ да пришѧ сп҃сѣть раба ѥ [ЧНЗ, 2001, с. 103].

(ГБ)

слышавъ же о і҃сѣхъ. послаа к нѣмоу старца юудейскыѧ мола ѥго *яко* да пришѧ сп҃сѣть раба ѥго [ГБ, 1992, с. 216].

(ОБ)

слышав же о іѣсѣ, посла к нему старца юдейскѣа, мола его, *яко да пришеѣ с пѣсѣ* раба его [ОБ, 1988, л^ѣи ла].

(МБ)

слышавъ же ѿ ииѣсѣ посла къ нему старцы юдейскѣа, мола его, *яко да пришедъ спасетъ* раба его [МБ, 1698, с. сѣд].

(ЕБ)

Слышавъ же ѿ Ииѣсѣ, посла къ нему старцы юдейскѣа, мола его, *яко да пришедъ спасетъ* раба его [ЕБ, 1757, с. ре].

(НЗ, 1823) Услышав о Иисусе, он послал к Нему старейшин Иудейских, просить Его, **чтобы пришел исцелить** слугу его [НЗ, 1823, с. 434].

(Русск.) Услышав об Иисусе, он послал к Нему Иудейских старейшин – просить Его, **чтобы пришел исцелить** слугу его [БК, 1997, с. 71].

Г.4. Причастие

Ветхий Завет (активное причастие)

Бытие 20:7

(Русск.) Теперь же возврати жену мужу, ибо он пророк и помолится о тебе, и ты будешь жив; а если **не возвратишь**, то знай, что непременно умрешь ты и все твои [БК, 1997, с. 18].

(Древнеевр.)

וַעֲתָהּ, הָשֵׁב אִשְׁתְּ-הָאִישׁ כִּי-נָבִיא הוּא, וַיִּתְפַּלֵּל בְּעֵדָהּ, וַחַיָּהּ; וְאִם-אֵינָהּ מְשִׁיבָה דַּע כִּי-מוֹת תָּמוּת, אֶתָּה וְכָל-אֲשֶׁר-לָךְ.

[ВН, 1997, в. 28].

(SG) νῦν δὲ Ἀπόδος τὴν γυναῖκα τῷ ἀνθρώπῳ ὅτι προφήτης ἐστὶν καὶ Προσεύξεται περὶ Σοῦ καὶ Ζήσῃ εἰ δὲ Μὴ Ἀποδίδως γνῶθι ὅτι ἀποθανῇ σὺ Καὶ Πάντα τὰ Σά [SG, 1979, s. 27].

(BSV) Nunc igitur redde uxorem viro suo quia propheta est et orabit pro te et vives si autem **nolueris reddere** scito quod morte morieris tu et omnia quae tua sunt [BSV, 1994, s. 27].

(БЦС) ННѢ ЖЕ ѿДѢЖДЬ ЖЕНѢ МУЖУ, ꙗко пррѡкъ есть, и помѡлитсѧ ѡ тебѣ, и живѣ будѣши: ꙗще же не ѿДѢси, вѣждь, ꙗко оумрѣши ты и вѣлъ твоѣ [БЦС, 2012, с. 6а].

(Болг.) А сега върни жената на мъжа ѝ, защото той е пророк, ще се помоли за тебе, и ти ще бъдеш жив; ако **пък я не върнеш**, знай, че непременно ще умреш ти и всички твои [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) А сада врати човеку жену његову, јер је пророк, и молиће се за те, те ћеш остати жив. Ако ли **не вратиш**, знај да ћеш умрети ти и сви твоји [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Teraz wіksc zwruж ѿnkc temu czіowіekowі, bo jest on prorokiem i bkdzie sik modlii za ciebie, aby pozostai przy ѿciui. Jeіeli za **nie zwrycisz**, wiedz, іe na pewno nie minie mierz ciebie i wszystkich twoich bliskich jest [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) Nyní tedy, navrať ženu muži tomu; nebo prorok jest, a modliti se bude za tebe, a živ budeš. Pakli **jí nenavrátíš**, věz, že smrtí umřeš ty i všecko, což tvého [ВČ, 2006, s. 24].

(Англ.) Now therefore restore the man his wife; for he is a prophet, and he shall pray for thee, and thou shalt live: and if thou **restore her not**, know thou that thou shalt surely die, thou, and all that are thine [TB, 1997, p. 21].

(Нем.) Und nun, gib die Frau des Mannes zurück! Denn er ist ein Prophet und

wird für dich bitten, daß du am Leben bleibst! Wenn du sie **aber nicht zurückgibst**, so wisse, daß du sterben mußt, du und alles, was [zu] dir gehört [GNB, 2000, s. 20].

(Франц.) Maintenant, rends la femme de cet homme; car il est prophète, il priera pour toi, et tu vivras. Mais, si **tu ne la rends pas**, sache que tu mourras, toi et tout ce qui t'appartient [LB, 2004, p. 39].

Бытие 43:5

(Русск.) А если **не пошлешь**, то **не пойдем**, ибо тот человек сказал нам: не являйтесь ко мне на лице, если брата вашего **не будет** с вами [БК, 1997, с. 48].

(Древнеевр.)

וְאֵלֶיךָ יָבֹאוּ, וְלֹא יֵלְכוּ : כִּי-אָמַר אֱלֹהֵינוּ, לֹא-תָבֹאוּ-בְּלִפְנֵי, אֲדָמָה וְכָל-אֲשֶׁר-לָהּ. [BH, 1997, s. 71].

(SG) εἰ δὲ μὴ ἀποστέλλεις τὸν ἀδελφὸν ἡμῶν μεθ' ἡμῶν οὐ πορεύσόμεθα ὁ γὰρ ἄνθρωπος εἶπεν ἡμῖν λέγων οὐκ ὄψεσθέ μου τὸ πρόσωπον ἐὰν μὴ ὁ ἀδελφὸς ὑμῶν ὁ νεώτερος μεθ' ὑμῶν ᾗ [SG, 1979, s. 71].

(BSV) si autem **non vis non ibimus** vir enim ut saepe diximus denunciavit nobis dicens non videbitis faciem meam absque fratre vestro minimo [BSV, 1994, s. 64].

(БЦС) **ѢЩЕ ЖЕ НЕ ПОБЛАШИ БРАТЯ НАШЕГО ОУ НАМИ,**
НЕ ПОЙДЕМЪ: МУЖЪ БО РЕЧЕ НАМЪ, ГЛАГОЛА: НЕ ОУЗРИТЕ
ЛИЦА МОЕГѠ, ѢЩЕ БРАТЪ ВАШЪ МЕНЬШІЙ НЕ ПРИДЕТЪ ОУ
ВАМИ [БЦС, 2012, с. 44].

(Болг.) **ако пък го не пратиш, няма да отидем**; защото оня човек ни рече: да се не явявате пред лицето ми, ако брат ви не бъде с вас [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) **Ако ли нећеш пустити, нећемо ићи**, јер нам је рекао онај човек: Нећете видети лице моје, ако не буде с вама брат ваш [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) a jeżeli **nie chcesz** go posiaż, **nie pojedziemy**. Bo przecież yw wiadca

powiedziai nam: Nie pokazujcie mi się na oczy, jeśli nie będzie brata waszego z wami [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) **Pakli nepošleš, nepůjdeme.** Nebo pověděl nám muž ten: Neuzříte tváře mé, nebude-li bratr váš s vámi [BČ, 2006, s. 56].

(Англ.) **But if thou wilt not send him,** we will not go down: for the man said unto us, Ye shall not see my face, except your brother be with you [TB, 1997, p. 55].

(Нем.) **wenn du ihn aber nicht sendest,** ziehen wir nicht hinab; denn der Mann hat zu uns gesagt: Ihr sollt mein Gesicht nicht sehen, es sei denn euer Bruder bei euch [GNB, 2000, s. 56].

(Франц.) **Mais si tu ne veux pas l'envoyer,** nous ne descendrons point, car cet homme nous a dit: Vous ne verrez pas ma face, à moins que votre frère ne soit avec vous [LB, 2004, p. 43].

Бытие 41:24

(Русск.) И пожрали тощие колосья семь колосьев хороших. Я рассказал это волхвам, но никто **не изъяснил** мне [БК, 1997, с. 45].

(Древнеевр.)

וַתְּבַלְעַן הַשֶּׁבַע הַטֹּבִים אֶת שִׁבְעַת הַשֶּׁבַע הַרְעִיבִים; וְאֵין מִי יוֹדֵעַ, [BH, 1997, s. 67].

(SG) καὶ κατέπιον οἱ ἑπτὰ στάχυες οἱ λεπτοὶ καὶ ἀνεμόφθοροι τοὺς ἑπτὰ στάχυας τοὺς καλοὺς καὶ τοὺς πλήρεις εἶπα οὖν τοῖς ἐξηγηταῖς καὶ οὐκ ἦν ὁ ἀπαγγέλλων μοι [SG, 1979, s. 67].

(BSV) quae priorum pulchritudinem devorarunt narravi coniectorebus somnium et **nemo est qui edisserat** [BSV, 1994, s. 60].

(БЦС) И пожроша гѣдѣмъ клѣбѣи тоѣмъ и ретроумъ истончѣни гѣдѣмъ клѣбѣмъ добрымъ и полнымъ. рехъ оѣмъ гкѣзѣтелѣмъ, и не бысть порѣдѣи мнѣ тогѣ [БЦС, 2012, с. ѱв].

(Болг.) И празните класове погълнаха седемте хубави класове. Аз разказах това на влъхвите, ала **никой не** ми го **изтълкува** [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) И ови танки класови прождреше оних седам лепих. И ово приповедих гатарима, али ми ни један **не зна казати шта значи** [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) I te puste kiosy pochionkiy owych siedem kiosyw piknych. A gdy to opowiedziaiem wryĭbitom, ĭaden **nie potrafii mi wytiumaczyж** [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) I pohltili klasové ti drobní sedm klasů pěkných. Což když jsem vypravoval hadačům, **nebyl, kdo by mi vyložil** [BČ, 2006, s. 53].

(Англ.) And the thin ears devoured the seven good ears: and I told this unto the magicians; but there was **none that could declare** it to me [TB, 1997, p. 51].

(Нем.) und die mageren Ähren verschlangen die sieben schönen Ähren. Und ich habe es den Wahrsagepriestern gesagt; aber es gibt keinen, der es mir erklärt [GNB, 2000, s. 43].

(Франц.) Les épis maigres engloutirent les sept beaux épis. Je l'ai dit aux magiciens, mais personne **ne m'a donné l'explication** [LB, 2004, p. 63].

Г.5. Деепричастие

Новый Завет

Лк. 22:23

(ΚΔ) καὶ αὐτοὶ ἤρξαντο συζητεῖν πρὸς ἑαυτοὺς τὸ τίς ἄρα εἴη ἐξ αὐτῶν ὁ τοῦτο μέλλων πρασσεῖν [ΚΔ, 1993, s. 175].

(BSV) Et ipsi coeperunt quaerere inter se quis esset ex eis qui hoc **facturus esset** [BSV, 1994, s. 1651].

(Санскрит) ततस्तेषां कस्तत् करिष्यत्येतदधि ते मिथो विचारयितुमारेभिरे [TNTIS, 1962, p. 207. Электронный ресурс].

(OE), (KE) – пример отсутствует.

(AE) и ти начаша искати въ себѣ. которыи оубо боудеть ѿ нѣхъ. **хотѣи** сътворити себе [AE, 1997, л. 90 об.].

(ME)

и ти начаша искати въ себѣ кыи оубо бѣдетъ отъ нѣхъ **хотѣи** сътворити се [ME, 1983, с. 166].

(ЧНЗ) и ти наудѣ совпрашати к сѣ кто оубо боудеть изъ нѣхъ. ѿ се **хотѣа** сдѣкати [ЧНЗ, 2001, с. 129].

(ГБ)

и ти начаша искати в себѣ. которыи оубо ѿ нѣхъ **хотѣи** се сътворити [ГБ, 1992, с. 276].

(ОБ)и тѣи начаша искати к себѣ, которыи оубо ѿ нѣхъ **хотѣи** се сътворити [ОБ, 1988, лѣи г ма].

(МБ)

и тѣи начаша искати въ себѣ, которыи оубо ѿ нѣхъ **хотѣи** сѣе сотворити [МБ, 1698. С. тмв].

(ЕБ)

и ти начаша искати въ себѣ, которыи оубо ѿ нѣхъ **хощеть** сѣе сотворити [ЕБ, 1757, с. рлз].

(НЗ, 1823) И они начали спрашивать друг у друга, кто бы из них был, который это сделает [НЗ, 1823, с. 588].

(Русск.) И они начали спрашивать друг у друга: кто бы из них был, **который это делает** [БК, 1997, с. 94].

Г.6. Обороты со значением сложного дополнения

Ветхий Завет

Бытие 6:7

(Русск.) И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, **что создал их** [БК, 1997, с. 6].

(Древнеевр.)

וַיֹּאמֶר יְהוָה, אֲמַחֶה אֶת-הָאָדָם אֲשֶׁר-בָּרָאתִי מֵעַל פְּנֵי הָאֲדָמָה, מֵאָדָם וְעַד-בְּהֵמָה, וְעַד-רֶמֶשׂ וְעַד-עוֹף הַשָּׁמַיִם: כִּי נִחַמְתִּי, כִּי עָשִׂיתִם.

[BH, 1997, s. 9].

(SG) καὶ εἶπεν ὁ θεός ἀπαλείψω τὸν ἄνθρωπον ὃν ἐποίησα ἀπὸ προσώπου τῆς γῆς ἀπὸ ἀνθρώπου ἕως κτήνους καὶ ἀπὸ ἐρπετῶν ἕως τῶν πετεινῶν τοῦ οὐρανοῦ ὅτι ἐθυμώθην ὅτι ἐποίησα αὐτούς [SG, 1979, s. 8].

(BSV) delebo inquit hominem quem creavi a facie terrae ab homine usque ad animantia a reptili usque ad volucres caeli paenitet enim **me fecisse eos** [BSV, 1994, s. 11].

(БЦС) И рече вѣѣ: потреблю челоуѣка, егѡже сотвориѣхъ, ѡ лицѣ земли, ѡ челоуѣка да́же до скота́, и ѡ гада́ да́же до птицѣ небу́сныхъ: зане́ размыслиѣхъ, ѡ́кѡ сотвориѣхъ ꙗ́ [БЦС, 2012, с. 3].

(Болг.) И рече Господ: ще изтребя от лицето на земята човеците, които сътворих; от човек до скот, гадове и птици небесни ще изтребя, защото се разкаях, **задето ги създадох** [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) И рече Господ: Хоћу да истребим са земље људе, које сам

створио, од човека до стоке и до ситне животиње и до птица небеских; јер се кајем **што сам их створио** [Библија на разних језицима. Електронски ресурс].

(Пољск.) Wreszcie Pan rzeki: Zgiadzk ludzi, ktrych stworzyiem, z powierzchni ziemi: ludzi, bydlo, zwierzka peizajce i ptaki powietrzne, bo ĩal mi, **ĩe ich stworzyiem** [Библија на разних језицима, Електронски ресурс].

(Чешк.) Tedy řekl Hospodin: Vyhladím z země člověka, kteréhož jsem stvořil, od člověka až do hovada, až do zeměplazu, až i do ptactva nebeského; nebo líto mi, **že jsem je učinil** [ВЧ, 2006, с. 9].

(Англ.) And the LORD said, I will destroy man whom I have created from the face of the earth; both man, and beast, and the creeping thing, and the fowls of the air; for it repenteth me **that I have made them** [TB, 1997, p. 6].

(Нем.) Und der HERR sprach: Ich will den Menschen, den ich geschaffen habe, von der Fläche des Erdbodens auslöschen, vom Menschen bis zum Vieh, bis zu den kriechenden Tieren und bis zu den Vögeln des Himmels; denn es reut mich, **daß ich sie gemacht habe** [GNB, 2000, с. 8].

(Франц.) Et l'Éternel dit: J'exterminerai de la face de la terre l'homme que j'ai créé, depuis l'homme jusqu'au bétail, aux reptiles, et aux oiseaux du ciel; **car je me repens de les avoir faits** [LB, 2004, p. 27].

Бытие 6:12

(Русск.) И воззрел [Господь] Бог на землю, **и вот, она растленна**, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле [БК, 1997, с. 6].

(Древнеевр.)

יב וירא אלהים את-הארץ, והנה נִשְׁחָתָה : כִּי-הִשְׁחִית כָּל-בָּשָׂר אֶת-דָּרְכּוֹ, עַל-הָאָרֶץ. {ס}

[BH, 1997, с. 9].

(SG) καὶ εἶδεν κύριος ὁ θεὸς τὴν γῆν καὶ ἦν κατεφθαρμένη ὅτι κατέφθειρεν πᾶσα σὰρξ τὴν ὁδὸν αὐτοῦ ἐπὶ τῆς γῆς [SG, 1979, с. 8].

(BSV) cumque vidisset Deus terram **esse corruptam** omnis quippe caro corruerat viam suam super terram [BSV, 1994, с. 11].

(БЦС) И видѣ гдѣ вѣъ зѣмлю, и бѣ растлѣнна: ѿкѡ растли всѣѣ плѣтъ пѣтъ свѣѣ на зѣмли [БЦС, 2012, с. 5].

(Болг.) И погледна Господ Бог на земята, и ето, **тя беше разтляна**: понеже всяка плът се бе отклонила от своя път на земята [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) И погледа Бог на земљу, **а она беше покварена**; јер свако тело поквари пут свој на земљи [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Gdy Byg widziai, iі ziemia jest skaіona, **іе wszyscy ludzie postkpuj** na ziemi niegodziwie [Библия на разных языках, Электронный ресурс].

(Чешск.) Viděl tedy Bůh zemi, a aj, **porušena byla**, nebo bylo porušilo všeliké tělo cestu svou na zemi [BČ, 2006, s. 10].

(Англ.) And God looked upon the earth, and, behold, **it was corrupt**; for all flesh had corrupted his way upon the earth [TB, 1997, p. 8].

(Нем.) Und Gott sah die Erde, und siehe, **sie war verdorben**; denn alles Fleisch hatte seinen Weg verdorben auf Erden [GNB, 2000, s. 8].

(Франц.) Dieu regarda la terre, et voici, **elle était corrompue**; car toute chair avait corrompu sa voie sur la terre [LB, 2004, p. 27].

Новый Завет

Лк. 23:23

(ΚΔ) οἱ δὲ ἐπέκειντο φωναῖς μεγάλαις **αἰτούμενοι αὐτόν σταυρωθῆναι** [ΚΔ, 1993, s. 179].

(BSV) At illi instabant vocibus magnis postulantes **ut crucifigeretur** [BSV, 1994, s. 1654].

(Санскр.) ते तु महाशब्दैरुग्रतामास्थाय तस्य क्रुशारोपणं ययाचिरे । तेषाञ्च मुख्ययाजकानाञ्च

शब्दाः प्रबभूवु [TNTIS, 1962, p. 211. Электронный ресурс]. कुशारोपणं – глагольное имя действия «распятие» в форме Винительного падежа единственного числа, по значению эквивалентно инфинитиву «распать». तस्य – Родительный падеж местоимения «он», «его» – значение принадлежности. Конструкцию одновременно можно считать аналогом индоевропейского Винительного с инфинитивом и семитской генетивной конструкции. Букв. перевод: «(продолжали требовать) **его распятия**».

(OE), (AE), (KE) – пример отсутствует.

(МЕ) ОНИ ЖЕ ПРИЛЕЖААХЪ ГЛАСЫ ВЕЛИКЫ ПРОСАЩЕ ЕГО НА РАСПАТИЕ [МЕ, 1983, с. 169].

(ЧНЗ) оий належаоу глґсты великими. просаще ї распати [ЧНЗ, 2001, с. 131].

(ГБ) ѿни же прилежаахѹ гл҃҃сы великими просаше его на распатїе [ГБ,
1992, с. 283].

(ОБ) они же прилежах^ъ гласы великими, просаще его на распатіе [ОБ, 1988, л^ъ и мв].

(М.Б.) они же прилѣжахѹ гласы великими, просаше его на распатіе [МБ, 1698, с. тмѹ].

(ЕБ) они же прилѣжахѹ гласы великими, просаще его на распатіе [ЕБ, 1757, с. рлѹ].

(НЗ, 1823) Но они настояли, с великим криком **требуя, чтобы Он был распят** [НЗ, 1823, с. 602].

(Русск.) Но они продолжали с великим криком **требовать, чтобы Он был распят** [БК, 1997, с. 96].

Г.7. Абсолютные обороты с обстоятельственным значением

Ветхий Завет

Бытие 38:1

(Русск.) **В то время** Иуда отошел от братьев своих и поселился близ одного Одолламителя, которому имя: Хира [БК, 1997, с. 41].

(Древнеевр.)

וַיְהִי בְּעֵת הַהוּא, וַיֵּרֶד יְהוּדָה מֵאֶת הָאֲחָיו; וַיֵּשֶׁב-בְּעָרֹץ שֵׁשׁ-טָדָה, וּשְׁמוֹ הִירָה.

[BH, 1997, s. 61].

(SG) ἐγένετο δὲ ἐν τῷ καιρῷ ἐκείνῳ κατέβη Ιουδας ἀπὸ τῶν ἀδελφῶν αὐτοῦ καὶ ἀφίκετο ἕως πρὸς ἄνθρωπόν τινα Οδολλαμίτην ᾧ ὄνομα Ιρας [SG, 1979, s. 61].

(BSV) **eo tempore** descendens Iudas a fratribus suis divertit ad virum odollamitem nomine Hiram [BSV, 1994, s. 56].

(БЦС) **Кѣистъ же въ то время**, ѿнде іѡда ѿ братѣи своѣѡ и прѣнде къ челоѡѡкъ нѡкоѡмѡ оѡдолламѣтнѡ, емѡже нмѡ іраѡ [БЦС, 2012, с. ѡз].

(Болг.) **В онова време** Иуда се отдели от братята си и се посели близо до един одоламитец, на име Хира [Библия на разных языках, Электронный ресурс].

(Сербск.) **А у то време** догоди се, те Јуда отиде од браће своје и уврати се код неког Одоламејца, коме име беше Ирас [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) **W owym czasie** Juda opuścił swych braci i wkroczył ku dolinie zaszedł do pewnego mieszkańca miasta Adullam, imieniem Chira [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) **Stalo se pak v ten čas**, že sstupuje Juda od bratří svých, uchýlil se k muži Odolamitskému, jehož jméno bylo Híra [ВČ, 2006, s. 49].

(Англ.) **And it came to pass at that time**, that Judah went down from his brethren, and turned in to a certain Adullamite, whose name was Hirah [TB, 1997, p. 47].

(Нем.) **Und es geschah in jener Zeit**, daß Juda von seinen Brüdern hinabzog und zu einem Mann von Adullam einkehrte, dessen Name war Hira [GNB, 2000, s. 40].

(Франц.) **En ce temps-là**, Juda s'éloigna de ses frères, et se retira vers un homme d'Adullam, nommé Hira [LB, 2004, p. 60].

Бытие, 37, 28

(Русск.) **И, когда проходили купцы** Мадиямские, вытащили Иосифа из рва и продали Иосифа Измаильтянам за двадцать сребренников; а они отвели Иосифа в Египет [БК, 1997, с. 41].

(Древнеевр.)

כח ויעברו אנשים מדינים סחרים, וימשכו ויגלו את-יוסף מן-הבור, וימכרו את-יוסף לשׁממלם,
בשערים צד; ויביאו את-יוסף, מצרימה.

[BH, 1997, s. 61].

(SG) καὶ παρεπορεύοντο οἱ ἄνθρωποι οἱ Μαδιηναῖοι οἱ ἔμποροι καὶ ἐξείλκυσαν καὶ ἀνεβίβασαν τὸν Ἰωσήφ ἐκ τοῦ λάκκου καὶ ἀπέδοντο τὸν Ἰωσήφ τοῖς Ἰσμηλίταις εἴκοσι χρυσῶν καὶ κατήγαγον τὸν Ἰωσήφ εἰς Αἴγυπτον [SG, 1979, s. 60].

(BSV) **et praetereuntibus Madianitis negotiatoribus** extrahentes eum de cisterna vendiderunt Ismahelitis viginti argenteis qui duxerunt eum in Aegyptum [BSV, 1994, s. 55].

(БЦС) **И мимондóша челоѡѡцы мадїámстїи кѡпцы**: и извлекóша и возведóша і́ѡсифа из рóва, и прода́ша і́ѡсифа ісмáильтянѡмъ на двáдесѡть златницъ. Ї поведóша і́ѡсифа во є́гýпетъ [БЦС, 2012, с. ѡз].

(Болг.) **И, като минаваха мадиямските търговци**, извадиха Иосифа от рова и го продадоха на измаилтяните за дваисет сребърника; а те отведоха Иосифа в Египет [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) **Па кад трговци мадијански бежу поред њих**, они извукоше и извадише Јосифа из јаме, и продадоше Јосифа Исмаиљцима за двадесет сребрника; и они одведоше Јосифа у Мисир [Библија на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) **gdy kupcy madianiccy ich mijali**, wycignwszy spiesznie Jyzefa ze studni, sprzedali go Izmaelitom za dwadziecia [sztuk] srebra, a ci zabrali go z sob do Egiptu [Библија на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) **Když pak mimo ně jeli muži ti, kupci Madianští**, vytáhli a vyvedli Jozefa z té čisterny, a prodali jej Izmaelitským za dvadceti stříbrných. Ti zavedli Jozefa do Egypta [ВČ, 2006, s. 49].

(Англ.) **Then there passed by Midianites merchantmen**; and they drew and lifted up Joseph out of the pit, and sold Joseph to the Ishmeelites for twenty pieces of silver: and they brought Joseph into Egypt [TB, 1997, p. 47].

(Нем.) **Da kamen midianitische Männer vorüber**, Händler, und sie zogen [ihn] heraus und holten Joseph aus der Zisterne herauf. Und sie verkauften Joseph an die Ismaeliter für zwanzig Silber[-Schekel]. Und sie brachten Joseph nach Ägypten [GNB, 2000, p. 40].

(Франц.) **Au passage des marchands madianites**, ils tirèrent et firent remonter Joseph hors de la citerne; et ils le vendirent pour vingt sicles d'argent aux Ismaélites, qui l'emmenèrent en Égypte [LB, 2004, p. 60].

Исход 9:29

Склоняемый инфинитив с предлогом k(e) в древнееврейском тексте.

(Русск.) Моисей сказал ему: **как скоро я выйду из города**, простру руки мои к Господу [на небо], [БК, 1997, с. 66].

(Древнеевр.)

כַּצְאֲתִי אֶת הָעִיר אֶפְרָשׁ אֶת כְּפִי אֶל ה'
[BH, 1997, s. 100].

(SG) εἶπεν δὲ αὐτῷ Μωυσῆς ὥς ἂν ἐξέλθω τὴν πόλιν ἐκτετάσω τὰς χεῖράς μου πρὸς κύριον καὶ αἱ φωναὶ παύσονται καὶ ἡ χάλαζα καὶ ὁ ὑετὸς οὐκ ἔσται ἔτι ἵνα γινῶς ὅτι τοῦ κυρίου ἡ γῆ [SG, 1979, s. 101].

(BSV) ait Moses **cum egressus fuero de urbe** extendam palmas meas ad Dominum et cessabunt tonitrua et grando non erit ut scias quia Domini est terra [BSV, 1994, s. 88].

(БЦС) рече же еѣмъ мѡѡсей: **егда изыдѣши изъ града**, прострѣши руки свои ко гдѣ... [БЦС, 2012, с. ѡѣ].

(Болг.) Моисей му рече: **щом изляза от града**, ще простра ръцете си към Господа (на небето), и гръмовете ще престанат, и град (и дъжд) няма да има вече, за да познаеш, че земята е Господня [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) А Мојсије му рече: **Кад изађем иза града**, раширићу руке своје ка Господу, а громови ће престати и града неће више бити, да знаш да је Господња земља [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) Odpowiedziai mu Mojżesz: **Gdy wyjdę z miasta**, wyciągnę dionie do Pana. Grzmoty ustan, a gradu nie będzie więcej, by poznał, że ziemia należy do Pana [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) I řekl jemu Mojžíš: **Když vyjdu ven z města**, rozprostru ruce své k Hospodinu, a hřímání přestane, i krupobití více nebude, abys poznal, že Hospodinova jest země [BČ, 2006, s. 79].

(Англ.) And Moses said unto him, **As soon as I am gone out of the city**, I will spread abroad my hands unto the LORD; and the thunder shall cease, neither shall there be any more hail; that thou mayest know how that the earth is the LORD's [TB, 1997, p. 76].

(Нем.) Da sagte Mose zu ihm: **Sobald ich zur Stadt hinausgehe**, will ich meine Hände zum HERRN ausbreiten: der Donner wird aufhören, und der Hagel wird nicht mehr fallen, damit du erkennst, daß die Erde dem HERRN gehört [GNB, 2000, s. 64].

(Франц.) Moïse lui dit: **Quand je sortirai de la ville**, je lèverai mes mains vers l'Éternel, les tonnerres cesseront et il n'y aura plus de grêle, afin que tu saches que la terre est à l'Éternel [LB, 2004, p. 87].

Бытие, 50, 4

(Русск.) **Когда же прошли дни плача по нем**, Иосиф сказал придворным фараона, говоря: если я обрел благоволение в очах ваших, то скажите фараону так [БК, 1997, с. 56].

(Древнеевр.)

וַיַּעֲבֹר, יָמֵי בְכִיתוֹ, וַיֵּצֵר יוֹסֵף, אֶל-בֵּית פַּרְעֹה לְאֹמֶר: אִם-נָא נִצְאָתִי חַן, בְּעֵינֶיכֶם--וַיִּבְרָךְ-נָא, בְּיָמָיו פַּרְעֹה לְאֹמֶר.

[BH, 1997, s. 84].

(SG) ἐπειδὴ δὲ παρήλθον αἱ ἡμέραι τοῦ πένθους ἐλάλησεν Ἰωσήφ πρὸς τοὺς δυνάστας Φαραῶ λέγων εἰ εὖρον χάριν ἐναντίον ὑμῶν λαλήσατε περὶ ἐμοῦ εἰς τὰ ὦτα Φαραῶ λέγοντες [SG, 1979, s. 84].

(BSV) **et expleto planctus tempore** locutus est Ioseph ad familiam Pharaonis si inveni gratiam in conspectu vestro loquimini in auribus Pharaonis [BSV, 1994, s. 75].

(БЦС) **Ћгда́ же прендо́ша дніе пла́ча**, глаго́ла і́ўсифъ ко вельмо́жамъ фара́оновымъ, глаго́ла: а́ще ѿвѣ́стоуъ благода́ть пред ва́ми, рцы́те ѿ мнѣ во о́ушы фара́оноу, глаго́люще [БЦС, 2012, с. 34].

(Болг.) **И когато изминаха дните на плач за него**, Иосиф рече на фараоновите придворни, думайки: ако съм спечелил благоволение пред вашите очи, кажете на фараона тъй [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Сербск.) **А кад прођоше жалосни дани**, рече Јосиф домашњима Фараоновим говорећи: Ако сам нашао милост пред вама, говорите Фараону и реците [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Польск.) **Kiedy za skoczzyi się okres żałoby po nim**, Jyzef zwrycii się do otoczenia faraona z następującą prośbą: Jeśli darzycie mnie łaski, powiedzcie samemu

faraonowi [Библия на разных языках. Электронный ресурс].

(Чешск.) **Když pak dnové pláče toho pominuli**, mluvil Jozef k domu Faraonovu, řka: Jestliže jsem nyní našel milost před očima vašima, mluvte, prosím, v uši Faraonovy, a řcete [BČ, 2006, s. 66].

(Англ.) **And when the days of his mourning were past**, Joseph spake unto the house of Pharaoh, saying, If now I have found grace in your eyes, speak, I pray you, in the ears of Pharaoh, saying [TB, 1997, p. 64].

(Нем.) **Und als die Tage, da man ihn beweinte**, vorüber waren, redete Joseph zum Haus des Pharaos und sagte: Wenn ich doch Gunst gefunden habe in euren Augen, so redet doch vor den Ohren des Pharaos und sagt [GNB, 2000, s. 53].

(Франц.) **Quand les jours du deuil furent passés**, Joseph s'adressa aux gens de la maison de Pharaon, et leur dit: Si j'ai trouvé grâce à vos yeux, rapportez, je vous prie, à Pharaon ce que je vous dis [LB, 2004, p. 75].

Новый Завет

Мк. 4:17

(ΚΔ) καὶ οὐκ ἔχουσιν ῥίζαν ἐν ἑαυτοῖς ἀλλὰ πρόσκαιροί εἰσιν· εἴτα γενομένης θλίψεως ἢ διωγμοῦ διὰ τὸν λόγον εὐθὺς σκανδαλίζονται [ΚΔ, 1993, s. 80].

(BSV) et non habent radicem in se sed temporales sunt deinde **orta tribulatione et persecutione** propter verbum confestim scandalizanturpa [BSV, 1994, s. 1580].

(Санскр.) ततः पर वाक्यहेतुना क्लेश उपद्रवे वोत्पन्ने ते सद्यः स्वन्ति [TNTIS, 1962, p. 90,

Электронный ресурс]. **उपद्रवे वोत्पन्ने** – Абсолютный локатив.

(OE), (AE), (KE) – пример отсутствует.

(МЕ) и не имѣють корене въ себѣ нѣ малого дѣни соуть по томѣ же вѣвши скѣрби или изгѣнанію слова дѣла двіе съблзнятсѧ [МЕ, 1983, с. 97].

(ЧНЗ) і не імоу^т водѣ в со^б, но прѣвременни соу^т. таѣ вѣвши скорби. ли гоненію сл^ова ра^ди двѣ съблзняютсѧ^с [ЧНЗ, 2001, с. 71].

(ГБ) не имѣтъ кореніа в себѣ но временни сѣтъ та же вѣвши пѣуали или гоненію словесе ради двѣ съблзняютсѧ [ГБ, 1992, с. 134].

(ОБ) не имѣтъ кореніа в себѣ, но временни сѣтъ та же вѣвши пѣуали или гоненію словесе ради, двѣ съблзняютсѧ [ОБ, 1988, л^ѣи нѣб.].

(МБ) и не имѣтъ кореніа в себѣ но привременни сѣтъ таже вѣвши пѣуали, или гоненію словесе ради двѣ съблзняютсѧ [МБ, 1698, с. рнѣ].

(ЕБ) не имѣтъ кореніа в себѣ но привременни сѣтъ, таже вѣвши пѣуали или гоненію словесе ради, двѣ съблзняютсѧ [ЕБ, 1757, с. ѡг].

(НЗ, 1823) Но не имѣють корня въ себѣ, а непостоянны: потомѣ, когда бываетъ скорбѣ или гоненіе за слово, тотчасъ соблзняются [НЗ, 1823, с. 252].

(Русск.) Но не имеютъ в себѣ корня и непостоянны; потом, когда настанетъ скорбѣ или гонение за слово, тотчасъ соблзняются [БК, 1997, с. 42].

Лк. 21:28

(КД) ἀρχομένων δὲ τούτων γίνεσθαι ἀνακύψατε καὶ ἐπάρατε τὰς κεφαλὰς ὑμῶν, διότι ἐγγίζει ἡ ἀπολύτρωσις ὑμῶν [КД, 1993, с. 173].

(BSV) **his autem fieri incipientibus** respicite et levate capita vestra quoniam adpropinquat redemptio vestra [BSV, 1994, s. 1650].

(Санскр.) एतत्सम्मवस्यारम्भे तु यूयमूर्द्धोभूय शिरांस्युच्चीकुरुत । यतो युष्माकं मुक्तिरासन्ना [TNTIS, 1962, р. 204. Электронный ресурс]. В составе слитной формы एतत्सम्मवस्यारम्भे усеченный Абсолютный локатив: (букв.) «когда этому подобное сущим начнет становиться».

(ОЕ), (АЕ), (КЕ), (МЕ) – пример отсутствует.

(ЧНЗ) ниунаюши^и же си^и б^иыва^и в^исклоните^с і в^издвигните г^ил^ивы ва^и [ЧНЗ, 2001, с. 128].

(ГБ) науинающе^и же симъ б^иытии, в^иъсклонитесѧ и в^иъз^двигните главы ва^иша [ГБ, 1992, с. 275].

(ОБ) науинающимъ же симъ б^иывати, в^иъс^ъклонитесѧ и в^иъз^двигните главы ва^иш - [ОБ, 1988, л^ии моб.].

(МБ) науинающымъ же симъ б^иывати, в^иосклонитесѧ, и в^иоз^двигните главы ва^иш - [МБ, 1698, с. тлѧ].

(ЕБ) науинающымъ же симъ б^иывати, в^исклонитесѧ и в^иоз^двигните главы ва^иш - [ЕБ, 1757, с. рлѧ].

(НЗ, 1823) Когда же начнет сие сбываться, тогда восклонитесь, и поднимите головы ваши [НЗ, 1823, с. 582].

(Русск.) Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши [БК, 1997, с. 28].

Г.8. Субстантивация

Новый Завет

Лк. 5:1

(ΚΔ) Ε'γένετο δὲ ἐν τῷ τὸν ὄχλον ἐπικείσθαι αὐτῷ **τοῦ ἀκούειν** τὸν λόγον τοῦ Θεοῦ καὶ αὐτός ἦν ἐστὼς παρα τὴν λίμνην Γεννησαρέτ, καὶ εἶδε δύο ἐστῶτα (...) [ΚΔ, 1993? s. 127].

(BSV) Factum est autem cum turbae inruerent in eum **ut audirent verbum Dei** et ipse stabat secus stagnum Gennesareth et vidit duas naves (...) [BSV, 1994, s. 1614].

(Санскр.) एकदेश्वरस्य वावयं श्रोतुं जननिवहस्तमाकुलयत् स च गिनेषरताव्यहदस्य तोरेऽतिष्ठत् [TNTIS, 1962, p. 147. Электронный ресурс].

(OE), (AE), (ME), (KE) – пример отсутствует.

(ЧНЗ) Бѣ́ же вѣ́гда наро́дѣ належа́ти е́мь. ꙗ́ слы́шати сло́во бѣ́же. ꙗ́ тѣ́ бѣ́ стоа́ при е́зерѣ́ геннисаре́т (...) [ЧНЗ, 2001, с. 99].

(ГБ)

бѣ́ ꙗ́ же належа́щюу́ е́мь наро́доу да́ быша́ слы́шали сло́во бѣ́же. ꙗ́ то бѣ́ стоа́ при е́зерѣ́ геннисаре́тѣ (...) [ГБ, 1992, с. 208].

(ОБ)

бѣ́сть же на лежа́щѣ е́мѣ наро́дѣ, да́ бѣ́ша слы́шали сло́во бѣ́же, ꙗ́ тои бѣ́ ст оа́ прѣ́ е́зерѣ́ геннисаре́тѣ (...) [ОБ, 1988, лѣ́и кѣоб.].

(МБ)

бѣ́сть же належа́щѣ е́мѣ наро́дѣ, да́ бѣ́ша слы́шали сло́во бѣ́же, ꙗ́ тои бѣ́ ст оа́ при е́зерѣ́ геннисаре́тѣ (...) [МБ, 1698, с. снѣ].

(ЕБ)

бѣ́сть же належа́щѣ е́мѣ наро́дѣ, да́ бѣ́ша слы́шали сло́во бѣ́же, ꙗ́ тои бѣ́ ст оа́ при е́зерѣ́ Геннисаре́тѣ (...) [ЕБ, 1757, с. р].

(НЗ, 1823) Однажды, когда Иисус стоял у озера Геннисаретского, и народ теснился около Его, **желая слышать Слово Божие** (...) [НЗ, 1823, с. 411].

(Русск.) Однажды, когда народ теснился к Нему, **чтобы слышать слово Божие**, а Он стоял у озера Геннисаретского (...) [БК, 1997, с. 67].

Лк. 22:2

(ΚΔ) καὶ ἐζήτουν οἱ ἀρχιερεῖς καὶ οἱ γραμματεῖς **τὸ πῶς ἀνέλωσιν αὐτόν** [ΚΔ, 1993, s. 174].

(BSV) Et quaerebant principes sacerdotum et scribae **quomodo eum interficerent** [BSV, 1994, s. 1650].

(Санскр.) **मुख्ययाजकाः शास्त्राध्यापकाश्च यीशो व्यापादनस्योपायमगवेषयन् । यतस्ते जनेभ्यो भीता आसन्** [TNTIS, 1962, p. 205, Электронный ресурс].

(OE), (KE) – пример отсутствует.

(AE) и **искаахоу архиереи и книжници. како љго бѣша оубили** [AE, 1997, л. 89 об.].

(ME)

и **искаахоу старѣшинѣ жрьчѣскѣ и книжници како и бѣша оубили** [ME, 1983, с. 142].

(ЧНЗ) и **искахѹ архѣрѣи ꙗ книжници. ка ꙗ погубѣа** и [ЧНЗ, 2001, с. 128].

(ГБ) и **искаахоу архїерее и книжници, како бѣша оубили его** [ГБ, 1992, с. 276].

(ОБ) ꙗко и҃скахѹ архїерее и книжницы, како быша оубили его [ОБ, 1988, лѣи ма].

(МБ) и и҃скахѹ архїерее и книжницы, како быша оубили его [МБ, 1698, с. тм].

(ЕБ) И и҃скахѹ архїерее и книжницы, како бы оубили его [ЕБ, 1757, с. рлѣ].

(НЗ,1823) И искали первосвященники и книжники, как бы убить Его [НЗ, 1823, с. 584].

(Русск.) И искали первосвященники и книжники, как бы погубить Его [БК, 1997, с. 93].

Мф. 24:45

(КД) Τίς ἄρα ἐστὶν ὁ πιστὸς δοῦλος καὶ φρόνιμος, ὃν κατέστησεν ὁ κύριος αὐτοῦ ἐπὶ τῆς θεραπείας αὐτοῦ τοῦ διδόναι αὐτοῖς τὴν τροφήν ἐν καιρῷ [КД, 1993, s. 59].

(BSV) Quis putas est fidelis servus et prudens quem constituit dominus suus supra familiam suam **ut det illis cibum in tempore** [BSV, 1994, s. 1565].

(Санскр.) को वु खलु स विश्वस्तो बुद्धिमांश्च दासो यो यथासमये भृत्येभ्यो भक्ष्यावितरणाय स्वाभिना स्वभृत्येष्वधिकृत [TNTIS, 1962, p. 64. Электронный ресурс].

(ОЕ) кѣто оубо ꙗсть вѣрныи рабѣ и мѣдрѣ ꙗго же поставитъ господь н адѣ домомѣ своимѣ да дастъ имѣ вѣврѣма пищѣ ихѣ [ОЕ, 1998, л. 226].

(АЕ) – пример отсутствует.

(МЕ) кто оубо ꙗсть вѣрныи рабѣ и моудрѣ ꙗго же постави г҃нѣ надѣ домѣ своимѣ. да дастъ имѣ пищю вѣ годѣ [МЕ, 1983, с. 186].

(КЕ) кто оубо естъ вѣрныи рабъ и мѣдрѣи. его же поставитъ г*ь надъ домомъ своимъ да дастъ имъ пишѣ въ время ихъ [КЕ, 1986, л. 65].

(ЧНЗ) Кто оуѣ ѣ вѣрныи раѣ і смѣсленныи. егѣ постави гѣнь свои на ѹелѣю свое(ю).
дати и пишю в время [ЧНЗ, 2001, с. 59].

(ГБ) кто оубо еѣ вѣрныи рабъ и моуѣрѣи. его же поставитъ господинъ его на домомъ своимъ. еже дати имъ пишѣ въ время ихъ [ГБ, 1992, с. 95].

(ОБ) кто оубо естъ вѣрныи рѣбъ и мѣдрѣи. его же поставитъ господинъ его на домомъ своимъ. еже дати имъ пишѣ въ время ихъ [ОБ, 1988, лѣи дѣ]

(М.Б.) кто оубо естъ вѣрныи рабъ и мѣдрѣи, егоже поставитъ гѣдинъ егѣ над домомъ своимъ. еже дати имъ пишѣ во время ихъ [МБ, 1698, с. рѣи].

(ЕБ) кто оубо естъ вѣрныи рабъ и мѣдрѣи, егоже поставитъ гѣдинъ егѣ над домомъ своимъ, еже дати имъ пишѣ во время ихъ [ЕБ, 1757, с. мѣ].

(НЗ, 1823) Кто же верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу во время? [НЗ, 1823, с. 180].

(Русск.) Кто же верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу вовремя? [БК, 1997, с. 30].

Приложение Д.

Краткое описание языков, использованных в диссертации

1. **Авестийский язык** — язык Авесты, священной книги зороастризма. В прошлом этот язык ошибочно называли зендским. Авеста написана на двух диалектах: языке Гат — гимнов, автором которых предположительно является сам Заратуштра (Зороастр), и на позднеавестийском — остальной части книги (так

называемая Младшая Авеста), записанной на языке, на котором к тому времени, по-видимому, уже не говорили.

Авестийский принадлежит к индоиранской ветви индоевропейских языков (иранской подгруппе). Авестийский – язык с богатой системой словоизменения; диалект Гат близок к языку Ригведы. Ученые датируют Гат приблизительно VII в. до н. э., а более позднюю часть Авесты – V в. до н. э. На авестийском языке говорили в восточной части территории современного Ирана, вероятно в районе Мервского оазиса. Хотя Авеста могла быть записана разными вариантами арамейского алфавита, она безусловно передавалась в устной форме, как это обычно происходило со священными текстами на Древнем Востоке. Авестийское письмо, восходящее к пехлевийскому, было разработано в V в. до н. э. специально для священных текстов. Самые древние списки Авесты датируются XIX в. до н. э. Авеста была сохранена до наших дней последователями зороастризма – парсами, живущими преимущественно в Бомбее, и их иранскими единомышленниками в Йезде и Кермане [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

2. Аккадский язык, или ассиро-вавилонский язык – язык семитской ветви афразийской языковой макросемьи, на котором говорили в Месопотамии, по меньшей мере, с III тысячелетия до н. э. и вплоть до начала нашей эры. По классификации И.М. Дьяконова, образует северо-периферийную, или северо-восточную группу семитских языков. Первые следы аккадского языка обнаруживаются в клинописных надписях на шумерском языке (древний несемитский язык Месопотамии, вымерший к началу II тысячелетия до н. э.; клинопись была изобретена именно шумерами), датируемых примерно 3000 г. до н. э. Это личные имена и слова, заимствованные шумерами из аккадского языка. С возникновением первого аккадского государства и его последующей экспансии при царе Саргоне и его преемниках (около 2341–2160 гг. до н. э.) на староаккадском языке – этот термин применяется к аккадскому языку III тысячелетия до н. э. – стали говорить и писать на обширной территории от Аккада (район современного Багдада) на юге до Ассирии (район современного Мосула)

на севере. Кроме того, в это же время староаккадский язык стал постепенно распространяться по территории Шумера на юге Месопотамии и по территории Элама, восточного соседа аккадцев. Последовавшее возрождение шумерского господства, длившееся примерно два столетия, некоторое время грозило положить конец аккадской экспансии, однако новые нашествия семитских народов около 2000 г. до н. э. привели к полному вытеснению шумерского языка аккадским, который стал официальным на всей территории Месопотамии. Для письменной фиксации аккадского языка применялась словесно-слоговая клинопись, заимствованная у шумеров. Древнейший аккадский памятник датируется XXV в. до н. э., позднейшие – I в. н. э.; в последние века своего существования аккадский язык, вытесненный арамейским, использовался лишь в нескольких городах Вавилонии [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

3. Английский язык. В IX в. н. э. название «английский» (englisc) употреблялось для обозначения всех близкородственных германских диалектов, распространенных на Британских островах. В V–VI вв. н. э. в Британию через Северное море приплыли англ, саксы, юты и фризы, языки которых принадлежали к западной подгруппе германской группы индоевропейской языковой семьи. Современный английский наиболее близок к фризскому, фламандскому, нидерландскому и немецкому языкам (западногерманская подгруппа) и несколько отстоит от исландского, норвежского, датского и шведского языков (северогерманская подгруппа). В современном исландском языке сохранились некоторые особенности тысячелетней давности, утраченные в современном английском, в силу которых исландский более всех остальных живых языков похож на древнеанглийский [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

4. Арабский язык – обобщенное название различных диалектов и говоров, на которых говорят арабы (далее эти многочисленные устно-разговорные формы называются разговорным арабским языком, сокращенно РАЯ), а также общего

для них литературного языка (сокращенно ЛАЯ; за рубежом используется также термин «стандартный арабский»). Принадлежит к афразийской языковой макросемье (афразийская макросемья языков включает шесть семей языков, имеющих признаки общего происхождения; семитские языки – наиболее многочисленная из афразийских языковых семей; представлена современными живыми языками, распространенными на территории Арабского Востока, в Израиле, Эфиопии и Северной Африке). Именно существованием ЛАЯ в качестве общей наддиалектной формы и ее высоким престижем (это, прежде всего, язык Корана, а также огромная по объему и времени существования литература) в сочетании с общим этническим самосознанием обусловлено признание сильно различающихся арабских территориальных диалектов – общим числом более 30 – единым языком [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

5. Арамейский язык – язык арамеев, семитских племен, пришедших в Сирию и Северную Месопотамию с юга в конце I тысячелетия до н. э. и почти полностью ассимилировавших более раннее хуррито-аморейское население этих исторических территорий. Во всем разнообразии своих исторических вариантов и территориальных диалектов арамейский язык (иногда говорят об арамейских языках) образует, по классификации И.М. Дьяконова, отдельную подгруппу в составе северо-центральной группы семитских языков (афразийская макросемья). В составе арамейской подгруппы выделяются староарамейский язык надписей IX–VII вв. до н. э., обнаруженных в Дамаске и некоторых других местах; «имперский арамейский», бывший официальным канцелярским языком Ахеменидов в VI–IV вв. до н. э., а также многочисленные арамейские диалекты, объединяемые под названием «западных» (пальмирский, набатейский, иудео-палестинский, самаритянский) и «восточных» (сирийский, или эдесский, на котором имеется богатая литература; язык Вавилонского Талмуда IV–VI вв. н. э.; современный ассирийский, или новосирийский, язык, носители которого, около 350 тыс. человек, живут в диаспоре в странах Ближнего Востока, бывш. СССР, США и др.) [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

6. Белорусский язык – один из трех восточнославянских языков наряду с украинским и русским. Употребляется почти исключительно в Беларуси. Белорусский язык, как и украинский, выделился из древнерусского языка в XIV в. При великом князе Гедимине был государственным языком Литвы; позже, после присоединения территории Литвы к России, утратил свое значение [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

7. Болгарский язык – государственный язык республики Болгария, на котором говорит большинство жителей этой страны. Вместе с сербскохорватским, словенским и македонским языками входит в подгруппу южнославянских языков. Более 11 млн носителей болгарского языка проживают в Болгарии и на прилегающих к ней территориях Турции, Греции, Югославии и Македонии, а также в районах Добруджа и Банат в Румынии; некоторое количество говорящих живет на Украине и в Молдавии [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

8. Бретонский язык – кельтский язык Бретани. На бретонском языке говорят около 700 тыс. человек, живущих во Франции западнее линии Сен-Бриё – Сен-Назер, в департаментах Финистер, Кот-дю-Нор и Морбиан; еще около полумиллиона человек во Франции и несколько десятков тысяч в США владеют бретонским языком, но не пользуются им в повседневном общении. Различается четыре диалекта: леонский на северо-западе, трегьерский на северо-востоке, корнуайский на юго-западе и ваннский на юго-востоке. Последний сильно отличается от трех остальных – прежде всего местом ударения, которое в ваннском диалекте падает на последний слог (как во французском), в то время как в остальных диалектах бретонского оно падает на предпоследний слог (как в валлийском) [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

9. Греческий койне. Койне (от греч. *koine diálektos* – общий язык), общегреческий язык, сложившийся в IV в. до н. э. на основе аттического диалекта древнегреческого языка с элементами ионического диалекта и во

второй половине I тысячелетия н. э. распавшийся на ряд диалектов, которые легли в основу современных диалектов греческого языка [БСЭ. Электронный ресурс]. **Кoine Септуагинты и Нового Завета.** С лингвистической точки зрения особенность греческого языка Ветхого Завета состоит в том, что он представляет собой адаптацию к языку совсем иной системы и одновременно является иллюстрацией лабильности греческого языка, отражавшего грамматические и лексические семитизмы. Язык Ветхого Завета является наиболее точным выражением сути греческого койне. Лабильность и многовариантность – характерная черта и греческого языка Нового Завета, который можно определить как сложное явление, представлявшее разновременность создания частей канона и влияние греческих диалектов и соседних языков, в первую очередь арамейского и древнееврейского. Хотя в Новом Завете присутствует разговорный язык со своими особенностями и тенденциями развития, греческий язык Нового Завета нельзя считать отражением просторечия. Тексты Нового Завета различны по стилистике: проповеди, рассказы, притчи, послания и др., в них используются риторические приемы, присущие именно развитому литературному языку. Койне оставалось языком христианской литературы до середины II в. [Православная энциклопедия. Электронный ресурс].

10. **Датский язык** – язык, на котором говорят жители Дании: полуострова Ютландия и островов, включая о. Борнхольм. В южной Ютландии (Шлезвиг-Гольштейн, ФРГ), где датский язык соседствует с фризским и нижненемецким, по-датски говорят также несколько тысяч человек с юга от немецкой границы, установленной в 1918 г. Раньше по-датски говорили также в Швеции – в областях Сконе, Блекинге и Халланд (до 1658 г.), в Норвегии (приблизительно с 1550 до 1814 г.); в качестве второго языка датский использовался в Исландии, на Фарерских островах и в Гренландии. По-датски до сих пор много читают во всех упомянутых областях, хотя только две последние из них по-прежнему являются частью Датского Королевства. В 1991 г. 5,1 млн человек говорили по-датски в

Дании и, согласно датской статистике, 60 тыс. человек говорили по-датски в Шлезвиг-Гольштейне; на Фарерских островах насчитывается 47 тыс. жителей, говорящих по-датски [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

11. Древнегреческий язык, или язык древних эллинов, во времена расцвета Эллады не ограничивался пределами собственно Греции и относящихся к ней островов, но был распространен и в значительной части Малой Азии, в южной Италии (которая поэтому называлась «великою Грециею»), в Сицилии и на всем обширном протяжении греческих колоний. Древнегреческий язык принадлежит к южноевропейской отрасли индоевропейских языков, разветвившейся на греческий и итальянский языки. В гомеровском эпосе, первом значительном древнегреческом литературном произведении, древнегреческий язык является уже в совершенном виде. В древнегреческом языке было несколько диалектов – в историческое время три: эолический, дорический и ионический. Эолический диалект, господствовавший главным образом в Беотии, Фессалии, Македонии и эолических колониях Малой Азии, сохранил наибольшее количество древних форм, но представляет наибольшее количество вариаций говора [Энциклопедия Брокгауза и Ефрона, Электронный ресурс], начиная с эллинистической эпохи, когда греческий язык стал универсальным средством общения в огромном географическом ареале [Нелюбин, Хухуни, 2012. С. 41. Электронный ресурс].

12. Древнееврейский язык (библейский иврит), или древнеизраильский, на котором говорили древние евреи Палестины XV–XIV вв. до христианской эры, принадлежит к системе семитических языков и является наиболее известным нам наречием древнееврейско-финикийского или ханаанейского языка. Наиболее важные и наиболее многочисленные памятники древнееврейского языка сохранились в Библии. С появлением на Ближнем Востоке в качестве крупной экономической и политической силы арамейцев, владевших главными торговыми путями, древнееврейский язык начинает постепенно вытесняться арамейским, в особенности начиная с персидской эпохи, когда арамейский язык

стал официальным языком западной части Персидского государства. Значительно быстрее процесс вытеснения древнееврейского языка пошел со времени Александра Македонского, когда евреи, эмигрировавшие из Палестины, стали говорить в Египте и Малой Азии на греческом языке, а в Месопотамии – на арамейском. В Палестине же процесс вытеснения шел несколько медленнее. В эту эпоху древнееврейский язык уже несколько изменился; в нем появляются новые морфологические и синтаксические факты, много слов, заимствованных из арамейского, греческого и латинского языков. Однако в I в. до христианской эры и здесь еврейское население городов говорило уже по-арамейски, за исключением небольшой прослойки, имевшей отношение к культу и религиозным школам. Земледельческое же население, жившее натуральным хозяйством и оторванное от городов, продолжало говорить на древнееврейском языке значительно дольше; об этом свидетельствует богатая сельскохозяйственная терминология, встречающаяся в Мишне и других сборниках II и III вв. Начиная с IV в. древнееврейский язык окончательно перестает быть разговорным. В качестве же литературного языка и письменных сношений он продолжает употребляться и в последующие века и отчасти до последнего времени [Литературная энциклопедия. Электронный ресурс].

13. Древнеисландский язык. Язык, существовавший до середины XIV в., является прямым продолжением тех норвежских диалектов, на которых говорили выходцы из Норвегии, заселившие Исландию (IX–X вв.). Принадлежит к западно-скандинавской подгруппе германских языков. Первоначально не отличался от древненорвежского, назывался также *norðrønt mál* – «северная речь». Лишь с течением времени оба языка дифференцировались [БСЭ. Электронный ресурс].

14. Древнеперсидский язык, язык персидских племен эпохи Ахеменидов (VI–IV вв. до н. э.), известен по клинописным надписям царей Ахеменидской династии. Дополнительный материал дают древнеперсидские заимствования, а также собственные имена и названия в арамейском, эламском, аккадском и греческом языках. Древнеперсидский язык был распространен на территории

древней Персиды (юго-западная часть современного Ирана, современная провинция Фарс). По современной классификации иранских языков древнеперсидский относится к юго-западной группе иранских языков. К нему восходят среднеперсидский (пехлеви), новоперсидский (X–XVI вв.) и современные языки – таджикский, персидский и дари [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

15. Готский язык, один из древних германских языков, в настоящее время мертвый. Наименование языка связано с племенным названием готов и трансформацией этого этнонима в позднеантичных и раннесредневековых источниках. Самоназвание готов *gut- восстанавливается по засвидетельствованному в готском церковном календаре слову gutthiuda «(языческая) страна готов». Наименование языка связано с племенным названием готов и трансформацией этого этнонима в позднеантичных и раннесредневековых источниках [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

16. Иврит (современный). Иврит – язык части евреев, один из двух официальных языков Израиля. Относится к афразийской семье языков (семитская ветвь) [Современный толковый словарь. Электронный ресурс]. (С 1880-х гг. до наших дней.) Зачинателем современного иврита можно считать Менделе Мохер Сфарима. В произведениях, написанных после 1886 г., он создает новую стилистическую систему, основанную на использовании языковых богатств всех эпох истории иврита. Применение слов и оборотов Мишны, Гемары, мидрашей, Раши и молитв создает впечатление простого (как бы разговорного) стиля, ибо в сознании читателя того времени такие слова и обороты ассоциировались с местечком и разговорным языком (так как именно к этим источникам восходит ивритско-арамейский компонент языка идиш, пословицы, поговорки и крылатые слова, которыми была пересыпана речь местечкового еврея) [Электронная еврейская энциклопедия. Электронный ресурс].

17. Идиш – язык, на котором говорили (и частично продолжают говорить) ашкеназские евреи на протяжении последнего тысячелетия. Этот язык, образовавшийся как сплав компонентов разных языков, постепенно стал выполнять широкий спектр коммуникативных функций. Так как общество, использовавшее его, достигло одной из высших степеней культурной активности на своем разговорном языке, идиш представляет собой необычайно яркое свидетельство особенностей еврейской культуры. В течение веков идиш распространился на обширных территориях, и хотя региональные его варианты отличаются друг от друга, в письменном общении всегда соблюдались определенные нормы. Такая нормативность характеризует как старый литературный язык, господствовавший до начала XIX в., так и современный литературный идиш, развивавшийся как межрегиональный язык с середины прошлого века [Электронная еврейская энциклопедия. Электронный ресурс].

18. Ирландский язык – кельтский язык, на котором говорят в Ирландии, где он является официальным языком наряду с английским, около 600 тыс. человек, живущих на южном и западном побережье, а также в некоторых внутренних районах Ирландии и в Северной Ирландии. В истории ирландского языка отчетливо различаются три периода: древнеирландский – приблизительно до 900 г., среднеирландский – до конца XVII в. и затем – новоирландский [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

19. Испанский язык – язык, на котором говорит большинство жителей Испании, включая каталонцев, басков и галисийцев (которые обычно двуязычны). Испанским языком пользуются также в Мексике и во всей Центральной и Южной Америке, за исключением Бразилии, Гвианы и Суринама. Испанский является официальным языком Экваториальной Гвинеи, на нем говорят также в Западной Сахаре и Марокко. Кроме того, на испанском языке говорит часть населения Филиппин и Соединенных Штатов Америки. Распространенный в восточном Средиземноморье ладинский, или сефардский, язык представляет собой не что

иное, как архаичный испанский. Всего на испанском языке говорит около 300 млн человек [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

20. Итальянский язык – разговорный и официальный язык Италии. На итальянском языке говорят также в некоторых прилегающих к Италии районах – на Мальте и на Корсике, а также в кантоне Тичино в Швейцарии: итальянский является одним из четырех официальных языков Швейцарии. Итальянский язык широко используют – по крайней мере, понимают – во всем средиземноморском ареале. Итальянские эмигранты привезли свой язык во Францию, Германию, Бельгию, Люксембург, Швейцарию, Южную и Северную Америку. Таким образом, итальянским языком владеют около 65 млн человек. Итальянский относится к романской группе языков, т.е. произошел из разговорной латыни и имеет непрерывную устную традицию [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

21. Кельтские языки – группа языков индоевропейской семьи, на которых говорят в северной и северо-западной Шотландии, на Гебридских островах, в Ирландии, Уэльсе, Бретани, а также в канадском штате Новая Шотландия. Континентальные кельтские языки представлены галльским; островные языки делятся на две группы: бриттская, включающая валлийский, корнский и бретонский, и гойдельская, включающая ирландский, шотландский (гэльский, или гаэльский) и мэнский. Наиболее характерные признаки кельтских языков лежат в области фонетики. Многие особенности фонетики и морфологии в кельтских языках – общие с латынью и другими италийскими языками, т.е. среди индоевропейских языков кельтская группа ближе всего к италийской; есть также признаки, общие с индо-иранскими языками, с хеттским, с тохарским, и поэтому кельтские языки представляют особенный интерес для сравнительной грамматики индоевропейских языков [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

22. Корнский язык – кельтский язык полуострова Корнуолл. Кельтское население Корнуолла, как и валлийцы, – потомки древнего кельтского населения

Британии; корнский принадлежит к бриттской подгруппе кельтских языков, его ближайшими родственниками являются относящиеся к той же подгруппе бретонский и валлийский. Корнский язык перестал быть живым к концу XVIII в. Древнейшими свидетельствами этого языка являются имена вольноотпущенников, написанные на полях Бодминского Евангелия X в. Первый текст на корнском языке – поэма в 1036 строк о Страстях Господних, датируемая XV в., и несколько мистерий, относящихся к тому же времени. Корнский язык ближе к бретонскому, чем к валлийскому [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

23. Латгальский язык. Понятие «латгальский язык» имеет два значения: 1) язык, на котором говорили латгалы на большей части территории современной Латвии. Латгальский язык принадлежал к балтийской группе индоевропейской языковой семьи. Современный латышский язык произошел от смешения латгальского языка с некоторыми другими языками (например, куршским и семигальским); 2) в наши дни под латгальским языком обычно понимают язык, на котором говорят латгалы в Латгалии – восточной части Латвии. Часть лингвистов считают латгальский язык отдельным языком (третьим живым балтийским языком наряду с латышским и литовским), хотя в Латвии «письменный латгальский язык» официально считается «исторической разновидностью латышского языка» (цитируются формулировки Закона о языках), а латгальские говоры рассматривают как верхнелатышский диалект латышского языка [Bromance.ru. Электронный ресурс].

24. Латинский (классический, народный) – (латынь) – один из индоевропейских языков италийской группы, на котором – приблизительно с VI в. до н. э. по VI в. н. э. – говорили древние римляне и который был официальным языком Римской империи; вплоть до начала Нового времени – один из основных письменных языков западноевропейской науки, культуры и общественной жизни; официальный язык Ватикана и Римско-католической церкви (вплоть до середины XX в. использовавшийся в том числе и при католическом богослужении); язык

богате́йшей, более чем двухты́сячелетней литературной традиции, один из важнейших языков общечеловеческой культуры, в некоторых областях знания (медицина, биология, общенаучная терминология естественных и гуманитарных наук) продолжающий активно применяться и в настоящее время. Классический период – до I в. н. э. [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс]. Народная латынь – общеразговорный латинский язык населения Древнего Рима и провинций – по всей вероятности, была неоднородной, варьировавшейся в разных социальных слоях римского общества, а также в различных частях Римского государства [Античный мир: словарь-справочник, Электронный ресурс].

25. Латышский язык. Язык, на котором говорят около 2 млн человек, в основном на территории Латвии. Латышский язык является представителем балтийской группы индоевропейской семьи, к которой из живых языков относится еще только литовский. В целом латышский менее архаичен по сравнению с литовским, и некоторые латышские звуки и формы до сих пор сохраняются в литовском [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс]..

26. Литовский язык – представитель балтийской ветви индоевропейской языковой семьи. Основная область распространения – территория Литовской Республики, где он имеет статус государственного языка. Общее число жителей Литовской Республики, по данным переписи 1989 г., – 3,69 млн человек; из них для 79% литовский является родным языком. Кроме того, на литовском языке говорят литовцы, проживающие в США, Бразилии, Аргентине, Польше, Канаде, Великобритании, Австралии, Германии, Уругвае и некоторых других странах [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

27. Мандейский (классический). Классическим мандейским языком принято называть арамейский язык, употреблявшийся религиозно-этнической общиной мандеев. По одной из гипотез (в том числе и по преданию самих мандеев) формирование общины происходило в Палестине на рубеже эр, однако некоторые исследователи считают, что родиной мандейской общины является Месопотамия. Классический мандейский язык вместе с классическим сирийским

и иудейским вавилонским относят к восточной ветви арамейских языков [Немировская, 2009. С. 626].

28. Немецкий язык – государственный язык Федеративной Республики Германии (по данным 1990 г., – 75,3 млн говорящих), Австрии (7,5 млн), Лихтенштейна, а также один из государственных языков Швейцарии (4,6 млн говорящих, или 72,4 % населения) и Люксембурга. На немецком языке говорят также в ряде примыкающих к этим территориям областей – в провинции Альто-Адидже (Южный Тироль, Италия), в Эльзасе и части Лотарингии (Франция), в районах Эйпена, Мальмеди (Бельгия) и др. Значительные группы немецкоязычного населения проживают в США, Канаде, Бразилии, Аргентине, России, Казахстане, Польше, Румынии и других странах. Немецкий является родным языком примерно для 98 млн человек и одним из языков международного общения. Принадлежит к западногерманской подгруппе германской группы языков [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

29. Новогреческий язык, или современный греческий язык. Язык греков вместе с древнемакедонским языком входит в особую греческую группу (ветвь) индоевропейских языков. Число говорящих на греческом языке – свыше 9 млн человек. В истории греческого языка принято различать древнегреческий и новогреческий языки. В новое время на основе городских говоров Центральной Греции развивается общегреческий разговорный язык – димотика, противостоящий местным сельским диалектам (северо-греческому, южно-греческим) и письменному литературному языку, основанному на традиционных аттических нормах (так называемый кафаревуса – «очищенный») [БСЭ. Электронный ресурс].

30. Норвежский язык – язык, на котором говорят около 4 млн жителей Норвегии. Древненорвежский вместе с древнеисландским образуют западно-скандинавскую (или западно-древнескандинавскую) группу, которую называют также древнескандинавской. Современный норвежский язык, как устный, так и

письменный, существует в двух различных формах: одна называется «букмол», или «риксмол», другая – «лансмол», или «нюнорск». Лансмол был введен в обиход в XIX в. романтиками, считавшими, что Норвегии необходим свой собственный национальный язык. Эта потребность была удовлетворена благодаря норвежскому филологу И. Осену, который в 1953 г. создал язык лансмол – на базе норвежских диалектов, по преимуществу западных, с элементами древнескандинавского. Начиная приблизительно с 1890 г. датско-норвежский язык, употреблявшийся в прессе и в городской речи, стали называть «риксмол», и оба языка получили официальное признание. В 1929 г. риксмол был переименован в букмол, а лансмол – в нюнорск. В настоящее время имеется тенденция к объединению их в общенорвежский язык, называемый самнорск. Современные норвежские диалекты делятся на три группы: западную, восточную и северную; в последних двух употребляется преимущественно букмол, в первой – нюнорск [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

31. Панджаби (пенджаби) (панджабский, пенджабский язык) – язык, принадлежащий к индийской (индоарийской) подгруппе индоиранской группы индоевропейской семьи. Язык панджаби распространен в районе Пенджаб, в северо-западной части Индийского полуострова; количество говорящих в настоящее время – около 70 млн человек (около 50 млн человек в Пакистане и около 20 млн – в Индии). Этот язык является преобладающим как в пакистанской провинции Пенджаб, так и в индийском штате Пенджаб; он признается в качестве одного из официальных языков Конституцией Индии. В западной части региона преобладают диалекты лахнда (ленди). Изначально язык панджаби пользовался специальным письмом лахнда; в XVI в. возник новый тип письма – гурумукхи, первоначально предназначенный для культовых целей сикхов. Панджабская литература начинается творчеством суфийского поэта XIII в. Нейха Фарида Аттара. Дальнейшее развитие панджабской литературы полностью определялось писателями-сикхами, а язык панджаби идентифицировался с сикхской культурой. Среди современных авторов пишущие на панджаби: Бхай Вир Сингх, Пуран

Сингх, Амрита Притам и др. Современный литературный язык сложился в конце XIX в.; в его основе лежит диалект маджхи [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

32. Персидский язык (современный) (фарси), родной язык персов, официальный язык Исламской Республики Иран. Распространен по всей территории Ирана (население более 65 млн человек, примерно половина – персы). Персидский, как и близкородственные ему таджикский и дари Афганистана, относится к юго-западной группе иранских языков. Современный персидский язык сформировался за последние 70–80 лет на основе живой персидской диалектной речи и классического персидского языка (язык классической персидско-таджикской литературы IX–XV вв.), на базе которого развились три близкородственных языка – персидский, таджикский и дари Афганистана (расхождения начались с XVI–XVII вв.). Таким образом, огромное литературное наследие на классическом персидском (Рудаки, Фирдоуси, Омар Хайям, Саади, Хафиз, Руми, Джами и др.) является общим для народов Таджикистана, Ирана и Афганистана. Современный персидский язык отличается от классического персидского, причем на всех языковых уровнях – в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике. В основе устной формы литературного языка лежит тегеранский диалект [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

33. Польский язык – государственный и литературный язык Польской Республики. Число говорящих – около 43 млн человек, из которых 38 млн живут в Польше, 4 млн – в США, 430 тыс. – в Беларуси, 300 тыс. – в Литве, 250 тыс. – на Украине и 120 тыс. – в России. Польский принадлежит к западной группе славянских языков. Внутри западнославянской группы польский образует вместе со словинским, полабским и кашубским языками лехитскую подгруппу, имеющую тесные связи с лужицким (серболужицким) языком и противопоставленную чешскому [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

34. Португальский язык – разговорный и официальный язык Португалии (с принадлежащими ей Азорскими островами и островом Мадейра, всего около 10 млн человек) и Бразилии (свыше 120 млн человек), а также официальный язык бывших португальских колоний в Африке (Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау, Республика Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи; общая численность населения – около 20 млн человек). Существует также несколько креольских языков, возникших на основе португальского. Общее число говорящих на португальском языке – около 150 млн человек. Галисийский язык (по-испански *gallego*), на котором говорят около 3 млн человек, живущих на северо-западной оконечности Иберийского полуострова, представляет собой наиболее архаичный диалект португальского, а сама Галисия считается колыбелью португальского языка и литературы. Португальский – это романский язык иберо-романской подгруппы, близкородственный испанскому, но сохраняющий некоторые более архаичные черты [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

35. Прусский язык, один из балтийских языков, в настоящее время мертвый, входит в западно-балтийскую подгруппу, являясь единственным ее представителем, дошедшим до нас в форме письменных памятников. Иногда (прежде всего в немецкой и в английской традициях) прусский язык называют древнепрусским, чтобы отличить его от прусских говоров немецкого языка. Прусский язык был распространен в юго-восточной части Прибалтики – в так называемой Восточной Пруссии. По имеющимся свидетельствам, граница распространения прусского языка в момент его письменной фиксации проходила на западе по р. Висле, на востоке (согласно Р. Траутману) в районе немецких городов Лабиау (ныне Полесск) и Велау (ныне Знаменск); южная часть этой границы не очень ясна, границей на севере было Балтийское море. В I тысячелетии н. э. область распространения прусского языка, по-видимому, была обширнее. В течение XVII в. прусский язык окончательно вымирает. Имеются свидетельства того, что последний носитель прусского языка умер в 1677 г. [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

36. Румынский язык (называемый также дако-румынским), единственный из восточно-романских (балкано-романских) языков, обладающий всей полнотой функций, отличающих язык от диалекта: он обслуживает как бытовые, так и официальные сферы общения, является литературным национальным языком двух государств – Румынии (число говорящих – около 22,8 млн человек) и Молдовы (число говорящих – около 2,5 млн человек). На румынском языке создана богатая художественная и научная литература. Другие варианты романской речи на Балканах – арумынский (македоно-румынский), менглено-румынский, истро-румынский – рассматриваются или как диалекты проторумынского, или как этнические языки, обособившиеся от дако-румынского начиная с X в. Их носители, живущие издавна к югу от Дуная на территории Македонии, Греции, Албании, Болгарии и Югославии, используют свой романский диалект в кругу неофициального общения и в фольклоре [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

37. Русский язык (древнерусский; древненовгородский диалект). Общий предок (п्राязык) русского, украинского и белорусского языков, сформировавшийся в VI–VII вв. на основе восточно-славянских диалектов распадающегося праславянского языка. Древнерусский язык, или общевосточно-славянский, как язык восточных славян, обитавших на территории Древней (Киевской) Руси, существовал приблизительно до XIII–XIV вв., когда началось формирование самостоятельных восточно-славянских народностей и языков [Гуманитарный словарь. Электронный ресурс].

38. Русский язык (современный). Самый распространенный язык в России и бывшем Советском Союзе. Общая численность русских в мире – более 146 млн человек, из них около 120 млн проживают в Российской Федерации, в ближнем зарубежье (т.е. на территории бывшего СССР) – около 24 млн, в дальнем зарубежье (т.е. в странах Европы, США, Канаде, Израиле и других странах) – около 2,5 млн человек. Примерно половина всех русских Российской Федерации проживает в центре Европейской России, на северо-западе, в Волго-Вятском

районе и Поволжье. Русский язык расположен восточнее других славянских языков; вместе с украинским и белорусским языками он образует восточнославянскую подгруппу [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

39. Санскрит – классический и священный язык Индии, на котором до сих пор говорят в Индии ученые-пандиты и высшие классы; принадлежит к индийской группе индоевропейских языков. Надписи на санскрите появляются с III в. н. э., но имеется множество свидетельств тому, что он гораздо древнее: бра́хманы (комментарии к более древним ведическим текстам) датируются между 1000 и 800 гг. до н. э. Санскрит близок языку Ригведы, составленному между 1500 и 1200 гг. до н. э., но между ними имеются определенные отличия. По-видимому, санскрит является самым нормализованным языком в истории человечества, особенно благодаря гигантской работе Панини и других грамматистов; нередко утверждают, что санскрит никогда не был разговорным языком, однако это верно только с точки зрения старой лингвистической школы, которая называет «разговорными» исключительно языки простого народа. На санскрите говорили в прошлом и продолжают говорить сегодня ученые индусы, хотя это, конечно, «искусственный» язык в том смысле, в каком «искусственными» языками являются современные английский или итальянский [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

40. Сербский язык. Чаще всего отождествляемый с хорватским и потому называемый еще сербохорватским, вместе с болгарским и словинским языками принадлежит к юго-западной группе славянских наречий [Энциклопедия Брокгауз-Ефрон. Электронный ресурс].

41. Сирийский (классический). Классический сирийский язык – это литературный язык арамеев-христиан Сирии и Месопотамии в I тысячелетии н. э., ныне мертвый. Его разговорной основой был восточноарамейский диалект г. Эдессы, современный г. Шанлыурфа на юго-востоке Турции. Этот язык относится

к восточным арамейским языкам среднеарамейского периода [Лёзов, 2009, С. 563].

42. Сингальский язык. Язык сингалов, основного населения государства Шри-Ланка. Принадлежит к индоарийской группе индоевропейских языков [БСЭ, Электронный ресурс].

43. Словацкий язык, язык словаков – основного населения Словацкой Республики (входила в Венгерское Королевство, Австро-Венгрию, Чехословакию, ныне независимое государство, население 5 млн человек, почти 90 % из которых – этнические словаки), а также ряда территорий в Венгрии, Польше и на Украине (около 1,5 млн человек). Первые памятники относятся к XIV в. Язык был возрожден Людовитом Штуром в XIX в.; западнославянский язык, близкий к чешскому и в меньшей степени к польскому [БСЭ. Электронный ресурс].

44. Среднеперсидский язык, пехлеви – мертвый язык, относящийся к среднеиранской языковой эпохе (с III в. до н. э. по VIII–IX вв. н. э.), непосредственный потомок древнеперсидского языка и предок новоперсидского языка. Хронологическое положение между этими двумя языками обусловило его другое название – «среднеперсидский язык», в настоящее время более принятое, чем «пехлеви» (букв. обозначает «парфянский»), употреблявшееся и употребляемое парсами-зороастрийцами, а также в научной литературе конца XIX – начала XX вв. Сами носители свой язык называли «парсик» (т.е. «персидский»). Генетически пехлеви относится к юго-западной группе иранских языков. Он был распространен сначала на территории современной провинции Фарс (древняя Персида, южный Иран), а затем вышел за ее пределы и стал официальным языком всего государства Сасанидов (III–VII вв.). После завоевания Ирана арабами в VII в. пехлеви сохранялся в зороастрийских общинах в Иране и Индии. Пехлеви известен по многочисленным письменным памятникам, созданным на двух типах письма – пехлевийском и манихейском. Обе системы письма построены на различных разновидностях арамейской графики. Для пехлевийского письма характерно большое количество идеограмм, лигатур и

исторических написаний. Манихейская письменность основана на фонетическом принципе орфографии, что позволило более точно установить фонетический состав языка. Самые ранние рукописи на пехлеви датируются VI–VII вв. Древнейшими письменными памятниками считаются легенды на монетах правителей Парса, датируемых II в. до н. э. [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

45. Старославянский язык – язык древнейших славянских переводов с греческого, которые были сделаны Кириллом и Мефодием в середине IX в. С самого начала старославянский был языком книжно-литературным и никогда не использовался в качестве средства бытового общения. Под влиянием живой речи книжный язык видоизменялся, рядом со старыми написаниями появлялись новые, отражающие местные языковые особенности. В разных регионах складывались свои разновидности (изводы) литературного языка, который с момента возникновения этих региональных расхождений называется уже не старославянским, а церковнославянским. Принято говорить о болгарском, сербском, русском изводах церковнославянского (или древнецерковнославянского) языка [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

46. Талышский язык. Язык талышей. Распространен на юге Азербайджанской ССР и в сопредельном Иране. Относится к северо-западной группе иранских языков. Имеет несколько говоров, главный из которых — ленкоранский. Язык аналитического строя. Специфические фонетические черты: распространение редуцированного гласного «ъ», развита ассимиляция гласных. В морфологии наблюдаются флективные черты: формы косвенного падежа имен, ряд простых глагольных форм, например оптатив и аугментированная форма имперфекта. Своеобразна аналитическая форма презенса, образованная от инфинитива. Широко развита система послелогов, часто используемых в сочетании с предлогами. Переходные глаголы в ряде форм прошедшего времени

требуют эргативной конструкции предложения [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

47. Тохарские языки (тохарский А, или восточнотохарский, и тохарский В, или западнотохарский) – мертвые языки, образующие особую подгруппу внутри индоевропейской семьи языков. Письменные памятники на этих языках, найденные в оазисах Синьцзяна (Восточного Туркестана) на караванном пути, параллельном р. Тарим, датируются V–VIII вв. н. э. (более точной датировки для большинства из них не существует). Тексты на тохарском А найдены в Турфанском оазисе (Муртук, Сенгим, Туяк, Кочо) и пещерном монастырском комплексе Шорчук (около Карашара), тексты на тохарском В – также в области Кучи (в том числе в пещерах Мингёй-Кызыла). Тохарский А в V–VIII вв. н. э. был языком буддийской проповеди и буддийской драмы (последнее обеспечивало сохранение устной традиции) и в качестве бытового разговорного языка, видимо, не использовался. Тохарские тексты написаны особой разновидностью древнеиндийского письма – так называемым «наклонным брахми» – с добавлением ряда знаков и использованием некоторых специальных приемов для отражения особенностей тохарской фонетики. Тохарское наклонное брахми несомненно оказало значительное влияние на формирование древнетюркского брахми [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

48. Туройо. Язык туройо – бесписьменный новоарамейский язык, распространенный на территории нагорья Тур-Абдин на юго-востоке Турции. Согласно наиболее распространенному мнению, туройо относится к восточной ветви новоарамейских языков. В европейской научной традиции для записи текстов на языке туройо используются различные варианты фонетической и фонологической транскрипции. В XIX в. также применялось сирийское письмо. В Швеции была разработана новая система письма на латинской основе. Ввиду отсутствия письменной традиции туройо известен науке только в современной форме [Коган, Лёзов, 2009. С. 755].

49. **Угаритский язык** – принятое в европейской традиции условное название языка документов из города-государства Угарит. Внезапная гибель угаритской цивилизации приходится примерно на 1180–1170 гг. до н. э. На сегодняшний день представляется несомненной принадлежность угаритского языка к центральносемитской группе, в составе которой вместе с ханаанейскими и арамейскими языками, вероятно, составляет особую северо-западную группу, противопоставленную арабскому. Угаритские тексты записаны особым клинообразным алфавитом, состоящим из 30 знаков [Коган, 2009. С. 206].

50. **Украинский язык** – государственный язык Украины, являющийся родным для приблизительно 35 млн ее жителей (подавляющее большинство которых говорит и по-русски), а также для украинцев некоторых территорий России (Курская и Воронежская области, Дальний Восток), восточных областей Польши, Словакии, Молдавии и Румынии. Говорящие по-украински живут также в Канаде, США, Германии. Язык восточнославянский, близкородственный русскому и белорусскому, произошел от общего предка – древнерусского языка, который распался в XIV в. [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

51. **Урартский язык**. Принадлежит к хуррито-урартской группе языков, родственной восточнокавказским. Был распространен на территории государства Урарту (с запада на восток – от озера Ван до озера Урмия, с севера на юг – от Араратской долины до северного Ирака). Сохранилось около 600 надписей, выполненных новоассирийской клинописью, а также несколько десятков надписей (очень кратких), записанных оригинальной урартской иероглифической письменностью (еще не дешифрованной) и лувийскими иероглифами. Надписи первых царей (Сардури I) составлены на ассирийском языке, после царя Ишпуини (около 830 г. до н. э.) вплоть до разгрома Урарту при Сардури IV (около 600 г. до н. э.) писали только по-урартски. Основные характеристики урартского языка: агглютинативный язык эргативного строя, без префиксации, с развитой падежной системой (около 15 падежей); глагол имеет видо-временные формы (совершенную и несовершенную), два типа спряжения – транзитивно-эргативное

и интранзитивно-абсолютное. Лексически близок к хурритскому языку [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

52. **Урду** – один из индийских (индоарийских) языков, официальный язык Исламской Республики Пакистан (наряду с английским), один из основных литературных языков Индии. Генетически и структурно представляет собой разновидность хинди. В Индии урду – основной язык мусульманского религиозного меньшинства. Урду сформировался на основе говоров района Дели, известных под названием кхари боли. На их основе в XIII–XIV вв. возник народно-разговорный язык хиндустани, который стал языком межнационального общения [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

53. **Французский язык** – родной язык подавляющего большинства населения Франции и франкоязычных районов Бельгии и Швейцарии. На этих трех территориях проживает, соответственно, около 50 млн, 4 млн и 1 млн франкоязычного населения. В нескольких областях Франции – на Корсике, в Бретани, Эльзасе, французской Фландрии и в южной Франции – французский не является родным языком местного населения. Французский является родным языком примерно 6 млн канадцев в провинциях Квебек и Онтарио. На нем говорят во французских колониях в Вест-Индии и на Тихом океане и примерно 600 тыс. человек в Гаити, бывшей французской колонии (до начала XIX в.), где французский стал государственным языком. Французский остался в качестве государственного языка во многих бывших французских колониях, получивших независимость после Второй мировой войны: в Гвинее, Мавритании, Мали, Сенегале, Кот-д'Ивуаре, Буркина-Фасо, Нигере, Бенине, Того, Камеруне, Чаде, Центральноафриканской Республике, Габоне, Конго и на Мадагаскаре, а также в бывших бельгийских колониях – Заире, Руанде и Бурунди. Французский является одним из шести официальных языков Организации Объединенных Наций. Французский относится к романской группе языков, но занимает в ней особое место, потому что, по всей видимости, подвергся более сильному германскому

(франкскому) влиянию, чем остальные романские языки, на что указывает и само его название [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

54. Хиндустани – народно-разговорный язык, сформировавшийся в Средние века на основе диалекта кхари боли (район Дели, Агры, Мератха). Развился в качестве языка межнационального общения (*lingua franca*) всей Северной и частично Центральной и Южной Индии. Число говорящих на хиндустани свыше 200 млн человек (1975 г., оценка). В Южной Индии хиндустани принял особую форму под название язык дакхни, или южный хиндустани. В литературном употреблении не закрепился. Хиндустани лег в основу двух письменно-литературных языков: урду (ирано-арабизированная форма хиндустани) и хинди (санскритизированная форма хиндустани), или литературного хинди [БСЭ. Электронный ресурс].

55. Хеттский язык – один из языков хетто-лувийской (анатолийской) группы индоевропейской семьи, мертвый язык народа, населявшего во II тысячелетии до н. э. центральную и северную часть Анатолии. Историю хеттского языка можно разделить на три периода: древний (конец XVII – конец XVI вв. до н. э.), средний (начало XV – первая половина XIV вв.) и новый (до падения хеттской империи в начале XII в. до н. э.); в последнем часто выделяют так называемый позднехеттский период (с середины XIII в. до н. э.). Древнейшие следы хеттского языка – имена собственные и отдельные лексемы в каппадокийских табличках староассирийских колоний в Кюльтепе-Канесе, Богазкее-Хаттусасе, Алишаре, датируемые XIX – серединой XVIII вв. до н. э. Собственно хеттская клинопись была заимствована в северной Сирии (по-видимому, из района Алеппо) в середине XVII в. до н. э. и принадлежит к северо-западному периферийному изводу вавилонской клинописи [БСЭ. Электронный ресурс].

56. Хорватский язык. Официальный язык Хорватии (ранее считавшийся единым хорватскосербским или сербскохорватским языком). В отдельных районах говорят на итальянском, венгерском, чешском, словацком, немецком и

сербском языках. В письменном сербском языке используется кириллица. Относится к славянской группе индоевропейской семьи языков. Письменность на основе латинского алфавита. Около 6,2 млн говорящих [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

57. Хурритский язык. Язык хурритов. Засвидетельствован в текстах III–II тысячелетий до н. э. в нескольких вариантах письменности: иероглифической староаккадской (из Навара), вавилонской, собственно хурритской (аккадская система клинописи) и квазиалфавитной (консонантной) из Угарита. Самые обширные тексты: письмо царя Митанни Тушратты (500 строк) египетскому фараону Аменхотепу III, тексты из Мари, архивов Тель-Амарны, Богазкёя и Угарита. Сохранились также имена собственные, глоссы и заимствованные слова в шумерских текстах. Хурритский язык близкородствен урартскому языку как по грамматической структуре, так и в лексике (свыше 20 % общих слов); для более раннего периода допускают существование общего хуррито-урартского языка. Хурритский и урартский языки считают родственными нахско-дагестанским языкам. По структуре хурритский язык характеризуется богатой флексией, развитой системой падежей, в глаголе – наличием эргативных конструкций. Некоторые ученые называют хурритский язык митаннийским или субарейским [БСЭ. Электронный ресурс].

58. Церковнославянский язык. См.: *Старославянский язык.*

59. Чешский язык. Славянский язык, на котором говорят около 11 млн чехов, проживающих в Чешской Республике, и еще около 2 млн, живущих в других странах – в Центральной Европе (Австрии, Бельгии, Франции) и в США. Чешский язык относится к западославянской группе; он близкородствен словацкому языку и обнаруживает несколько существенных общих черт с южнославянскими языками (в частности, со словенским и сербохорватским) [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

60. Шведский язык – язык, на котором говорят около 9 млн человек в Швеции и на побережье Финляндии – в районах Эстерботтен (Вааса) и Нюланд (Уусимаа). На шведском языке говорят также на большинстве островов Балтийского моря, включая некоторые из островов у берегов Эстонии. Шведский является основным языком для примерно 300 тыс. жителей Финляндии и используется в качестве второго языка среди образованных финнов. Шведский язык принадлежит к скандинавской группе, куда входят также исландский, норвежский и датский [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

61. Шумерский язык – язык шумеров (вымер к концу III тысячелетия до н. э.). Родство шумерского языка с другими языками не установлено. По клинописным текстам известен с XXIX–XXVIII вв. по III–I вв. до н. э. Памятники шумерского языка разделяются на старошумерские (до XXV в. до н. э.), классические (XXIV–XXII вв. до н. э.), новошумерские (XXI в. до н. э.), позднешумерские (начало II тысячелетия до н. э., главным образом литературные, отчасти хозяйственные тексты) и послешумерские; последние составлялись, когда шумерский язык оставался уже только вторым книжным языком наряду с аккадским языком [БСЭ. Электронный ресурс].

62. Эламский язык – язык народа, населявшего древнее государство Элам, существовавшее в III–I вв. до н. э. на юге современного Ирана (провинция Хузистан), к востоку и юго-востоку от тогдашнего Вавилона. Название Элам – древнееврейского происхождения; по-гречески государство называлось Сузианой (по названию крупнейшего города Сузы, он же Шушун или Шушен), по-древнеперсидски – Худжа (отсюда нынешнее название провинции), а сами эламиты называли свою страну Хатамти. Некоторые археологические находки заставляют полагать, что эламский язык был распространен вплоть до нынешнего Пакистана. Несмотря на некоторые лексические сходства, эламский язык не является родственным частично современному ему и географически соседним шумерскому и хурритскому; он существенно отличается от этих языков по своей

структуре, а сходства носят несистематический характер и их естественнее объяснять заимствованиями [Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс].

63. Эфиопский язык (самоназвание – гыз, традиционно гёзз), мертвый культовый язык монофиситской церкви в Эфиопии. Относится к эфиопской подгруппе юго-западной группы семитских языков (есть и другая классификация). Развился из одного из южно-аравийских диалектов, занесенного на территорию Эфиопии переселенцами из Южной Аравии около V в. до н. э. С IV в. имеет слоговой алфавит на основе южно-аравийского консонантного письма. Был государственным языком Аксумской империи (IV–VII вв.) и позднейших эфиопских государств, но с XIII в. вытеснен амхарским языком. Из памятников аксумской эпохи известны лишь надписи на стелах. Переводы религиозных и некоторых светских книг с греческого и сирийского, сделанные в ту эпоху, сохранились лишь в более поздних (с XIII в.) редакциях. В качестве литературного эфиопский язык просуществовал до начала XX в. [БСЭ. Электронный ресурс].